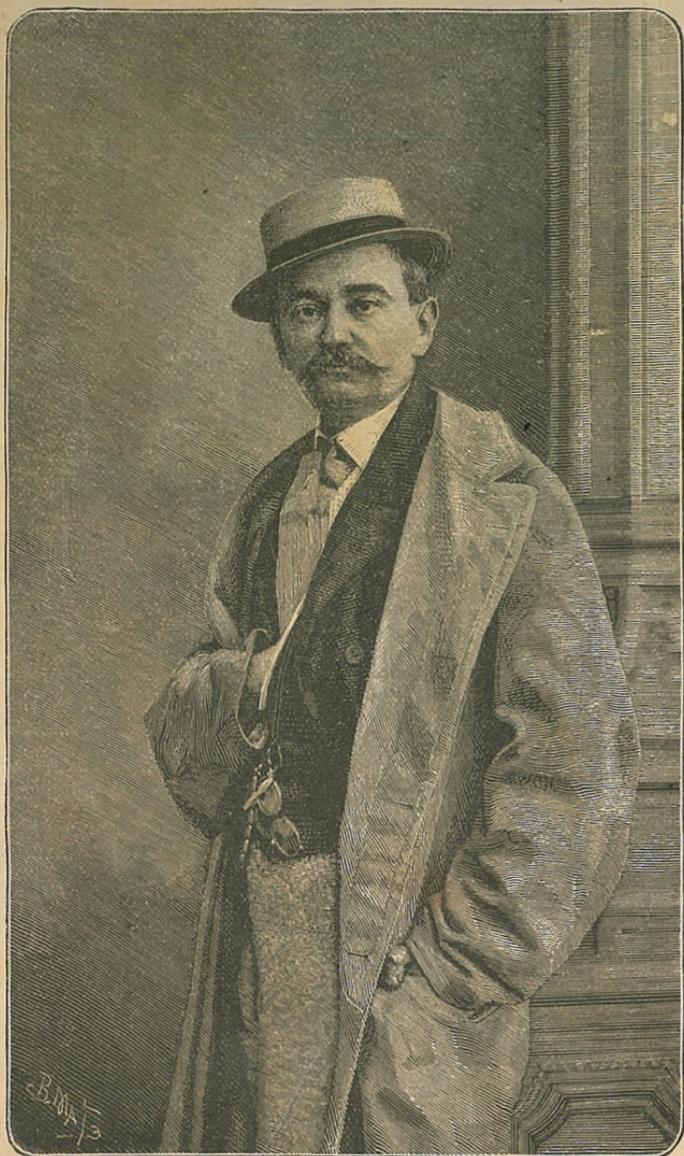

Исторический
вестник

1891 №1,

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧЪ ЩЕРБИНА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ ХІІІ

LIBRARY OF THE

BRITISH MUSEUM

AND

THE NATIONAL ANTHROPOLOGICAL ARCHIVES

1881

1881

Дневн. № 1891.

9/05/1890

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

42/61

Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

ЗВІР

ТОМЪ XLIII

Дневн.

1891

1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1891

Handwritten signature or name in blue ink at the top right.

ІСТОРИЧЕСЬКИЙ

ВІСТНИК

ІСТОРИКО-ЛІТЕРАТУРНИЙ ЖУРНАЛ

Видання історичне
в Києві 1881

ТОМЪ XII

1881

С. ПЕТЕРБУРГЪ

1881

ФАМИЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ.

(Посвящается Екатеринѣ Львовнѣ Яблочковой).

I.

ТОЯЛА глубокая осень. Снѣгъ нѣсколько разъ принимался падать, но морозовъ не было, и онъ таялъ, превращая землю въ глубокую, невылазную грязь.

Изъ села Воротыновки никуда не было пути, всѣ дороги, большія и проселочныя, размыло до такой степени, что колеса вязли въ грязи не только на плотинахъ, но также и въ каждой ложбинкѣ.

Лѣсомъ же, а лѣсами въ то время еще богата была Россія, совсѣмъ не было проѣзда; дальше опушки самый отважный мужикъ не осмѣливался проникнуть. Волки и лисицы набрались храбрости и каждую ночь производили набѣги на крестьянскіе хлѣва и курятники. Доставалось также и господскимъ службамъ, не взирая на крѣпкіе частоколы и высокіе заборы, утыканные острыми гвоздями. Сторожевые псы съ отчаяннымъ воемъ грызлись съ лѣсными грабителями; выходили на нихъ и мужики съ топорами и дреколіемъ, но тѣмъ не менѣе, множество погибло за это время телятъ, поросятъ и куръ, доставалось также и людямъ.

Въ дѣлахъ водворился полнѣйшій застой. Хлѣбъ былъ вымолоченъ, на фабрикахъ и въ ткацкихъ лежали вороха суконъ и холстовъ, готовыхъ къ отправкѣ, но покупщики не пріѣзжали за ними. Попъ, и тотъ дальше, какъ за околицу Воротыновки, выѣхать не могъ, и въ приходѣ, раскиданномъ въ хуторахъ и деревняхъ, на

разстояніи сотни верстъ слишкомъ, люди рождались и умирали безъ попа.

А погода продолжала стоять теплая, солнце усердно растапливало утренніе заморозки, и конца не предвидѣлось такому печальному положенію вещей.

Старики припоминали такихъ, какъ эта, только двѣ зимы, за все время ихъ почти столѣтняго существованія на землѣ: при царицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, а другой разъ при царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, послѣ Пугачева.

Тогда, вотъ такъ же какъ и теперь, всю зиму дули вѣтры теплые, въ рождественскомъ посту почки на деревьяхъ стали наливаться и новая травка изъ-подъ сухихъ листьевъ въ лѣсу показалась, хоть скотину изъ зимнихъ закутъ выгоняй въ поле, такъ въ ту же пору,—вотъ какія были зимы. Морозовъ и ждать перестали. Все тогда сгнило. Хлѣбъ проросъ въ закромахъ, овощи, сѣно, все пропало.

Множество народу и скота перемерло тогда отъ страшныхъ, невѣдомыхъ до той поры болѣзней.

Вотъ и теперь грозила та же бѣда. Но у обитателей Воротыновки, кромѣ этой заботы, висѣла надъ головой еще другая напасть, смущавшая имъ душу больше бездорожицы, больше грозившаго голода и болѣзней—барыня ихъ, Марѳа Григорьевна, помирала.

Гдѣ бы не встрѣтились жители села, на фабрикѣ, въ ткацкой или въ столярной, гдѣ съ ранняго утра и до поздней ночи кипѣла работа подъ наблюденіемъ довѣренныхъ людей и любимцевъ помѣщицы, всюду одинъ и тотъ же вопросъ срывался съ устъ—что барыня?

Эти два слова произносились вслухъ только на тѣхъ окраинахъ села, гдѣ нельзя было опасаться, что ихъ подслушаютъ и донесутъ, но чѣмъ ближе къ барской усадьбѣ, тѣмъ таинственнѣе понижались голоса. Въ самомъ же домѣ, даже въ нижнемъ этажѣ и въ такихъ отдаленныхъ отъ барыниной спальни уголкахъ, какъ сѣни съ чернаго хода, напиримѣрь, тутъ даже перешептываться опасались на этотъ счетъ, а только съ затаеннымъ страхомъ во взглядѣ встрѣчали и провожали глазами выбѣгавшихъ изъ барыниной половины приближенныхъ ея: Ѳедосью Ивановну, старую барышню Варвару Петровну, барышню Марѳиньку, буфетчика Игнатія Самсоныча и состарившагося въ домѣ сосѣда-помѣщика Митиньку.

За исключеніемъ Марѳиньки, которой шелъ пятнадцатый годъ, всѣ эти люди, составлявшіе въ теченіе болѣе, чѣмъ полувѣка, неизмѣнный штатъ Воротыновской помѣщицы, были очень стары, но старѣе всѣхъ была сама барыня. Говорили, что ей до старлѣтъ не далеко. Но такъ какъ больной ее никто никогда не помнилъ, и сама она, повидимому, никогда о смерти не вспоминала.

а съ неутомимою и по истинѣ изумительною бодростію думала только о земномъ и живомъ, всѣхъ какъ громомъ поразила перспектива увидѣть ее мертвой.

Можетъ быть близкіе къ ней и замѣчали за послѣднее время перемѣну въ Марѣѣ Григорьевнѣ; она стала вставать позже съ постели, меньше кушала и не такъ часто обходила свои владѣнія, а когда появлялась на фабрику, въ ткацкую или въ бѣлошвейную, меньше придиралась къ неисправностямъ, меньше взыскивала и наказывала; не могли также не замѣчать близкіе къ ней люди, что зрѣніе у нея слабѣетъ и что слышитъ она хуже и утомляется быстрѣе и засыпаетъ не въ урочное время въ глубокомъ вольтеровскомъ креслѣ, на возвышеніи, у окна, изъ котораго открывался видъ въ ту сторону парка, откуда издали можно было видѣть экипажи гостей, когда они вѣзжали въ аллею пирамидальныхъ тополей.

Красива была эта аллея. Насадилъ ее еще Марѣя Григорьевны отецъ, сподвижникъ Петра Великаго, навидавшійся всякихъ диковинъ за границей, куда посылалъ его царь досмотрѣть то, чего самъ не удосужился обзрѣть.

Тополямъ было болѣе ста лѣтъ, одинъ къ одному, ровные, точно по мѣркѣ выточенные, они тянулись на цѣлую версту и оканчивались у рѣчки, когда-то глубокой, но со временемъ измельчавшей до того, что только въ половодье ее нельзя было переѣзжать въ бродъ. За рѣчкой тянулся на далекое, необозримое пространство темный лѣсъ, въ которомъ водились не только волки, медвѣди и лисицы, но скрывались временами и такіе люди, съ которыми съ глазу на глазъ встрѣчаться было не безопасно.

Нынѣшнимъ лѣтомъ Марѣя Григорьевна только разъ ѣздила по грибы въ этотъ страшный лѣсъ, тогда какъ въ былое время это было одно изъ любимѣйшихъ ея удовольствій.

Да, приближенные не могли не замѣчать, что она уже съ самой весны хирѣетъ, но людямъ и въ голову не приходило даже между собой обмѣниваться замѣчаніями на этотъ счетъ. Всѣмъ было извѣстно, съ какимъ отвращеніемъ и недовѣріемъ относится она къ людскимъ немощамъ и болѣзнямъ.

— Хворають одни только дураки,—замѣчала она каждый разъ, когда при ней соболѣзновали о чьихъ бы то ни было недугахъ.

Зависящіе отъ нея люди, а такихъ было много, никогда не осмѣливались жаловаться ей на нездоровье и, какъ могли, скрывали свои немощи, чтобы не лишиться ея расположенія.

Не разъ случалось, что замѣтивъ, что просватанная дѣвушка похудѣла и поблѣднѣла или не такъ проворна и весела, какъ прежде, Марѣя Григорьевна объявляла, что свадьбѣ не бывать.

— Пусть въ дѣвкахъ сидитъ коль хвораю,—рѣшала она.

И приговоры эти были безапелляціонны. Съ характеромъ Марѣи

Григорьевны ждать милости, хотя бы въ самомъ отдаленномъ будущемъ, тому, кому она объявляла немилость, было немислимо.

Не только просить, но даже и напоминать ей объ опальныхъ считалось такою опасною дерзостью, что никто на это не могъ рѣшиться,—кромѣ Ѳедосьи Ивановны развѣ, но эта была еще взыскательнѣе, неумолимѣе и недоступнѣе самой барыни, на которую она иногда позволяла себѣ ворчать вслухъ и въ рѣзкихъ выраженіяхъ, когда эта послѣдняя поступала не такъ, какъ по мнѣнію Ѳедосьи Ивановны ей слѣдовало поступать.

Ѳедосью Ивановну даже и молодые господа боялись, столько же, если не больше, Марѣы Григорьевны.

II.

«Молодыми господами» называли въ Воротыновкѣ дѣтей Марѣы Григорьевны, сыновей ея, Григорія Васильевича и Андрея Васильевича и дочерей ея Елисавету Васильевну съ Екатериной Васильевной.

Наименованіе это плохо согласовалось съ ихъ возрастомъ; у каждаго изъ нихъ ужъ давно были внуки, но все они родились и выросли въ Воротыновкѣ: ихъ здѣсь знали дѣтьми и такими оставались они на всю жизнь въ памяти окружающихъ, тѣмъ болѣе, что, выростая, одинъ за другимъ покидали родное гнѣздо, чтобы больше въ него не возвращаться.

Сыновья женились въ Петербургѣ. Оба на богатыхъ невѣстахъ. Григорій Васильевичъ на фрейлинѣ и княжнѣ. Императрица была посаженой матерью. По увѣренію Ѳедосьи Ивановны свадьба стоила двадцать тысячъ рублей. Деньги эти, мѣдью и серебромъ, Самсонычъ возилъ въ Питеръ въ боченкахъ, съ конвоемъ изъ двухъ драгунъ, да канцеляриста. Конвой этотъ самъ губернаторъ (Воротыновская помѣщица дочку у него крестила) вызвался откомандировать въ распоряженіе своей кумы и пріятельницы.

Обозъ, сопровождаемый толпой дворовыхъ, былъ длинный-предлинный. Кромѣ вещей изъ гардероба покойнаго отца, бархатныхъ, питыхъ золотомъ камзоловъ, кафтановъ и кюлетовъ, множества пуховиковъ, серебряной и золотой утвари, ковровъ и полотна домашняго издѣлія, Марѣа Григорьевна отправила сыну нѣсколько семей дворовыхъ и четверомѣстную росписную карету, ту самую, въ которой ѣздила она съ мужемъ послѣ свадьбы ко двору царицы Елисаветы. Карета эта была такъ красиво росписана иностранными художниками, что всемъ бросалась въ глаза. Прослышавъ, что на нее обратила вниманіе такая личность, которой ни въ чемъ нельзя было отказать, Марѣа Григорьевна распорядилась отослать карету въ деревню, «чтобы завидующихъ глазъ не мозолила».

Карету эту она въ видѣ свадебнаго подарка препроводила невѣсткѣ своего старшаго и любимаго сына, Григорія.

Второй сынъ, Андрей, былъ нелюбимый, но и ему она выслала много вещей и людей изъ Воротыновки, когда онъ женился. Этотъ, по ея мнѣнію, сдѣлалъ мезальянсъ. Жена его была незнатнаго рода, но за то богата и, если судить по портрету, присланному свекрови, очень красива. Но ни богатство ея, ни почительность, ни красота, не склонили въ ея пользу сердца Марѣи Григорьевны. Сыну своему она писала, между прочимъ, по поводу его женитьбы:

«А ты, Андрюшка, какимъ былъ съизмальства дуракомъ и съ низкой душой, такимъ и остался; жену себѣ взялъ изъ подлаго, приказнаго сословія, польстившись на деньги, а того не обдумалъ, что такихъ, какъ ея родители, у насъ, при жизни твоего отца, частехонько на конюшнѣ розгами сѣкали. А впрочемъ, такъ какъ этого дѣла повернуть назадъ невозможно, посылаю тебѣ при семь денегъ десять тысячъ, три лисихъ отцовскихъ шубы (болѣе драгоценныя мѣха были отданы старшему сыну), собольихъ шапокъ двѣ, кафтановъ, кюлотовъ, серебряной утвари, камней драгоценныхъ ларецъ, живности разной, три десятка дворовыхъ дѣвокъ и парней, выученныхъ швейному мастерству, поварскому и кондитерскому и проч., и проч.»

Тоже цѣлый обозъ, какъ и старшему брату, но втрое меньше всего, и вдесятеро, по крайней мѣрѣ, хуже.

Отъ жены изъ «подлаго сословія» у Андрея Васильевича Воротынцева родился только одинъ сынъ, который въ свою очередь женился, долго огорчалъ родителей безпутствомъ и упрямствомъ и умеръ, не оставивъ потомства.

Обо всемъ этомъ Воротыновская помѣщица узнавала черезъ письма, которыми, всѣ безъ исключенія, члены многочисленной ея семьи почительнѣйше напоминали ей о себѣ непремѣнно два раза въ годъ—лѣтомъ, ко дню ея ангела, а зимой къ Новому году. О важныхъ перемѣнахъ и происшествіяхъ въ семьѣ, какъ напри- мѣръ, неожиданной царской милости, рожденіи ребенка, свадьбѣ, смерти, увѣдомлялось особо.

Письма, почти всегда сопровождаемыя подношеніями, гостинцами, доставлялись въ Воротыновку черезъ довѣренныхъ посланцевъ, которымъ поручалось, кромѣ того, передать на словахъ то, что довѣрять бумагѣ считалось почему-либо неудобнымъ, и появленіе такого посланца надолго оживляло монотонное существованіе обитателей Воротыновской усадьбы.

Посланцы эти привозили также и дворнѣ извѣстія отъ свояковъ и родичей, отправленныхъ изъ роднаго села на службу къ «молодымъ господамъ». Черезъ нихъ только и можно было узнать, кто живъ и кто умеръ, тамъ, далеко на чужбинѣ. Можно себѣ представить съ какимъ волненіемъ ожидалось ихъ появленіе въ

Воротыновкѣ, какъ ихъ угощали, съ какимъ животрепещущимъ интересомъ выслушивали ихъ росказни и какимъ множествомъ порученій, подарковъ и поклоновъ, снабжали ихъ на обратный путь!

Сама Марѳа Григорьевна на письма, получаемыя ею отъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ не отвѣчала, за нее отписывался Митинька. Грамотностью Воротыновская помѣщица не отличалась, разбирала она, да и то съ трудомъ, одну только церковную печать, а писать вовсе не умѣла. Только подпись свою невозможными каракулями выучилась она ставить тамъ, гдѣ было нужно, но за то диктовать была великая мастерица. Всѣ ея посланія дышали свойственной ей непоколебимой авторитетностью и отличались замѣчательною краткостью, силою и ясностью.

Ни мало не сумняшася, разсылала она свои наставленія, выговоры и угрозы, за тысячи верстъ, на толстой, синеватой бумагѣ съ золотымъ обрѣзомъ, часто такимъ личностямъ, которыхъ никогда въ глаза не видала и всегда попадала въ цѣль.

Послушавъ сужденія Марѳы Григорьевны про членовъ ея разбросанной по всей Россіи семьи, можно было подумать, что она за каждымъ изъ нихъ слѣдила съ дѣтства, тогда какъ многихъ она знала только по письмамъ, по наслышкѣ, по портретамъ. Но тѣмъ не менѣе, приговоры ея насчетъ ихъ ума, характера и способностей были такъ вѣрны, что оставалось только изумляться ея проницательности.

Достаточно ей было для этого самой ничтожной подробности, нечаянно оброненнаго третьимъ лицомъ слова, какого-нибудь выраженія въ письмѣ. Почерпала она также свои заключенія изъ воспоминаній о родителяхъ молодыхъ людей, вступавшихъ въ ея семью.

— Андрей-то, Лизаветинъ, на внучкѣ князя Бориса женился, — объявляла она своимъ приближеннымъ, послѣ того, какъ всѣ письма, полученныя изъ столицы, были прочтены и посланцы, доставившіе эти письма, допрошены. — Марьей невѣсту-то звать. Лу-поглазая, говорятъ, да русая. Въ бабушку значить и такой же, должно быть, душой окажется. Ну, да у Андрея на двухъ ума хватить, ему дура и нужна.

Или: — Катерина Софью свою за какого-то Балабанова про-сватала. Надо такъ полагать того самаго Балабанова внукъ, что при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ кабаки держалъ. Ужъ ка-кого потомства отъ такого гуся ждать! Непремѣнно мотомъ ока-жется. Надо Катеринѣ отписать, чтобъ попридержала Софьино приданое, по міру бы не пустилъ ее кабацкій внукъ.

III.

Сама Марѳа Григорьевна этого правила не выпускать изъ рукъ состоянія крѣпко держалась.

Дѣлилась она съ дѣтьми и внуками одними доходами съ своихъ имѣній и распредѣляла эти доходы далеко не поровну, однимъ жаловала больше, другимъ меньше, какъ ей Богъ на душу положить.

Объяснять ей о нуждахъ своихъ, нѣкоторые изъ членовъ семьи присылали довѣренныхъ лицъ, которые при этомъ удобномъ случаѣ жаловались и ябедничали на родственниковъ своихъ довѣрителей и, вообще, старались подорвать ихъ кредитъ въ глазахъ Марѳы Григорьевны на столько, на сколько хватало у нихъ наглости и ловкости. Но Марѳа Григорьевна довѣряла только самой себѣ, своему внутреннему убѣжденію, и часто выходило такъ, что чѣмъ больше чернили при ней человѣка, тѣмъ лучшаго она была о немъ мнѣнія.

Впрочемъ, лицепріятіе ея не должно было имѣть послѣдствій послѣ ея смерти. Всѣ знали, что духовная у нея уже давно написана и каждому изъ ея наслѣдниковъ было извѣстно, что именно онъ получитъ при раздѣлѣ.

Старшему сыну своему, Григорію Васильевичу, женатому на родовитой московкѣ, она оставляла Воротыновку съ прилегающими къ ней хуторами и деревнями, всего пять тысячъ душъ.

Второму сыну, Андрею Васильевичу, должны были достаться земли въ Вологодской губерніи, тысячь десять десятинъ лѣсу, да пріиски въ Сибири, доставшіеся Марѳѣ Григорьевнѣ за долгъ, и ровно ничего ей не приносившіе, такъ какъ эксплуатировать эти пріиски она гнушалась, считая это не дворянскимъ дѣломъ. Но Андрей Васильевичъ умеръ, не оставивъ потомства—жена его изъ подлаго сословія оказалась бесплодной и послѣ смерти мужа была вычеркнута Марѳой Григорьевной изъ списка родныхъ. Часть покойнаго цѣликомъ должна была перейти Григорію Васильевичу и его дѣтямъ.

И обѣ дочери Марѳы Григорьевны, Елисавета, баронесса Фреденбургъ, и Екатерина, по мужу Ратморцева, скончались не оставивши наслѣдства послѣ матери и права ихъ на это наслѣдство перешло ихъ дѣтямъ и внукамъ.

Участокъ Фреденбурговъ назывался Райскимъ гнѣздомъ, а Ратморцевыхъ—Морскимъ дномъ.

Но окрестные крестьяне живо сократили по своему эти напыщенные прозвища на «Гнѣздо» и «Морское».

При каждомъ изъ этихъ участковъ, состоявшемъ изъ села съ хуторами и съ населеніемъ въ тысячу душъ, находилась церковь

и господскій домъ съ садомъ, но такъ какъ никто въ этихъ домахъ не жилъ, то они стали приходить въ ветхость, а сады при нихъ дичать и глхнуть.

IV.

Впрочемъ, въ самомъ началѣ этого столѣтія, одинъ изъ флигелей въ усадьбѣ Гнѣзда понадобился Марѣѣ Григорьевнѣ и въ немъ произведена была значительная ремонтировка.

Случилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Ранней осенью, хлѣбъ еще не былъ убранъ съ поля и погода стояла совсѣмъ лѣтняя, пріѣхалъ въ Воротыновку въ крытой повозкѣ, запряженной тройкой сытыхъ лошадокъ, неизвѣстный старичокъ, по одеждѣ судя въ родѣ какъ купецъ или приказчикъ, и просилъ доложить барынѣ, что желаетъ передать ей въ собственные руки письмо.

Его провели въ длинную, проходную комнату, между кабинетомъ и буфетной, служившей пріемной для такого люда, котораго и къ господамъ нельзя причислить, да и съ холопами неудобно ровнять: купцы, наѣзжавшіе въ извѣстное время года въ Воротыновку за пшеницей, телятами, сукнами и прочими продуктами съ полей и фабрикъ Марѣы Григорьевны, поны изъ приходовъ въ подвластныхъ ей селлахъ, а также благодѣтельствуемые ею дворяне, обнищавшіе до того, что выслушивать ихъ клянченье въ тѣхъ самыхъ покояхъ, гдѣ принимались настоящіе гости, чванные и нарядные, считалось неприличнымъ.

Пріѣзжаго незнакомца ввели въ эту комнату и прежде, чѣмъ докладывать о немъ барынѣ, сказали о немъ старшему дворецкому Игнатію Самсонычу.

Но и ему тоже незнакомецъ не пожелалъ открыть ни имени своего, ни цѣли своего посѣщенія, и на все разспросы повторялъ все одно и то же:

— Доложите барынѣ Марѣѣ Григорьевнѣ, чтобъ сюда вышли, онѣ меня знаютъ.

Дѣлать нечего, постоялъ, постоялъ передъ таинственнымъ посѣтителемъ Игнатій Самсонычъ, пожевалъ губами, окидывая его пытливымъ взглядомъ съ ногъ до головы, и отправился исполнять порученіе.

Незнакомецъ сказалъ правду, барыня его знала и при первомъ взглядѣ на него измѣнилась въ лицѣ и глухо вскрикнула:

— Это ты, Алексѣичъ?!

Отъ изумленія она, какъ будто, немножко опѣшила и къ двери понятилась. Однако, скорехонько оправилась и повернула назадъ въ кабинетъ.

Незнакомецъ, съ низкими поклонами и повторяя: —я, матушка, Марѳа Григорьевна, я самый и есть, —послѣдовалъ за нею, и когда онъ переступилъ порогъ кабинета, дверь за ними заперлась.

О чемъ толковали они въ глубокой комнатѣ съ окнами въ садъ, уставленной мебелью прошлаго столѣтія, вывезенной покойнымъ супругомъ Марѳы Григорьевны изъ-за границы, неизвѣстно, но аудіенція длилась долго.

Такъ долго, что лошадки старика успѣли отдохнуть, пока онъ бесѣдовалъ съ Воротыновской помѣщицей, и онъ отправился въ обратный путь, не взирая на приближавшуюся ночь и на то, что въ лѣсу, черезъ который ему лежалъ путь, и днемъ безъ конвоя не всякій рѣшался ѣхать.

Барыня же, передъ тѣмъ, какъ лечь почивать, долго продержала у себя Федосью Ивановну, Игнатія Самсоныча и Митиньку.

V.

Этотъ послѣдній, не взирая на свое слабоуміе, — (онъ по всей окрестности слылъ блаженнымъ и многіе были убѣждены, что онъ можетъ пророчествовать) —былъ очень полезенъ Марѳѣ Григорьевнѣ по хозяйству, и въ полѣ, и на фабрикѣ, и въ домѣ.

Преданъ онъ ей былъ какъ собака и, не взирая на крайне добродушный и глуповатый видъ, отлично умѣлъ все подсмотрѣть, подслушать и донести.

Разсказывали, что смолоду Митинька былъ далеко не похожъ на то, что онъ былъ теперь, его помнили статнымъ, краснощекимъ, чернобровымъ красавцемъ. Но такимъ былъ онъ только до семнадцати лѣтъ, пока не обрушилась на него напасть, лишившая его въ одну ночь родителя, состоянія и изуродовавшая его нравственно и физически на всю жизнь.

Исторія эта была темная и разсказывали ее разное. Кто говорилъ, что шайка разбойниковъ подплыла ночью къ усадьбѣ Митинькинаго родителя на лодкахъ, все тамъ разграбила и людей перерѣзала, при чемъ одинъ изъ злодѣевъ такъ треснулъ Митиньку по головѣ, что раскроилъ ему черепъ до мозговъ.

Другіе же, таинственно понижая голосъ, увѣряли, что и самъ-то родитель Митиньки былъ разбойникъ, ходилъ на промыселъ, бралъ на храненіе добычу злодѣевъ, и будто изъ-за этой-то добычи и вышло у него съ ними смертельное побоище, въ которомъ онъ погибъ.

Разграбленная усадьба находилась въ десяти верстахъ отъ Воротыновки и съ покойнымъ владѣльцемъ ея Марѳою Григорьевною съ незапамятныхъ временъ водила дружбу.

Она была тогда еще не стара и легка на подъемъ; узнавъ про катастрофу, тотчасъ же поскакала на мѣсто происшествія и

принялась тамъ распорядиться по своему. Собрала народъ, учинила допросъ тѣмъ, кого можно было подозрѣвать въ сообщничествѣ съ разбойниками, и, перетолковавъ съ каждымъ отдѣльно и съ глазу на глазъ, рѣшила, что дѣло это до начальства доводить не слѣдуетъ.

Убитыхъ же она распорядилась похоронить и, уложивъ на подводу остатки имущества, чего злодѣи не успѣли захватить, увезла все это вмѣстѣ съ израненнымъ мальчикомъ въ Воротыновку.

Митиньку она лечила, по своему, разными мазями и настойками изъ травъ, съ помощью извѣстнѣйшихъ въ околоткѣ знахарей и знахарокъ, но такъ какъ проломъ головы былъ до мозговъ, всѣ рѣшили единогласно, что въ полный разумъ Митинькѣ никогда не придти.

— Оно можетъ и къ лучшему, Господь знаетъ, что дѣлаетъ, — говаривала она потомъ, когда при ней жалѣли о несчастной судьбѣ юноши.

А когда много лѣтъ спустя, тѣ злодѣи, что ограбили его, сдѣлали сиротой и изуродовали, были пойманы и передъ плахой во всемъ повинились, оно и дѣйствительно для Митиньки вышло къ лучшему, что на допросѣ учиненномъ ему приказными, нарочито для этого присланными изъ города, онъ ровно ничего, кромѣ нелѣпостей, не могъ отвѣтить. Его за скудоуміемъ оставили въ покоѣ и вопросъ объ участіи его въ дѣянiяхъ отца, такъ и остался навсегда открытымъ. Митинька оказался такъ глупъ и безпамятенъ, что приказнымъ ничего нельзя было отъ него добиться.

Но Марѳа Григорьевна обладала даромъ заставлятъ его помнить все, что она хотѣла, чтобъ онъ помнилъ, и понимать то, что она ему приказывала; въ нѣкоторыхъ случаяхъ она довѣряла ему больше, чѣмъ Федосьѣ Ивановнѣ и Игнатію Самсонычу.

VI.

Такъ было и въ томъ дѣлѣ, по которому пріѣзжалъ къ ней таинственный старикъ, котораго она называла Алексѣичемъ. Объяснивъ Федосьѣ Ивановнѣ и Игнатію Самсонычу, что въ Гнѣздо пріѣдетъ жить на неопредѣленное время одна личность и что надо привести въ порядокъ тотъ изъ флигелей при барской усадьбѣ, что находится подалеже отъ большой, проѣздной дороги и выходить окнами лицевой стороны въ садъ, она возложила надзоръ за тѣмъ, чтобы все было исполнено къ Покрову, на Митиньку.

Дѣятельно принялся онъ за возложенное на него порученіе, безпрестанно сновалъ взадъ и впередъ изъ Воротыновки въ Гнѣздо и изъ Гнѣзда въ Воротыновку, а кромѣ того добрую часть ночи проводилъ за писаніемъ писемъ, которыя диктовала ему барыня и которыя потомъ отправлялись съ вѣрнымъ человѣкомъ въ городъ, для отсылки эстафетой, куда слѣдовало. Наконецъ, за нѣ-

сколько дней до назначенаго срока, къ прїѣзду ожидаемой гостыи все было готово. Марѳа Григорьевна сама поѣхала въ Гнѣздо, чтобы лично убѣдиться исполнено ли все въ точности по ея указаніямъ и сама выбрала въ домѣ ту мебель, которую предназначала для флигеля. При ней эту мебель и разставили въ пяти низенькихъ горницахъ, съ бѣлыми полами, оштукатуренными стѣнами и маленькими, въ одно стекло, оконцами. И образа при ней развѣсили и печки затопили. Уѣхала она назадъ, когда ужъ все было приведено въ надлежащій порядокъ, а вернувшись въ Воротыновку, приказала отобрать нѣсколько ковровъ попроще, куска четыре сукна сѣраго, съ дюжину кусковъ полотна, да провизіи всякой изъ кладовыхъ, меду сотоваго, копченыхъ гусей, солонины, сушеныхъ грибовъ, яблоковъ.

Все это, вмѣстѣ съ боченками меда, пива и квасу, было нагружено на подводу и въ сопровожденіи двухъ женщинъ изъ дворовыхъ, Марьи и Ѳеклы, отправлено въ Гнѣздо. Марья должна была стряпать на прїѣзжую, а Ѳекла—стирать.

Прошло еще дней десять и оттуда прискакалъ гонецъ, съ извѣстіемъ, что барышня прїѣхала.

— Ну чтожъ, прїѣхала, такъ пусть и живетъ,—сухо замѣтила на это заявленіе Марѳа Григорьевна.

Оно застала ее за утреннимъ чаемъ, который, по обыкновенію, разливала Варвара Петровна. У двери въ коридорѣ стояла Ѳедосья Ивановна, докладъ былъ сдѣланъ черезъ нее. Изъ-за ея плечь въ благоговѣйномъ страхѣ выглядывалъ молодой малый съ всклокоченной головой и глупо выпученными глазами, весь еще красный и потный отъ усталости—проскакалъ онъ пятнадцать верстъ безъ передышки и ждалъ приказаній.

Но барыня молчала. Въ стеганой атласной душегрѣйкѣ и въ шлыкѣ изъ шелковой матеріи на головѣ, она сидѣла неподвижно выпрямившись на своемъ жесткомъ золоченомъ крестѣ съ высокой спинкой, украшенной затѣйливой рѣзбой, и стиснувъ губы, прищуренными глазами смотрѣла вдаль, черезъ столъ съ посудой и самоваромъ, за которымъ хлопотала Варвара Петровна, тогда еще не старая, краснощекая и черноволосая дѣвушка, съ живымъ, пронзительнымъ взглядомъ.

При появленіи гонца изъ Гнѣзда у нея такъ заискрились глаза отъ любопытства, что она поспѣшила пригнуться къ чашкѣ, которую перетирала, чтобы скрыть волненіе.

Встрепенулся и Митинька, кушавшій чай въ отдаленіи, на столикѣ у окошечка, и поднялся было съ мѣста, чтобъ бѣжать, куда прикажутъ, но убѣдившись, что барыня на него и не смотритъ, снова тихонько опустился на прежнее мѣсто и сталъ скромно допивать свой чай изъ большой глиняной кружки, исподлобья поглядывая вопросительно на Ѳедосью Ивановну.

Но Оедосья Ивановна хранила свое обычное, невозмутимое спокойствіе. Когда, наскучивъ жданьемъ, парень, переминавшійся съ ноги на ногу за ея спиной, рѣшился, наконецъ, спросить у нея шопоткомъ: доколь ему тутъ стоять? она сердито отмахнулась отъ него и еще строже сдвинула брови.

Оедосья Ивановна ужъ знала, когда можно говорить съ барыней и когда нѣтъ. Обождавъ еще минутъ пять, она почтительно освѣдомилась:

— Никакихъ приказаній отъ вашей милости не будетъ?

— Кому?—отрывисто выронила барыня, сдвигая брови.

— Да вотъ, тому парню изъ Гнѣзда?

— Пусть назадъ скорѣе ѣдетъ, нечего ему здѣсь слоняться.

И вскинувъ на Варвару Петровну и Митиньку строгій взглядъ, она прибавила:

— И чтобъ никакихъ толковъ про ту, что въ Гнѣздѣ, здѣсь не распложалось, вотъ вамъ мой приказъ. Узнаю что-нибудь, ты у меня въ отвѣтъ будешь,—обратилась она снова къ своей главной наперстницѣ.—Чтобъ ни туда отсюда, ни отсюда туда, никому ходу не было, слышишь?

Приказомъ этимъ самымъ яснымъ и точнымъ образомъ устанавливалось навсегда положеніе пріѣзжей во владѣніяхъ Марѣы Григорьевны и отношеніе къ ней этой послѣдней. Съ этихъ поръ иначе какъ «та изъ Гнѣзда», ее въ Воротыновкѣ не называли и тайнословно понижали голосъ, говоря про нее.

Оедосьѣ Ивановнѣ приказано было заботиться о томъ, чтобъ она ни въ чемъ не терпѣла нужды и, время отъ времени, барыня посылала ее или Митиньку, узнать «что тамъ она».

VII.

Незнакомка пріѣхала съ двумя женщинами, старой и молодой, которыя пребывали при ней безотлучно, и жизнь повела совсѣмъ уединенную, даже на крылечко не выходила подышать свѣжимъ воздухомъ, и холщевыхъ, развѣсившихъ домашнимъ живописцемъ, сторѣ, которыми были завѣшаны окна въ той дальней горницѣ, гдѣ она обыкновенно сидѣла, никогда не поднимала. Такъ она пряталась отъ людей, что даже присланные сюда изъ Воротыновки бабы, Марья съ Оеклой, никакъ не могли изловчиться, чтобъ въ личико ее посмотреть. Женщины, прислуживавшія ей, были неразговорчивы и точно чѣмъ-то напуганы; къ здѣшнимъ относились подозрительно и отъ нихъ одно только и можно было узнать, это то, что госпожа ихъ молода, всего только восемнадцатый годъ ей пошелъ и что зовутъ ее Софьей Дмитріевной. Но именемъ этимъ, почему-то опасались ее звать, а звали просто «барышней», даже промежъ себя.

Передъ Рождествомъ съ нею приключилась болѣзнь и она слегла въ постель.

Какъ прозналъ про то старичокъ, Алексѣичъ, неизвѣстно, но онъ тотчасъ же явился въ Воротыновку, чтобъ извѣстить о томъ Марѳу Григорьевну, а эта, ни мало не медля, приказала закладывать возокъ, уложить кое-что изъ бѣлья на нѣсколько дней и въ сопровожденіи одной только Ѳедосьи Ивановны, укатила въ Гнѣздо.

Старичокъ поѣхалъ за ними.

Вернулась барыня домой только черезъ недѣлю.

Кучеръ Степанъ, возившій ее въ Гнѣздо, рассказывалъ, что остановилась она въ домѣ, а во флигель пошла послѣ того, какъ отдохнула съ дороги и чаю накушалась. А ночью опять за барыней приѣхали изъ флигеля, а также за попомъ. И что тамъ они съ попомъ дѣлали, Степану неизвѣстно, а только чуть свѣтъ приказано ему было лошадей въ возокъ запрягать и отвезти того старичка съ Ѳедосьей Ивановной въ городъ. И пристали они тамъ не на постояломъ дворѣ, а въ хорошемъ домѣ, съ мезониномъ, на большомъ чистомъ дворѣ, съ конюшнями, сараями и съ помѣщеніемъ для цѣлой артели рабочихъ. Въ избѣ той его обѣдомъ накормили и та баба, что щи ему горячія на столъ поставила, сказала ему, что домъ тотъ принадлежитъ тому старичку, Никанору Алексѣичу. Богатѣющій онъ купецъ, хлѣбъ скупаеть и на своихъ судахъ по Волгѣ и внизъ и вверхъ гонить. Къ вечеру стали собираться ребята ужинать и, поужинавъ, легли въ той избѣ спать. И Степанъ съ ними. А Ѳедосья Ивановна, та въ купецкихъ хоромахъ ночевала. А утромъ, одѣвшись въ добрую одежду, куда-то отправилась и долго ходила по городу, такъ что ужъ темнѣть стало, какъ вернулась. И слышала Степанъ, какъ хозяйка уговаривала ее остаться ночевать, а она ей на это: «нельзя, говорить, барыня Марѳа Григорьевна наказывала скорѣе вернуться». И старичокъ ея руку держалъ: «поѣзжай, поѣзжай съ Богомъ, Ивановна, Господь милостивъ, къ полуночи будете у мѣста». А его, Степана, онъ отвелъ въ сторону и приказалъ, что есть силы гнать коней какъ мимо Сорочьяго Яра будутъ проѣзжать, потому только тутъ и опасно. Старичокъ допльи, всѣ мѣста ему тамъ знакомы.

По возвращеніи своемъ изъ Гнѣзда, Марѳа Григорьевна много дней сряду письма въ разные мѣста Митинкѣ диктовала, а потомъ письма эти въ городъ съ нарочнымъ отправила.

VIII.

Отъ болѣзни своей барышня такъ и не оправилась. То лучше ей дѣлалось, то хуже. Марѳа Григорьевна не навѣщала ее больше, но иногда посылала къ ней Ѳедосью Ивановну съ разными снабженіями. Прослышавъ про какое-нибудь средство, добудеть или

дома приготовить и пошлетъ «той въ Гнѣздѣ». Посылала она ей такимъ образомъ и водку на муравьяхъ настоенную, и отваръ изъ березовыхъ почекъ, и порошокъ изъ сушеныхъ таракановъ съ сахаромъ, и множество другихъ еще средствъ, но толку отъ нихъ было мало.

Прослышали въ Воротыновкѣ, что барышня въ Гнѣздѣ извѣлась совѣмъ и стала какъ-будто не въ своемъ умѣ. Вѣсть эту привезъ преданный старичокъ изъ города. И онъ же, съ мѣсяцъ спустя, явился доложить Марѣ Григорьевнѣ, что Софья Дмитріевна скончалась.

Похоронили ее у церкви въ Гнѣздѣ. Барыня ѣздила съ Федосей Ивановной на похороны. Отпросились на эту церемонію и многіе другіе изъ дворовыхъ. И тутъ только всѣмъ стало извѣстно, какая была изъ себя таинственная незнакомка. Увидали ее въ гробу—высокая, стройная, совѣмъ еще молоденькая. Промежъ блѣдныхъ губъ зубы какъ жемчугъ ровные да бѣлые, коса густая, русая, длинная, брови тонкія, дугой, красавица. На пальчикѣ правой ручки перстенецъ у нея былъ надѣтъ, золотой съ жемчужиной. Марѣ Григорьевнѣ приказала этотъ перстенецъ съ покойницы снять и взяла его себѣ. Всѣ ее одобряли за это—грѣшно хоронить покойниковъ въ такихъ украшеніяхъ, которыя приличествуютъ только живымъ. За мѣсто этого перстенька, она сняла у себя съ шеи образокъ и сама положила его на грудь мертвой.

Все имущество, что послѣ нея осталось, Марѣ Григорьевнѣ тому старичку Алексѣичу отдала и ему же поручила обѣихъ женщинъ, что съ покойницей съ ея стороны пріѣхали. Онъ ихъ съ собой, послѣ сорочинъ, въ городъ увезъ.

А Марья съ Феклой такъ и не вернулись никогда въ Воротыновку, барыня продала ихъ въ дальнюю губернію какимъ-то знакомымъ ей господамъ и прямо ихъ туда на подводѣ изъ Гнѣзда и отправили.

IX.

Случилось все это въ 1801 году...

Изъ дѣтей Марѣ Григорьевнѣ оставался тогда въ живыхъ одинъ только старшій ея сынъ, Григорій Васильевичъ. Ему тогда еще не было семидесяти лѣтъ, но онъ казался на видъ много дряхлѣе своей восьмидесятипятилѣтней матери. Его хватилъ параличъ и онъ безвыѣздно жилъ въ имѣніи, доставшемся ему въ приданое за женой, близъ Москвы. Имѣніе это называлось Яблочки и было великолѣпно устроено. Григорій Васильевичъ поселился въ немъ вскорѣ послѣ свадьбы и тратилъ на него всѣ свои доходы.

Въ имѣніи этомъ родились и выросли его дѣти, три дочери и сынъ Василій, а позднѣе воспитывался внукъ Александръ. Этому

послѣднему, доводившемуся Марѣ Григорьевнѣ — правнукомъ и должно было достаться родовое имѣніе Воротыновка.

Тетки его, дочери Григорія Васильевича, давно были пристроены и отдѣлены, сынъ же, несчастный Василій Григорьичъ, женился на малороссіянкѣ и былъ убитъ крестьянами своей жены, года полтора послѣ того, какъ она родила ему сына.

Василій Григорьичъ былъ нрава жестокаго и крутаго. Изъ подмосковной его родителей, когда онъ прїѣзжалъ туда помогать отцу хозяйничать, народъ бѣжалъ толпами куда ни попало: въ Сибирь на Донъ, за Уральскія горы, въ калмыцкія степи, всюду, куда въ то время спасались люди отъ господъ, когда не въ моготу было сносить ихъ тиранство. Прїѣхавъ съ молодой женой послѣ свадьбы въ ея вотчину, онъ вздумалъ заводить и тамъ такіе же порядки, какъ подъ Москвой, но хохлы перенести этого не смогли и зарѣзали его въ присутствіи жены. Двое хлопцовъ держали ее «легохонько за бѣлыя рѹченки» — пока другіе расправлялись съ ея супругомъ, чтобы не мѣшала и сама подъ ножъ не угодила.

Потрясенная этимъ зрѣлищемъ, молодая женщина помѣшалась въ умѣ, и поступила въ монастырь. Сына ея привезли къ дѣду Григорію Васильевичу, который, хотя ужъ и тогда плохо владѣлъ правой рукой, однако былъ еще настолько бодръ, что могъ заниматься воспитаніемъ внука, т. е. нанимать ему за большія деньги гувернеровъ и учителей въ Москвѣ.

На этомъ ребенкѣ, названномъ Александромъ, въ честь воспріемника его цесаревича Александра, (онъ родился до воцаренія Павла) и сосредоточивались теперь всѣ надежды его пробабки Марѣ Григорьевнѣ.

«Пуще всего о здоровьи Лексаши слѣдуетъ пещись, и чтобъ ему въ раннемъ возрастѣ въ бракъ вступить съ надежной дѣвицей, дабы родъ нашъ не прекратился», повторяла Марѣа Григорьевна сыну, въ каждомъ своемъ письмѣ.

Когда мальчикъ подросъ, она пожелала его видѣть, и передъ тѣмъ, какъ отправить Александра Васильевича въ Петербургъ на службу (военную разумѣется, всѣ дворяне тогда начинали свою карьеру съ военной службы), дѣдъ прислалъ его погостить въ Воротыновку.

Х.

Шестнадцатилѣтній представитель Воротынцевскаго рода явился къ прабабкѣ съ большой свитой, въ поѣздѣ, состоявшемъ изъ четверомѣстной кареты, на высокихъ рессорахъ, нѣсколькихъ крытыхъ бричекъ и пяти телѣгъ, навьюченныхъ вещами и людьми. При немъ былъ гувернеръ-французъ, изъ эмигрантовъ, маркизъ Фонтенъ-де-Соланжъ, дядька изъ крѣпостныхъ, старикъ по имени Потапычъ, камердинеръ, нѣсколько лакеевъ и мальчиковъ для мелкихъ услугъ.

Остальная его свита, повара и поваренки, кучера и фореиторы съ лошадьми и экипажами, буфетчикомъ, мажоръ-домомъ и проч. были отправлены съ длиннымъ обозомъ изъ подмосковной прямо въ Петербургъ, въ тотъ каменный домъ, окруженный дворомъ съ одной стороны и садомъ съ другой, который построилъ еще его прадѣдъ на мѣстѣ, подаренномъ ему императоромъ Петромъ I, на набережной рѣки Мойки, и который стоялъ съ заколоченными ставнями и запертými дверями съ тѣхъ поръ, какъ Марѳа Григорьевна переселилась въ деревню.

Для того, чтобы привести этотъ домъ въ порядокъ, все въ немъ перечинить, выкрасить и выбѣлить, времени требовалось не мало и молодой баринъ долженъ былъ прожить у прабабушки мѣсяца два.

Въ Воротынокѣ встрѣтили его съ почестями, подобающими послѣднему представителю рода и будущему властелину богатѣйшаго имѣнія въ губерніи.

Прабабушка, облекшись въ гродетуровое съ золотыми разводами платье и въ тюрбанъ съ перьями, стала спускаться по лѣстницѣ съ крутыми каменными ступенями, какъ только-что посланный на встрѣчу гостей верховой прискакалъ, сломя голову, возвѣстивъ, что поѣздъ уже вѣхалъ въ аллею.

Не успѣла Марѳа Григорьевна вступить на круглое крыльцо съ мраморными колоннами, какъ изъ кареты, запряженной восемью лошадьми, вѣхавшей во дворъ, выскочилъ ея правнукъ. Въ щегольскомъ костюмѣ тогдашней моды, въ напудренномъ парикѣ, вышитомъ бархатномъ кафтанѣ, со шпагой на боку, въ башмакахъ съ золотыми пряжками и шелковыхъ длинныхъ чулкахъ, шестнадцатилѣтній Воротынцевъ производилъ такое прелестное впечатлѣніе, что съ первой же минуты всѣмъ вскружилъ голову. Въ то время, какъ онъ цѣловалъ руки у прабабки и внятнымъ, звучнымъ голосомъ произносилъ заранѣе приготовленное, высокопарное привѣтствіе, его русскій дядька, съ менторомъ-французомъ, остановившись на почтительномъ разстояніи, въ умиленіи любовались этой интересной сценой.

Торжествовалъ особенно французъ. Безъ него, юношѣ вѣроятно не пришло бы въ голову переодѣться въ парадный костюмъ, въ деревушкѣ вереть за шесть отъ Воротыновки, но наставнику удалось составить себѣ вѣрное понятіе о Марѣ Григорьевнѣ изъ рассказовъ ея сына и другихъ знавшихъ ее людей, и онъ настоялъ на томъ, чтобы встрѣча ея съ правнукомъ произошла какъ можно торжественнѣе и пышнѣе.

При первомъ взглядѣ на группу, ожидавшую ихъ появленія на высокомъ крыльцѣ, маркизъ могъ удостовѣриться въ томъ, что онъ не ошибся въ своемъ предположеніи: гродетуровое платье съ золотымъ шитьемъ прабабки юнаго Воротынцева такъ и сверкало въ

лучахъ яркаго, полуденнаго солнца. И не она одна, а также окружавшія ее приживалки, приживальщики и старшіе слуги съ Ѳедосьей Ивановной во главѣ, облеклись по этому случаю въ костюмы, которые вынимались изъ сундуковъ только при такихъ торжественныхъ случаяхъ, какъ освященіе новаго храма, воздвигнутаго, вмѣсто пришедшей въ ветхость маленькой деревянной церкви, а еще раньше, для чествованія одного изъ любимцевъ императрицы Екатерины, когда, проѣздомъ съ юга въ Петербургъ, онъ вспомнилъ про свою бывшую пріятельницу Марю Григорьевну Воротынцеву, про услуги, оказанныя ему ею въ былое время, и соблаговолилъ сдѣлать крюкъ въ сторону верстъ въ двѣсти, чтобы навѣстить ее.

Это случилось лѣтъ тридцать тому назадъ.

И тогда, какъ и теперь, въ большомъ трехъэтажномъ домѣ, съ недѣлю времени, хлопоты и суета ни на минуту не прекращались. Вынимали изъ кладовыхъ и подваловъ серебро, упакованное въ кованые сундуки, фарфоръ и хрусталь, ковры персидскіе изъ запертыхъ шкафовъ и ящиковъ. Провѣтривали парадныя комнаты, въ которыя никто никогда не входилъ, выгоняли изъ темныхъ угловъ летучихъ мышей, свившихъ себѣ гнѣзда въ рѣзбѣ потолка и колоннъ, поддерживавшихъ хоры, сметали паутину, снимали чехлы съ золоченой, обитой краснымъ штофомъ мебели, вставляли разбитыя стекла въ окна. Полъ устлали коврами, въ люстры и канделябры вставляли восковыя свѣчи и разослали гонцевъ по всей губерніи за покупками и съ приглашеніями.

Маря Григорьевна рѣшила воспользоваться пріѣздомъ правнука и наслѣдника, чтобъ возобновить сношенія съ обществомъ, котораго она упорно чуждалась, съ незапамятныхъ временъ.

Всѣ явились на ея зовъ.

Въ длинной столовой не хватало мѣста, такое множество понаѣхало гостей ко дню пріѣзда Александра Васильевича; пришлось накрыть еще пять столовъ въ другихъ комнатахъ.

Всѣмъ представляла Маря Григорьевна своего красиваго правнука, прося любить его, да жаловать.

Счастливая и довольная, она улыбалась при этомъ нарумяненными губами и улыбка эта, весьма даже высококомѣрная, представляла курьезный контрастъ съ условной приниженностью произношенныхъ ею при этомъ словъ.

Правнукъ же, съ рѣдкой для его лѣтъ развязностью и дѣланной граціей юноши, обучавшагося съ ранняго возраста свѣтскимъ манерамъ и танцамъ, раскланивался передъ мужчинами, прикладывался къ ручкамъ дамъ, сыпалъ комплиментами направо и налево, беззащѣнно вшиваясь сверкающими отъ любопытства глазами въ свѣженькія личики провинціальныхъ красотокъ съ стыд-

ливо опущенными рѣсницами, и всѣхъ очаровалъ любезностью, на ходчивостью и остроуміемъ.

Вечеромъ былъ балъ. Танцовали подъ музыку оркестра, привезеннаго за двѣсти верстъ, изъ имѣнія предводителя.

ХІ.

Недѣли двѣ длились празднества въ Воротыновкѣ по случаю пріѣзда Александра Васильевича, танцы смѣнялись театральными представленіями, фейерверками, иллюминаціями, пикниками въ живописныя мѣстности за десять, за пятнадцать верстъ, и только тогда, когда всѣ разъѣхались, принялась Марѳа Григорьевна знакомиться поглубже съ своимъ наслѣдникомъ. И принялась за это дѣло серьезно. По цѣлымъ часамъ заставляла она его говорить про себя, про дѣда, про его отношенія къ родственникамъ съ отцовской и материнской стороны, про его планы насчетъ будущаго.

Но юноша былъ не изъ откровенныхъ, съ хитринкой, недо-вѣрчивъ и себѣ на умѣ.

— Не дуракъ,—самодовольно ухмылялась Марѳа Григорьевна, дѣлясь своими впечатлѣніями насчетъ правнука съ Ѳедосеѣй Ивановной и съ Митинькой.

— Да въ кого же имъ быть дуракомъ?—замѣчала на это Ѳедосея Ивановна.

— Ты этого не говори, у отца его всегда было больше злости, чѣмъ ума, а мать и вовсе помѣшанная, — возражала Марѳа Григорьевна.

А когда ей на это возражали, что супруга Василия Григорьевича обезумѣла отъ страха и ужаса, она презрительно усмѣхалась.

Марѳа Григорьевна по опыту знала, что не только можно быть свидѣтельницей, но даже участвовать въ большихъ ужасахъ, не теряя при этомъ ни присутствія духа, ни разсудка.

— Дай ему Господи по себѣ невѣсту найти,—съ умиленнымъ вздохомъ вставляла приживалка изъ бѣдныхъ дворянъ, Варвара Петровна.

— Чтобы здоровая была, да хорошаго роду, а за деньгами можетъ и не гнаться, своего добра дѣвать некуда,—замѣчала на это Марѳа Григорьевна.

И озабоченно сдвигая брови, она прибавляла:

— Бабникъ будетъ великій, вотъ въ чемъ бѣда. Не приключилось бы съ нимъ того же, что съ дѣдомъ его Григоріемъ Васильевичемъ.

Григорій Васильевичъ слылъ въ молодости большимъ ловеласомъ или селадомомъ, какъ тогда выражались, и Марѳа Григорьевна именно этому обстоятельству и приписывала преждевре-

менную дряхлость и параличь, приковывавшій его къ креслу съ шестидесяти лѣтъ.

— Уходили его мерзавки,—объясняла она не терпящимъ противорѣчія тономъ, каждый разъ, когда рѣчь заходила про болѣзненное состояніе ея сына.—А Алексаша весь въ дѣда, такая же въ немъ льстивость къ бабѣ, и онѣ тоже къ нему, какъ мухи къ меду льнуть, ужъ и теперь когда молоко у него еще на губахъ не обохло. За такимъ сахаромъ надо глаза да глаза, а тамъ, въ Петербургѣ, кто его укоротить?

XII.

Сколько не думала Марѳа Григорьевна, сколько не перебирала въ умѣ, ни на комъ остановиться не могла.

А между тѣмъ родня у Алексаши была пребольшущая, однихъ Фриденборговъ съ баронами, баронессами и баронятами штукъ до пятидесяти насчитать можно. Отъ Ратморцевой, Елисаветы Васильевны, тоже расплодилась семья не малая.

Были у него родные и съ материнской стороны. Все это жило домами и, по тогдашнему времени, пышно, весело, гостепріимно.

Наслѣдника Марѳы Григорьевны примуть съ распростертыми объятіями, стануть за нимъ всѣ ухаживать. Богатый вѣдь наслѣдникъ, завидный женихъ; не худо у него и деньжонками въ случаѣ надобности попользоваться, хотя бы такимъ, какъ Ратморцевы, извѣстные по всей Россіи кутилы и проказники. Фреденборги тѣ скупы, и рады радѣшеньки будутъ покутить на чужой счетъ. А дѣвокъ-то, дѣвокъ-то сколько заневѣстится въ этихъ семьяхъ къ тому времени, какъ Алексашѣ подойдетъ время жениться! Да тутъ такая пойдетъ травля, что держись только.

Да, въ льстецахъ и ласкателяхъ у молодого Воротынцева недостатка въ Петербургѣ не будетъ, а вотъ чтобы найти человѣка преданнаго, да съ вѣсомъ, который не поскучалъ бы иногда при случаѣ пожуричь молодца, правду въ глаза ему сказать, это дѣло другое, такого человѣка не скоро сыщешь.

— А Алексашу, чтобы прокъ изъ него вышелъ, надо въ ежовыхъ рукавицахъ держать.

Не взирая на пристрастіе къ правнуку, Марѳа Григорьевна не могла этого не сознавать. Отлично она его раскусила. Да и не его одного, а также и ментора его, изящнаго маркиза, послѣ того, какъ онъ у нея въ домѣ полтора мѣсяца прожилъ, она вдоль и поперекъ узнала.

— Ну гдѣ такому тонконогому вертопраху нашъ русскій дворянскій духъ понять, — разсуждала она съ своими приближенными.— Ему бы только все для виду, чтобы сверкало, блестяло, въ носъ било, да съ ногъ сшибало, а чтобы въ самое нутро чело-

вѣка вникнуть, да настоящее родовитое величіе молодому человѣку внушить, это не его ума дѣло. Да и что съ него взыщешь, когда онъ изъ такой націи, гдѣ все шиворотъ на выворотъ, супротивъ нашихъ російскихъ законовъ дѣлается. Надо такъ полагать, что тамъ, въ Петербургѣ, какъ поступить Лексапа на царскую службу, французиска этотъ ему ужъ и вовсе не будетъ нуженъ.

— Очень ужъ привязаны къ нему Александръ Васильевичъ, — робко замѣчала Варвара Петровна. Какъ старая дѣва, склонная къ романтизму, она съ первой же минуты воспылала платоническою страстью къ элегантному иностранцу и близко принимала къ сердцу все, что до него касалось. — А ужъ какъ прекрасно они промежь себя по-французски разговариваютъ! Безъ запиночки, ну вотъ, точно по-русски. И ужъ такъ деликатно, да благородно! Мы, намерясь, съ поповской Глашенькой слушали ихъ, слушали у двери въ боскетной, да и разревѣлись. Плачемъ обѣ, а сами не знаемъ о чемъ.

— Дуры, — сухо замѣтила на это Марѳа Григорьевна.

XIII.

Дружба правнука съ французомъ волновала ее совѣмъ въ иномъ направленіи. Съ свойственнымъ ей здравымъ смысломъ, она чужла въ этой дружбѣ сообщничество какое-то зловердное для послѣдняго отпрыска Воротынцевскаго рода. По-французски она не понимала, но бесѣды ихъ между собой часто сопровождались такими жестами и взглядами, особенно со стороны легкомысленнаго француза, что догадаться о смыслѣ ихъ было не трудно.

Алексапа былъ сдержаннѣе и только изподтишка окидывалъ жаднымъ взглядомъ пригожихъ дѣвченоекъ, на которыхъ обращалъ его вниманіе менторъ, этотъ же безъ зазрѣнія совѣсти, совѣмъ явно, гонялся за ними и съ такими сверкающими глазами, съ такимъ страстнымъ оживленіемъ шептался съ своимъ воспитанникомъ, что не догадаться о чемъ именно между ними идетъ рѣчь, могла только такая недалекая личность, какъ Варвара Петровна, а ужъ отнюдь не многоопытная, выросшая на придворныхъ интригахъ, Марѳа Григорьевна.

Стала эта послѣдняя недовѣрчиво относиться къ правнуку. Чѣмъ болѣе всматривалась она въ него, тѣмъ больше убѣждалась въ томъ, что и уменъ-то онъ, да и развратенъ не по лѣтамъ. Лгать—великій мастеръ, и такое въ мысляхъ у себя держать, до чего не вдругъ доберешься.

Бросила Марѳа Григорьевна съ нимъ по душѣ бесѣдовать и обратилась съ допросомъ къ Потапычу.

Этотъ ужъ не могъ не знать, что за человѣкъ будущій наслѣдникъ Воротыновки, какія онъ подаетъ надежды, какія опасенія

въ будущемъ, при какихъ условіяхъ онъ воспитывался, и какія правила ему внушали съ измальства; онъ почти со дня рожденія былъ при немъ безотлучно. Въ дядьки къ Алексахъ его еще покойный Василій Григорьичъ намѣтилъ.

Потапычъ былъ сухенькій, низенькій старичокъ, съ длиннымъ тонкимъ носомъ, гладко выбритымъ подбородкомъ, крупнымъ ртомъ съ крѣпкими, бѣлыми зубами и умными, пронзительными глазами, такими маленькими, что ихъ изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей почти совсѣмъ не было видно. Но онъ-то ими все видѣлъ отлично, а въ особенности то, что желали отъ него скрыть.

Долго крѣпился Потапычъ на допросѣ, но, наконецъ, не вытерпѣлъ и выложилъ старой барынѣ въ подробности все, что составляло до сихъ поръ отъ нея тайну, хранимую въ подмосковной такъ строго, что никто не смѣлъ ее нарушить.

Оказалось, что семидесятилѣтнимъ старцемъ Григоріемъ Васильевичемъ до сихъ поръ вертятъ бабы, что онъ иначе не выѣзжаетъ, какъ окруженный ими въ такомъ множествѣ, что народъ со всѣхъ сторонъ сбѣгается глазѣть на пестрый блестящій гаремъ, которымъ онъ безъ зазрѣнія совѣсти тѣшитъ на старости лѣтъ сатану на соблазнъ подлыхъ людюшекъ. Узнала Марѳа Григорьевна, что всѣмъ въ домѣ и въ имѣніи верховодитъ безконтрольно гуляющая женка изъ мѣщанокъ, Дарька, что Дарьку эту иначе, какъ Дарьей Тимоѣевной по всей округѣ не величаютъ, что она все, что можно было, ужъ прибрала къ рукамъ изъ движимости; доходы какіе съ вотчинъ получаютъ, всѣ до копѣечки къ ней поступаютъ и свербить она старика съ утра до вечера и съ вечера до утра, чтобы женился онъ на ней...

Тутъ Марѳа Григорьевна не выдержала и грозно вскричала, ударивъ что есть силы кулакомъ объ столъ.

— Что-о-о? Жениться? ты врешь, старикъ?!

Потапычъ повернулся къ образу и перекрестился большимъ крестомъ.

— Какъ на духу все до крошечки правду тебѣ докладываю, сударыня. Да и осмѣлюсь ли я твоей милости врать?

Правда, передъ Марѳой Григорьевной опасно было лукавить, были такіе, что кнутомъ и Сибирью платились за попытку ее обмануть.

— И Алексахъ это извѣстно?

Старикъ молча наклонилъ свою сѣдую голову.

— И что жъ это вы скрывать отъ меня такое безобразіе вздумали? Рѣшили, что я такъ и умру ничего не узнавши? Рано хоронить меня задумали, голубчики, поторопились!

— Я, матушка, имъ совѣтоваль, чтобы во всемъ вамъ открыться, — началъ оправдываться Потапычъ.

— Ой ли? — недовѣрчиво прищурилась на него старая барыня.

Отъ гнѣва, ея всегда блѣдныя щеки вспыхнули, большіе черныя глаза засверкали, рѣчь срывалась съ языка отрывисто и грудь высоко поднималась подъ неровнымъ дыханіемъ.

— У самого спроси, онъ скажетъ, — угрюмо отвѣчалъ старикъ.

— Спрошу. Все спрошу, во всемъ заставлю сознаться. Она, вѣрно, мерзавка, Дарька эта поганая, настрашала его? Заставила, можетъ, передъ образомъ поклясться, что я ничего не узнаю?

— Не знаю, матушка, не могу того сказать, чего не знаю. Таится отъ насъ, Александръ Васильевичъ. Да они и совѣмъ малымъ дитей горденьки съ нашимъ братомъ холопомъ были, а ужъ потомъ, какъ въ возрастъ вошли, да какъ мусью этого самого къ нимъ приставили...

— Французъ-то дружить вѣрно съ нею, съ мерзавкой-то? — перебила его старая барыня!

— Да ужъ такъ онъ къ ней подольстился, такъ подольстился, что всѣ диву даются. Даже и понять невозможно, какъ это французъ, басурманинъ изъ нѣмецкой заморской земли, до такой тонкости настоящую російскую бабу обвелъ, да еще изъ подлага сословія. Надо такъ полагать, что безъ колдовства тутъ не обошлось. Оно, конечно, кабы старый баринъ въ своемъ разумѣ были...

— Какъ же это она его въ Петербургъ-то отпустила, если онъ у нея въ полюбовникахъ состоялъ?

— Самъ захотѣлъ. Скучать зачалъ въ деревнѣ послѣднее время. Развлеченьевъ, говорить, у васъ въ подмосковной мало.

Марѳа Григорьевна вспылила.

— Развлеченьевъ! Ахъ, онъ паршивецъ!

— Въ прошломъ году тѣатеръ для него изъ Москвы выписывали, — продолжалъ между тѣмъ распространяться старикъ.

— Какой театр?

— Настоящій-съ, съ декорацией, съ музыкой, на флейтахъ, на скрипкахъ, на трубахъ, все какъ быть должно и съ барабанщикомъ. Всю эту братью въ Москвѣ наняли, отъ барина одного, Левонтьевымъ звать, сманили. Стала эта затѣя въ копѣечку. Онъ, Левонтьевъ-то баринъ, противъ насъ дѣло затѣялъ, полиція три раза изъ Москвы наѣзжала. Ну, музыкантовъ попрячуть, а подъячихъ задарятъ, и все опять на время шито да крыто. Такъ цѣльную зиму и хороводились. Выбрали изъ дворовыхъ дѣвокъ да парней посмазливѣе, актерокъ да актеровъ изъ нихъ понадѣлали...

— И вся эта сволочь у васъ въ домѣ?

Отъ гнѣва губы у Марѳы Григорьевны побѣлѣли и слова приносились съ трудомъ.

— Въ домѣ, матушка, въ домѣ. А барина-то во флигель перевели. Всѣ пожитки его туда снесли, кресло вольтеровское, которое вы ему изволили пожаловать и съ котораго они, таперича, по немощи

своей, почитай что и не встають никогда, только на ночь ихъ въ кровать укладываютъ...

— Такъ сынъ мой, Григорій Василичъ Воротынцевъ, во флигелѣ, а это сволочъ въ домѣ? И ты молчалъ, старикъ!—вскричала внѣ себя отъ гнѣва старая барыня.

Потапычъ зарыдалъ и повалился ей въ ноги.

— Да то ли у насъ еще дѣется, матушка барыня!—завопилъ онъ, стучаясь лбомъ объ полъ.

— Говори, все говори!—твердо произнесла Марѳа Григорьевна.

— Пристань воровскую содержимъ,—началъ всхлипывая старикъ.—Подбился къ поскудницѣ-то къ нашей, стракулисть одинъ изъ Москвы, братомъ ей двоюроднымъ доводится, родной тетки сынъ, мерзавецъ отъявленный, сколько разъ съ поличнымъ былъ пойманъ, да все изловчался, другихъ воришекъ кнудомъ бьютъ да по острогамъ сажаютъ, а онъ укроется у насъ въ Яблочкахъ, ну, и спасенъ. Душегубъ, кровь на немъ человѣческая, убивецъ. А ужъ грабитель! Вотъ передъ тѣмъ, какъ намъ сюда, къ твоей милости ѣхать, отъявился въ Яблочки, самъ верхомъ на ворованномъ конѣ, а за нимъ подвода, и все въ ней краденое, да награбленное... И все у господъ-то знакомыхъ... серебро съ гербами Голицынскими, Зубовскими...

— Ты самъ эту срамоту видѣлъ? — глухо вымолвила Марѳа Григорьевна.

— Самъ, матушка, самъ. Нечего грѣха таить, самъ вмѣстѣ съ другими и прятать помогаль, въ подвалъ, за бочки съ виномъ заморскимъ... вырыли тамъ яму глубокую, да все серебро туда и склади.

— Самъ пряталь! Не донесъ! Ахъ, ты!..

Старикъ, не поднимаясь съ колѣней, поднялъ къ ней свое блѣдное, взволнованное лицо.

— Да кому же доносить-то, сударыня? Вѣдь баринъ-то, Григорій Василичъ совсѣмъ у нея подъ властью, что хочетъ, то съ нимъ и дѣлаеть.

И снова опустивъ голову, онъ глухо прошепталъ:

— Бьетъ она ихъ даже, по щечкамъ хлещеть.

Наступило молчаніе. Марѳа Григорьевна была темнѣе тучи; на нее страшно было смотрѣть. Наконецъ, собравшись съ духомъ, она повторила уже разъ предложенный вопросъ:

— И это ты видѣлъ? Своими глазами видѣлъ?

— Видѣлъ, сударыня.

— И французъ про то знаетъ? — продолжала она его допрашивать.

— Не могу сказать, сударыня. Вертопрашный онъ, гдѣ ему во все вникать! Вотъ, пѣтъ да плясать, это его дѣло.

— Запляшетъ онъ у меня, дай срокъ! — прошипѣла про себя Марѳа Григорьевна.

И угрюмо спросила:

— Начали укладываться?

— Какъ же, матушка, еще позавчера поднялись въ путь собираться. Какъ услышалъ я отъ Игнатія Самсоныча, что выѣзжать намъ на этой недѣлѣ, такъ и стащили чемоданы да важи съ чердаковъ и зачали понемножечку укладываться.

— И скарбъ тоже уложили француза съ господскимъ?

— Который уложенъ, а который еще нѣтъ.

— Ну, такъ слушай: возьми ты Данилку выѣздного, смышленный онъ и зря болтать не любитъ, да выбравши часочекъ поудобнѣе, когда за вами подсмотрѣтъ некому, ступай съ нимъ въ тѣ сѣни, гдѣ чемоданы у васъ стоятъ, выберите изъ нихъ добро француза, все, до послѣдней ниточки, да снесите въ горницу на верхъ рядомъ съ библиотекой. И горницу ту запереть на ключъ и ключъ мнѣ принести, поняль?

— Поняль, сударыня, какъ не понять.

— Да смотри ты у меня, такъ орудуйте, чтобы никому не вдомекъ. На помощь я вамъ Федосью дамъ, для большей скрытности отъ бабъ. Она ужъ знаетъ, какъ имъ глаза отводить, не въ первый разъ. И вотъ что еще, къ какому дню наказаль ты кузнецу осмотрѣть экипажи, чтобы въ исправности были къ отъѣзду?

— Къ четвергу, сударыня.

— Къ послѣ завтраму значить. А теперь ты къ нему вотъ сейчасъ забѣги, да прикажи, чтобы онъ все къ завтраму изготавилъ. Пусть ночь на пролетъ не спитъ, работаетъ, а чтобы готово было, строго на-строго ему накажи. Барыня, скажи, сама осматривать завтра выйдеть.

— Слушаюсь.

— А выѣзжать вамъ не въ четвергъ утромъ, а въ среду ночью, передъ разсвѣтомъ. И смотри!—продолжала она, грозно возвышая голосъ и впиваясь пристальнымъ, властнымъ взглядомъ въ глаза трепетавшаго передъ нею въ благоговѣйномъ страхѣ, старика,—знаютъ объ этомъ только ты, да я, и если, Боже тебя упаси, хоть одна еще душа о томъ догадается, плохо тебѣ будетъ, старикъ, не посмотрю ни на вѣрную службу твою и мнѣ, и сыну, и внуку, и правнуку, ни на дряхлость твою, и такъ прикажу выдрать, что до Петербурга тебѣ и не доѣхать.

XIV.

Въ тотъ же день, за обѣдомъ, Марѳа Григорьевна, какъ всегда спокойная, величавая, и съ гостями своими привѣтливая, завела рѣчь о томъ, что хорошо было бы Алексашѣ прожить въ Воротыновкѣ еще съ недѣлку.

— Петербургъ отъ васъ не уйдетъ, а ко мнѣ молодой Лашкаревъ, сынокъ Захарія Иваныча Лашкарева, собирается приѣхать. Не было его здѣсь, какъ вы приѣхали, жениться въ Воронежъ ѣздилъ. Лашкаревы съ нами межа къ межѣ, ближніе сосѣди значить, съ ними непремѣнно надо въ добромъ согласіи жить, а то кляузъ не оберешься. Отъ покойнаго старика, я окромя уваженія къ себѣ никогда ничего не видывала; и сама ему, въ чемъ могла, всегда патрафляла. По всему видно и сыну желательно благоволеніе наше снискать. Этимъ брезговать не слѣдь, паче всего тебѣ Лексаша. Ты уважишь и тебя уважатъ и все будетъ у васъ похорошему, какъ подобаеть дворянамъ одной губерніи. Я имъ скажу, что ты собственно изъ уваженія къ нимъ, отъѣздомъ замѣшкался, очень это имъ лестно будетъ.

— Какъ вамъ угодно, бабушка,—съ обычною почтительностью отвѣтилъ молодой Воротынцевъ.

А менторъ его, произнесъ по этому случаю витіеватый комплиментъ на ломаномъ русскомъ языкѣ въ перемежку съ французскими словами, изъ котораго, впрочемъ, нельзя было не понять, что онъ благословляетъ судьбу за счастье пробыть еще нѣсколько лишнихъ дней въ обществѣ такой просвѣщенной и почтенной личности, какъ *madame Marthe Grigorievna*.

За это привѣтствіе и, какъ она сама выразилась, на радостяхъ, что отъѣздъ правнука отдаленъ на недѣлю, Марѳа Григорьевна вынесла наставнику Лексаши, вышитый бисеромъ кошелекъ, работы одной изъ своихъ приживалокъ, съ пятью золотыми.

— Жалую это тебѣ, мусью, на дорогу за то, что забавлялъ меня и Лексашу на добро наставлялъ,—объявила она съ надменнымъ кивкомъ, въ то время какъ обрадованный французъ, изогнувшись въ три погибели, прикасался губами къ протянутой ему рукѣ съ подаркомъ.

— А ты, Лексаша, получишь отъ меня сюрпризъ завтра,—обратилась она съ улыбкой къ его воспитаннику.

— *Vous avez pour aïeule un ange, monsieur Alexandre*,—восторженно воскликнулъ очарованный французъ.

XV.

Марѳа Григорьевна сказала сущую правду, обѣщая сюрпризъ своему правнуку. Ничѣмъ не пожелала она приготовить его къ тому, что предстояло ему узнать на слѣдующее утро, и вечеръ въ барскомъ домѣ Воротыновской усадьбы прошелъ такъ весело и оживленно, что остался бы на всю жизнь въ памяти его обитателей, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы на другой день не произошло то, чего никто ожидать не могъ.

Весь домъ, отъ мала до велика, возликовалъ, узнавъ объ отложенномъ отъѣздѣ дорогихъ гостей, но всѣхъ радостнѣе настроенъ былъ французъ. Веселилъ ему сердце и подарокъ, полученный отъ этой доброй Марѣы Григорьевны, которую ему съ мосье Alexandre, такъ отлично удалось провести, и надежда еще съ недѣлку поамуриться съ красивой бѣлошвейкой Стешей, съ которой у него были свиданія въ старой банѣ, и перспектива новаго знакомства съ недавно женившимся помѣщикомъ Лапкаревымъ, у котораго супруга была, навѣрное, прехорошенькая. Маркизь предвкушалъ ужъ наслажденіе пустить ей пылъ въ глаза французской граціей и образованіемъ и полакомиться настоящими заморскими винами за великолѣпнымъ обѣдомъ, въ честь гостей. Домашнія кушанья и пошла въ родѣ кваса, браги и меда, подаваемыя на столѣ Марѣы Григорьевны, когда никого не было изъ постороннихъ, начинали уже надоѣдать избалованному иностранцу.

Въ виду всѣхъ этихъ наслажденій, маркизь принялся тѣшить публику еще засвѣтло, послѣ полдника, декламировалъ, любезничалъ съ дѣвками — Варварой Петровной и попадейками, а когда зажгли свѣчи, онъ сѣлъ за клавикорды и запѣлъ русскія пѣсни, къ которымъ подобралъ музыку, уморительно коверкая слова.

Насмѣшивъ публику досыта, маркизь предложилъ своему воспитаннику спѣть съ нимъ дуэтъ. У молодого Воротынцева былъ прекрасный голосъ и, слушая его, многіе изъ присутствующихъ не выдержали и расплакались.

Потомъ маркизь объявилъ, что скоро начнется представленіе и подмигнувъ Марейнкѣ, семилѣтней воспитанницѣ Марѣы Григорьевны. Дѣвочка, вся красная отъ волненія, выбѣжала изъ залы.

Исчезъ и молодой Воротынцевъ. А минутъ десять спустя, когда французъ взялъ нѣсколько условленныхъ акордовъ на клавикордахъ, двери противъ того мѣста, гдѣ сидѣла Марѣа Григорьевна, растворились и оба они вошли перереяженные, да такъ, что въ первую минуту никто ихъ и не узналъ.

На Александрѣ былъ костюмъ пустытника, длинная, коричневая хламида съ капюшономъ и бѣлая борода изъ кудели до колѣнъ; подпоясанъ онъ былъ веревкой, а за веревку длинныя четки съ бѣлымъ перламутровымъ крестомъ зацѣплены. Ну, какъ есть настоящій пустыжникъ, и сандалии вмѣсто бапкамовъ на ногахъ.

А Марейнка была одѣта пастушкой, розовый атласный лифъ на бѣлой муслиновой коротенькой юбочкѣ, на головкѣ изъ желтой бумаги наколочка, въ родѣ какъ шляпка, съ цвѣткомъ, кудри напудрены, щечки подрумянены, и въ рукѣ корзинка съ цвѣтами.

Корзинку эту она поднесла бабушкѣ и при этомъ произнесла очень внятно и безъ запинки длинный комплиментъ, въ стихахъ и по-французски.

А послѣ нея подошелъ пустынный и тоже долго и складно говорилъ стихами и съ жестами.

Что именно онъ говорилъ, этого никто изъ присутствующихъ не понималъ, но тѣмъ не менѣе всѣмъ было умилительно слушать, тѣмъ болѣе, что маркизь все время аккомпанировалъ ему на клавинофорте и гдѣ нужно громче, а гдѣ нужно тише колотилъ по клавишамъ, съ большимъ увлеченіемъ, припѣвая при этомъ жидкимъ фальцетомъ и притопывая тонкими ножками въ розовыхъ, шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ серебряными пряжками.

Въ группѣ приживалокъ и старѣйшихъ слугъ, тѣснившихся за кресломъ барыни, то и дѣло вырывались крики восторга.

Да и сама старая барыня благосклонно улыбалась устроенному для нея сюрпризу.

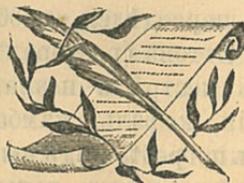
Тотъ, кто видѣлъ ее въ этотъ вечеръ, ни за чтѣ не повѣрилъ бы, еслибъ ему рассказали, про бурную сцену, происшедшую между ею и Потапычемъ, нѣсколько часовъ тому назадъ.

Изъ дверей прихожей и коридора, тоже глазѣлъ народъ на барскія забавы. Набѣжали сюда людишки отовсюду, и не одни дворовые, а также многіе изъ села и съ фабрики.

Всѣмъ барыня приказала поднести — мужикамъ по стакану водки, а бабамъ меду, чтобъ выпили за здоровье молодого барина, Александра Василича.

Н. Мердеръ (Северинъ).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Н. Ѡ. Щербина.

(Его письма и неизданныя стихотворенія).

СЕНЬЮ 1850 года, кончивъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ, я поѣхалъ въ Одессу и въ Крымъ. Было 6-е сентября. Близился вечеръ.

Послѣ долгаго, пыльнаго и душнаго пути на перекладныхъ, я завидѣлъ, наконецъ, съ обгорѣлой, возвышенной степи, Одессу и скоро спустился къ ней. Чистенькій, бѣлокаменный городъ,

среди садиковъ изъ акацій, надъ розово-фіолетовымъ морскимъ заливомъ, произвелъ на меня чарующее впечатлѣніе.

Покрытый съ головы до ногъ сѣрою пылью, я вѣхалъ въ ворота длинной, съ закрытыми зелеными жалюзі, гостиницы Мазараки, наскоро умылся, переодѣлся, пообедалъ въ Палероялѣ, у описаннаго Пушкинымъ Оттона (ресторанъ «Au petit gourmand»), гдѣ на картѣ кушаньева пестрѣли незнакомыя имена мѣстныхъ морскихъ рыбъ,—скумбрія, кефаль, камбала, баламутъ, калканы, бычки и проч.,—зашелъ въ погребъ, подъ вывѣской «Текущая рѣка», гдѣ выпилъ за шесть копѣекъ, какъ теперь помню, стаканъ превосходнаго, безпшлиннаго хіосскаго вина (Одесса тогда еще была porto-franco) и пустился пѣшкомъ осматривать городъ. Мнѣ тогда пошелъ двадцать второй годъ и я былъ способенъ, безъ усталости и съ наслажденіемъ, проходить огромныя пространства.

Улицы Одессы, сорокъ лѣтъ назадъ, мало походили на русскій городъ. Надъ магазинами вездѣ красовались итальянскія, греческія и французскія вывѣски. Молдаване, валахи, армяне, греки и татары, въ живописныхъ національныхъ одеждахъ, торговали въ

палаткахъ, на площадяхъ и перекресткахъ улицъ. Мелькали фески турецкихъ матросовъ; какой-то алжирецъ, въ бѣлой чалмѣ, носилъ и продавалъ ручную, ученую обезьяну. Тысячи воевъ, телѣгъ и нѣмецкихъ гарбъ, тянулись отъ взморья къ громаднымъ каменнымъ, пшеничнымъ амбарамъ и обратно. На площадяхъ, передъ амбарами, высыпали, лопатили, вѣяли и снова насыпали пшеницу. Вездѣ слышался иноплеменный говоръ. Извозчики, на оклики иностранцевъ, отвѣчали, подавая дрожки: «си, синьоръ!» — «прѣсто» и «тутсюить». Нарядныя, съ восточными лицами, красавицы, подъ широчайшими бѣлыми, съ бахромой, зонтиками, проносились по улицамъ на рыскахъ, въ богатыхъ коляскахъ и ландо. Гдѣ-то подкрѣпившись, за три копѣйки, рюмкой малаги, съ бисквитомъ, конецъ вечера я провелъ въ театрѣ.

Давали оперу «Соннамбула», съ знаменитой пѣвицей Брамбилла и съ нѣкимъ замѣчательно-нѣжнымъ и сладко-пѣвучимъ теноромъ. Мастерски спѣвшіеся, оживленные и подвижные хоры, красивый дирижеръ, — худой и блѣдный еврей Буффѣ, съ длинными черными волосами, живописно падавшими на его большіе, отложные воротнички, необычайно шумный, съ перекликаньями черезъ сосѣдей, говоръ публики въ антрактахъ и масса хорошенькихъ женщинъ, въ ярко-освѣщенныхъ ложахъ, отдѣланныхъ бронзой и инкрустаціей изъ зеркалъ, — все это на скромнаго путника, прибывшаго съ сѣвера, производило сильный эффектъ.

Въ антрактѣ, послѣ одного изъ дѣйствій, со мной заговорилъ сосѣдъ по креслу партера. Не помню, съ чего онъ началъ, — кажется, съ оперы, — въ родѣ того: «ну, какова опера и исполненіе? а за то слушатели?» Это былъ ниже средняго роста человекъ, смуглый, съ большими, черными, выразительными глазами и въ черныхъ, длинныхъ, тщательно-причесанныхъ кудряхъ. Ему было лѣтъ подъ тридцать, онъ нѣсколько заикался. На его шеѣ, на снуркѣ, висѣла золотая лорнетка. Зло подсмѣиваясь надъ одесскою публикой, которая вся, по его словамъ, въ глубинѣ души, была меркантильно-невѣжественна и, не имѣя понятія объ искусствѣ, ѣздила въ театръ только изъ моды, — онъ указалъ на одну изъ ложъ, въ бель-этажѣ.

— Вонъ сидитъ старый Крезъ, — сказалъ онъ, — какъ важенъ и съ какимъ достоинствомъ аплодируетъ! — а въ молодости былъ морскимъ разбойникомъ, звался капитаномъ Барбюни и разбогатѣлъ на контрабандѣ... Теперь называется иначе... И что значать деньги! всѣ знаютъ его прошлое и никто его не трогаетъ.

Мы заговорили о Петербургѣ. Узнавъ, что я недавно былъ въ Москвѣ, сосѣдъ сказалъ мнѣ, что особенно любить этотъ городъ, и спросилъ меня, кого я тамъ видѣлъ. Я назвалъ нѣсколько именъ и, между прочимъ, Загоскина.

— Автора «Юрія Милославскаго»? — спросилъ оживленно сосѣдъ.

- Да.
- И вы знакомы съ нимъ?
- Давно, со школьной скамьи,—хаживаль къ нему по праздникамъ.
- Что же онъ? пишетъ что-нибудь новое?
- Комедію въ стихахъ,—«Женатый женихъ».
- Въ стихахъ?—улыбнулся сосѣдъ,—и онъ вамъ ее читаль?
- Познакомилъ изъ отрывковъ.
- Ну, и что же, хорошо?
- Мнѣ понравилось.
- Каковъ онъ, скажите? какъ вы его нашли, когда заѣхали, что именно онъ въ то время дѣлаль? очень старъ?
- Бодрый, какъ всегда, толстенькій, круглолицый, румяный и голубоглазый. А что онъ дѣлаль,—когда я вошелъ,—разматриваль на столѣ, въ витринѣ, любопытную коллекцію лукутинскихъ табакерокъ съ картинками; взялъ бильбокѣ и, ловя его шарикъ, разговорился о риемахъ.
- Въ какомъ родѣ?
- Онъ сказалъ,—есть русскія слова, на которыя вовсе нѣтъ риомъ.
- Что за пустяки! Любопытно, однако, знать, какія это слова?—заикаясь и какъ бы сердясь, проговорилъ сосѣдъ.
- Между прочимъ, онъ назвалъ «зеркало»—«жалоба»—«память» и еще, не помню, что.
- Сосѣдъ нервно двинулся, хотѣлъ отвѣчать, но въ это время оркестръ кончилъ играть, взвился занавѣсъ, въ публикѣ послышалось шиканье говорунамъ, и онъ затихъ. Все дѣйствіе онъ сидѣлъ спокойно, лорнируя ложи, принужденно зѣвая и почти не глядя на сцену. Едва, послѣ новаго дѣйствія оперы, опять опустился занавѣсъ, онъ быстро обратился ко мнѣ.
- Риема на зе... зе... «зеркало» есть!—сильно заикаясь и сердито пуча глаза, громко проговорилъ онъ,—какъ не быть! мудрости тутъ нѣтъ никакой... «зеркало»—«исковеркало»... И на «жалоба» есть, въ другомъ хотя падежѣ—«жалобъ»—«узнало бѣ»—или «жалобы»—«жало бы».
- А память?—спросилъ я.
- На это, положимъ, труднѣе, хотя тоже вздоръ, и, безъ сомнѣнія, есть, если подумать.
- Сосѣдъ замолкъ. На нашъ разговоръ, изъ слѣдующаго ряда кресель къ намъ обернулся высокій, съ темнорусыми волосами, господинъ, сидѣвшій прямо противъ насъ.
- На «память», разумѣется, также есть риомы,—сказаль онъ,—одна не вполне созвучная—«заметъ», другая нецензурная—«попа—мать»...
- И третья не бла-бла-говонная! «клопа—мать!» еще сильнѣе

заикаясь, точно выстрѣлили первый мой сосѣдъ: вотъ и открытія! передайте ихъ Загоскину...

Музыка снова прервала нашъ разговоръ. Опера кончилась бурными оваціями Брамбиллѣ. Съ улицы слышались виваты и крики «ура». Пѣвицѣ не дали ѣхать. Ея поклонники отпрягли лошадей и, осыпая артистку цвѣтами, потащили ее въ коляскѣ на рукахъ. Свѣтила яркая луна. Публика, расходясь, наполняла оживленными группами бульваръ.

Прощаясь съ сосѣдями по театру, я сказалъ тому изъ нихъ, который заикался:

— Если Загоскинъ спроситъ, отъ кого я слышалъ риѣмы, какъ мнѣ васъ назвать?

— Щербина.

— Авторъ греческихъ стихотвореній?

— Онъ самый...

— А ваше, извините, имя?—обратился я къ другому.

— Полонскій.

— Авторъ «Гаммъ»?

— Къ вашимъ услугамъ.

Такъ случайно, въ одинъ день и часъ, произошло мое знакомство съ двумя высокодаровитыми поэтами, произведеніями которыхъ, уже въ то время, зачитывалась вся образованная Россія. Оставшись еще нѣсколько дней въ Одессѣ, я уѣхалъ на пароходѣ «Тамань» въ Крымъ, одновременно съ Я. П. Полонскимъ, который возвращался на Кавказъ, гдѣ онъ въ то время редактировалъ «Закавказскій Вѣстникъ». На пути мы вынесли сильный шквалъ; половину путешественниковъ укачало.

Въ Ялтѣ, Я. П. Полонскій, остановившись со мной въ одной гостинницѣ, прочелъ мнѣ и вписалъ карандашомъ въ мою памятную книжку новое свое стихотвореніе «Качка въ бурю», очевидно написанное имъ подъ впечатлѣніемъ перенесеннаго нами шквала, обозначивъ подъ нимъ: «Пароходъ «Тамань». Сентябрь 1850 г.»

Знакомство мое съ Щербиной вскорѣ, съ его переѣздомъ въ Москву и потомъ въ Петербургъ, перешло въ дружескія, близкія отношенія, которыя не прерывались до дня его кончины.

Въ бытность студентомъ Харьковскаго университета, Щербина жилъ въ крайней бѣдности, изъ заработка грошей писалъ проекты проповѣдей семинаристамъ, искавшимъ мѣста священниковъ, и спалъ подъ такимъ изорваннымъ одѣяломъ, что его ноги просовывались въ прорѣхи. Слуга одного изъ моихъ знакомыхъ, А. Ѳ. Т., жившаго въ то время въ Харьковѣ, видя Щербину, приходившаго къ его господину, въ невѣроятномъ тепломъ костюмѣ, обернутаго шарфами, докладывалъ о немъ: «Щербина пришла», очевидно принимая его за женщину.

Мало оцѣненный критикой при жизни, частью, вѣроятно, вслѣдствіе черезчуръ злыхъ и подчасъ слишкомъ отзывавшихся личнымъ раздраженіемъ, стихотворныхъ и прозаическихъ его сатиръ и памфлетовъ на современныхъ дѣятелей, — Щербина и послѣ своей смерти не дождался еще вполне вѣрной и безпристрастной оцѣнки своей поэтической дѣятельности. Въ родной литературѣ, какъ поэтъ антологическихъ стихотвореній, онъ несомнѣнно будетъ поставленъ рядомъ съ лучшими изъ своихъ современниковъ, съ Майковымъ, Фетомъ, Полонскимъ и Меемъ. Въ области сатиры онъ далъ также замѣчательные образцы, не потерявшіе своей соли и до нынѣ, черезъ двадцать лѣтъ послѣ его смерти.

Наслѣдникамъ Н. О. Щербины, его брату и сестрѣ, давно слѣдовало бы издать болѣе полное и провѣренное собраніе его произведеній, предпославъ ему обстоятельное его жизнеописаніе. Съ цѣлью содѣйствовать тому и другому, привожу здѣсь, съ примѣчаніями, нѣкоторыя изъ сохранившихся въ моемъ литературномъ архивѣ его писемъ ко мнѣ и писемъ о немъ другихъ писателей, отрывки изъ неизданныхъ его стихотвореній и описаніе его кончины.

Щербина вѣрно опредѣлилъ свою жизнь слѣдующими стихами:

«Я въ жизни боролся не съ бурей великой,
 «Не съ мощнымъ, разумнымъ врагомъ,
 «Но съ мелочью горя, но съ глупостью дикой,
 «Въ упорствѣ ея мелочномъ».

Н. О. Щербина родился 2-го декабря 1821 г.; умеръ на 48 году, 10-го апрѣля, въ 1869 году, въ 10 съ половиною часовъ вечера. По моей просьбѣ, онъ написалъ мнѣ за три дня до своей смерти (7-го апрѣля, 1869 года), слѣдующія свѣдѣнія о своей жизни:

«Записка о Николаѣ Щербинѣ.—Онъ происходитъ съ отцовской стороны изъ дворянъ Харьковской губерніи, а съ материнской изъ дворянъ Войска Донскаго. Родился въ концѣ 1821 года, въ степномъ помѣстьѣ матери своей, въ землѣ Войска Донскаго, находившемся близъ города Таганрога.

«Съ 8-ми лѣтняго возраста началъ постоянно жить съ родителями въ Таганрогѣ и обучался въ тамошнемъ училищѣ и гимназій. Будучи еще гимназистомъ, онъ напечаталъ первое свое стихотвореніе въ журналѣ: «Сынъ Отечества» 1838 года, № 10.

«Въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ поѣхалъ учиться частнымъ образомъ въ Москву, а оттолъ въ Харьковъ, гдѣ чрезъ извѣстное время и поступилъ въ университетъ. По тяжелымъ житейскимъ обстоятельствамъ, въ которыя впали его родители, онъ вынужденъ былъ выдержать экзаменъ на учителя и преподавать въ де-

ревняхъ у помѣщиковъ. По временамъ возвращался въ Харьковъ и занимался преподаваніемъ въ женскихъ пансіонахъ.

«Въ это время онъ печаталъ свои стихотворенія въ мѣстныхъ литературныхъ сборникахъ и въ нѣкоторыхъ столичныхъ журналахъ, а также и статьи въ прозѣ.

«Переѣхавъ изъ Харькова въ Одессу, онъ издалъ тамъ собраніе своихъ стиховъ, подъ названіемъ: «Греческія стихотворенія». Эта книга была принята благосклонно и публикою и критикою, и доставила автору извѣстность.

«Въ Одессѣ онъ былъ представленъ Л. С. Пушкинымъ, братомъ поэта, князю П. А. Вяземскому.

«Изъ Одессы онъ отправился въ Москву, въ 1850 году, гдѣ опредѣлился на государственную службу въ Московское губернское правленіе, въ должность помощника редактора «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Въ Москвѣ же онъ занимался преподаваніемъ уроковъ дѣвицамъ изъ высшаго тамошняго общества. Участвовалъ въ журналѣ «Москвитянинъ» и печаталъ стихи въ разныхъ петербургскихъ журналахъ. Собиралъ и записывалъ изъ устъ простонародья русскія народныя пѣсни въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Переѣхавъ изъ Москвы въ Петербургъ, онъ поступилъ вновь на службу по министерству народнаго просвѣщенія— чиновникомъ по особымъ порученіямъ при товарищѣ министра, князѣ П. А. Вяземскомъ, и дѣлопроизводителемъ одного еврейскаго ученаго комитета.

«Въ это время онъ издалъ: 1) Полное собраніе своихъ стихотвореній въ 2-хъ томахъ; 2) «Сборникъ лучшихъ произведеній русской поэзіи» и 3) «Пчела», сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Этой книги напечатано уже 3-е изданіе. Кромѣ того, печаталъ статьи въ журналахъ и отдѣльными брошюрами по части простонароднаго образованія. Во французскомъ журналѣ «Le Nord» помѣстилъ статью о медали въ память 19 февраля 1862 г., исполненной графомъ Ө. П. Толстымъ.

«Путешествовалъ по Европѣ и помѣщалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» свои путевыя письма и стихотворенія, а также и въ «Днѣ». Въ настоящее время находится у него не напечатаннымъ довольно большое собраніе сатирическихъ стихотвореній.

«Пожертвовалъ 2 тысячи экземпляровъ своей народной книги «Пчела» на бѣдныя сельскія школы, учрежденныя при церковныхъ приходяхъ, на сумму 2,225 рублей. Пожертвовалъ эту же книгу во всѣ воскресныя простонародныя школы при духовныхъ семинаріяхъ. Тоже пожертвовалъ и на славянъ.

«При новомъ преобразованіи министерства народнаго просвѣщенія, остался за штатомъ и былъ годъ безъ мѣста. Потомъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и вскорѣ прикомандированъ къ главному управленію по дѣламъ печати для со-

ставленія «Обозрѣнія русскихъ газетъ и журналовъ», представляемаго ежедневно его величеству государю императору. Во время этой послѣдней службы, Щербина заболѣлъ тяжкою хроническою болѣзнію: но должность свою однако отправлялъ не укоснительно, какъ бы былъ совершенно здоровымъ. Болѣзнь же продолжается около 4-хъ лѣтъ. Состоитъ въ штабъ-офицерскомъ чинѣ.

«Прибавленіе къ запискѣ о Щербинѣ. «Еще онъ писалъ, по порученію Академіи Наукъ, критическіе разборы сочиненій, поступающихъ на уваровскія преміи, и былъ награжденъ за это Академіею, которая присудила ему золотую медаль.

«Кромѣ того, онъ писалъ критическія статьи и рецензіи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ».

Онъ же за два дня до своей смерти написалъ лично и вручилъ мнѣ, для представленія князю П. А. Вяземскому, слѣдующее заявленіе:

«Замѣтка относительно редакціи статей въ «Пчелѣ»¹⁾. Что касается словъ, выражений и образовъ, которые принято отстранять отъ дѣтскихъ и женскихъ сферъ, то составитель «Пчелы» въ редакціи статей своего сборника обратилъ на этотъ предметъ особенное вниманіе.

«На 640 страницахъ книги, не болѣе какъ въ двухъ мѣстахъ находится подобное слово, да и то, въ статьяхъ, изложенныхъ только на церковно-славянскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, въ «Сказаніи келаря Авраамія Палицына» (стр. 116) слово «блудъ» и другія еще болѣе рельефныя выраженія и картины выпущены составителемъ изъ статьи, и только одинъ разъ было необходимо по редактивнымъ соображеніямъ удержать это слово.

«Въ другой разъ это слово упоминается въ «Словѣ святаго Василія Великаго» (стр. 603), въ которомъ приводится текстъ изъ «Апостола Павла»: «не упивайтесь виномъ въ немже есть блудъ».

«Такъ какъ въ «Пчелѣ» болѣе 600 страницъ, то тѣ двѣ страницы, гдѣ по разу написано это слово, теряются «какъ капля въ море опущенна».

«И во всѣхъ другихъ христоматіяхъ для учебныхъ заведеній никакъ не возможно было избѣгать совершенно подобныхъ словъ.

«Въ катихизисѣ и священной исторіи ихъ болѣе всего. При богослуженіи они тоже слышатся и находятся также въ повседневныхъ молитвахъ.

«Къ этому вообще не излишне присовокупить, что редакція статей въ «Пчелѣ» до щепетильности обращала вниманіе на цѣломудренность выражений, образовъ и ситуацій, а въ нравственномъ,

¹⁾ Объ этомъ сборникѣ Щербина говоритъ весьма подробно ниже, въ письмѣ XIII.

духовномъ и политическомъ отношеніяхъ, относилась къ статьямъ своимъ съ дипломатическою осторожностью, имѣя въ виду свойства читателей книги. Коллежскій ассесоръ Николай Ѳедоровъ сынъ Щербина.—8-го апрѣля 1869 года».

Друзья Н. Ѳ. Щербины и врачи совѣтовали ему оставить Петербургъ, столь вредно дѣйствовавшій на его здоровье и переселиться, хотя временно, на югъ Россіи; но покойный медлилъ и все собирався приступить къ этому переселенію. Въ мартѣ 1869 года онъ просилъ меня хлопотать о зачисленіи его въ распоряженіе новороссійскаго генераль-губернатора въ Одессу. Князь П. А. Вяземскій принялъ въ этомъ случаѣ снова самое живое участіе для осуществленія желанія Н. Ѳ. Щербины, силы котораго съ каждою недѣлею падали. Министръ внутреннихъ дѣлъ, А. Е. Тимашевъ, въ вѣдомствѣ котораго Н. Ѳ. Щербина въ это время служилъ, изъявилъ полную готовность помочь въ осуществленіи его просьбы. Письмо о согласіи министра внутреннихъ дѣлъ перевести Н. Ѳ. Щербину въ Одессу, устроить его положеніе при генераль-губернаторѣ Коцебу и испросить для переѣзда въ Одессу денежное пособіе, было мною доставлено Н. Ѳ. Щербинѣ, утромъ, въ день его смерти. Обрадованный этимъ письмомъ, онъ поручилъ мнѣ принять мѣры къ ускоренію этого дѣла, предполагая немедленно выѣхать изъ Петербурга, и назначилъ мнѣ свиданіе 11-го апрѣля, для окончательныхъ переговоровъ о способахъ выѣзда своего на югъ, а 10-го апрѣля вечеромъ уже его не стало. Утромъ, 10-го апрѣля, онъ былъ осмотрѣнъ лучшими хирургами, изъ которыхъ покойный Е. И. Богдановскій, профессоръ медико-хирургической академіи, предложилъ ему тутъ же (дѣло было въ два часа пополудни) сдѣлать операцію, т. е. вставить ему въ разрѣзъ горла дыхательную трубку и, затѣмъ, вырѣзать полипъ, начинавшій его душить. Н. Ѳ. Щербина на это не согласился, подшучивая надъ страстью хирурговъ къ ножу. Весь день онъ провелъ въ обычныхъ занятіяхъ, читаль, занимался служебною работою и передалъ своему слугѣ Ивану, на всякій случай, адреса трехъ докторовъ, бывшихъ у него на консультаціи, (Е. И. Богдановскій даже оставилъ у него свой инструментъ) и сказалъ, что слѣдовало дѣлать съ нимъ, еслибъ у него паче чаянія начался приступъ удушенія, а именно: мочить горло теплою губкой, растирать грудь и проч. Въ девять часовъ вечера онъ напился чаю,—потомъ пилъ зельтерскую воду, и еще въ десять часовъ вечера говорилъ со слугою. Въ 10¹/₂ часовъ онъ вбѣжалъ въ кухню, разводя руками и показывая знаками, что съ нимъ началось удушье. Вслѣдъ затѣмъ, онъ молча бросился въ спальню, упалъ на кровать и черезъ нѣсколько минутъ умеръ. Слуга поѣхалъ за докторами; тѣ немедленно явились, употребляли всѣ средства къ его оживленію, искусственно возбуждая его дыханіе, и даже произвели сѣченіе его горла,—но жизнь покойнаго

уже утасла. Онъ умеръ въ домѣ Карачарова, на углу Поварского переулка и Колокольной улицы, въ крошечной квартирѣ четвертаго этажа, гдѣ лучшимъ его утѣшеніемъ были нѣсколько шкафовъ съ книгами и съ гипсовыми изображеніями греческихъ героевъ и героинь. Тѣло покойнаго погребено 13-го апрѣля 1869 г. на старомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, невдали отъ могилъ Даргомыжскаго и Сѣрова.

Письма Н. Ѳ. Щербины.

I.

«1850. Ноября 29. Москва. Милый Григорій Петровичъ. Съ чувствомъ особеннаго удовольствія читалъ я ваше письмо. Благодарю васъ за вниманіе и память обо мнѣ. Извините, что я никакъ не могъ увидѣться съ вами въ Москвѣ, не смотря на все мое искреннее желаніе: причиною тому было то, что разлилась рѣка въ селѣ Павловскомъ, гдѣ я былъ, и снесла мостъ, оттого мнѣ и нельзя было переѣхать, для свиданія съ вами въ Москвѣ. Не лишнимъ считаю сообщить вамъ, что я въ Москвѣ поступилъ на казенную службу, въ здѣшнее губернское правленіе, помощникомъ редактора «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Это мѣсто штатное и класное. Я очень доволенъ, что наконецъ-таки добился до исполненія своего желанія—вступить въ казенную службу, которая одна только даетъ человѣку постоянное и вѣрное обезпеченіе въ жизни ¹⁾; а частныя занятія такъ непостоянны и непрочны. Это я испыталъ на себѣ... Постараюсь же строго и законно исполнять свои служебныя обязанности, и благо мнѣ будетъ.

«Съ А. Н. Островскимъ я познакомился, былъ у А. О. Вельмана раза два.

«Вы хотите знать: какія новости въ московской литературѣ? Я въ ней человѣкъ совершенно посторонній, и считаю—навѣдываться о такой литературѣ для себя нисколько не интереснымъ и бесполезнымъ. «Греческія стихотворенія» всѣ у меня раскуплены книгопродавцами, я не имѣю ихъ ни одного экземпляра. Требуется второе изданіе. Мнѣ предлагалъ это одинъ здѣшній книгопродавецъ, изъявившій желаніе быть постоянно моимъ издателемъ.

«Въ «Сынѣ Отечества» было напечатано безъ вѣдома моего и согласія нѣсколько моихъ пьесъ: однѣ изъ нихъ въ исковерканномъ видѣ, другія двѣ изъ дѣтскихъ моихъ опытовъ, которыя я неохотно и очень неохотно вижу въ печати. Не знаю кѣмъ и какъ онѣ доставлены въ этотъ журналъ. Подобныя вещи могутъ меня компрометировать.

¹⁾ Такъ думали русскіе люди 40 лѣтъ назадъ.

«Я имѣю цѣлую тетрадь, состоящую изъ 42 стихотвореній, готовыхъ къ напечатанію. Изъ рукописи этой если я и думаю печатать въ какомъ-нибудь порядочномъ, любимомъ публикою журналѣ, то не иначе, какъ за плату, рассчитывая на печатный листъ, или хоть поштучно. Впрочемъ, я охотнѣе готовъ отдать въ одинъ журналъ, за приличную плату, ужъ всю эту рукопись (42 пьесы), которая могла бы печататься въ продолженіи цѣлаго года въ журналѣ. Въ противномъ же случаѣ гораздо съ большимъ удовольствіемъ могу оставить ее ненапечатанною въ своемъ портфель, или издать особою книжкою, когда и какъ мнѣ заблагоразсудится¹⁾. Впрочемъ, это все *vanitas vanitatum*. Въ Одессѣ уже вышелъ въ свѣтъ литературный сборникъ «Литературные Вечера». Постарайтесь не медлить рецензіей на него въ петербургскихъ журналахъ: это будетъ полезно для этого сборника. Вы, я думаю, скоро получите его въ Петербургѣ. Содержаніе его вы знаете. Адресъ мой: Въ Москву. За Прѣсененскими Прудами, въ Грузинской ул., въ домѣ Никулина, гдѣ контора Павловской казенной суконной фабрики. Пріймите увѣреніе въ душевномъ къ вамъ расположеніи. Весь вашъ Н. Щербина».

Н. О. Щербина пріѣхалъ въ Петербургъ 22-го января 1851 г., и въ тотъ же день навѣстилъ меня. Утромъ слѣдующаго дня я повезъ его къ О. И. Сенковскому, а вечеромъ къ А. А. Краевскому. Съ этого началось его знакомство съ петербургскими литераторами.

II.

«3-го апрѣля 1853 года. Москва. Вы я думаю, любезнѣйшій Григорій Петровичъ, никакъ не ожидали получить отъ моей лѣности это посланіе... Но на меня, какъ найдеть, подъ какую минуту что прійдется: заснувшая, повидимому, дѣятельность возобновляется и даже дѣлается ровною и постоянною, смотря по внѣшнимъ обстоятельствамъ, меня окружающимъ. Зная вашу любезную обязательность и расположенность лично ко мнѣ, я рѣшился обезпочить васъ моею покорнѣйшею просьбою. У насъ въ Москвѣ предполагается издать одинъ «Альманахъ», для чего собрана уже часть матеріаловъ, между которыми есть вещи очень порядочныя и людей, имѣющихъ имя въ современной литературѣ. Онъ будетъ изданъ одною изъ особъ «Дамскаго попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ». За редакцію относительно литературнаго *сomme il faut* поручено присмотрѣть мнѣ. Можно ручаться, нѣкоторымъ образомъ, что онъ совершенно не будетъ похожимъ, по литературному достоинству, на такъ называемый «Раутъ» — и это уже не малое,

¹⁾ Эту тетрадь впоследствии Щербина подарилъ мнѣ и изъ нея мною ниже приводятся отрывки.

можно надѣяться, его достоинство. Нужно набрать побольше матеріаловъ для этого изданія, чтобъ было изъ чего выбрать «не борзяся, но со вниманіемъ». Я предполагаю получить статьи для этого изъ Одессы, Харькова, и другихъ пунктовъ нашей литературной дѣятельности, при статьяхъ Московскихъ и Петербургскихъ, почему и дано будетъ этому сборнику соотвѣтствующее названіе и фізіономія. И такъ покорнѣйше прошу васъ, Григорій Петровичъ, попросите отъ моего имени стихотвореній у А. Н. Майкова, Я. П. Полонскаго и пришлите своихъ при этомъ. Не достанете ли хоть небольшихъ статей въ прозѣ у вашихъ или нашихъ общихъ знакомыхъ, словомъ, старайтесь пріобрѣсти побольше матеріаловъ для этого «Альманаха» отъ разныхъ лицъ. Да и вы, кромѣ стиховъ, еще такъ мило пишите въ прозѣ; разцедритесь-ка для насъ. Мы надѣмся на вашу любезность. Я многимъ обязанъ лично той дамѣ, которая издаетъ этотъ сборникъ, и не могу чѣмъ другимъ вознаградить ее за вниманіе ко мнѣ, какъ только стараніемъ собрать чрезъ своихъ добрыхъ знакомыхъ матеріалы для ея изданія, и лично присмотрѣть за изданіемъ. Надѣюсь, вы будете мнѣ въ этомъ содѣйствовать. Собирайте и пишите мнѣ. Жду отъ васъ письма. Васъ уважающій и преданный вамъ Н. Щербина».

«P. S. Вы, кажется, изъявили желаніе имѣть мой портретъ, по личной вашей расположенности ко мнѣ, наказывали объ этомъ чрезъ актера Домбровскаго и еще писали объ этомъ, въ числѣ другихъ вашихъ московскихъ литературныхъ знакомыхъ. Исполняю теперь желаніе ваше: посылаю вамъ при этомъ письмѣ свой портретъ (тотъ, который размѣромъ побольше) и книжечку послѣднихъ своихъ стихотвореній.

«Въ этой же посылкѣ находится мой портретъ и семинарскіе аттестаты ¹⁾ съ иллюстраціями. Эти двѣ бездѣлки передайте отъ меня Виктору Павловичу Гаевскому. Онъ, вѣрно, позабылъ меня, что такъ давно не пишетъ мнѣ, не отвѣчая на письмо мое, и пусть хоть дагеротипная фізіономія моя напоминаетъ ему обо мнѣ и когда-нибудь внушить ему мысль написать ко мнѣ. Я его очень люблю, и посылаю ему портретъ, какъ упрекъ, какъ вещь для напоминанія ему обо мнѣ, надѣясь, что хоть это когда-нибудь заставитъ его написать и возродитъ прежнее его вниманіе.

«Живя прошлое лѣто въ деревнѣ, на досугѣ, я прибавилъ еще нѣсколько новыхъ пунктовъ къ «аттестатамъ»: это — изданіе дополненное, исправленное и умноженное».

¹⁾ Собственноручный списокъ этихъ аттестатовъ Щербина подарилъ также и мнѣ. Они изданы въ собраніи его сочиненій.

III.

«10-го апрѣля 1854 г. Москва. Адресъ: Въ Москву. Н. О. Щ. На большой Дмитровкѣ, у Дворянскаго клуба, въ Салтыковскомъ переулкѣ, въ домѣ Талызина.

«Я опять рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ моею докучною просьбою, обязательный, любезный Григорій Петровичъ, и надѣюсь, что вы, по чувству расположенія ко мнѣ, не оставите ее исполнить. Вы уже не разъ обязывали меня вашимъ содѣйствіемъ. Дѣло вотъ въ чемъ.

«Такъ какъ статьи сборника оказываются съ достоинствами и интересомъ, и сборникъ «Желѣзная Дорога», какъ можно надѣяться, выйдетъ *comme il faut*, то я имѣю предлогъ покорнѣйше просить васъ: будьте такъ обязательны, вышлите для этого сборника какую-нибудь беллетристическую статью вашу — рассказъ или повѣсть. Только поспѣшите это сдѣлать ни мало не медля и, если можно, съ первою почтою, чтобы не задерживать изданія, и безъ того, по милости моей, долго задерживаемаго въ видахъ собранія хорошихъ статей и статей болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей, такъ же и имѣющихъ интересъ историческихъ матеріаловъ, по преимуществу, для современныхъ вопросовъ. Если есть у васъ и стихи, то и стихи вышлите вмѣстѣ съ вашею прозаическою статьею, и, если можно будетъ, то достаньте еще стихотворенія другихъ авторовъ; особенно намъ нужна ваша статья въ прозѣ повѣствовательнаго рода, чтобы беллетристическій отдѣлъ былъ пополнѣе и лучше. Не достанете ли чего-нибудь еще изъ повѣстей и рассказовъ у кого-либо другого? Пишите мнѣ побольше и поподробнѣе обо всемъ, что взбрѣдетъ на умъ, и новости, если есть какія, сообщите; я, какъ провинціальная барыня, отъ бездѣлья и скуки не прочь желать новостей и читать предлинныя письма съ любопытствомъ. Жду отъ васъ письма и статьи. Весь вашъ Н. Щербина».

IV.

«Москва. 1855 года, февраля 22. Вторникъ. Благодарю васъ, добрый Григорій Петровичъ, за пріятное письмо ваше: вы какъ-то умѣете сообщить всегда что-нибудь пріятное и въ пору, тѣмъ болѣе это теперь мнѣ было нужно при извѣстномъ моемъ расположеніи духа, когда предстоитъ мнѣ и перемѣна жизни, и перемѣна моихъ занятій: я даже все свои, до этихъ поръ бывшія у меня, книги отослалъ къ себѣ домой въ Таганрогъ, и нѣтъ у меня ни одной книжонки изъ прежнихъ, которыя служили мнѣ этюдами для моихъ занятій: въ Петербургѣ ужъ буду собирать новыя книги, книги новаго рода, по части русской исторіи, русской старины, русской археологіи, народности и русской филологіи, хоть и буду

еще заниматься преимущественно юридическими предметами, думая держать экзаменъ на кандидата правъ, для улучшенія своей житейской участи и гражданской карьеры, но за всѣмъ тѣмъ мнѣ необходимо тотчасъ поступить на службу, и я постараюсь воспользоваться мѣстомъ службы, о которомъ говорилъ Л. А. Мей. Большое спасибо за доброе его стараніе обо мнѣ и память даже обо мнѣ отсутствующемъ. Я это такъ тепло и искренно цѣню въ сердцѣ своемъ. Благодарите и В. М. Лазаревскаго за его дружеское предложеніе и передайте ему всю полноту моей признательности за его ко мнѣ расположеніе. А. Н. Майкова благодарите за добрую память и доброе слово обо мнѣ кому слѣдуетъ: я въ свою очередь тоже не въ долгу передъ нимъ и плачу за чувство чувствомъ, за слово словомъ. Не забудьте передать мой поклонъ и прямое чувство искренняго уваженія Александру Васильевичу Никитенкѣ. Его всѣ полюбили и уважаютъ здѣсь въ Москвѣ. Да то же самое отъ меня передайте моимъ незабвеннымъ графу и графинѣ Толстымъ и Штакеншнейдерамъ и всѣмъ тѣмъ хорошимъ людямъ, которые такъ радушно меня принимали: я все это помню и глубоко признателенъ. За особенную честь почту поближе быть знакомымъ съ супругою А. С. Норова, и надѣюсь имѣть эту честь по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ. Въ Петербургъ я пріѣду или къ празднику или же на Оминой недѣлѣ непремѣнно. Въ Москвѣ мнѣ рѣшительно нечего дѣлать. Я даже давно не посѣщаю своихъ знакомствъ, такъ что отсталъ здѣсь отъ всѣхъ и отъ всего, и живу въ квартирномъ своемъ уединеніи, да и друзья мои уѣхали отсюда. Это какой-то годъ для всѣхъ грустный и тяжелый. Я еще кое-какъ живу мыслью о Петербургѣ: о будущей моей дѣятельности, о службѣ, объ другихъ занятіяхъ, хоть впрочемъ безъ всякихъ надеждъ, которыя я ужъ давно причислилъ къ самообольстительнымъ иллюзіямъ дѣтства, не имѣя на это никакихъ положительныхъ данныхъ, и мнѣ отъ этого куда какъ тяжело и постоянно носишь въ душѣ какую-то томительную тяжесть и никуда не убѣжишь отъ нея. Назадъ тому недѣли три я писалъ къ А. А. Краевскому объ статьѣ вашей «Основьяненко», и отнесся объ ней съ похвалою, что сдѣлано было мною по убѣжденію и положила руку на сердце, ибо я ее просматривалъ, да и вы читали мнѣ лично мѣста изъ нея. Притомъ же предметъ ея мнѣ извѣстенъ. Я въ Харьковѣ жилъ 7 лѣтъ и знаю о немъ кое-что. И такъ я самъ, не спросясь васъ, написалъ о статьѣ вашей къ редактору «Отечественныхъ Записокъ», и написалъ все, что можно было лучшее. О «сказкахъ» же я не писалъ, по причинамъ, которыя я объясню вамъ при свиданіи, и которыя вы, надѣюсь, найдете достаточными.

«Одинъ изъ друзей моихъ, кажется, меня выдаетъ, и мнѣ это больно, какъ разубѣжденіе. Чѣмъ больше кто чувствовалъ пріязни, тѣмъ горше разубѣдиться ему въ предметѣ своего чувства. У меня

въ квартирѣ только и былъ одинъ человѣкъ, бывающій въ обществѣ Панашки¹⁾, и больше никого, кто бы, кромѣ его, могъ передать о «персидскомъ халатѣ» изъ тармаламы и тому подобныхъ вещахъ, относящихся къ литературѣ. Вы поймете это, прочитавъ фельетонъ № 2 «Современника». Теперь я рѣшительный поводъ имѣю убѣдиться откуда и изъ какого источника являлись сплетни и намеки на мой счетъ въ извѣстномъ фельетонѣ, фразы изъ писемъ и тому подобное, такъ что я долженъ ожидать, что скоро явятся въ печати и всѣ мои интимные разговоры съ нимъ tête-à-tête въ низко извращенномъ видѣ, которые своею извращенною кистью могутъ скомпрометировать меня предъ нѣкоторыми лицами. Каково теперь литературное времячко! Самъ извѣстный Оаддюха (Булгаринъ) предъ этими безнравственными господами покажется греческимъ Аристидомъ честности.

«Поклонитесь Николаю Осиповичу Осипову: я чувствую къ нему много пріязни и за многое ему благодаренъ, также О. А. Бурдину. Старцу Якову²⁾ мой поклонъ. «Аспазія» его всѣмъ мыслящимъ и чувствующимъ дамамъ, понимающимъ поэзію, чрезвычайно нравится. Когда въ одномъ обществѣ читали эту «Аспазію», я воскликнулъ: «Умри, Яковъ!» и дамы повторили: «Умри, Яковъ!»

«Многія изъ женской половины знаютъ эту пьеску наизусть.

«Вспомните — «Умри, Денисъ», и вы невольно скажете тоже: «умри, Яковъ!»

«Благодушному старцу Якову я лично доставлю книжку, у него мною занятую.

«Передайте мой поклонъ Н. А. Степанову (карикатуристъ) и супругѣ его. Сережу ихъ (сынъ) за меня разцѣлуйте.—Письмо отъ Николая Александровича Степанова я получилъ, равно и отъ Николая Осиповича Осипова. Пишите мнѣ, Григорій Петровичъ, поскорѣе и поподробнѣе, тѣмъ болѣе, что мнѣ ужъ недолго быть въ Москвѣ, и старайтесь тамъ въ пользу мою, ибо для меня настаетъ не совсѣмъ-то легкая минута перемѣнъ, перелома и тому подобныхъ вещей. Будьте на этотъ разъ моимъ корреспондентомъ! Вы человѣкъ необыкновенно дѣятельный на этотъ счетъ,—и первые написали мнѣ изъ Питера, за что васъ искренно благодарю,—кланяйтесь В. Р. Зотову.—Жду вашего письма съ нетерпѣніемъ. Вашъ Н. Щербина».

V.

«1856 г. Посылаю вамъ вашу корректуру. Насъ звалъ нынче Л. А. Мей, вечеромъ. Зайдите за мной, и отправимся. Жду васъ и такъ идемъ! «Подай костыль, Григорій!»—Щербина».

¹⁾ И. И. Панаевъ.

²⁾ Я. П. Полонскій.

VI.

«Милый Григорій. Я вчера былъ у А. С. Норова, былъ принять имъ благосклонно и обѣдалъ вчера у него. И потому, бывши только лишь вчера, такъ недавно, не знаю: ловко ли будетъ мнѣ быть нынче на вечерѣ? Во всякомъ случаѣ, заѣзжайте къ 10 часамъ, ибо я буду въ 8 часовъ у цензора Фрейганга.—Вашъ Щербина».

VII.

«1856 г. Сентября 25-го¹⁾.—Страшно лежать въ казенной больницѣ, Григорій. Я думаю, что я сойду съ ума... а для этого есть все благопріятствующія данныя. Голодъ свирѣпствуетъ въ этой юдоли плача и вздоховъ, и стоновъ. Я ночь всю не спалъ и такія страшныя мысли и фантазіи объ убитомъ мальчикѣ-братѣ, пили мое сердце и зажигали мозгъ²⁾. О, Григорій! Когда кончится подобное положеніе! а вошющій голосъ поправныхъ правъ чело-вѣческихъ. Неужели мозгъ мой снесетъ все это...

«Адресъ мой: Н. Θ. Щ. На Петербургской сторонѣ, въ Петропавловской больницѣ, въ операціонномъ отдѣленіи. Видѣть лично меня можно по вторникамъ, пятницамъ и воскресеньямъ отъ 1 часу до 4-хъ часовъ.—Извѣстите объ этомъ Зотова, Солнцева и Шилля, и поспѣшите извѣстить.—Напишите мнѣ по городской почтѣ побольше. Страшно мнѣ, Григорій.—Вашъ Щербина.—Петропавловская больница».

VIII.

«1856 г. 4-го ноября. Представляю при семъ вамъ, Григорій, широкое поле одолжать меня: предъ вами рукопись моихъ стихотвореній для представленія въ цензуру. Поступите въ этомъ случаѣ тако: 1) Поспѣшите этимъ дѣломъ. 2) Спросите у князя П. А. Вяземскаго позволеніе отдать эту рукопись прямо цензору Бекетову, чтобъ вы могли сказать ему, что его просилъ князь прочитать эту рукопись, не отлагая ее въ долгій ящикъ, ибо мнѣ скорость и въ этомъ случаѣ очень нужна. 3) Спросивъ у князя, поѣзжайте къ цензору сказать это; потомъ отъ цензора поѣзжайте въ Цензурный Комитетъ, гдѣ записавъ эту рукопись у секретаря

¹⁾ Объясненіемъ этого письма служить сохранившаяся у меня слѣдующая бумага:

1856 г. 22-го сентября, № 7929. Въ контору Петропавловской больницы. — Служащій въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія Николай Щербина, будучи одержимъ болѣзнію, не имѣетъ, по совершенно недостаточному состоянію, средствъ къ пользованію себя на квартирѣ, по уваженію сего Департаментъ Народнаго Просвѣщенія проситъ покорнѣйше о принятіи г. Щербины въ оную больницу.

²⁾ См. далѣе письмо А. А. Солнцева объ этомъ убитомъ братѣ Щербины.

и выставивъ на ней №, съ обозначеніемъ, гдѣ слѣдуетъ, что она поступила къ цензору Бекетову и оставьте ее у него для цензурнаго прочтенія, но въ Цензурномъ Комитетѣ не оставляйте. 4) Между прочимъ, слегка объясните ему, что почти всѣ пьесы въ рукописи были напечатаны уже въ журналахъ, и притомъ въ самое строгое цензурное время — особливо первый отдѣлъ весь. Попросите его поспѣшить прочитать ее. На рукописи я написалъ свой адресъ, въ случаѣ, если бы цензору нужно было въ чемъ-либо объясниться со мною. Все это дѣло не оставьте окончательно исполнить въ понедѣльникъ, т. е. завтра. Вашъ Щербина.

«P. S. У князя я самъ лично, скажите, потому не былъ съ просьбой объ этой рукописи, что не выхожу изъ дому по болѣзни».

IX.

«Петербургъ. 27-го мая 1858 г. Благодарю васъ, добрѣйшій Григорій Петровичъ, что вы меня не забываете, и за то, что вы посѣтили мой убогій домишко въ Таганрогѣ. Несмотря на небольшое письмо ваше, вы мнѣ высказали больше о Таганрогѣ, чѣмъ братъ мой въ десяти письмахъ. Письмо ваше я читалъ съ большимъ любопытствомъ, и много вамъ за него благодаренъ: братъ мой пишетъ всегда лаконически. Впрочемъ и я ему пишу также, да и никогда не имѣлъ ничего писать ему поподробнѣе, потому, что считалъ это неумѣстнымъ и чуждымъ интересамъ его круга дѣйствій и отношеній. Получивши письмо ваше, и руководимый чувствомъ благодарности къ вамъ, за разныя прежнія обязательныя содѣйствія мнѣ, я тотчасъ отправился къ Зотову и показалъ ваше письмо;—вотъ что я могу послѣ этого сказать вамъ!—послѣ вашего отъѣзда, вслѣдствіе переворота мнѣнній свыше, въ высшихъ кругахъ администраціи, цензура стала гораздо строже, и потому вашъ рассказъ не можетъ быть напечатанъ въ настоящее время, а нужно выжидать для него времени. Даже вашъ рассказъ уже напечатанный въ «Иллюстраціи» не былъ дозволенъ къ напечатанію цензоромъ и пропущенъ только съ разрѣшенія попечителя университета и предсѣдателя Цензурнаго Комитета князя Щербатова.

«За біографію и портретъ Радищева, Зотовъ будетъ вамъ не сказано благодаренъ. Онъ старику Радищеву за біографію отца его (вмѣсто подписки въ пользу его, что неудобно) дастъ самую большую цѣну, какую только можетъ платить «Иллюстрація». Пришлите статью-біографію (или автобіографію) Радищева въ «Иллюстрацію»; и если ее дозволятъ напечатать, то можете получить деньги въ пользу бѣдняка Радищева, что будетъ служить ему вспоможеніемъ, вмѣсто подписки въ пользу его.

«Дружининъ врядъ ли скоро можетъ напечатать вашъ рассказъ, ибо всѣ редакціи завалены статьями, да при томъ и цензура...

«К** назадъ тому годъ продалъ повѣсть въ «Библіотеку для чтенія», получилъ впередъ деньги сполна за нее по 60 или, кажется, по 70 рублей сер. за листъ, и повѣсть до этихъ поръ никакъ не попадетъ въ печать. Между тѣмъ, какъ «Современникъ» съ жадностію за дорогую цѣну покупаетъ его повѣсти. Такъ все завалено въ редакціяхъ статьишками; жди, когда-то дойдетъ очередь. Пишите въ редакцію «Иллюстраціи» и присылайте все, что есть у васъ и у другихъ; а главное Радицева присылайте.

«Сборничшко мой, я скажу Давыдову, чтобъ вамъ отправилъ; а стихи мои я для васъ оставилъ было, но вы ихъ не взяли, а теперь у меня нѣтъ ни одного экземпляра. Я ѣду послѣ-завтра въ отпускъ, въ деревню, до сентября, и вы мнѣ туда пишите побольше и поподробнѣе, какъ можно поподробнѣе, о Таганрогѣ, о Курсунѣ, о которомъ я ровно никакихъ свѣдѣній не имѣю, о братѣ моемъ, о Харьковѣ и о прочемъ.

«Адресъ мой: Въ Юрьевъ Польскій, Владимірской губерніи, Н. О. Щербинѣ.—Въ Есиплевѣ, имѣніи г-жи Акиноевой (оставить на почтѣ).

«Видите ли, все ѣзжу изучать Великую Русь на мѣстѣ, въ сердцѣ ея народности. Жилъ въ Костромской, Тверской и Московской губерніяхъ, а теперь ѣду во Владимірскую губернію.—Кланяйтесь вашей женѣ.—Вашъ Щербина.

«Новое начальство мое доброе, я имъ доволенъ. Хандра у меня прежняя, Божій свѣтъ не милъ, тоска отъ долго-тянущейся жизни.— Но, вѣрьте, все наше теперешнее *vanitas vanitatum*».

X.

«18-го сентября 1858 года. Петербургъ.—Милый Григорій Петровичъ. Письмо ваше я имѣлъ удовольствіе получить и отвѣчаю вамъ на всѣ его пункты.

«Я видѣлся съ соредакторомъ «Библіотеки для чтенія» А. О. Писемскимъ, говорилъ съ нимъ о статьѣ вашей и онъ сказалъ мнѣ положительно, что статья ваша о пребываніи Екатерины Второй на Днѣпрѣ будетъ напечатана въ октябрьской книжкѣ «Библіотеки для чтенія» этого года. Она будетъ напечатана съ нѣкоторыми измѣненіями въ тонѣ, который редакція нашла «нѣсколько сладкимъ», какъ сказалъ Алексѣй Теофилактовичъ. Для васъ редакція тоже приготовитъ извѣстное число оттисковъ.

«В. Р. Зотовъ сказалъ, что онъ не можетъ опредѣлить времени напечатанія вашего очерка «Крестянка ученица» равно какъ и видовъ Полтавы, по причинѣ множества накопившихся матеріаловъ, но при первомъ представившемся удобствѣ они будутъ напечатаны.

«Я. П. Полонскій возвратился изъ Парижа, гдѣ женился на премилой дѣвицѣ изъ русскихъ. Онъ живетъ теперь пока въ квартирѣ Штакеншнейдера.

«Мей Л. А. недавно переѣхалъ жить въ концѣ августа на дачу.

«Я недѣлю тому назадъ возвратился изъ Москвы сюда въ Петербургъ. Въ Москвѣ жилъ около мѣсяца, и въ восторгѣ отъ милой, доброй, благородной, разумной и мыслящей Москвы, предъ которой Петербургъ кажется мнѣ городомъ нравственно-ограниченнымъ, алтынно-практичнымъ, словомъ «скорбнымъ главою», выключая, разумѣется, дѣль, относящихся къ узкой практичности, къ обыденнымъ цѣлямъ и тому подобному, внѣшне, хоть и необходимо-житейскому... Но, вѣдь, Москва, за то, столица всего народа. Не даромъ всякая крестьянская дѣвушка поетъ, въ самомъ отдаленномъ захолустѣ Великороссіи, и поетъ о «матушкѣ каменной Москвѣ».

«Но я боюсь не пристрастенъ ли я къ Москвѣ, потому что люблю и любилъ ее всею полнотою сердца и патриотическаго чувства, да при томъ и провелъ въ ней два года первой юности — 1839 и 1840-й... А это много значить... А потомъ опять жилъ въ ней постоянно отъ 1850 по 1855-й годъ.

«Сухомлиновъ на годъ или, кажется, на два уѣхалъ за-границу.

«У Штакеншнейдеровъ я не бываю и потому вашего поклона передать не могу, у М—ъ тоже не бываю по причинѣ ихъ козней противъ меня и множества эпиграммъ мною на нихъ написанныхъ.

«Что дѣлается въ литературѣ—я почти не знаю, ибо избѣгаю всячески столкновенія съ литературщиками.

«Я былъ во Владимірской губерніи, ѣздилъ по деревнямъ, жилъ съ народомъ, изучалъ великорусскую народность, собиралъ народные пѣсни, изучалъ русскую исторію и древности, потомъ былъ въ деревняхъ Московской губерніи, потомъ жилъ въ Москвѣ. Теперь я пріѣхалъ сюда на службу, которою пока весьма доволенъ да и денегъ есть довольно. Адресъ мой: На Литейной, близъ Невского проспекта, въ домѣ Ниротморцевой, въ квартирѣ Харламова.—Весь вашъ Н. Щербина.

«Поклонитесь вашей женѣ. Семейству гр. О. П. Толстого я передамъ вашъ поклонъ.

«Р. S. Вотъ къ вамъ моя особенная и покорнѣйшая просьба.— У васъ есть подлинная рукопись моего «Сонника», писанная моею рукою. Заклинаю васъ всеѣмъ святымъ, успокойте меня тѣмъ, что вырвите изъ этой рукописи мѣсто о «Русскомъ Вѣстникѣ». Я написалъ его въ сильной ипохондрии, въ болѣзненномъ припадкѣ самаго чернаго взгляда на все.—М. Н. Катковъ самый лучшій человекъ въ настоящее время въ Россіи и полезный гражданинъ для нашего отечества и здороваго его развитія.—Семейство его и кругъ его общества прекрасные люди.—Я у него въ семействѣ

«Истор. вѣстн.», январь, 1891 г., т. XLII.

оставилъ собраніе моихъ сатирическихъ сочиненій, эпиграммъ и сонникъ въ новой редакціи, сдѣланной по моему выздоровленію.

«И такъ я надѣюсь на васъ, что вы вырвете выше означенное мѣсто изъ «Сонника» и сожжете это мѣсто.

«Порука въ этомъ ваша честь:

«Я смѣло ей себя ввѣряю».

«Уничтожьте непремѣнно».

XI.

«1859 года, января 1-го дня. Поздравляю васъ, Григорій Петровичъ, и жену вашу съ новымъ годомъ и благодарю васъ за память обо мнѣ, выраженную письмомъ вашимъ. Сохраняя постоянно благодарныя чувства къ вамъ въ душѣ моей за все ваши старанія и содѣйствія личнымъ интересамъ моимъ, я все-таки долженъ рѣшиться просить васъ не дѣлать мнѣ никакихъ собственно литературныхъ порученій, ибо я стараюсь избѣгать всякихъ литературныхъ сношеній. Это въ послѣдній разъ, что я рѣшился удвоветворить васъ по этому предмету и только исключительно для васъ.

«Вчера я видѣлъ Полонскаго въ домѣ графа Ө. П. Толстого и говорилъ ему насчетъ напечатанія статьи вашей. Онъ сказалъ, что рѣшительно не знаетъ, когда можетъ напечатать ее, равно какъ и никакой редакторъ не можетъ знать времени и обстоятельствъ, когда именно прійдется напечатать какую-либо статью. У него сотни статей, присланныхъ изъ провинцій, какъ и во всякой другой редакціи,—и много, много нужно времени и лицъ редактивныхъ, чтобы прочесть всю эту массу, и потому редакціи печатаютъ большею частію статьи петербургскихъ и извѣстныхъ писателей, которыхъ статьи читать не нужно, ибо за достоинство ихъ отвѣчаетъ не журналъ, а имя самаго автора. Это послѣднее относится къ г. Турбину, о которомъ Полонскій ничего не знаетъ и въ первый разъ отъ меня услышалъ его фамилію. Я также спрашивалъ о немъ одного изъ сотрудниковъ «Современника»—самыхъ близкихъ къ редакціи, онъ тоже сказалъ, что не помнитъ этой фамиліи и статей подъ этой фамиліей, и что въ редакціи лежатъ многое множество, присланныхъ изъ разныхъ мѣстъ, статей и ихъ не прочтешь и въ два года. Полонскій сказалъ,—что у него многія сотни статей лежатъ грудами въ редакціи, и потому онъ не беретъ статьи г. Турбина изъ «Современника», а пусть, коли угодно, онъ распорядится такъ, чтобы статья доставлена была ему изъ «Современника» прямо въ редакцію «Русскаго Слова» безъ всякихъ хлопотъ съ его стороны.

«О скорости же напечатанія статей отъ неизвѣстныхъ авторовъ и думать нечего, это чисто зависитъ отъ случая, а иногда нужно,

чтобъ статья возвышалась надъ уровнемъ обыкновенныхъ журнальныхъ повѣстей, чтобъ ее напечатали... Кѣмъ журналисты изъ провинціальныхъ авторовъ нуждаются, они тому тотчасъ высылаютъ деньги, и просятъ отъ него статей, которыя вскорѣ и печатаютъ,—и наоборотъ. Ихъ приводятъ въ негодованіе тысячи писемъ, которыми спрашиваютъ ихъ о времени напечатанія; они ихъ рѣдко читаютъ, а еще рѣже отвѣчаютъ на нихъ, ибо въ статьяхъ нисколько не нуждаются и сами не просятъ, чтобъ ихъ имъ присылали. Вольно же. Зотовъ сказалъ, что, когда выпадетъ удобный случай, онъ напечатаетъ вашу «Полтаву». Но статья ваша — повѣсть, что ли, врядъ ли удобна къ напечатанію. Вотъ все, что я могъ отъ него добиться. Итакъ, этимъ надѣюсь, что навсегда отстраняю себя отъ литературныхъ порученій.

«О «Русскомъ Словѣ» и журналахъ вообще, не могу вамъ сообщить ничего новаго, ибо никогда о нихъ и не спрашиваю, не интересуюсь ими.

«Полонскій будетъ самъ писать къ вамъ. Онъ квартируетъ у Штакеншнейдеровъ.

«Пишите ко мнѣ почаще и подробнѣе, — только безъ литературныхъ порученій.—Вашъ Щербина».

ХП.

«С.-Петербургъ, 2-го октября, 1862 года. Внемли, о «старче Григоріе!» Письмо ваше я получилъ, и очень благодаренъ вамъ за память обо мнѣ. Я вотъ уже полтора мѣсяца, какъ нездоровъ, не выходя изъ дома и не выходя ни съ кѣмъ, за то же и адски работою, просиживаю за работою иногда до 4-хъ часовъ ночи... Да и сколько за этимъ трудомъ нужно сообразить, ворочать мозгами, корпѣть!.. Но нынче моя работа ужъ окончена совершенно. Этотъ трудъ мой по «Читальнику» или книгѣ для народа, назначаемой какъ для народнаго чтенія вообще, такъ и для всякаго рода простонародныхъ школъ, въ смыслѣ настольной книги для всесторонняго, объяснительнаго, развивающаго и сообщающаго разнообразныя, нужныя въ извѣстномъ быту, свѣдѣнія... «Читальникъ» — это народно-русская энциклопедія въ хрестоматической формѣ, гдѣ все въ связи и болѣе или менѣе въ системѣ. Чего не было въ данныхъ нашей литературы, мнѣ нужно было написать самому, — и я написалъ это. «Читальникъ» составленъ изъ произведеній русской словесности, начиная отъ 12-го вѣка по сей день, и содержитъ въ себѣ отдѣлы: 1) богословскій, 2) историческій, 3) по естествознанію и по практическому быту, 4) изящную словесность и 5) лечебникъ, календарь и т. п. Все это собрано, расположено, редижировано, переправляемо, сокращаемо, видоизмѣняемо, въ соображеніи съ основами и характеромъ русской на-

родности, ея духа, пошиба внѣшняго, историческаго и практическаго быта и настоящихъ потребностей. Писанныхъ листовъ этого сборника вышло у меня 400, если не болѣе. «Московское общество распространенія полезныхъ книгъ» берется его издать и меня требуетъ въ Москву лично. Я отдаю трудъ свой безвозмездно, только чтобъ заплатили мои денежныя издержки по составленію «Читальника», — я тянулся на него изъ своего жалованья, стѣснялъ себя во всемъ, единственно имѣя въ виду пользу страстно-любимаго и изучаемаго мною великорусскаго простонародья... Я тоже и даже дважды проѣхалъ Волгою отъ Твери до Астрахани.

«Платилъ я деньги и за нѣкоторыя спеціальныя статьи, которыхъ не откуда взять или по совершенно чуждому мнѣ отдѣлу знаній... Словомъ, много издерживался и терпѣлъ поэтому много скрытой, глухой, незнаемой никѣмъ нужды, прикрывая все это приличною *comme-il-faut*-ною внѣшностью.

«Все дѣлаю самъ, — никто мнѣ не помогаетъ и не обращаетъ вниманія на настоящую вопіющую потребность подобной книги въ настоящее время... Да и чего же можно ожидать отъ современнаго, политическаго и общественнаго хлыщовства, отъ петербургскаго пустозвонства и невѣжества тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ... Все тупицы, мелкіе эгоистическіе плутишки, рутинно-модные (но отсталые вмѣстѣ съ тѣмъ) фразеры, безъ знанія своей страны и народа, общія мѣста вычитанныя (или выслышанныя) европейскихъ идей и науки, или, лучше сказать, кое-какихъ взглядишекъ... Но *sapienti sat*.

«Мнѣ давно предстоитъ, по службѣ, поѣздка въ Москву, но я все оттягиваю ее по болѣзни. Кромѣ того, назначается командировка въ разное время въ 7 великорусскихъ губерній.

«Въ половинѣ этого октября я буду въ Москвѣ, если особенно что не помѣшаетъ. Квартира моя въ Москвѣ — въ Кудринѣ, въ приходѣ Покрова, въ домѣ княгини Несвитской, въ квартирѣ А. В. Кирѣевой.

«Повѣсть вашу я читалъ; мѣстами она мнѣ очень понравилась. При личномъ свиданіи поговорю съ вами о ней подробнѣе.

«Мой петербургскій адресъ слѣдующій: въ Троицкомъ переулкѣ, съ домѣ Гассе.

«Никому не могу передать вашихъ поклоновъ, ибо по обыкновенію да и по болѣзни ни съ кѣмъ не выдаюсь. Я въ Петербургѣ живу какъ въ деревнѣ, — нигдѣ не показываясь, нигдѣ не бывая... Да и что съ дураками водить компанію.

«Эхъ, поѣхать бы въ любимую мною Москву, все-таки легче бы было!.. Вотъ ужъ полтора мѣсяца, какъ сижу въ своей квартирѣ, не видя людей — ко мнѣ никто не ходитъ, я словно въ казематѣ... Впрочемъ, все работою, хоть себѣ и не въ корысть, за то для удовлетворенія души своей и сердца, которыя бьютъ въ набатъ, прося

общепользнаго труда, труда только по строгому убѣжденію, а не своекорыстно-хлыщовскаго, въ петербургскомъ вкусѣ, и въ томъ, что въ модѣ...

- «Шутовства немудрый бѣсъ
- «Намъ разставилъ сѣти:
- «Въ свистѣ слышимъ мы прогрессъ,—
- «Мы сурки и дѣти...
- «Какъ сурковъ, насъ тѣшить свистъ,
- «Какъ молокососовъ,
- «Чернышевскій-публицистъ
- «И Лавровъ-философъ!..»

«Прощайте, Григорій. Ждите меня въ Москвѣ... Вы мнѣ будете нужны. Вашъ Н. Щербина».

XIII.

1869 года 8-го марта, за мѣсяць до своей кончины, Н. О. Щербина писалъ мнѣ слѣдующее:

«Добрѣйшій Григорій Петровичъ. Гряди и дерзай! Прилагаю при семъ письмо къ князю П. А. Вяземскому по моему дѣлу. Оно написано, по возможности, кратко и опредѣлительно. Вновь передѣлывать его не-по-что. Кажется, все въ немъ, какъ должно. Еще прилагаю къ письму два изящно и роскошно отпечатанныхъ и переплетенныхъ экземпляра «Пчелы»: пусть поступить съ ними князь Петръ Андреевичъ по своему благоусмотрѣнію, да вы еще скажите кое-что отъ себя. Вы ужъ знаете, «многоопытный и хитроумный Одиссей», что сказать по части практической.

«Я вѣрю, Григорій, когда вы въ Петербургъ приѣзжаете, то мои житейскія дѣла улучшаются. А это тѣмъ болѣе нужно мнѣ теперь, такъ какъ болѣзнь сдѣлала меня калѣкой: ни выйти, ни выѣхать, ни о себѣ похлопотать, словомъ, ни оказать себѣ самопомощи...

«Гряди же въ міръ, и дерзай, Григоріе! Весь вашъ Щербина».

«P. S. Да, мнѣ нужно было повидаться съ вами. Что стоитъ вамъ зайти ко мнѣ хоть на $\frac{1}{4}$ часа».

По поводу, переданнаго черезъ меня, письма Н. О. Щербины, князь П. А. Вяземскій писалъ мнѣ 9-го марта 1869 года слѣдующее:

«Письмо ко мнѣ Щербины передалъ я министру Тимашеву, подкрѣпляя усерднѣйшимъ ходатайствомъ и убѣдительнѣйшею просьбою. Отвѣта еще не имѣю. Секретарь императрицы боленъ и тутъ еще нѣтъ отвѣта. На дняхъ посылалъ я Щербинѣ, съ порученіемъ, все это ему передать. Побывайте у меня завтра, или въ другой день, въ два часа. Совершенно вамъ преданный кн. Вяземскій.— Вторникъ, вечеромъ».

Письма Н. Θ. Щербины къ его брату Ив. Θ. Щербинѣ.

I.

«21-го мая 1862 г. Спб. Мѣсто тебѣ по питейно-акцизному сбору я отыскалъ у пріятеля моего, управляющаго питейно-акцизными сборами въ Подольской губерніи и Бессарабской.

«Малѣйшее взяточничество, за выдачу, на примѣръ, свидѣтельства какого-либо, влечетъ за собою неизбѣжное выключеніе изъ службы и опубликованіе во всѣхъ газетахъ, даже за шкаликъ водки, взятый въ благодарность. Слѣдить будутъ зорко и явятся сотни доносчиковъ, желая получить мѣсто выгнаннаго.

«Разсуди хорошенько и обстоятельно,—можешь ли жить однимъ только содержаніемъ по этой должности, совершенно безъ всякихъ постороннихъ доходовъ по должности, и тогда опредѣлись, а не иначе. Подумай хорошо.

«По службѣ могутъ впереди быть повышенія, если будешь безкорыстно правдивъ, строгъ и честенъ—при открывшихся вакансіяхъ.

«Да не пиши провинціально-холопскихъ чиновническихъ писемъ съ разными хамскими титулами и величаньями невѣжественно-чиновничьяго быта и униженіями лестью.

«Чрезъ три недѣли я ѣду до осени въ Москву.

«Напиши о А. С. Сиротининѣ, полкомъ ли онъ командуетъ, или нѣтъ. Н. Щ.».

II.

«14-го декабря 1862 г. С.-Петербургъ. Любезный братъ! Письмо твое я получилъ. Строго и аккуратно исполняя обязанности новой твоей службы, придерживаясь во всемъ законности и вниканіемъ и изученіемъ приобрѣтая надлежащую опытность въ новой службѣ, можно имѣть постоянно въ виду повышение по должности: ибо эта малая должность удовлетворить житейскимъ потребностямъ не совѣтъ можетъ. Эта должность нужна будетъ покуда какъ начало, какъ вступленіе, а по временамъ могутъ впереди открываться высшія вакансіи по этой части, чѣмъ нужно будетъ, по возможности, пользоваться, приобрѣвши усердною и честною службою доброе о себѣ мнѣніе. Лучше было бы перейти въ Подольскую губернію: ибо Аккерманскій уѣздъ пограничный съ Турціею наполненъ разными бродягами, бѣглецами и разбойниками, такъ что жизнь часто можетъ быть въ опасности, ѣзда по этимъ дикимъ и пустыннымъ степямъ. Есть ли съ тобою солдатъ по службѣ?.. Бродяги и разбойники могутъ нападать по преимуществу на акцизныхъ надзирателей, предполагая у нихъ собранныя деньги акциза. Нужно быть всегда и во всемъ осторожнымъ и предусмотрительнымъ, а тѣмъ болѣе въ такомъ краю, наполненномъ бродягами, при пограничности съ Турціею. Съ тобою, я думаю, долженъ ѣздить всегда служащій

при акцизѣ солдатъ. Есть ли это у васъ положеніе? а тѣмъ болѣе въ такомъ дикомъ и опасномъ краю. Тутъ даже въ самомъ городѣ нужно быть чрезвычайно осторожнымъ и на все предусмотрительнымъ и оберегательнымъ.

«Адресъ мой: въ Троицкомъ переулкѣ, въ домѣ Гассе.

«Пиши мнѣ подробно о своемъ житьѣ-бытьѣ на новомъ мѣстѣ и объ отношеніяхъ своихъ по новой службѣ и т. п. Твой Н. Щербина».

III.

Предсмертное письмо Н. Ѳ. Щербины (дрожащимъ слабымъ почеркомъ) къ его брату Ив. Ѳ. Щербинѣ и его сестрѣ.

«22-го марта 1869 г. Петербургъ. Любезный братъ и сестра. Послѣднее письмо ваше я получилъ сегодня и спѣшу отвѣчать на него, не смотря на то, что дней 5-ть тому назадъ отправилъ къ вамъ письмо. Дѣло въ томъ, что вы обо мнѣ не беспокойтесь. На дняхъ я обратился къ медику специалисту горловыхъ болѣзней профессору медицинской академіи. Онъ осмотрѣлъ меня подробно, постукивалъ и выслушивалъ, и нашелъ, что легкія у меня цѣлы и невредимы; но что сильное ослизненіе всѣхъ слизистыхъ оболочекъ, а въ дыхательномъ горлѣ опухоль, неровности затвердѣнія горловыхъ связокъ. Отъ этихъ причинъ постоянный кашель и мокрота. Легкія мои цѣлы, потому что грудь необыкновенно развита природою; впрочемъ чего добраго, со временемъ, болѣзнь можетъ добраться и до легкіхъ. Теперь мнѣ трудно спать: сопѣнье, свистъ и храпѣнье въ горлѣ и въ носу, да я еще ночью и задыхаюсь. Теперь я занимаюсь устройствомъ своихъ служебныхъ и денежныхъ дѣлъ,—ибо думаю года на два переселиться въ Одессу: меня только и лѣчитъ теплый климатъ; но я отнюдь не хочу жить въ Таганрогѣ; но это время въ августѣ можетъ быть буду съ недѣлю въ Таганрогѣ, ибо поѣду изъ Нижняго-Новгорода Волгой пароходомъ въ Самару, гдѣ буду мѣсяца 2 пить кумысъ, а тамъ отправлюсь Дономъ и желѣзной дорогой въ Таганрогъ, а оттуда въ Одессу на жительство. Такъ по крайней мѣрѣ я теперь предполагаю, а можетъ и переменю намѣреніе. Я весной навѣрное окрѣпну: меня только и лѣчитъ, что воздухъ, а потому жильцамъ въ своемъ большомъ домѣ ты не отказывай и за мной не приѣзжай, а сиди себѣ въ Таганрогѣ: ибо это стоитъ большихъ денегъ. Я здѣсь въ Питерѣ имѣю особую свою квартиру, со всѣмъ хозяйствомъ и удобствами. За мной ухаживаютъ въ квартирѣ три человѣка,—и ухаживаютъ какъ нельзя лучше. Въ Одессѣ у меня близкіе люди—Н. А. Новосельскій и тамошній градоначальникъ. Вашъ Н. Щербина».

Кромѣ того, безъинтересны по отношенію къ Щербинѣ слѣдующія два письма:

I.

Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ П. В. Зиновьеву.

«1855 г. 15-го декабря. Милостивый государь, Павелъ Васильевичъ! Даровитый писатель нашъ, Н. Θ. Щербина, съ лучшей стороны извѣстный свѣту, по разстроенному здоровью, долженъ оставить Петербургъ и поселиться въ Москвѣ. Не имѣя никакихъ средствъ для обезпеченія своей жизни, онъ желаетъ получить въ Москвѣ мѣсто, которое обезпечило бы хотя первыя потребности и въ свободные часы дало ему возможность посвятить свои силы продолженію литературныхъ трудовъ.

«Обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою, не изволите ли найти возможность исполнить желаніе г. Щербины? Онъ указалъ два мѣста, гдѣ бы совершенно сродно съ его занятіями онъ счастливъ былъ бы найти службу».

«1855 г. Домашній учитель русскаго языка и словесности, состоящій при дирекціи училищъ Московской губерніи, служившій передъ симъ въ гражданской службѣ помощникомъ начальника газетнаго стола въ Московскомъ Губернскомъ Правленіи, т. е. помощникомъ редактора «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» Николай Щербина желаетъ имѣть мѣсто при редакціи «Московскихъ (Университетскихъ) Вѣдомостей». Именно при библиотекѣ университета, или по преимуществу при редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», въ званіи младшаго чиновника, тѣмъ болѣе, что въ послѣдней имѣется въ виду, съ новаго года, переменна издателя и при успѣхѣхъ «Вѣдомостей» въ настоящее время могло бы имѣться въ виду увеличеніе числа при нихъ чиновниковъ. Г. Щербина имѣетъ званіе домашняго учителя русскаго языка и словесности при дирекціи училищъ Московской губерніи, и служилъ передъ этимъ помощникомъ начальника газетнаго стола въ Московскомъ Губернскомъ Правленіи по изданію «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Надѣюсь на благосклонное участіе ваше къ службѣ г. Щербины, прошу васъ покорнѣйше принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. 15-го декабря 1855 года. Его Высокородію П. Вас. Зиновьеву».

II.

Письмо ко мнѣ А. А. Сонцева ¹⁾.

«Письмо твое глубоко поразило мою душу, я до полученія его не зналъ о смерти Щербины, а ты знаешь, какъ я его любилъ, какъ родного; мнѣ кажется никто не зналъ его лучше меня; его напускная мизантропія и желчныя сарказмы не закрывали отъ

¹⁾ Бывшаго впоследствии вице-губернаторомъ въ Таврической губерніи.

меня его прекрасныхъ и благородныхъ качествъ души. Онъ со мною часто говорилъ по-человѣчески и далъ мнѣ себя близко узнать. Въ жизни онъ долго былъ ребенкомъ, за которымъ надо было смотрѣть и ухаживать, и я пять лѣтъ былъ его нянькой. Когда на Кавказѣ былъ убитъ его братъ, котораго онъ уговорилъ отправиться туда, онъ чуть съ ума не сошелъ, ему казалось, что окровавленная тѣнь его стоитъ надъ нимъ, и много ночей я сидѣлъ около него и тайно отъ него давалъ лекарство, укрѣпляющее нервы, конечно, по совѣту медика; явно онъ ни за что не сталъ бы лечиться. Я долго не привыкну къ мысли, что его нѣтъ на свѣтѣ, что я его больше не увижу и не обниму. Когда онъ былъ боленъ завалами печени и ему приказано было дѣлать моціонъ, а онъ не вставалъ по цѣлымъ днямъ съ кровати, я съ человѣкомъ насильно подымалъ его, не смотря, что онъ дрался и ругался, или плакалъ, какъ дитя, его выносили на улицу и за руку я уводилъ его и по два часа заставлялъ ходить, и это продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ; только съ другомъ можно было такъ возиться, какъ я съ нимъ, и онъ мнѣ дѣйствительно былъ другомъ, его теплыя и искреннія письма ко мнѣ это доказываютъ. Разъ мы были на дачѣ у Штакеншнейдера; въ общемъ спорѣ онъ сказалъ мнѣ желчно дерзость, я тогда промолчалъ, но когда мы сѣли въ экипажъ и выѣхали на дорогу, я спросилъ его, всемъ ли онъ такъ платитъ за сердечную привязанность, какъ сегодня заплатилъ мнѣ; Щербина разрыдался, сталъ обнимать меня и цѣловать, а я едва могъ утѣшить его. Меня съ нимъ познакомилъ Сошальскій, тогда онъ жилъ въ какомъ-то чуланчикѣ; познакомившись ближе, я уговорилъ его переѣхать къ намъ, даромъ онъ не хотѣлъ это сдѣлать, и мы приняли его въ часть; онъ такъ былъ щекотливъ, что если обѣдъ готовился сколько-нибудь лучше всенеднаго, онъ ограничивался двумя блюдами, и эта церемонія долго продолжалась, пока съ нами жилъ Сошальскій, котораго онъ не любилъ за хвастливый и покровительственный характеръ. Онъ всю жизнь былъ горемычный труженикъ, только послѣдніе годы судьба ему улыбнулась для того, чтобы такъ безжалостно задушить его».

У меня хранится собственноручная тетрадь юношескихъ стихотвореній Н. О. Щербины, куда онъ внесъ и нѣсколько позднѣйшихъ пьесъ. Приготовивъ эту тетрадь для печати, онъ потомъ раздумалъ и выступилъ съ болѣе зрѣлыми произведеніями, озаглавивъ первую свою книгу: «Греческія стихотворенія». Привожу изъ упомянутой тетради слѣдующія восемь пьесъ:

I.

Деревня.

На пыльный небосклонъ лишь тучка набѣжитъ,
 И городъ влажною прохладой освѣжитъ,
 И ближній садъ повѣетъ ароматомъ,
 А нивы дальнія заблещутъ лѣтнимъ златомъ,—
 Люблю я вспоминать, за чашею вина,
 Приютъ спокойствія и тихой нѣги сна—
 Деревню добрую, съ роскошными полями,
 Съ рѣкою голубой, съ зелеными садами,
 Съ малиной спѣлою, со сливой золотой,
 И локонъ барышни, природой завитой,
 Ея воздушныя, плѣнительныя ножки,
 Обутыя—увы!—въ полусапожки...

* * *

Сливаются вдали напѣвы соловья
 Съ журчаньемъ трепетнымъ кристальнаго ручья;
 Склонились сводами плакучія березы:
 Съ нихъ падаютъ въ рѣку росы вечерней слезы.
 Со стадомъ молодымъ идетъ пастухъ къ рѣкѣ,
 Играя весело на дѣдовскомъ рожкѣ.
 Помѣщикъ пожилой, въ своемъ халатѣ давнемъ,
 Отъ мошекъ затворяетъ приказываетъ ставни.
 Онъ говоритъ теперь о дочери своей,
 Что старый бригадиръ въ мужа назначенъ ей,
 Что будетъ онъ въ сей жизни ей попутчикъ,
 А дочери все снится подпоручикъ!..

* * *

Люблю я отъ души тебя, уютный край,—
 Деревня добрая, лѣнивца свѣтлый рай!..
 Тамъ барыня свой станъ снуровкой не сжимаетъ,
 Тамъ, удалясь она отъ тщетной суеты,
 Свои наивныя до глупости черты
 Подъ маской жалкою бѣлили не сокрываетъ;
 И барышня твоя прелестна и стройна,
 Хотя въ платьѣ ситцевомъ красуется она.
 Люблю въ деревнѣ я житье-бытье простое,
 И щечки полныя, и молоко густое.

II.

Фонтенебло.

Уныло и глухо подъ сводами залы:
 Не слышно тяжелыхъ шаговъ,

Не слышно ни звона заздравныхъ бокаловъ
 Ни пѣсень веселыхъ бойцовъ.
 Нѣтъ признака жизни; вокругъ заустѣнье,
 Какой-то печалью глядить...
 Въ дворцѣ позабытомъ, какъ даръ сокровенный,
 Походная шляпа лежитъ.
 Въ глубокую полночь тамъ носятся тѣни
 Угасшихъ давно королей,
 И поступью важной идутъ привидѣнья
 Въ тотъ залъ изъ парадныхъ дверей...
 На голову шляпу себѣ примѣряютъ:—
 И всѣмъ не-по-мѣркѣ она!..
 И тѣни одна за другой исчезаютъ,
 Какъ въ утреннемъ блескѣ—луна...
 Потомъ императоръ является въ залу...
 Державныя руки скрестилъ...
 Тревожная дума въ очахъ заблестала:
 На шляпу онъ взоръ устремилъ.
 Видна на той шляпѣ ничтожность земная,
 Почило величье на ней,
 И тѣнь, съ укоризной на шляпу взирая,
 Груститъ о судьбинѣ своей...
 Сирійское солнце ту шляпу палило,
 Песокъ африканскій пылилъ,
 Метели Россіи ее убѣлили,
 И валъ океана кропилъ!..
 Смотрѣлъ императоръ и грозно, и дико:
 Унести свою шляпу хотѣлъ.
 Но вдругъ раздалися разсвѣтные клики,
 И съ ночью онъ въ высь улетѣлъ...

III.

Пиръ въ Хіосѣ.

Напѣнимъ наксосомъ мастиковыя чаши,
 Алѣ Индіи въ курильницахъ зажжемъ!..
 Какъ этотъ дымъ, разсѣются печали наши,
 И нектаръ радости смѣшается съ виномъ.
 Сквозь тонкій паръ душистаго наксоса,
 Сквозь ароматъ прозрачныхъ облаковъ,
 Увидимъ васъ, красавицы Хіоса,
 Въ вѣнкахъ изъ гроздій и цвѣтовъ.
 Увидимъ мы, какъ по цвѣтамъ катится
 Струя душистая кудрей,
 Какъ виноградъ, колеблясь, золотится
 На мраморѣ трепещущихъ грудей...

IV.

Янинская темница.

Небо Атики прекрасной
 Надо мною не блестить,
 И съ Олимпа мѣсяць ясный
 Сквозь рѣшетку не глядить.

* *

Знать, подь сѣнью Пароенона
 Я лобзалъ тебя въ уста,
 Свѣтлоокая кукона,
 Чтобъ проститься навсегда...

* *

Но зачѣмъ съ тобой такъ мало
 На прощаньи говорилъ
 И вокругъ якеты алой
 Страстно рукъ я не обвилъ!

* *

Освѣти же мракъ темницы
 Взфромъ пламенныхъ очей:
 Мнѣ давно не шлетъ денница
 Свѣтлорадушныхъ лучей!..

* *

Смерти жаждешь, ты Янина,
 Слышу я, за мною идутъ...
 Но альбанцы Тебелина
 Крови грека не прольютъ!...

* *

Паль, рыдая, на колѣни;
 Онъ молитву сотворилъ,
 И о каменную стѣну
 Буйну голову разбилъ.

V.

Русская колыбельная пѣсня.

Спи, мое дитятко,
 Спи, мое милое,
 Спи, когда спится!..

* *

Скоро ты выростешь,
 Съ теплаго гнѣздыша
 Скоро слетишь...

Съ русой бородкою,
 Дитятко милое,
 Горе прійдетъ.

Съ первой красавицей,
 Съ первой зазнобушкой
 Сонъ пропадетъ,
 Съ женой румяною,
 Съ малыми дѣтками
 Много заботъ!..
 Теща сварливая
 Съ тестемъ затѣйливымъ
 Съ толку собьютъ.
 Пѣсня ль старинная
 Вспомнится радостно—
 Хочешь запѣть..
 Въ двери широкія
 Явятся хлопоты,—
 Пѣсня уйдетъ..
 Сонъ ли украдкою
 На изголовьецо
 Ляжетъ порой,—
 Дума житейская,
 Злая кручинушка
 Сгонять его..
 * * *
 Спи, мое дитятко,
 Спи, мое милое...

VI.

* * *

...И взвился тихій Донъ
 Серебристой змѣей,
 По зеленымъ лугамъ
 Покатился рѣкой;
 Далеко полетѣлъ
 Сизокрылымъ орломъ
 И на землю упалъ
 Безконечнымъ лучомъ.
 Донъ живою водой
 Хитрыхъ грековъ поилъ
 И хозаровъ лихихъ
 Онъ на битвы носилъ;
 Подъ ладьями славянъ
 Онъ привѣтно шумѣлъ;
 Громки пѣсни свои
 Имъ съ гусларами пѣлъ.

VII.

Кручина добраго молодца.

Разъ приглянулся яснымъ звѣздочкамъ
Свѣтель мѣсяць—добрый молодець,
И пришли онѣ съ челобитьцемъ
Къ свѣтлу мѣсяцу—добро молодцу.

— «У тебя ль, у мѣсяца, высокъ теремъ,
Изукрашенъ онъ лучше боярскаго,
Не изъ простого камня бѣлаго,
Изъ самоцвѣтной бирюзы состроенный,
Въ ширину, въ длину, не семи сажень,
А надъ цѣлой землей онъ красуется.
Ты одинъ господинъ въ своемъ теремѣ,
Какъ Адамъ въ раю, похаживаешь,
Ясными очами посматриваешь,
Русую бородку поглаживаешь,
По плечамъ кудри разбрасываешь;
А постель у тебя—золоты облака:
Она мягче, пышнѣй невѣстиной.
Ты со-сна встаешь—умываешься
Съ твоихъ рукъ идетъ вода чистая
На поля росой серебристою;
Ты, умывшись, утираешься
Не ширинкой простой, а радугой,
Изукрашенной, разноцвѣтною,
Златомъ шитою краснымъ солнышкомъ.
Много есть у тебя, добрый молодець,
Добра всякаго и угодищевъ,
Только нѣтъ у тебя красной дѣвицы,
Нѣтъ подруженьки—ясной звѣздочки...
Выбирай себѣ изъ звѣздочекъ
Подруженьку, разлапушку,
Своему терему хозяйошку!..»

VIII.

Моя жизнь.

Какъ много надъ юной моей головою
Промчалось житейскихъ тревогъ,
Въ тяжелой борьбѣ съ непокорной судьбою!..
Но пасть я духовно не могъ.

Я въ жизни боролся не съ бурей великой,
Не съ мощнымъ, разумнымъ врагомъ,

Но съ мелочью горя, но съ глупостью дикой
Въ упорствѣ ея мелочномъ.

Я брошенъ былъ рокомъ съ младенчества въ тину,
Не знаемъ никѣмъ изъ людей:

Но я въ ней нашелся, и въ ней не покину
Я мысли высокой моей.

И слышу отрадно я голосъ призывный
Въ житейской моей пустотѣ:

«Вся жизнь твоя будетъ одинъ непрерывный
И пламенный гимнъ красотѣ».

1850 г., октября 25.

Село Павловское.

Отрывки изъ неизданныхъ сатиръ и эпиграммъ Н. Θ. Щербины:

1.

Некрасовъ.

Отъ генерала Муравьева
Онъ въ клубъ кару вызывалъ
На тѣхъ, кому онъ самъ внушалъ
Дичь направленія гнилого,
Кого плодилъ его журналъ...
Ну, словомъ: «нашъ» онъ «либераль»,
Не говоря худого слова.

23 апрѣля.

2.

Лавровъ¹⁾.

Онъ Пиладъ студентской дружбы,
Онъ младенецъ въ цвѣтѣ лѣтъ;
Онъ полковникъ русской службы,
Русской мысли онъ кадетъ.

3.

Сѣверо-западный политикъ.

Квартальныхъ Зевсъ, Маккиавель пажей,
Теперь попалъ въ администраторы:
Такъ повелось на родинѣ моей,
Гдѣ мѣтитъ всякъ кадетъ въ новаторы...

¹⁾ Извѣстный въ свое время артилерійскій полковникъ, авторъ философскихъ писемъ, либераль, а затѣмъ эмигрантъ.

4.

Безъ названія.

Я на исторію сошлюся:
 Отъ Рюрика и Синеуса,
 Тупѣй тѣхъ не было людей,
 Что въ наши дни вертятъ дѣлами
 И въ пропасть мчатся вмѣстѣ съ нами,
 Во имя западныхъ идей.

10 декабря 1867 г.

5.

Р * * 1).

Жалки намъ твои творенья,
 Какъ германскій жалокъ Сеймъ,
 Тредьяковскій обличенья,
 Стихоборзый * *!

6.

З а р а з а .

Легче мнѣ бѣжать со свѣту
 И въ глуши окончить вѣкъ,
 Чѣмъ Коршѣ читать газету;
 Вѣдь, читая тупость эту,
 Окоршится человѣкъ!

24 октября 1867 г.

7.

Еще о Валентинѣ 2).

Я изъ міра сего многошумнаго
 Помирился съ могильною сѣнью,
 Занѣ Корша тамъ нѣтъ скудоумнаго,
 Съ либеральной его дребеденью...
 Еще Коршъ вѣдь пока не преставился,
 (Ему жъ годы прожить за годами)
 Мнѣ тотъ свѣтъ за одно бъ ужъ понравился,
 Что съ такими не жить дураками.

30 марта.

1) Поэтъ М. П. Розенгеймъ.

2) Валентинъ Федоровичъ Коршъ.

8.

П а к и о * * *.

Россійской пустотѣ, фразерству Петрограда
 Всѣ города, смѣясь, даютъ свой контингентъ:
 На что ужъ Чухлома,—и та куда какъ рада,
 Пославъ * * * въ нашъ Питерскій конвентъ!

16 января.

9.

Marquis de W* * *.

Рескриптъ тринадцатаго мая
 Я, буква въ букву исполняя,
 Тиблену разрѣшилъ журналъ:
 Да поражаетъ онъ Каткова
 Всей монтаньярской силой слова,
 Чтобъ врагъ мой палъ и не возсталъ.

2 декабря 1867 г.

10.

Дополненіе къ «Русскому Толковому Словарю».

«Камо поиду отъ духа твоего и отъ взора твоего камо бѣжу?» Псаломъ 130-й.

Когда въ Россіи многопьющей
 Вамъ скажутъ слово «вездѣсущій»,—
 Не разумѣйте Бога въ немъ:
 Такъ начали, во время * * *
 (Сего грядущаго банкрота)
 Именоватъ «питейный домъ».

14 ноября.

11.

Литія по уоопшемъ рабѣ Божиємъ Г* * *.

Мы въ гербѣ орла уничтожаемъ,
 Гербъ мѣняемъ, Г* * *, черезъ тебя!
 Кабакомъ орла мы замѣщаемъ,
 Чтобъ точнѣе выразить себя...

12.

1869 годъ.

Трущобнымъ зоиламъ.

Я говорю, когда меня ругаютъ
 Какой-то «Зеть» и «Искра» и «Недѣля»:—
 То на меня изъ подворотни лаютъ,
 То расходился пьяный пустомеля.

2 января.

«Истор. вѣстн.», январь, 1891 г., т. XLIII.

5

13.

XIX вѣкъ.

Вѣкъ девятнадцатый вѣкомъ бездарности
 Долженъ въ Россіи прослыть,
 Хоть за реформы его благодарности
 И не возможно лишить.

Нижеслѣдующія три сатиры Н. Θ. Щербины, записанныя имъ для меня, хотя при жизни его ходили въ рукописныхъ копіяхъ, но не были включены въ печатное собраніе его сочиненій, а если были гдѣ-либо напечатаны,—въ спискѣ его сочиненій не значились:

14.

Наше время.

Когда былъ въ модѣ трубочистъ,
 А генералы гнули выю,
 Когда стремился гимназистъ
 Преобразовывать Россію.
 Когда, чуть выскочивъ изъ школь,
 Въ судахъ мальчишки засѣдали,
 Когда фразистый произволь
 Либерализмомъ величали;
 Когда могъ О.. хинъ быть судьей,
 Черняевъ же отъ дѣлъ отставленъ,
 Катковъ преслѣдуемъ судьбой,
 А Писаревъ зѣло прославленъ;
 Когда сталъ чиномъ генераль
 Служебный якобинецъ С* *
 И Муравьева воспѣвалъ
 Нашъ красный филантропъ Некрасовъ;
 Когда бездарность и прогрессъ
 Въ Россіи стали синонимомъ,
 И здравый смыслъ совсѣмъ исчезъ,
 Тургеневскимъ разсѣясъ «Дымомъ»:—
 Тогда въ бездѣйствіи влачилъ
 Я жизни незамѣтной бремя,—
 И счастливъ, что незнаемъ былъ,
 Въ сіе комическое время!...

20 ноября 1867 г.

15.

Французскій терроръ въ русскомъ духѣ.

Доморощеннымъ гигантамъ
 Должный путь мы указали;
 Сообразно ихъ талантамъ,
 На мѣста ихъ разсажали.

Робеспьеровъ по акцизу,
 А Маратовъ по контролю,
 Пусть все рушатъ сверху, снизу —
 Либеральничаютъ вволю!

Надѣлить крестьянъ землею
 Мы Бабефовъ разослали,
 А Барбесовъ всей душою
 Въ мировые судьи взяли!

Терруанъ-де-Мирекюры
 Школы женскія открыли,
 Чтобъ оттуда наши дуры
 Въ нигилистки выходили!

Клѣцы нашимъ гимназистамъ
 Проповѣдуютъ науку...
 Словомъ, крайнимъ прогрессистамъ
 Все теперь поплыло въ руку!

Но средь этой благостыни
 Есть безъ жениха невѣста:
 Только Разума богинѣ
 Не нашлось въ Россіи мѣста!

1863 г.

16.

1861 годъ.

Вы зачѣмъ ихъ заключили
 Въ стѣны крѣпости гранитной
 И допросы имъ чинили,
 Съ важной строгостью и скрытно?

Ихъ значенье такъ ничтожно,
 Иль опасно такъ для трона,
 Что допрашивать бы можно
 Ихъ въ кондитерской Рабона...

Дать бы имъ конфектъ по фунту,
 Воротить имъ ихъ возванья —
 Пусть идутъ, взывая къ бунту,
 По Руси, безъ задержанья!

1861 г.

Привожу также изъ подлинной рукописи Н. О. Щербины, имъ подаренной мнѣ, слѣдующія: «Дополненія къ Соннику современной русской литературы (1856 г.)» въ виду того, что въ печатномъ изданіи «Сонника» эти мѣста, касавшіяся еще живыхъ въ то время лицъ, издателемъ были опущены:

Б., Бенедиктова во снѣ видѣтъ предвѣщаетъ увидѣтъ на-яву фигуру индѣйскаго пѣтуха.

Г., Глинку Θεодора во снѣ видѣтъ предвѣщаетъ побывать въ звѣринцѣ и смотрѣтъ тамъ на кривлянья обезьянки.

Д., Дружинина во снѣ видѣтъ предвѣщаетъ столкнуться въ Средней Мѣщанской съ Мефистофелемъ XIV класса, съ денди Выборгской стороны.

К., Кукольника во снѣ видѣтъ предвѣщаетъ изъ романтическаго трубадура превратиться въ черезчуръ классическаго чиновника и запивоху.

Л., Л—ва Михайла во снѣ видѣтъ предвѣщаетъ для мужчинъ припадки сатириазиса, а для дамъ припадки нимфоніи; иногда же, предвѣщаетъ непріятно столкнуться съ грязной литературной тлей съ претензіями на лакейское остроуміе и циническій юморъ, отъ котораго, впрочемъ, всѣ невзыскательные цирюльники, сидѣльцы и холопы, способны надорвать животики.

М., М—а во снѣ видѣтъ предвѣщаетъ проглотить аршинъ или оскопиться духомъ и тѣломъ; иногда—предвѣщаетъ быть одержимымъ глистомъ-солитеромъ.

Н., Некрасова во снѣ видѣтъ предвѣщаетъ изъ житейской необходимости войти въ связи съ пустымъ и пошлымъ человѣкомъ (въ родѣ Ивана Панаева).

С., Ст—го А. — во снѣ видѣтъ предвѣщаетъ: отца и мать въ грязь втоптать, лишь бы только плохую повѣстуху написать, или же увидѣтъ какъ комически русская холопка корчить изъ себя эманципированную Жоржъ-Сандъ.

— Соловьева, московскаго профессора и Макарія епископа Винницкаго, во снѣ видѣтъ предвѣщаетъ увидѣтъ наяву первую занимающуюся зарю самобытной русской науки.

— Соллогуба графа во снѣ видѣтъ предвѣщаетъ взять и не отдать; иногда же предвѣщаетъ съ изумленіемъ увидѣтъ на мраморномъ пьедесталѣ роскошную севрскую вазу, наполненную болотной тиной и смраднымъ навозомъ и прикрытую сверху букетами камелій.

— С*.* академикъ во снѣ видѣть предвѣщаетъ все знать и ничего не знать, прикрыть недостатокъ всякаго содержанія эгидою сухого черстваго педантизма, бесплоднаго буквоѣдства и шарлатанства, съ примѣсью хитрой злости, чѣмъ довольно выгодно для себя провести и облопошить дряхлый и выжившій изъ ума ареопагъ русской науки.

Х., Хотинскаго видѣть во снѣ сонъ не цензурный.

Ш., Шестакова (московскаго профессора) во снѣ видѣть предвѣщаетъ—въ слѣдующую ночь увидѣть то же во снѣ Василя Кирилловича Третьяковскаго, стоящаго на котурнахъ Софокла, закутаннаго въ софокловскій гиматій и добродушно выдающаго почтеннѣйшей публикѣ свою «Демдамію» за софоклова «Царя-Эдипа».

Г. Данилевскій.

ПОТРЕВОЖЕННЫЯ ТѢНИ.

Вице-королева Неаполитанская.

I.

ВЕРСТАХЪ въ семи отъ насъ была деревня Самодуровка, принадлежавшая дядѣ моему, Никандру Евграфовичу Олсутьеву. Онъ былъ намъ родственникомъ со стороны матери. Олсутьевъ былъ прежде человѣкъ очень богатый, но всѣ свои имѣнія прожилъ въ Петербургѣ, гдѣ служилъ въ одномъ изъ самыхъ «блестящихъ» гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Ко времени этого разказа у него было нѣсколько сотъ тысячъ долгу и оставалась ужъ только одна вотъ эта Самодуровка — по тогдашнему опредѣленію, триста душъ, да была еще, кажется, какая-то пустошь, земля безъ населенія.

Здѣсь, кстати, замѣчу, что названіе деревень Самодуровками, которыхъ, въ нашей сторонѣ, много въ каждомъ уѣздѣ, произошло вовсе не отъ господъ ихъ, которые были самодурами, а по слѣдующему поводу. Живетъ село, разрастаясь въ ширь, народъ все въ немъ множится, плодится; прежде пахали ближнюю землю, оставляя дальнюю въ лугахъ, а теперь стали пахать ужъ и дальнюю, начали для этого ѣздить на самый конецъ дачи, версты за три, за четыре, времени на это уходитъ у всѣхъ много, а въ рабочую пору это несподручно; уѣзжать же туда на нѣсколько дней съ тѣмъ, чтобы тамъ и ночевать, жить, тоже не всѣмъ можно — не у всякаго есть на кого оставить свой домъ. Вотъ, когда это, наконецъ, сдѣлается ужъ совсѣмъ не въ моготу, особенно бѣднѣйшимъ, они и начнутъ гадать на сходкахъ, что надо-де изъ села пере-

селяться кому-нибудь туда, на дальній конецъ поля. Богачи на это не соглашались, имъ не рука выпустить изъ села бѣдняковъ—бѣднякъ всегда нуженъ, онъ годится имъ, его можно нанять въ батраки и проч. Но бѣдняки стоятъ на своемъ и въ концѣ концовъ доби-ваются своего, ихъ отпускаютъ и даже оказываютъ при ихъ переселеніи, по обычаю, помощь: даютъ подводы, рубятъ обществен- ный лѣсъ, плетутъ для нихъ плетни и проч.; но все-таки смот- рятъ на нихъ съ досадой, враждебно, и называютъ ихъ за ихъ упрямство и настойчивость самодурами. Вотъ отсюда и названіе ихъ будущаго поселка—Самодуровка.

Такая-то Самодуровка была и у дяди Никандра Евграфовича Олсутьева. Прежде это былъ поселокъ, но потомъ стала ужъ цѣ- лая деревня, все какъ слѣдуетъ, съ флигелемъ для барскаго приѣзда, съ усадьбой, съ садомъ; былъ даже прудъ для карасей, а чтобы садовнику было что дѣлать—были кое-какіе парнички и накла- дены кучи навоза, изъ которыхъ торчала длинная, зеленая, ни- куда ужъ негодная спаржа. Въ этой усадьбѣ, еще маленькими, мы бывали нѣсколько разъ, ѣздили за чѣмъ-то туда съ матушкой, ра- зумѣется, всегда лѣтомъ. Помню, насъ встрѣчалъ тамъ какой-то высокій, худой, совсѣмъ сѣдой старикъ, весь въ бѣломъ, котораго всѣ звали Андрюшей, и старая-престарая, беззубая ужъ, женщина Евпраксеюшка, или Евпраша.

— А, ну-ка, Андрюша, или Евпраша, — скажетъ бывало ма- тушка, — самоварчикъ есть у васъ, угостите-ка насъ чаемъ.

И Андрюша, или Евпраша, засуетятся, начнутъ ходить своей старческой, колеблющейся и шмыгающей походкой и довольные, радостные такіе, точно имъ подарили что-нибудь.

Потомъ являлся къ матушкѣ—приходилъ оттуда съ деревни— плотный мужикъ, съ необыкновенно блестящей лысой головой и огромной рыжей бородой—староста.

Пока намъ собирали чай и мы пили его, матушка объ чемъ-то говорила все время съ этимъ лысымъ мужикомъ, который все время потѣлъ и утирался. Объ чемъ они говорили и даже какъ его звали—совершенно забылъ теперь. Напившись чаю и похо- дивъ по двору, передъ флигелемъ, и по саду—одно названіе, что садъ, такъ что-то такое въ родѣ сада—намъ запрягали карету и мы уѣзжали.

Дядя Никандръ Евграфовичъ въ этой своей Самодуровкѣ ни- разу, кажется, и не былъ вплоть до того вотъ времени, къ кото- рому относится этотъ рассказъ. Онъ вообще приѣзжалъ рѣдко изъ Петербурга, да когда и приѣзжалъ, останавливался въ своемъ глав- номъ имѣніи, Знаменскомъ, верстъ за сорокъ отъ насъ. Но теперь это Знаменское было продано имъ на уплату долговъ и, какъ я говорю, осталась у него только одна вотъ эта Самодуровка, да необитаемая пустошь.

Дядю Никандра Евграфовича мы видѣли до этого времени всего только разъ или два, да и то какъ-то вечеромъ, когда онъ былъ у насъ проѣздомъ куда-то, или откуда-то.

Зима, вьюга, сугробы снѣга, всѣ окна занесло. Мы сидимъ въ угольной и пьемъ чай вокругъ самовара. Вдругъ на той сторонѣ дома, въ передней, какое-то движеніе, оттуда слышно приходитъ лакей и докладываетъ:—«Никандръ Евграфовичъ пріѣхалъ». Отецъ съ матушкой спѣшатъ къ нему навстрѣчу, порываемся и мы, но насъ останавливаютъ подъ предлогомъ, что дядя прямо съ холоду, съ морозу, и мы можемъ еще простудиться. Мы слышимъ голоса, веселія восклицанія; но это все тамъ, далеко, въ залѣ; потомъ и этого не слышно—отецъ съ дядей и съ матушкой прошли въ кабинетъ и оттуда къ намъ приходитъ лакей съ серебрянымъ подносомъ:—«Просятъ туда чаю»,—говоритъ онъ нашей гувернанткѣ Аннѣ Карловнѣ, которая заступила мѣсто матушки у самовара. Она наливаетъ особенно внимательно стаканъ чаю, отрѣзываетъ на блюдечко свѣжаго лимона, приносятъ откуда-то низенькіе пузатенькіе графинчики съ бѣлымъ и краснымъ ромомъ, ставятъ это все на серебряный подносъ и лакей, у котораго на рукахъ явились уже бѣлыя перчатки, важно уносить его. И развѣ ужъ передъ самымъ только ужиномъ мы увидимъ дядю.

— Ахъ, какъ они выросли, сестра, — говоритъ онъ, поздоровавшись съ нами и смотря на насъ.

— Да, растутъ,—улыбаясь, соглашается матушка.

Но отецъ о чемъ-то опять заговорилъ съ дядей, матушка тоже что-то ему рассказываетъ или спрашиваетъ его и мы въ сторонѣ, на насъ ужъ не обращаютъ вниманія. Мы только смотримъ, разсматриваемъ дядю, какой на немъ невиданный нарядъ, какія у него манеры, какой у него голосъ, какія ухватки. За ужиномъ мы продолжали все его разсматривать, слушаемъ, какъ онъ рассказываетъ про Петербургъ, про парады, про выходы во дворцѣ, и все царь, великіе князья, генералы, министры, посланники...

А утромъ, когда послѣ классовъ мы вышли играть въ залъ—его ужъ нѣтъ, онъ уѣхалъ.

— Дядя васъ цѣлуетъ, онъ не хотѣлъ вамъ мѣшать учиться,—говорила намъ матушка, когда мы спрашивали ее объ дядѣ.

Очень мало мы его видали да и то вотъ такъ, мелькомъ, на самый короткій срокъ.

Общее впечатлѣніе, впрочемъ, было объ немъ у насъ очень хорошее: мундиръ у него такой блестящій и красивый, усы такіе тонкіе, элегантныя, изящныя, совсѣмъ не такіе, какъ у большинства нашихъ сосѣдей-помѣщиковъ, и потомъ онъ такой веселый, живой, развязный, болтаетъ, шутитъ, смѣется—должно быть очень добрый.

II.

Гораздо лучше мы знали его сестру, «тетю Липу», Олимпиаду Евграфовну, маленького роста, худенькую, кроткую и молчаливую дѣвушку ужъ лѣтъ тридцати-пяти, отдавшую, какъ мы это много разъ слышали, половину почти своего состоянія своему брату, выше котораго она не знала человѣка въ свѣтѣ. Мы слышали про нее, что она «жила братомъ», что онъ все для нея и «избави Господи, если съ нимъ случится чтò, она не переживетъ».

И все, бывало, она сидитъ въ большихъ, зеленыхъ сафьянныхъ креслахъ у окна, вяжетъ тоненькій чулокъ скоро-скоро, перебирая золотыми спицами,—подарокъ брата,—и сосетъ малиновыя карамельки. Я помню, любилъ наблюдать ее. Возьму какую-нибудь книгу—у отца была большая бібліотека—сяду въ этой же комнатѣ; показываю видъ, что читаю, а самъ все смотрю на нее: она иногда въ это время заработается и, сама того не замѣчаетъ, шевелитъ губами, чтò-то шепчетъ, улыбается. Очень мнѣ это было любопытно, нравилось...

Она по-часту бывала у насъ и иногда подолгу гостила. Это, послѣ бабушки Аграфены Ниловны, была самая любимая наша родственница. И всѣ ее въ домѣ любили: и матушка, и отецъ, и прислуга. Она насъ баловала лакомствами, у нея былъ всегда цѣлый запасъ ихъ съ собою, особенно малиновыхъ карамелекъ.

— Тетя Липа, откуда ты ихъ берешь?—спрашивали мы.

— Это мнѣ братъ изъ Петербурга присылаетъ.

И дѣйствительно, у насъ, въ нашей сторонѣ, ни у кого такихъ не было: чистыя, красныя, совѣмъ какъ рубины.

Любила она также барбарисовое варенье. Какъ бывало она прійдетъ къ намъ, такъ ужъ всякій день вечеромъ къ чаю подають его въ вазочкѣ, и она кушаетъ. Положить на блюдечко, возьметъ ложечкой немножко въ ротъ и прихлебываетъ чаемъ.

— Тетя Липа, ты никакого другого варенья, кромѣ барбарисоваго, не любишь?

— Нѣтъ, вотъ малиновое тоже хорошо.

— А другое?

— Клубничное я тоже люблю, только оно приторно очень, сладко.

— А другое какое еще?—опять допытываемъ мы.

Но во рту у нея варенье, она отхлебнула чаю, говорить не можетъ и потому только молча отрицательно качаетъ головой.

Ее я вотъ, какъ сейчасъ, вижу.

Иногда мы ей надоѣдали съ нашими разспросами до того, что матушка прогоняла насъ отъ нея.

— Катенька, ну зачѣмъ же ты ихъ, вѣдь, они не мѣшаютъ никому,—заступалась она за насъ.

— Ахъ, Липа, надоѣли они. Лѣзутъ все съ глупостями какими-то!

Кротости и терпѣнія необычайнаго она была. Бѣдила съ ней горничная ея, немолодая ужъ дѣвушка и тоже должно быть добрая, но до того глупая, что все бывало перезабудеть, что ей нужно взять съ собою и разъ онѣ пріѣхали гостить къ намъ на мѣсяць и забыли привезти съ собою рубашекъ для смѣны, такъ что потомъ эту горничную—не помню ужъ, какъ ее звали—послали съ нарочнымъ въ Павловку—имѣніе тети Липы.

— Ну это только твое терпѣніе, Липа,—говорила ей по этому случаю матушка, у которой терпѣнія тоже было, хоть отбавляй,—я бы ее и недѣлю при себѣ не держала.

— Такъ мало ли что.—Не нарочно!

— Прошлый разъ вы платки носовые забыли, еще какъ-то—чулки. Вѣдь это ужъ Богъ знаетъ что.

По тогдашнему, это были такія преступленія, что теперь этого понять даже невозможно и никто бы даромъ ихъ не спустилъ, а она—ничего.

У тети Липы было тоже когда-то нѣсколько имѣній, но какъ сказано выше, она отдала ихъ всѣ брату, а тотъ ихъ спустилъ, такъ что ко времени этого разсказа у нея оставалось вотъ только одна это Павловка, въ которой она жила. Но мы никогда тамъ не были. Знали мы только, что тамъ былъ старый небольшой, бабушкинъ еще—Павловка ей досталась отъ ея матери—домъ, въ которомъ было жилыхъ, т. е. въ которыхъ можно было жить и зимою, только три комнаты. Имѣніемъ завѣдывалъ староста, совсѣмъ ужъ сѣдой мужикъ съ трясущейся головой. Этого мы видали. Онъ иногда пріѣзжалъ къ намъ, когда тетя Липа гостила у насъ, привозилъ ей какія-то бумаги, письма. Она была съ нимъ очень ласкова и всегда просила, чтобы ему дали рюмку водки и накормили его.

— Ахъ, Липа, о какомъ вздорѣ ты говоришь—ну, разумѣется, и водки ему дадутъ и накормятъ его,—говорила ей въ этихъ случаяхъ матушка:—какъ же его не накормить? Человѣкъ за пятьдесятъ верстъ пріѣхалъ, съ морозу, а она проситъ еще объ этомъ!

Сама она въ хозяйство, кажется, совсѣмъ не входила, предоставивъ все этому старостѣ своему; а потому, какъ надъ ней съ упреками и ядовито подсмѣивались сосѣди, особенно сосѣдки-помѣщицы, относительно ея женскаго хозяйства, слѣдовало, я думаю заключить, что это хозяйство было у нея въ плачевномъ состояніи, если еще было оно. По крайней мѣрѣ ни о какихъ талькахъ, кружевницахъ, коверщикахъ и т. под. у нея и разговору не было. Все ограничивалось, кажется, одими грибами да ягодами.

Тетя Липа много читала. Я не могу теперь сказать, имѣло ли это чтеніе какой-нибудь результатъ, усвоивала ли она что-нибудь

изъ прочитаннаго и какъ все это переваривала ея голова, но читала она иногда по цѣлымъ днямъ и все серьезныя книги. Она много очень перечитала изъ отцовской библіотеки. Потомъ, она прекрасно знала французскій и нѣмецкій языки, и не болтала только, но основательно ихъ знала. Наши гувернантки, французженка и нѣмка, говорили такъ, по крайней мѣрѣ, про нее.

Тетя Липа училась въ Москвѣ, въ какомъ-то дорогомъ и въ то время самомъ аристократическомъ пансіонѣ, гдѣ отлично кончила курсъ первою. Это мы все знали изъ ея разговоровъ съ нашими гувернантками. Въ свободное отъ занятій съ нами время онѣ говорятъ съ ней, а мы слушаемъ, это намъ интересно. Въ то время, вотъ когда они говорили, а мы слушали ихъ, пансіонъ этотъ еще былъ цѣлъ въ Москвѣ, и однажды тетя Липа сказала матушкѣ, присутствовавшей при этомъ:

— Вотъ бы Соничку (мою сестру) туда отдать: прекрасное заведеніе.

Матушка промолчала, ничего ей не отвѣтила: Соничка предназначалась въ Смольный монастырь, который, въ нашемъ по крайней мѣрѣ захолустьи, считался тогда лучшимъ женскимъ учебнымъ заведеніемъ, и къ тому же, тамъ окончила курсъ нѣкогда и бабушка (перваго выпуска) мать отца.

Тетя Липа не вышла замужъ по причинѣ какой-то необыкновенно печальной любви, которую она почувствовала вскорѣ по пріѣздѣ изъ пансіона, къ одному молодому человѣку, ихъ сосѣду, тоже только-что пріѣхавшему на побывку къ своимъ родителямъ изъ Петербурга, гдѣ онъ служилъ гусаромъ. Дѣло было зимой, на праздникахъ. Въ Крещеніе онъ явился на іордань, желая блеснуть красивой своей формой, въ одномъ мундирѣ, простудился, схватилъ горячку и умеръ. Тетушка едва перенесла эту утрату, тоже была больна, всѣ отчаявались въ ея выздоровленіи, однакожь она, слава Богу выздоровѣла, но о замужествѣ за кого бы ни было, она ужъ и слышать потомъ не хотѣла. Сватались и богатые и красивые,—она всѣмъ отказывала.

— Ну чтожь дѣлать, значить, не суждено было. Тогда Богъ не судилъ мнѣ выйти, и не нужно,—коротко отвѣчала она, когда заводили съ ней рѣчь объ этомъ.

Вообще, она не любила этого разговора, отдѣлывалась этой фразой или просто молчала, ничего не отвѣчала.

И это не было притворствомъ съ ея стороны, жеманствомъ: она никогда не притворялась. Она дѣйствительно, должно быть, тяжело переносила свою утрату и это отразилось на всю ея жизнь.

III.

Какъ я уже упоминалъ, у насъ всѣ—и родные и чужіе—говорили про тетю Липу, что она живетъ только для брата своего, дяди Никандра Евграфовича, которому ужъ отдала почти все свое состояніе и отдастъ и послѣднюю свою Павловку, если это ему понадобится.

И дѣйствительно, надо было видѣть ее въ то время, когда она говорила объ немъ. Вся оживлялась, глаза блестятъ; рассказывая про глупости, которыя онъ продѣлывалъ въ Петербургѣ, про дурачества, которыя онъ позволялъ себѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, очень его любившимъ, она смѣялась и хотала до слезъ, хотя все это было, даже и на мой тогдашній взглядъ, ужасно глупо, а иногда и просто даже пошло.

Но она все это ему не только прощала, не смотря на то, что эти дурачества, какъ и вообще весь образъ его жизни, стоили ей почти всего ея состоянія, но, кажется, въ самомъ дѣлѣ, ни на минуту не задумалась бы отдать ему сейчасъ и Павловку свою, если бы онъ попросилъ у нея этого прямо такъ для какого-нибудь новаго своего дурачества. Это была совершенно необъяснимая странность у нея, слабость къ нему—я не знаю, какъ это назвать.

Увлечется, начнетъ рассказывать какую-нибудь ужъ совѣмъ не остроумную выходку его, всѣ слушаютъ, молчатъ, а она сама рассказываетъ и смѣется, жмуритъ глаза, полные слезъ отъ смѣха; увидитъ вдругъ у кого-нибудь грустную, снисходительную къ нему улыбку и сейчасъ замолчитъ, обидится. Ее самую скорѣе можно было обидѣть, и она бы перенесла, ничего; но обидѣть его, даже просто снисходительной улыбкой по поводу рассказа о его дурачествахъ—этого она не могла перенести.

Повторяю, это была какая-то необъяснимая просто даже слабость у нея къ нему. Ее всѣ любили за ея кроткій, тихій, безобидный нравъ, знали эту ея слабость, старались всячески избѣгать при ней даже разговора о ея братѣ, но иногда срывалось все-таки у кого-нибудь слово осужденія по поводу его безумнаго мотовства и всѣхъ этихъ дурачествъ, она сейчасъ обижалась и бывали случаи, что она сейчасъ же уѣзжала домой, или къ кому-нибудь изъ родственниковъ, тутъ, поближе, и потомъ долго не показывалась: надо было ѣхать къ ней, объяснить, просить ее забыть.

— Вѣдь, онъ не ваше тратить—свое,—говорила она обыкновенно.

— Да досадно на васъ, вы-то зачѣмъ ему свое отдали?

— Опять же вѣдь это мое, а не ваше. Вамъ-то какое дѣло?

— Ну, извините, Олимпіада Евграфовна, больше не услышите, остерегаться буду.

Безконечно добрая, она, разумѣется, не могла долго сердиться, мирилась, но видно было, что перенести ей это дѣйствительно тяжело было, что это опять-таки вовсе не притворство съ ея стороны, не капризъ простой.

Такъ это и продолжалось. Всѣ осуждали его, находили, что это нечестно даже съ его стороны обирать свою сестру, которая на старости лѣтъ можетъ остаться, по его милости, безъ своего угла, и проч., и проч.; но при ней, въ силу вотъ этой необъяснимой ея слабости къ нему, молчали, избѣгая даже спрашивать ее объ немъ.

Какъ вдругъ, однажды, ранней весной, матушка получила записку отъ нея, въ которой она просила ее пріѣхать къ ней въ Самодуровку.

Это было чтò-то подозрительное. Зачѣмъ она очутилась въ Самодуровкѣ? Никогда она туда, подобно брату своему, не заѣзжала, и вдругъ тамъ теперь. Позвали посланнаго.

— Давно барышня ужъ у васъ?

— Третьяго дня пріѣхали. Вчера возы пришли съ вещами...

— Какіе возы? Съ какими вещами?

— Съ ихними-съ. Онѣ вѣдь изволили Павловку продать, стало-быть, теперь жить тутъ будутъ...

Это былъ крайне непріятный сюрпризъ для матушки, которая очень любила ее. Конечно, она сейчасъ же поняла почему это сдѣлала тетя Липа и для кого, и была этимъ глубоко возмущена. Она сейчасъ же велѣла запретъ лошадей и поѣхала къ ней, не смотря на то, что дороги были уже совсѣмъ испорчены и было даже опасно ѣхать отъ готовой разлиться полой воды.

Къ вечеру матушка вернулась уже съ тетей Липой. Матушка была взволнована, а она ничего, попрежнему улыбалась, была весела, ей это, казалось, ни по чемъ.

Послѣ чаю, она, матушка и отецъ, ушли въ кабинетъ и долго тамъ говорили. Матушка выходила оттуда и глаза у нея были заплаканы.

Любимая наша гувернантка, т. е. любимая матушкой, нѣмка Анна Карловна вопросительно смотрѣла на нее, и матушка не вытерпѣла, сказала при насъ ей:

— Никандръ Евграфовичъ—это ужасный человѣкъ: онъ Богъ знаетъ, что дѣлаетъ. Это съ его стороны низко, даже преступно...

Анна Карловна вздохнула изъ глубины души, а мы, догадавшіеся приблизительно въ чемъ дѣло, поняли, что и Павловка тетина пошла тоже на какое-нибудь его дурачество.

Но тетѣ Липѣ казалось до этого ни малѣйшаго не было дѣла. Она и за ужиномъ была все такою же точно, какъ и всегда, смѣялась, поглядывала на насъ, и, послѣ ужина, когда мы, передъ тѣмъ, какъ идти спать, прощались съ ней, обдѣляла насъ, по обыкновенію, малиновыми карамельками.

За матушкой, оказывалось, она присылала изъ Самодуровки только за тѣмъ, чтобы спросить ее, не обезпоятся ли она, если прїѣдетъ пожить къ намъ, пока тамъ у нея все устроятъ? Она знала, что мы ждали въ это время другихъ къ себѣ родственниковъ. Удивительно!

Матушка просто не знала даже, какъ ей понимать ее, и смотрѣла, кажется, какъ на тронутую не много...

И вотъ съ этихъ поръ тетя Липа стала почти что безвыѣздно пребывать у насъ. Съѣздить, пожить у себя въ Самодуровкѣ для чего-то съ недѣлю или дней десять—это ужъ много—матушка и пошлетъ за ней, или сама поѣдетъ и привезетъ ее.

— Ну, что ты тамъ, Липа, сидишь одна?—спросить она, встрѣчая ее.

— Да такъ. Разбирала кое-что, читала, письма писала.

— Да это-то и здѣсь можешь дѣлать.

Привезетъ, бывало, оттуда, изъ парниковъ, своей рѣдиски, огурцовъ, если ѣздила туда весною, а лѣтомъ—ягодъ какихъ-нибудь. Все это есть и у насъ, но мы ѣдимъ это ее, ею привезенное, и всѣ хвалятъ, говорятъ, что вотъ рѣдиска у нихъ лучше, или малина крупнѣе, и она какъ будто довольна этимъ.

Стали и мы чаще бывать въ Самодуровкѣ. Прежде мы тамъ бывали, вотъ какъ я рассказывалъ, очень рѣдко, всего-то раза два я и помню, а теперь все разъ десять въ годъ-то ужъ съѣздили. Никого тамъ прежде не жило къ кому же было ѣхать, а теперь тамъ жила тетя Липа и хотя это только такъ говорилось, что она тамъ живетъ, а все-таки корень у нея тамъ былъ.

Сидимъ — сидимъ, бывало, вдругъ кто-нибудь и придумаетъ ѣхать раковъ ловить, а это всего только въ одной верстѣ отъ Самодуровки,—тетя Липа поддержитъ сейчасъ, скажетъ:

— А вотъ я бы кстати и къ себѣ заѣхала, а то давно не была уже.

Запрягаютъ лошадей и мы ѣдемъ. Довозимъ сперва тетю Липу до ея дома въ Самодуровкѣ, заходимъ сами на минутку и ѣдемъ дальше, ловить раковъ. А на возвратномъ пути, уже поздно вечеромъ, заѣзжаемъ за нею и опять увозимъ ее къ себѣ.

Осенью и зимою ѣздили мы съ нею въ Самодуровку подъ предлогомъ прокатиться. Прїѣдемъ, она тамъ что-нибудь начнетъ искать у себя въ комодахъ, въ шкапулкахъ, которыхъ, кромѣ тѣхъ, что были съ нею у насъ, у нея было безчисленное множество еще; мы согрѣмся между тѣмъ, она угоститъ насъ лакомствами и ѣдемъ назадъ вмѣстѣ съ нею домой.

Около года, первое время, какъ тетя Липа прїѣхала въ Самодуровку, она, вотъ кромѣ этихъ комодовъ и шкапулочекъ, никакихъ вещей не раскладывала. Огромные сундуки съ чѣмъ-то, и наглухо заколоченные ящики такъ и стояли нераспакованными,

въ затворенной комнатѣ флигеля, и, что тамъ было, мы не знали. Но вотъ однажды тетья Липа—это было на слѣдующій годъ весной—отправилась къ себѣ въ Самодуровку, сказавъ, что хочетъ тамъ пробыть нѣкоторое время, такъ какъ ей надо разобрать свои неразобранныя вещи.

— Черезъ недѣлку я опять приѣду,—сказала она намъ, когда, прощаясь, мы спрашивали ее, когда она будетъ.

Но прошло дней десять, она не ѣхала, и матушка рѣшилась сама за ней ѣхать. Разумѣется, мы стали просить, чтобы она и насъ взяла, матушка согласалась, и мы всѣ поѣхали за ней.

IV.

Мы не узнали самодуровскаго флигеля, когда этотъ разъ вошли въ него. Всѣ стѣны были увѣшаны картинами, картинками, большими портретами, писанными масляными красками, черными печатными литографированными и множествомъ миниатюрныхъ, писанныхъ на фарфорѣ, на стеклѣ, на слоновой кости и проч. Все это въ красивыхъ рамкахъ, золоченыхъ, бронзовыхъ и т. д.

Матушка, бывавшая у тети Липы въ ея Павловкѣ, откуда она это все привезла съ собою, когда продала свое послѣднее имѣніе, встрѣтилась теперь со всѣми этими портретами, какъ съ старыми своими добрыми знакомыми; но для насъ съ сестрою все это было новостью, и мы съ величайшимъ любопытствомъ и интересомъ принялись ихъ разсматривать и спрашивали: кто это? А вотъ это кто? Матушка занялась разговоромъ съ тетей Липой—тетя сообщала ей какую-то новость, а мы надоѣдали имъ своими разспросами, отрывали ихъ отъ разговора, но то та, то другая, отвѣчали намъ, удовлетворяя наше любопытство.

Большею частью это все были портреты нашихъ же родственниковъ, родныхъ, двоюродныхъ, троюродныхъ, бабушекъ, прабабушекъ, дѣдушекъ, прадѣдушекъ, въ ихъ молодости, въ среднихъ годахъ и въ старости; но были между ними портреты и совсѣмъ постороннихъ лицъ, разныхъ знаменитостей, съ которыми я, много читавшій, цѣлыми днями тогда читавшій у отца въ библиотекѣ, былъ уже знакомъ. Въ то время, какъ у всѣхъ это бываетъ дѣтей, которые только-что пристрастились къ чтенію, и у меня былъ свой любимѣйшій герой, или, правильнѣе цѣлый циклъ любимыхъ героевъ—Наполеонъ съ своими маршалами. Я уже прочиталъ «Исторію консульства и имперіи» Тьера, «Исторію Наполеона» соч. Полевого, еще чью-то «Исторію Наполеона», прочиталъ многотомныя воспоминанія и записки герцогини Абрантесъ и много другихъ. Наполеономъ я зачитывался и фактическую исторію его зналъ со всѣми мельчайшими подробностями, которыя собственно и составляютъ весь интересъ и всю прелесть для дѣтей.

И вотъ, теперь вдругъ я увидѣлъ цѣлую галерею портретовъ самого Наполеона и его маршаловъ. Я никакъ ужъ этого не ожидалъ и былъ просто пораженъ этимъ открытіемъ. Здѣсь былъ и Нэй съ открытымъ, гордымъ лицомъ, и мрачный Даву, и Макдональдъ, и Латуръ-Мобуръ и проч. и проч., но, главное — Мюратъ. Его портретовъ было нѣсколько и между ними одинъ превосходный, писанный на стеклѣ. Знаменитый начальникъ кавалеріи Наполеона, его зять, былъ изображенъ на конѣ въ какомъ-то странномъ уборѣ съ перьями, весь въ позументахъ, орденахъ; вмѣсто чапрака, на лошади барсовая шкура...

Сестра, совершенно равнодушная къ Наполеону и его маршаламъ, пересмотрѣла вмѣстѣ со мною всѣ тетушкины портреты и занялась разсматриваніемъ разныхъ ея вещицъ, во множествѣ теперь разставленныхъ у нея на туалетѣ, на столахъ, на окнахъ; но я не могъ оторваться отъ портретовъ моихъ любимцевъ. Она звала меня, кричала мнѣ: — посмотри какія шкатулочки! ахъ, какая прелесть! — но я не шель смотрѣть «эти глупости». Изъ моихъ настойчивыхъ и неотвязчивыхъ разспросовъ: — «откуда, тетя Липа, ты взяла этотъ портретъ?» — этого маршала, или этого вотъ? — они всѣ были не одинакіе, т. е. разныхъ, не только величинъ, но и разнымъ способомъ воспроизведены — матушка съ тетей, конечно, уже знавшія о моей страсти къ Наполеону и его маршаламъ, поняли, что я попалъ въ очарованный кругъ и, улыбаясь и переглядываясь другъ съ другомъ, смотрѣли на меня. Я почувствовалъ себя неловко и, стоя на диванѣ или на креслѣ передъ портретомъ, думалъ, смотря на нихъ: что онѣ тутъ находятъ смѣшного?... Матушка въ это время встала и, выйдя на середину комнаты, остановилась передъ большимъ пояснымъ портретомъ какой-то барыни, висѣвшимъ какъ разъ посреди стѣны и окруженнымъ всѣми этими портретами Наполеона и его маршаловъ. Къ ней подошла тетя Липа. Онѣ обѣ смотрѣли на портретъ молча, изрѣдка только перекидываясь коротенькими фразами:

— А вѣдь какъ хороша-то!

— Глаза особенно. Удивительно...

— И до сихъ поръ его портретъ все на ней, не разстается?

— Нѣтъ.

Я тоже обратилъ вниманіе на красивую даму. Это была молодая еще женщина, блондинка, съ волосами высоко причесанными, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, подпоясанномъ голубой лентой высоко подъ самую грудь; на шеѣ у нея на черной бархаткѣ висѣлъ чей-то большой медальонъ-портретъ, осыпанный крупными красными камнями.

— Это чей портретъ? — спросилъ я.

— Тоже Мюрата, — отвѣтила матушка.

— Нѣтъ, этой вотъ дамы.

— Ахъ, а я думала, у нея чей портретъ... Это Свистова, Анна Павловна.

Мнѣ что-то тутъ подозрительнымъ показалось.

— А у нея это чей портретъ? — спросилъ я.

— Да вѣдь я же тебѣ сказала — Мюрата, — отвѣтила матушка. Я такъ и остановился.

— Какъ Мюрата? Зачѣмъ?...

— Ну, теперь пошло, — смѣясь и махнувъ рукой, сказала матушка: — такъ, Мюрата, и больше ничего. Это ея знакомый былъ.

— Ея знакомый? Гдѣ же они познакомились?

— Когда въ Москвѣ были французы.

Я совсѣмъ ничего не понималъ.

— Въ Москвѣ, когда были французы въ двѣнадцатомъ году, и она тамъ оставалась; ну и познакомилась тамъ, въ это время, съ Мюратомъ, — видя мое недоумѣніе, объясняла мнѣ матушка.

Но я все-таки никакъ не могъ понять, какъ же это такъ могло быть: какая-то Анна Павловна Свистова и Мюрать, — и они были знакомы? Очень ужъ великимъ представлялся мнѣ для этого Мюрать и, потомъ, французы, двѣнадцатый годъ... Все это, мнѣ казалось, такъ давно было, а тутъ вотъ портретъ помѣщицы-сосѣдки тети Липы, женщины еще молодой и которая, онѣ говорятъ, была съ нимъ знакома... Положимъ, портрету этому, какъ онѣ же говорили сейчасъ, я слышалъ, ужъ лѣтъ тридцать, но все-таки что же это еще?

— Она жива и до сихъ поръ? — спросилъ я матушку.

— Жива.

— Какихъ же лѣтъ она была, когда...

— А въ самомъ дѣлѣ, Липа, который Аннѣ Павловнѣ годъ теперь? — спросила матушка, обращаясь къ тетѣ Липѣ.

Онѣ начали высчитывать и у нихъ вышло, что ей что-то сорокъ семь, восемь.

— Вѣдь она же совсѣмъ еще дѣвочкой была тогда, — говорила тетя Липа.

— Я знаю, ей пятнадцать лѣтъ тогда было — подтвердила матушка.

— Ты ее тоже знаешь развѣ? — спросилъ я, опять удивившись и тому, что ее знаетъ матушка.

— Знаю.

Мнѣ было странно, что она матушкина знакомая, а я ее ни разу не видѣлъ. Всѣ знакомые бывали у насъ, а эта никогда. Я даже никогда ничего не слыхалъ объ ней раньше, не подозрѣвалъ даже о ея существованіи.

— Она отчего же у насъ не бываетъ? — спросилъ я.

— Она далеко живетъ.

— Гдѣ?

— Она тамъ, за Павловкой, гдѣ прежде тетя Липа жила.

— А тутъ, она у тебя, тетя Липа, будетъ бывать, въ Самодуровкѣ? — спросилъ я.

— Она теперь больна, — сказала матушка.

Но отъ меня отдѣлаться было не такъ легко, и я продолжалъ спрашивать:

— А если выздоровѣетъ, то тогда прїѣдетъ ли? Если прїѣдетъ, то долго ли проживетъ? Пошлютъ ли за тетей Липой, когда она прїѣдетъ, а тетя Липа въ это время будетъ у насъ гостить? и проч. и проч.

— Только ты если и увидишь ее, пожалуйста не вздумай спрашивать про своего Мюрата, — сказала матушка.

— А что?

Это было опять загадочно для меня и я смотрѣлъ на нее, ожидая отвѣта.

— Такъ... не надо этого... она не любитъ...

— А какъ же она постоянно портретъ его носить?...

— Ну, однимъ словомъ, я тебѣ говорю, если бы когда и увидалъ ее, не изволь спрашивать... Послѣ все узнаешь, — заключила матушка.

Я остался ошеломленный до послѣдней степени всей этой исторїей. Очень ужъ близко, казалось мнѣ, былъ я теперь къ Наполеону, ко всѣмъ его маршаламъ, и такъ это вдругъ, неожиданно все вышло...

Мы ходили куда-то гулять, чтѣ-то смотрѣли въ Самодуровскомъ саду, на дворѣ, и когда пришли опять въ комнаты, я снова все смотрѣлъ на портреты и особенно на портретъ дамы съ медальономъ на шеѣ...

V.

Домой мы возвратились по обыкновенію въ тотъ же день, захвативъ съ собою и тетю Липу.

Вечеромъ, въ угольной, за чаемъ, изъ разговора матушки и тети Липы съ отцомъ, мы съ сестрой узнали, что въ это время, пока тетя Липа была у себя въ Самодуровкѣ, она получила очень неприятное письмо отъ своего брата, дяди Никандра Евграфовича. Дѣла его были совсѣмъ плохи. Онъ былъ страшно долженъ и нуждался въ деньгахъ.

— Да, но вѣдь на него не напасешься! Ему сколько не дай — все будетъ мало.

— И потомъ, что же это такое: въ пятьдесятъ почти лѣтъ вѣдетъ себя совсѣмъ какъ мальчишка какой. Вѣдь всѣ эти дурачества, шалости, глупости, хороши въ двадцать лѣтъ, а не въ пятьдесятъ, — говорили и отецъ, и матушка.

Тетя Липа слушала ихъ и, если, можетъ быть, и не соглашалась съ ними въ душѣ, то понимала, что вѣдь нельзя же, въ са-

момъ дѣлѣ, заставить всѣхъ смотрѣть на него своими, т. е. ея, глазами. И потомъ, это говорятъ ближайшіе къ ней люди, которыхъ она ни въ чемъ враждебномъ къ себѣ или къ нему и корыстномъ не можетъ заподозрить.

— Ты меня извини, сестра,—говорила ей матушка,—но ты подумай и объ себѣ. Его все равно ты не спасешь, а сама останешься нищей.

Разговоръ шелъ по поводу того, что братецъ Никандръ Евграфовичъ просилъ у сестры послѣднія десять тысячъ, которыя остались у нея изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи Павловки. Она отдала ему всѣ деньги, оставивъ себѣ только десять тысячъ, и онъ просить теперь у нея и ихъ.

Тетя Липа молчала.

— Вѣдь, все равно, десятью тысячами ты его не спасешь,—говорила ей матушка.—Ну, вышлешь ты ихъ ему, а дальше?

— Онъ говоритъ, продастъ Самодуровку и отдастъ мнѣ,—отвѣчала ей тетя Липа.

— Да не допускать его и продать ее—у него за долги кредиторы продадутъ ее.

— Но какъ же я его оставлю! У меня деньги есть и я ему не помогу!—какъ-то фанатически, съ блистающими глазами, воодушевленная, воскликнула тетя Липа.

Отецъ ей ничего не отвѣтилъ, побарабанилъ пальцами по столу, всталъ и вышелъ; матушка продолжала ее образумливать, вздыхала, говорила:—Ахъ, ахъ, Липа... Ахъ, будешь ты тужить, да ужъ будетъ поздно.

Съ этихъ поръ разговоръ о дядѣ Никандрѣ Евграфовичѣ у насъ въ домѣ начинался почти каждый день. Иногда онъ велся и при тетѣ Липѣ, иногда и безъ нея. При ней, шадя ея слабость къ нему, сдерживались, говорили и выражались объ немъ мягче; безъ нея, конечно, не стѣснялись ни въ обсужденіи его поступковъ ни въ эпитетахъ ему. Деньги, по настоянію матушки, тетя Липа послала ему не всѣ, а только половину. Онъ скоро отвѣчалъ ей, и ни полусловомъ не упомянулъ о томъ, что она ему не десять тысячъ выслала, а всего только пять. Тетя по этому случаю беспокоилась, говоря, что она боится, что ему не хватило:

— Но онъ такъ деликатенъ...

— Онъ просто забылъ, сколько онъ у тебя просилъ. Ему просто нужны были деньги,—а сколько—пять, десять тысячъ, онъ, увѣряю тебя, и самъ не зналъ,—возражалъ ей отецъ.

— Ну, какъ же такъ.

— Очень просто. Надо знать его. Это такой человѣкъ...

Тетя Липа очень часто получала отъ него письма и какъ-то, въ это время, послѣ полученія одного изъ нихъ, сказала, что дядя Никандръ Евграфовичъ собирается въ Москву.

— А сюда будетъ?—спросили ее.

— Не писать...

Отець задумался и, улыбаясь, сказалъ:

— Последнее средство хочеть испытать — жениться на купчихѣ!...

Матушка стала смотрѣть на тетю Липу. Та молчала.

— Да, печальный конецъ,—продолжалъ отецъ, но его надо было ожидать.

Тетя Липа молчала.

— Да онъ пишетъ тебѣ объ этомъ что-нибудь?—сказала наконецъ ей матушка.

Тетя Липа заплакала.

— Ну, дѣти, идете гулять, что вы тутъ сидите, нечего вамъ тутъ слушать,—обратилась къ намъ матушка, замѣтивъ, что мы вовсе не нужные тутъ свидѣтели этой тяжелой непріятной сцены.

Мы съ сестрой ушли.

Но такіе разговоры начались теперь почти каждый день и хотя они никакого интереса намъ собственно не представляли, и мы вовсе не старались быть ихъ свидѣтелями, но тѣмъ не менѣе присутствовали при нихъ—сегодня при началѣ разговора, вчера при концѣ, и могли слѣдить за ходомъ развитія вопроса о женитьбѣ дяди въ Москвѣ, на купчихѣ. Отець отгадалъ тогда вѣрно. Дядя въ самомъ дѣлѣ ѣхалъ въ Москву съ этой цѣлью и теперь былъ уже тамъ и оттуда къ тетѣ Липѣ приходили письма. Изъ разговоровъ мы узнали, что ему можно жениться не иначе, какъ на невѣстѣ съ приданымъ не меньше милліона...

— Да вы сами посудите, какъ же меньше-то ему можно,—говорилъ однажды отецъ,—когда у него однихъ долговъ больше полумилліона.

— Нѣтъ, меньше,—вступилась было тетя Липа.

— Ахъ, что ты говоришь, Липа. Ты точно ребенокъ.

— Да онъ же самъ мнѣ писалъ.

— Онъ самъ не знаетъ, я думаю, навѣрно сколько онъ долженъ.

Тетя Липа, по обыкновенію, замолчала.

— А чѣмъ же они жить будутъ послѣ? Вѣдь если теперь одному ему не хватало никакихъ средствъ, что же будетъ тогда-то, когда онъ женится? Вѣдь тогда жизнь-то будетъ втрое, вчетверо дороже стоить...

— Онъ остановится. Онъ не будетъ больше...

— Дай Богъ, пора, кажется.

— Да это ужъ Богъ съ ней, что она купчиха, и изъ нихъ попадаются также иногда хорошія женщины,—соглашалась матушка,—самое главное, чтобъ она только сьумѣла его въ руки взять... чтобы онъ остепенился при ней...

Такимъ образомъ, у насъ, мало-по-малу, всѣ почти-что ужъ примирились съ тѣмъ, что дядя женится на купчихѣ—фактъ признавался почти-что ужъ совершившимся и всѣ желали только, чтобъ ему попалась, по крайней мѣрѣ, добрая жена, хорошая хозяйка.

Матушка, тетя Липа и даже отецъ приводили извѣстные имъ примѣры удачныхъ браковъ въ этомъ родѣ, когда, женись, имѣли въ виду сперва однѣ только деньги, а потомъ оказывалось, что имъ попадали и хорошія жены.

Но, тѣмъ не менѣе, рядомъ съ этими добрыми соображеніями, показывшими что дѣло женитьбы дяди на купчихѣ не вызоветъ особеннаго какого скандала, матушка и отецъ—разумѣется въ отсутствіи тети—говорили, что они замѣчаютъ, что она послѣднее время стала какая-то спуганная и это вовсе не оттого, что ее тревожитъ вся эта исторія, а есть этому какая-то другая причина, она объ чемъ-то задумывается, у нея есть что-то такое въ головѣ, чего она не высказываетъ, хранить про себя.

Но, чтò?

VI.

Въ концѣ мая тетя Липа собралась, и довольно какъ-то неожиданно, поѣхать навѣстить нѣкоторыхъ общихъ нашихъ родственниковъ. Такія поѣздки вообще всѣ дѣлали, дѣлала ихъ и тетя Липа, и ничего въ этомъ особеннаго не было; случайнымъ казалась вотъ только эта неожиданность какая-то, нервная послѣпность, съ которою она собралась въ дорогу. У нея былъ свой экипажъ, свои лошади въ Самодуровкѣ, такъ что ее слѣдовало только довести до дому, а оттуда она ужъ и поѣдетъ, куда ей вздумается.

— Липа, а если письма получатся безъ тебя на твое имя, куда тебѣ переслать? Ты скажи приблизительно, гдѣ ты въ какое время будешь, мы туда тебѣ и перешлемъ,—сказала ей матушка, при самомъ ужъ прощаньи съ нею, когда всѣ тутъ стояли.

— Да куда?.. не рѣшительно сказала она:—вышли тогда все это къ Свистой. Я давно ее не видала, мнѣ хочется ее провѣдать...

Но она сказала это какъ-то странно и это страннымъ точно такъ же показалось и всѣмъ. Это было тоже неожиданностью. Всѣ знали, оказывается, о ея дружественныхъ, пріятельскихъ отношеніяхъ съ Свистой, но она говорила все это время, что ѣдетъ къ родственникамъ, это совсѣмъ въ другую сторону, а письма, между тѣмъ просить переслать къ Свистой...

— Я объѣду родныхъ, а потомъ къ ней заѣду, у нея и поживу,—какъ бы въ объясненіе этой загадочности, сказала тетя Липа.

Проводивъ ее, и матушка, и отецъ, высказывали опасенія, какъ бы изъ этого ея пребыванія у Свистой не вышло еще чего-нибудь нехорошаго для нея.

— Она такая разстроенная, возбужденная, а та ужъ совсѣмъ экзальтированная, тронутая почти—ничего тутъ хорошаго не можетъ выйти,—говорилъ отецъ.—Я прямо-таки за нее боюсь...

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда тети Липы, я сидѣлъ у отца въ кабинетѣ и читалъ какую-то исторію Наполеона. Отецъ тоже въ это время перелистывалъ какую-то книгу. Мнѣ попался на глаза портретъ Мюрата и у меня вдругъ блеснула мысль спросить отца о томъ, какъ попался его портретъ къ Свистовой, и я спросилъ.

Онъ ужасно удивился этому.

— Ты гдѣжь ее видѣлъ?

— У тети Липы.

— Да развѣ она была тамъ, когда вы тамъ были?

— Портретъ ея я видѣлъ.

— А-а!.. А я ужъ думалъ...

— Какъ онъ къ ней попалъ?.. Портретъ Мюрата къ Свистовой?—повторилъ я, когда онъ, ничего не отвѣтивъ мнѣ, замолчалъ.

— Какъ попалъ?—разкрывая книгу, проговорилъ отецъ,—это очень длинная исторія...—и опять замолчалъ.

— Она съ нимъ познакомилась въ Москвѣ... И онъ самъ ей этотъ медальонъ подарилъ съ своимъ портретомъ?—продолжалъ я.

— Да... въ Москвѣ... самъ подарилъ... Да ты-то откуда это все знаешь?

— Я слышалъ.

— Она отъ этого-то и такая... странная сдѣлалась потомъ,—продолжалъ отецъ.

— Отчего это?

— А такъ... Она думала, что онъ женится на ней... а потомъ это разстроилось...

— Мюрать хотѣлъ жениться на Свистовой?!—воскликнулъ я.

— Да, чтожь тутъ удивительнаго? Она столбовая дворянка, прекрасно воспитанная. Да самъ Мюрать-то кто былъ?

— Да вѣдь, по исторіи, онъ ужъ женатъ былъ. Его жена вѣдь сестра Наполеона была,—опираясь на свои знанія, совершенно серьезно сказалъ я.

— Да вѣдь ей-то казалось, что онъ женится на ней. Вѣдь она совсѣмъ почти дѣвочкой тогда еще была. Ей и пятнадцати лѣтъ не было еще тогда...

— Какъ бы я хотѣлъ ее видѣть,—сказалъ я.

— Чтожь тутъ хотѣть? Несчастливая дѣвушка. Вся жизнь ея разбита... Почти полупомѣшанная...

— И все отъ этого?

— Все отъ этого.

Кто-то вошелъ къ отцу, или позвали его,—на этомъ разговоръ и кончился.

Вскорѣ, черезъ нѣсколько же дней, какъ Липа уѣхала, пришли на ея имя письма и между ними одно отъ Никандра Евграфовича. Надо было ихъ ей послать, но куда ихъ отправить? Приѣхала ли она ужъ къ Свистовой? А можетъ онѣ, эти письма, нужны, особенно отъ дяди?.. Но въ виду того, что тетя Липа такъ опредѣленно сказала, чтобы письма ея пересылали къ Свистовой, ихъ туда и рѣшили отправить. Для этого былъ посланъ садовникъ нашъ Ефимъ, которому зачѣмъ-то самому нужно было быть въ бывшемъ тетиномъ имѣніи Павловкѣ, а оттуда ужъ рукой подать и до имѣнія Свистовой. Онѣ и поѣхалъ съ письмами туда.

Теперь я началъ думать, когда приѣдетъ назадъ оттуда Ефимъ, я его спрошу о Свистовой—онѣ ее несомнѣнно увидитъ, да и вообще онѣ можетъ что-нибудь знать объ ней. Его жена изъ тетинной Павловки, а это близко. Навѣрное онѣ все знаетъ и его мнѣ спросить гораздо удобнѣе... Я съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ его возвращенія. Наконецъ, онѣ явился и привезъ извѣстія, что тетиньку Олимпиаду Евграфовну онѣ засталъ тамъ уже и, кромѣ письма, она приказала сказать, что скоро будетъ сама къ намъ. Въ письмѣ, которое Ефимъ привезъ отъ нея, она говорила, какъ мы это узнали изъ разговоровъ отца съ матушкой, что, слава Богу, женитьба дяди въ Москвѣ на купчихѣ не состоялась: «И я очень рада,—добавляла тетя,—потому, что это можетъ быть будетъ даже и къ лучшему».

— «Очень рада... Можетъ быть къ лучшему»,—почти съ неудовольствіемъ повторили ея слова отецъ и матушка, уже привыкшіе тѣмъ временемъ, что дядя женится на богатой, хоть и на купчихѣ, и его дѣла поправятся, а теперь опять начнется эта нескончаемая канитель съ деньгами, съ долгами его...

Они оба были теперь прямо недовольны этими извѣстіями и положительно не понимали, чему тутъ радуется тетя Липа?

— И потомъ, что это такое она пишетъ? «Онѣ можетъ быть скоро сюда приѣдетъ...» Чтожъ, онѣ послѣднюю, Самодуровку, приѣдетъ продавать, что ли? Зачѣмъ же еще-то? Чтѣ ему дѣлать тутъ? Или можетъ въ отставку долженъ былъ уже выйти?..—разсуждали матушка съ отцомъ.

Но такъ какъ сколько они не догадывались, все-таки догадаться не могли, то и поневолѣ имѣ оставалось ждать приѣзда тети Липы.

VII.

На другой или на третій день, какъ приѣхалъ Ефимъ, мнѣ представился удобный случай спросить его о Свистовой, видѣлъ ли онѣ ее, и, вообще, что онѣ объ ней знаетъ и слышалъ. Мы съ сестрой и гувернанткой нашей пошли передъ завтракомъ на огородъ за редиской,—матушка насъ часто посылала;—сестра съ гу-

верткой отстали, или замѣшались гдѣ-то, такъ что я побѣжалъ на огородъ впереди ихъ, одинъ, и нашелъ тамъ Ефима. Мы пошли съ нимъ набирать редиску, и я прямо, не теряя времени, спросилъ его:

— Ефимъ, а ты видѣлъ Свистову?

— Видѣлъ-съ. Онѣ съ тетенькой вмѣстѣ выходили ко мнѣ въ переднюю.

— Вотъ несчастная-то!

Ефимъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Кто-съ? Про кого это вы?

— Про Свистову.

— Помилуйте, эдакое имѣнныце у нея,—какая же она несчастная.

— А эта исторія-то ея? Почему она замужъ не вышла за Мюрата.

— За кого-съ?

Я сообразилъ, что садовникъ Ефимъ можетъ даже и не знать или позабыть фамилію знаменитаго наполеоновскаго маршала и сказалъ въ объясненіе ему:

— А это французскій генераль, который хотѣлъ тогда на ней жениться... Когда французы были въ Москвѣ.

— У нихъ столько было жениховъ послѣ—что тутъ ужъ какой-то французскій генераль. За нихъ графы и князья сватались—не хотятъ, всѣмъ отказывали. Да за нихъ и сейчасъ, при ихъ состояніи, кто угодно посватается. Что имъ? Онѣ и изъ себя еще совсѣмъ не старыя—въ годахъ, а какія же онѣ старуха.

— Да ты что знаешь, слыхалъ что-нибудь о томъ, что за нее этотъ французскій генераль-то сватался?—спрашивалъ я его о томъ, что меня больше всего интересовало...

— Да что-то такое, помнится, слышалъ.

— Она еще его портретъ постоянно носить, вотъ тутъ, на шеѣ.

— Рассказывали, что онѣ зарокъ будто бы дали ни за кого замужъ не выходить, поэтому и не выходятъ.

— Да тебѣ что рассказывали-то?

— А вотъ это самое... Дѣйствительно, будто бы ихъ тогда въ Москвѣ въ плѣнъ взяли, держали долго тамъ, а потомъ отпустили...

По этимъ малымъ обрывкамъ, по недоговореннымъ, недосказаннымъ разговорамъ я все же составилъ себѣ, на основаніи всего этого, представленіе о томъ, что у Свистовой этой, которую я отъ роду не видывалъ, былъ какой-то несчастный романъ—я тогда прочиталъ «Королеву Марго» и еще какой-то историческій романъ—и что этотъ романъ съ такимъ героемъ, какъ Мюратъ, непременно должно быть, что-нибудь въ этомъ же родѣ.

И ни отъ кого я не могу добиться въ чемъ дѣло и какъ это все было!..

Вечеромъ, помню, въ этотъ же самый день изъ Самодуровки пріѣхалъ посланный съ извѣстіемъ, что сегодня утромъ изволили пожаловать Никандръ Евграфовичъ, приказали кланяться, сказать, что скоро будутъ сами и справятся, не извѣстно ли, гдѣ Олимпиада Евграфовна?

Посланнаго разспросили, не знаетъ ли зачѣмъ и на сколько времени пріѣхалъ Никандръ Евграфовичъ, одинъ ли, и проч., и проч., потомъ, сказали, что знали о тетѣ Липѣ, т. е. что она у Свистовой, но что мы ее ждемъ сюда со дня на день и приказали просить Никандра Евграфовича къ намъ.

Но прошло, по крайней мѣрѣ, дней пять, пока въ одно прекрасное утро они вдругъ явились къ намъ оба и вмѣстѣ—дядя Никандръ Евграфовичъ и тетя Липа.

Тетя Липа была, или показалась намъ всеѣмъ, не обыкновенно странная какая-то. Прежде, она бывало всегда такая радостная при братѣ, а теперь она хоть и радовалась, но это было всеѣмъ не то: она точно все чего-то съ минуты на минуту ждала и чего-то боялась.

Но дядя былъ всеѣмъ попрежнему, казался такой же веселый, беззаботный, только облысѣлъ еще больше—у него и безъ того былъ открытый лобъ—и потомъ у него покраснѣлъ немного носъ—а можетъ это и отъ загара,—да въ глазахъ явилось чтò-то вялое, безтактное и непріятное... Это все конечно замѣтили не мы, а матушка съ отцомъ, которые высказывали это потомъ, когда дядя съ сестрой уѣхали, а мы это только слышали и, припоминая и сравнивая дядю, какимъ онъ былъ прежде и сталъ теперь, находили, что это они, пожалуй, и вѣрно замѣтили. Особенно непріятно сталъ дядя улыбаться: какъ-то во весь ротъ и, улыбнется и такъ и сидитъ, смотря на всѣхъ.

Или, можетъ, это мы наслушались дурныхъ все разговоровъ объ немъ, объ этихъ его кутежахъ, о томъ что онъ обираетъ сестру, объ этой купчихѣ какой-то, на которой онъ хотѣлъ жениться, чтобы воспользоваться ея деньгами, — не знаю почему, но только и на меня и на сестру Соню онъ произвелъ этотъ разъ непріятное впечатлѣніе, и мы сами по себѣ, безъ всякихъ приказаній, сами держались отъ него все время подальше.

Они пробыли у насъ весь день, обѣдали, вечеромъ пили чай и уѣхали ужъ въ позднія сумерки.

Когда они уѣзжали, мы вышли все провожать ихъ на крыльцо. Передъ тѣмъ все они—и матушка, и тетя Липа, и дядя, провели долгое время, запершись, у отца въ кабинетѣ и вышли оттуда все серьезные,—одинъ только онъ, Никандръ Евграфовичъ, былъ, по видимому, веселъ, улыбался, начиналъ хохотать, спрашивалъ про

какой-нибудь вздоръ. И на крыльцо провожать вышли всё тоже серьезные, опять-таки, разумѣется, кромѣ него.

— Ну, такъ когда же вы ѣдете туда?—спросила его матушка.

— А вотъ это какъ она,—отвѣтилъ дядя:—она сваха, она это лучше знаетъ. Послѣ завтра она хочетъ.

И опять у него на лицѣ, во все лицо, эта противная его улыбка...

Отецъ стоялъ молча, ничего не говорилъ, точно дожидался, когда эти всё проводы и разговоры кончатся—и они, наконецъ, уѣдутъ...

— Не знаю!.. Она увѣряетъ!.. Можетъ, что и въ самомъ дѣлѣ выйдеть!..—ужь изъ тарантаса, когда онъ трогался, крикнулъ дядя.

Отецъ нетерпѣливо повернулся и пошелъ въ домъ, за нимъ и мы.

Изъ разговоровъ въ этотъ вечеръ отца съ матушкой—они подъ впечатлѣніемъ «этого новаго еще сюрприза» не стѣснялись нами—я совершенно ясно и опредѣленно могъ понять, что дядя Никандръ Евграфовичъ ѣдетъ опять завтра съ тетей Липой къ Свистовой свататься за нее и все это дѣло ладить тетя Липа.

Это былъ и для меня сюрпризъ!

И Наполеонъ, и Свистова, и Мюратъ, и дядя, и всё маршалы, теперь смѣшались у меня въ головѣ, и я не могъ разобраться въ моихъ мысляхъ...

VIII.

Сватовство это, однако, не удалось. Какъ все это тамъ произошло, я не могъ тогда узнать, но нѣкоторыя подробности дошли до меня. Разумѣется, все это я узналъ изъ разговоровъ отца съ матерью и потомъ изъ разказовъ самой тети Липы, когда все это наконецъ кончилось.

Идея о женитьбѣ дяди Никандра Евграфовича на Свистовой, или какъ называли ужь ея всё при насъ вице-королевѣ Неаполитанской, зародилась у тети Липы подъ вліяніемъ безпредѣльной любви ея къ брату и старыхъ пріятельскихъ ея отношеній къ своему другу и сосѣдкѣ Свистовой. Она ѣздила къ ней тогда, передъ тѣмъ какъ проявиться у насъ Никандру Евграфовичу, съ цѣлью приготовить Свистову къ этому сватовству за нее своего брата. Свистова дала ей какой-то крайне неопредѣленный и туманный отвѣтъ, который тетя Липа подъ вліяніемъ страстнаго желанія своего устроить счастье ихъ обоихъ, истолковала въ смыслѣ ея согласія. Но когда потомъ, черезъ недѣлю, тетя Липа привезла къ ней Никандра Евграфовича въ качествѣ жениха, Свистова не только была поражена этимъ, изумлена, но даже сочла это прямо за оскорбленіе себѣ со стороны тети Липы. Къ тому же, кажется, и дядя Никандръ Евграфовичъ позволилъ себѣ при этомъ какую-то «недовѣрчивость». Это еще болѣе возбудило гнѣвъ въ Свистовой, и она, принявъ совершенно «царственную» осанку, какъ рассказывала потомъ сама же тетя Липа, удалилась, оставивъ ихъ однихъ въ комнатѣ

и больше ужъ къ нимъ не выходила. Тетя Липа попыталась было на основаніи прежнихъ, старыхъ дружескихъ къ ней отношеній проникнуть къ ней въ комнату, объясниться, но Свистова ее не приняла. Такъ они съ дядей и уѣхали въ тотъ же день. Все это кончилось удивительно скоро. Черезъ нѣсколько дней дядя былъ уже опять у насъ. Онъ пріѣзжалъ, чтобы проститься, такъ какъ надняхъ уѣзжалъ въ Петербургъ.

Онъ хохоталъ, рассказывая объ этой исторіи, дѣлая противное, ослабившееся лицо, и говорилъ грубо, цинично, о томъ, какъ все это произошло:

— Фря какая! Да кто ее возьметъ-то послѣ этого скандала ея съ Мюратишкой. Извольте видѣть влюблена она была въ него. Просто послали, какъ это всегда бываетъ на походахъ, какого-нибудь вахмистра за ней, ее и привели. Влюбленъ!.. Скажите пожалуйста. И она въ него была влюблена, до сихъ поръ влюблена...

Но его остановили, заступились за нее.

— Нѣтъ, ужъ это-то Никандръ Евграфовичъ, извините,—возразила ему матушка:— это всѣмъ извѣстно, что ее забыли сонную, когда выбирались и бѣжали изъ Москвы, и Мюрать ее увидаль одну, испуганную, растерянную на улицѣ, подѣхалъ къ ней— онъ извѣстенъ былъ своей учтивостью и любезностью съ дамами, былъ пораженъ ея красотой—она дѣйствительно, вѣдь всѣ знаютъ, рѣдкой была красоты—плѣнился ею, помѣстилъ ее въ штабъ... Но, потомъ, конечно, несчастіе это было... Но вѣдь этого кто же не знаетъ. Это вовсе не секретъ. За нее сватались потомъ такіе женихи... завидные... нда...

— Завиднаго, у нея только состояніе. А такъ, куда съ ней дѣваться? Ко двору ее нельзя представить... Скандальная исторія эта всѣмъ извѣстна... Жениться на ней можно только, чтобы ликвидировать свои дѣла. Изъ полку тоже надо будетъ сейчасъ же выйти... Но состояніе, т. е. имѣніе ея это дѣйствительно... Кладъ... Золото—имѣніе.

И все это сопровождалось короткимъ хохотомъ, сухимъ, нервнымъ, и той непріятной улыбкой во все лицо, про которую я говорилъ. Чувствовалось что-то фальшивое, дѣланное въ этомъ смѣхѣ его, какъ и во всемъ вообще весельи его. Мы, дѣти, замѣчали это даже; а отецъ, по отъѣздѣ его, прямо говорилъ:

— А ты замѣтила, какъ на него это подѣйствовало?—его всего такъ и передергиваетъ отъ злости.

— Ему неловко, совѣстно.

— Да, но и золь онъ вмѣстѣ съ тѣмъ. Сорвалось, не выгодно!..

— И у него манеры стали какія-то... прибаутки... ничего этого прежде не было.

— Все казармы.

— Ахъ, не говори. Прежде это былъ, дѣйствительно, блестящій молодой человѣкъ, я вѣдь помню его, — заступалась за него, въ его прошедшемъ, матушка.

— Я его понимаю, — говорилъ отецъ: — положеніе его скандальное. Въ Москвѣ купчиха отказала, потому что тамъ узнали объ его долгахъ и что вотъ онъ началъ очень счастливо въ карты играть... И это не смотря на полковничій чинъ и на вензеля... И потомъ тутъ, эта вотъ исторія...

Отецъ началъ перечислять фамиліи сосѣдей-помѣщиковъ, чьи дѣти служатъ въ петербургскихъ гвардейскихъ полкахъ, и говорилъ, что это имъ несомнѣнно все будетъ извѣстно и слѣдовательно разнесется въ ихъ кругу и въ Петербургѣ. Положеніе дяди Никандра Евграфовича некрасивое: можно тамъ все дѣлать, но чтобъ это было прилично и удавалось, главное, чтобъ удавалось: передъ успѣхомъ все молчить. А тутъ полнѣйшая неудача и двѣ скандальныхъ исторіи...

Тетя Липа переѣхала къ намъ не сейчасъ по отъѣздѣ дяди Никандра Евграфовича въ Петербургъ, а по крайней мѣрѣ недѣли черезъ три. Матушкѣ стоило большого труда перетащить ее къ себѣ. Тетя Липа, кажется, хотѣла даже идти въ монастырь и теперь предварительно рѣшила было запереться у себя въ Самодуровѣ и никуда не показываться. Но матушка, великая мастерица врачевать душевныя раны у родственниковъ и родственницъ, а также и устраивать, чтобы все потомъ выходило гладко, безъ приключеній и скандаловъ, побѣдила ея рѣшеніе, вытащила ее сперва къ намъ, а потомъ и совсѣмъ оправила ея упавшій было духъ.

На тетю Липу, когда только она явилась къ намъ первый разъ послѣ этой исторіи, мы тоже все съ любопытствомъ смотрѣли, хотя намъ и было строжайше приказано ни о чемъ не разспрашивать ее и вести себя какъ будто ничего не было, и мы ничего не знаемъ: старшіе уже знали, конечно, что и намъ все извѣстно.

Она пріѣхала сильно поблѣднѣвшая и похудѣвшая даже. Видно было по лицу, что исторія эта на нее потрясающе подѣйствовала. Мы не могли только понять, что на нее особенно повліяло тутъ — неудача брата жениться вообще на богатой, что было равносильно его окончательной гибели, или безобразно-безтактная исторія сватовства за Свистову, исторія, которую всѣ — не могла же она этого не знать, доходили же до нея слухи — приписывали ей, и въ которой она дѣйствительно была главной виновницей.

Матушка и отецъ поняли хорошо всю щекотливость ея положенія, очень тактично не усугубили ни сколько къ ней вниманія, ни лелѣяли, ни ухаживали за нею, больше чѣмъ обыкновенно; только совершенно избѣгали всякаго разговора о дядѣ и даже отдаленнѣйшихъ намековъ на всю эту исторію — вели себя, какъ будто ничего никогда не бывало, они ничего не знали и не знаютъ.

Даже сосѣдей, на тактъ и скромность которыхъ нельзя было исполнѣ рассчитывать, когда они прїѣзжали къ намъ, предупреждали, прося не говорить ничего объ этой исторіи и не спрашивать тетю Липу о дядѣ Никандрѣ Евграфовичѣ.

Предосторожность и деликатность со стороны матушки и отца въ отношеніи ея доходили до того, что мнѣ, я помню, было запрещено при ней не только разсуждать о Наполеонѣ, и его маршалахъ, но даже брать изъ отцовской бібліотеки книги о Наполеонѣ: — Читай, если хочешь въ кабинетѣ, — сдѣлай одолженіе, сколько хочешь, — а туда не носи, не бери къ себѣ, — говорилъ мнѣ отецъ. И это, пожалуй, не было лишнимъ...

IX.

Но, со временемъ, какъ все забывается, стала забываться мало-по-малу и эта исторія. Моя страсть къ Наполеону и его маршаламъ тоже улеглась, или, правильнѣе, ее смѣнило увлеченіе средними вѣками, я вдумывался въ загадочную тогда для меня личность Карла V-го испанскаго.

Я былъ въ это время ужъ въ гимназїи и жилъ въ нашемъ губернскомъ городѣ, въ «благородномъ пансіонѣ», откуда мы ходили въ сопровожденїи гувернера-воспитателя ежедневно въ классы. Гувернеровъ этихъ у насъ было четверо: одинъ нѣмецъ, одинъ русскій и два француза, оба ужъ старики и оба плѣнные солдаты великой арміи, оставшіеся потомъ ужъ навсегда гувернерами въ Россїи. Они оба были ужъ настолько стары, что собственно узнать отъ нихъ хотя что-нибудь о Наполеонѣ, его маршалахъ, какъ и обо всей славной эпохѣ ими пережитой, въ которой и они были дѣятелями — ничего уже нельзя было. Они не могли даже разсказать ни одного анекдота, ни одного случая изъ тогдашняго времени. Одинъ, покрѣпче, воровалъ у насъ перочинные ножки, карандаши, которые мы же потомъ вынимали у него изъ ящика и онъ не спорилъ при этомъ:

— Э! это твой развѣ?

— Мой, Иванъ Ивановичъ.

— Ну, бери...

Другой былъ совсѣмъ ужъ слабъ, съ трудомъ ходилъ, тыкая ногами, и какъ только садился на стулъ, начиналъ сейчасъ дремать.

Но однажды намъ удалось какъ-то расшевелить его, онъ былъ бодрѣе, чѣмъ обыкновенно, слово за слово и онъ началъ что-то отрывочно, путая и забывая половину, разсказывать изъ своего прошлаго, разумѣется, и о походѣ Наполеона въ Россїю.

Я сидѣлъ тутъ же и слушалъ его. Его спрашивали, какихъ онъ помнитъ генераловъ, какія сраженія. Онъ отвѣчалъ.

— А Мюрата помните?—спросилъ я.

— О! да. Мюратъ—вице-король былъ. Красавецъ. Красива дѣвочки любилъ...

— И въ Москвѣ?

— И въ Москвѣ тоже. У него ихъ много было...

Старикъ увлекся и началъ рассказывать разныя скабрзности на общее удовольствіе его слушателей. Его спрашивали, и онъ все рассказывалъ, путалъ, вспоминалъ.

— Это раньше можетъ быть все было, или тоже и въ Москвѣ?—еще разъ спросилъ я его.

— И раньше, и въ Москвѣ.

Онъ махнулъ рукой и захохоталъ.

Одинъ изъ товарищей, съ которымъ я былъ друженъ, чѣмъ съ другими, тоже сынъ помѣщика нашей же губерніи,—спросилъ при этомъ меня:

— Да что это тебя такъ интересуешь?

— А я знаю одну его исторію... Мюратову,—сказалъ я,—тоже изъ время пребыванія его въ Москвѣ.

— Ты знаешь?

— Да. Его любовь жива еще, она наша же помѣщица, нашей губерніи.

И только я началъ ему рассказывать и назвалъ фамилію Свистовой, какъ онъ вскричалъ:

— Анна Павловна?

— Да. А ты ее почему знаешь?

— Да вѣдь она же наша сосѣдка! Она полупомѣшанная. Ну, да... ее вице-королевой Неаполитанской зовутъ... я слыхалъ, отецъ ее такъ называлъ. Она возлѣ Павловки живетъ. Какъ отецъ купилъ Павловку, мы и стали сосѣдами съ ней. Она верстахъ въ семи отъ насъ. Только она вѣдь никуда не выѣзжаетъ, ни у кого не бываетъ... Я только раза два или три ее у обѣдни видѣлъ. Въ Павловкѣ у насъ нѣтъ своей церкви, такъ мы ѣздимъ къ ней, въ Свистовку... Только она и ѣздитъ что въ церковь. Она очень вѣдь богатая, говорятъ... У нея паркъ какой въ имѣніи, садъ. Домъ громадный, но ужъ старый, говорятъ.

Онъ долго болталъ, рассказывалъ про садъ, про этотъ домъ, но объ ней самой онъ ничего не могъ мнѣ сообщить такого, чтобы я не зналъ ужъ раньше. Это былъ какой-то праздникъ, мы были свободны и наша бесѣда тянулась. Я рассказалъ ему изъ ея прошедшаго гораздо больше, чѣмъ онъ изъ настоящаго.

— А знаешь что?—сказалъ онъ.—Пріѣзжай нынче лѣтомъ ко мнѣ. Вѣдь это не далеко отъ васъ, верстъ сорокъ, пятьдесятъ не больше. Тогда ты ее увидишь. Можно будетъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ къ ней поѣхать. Отецъ былъ у нея, не помню, по какому-то дѣлу, и она очень милая, очень лобезно его приняла.

И я было рѣшилъ, обѣщавъ ему непременно пріѣхать къ нему лѣтомъ, а потомъ вмѣстѣ отправиться къ Свистовой, но что-то мнѣ помѣшалось, лѣтомъ я къ нему не попалъ и такъ опять-таки вся эта исторія забылась.

X.

Прошло много лѣтъ. Я жилъ въ Петербургѣ, нерѣдко навѣщалъ и деревню. Однажды я застрялъ тамъ и на всю осень. Въ то время я былъ страстный ружейный охотникъ. Въ простой телѣгѣ, вдвоемъ съ егеремъ и собакой, мы заѣзжали иногда версты за двѣсти и болѣе отъ дома. И куда мы попадали, гдѣ мы были, мы и сами не знали. Отъ болота къ болоту, отъ села къ селу, глядишь, ужъ и въ чужомъ совсѣмъ мѣстѣ, въ другомъ уѣздѣ. Ночуемъ, пока тепло, въ полѣ, подъ стогомъ; у копны; начнутся холода, темныя ночи, ранніе вечера, пойдутъ дожди—заѣзжаемъ ночевать въ избы мужицкія. Охоту я понималъ всегда именно только такъ; иной охоты я никогда и не любилъ.

Однажды, вотъ, когда такимъ образомъ пробираясь изъ села въ село, мы заѣхали въ совсѣмъ ужъ незнакомую намъ сторону. Былъ темный, холодный, поздній вечеръ. Не зная дороги, мы Богъ знаетъ куда заѣхали и плутали. Наконецъ, было ужъ совсѣмъ темно, когда мы очутились у какой-то усадьбы: лаяли собаки, виднѣлся въ темнотѣ какой-то лѣсъ, мелькали огоньки. Кое-какъ мы добрались до жилья.

— Чья это усадьба?

— Госпожи Свистовой,—отвѣтилъ намъ какой-то человѣкъ, вышедшій на собачій лай изъ избы.

— Какъ?

— Анны Павловны, госпожи Свистовой,—повторилъ въ темнотѣ голосъ.

— Боже мой, вотъ судьба-то! куда привела!—подумалъ я...— Она дома?

— Дома.

— Спитъ ужъ?

— Никакъ нѣтъ. У нихъ гости.

— Вотъ что, любезный, мы измокли, иззябли—гдѣ бы намъ тутъ у васъ переночевать.

— А вы кто будете?

Я сказалъ. Человѣкъ, говорившій со мною, подумалъ немного и проговорилъ:

— Да гдѣ же тутъ? Во флигелѣ развѣ... Надо позволенія попросить.

— У кого?

— Да у барыни.

— А какъ же ее можно видѣть?

— Да ужъ вамъ надобно тогда въ домъ къ нимъ сходить?

— Пойдемъ! Проводи меня.

И я, какъ былъ въ высокихъ сапогахъ, въ грязи, весь мокрый, отправился съ провожатымъ моимъ черезъ дворъ къ огромной темной массѣ—господскому дому. Мы поднялись на крыльцо, ощутили ручку двери и отворили ее. Огромная передняя, слабо освѣщенная и въ ней ни души; дальше слышались голоса и звенѣли какія-то струны, но это были не скрипка и не гитара, а какой-то совсѣмъ неизвѣстный мнѣ инструментъ. Мы остановились въ передней и не знали что же намъ дальше дѣлать—нельзя же въ эдакомъ уборѣ идти въ слѣдующія комнаты. Наконецъ, звуки струнъ смолкли, голоса послышались рѣзче, и вскорѣ кто-то, разговаривая, прошелъ въ сосѣдней комнатѣ. Я кашлянулъ и громко проговорилъ:—Позвольте васъ просить...

Немедленно изъ сосѣдней комнаты къ намъ кто-то вошелъ.

— Исправникъ,—шепнулъ мнѣ мой спутникъ.

Этотъ вошедшій къ намъ въ переднюю очевидно недоумѣвалъ, что мы за люди и что намъ надо?

Я сказалъ ему кто я, какъ попалъ сюда и зачѣмъ теперь пришелъ.

— Ахъ, Анна Павловна очень будетъ рада. Она съ удовольствіемъ, конечно, позволитъ. Да вотъ я ей скажу сейчасъ. Она можетъ даже выйдетъ сама къ вамъ.

И онъ ушелъ, мы опять остались одни.

— Слѣдствіе тутъ идетъ, непремѣнное отдѣленіе съѣхалось,—пояснилъ мнѣ мой спутникъ,—размежеваніе спорное по сосѣдству... Ну судейскіе всѣ тоже самое къ намъ ночевать и пріѣхали. На селѣ гдѣ же?..

Оттуда, извнутри, опять послышались голоса и чьи-то шаги, все ближе и ближе. Вдругъ опять зазвенѣли струны.

— Это чтожь такое? Кто играетъ?

— Это сама барыня.

— На чемъ же это она?

— На арфѣ...

На этотъ разъ въ переднюю къ намъ вошелъ сѣдой, совсѣмъ ветхій старикъ въ мягкихъ сапогахъ, повидимому дворовый, и прошамкалъ:

— Барыня приказали просить.

— Да вы видите въ какомъ я видѣ, какъ же я пойду?

— Приказали просить...

Провожатый мой остался въ передней, а я пошелъ. Старикъ передо мною растворилъ дверь и, по старинному придерживая ее для чего-то рукою, пропустилъ меня. Я вступилъ въ огромный пустой залъ съ хорами наверху. Въ залѣ было темно; но изъ слѣдующей комнаты широкой полосой врывался свѣтъ и оттуда же слышались голоса. Старикъ, обогнавъ меня, всталъ у дверей и пока-

зывалъ рукою въ освѣщенную комнату. Я не взошелъ туда, а оставился на порогѣ.

Картину, которую я увидѣлъ, я никогда, конечно, не забуду. Эта комната была гостиная и меблирована она была такъ, какъ въ старину меблировались гостиныя: большой длинный диванъ краснаго дерева, съ выпуклой, деревянной спинкой, стоялъ у средней стѣны; передъ нимъ краснаго же дерева круглый столъ. Такія же диваны и передъ ними столы и у другихъ двухъ стѣнъ. У четвертой, наружной, стѣны, въ простѣнкахъ между окнами, высокія зеркала въ рамахъ краснаго дерева. По стѣнамъ въ бронзовыхъ старинныхъ бра горѣли свѣчи, освѣщая стоящую по срединѣ комнаты почти совсѣмъ сѣдую женщину въ длинномъ платьѣ, ниспадавшемъ крупными складками и со шлейфомъ. На плечахъ у нея была накинута малиноваго цвѣта бархатная мантилья, подбитая горнастаевымъ мѣхомъ. Она держала въ рукахъ арфу; глаза ея были устремлены куда-то вдаль. На двухъ боковыхъ столахъ передъ диванами, на подносахъ и такъ прямо на столахъ, стояли батареи бутылокъ съ виномъ и пустыхъ уже; кругомъ тарелки, стаканы, рюмки, ножи, вилки, куски хлѣба и проч. Человѣкъ пять сидѣли и полулежали на диванахъ... Вдругъ струны зазвенѣли, и раздался дробезжащій, старческой голосъ... Сидѣвшіе не обращали на это никакого вниманія, продолжая говорить между собою, пить, лить, стучать бутылками, ножами, тарелками, вилками...

И она продолжала пѣть, тоже не обращая на нихъ вниманія, какъ будто и они ей нисколько не мѣшали. Сѣдые волосы прядями висѣли по щекамъ, старческой голосъ дребезжалъ; худыми, какъ у скелета, пальцами она цѣплялась за струны, заставляя ихъ звенѣть...

Я постоялъ, пока наконецъ очнулся, и тихо попятился въ глубь темнаго, неосвѣщеннаго зала и на цыпочкахъ, осторожно, чтобы не стукнуть толстыми сапогами, вышелъ опять въ переднюю.

— Пойдемъ, — сказалъ я провожавшему меня дворовому чело-
вѣку.

— Пустили? Во флигель?

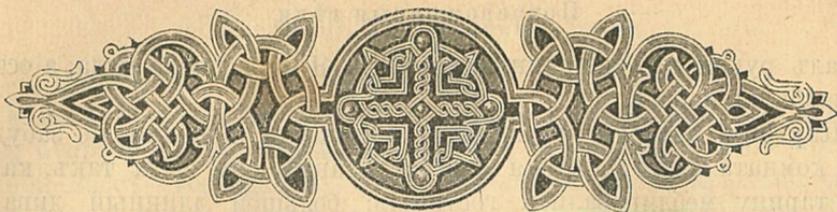
— Нѣтъ. Я не спрашивалъ... Я тебѣ заплачу, проведи меня въ село, въ какую-нибудь избу...

Это былъ единственный разъ, когда я ее видѣлъ.

Года черезъ три послѣ этого она умерла.

С. Терпигоревъ.

РУССКІЕ ДИПЛОМАТЫ НА ПАРИЖСКОМЪ КОНГРЕССѢ 1856 ГОДА.

I.

ВЪ СТАТЬѢ моей «Русскіе дипломаты на Вѣнскихъ конференціяхъ 1855 года»¹⁾ я подробно изложилъ ходъ переговоровъ въ Вѣнѣ въ 1855 году и причины ихъ неудачнаго окончанія. Наши противники не соглашались дѣлать уступокъ въ своихъ чрезмѣрныхъ требованіяхъ, — мы не могли принять предъявленныя ими условія, исполненіе которыхъ было не согласно съ нашею народною честью и значеніемъ великой державы.

Главною причиною прекращенія переговоровъ былъ вопросъ объ ограниченіи нашихъ силъ на Черномъ морѣ, и неопредѣленность въ самой постановкѣ этого вопроса.

Сущность общихъ постановленій Вѣнскихъ совѣщаній, направленныхъ, будто-бы, къ огражденію Турціи и неприкосновенности ея территоріи, на самомъ же дѣлѣ долженствовавшихъ только ослабить Россію, выражена въ особомъ приложеніи къ послѣднему, 14-му протоколу, которымъ закончились засѣданія конференцій. Постановленія эти сводились къ слѣдующимъ пяти пунктамъ:

1) Турція вводится въ составъ европейскихъ державъ, которыя гарантируютъ неприкосновенность ея территоріи. Въ случаѣ возникновенія несогласій между Турціей и одною изъ договаривающихся сторонъ, прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію спора силою оружія — спорящія державы должны обратиться къ судѣй-

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» за апрѣль, май и іюнь 1890 годъ.

ствію другихъ, участвующихъ въ настоящемъ договорѣ державъ, которыя употребятъ усилія привести спорящихъ къ мирному соглашенію.

2) Россія и Турція согласятся между собою относительно опредѣленія ихъ силъ на Черномъ морѣ; но силы эти не должны превосходить настоящаго числа ихъ судовъ на этомъ морѣ. Соглашенія, которыя послѣдуютъ по этому предмету, должны быть внесены въ трактатъ мирнаго договора, въ которомъ также должны быть обозначены и средства для провѣрки и наблюденія за точнымъ исполненіемъ настоящаго соглашенія.

3) Закрытіе проливовъ — Босфора и Дарданелловъ, остается на основаніи трактата 13-го іюля 1841 года, за слѣдующимъ исключеніемъ:

4) Каждая изъ договаривающихся державъ, не имѣющая на Черномъ морѣ своихъ судовъ, получаетъ, на основаніи султанскаго фирмана, право имѣть на этомъ морѣ два фрегата или судна одинаковой силы.

5) Въ случаѣ угрозъ, предстоящихъ султану съ какой-либо стороны, онъ имѣетъ право открыть свои проходы для судовъ союзныхъ съ нимъ державъ.

Одного этого постановленія уже было достаточно для того, что бы обусловить неудачу переговоровъ. Что значило, напримѣръ, обязательство для Россіи и Турціи не увеличивать настоящаго числа своихъ судовъ на Черномъ морѣ, когда въ настоящемъ весь нашъ Черноморскій флотъ былъ затопленъ въ Севастопольской бухтѣ?

Другіе пункты проекта предварительныхъ соглашеній въ Вѣнѣ также были, видимо, направлены противъ Россіи, и самая неопредѣленность выраженій въ ихъ редакціи допускала широкое толкованіе, которое, при подробномъ его анализѣ, могло перейти за предѣлы всего возможнаго.

Тѣмъ не менѣе, по паденіи Севастополя, обѣ стороны пришли къ полному убѣжденію въ необходимости покончить борьбу, одинаково тягостную для каждой изъ нихъ.

Основанія переговоровъ, какъ сказано, были уже опредѣлены и мы не столько противились ихъ сущности, сколько не соглашались на ихъ форму, которую находили для себя оскорбительною; по этому мы изъявили готовность принять, въ началѣ 1856 года, предложеніе, снова прислать нашихъ уполномоченныхъ въ Вѣну, для пересмотра и соглашенія предварительныхъ условій, которыя должны были привести къ заключенію окончательнаго мира.

Теперь политическая почва для переговоровъ значительно измѣнилась противъ 1855 года и было болѣе основаній рассчитывать на удачный исходъ ихъ. Въ 1855 году, ни одна изъ сторонъ не шла на уступки. Мы геройски продолжали отстаивать Севасто-

поль и знали, что наши противники готовятся даже снять осаду и очистить Крымъ—до того было тяжело ихъ положеніе. По этому, уступать болѣе того, что вызывалось необходимостью, было преждевременно. Съ другой стороны, союзники не дѣлали уступокъ въ виду того, что ожидали для себя измѣненій къ лучшему, безъ чего они, предъ лицомъ всего свѣта, должны были бы сознаться въ своей неудачѣ.

Лично для Наполеона III, это было бы вопросомъ династическимъ—Франція не простила бы ему своего пораженія. Для Англій, это былъ вопросъ министерскій: нація громко осудила бы руководителей своей политики.

Теперь же, съ паденіемъ Севастополя, тонъ Россіи нѣсколько понизился. Наполеонъ, счастливый, что успѣлъ выйти изъ труднаго и сомнительнаго положенія, искренно желалъ мира, дававшего Франціи блескъ и величіе. Ему только этого и было нужно. Онъ не преслѣдовалъ, подобно Англій, ни торговыхъ, ни промышленныхъ, ни матеріальныхъ цѣлей. По этому, миръ получалъ въ лицѣ Наполеона могущественнаго защитника. Англія находилась въ иномъ положеніи. Военныя операціи ея были ничтожны и носили мрачный оттѣнокъ. Матеріальныхъ выгодъ она получить не могла, пока Россія находилась еще во всеоруженіи великой державы, желающей мира, но и не отступающей отъ готовности продолжать борьбу, если ее къ тому принудятъ.

Наполеонъ сознавалъ, что вся тяжесть продолженія этой борьбы лежала бы на немъ, и могла бы снова поставить его въ рискованное и тяжелое положеніе. Онъ зналъ, что Англія будетъ для него, какъ и была, почти только номинальнымъ союзникомъ, который, мало чѣмъ рискуя, готовъ заставить рисковать другихъ, въ надеждѣ обезпечить свои матеріальные интересы и покрыть огромные расходы войны.

Но Наполеонъ не былъ человѣкомъ, готовымъ забыть для другихъ свои собственные интересы. По этому Англія, какъ были всѣ основанія ожидать, *volens-nolens*, должна будетъ подчиниться намѣреніямъ Франціи при мирныхъ переговорахъ, начавшихся въ январѣ 1856 года въ Вѣнѣ, и которые должны были закончиться въ Парижѣ подписаніемъ мирнаго трактата.

Уполномоченными на Вѣнскихъ совѣщаніяхъ, въ январѣ 1856 года, были со стороны Россіи назначены генераль-адъютантъ графъ Алексѣй Ѳеодоровичъ Орловъ и баронъ Брунновъ, бывшій посломъ при германскомъ союзѣ.

Результатомъ этихъ совѣщаній было предварительное подписаніе конвенціи, состоявшейся 20-го января (1-го февраля) 1856 г., и заключавшей въ себѣ слѣдующія общія основанія:

1) Дунайскія княжества. Полная отмѣна надъ ними протектората Россіи, которая не имѣетъ права вмѣшиваться ни въ ка-

кія внутреннія дѣла княжествъ. Княжества состоятъ подѣ властью Порты, и султанъ сохраняетъ за ними прежнія права и привилегіи. Сверхъ того, съ согласія договаривающихся державъ, будутъ выработаны постановленія, опредѣляющія внутреннее устройство княжествъ, сообразное съ нуждами и желаніями населенія.

Въ военномъ отношеніи, въ княжествахъ должны быть приняты мѣры оборонительнаго характера, чтобы дать отпоръ, въ случаѣ вторженія въ нихъ войскъ иностранной державы.

Взамѣнъ русскихъ территорій, занятыхъ союзниками во время войны, Россія соглашается на измѣненіе своихъ бессарабскихъ границъ съ Европейскою Турціей. Граница эта, начинаясь въ окрестностяхъ Хотина, слѣдуетъ по линіи горъ, на юго-востокъ, и упирается на озеро Сальчикъ. Уступаемая часть Бессарабіи будетъ присоединена къ территоріи княжествъ, и состоятъ подѣ верховною властью Порты.

2) Свобода плаванія по Дунаю остается на основаніяхъ Вѣнскаго трактата 1815 г., и состоитъ подѣ наблюденіемъ особаго учрежденія, съ представителями отъ европейскихъ, побережныхъ (съ Дунаемъ) державъ.

3) Черное море — признается нейтральнымъ, открытымъ для торговли всѣхъ націй; но плаваніе военныхъ судовъ на немъ запрещается. По этому на немъ не могутъ — ни возводиться новые, ни сохраняться прежніе военно-морскіе арсеналы; обезпеченіе международныхъ интересовъ торговли возлагается на особое учрежденіе, которое будетъ съ этою цѣлію образовано.

Обѣ прибрежныя державы (Россія и Турція), взаимнымъ соглашеніемъ, опредѣляютъ число легкихъ судовъ, которыя онѣ будутъ имѣть для береговой службы.

Соглашенія, которыя послѣдуютъ по этому предмету между Россіей и Турціей, по одобреніи ихъ на конференціи, получаютъ силу закона и вносятся въ мирный трактатъ, какъ неотъемлемая часть его, и не могутъ подлежать никакимъ измѣненіямъ, безъ согласія державъ, подписавшихъ трактатъ.

4) Христіанскіе подданные Порты. Всѣ привилегіи раевъ, будутъ сохранены, безъ посягательства на достоинство и независимость власти султана.

5) Особыя условія. Договаривающіяся державы предоставляютъ себѣ право составленія между собою особыхъ соглашеній, въ интересахъ мира и согласно съ четырьмя предыдущими пунктами.

Такова была сущность предварительныхъ соглашеній, принятыхъ нашими уполномоченными, какъ основаніе для парижскихъ переговоровъ. Это не было окончательное рѣшеніе, а только канва, на которой предстояло разработать детали, прежде чѣмъ дать имъ окончательную, законную форму. Мы приняли эти предварительныя условія въ надеждѣ, что многое, для насъ неблагоприятное,

получить иной характеръ при окончательномъ обсужденіи вопросовъ, отъ которыхъ зависѣло установить миръ, или продолжать войну, которой такъ не желалъ Наполеонъ.

Въ этихъ видахъ, представителями Россіи на парижскомъ конгрессѣ были назначены графъ Орловъ и баронъ Брунновъ, подписавшіеся на послѣднемъ постановленіи вѣнской конвенціи 20 января (1 февраля) 1856 г., основанія которой изложены выше.

Вѣрительная грамота, препровожденная графомъ Нессельроде къ представителямъ иностранныхъ державъ въ Парижѣ, состояла въ слѣдующемъ:

«Объявляемъ чрезъ сіе¹⁾, что согласно съ содержаніемъ протокола, подписаннаго въ Вѣнѣ 20 января (1 февраля) сего года, представителями Россіи, Австріи, Франціи, Великобританіи и Порты Оттоманской, помянутыя державы согласились назначить уполномоченныхъ, имѣющихъ собраться въ Парижѣ, для подписанія прелиминарныхъ статей мира, для заключенія перемирія и окончательнаго мирнаго трактата.

«Мы избрали и назначили для сего, яко же симъ избираемъ и назначаемъ, нашими полномочными, намъ любезно-вѣрныхъ, графа Алексѣя Орлова, нашего генераль-адъютанта (слѣдуетъ перечисленіе его званій и орденовъ), и барона Филиппа Бруннова, нашего тайнаго совѣтника, чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при германскомъ союзѣ (и проч.), уполномочивая ихъ не только вступить въ переговоры съ полномочными тѣхъ державъ, которыя примуть участіе въ сихъ совѣщаніяхъ, но и постановить, заключить и подписать съ ними окончательный мирный трактатъ, равно какъ и всякіе другіе акты, которые до сего касаться будутъ, обѣщая императорскимъ нашимъ словомъ за благо принять и утвердить все то, что полномочными нашими, въ силу сего полномочія, постановлено, заключено и подписано будетъ и дать на то императорскую нашу ратификацію. Дано въ С.-Петербургѣ, января 28 дня 1856 года и проч.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ, графу Орлову были даны слѣдующія инструкціи, отъ 30-го января 1856 года, изъ которыхъ онъ долженъ былъ извлечь все относящееся къ его миссіи:

«Обстоятельства величайшей важности²⁾, и рѣшительное ихъ значеніе для будущности Россіи, побудили государя императора обратиться къ вашей извѣстной преданности къ престолу, проявленной вами въ теченіе почти 50-тилѣтняго служенія вашего тремъ императорамъ.

«Вполнѣ довѣряя вашей испытанной опытности, вашему та-

¹⁾ Переводъ съ французскаго текста. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ.

²⁾ Графъ Нессельроде графу Орлову, 30-го января 1856, № 37. Минист. Иностр. Дѣлъ.

ланту и просвѣщенію, государь императоръ соизволилъ наименовать ваше сіятельство своимъ первымъ уполномоченнымъ на предстоящихъ въ Парижѣ конференціяхъ, въ видахъ возстановленія мира.

«Вашему сіятельству не только извѣстенъ весь ходъ политики императорскаго кабинета, но даже всѣ сокровенныя мысли, ее направляющія.

«По этому достаточно здѣсь сдѣлать только нѣкоторыя указанія, относительно современнаго положенія политики.

«Причины, вызвавшія обостреніе Восточнаго вопроса, достаточно уже извѣстны, чтобы къ нимъ снова возвращаться. Нынѣшнее положеніе этого вопроса произошло, въ дѣйствительности, вслѣдствіе враждебнаго настроенія Великобританіи, личныхъ побужденій Людовика-Наполеона, и безсильнаго эгоизма Австріи.

«Въ виду этихъ трехъ причинъ, послѣдовалъ неудачный исходъ вѣнскихъ конференцій, не смотря на самыя миролюбивыя намѣренія нашего императорскаго двора.

«Съ того времени, не смотря на неопредѣленный характеръ войны, политика Европы еще болѣе осложнилась. Съ одной стороны Швеція, имѣвшая до сихъ поръ благопріятное къ намъ расположеніе, подпала, безъ всякой надобности, подъ покровительство морскихъ державъ.

«Австрія, по договору 2-го декабря 1854 г., обѣщала западнымъ державамъ употребить все свое вліяніе, чтобы вызвать противъ Россіи европейскую лигу.

«Принявъ на себя составленіе предварительныхъ условій мира, Австрія грозила намъ, что, въ случаѣ отказа съ нашей стороны, послѣдуетъ немедленный разрывъ.

«Моментъ былъ чрезвычайно важенъ. Конечно, если бы дѣйствовать только по указаніямъ чувства, то безъ малѣйшаго колебанія пришлось бы бросить перчатку двору, котораго низость (*lâcheté*) равняется только его неблагодарности.

«Но съ другой стороны, мы не могли скрывать отъ себя тѣхъ послѣдствій, которыя произошли бы въ случаѣ нашего отказа. Это заставило насъ выбирать одно изъ двухъ: имѣть противъ себя коалицію всѣхъ державъ Европы, что повело бы за собою блокаду на моряхъ, которая отразилась бы на нашей торговлѣ и предвѣщала бы непреодѣленность въ будущемъ; къ тому же, это побудило бы враговъ нашихъ увеличить свои требованія до размѣровъ, принятіе которыхъ оказалось бы невозможнымъ, что вызвало бы общее напряженіе силъ и привело бы къ истощенію всю Европу; или же, предстояло принять предварительныя условія. Государь императоръ, побуждаемый возвышенными чувствами любви къ своей странѣ и своему народу, давая примѣръ высокаго самоотверженія (*abnegation*)—призналъ за благо, уполномочить императорскій кабинетъ принять, безъ измѣненій, австрійскія предложенія.

«Доставить своимъ народамъ благоденствіе, сохраняя Россіи существенныя условія для ея процвѣтанія и величія въ будущемъ; или не дать войнѣ расширить ея границы, если недоброжелательство враговъ нашихъ воспрепятствуетъ достиженію желаемыхъ намѣреній нашихъ—вотъ мысли, руководившія государемъ императоромъ, и осуществленіе которыхъ императору было благоугодно ввѣрить доказанной способности вашего сіятельства».

Не указывая въ своей инструкціи подробностей, которыми должны были руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ наши уполномоченные, графъ Нессельроде выставлялъ только на видъ, что имъ могутъ оказать большую пользу два обстоятельства. Во-первыхъ, неподлежащія сомнѣнію миролюбивыя намѣренія государя императора, въ чемъ уже не сомнѣвается Европа, не исключая и воевавшихъ съ нами державъ. «Наше лучшее оружіе противъ нашихъ враговъ, сказано въ инструкціи, — состоитъ въ прямотѣ и искренности нашихъ намѣреній».

«Съ другой стороны, въ нашу пользу послужитъ различіе интересовъ и страстей, проявляемыхъ нашими врагами.

«Англія есть и останется нашимъ дѣйствительнымъ и непреклоннымъ (inexorable) врагомъ. До настоящаго времени, частная вражда между министрами, руководящими ея политикою, поддерживаемая настроеніемъ націи, жаждущей удовлетворенія за неудачи испытанныя во время послѣдней войны,—находили поддержку въ личныхъ интересахъ Наполеона.

«Теперь же, Наполеонъ, получивъ отъ своего союза съ Англіей все, что онъ могъ изъ него для себя извлечь, не станетъ болѣе слѣдовать за нею въ воинственномъ направленіи, которое можетъ привести его къ неизвѣстному. Это не соответствовало бы указаніямъ разсудка, спокойнаго и разсчетливаго, какимъ обладаетъ Людовикъ-Наполеонъ. Безъ сомнѣнія, онъ не закончитъ настоящей войны разрывомъ союза своего съ Англіей. Еще менѣе захочетъ онъ стать во враждебныя съ нею отношенія. Но съ другой стороны, естественно, что онъ долженъ приискать средства избавиться отъ нѣкотораго рода зависимости, въ которой находится. На это указываютъ уже стремленія французскаго кабинета вступить въ наиболѣе искреннія отношенія съ вѣнскимъ дворомъ. Отъ искусства нашихъ уполномоченныхъ будетъ зависѣть воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ».

Далѣе графъ Нессельроде, въ общихъ выраженіяхъ, указываетъ на дѣли, которыя мы имѣемъ въ виду:

«На востокѣ имперіи, правительство желало бы ввести дѣйствительныя измѣненія, какъ по формѣ, такъ и въ основаніяхъ. Дѣло въ томъ, чтобы въ редакціи постановленій по этому предмету, не было бы ничего оскорбительнаго для Россіи.

«Сверхъ того, желательно ослабить (modifier) или вовсе исклю-

чить изъ трактата пунктъ о европейскихъ границахъ Россіи. Славныя воспоминанія, связанныя съ територіей, подлежащей уступкѣ, а также разнаго рода матеріальныя неудобства—побуждаютъ насъ провести этотъ вопросъ прежде всѣхъ остальныхъ, и даже поставить его въ зависимость отъ уступаемыхъ нами въ Азіи такихъ важныхъ земель, какъ Карсъ и его владѣнія.

«Къ тому же, несмотря на громадныя жертвы, принесенныя уже императоромъ, единственно въ желаніи мира—онъ можетъ встрѣтить на конференціяхъ серьезныя препятствія, вслѣдствіе новыхъ претензій нашихъ враговъ и, главнымъ образомъ, Англіи, по отношенію къ § 5 предварительныхъ условій.

«Подобныя обстоятельства могутъ произойти не только отъ свойства самихъ претензій, но и формы, въ которую онѣ будутъ облечены».

Дѣйствительно, подписанный въ Вѣнѣ, по нашему предложенію, протоколъ проекта предварительныхъ условій мира, былъ ничто иное, какъ только проектъ (raparhé), а самое подписаніе его должно было быть произведено только на парижскихъ конференціяхъ.

Тѣмъ не менѣе было весьма вѣроятно, что Англія будетъ настаивать на томъ, что вѣнскія соглашенія должны быть признаны подлежащими уже окончательному утвержденію, почему графъ Нессельроде, опровергая такой взглядъ, указывалъ графу Орлову на слѣдующія обстоятельства:—мы не станемъ сопротивляться и дадимъ свое согласіе на то, чтобы не возобновлять укрѣпленій Бомарзунда; согласимся возвратить Турціи и занятый нами Карсъ съ его владѣніями въ Азіи, но не иначе, чтобы эти уступки устранили самый вопросъ о какихъ-либо територіальныхъ уступкахъ нашихъ въ Европѣ—или, по крайней мѣрѣ, способствовали наиболѣе выгодному для насъ рѣшенію этого вопроса.

«Отъ искусства нашихъ уполномоченныхъ,—сказано въ инструкціи,—будетъ зависѣть пріобрѣсти такую выгоду, не прерывая переговоровъ, наткнувшихся на этотъ первый подводный камень (contre ce premier écueil). Намъ представляется двоякій образъ дѣйствій—или показать готовность условиться съ Англіей, съ цѣлью удовлетворить видамъ ея въ Азіи, и тѣмъ изолировать Австрію, заставивъ ее относиться въ болѣе благопріятномъ для насъ смыслѣ въ вопросѣ объ уступкахъ; или же, намъ представляется возможность воспользоваться существующимъ уже согласіемъ между Австріей и Франціей, съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ нимъ обѣимъ и составить, такимъ образомъ, родъ союза, съ цѣлью парализировать намѣренія Англіи и заставить ее отказаться отъ чрезмѣрныхъ требованій».

Въ видахъ ускоренія заключенія мира, графъ Нессельроде находилъ болѣе удобнымъ не терять времени на опредѣленіе условій предварительныхъ, а прямо приступить къ разработкѣ и

подписанію окончательныхъ условій. Вообще же, всё вопросы второстепенной важности должны быть, по точному смыслу инструкціи, подчинены—«главной цѣли, къ которой слѣдуетъ стремиться: къ возстановленію мира».

Въ особыхъ приложеніяхъ къ этой инструкціи излагается взглядъ русскаго правительства на рѣшеніе главнѣйшихъ вопросовъ, обсужденіе которыхъ, не безъ основанія, соединено въ особомъ дополнительномъ § 5 проекта трактата, а не внесено въ самый трактатъ, такъ какъ по этимъ вопросамъ могло и не состояться соглашенія.

Такъ, въ вопросѣ о нейтрализаціи Чернаго моря, мы находили, что самый вопросъ о нейтрализаціи этого моря, дѣлая его открытымъ лишь для морскихъ судовъ и закрытымъ для плаванія судовъ военныхъ—«этимъ самымъ требуетъ, какъ *conditio sine qua non*, закрытія проливовъ»—въ противномъ случаѣ, вопросъ о нейтрализаціи былъ бы пустымъ словомъ, такъ какъ ничто не мѣшаетъ Портѣ, во всякое время, по своему ли желанію, или по побужденію другихъ державъ, открыть свои проходы въ Черное море для пропуска въ него военныхъ флотовъ этихъ державъ. Поэтому необходимо: «чтобы гарантія закрытія проливовъ была обезпечена европейскими державами коллективно».

Что касается до обязательства, «не создавать вновь и не сохранять на берегахъ Чернаго моря военныхъ, морскихъ арсеналовъ», то въ этомъ отношеніи нужно было имѣть въ виду, что вопросъ касается только арсеналовъ, а не крѣпостей и укрѣпленій; и что это не относится до Азовскаго моря, а только до Чернаго.

По отношенію числа нашихъ и турецкихъ судовъ въ Черномъ морѣ, говорится въ инструкціи, нельзя надѣяться, чтобы число это могло быть опредѣлено силою нашего флота, до наступленія войны. Тѣмъ не менѣе, нужно было имѣть въ виду, что какъ Россія, такъ и Турція, должны были имѣть въ Черномъ морѣ достаточныя силы, безъ чего вся черноморская торговля станетъ жертвою пиратовъ, которые разовьютъ на морѣ свои разбойническіе набѣги и слѣлаютъ самую торговлю ни для кого невозможною.

Болѣе всего предстояло опасаться несогласій по этимъ вопросамъ, извѣстнымъ подъ неопредѣленнымъ названіемъ—особыхъ соглашеній.

Въ инструкціи графу Орлову по этимъ предметамъ, графъ Нессельроде, слѣдующимъ образомъ излагаетъ взглядъ нашего правительства:

«Соглашаясь не возобновлять ¹⁾ укрѣпленій Бомарзунда, желательно не вносить этого въ трактатъ, и даже не упоминать вовсе

¹⁾ Графъ Нессельроде графу Орлову, 30 января 1856, № 39. М. И. Д.

о Бомарзундѣ, избравъ, на примѣръ, такую редакцію: «Аландскіе острова останутся въ томъ видѣ, въ какомъ находились во время войны (*status quo belli*)».

Мы имѣли основаніе предполагать, что Англія, возбуждавшая въ настоящей войнѣ подвластные намъ народы Кавказа, будетъ оспаривать наши права на полное владычество надъ этими народами, и на занятіе нами нѣкоторыхъ пунктовъ, къ востоку отъ Чернаго моря, которые были оставлены нами во время войны, какъ, на примѣръ, Суджукъ-Кале и другіе. Для отклоненія этихъ претензій, графъ Нессельроде писалъ графу Орлову, что лордъ Пальмерстонъ, состоя главою Великобританскаго правительства, еще въ письмѣ его къ лорду Дургаму отъ 23-го мая 1837 г., которое намъ было въ свое время сообщено и внесено въ Синюю Книгу, признавалъ, что «правительство ея величества имѣетъ въ виду, что Суджукъ-Кале, который Россія, въ ея трактатѣ 1783 г. признавала какъ владѣніе принадлежащее Турціи, принадлежитъ въ настоящее время Россіи, въ силу Адрианопольскаго договора, и что портъ этотъ занятъ теперь русскимъ гарнизономъ».

Кромѣ того: «лордъ Мельборнъ, первый министръ Англіи, возвращаясь въ 1837 г. къ тому же вопросу о нашихъ пограничныхъ фортахъ въ Азій, выразился, «что лучшимъ средствомъ устранить на будущее время всѣ спорные вопросы по этимъ границамъ, было бы—занятіе нами, въ скорѣйшемъ времени, всѣхъ главнѣйшихъ побережныхъ пунктовъ, на нашей границѣ черноморской». Если мы оставили эти пункты при началѣ войны, то это было дѣломъ лишь военныхъ соображеній. До войны же мы ихъ занимали своими гарнизонами, и всѣ признавали за нами это право. Вообще вопросъ о всѣхъ нашихъ владѣніяхъ на Кавказѣ, къ востоку отъ Чернаго моря, долженъ быть, по указаніямъ графа Нессельроде, устраненъ, уже въ виду важности возвращаемыхъ нами теперь Турціи земель Карса.

Высказавъ эти общіе взгляды нашего двора, по отношенію къ вопросамъ подлежащимъ обсужденію въ Парижѣ, было важно узнать, какъ смотрятъ на сущность этихъ вопросовъ французское и англійское правительства; въ равной мѣрѣ, требовалось выяснить настроеніе другихъ державъ, участвующихъ на конгрессѣ, и ихъ отношеніе къ Россіи. Это предварительное изслѣдованіе политической почвы было возложено на барона Бруннова, который съ этою цѣлью и прибылъ въ Парижъ за недѣлю раньше графа Орлова, чтобы ко времени его пріѣзда, какъ главнаго уполномоченнаго, выяснить положеніе дѣла, прежде наступленія засѣданій конгресса.

30-го января (11) февраля 1856 г., баронъ Брунновъ пріѣхалъ въ Парижъ и съ ловкостью и энергіей приступилъ къ дѣлу.

Вотъ что писалъ онъ графу Нессельроде въ нѣсколькихъ доносеніяхъ своихъ отъ 7-го (19) февраля.

Прежде всего, Брунновъ сдѣлалъ 2-го (14-го) и 4-го (16-го) февраля визитъ графу Валевскому, какъ министру иностранныхъ дѣлъ Франціи, и такъ описываетъ результаты вынесенныхъ имъ изъ разговора съ Валевскимъ впечатлѣній ¹⁾.

«Намѣреніе французскаго правительства состоитъ въ живомъ желаніи Наполеона придти къ мирному соглашенію, какъ можно скорѣе. Поэтому императоръ употребитъ всѣ средства, чтобы устранить препятствія, которыя могутъ встрѣтиться во время прений, и привести ихъ къ скорому окончанію. Препятствія могутъ представиться не со стороны Франціи, но со стороны Англій и Австріи.

«Первая мало расположена къ тому, чтобы облегчить дѣло мира. Она не довольна и не прочь предпринять третью кампанію, чтобы поправить невыгодное мнѣніе объ англійской арміи, составившееся на основаніи двухъ предшествующихъ кампаній. Къ тому же, лордъ Пальмерстонъ опасается потерять свой портфель, если будетъ подписанъ миръ, далеко не удовлетворяющій тѣмъ надеждамъ и обѣщаніямъ, которыя имѣла въ виду вопиющая партія въ Англій. Парижскій кабинетъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы успокоить самолюбіе англичанъ и заставить ихъ быть благоразумными. Лордъ Кларендонъ лично расположенъ къ миру, но боится общественнаго мнѣнія страны и того, что положеніе его будетъ ниже той роли, которую онъ желалъ разыгрывать въ Европѣ. Кларендонъ робокъ (timide) и очень щекотливъ (susceptible) относительно всего, что касается англо-французскаго союза. Онъ видитъ для этого союза угрозу въ тѣхъ сношеніяхъ, которыя могутъ возникнуть прямо между Россіей и Франціей. Отсюда возникаетъ для французскаго двора необходимость избѣгать всего, что можетъ возбудить недобѣріе и зависть лондонскаго кабинета. Поступая иначе, французскій дворъ рискуетъ успѣхомъ негоціаціи». Валевскій сказалъ поэтому Бруннову съ полною откровенностью: «императоръ Наполеонъ очень заинтересованъ въ поддержаніи связей, соединяющихъ его съ Англійей. Онъ находитъ нужнымъ осторожно относиться къ ея справедливымъ требованіямъ, и я прошу васъ имѣть это обстоятельство въ виду, во все время переговоровъ. Если представляются затрудненія, императоръ найдетъ средства устранить ихъ соответственными мѣрами, не доводя дѣла до крайности и не задѣвая людей (sans brusquer les choses et sans heurter les hommes). Онъ счумѣетъ достигнуть этого путемъ умѣренности и своей способности, на которыя вы можете вполне положиться».

По словамъ министра Фульда, съ которымъ Брунновъ имѣлъ разговоръ 14-го февраля—«Наполеонъ считаетъ себя регуляторомъ (modérateur) между двумя противными сторонами».

¹⁾ 1856 г. Paris. Brunnow, 7-го (19-го) février. № 1. Дѣла Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ.

— «Я могу вамъ только посовѣтовать,—сказаль Фульдъ Бруннову,—обращаться прямо къ императору во всѣхъ случаяхъ, когда его личное вмѣшательство можетъ способствовать устраненію затрудненій, и гр. Орловъ долженъ испросить дозволеніе обращаться къ императору во всякое время, когда найдетъ это нужнымъ».

«По словамъ графа Валевскаго, — доносилъ Брунновъ, — вотъ затрудненія выставляемыя Англійей:

«1) Прежде всего англичане потребуютъ срытія укрѣпленій, устроенныхъ во время войны на Аландскихъ островахъ. Франція, вѣроятно, будетъ поддерживать это требованіе.

«2) Англичане будутъ противиться тому, чтобы занятія нами въ Азіи турецкія владѣнія, какъ Карсъ и сосѣдніе съ нимъ турецкія провинціи, оставались бы присоединенными къ Россіи. Франція и въ этомъ вопросѣ будетъ поддерживать Англию.

«3) Англичане не захотятъ оставить безъ нравственной поддержки кавказскихъ горцевъ, которыхъ они возбуждали къ войнѣ съ Россіей, чтобы, хотя по наружности, избѣжать упрека въ измѣнѣ и оставленіи на произволъ судьбы возбужденныя ими народности.

— «Французское правительство,—сказаль Валевскій,—не будетъ настаивать ни на чемъ по этому вопросу и оставитъ англійскаго уполномоченнаго безъ поддержки. Мы возбудимъ этотъ вопросъ, но вы имъ много не занимайтесь, такъ какъ Англія настаивать не будетъ, и все это нужно только для того, чтобы сказать въ парламентѣ, что интересы горцевъ не были забыты».

«4) Англичане потребуютъ не возобновлять фортовъ вдоль по азіатскому берегу Чернаго моря¹⁾.

«5) Будутъ споры относительно границъ Молдавіи съ Бессарабіей. Въ этомъ вопросѣ Австрія будетъ поддерживаться Англійей; взаимнѣ чего станеть поддерживать Англию по дѣламъ азіатскимъ».

Нашъ уполномоченный указываль на то, что уступка нами занятыхъ во время войны турецкихъ владѣній въ Азіи, должна избавить насъ отъ всякихъ уступокъ въ Европѣ. Валевскій замѣтилъ на это, что вѣдь и наши владѣнія на Кавказѣ, занятія нашими противниками, будутъ намъ возвращены, такъ что уступки съ обѣихъ сторонъ уравниваются.

«Франція, какъ мнѣ кажется, — доносилъ Брунновъ, — будетъ слабо поддерживать претензіи англичанъ въ Азіи, а Австріи въ Бессарабіи, но будетъ менажировать то ту, то другую. Повидимому, Франція сохраняетъ за собою роль умѣрять претензіи однихъ и поддерживать другихъ, смотря по тому, что она найдетъ болѣе выгоднымъ для своихъ интересовъ. Судьба переговоровъ, по этому,

¹⁾ Противъ этого пункта донесенія Бруннова, отмѣтка рукою императора Александра II: «За исключеніемъ Новороссійска и Сухума; мое мнѣніе остальныхъ не возобновлять».

во многомъ будетъ зависѣть отъ безпристрастія, съ которымъ будетъ относиться къ дѣлу императоръ Наполеонъ въ роли посредника, столь лестной для его самолюбія. Въ этомъ весь узелъ negotiаций».

Виды Австріи. «Главная забота Австріи,—писалъ Брунновъ,—сводится къ дѣламъ относительно Дуная, и Восточный вопросъ для нея ограничивается княжествами. Эта узкость задачи придаетъ Австріи жалкое (mesquin) значеніе и Валевскій, кажется, не придаетъ выдающейся роли австрійскому уполномоченному.

«Пользуясь этимъ,—пишетъ далѣе Брунновъ,—мнѣ кажется, мы можемъ низвести графа Буоля съ той выгодной позиціи, которую онъ занималъ на Вѣнскихъ конференціяхъ. Переносъ переговоровъ въ Парижъ, государь императоръ вырвалъ съ корнемъ шефа австрійскаго кабинета изъ его родной почвы. Эта перемѣна поразительна до крайности. Австрія низводится на роль второстепенной державы. Она не умѣла стать посредницей и перестала быть ею. Она нашъ другъ, не смѣя открыто заявить о томъ союзникамъ, врагамъ нашимъ. Словомъ, положеніе ея наихудшее изъ всѣхъ, такъ какъ она ни въ комъ не внушаетъ довѣрія. Графъ Буоль, я думаю, скоро почувствуетъ невыгоду для себя результатовъ своей политики: политическаго забвенія въ прошломъ, малодушія въ настоящемъ и нерѣшительности въ будущемъ. Мы не станемъ улучшать роли, которую онъ себѣ создалъ; но мы своимъ поведеніемъ, безъ вражды и злобы, покажемъ ему, что старые друзья всегда наиболѣе надежны»¹⁾.

Брунновъ замѣчаетъ, что, судя по всему, представители Франціи, Англійи и Австріи уже сговаривались между собою еще до его прибытія относительно программы предстоящихъ переговоровъ, хотя и не опредѣлили еще ничего общаго. «Съ перваго моего свиданія съ графомъ Валевскимъ,—писалъ онъ,—я понялъ, что успѣли уже стать на ложный путь: признается необходимымъ подписать два трактата—первый, предварительный и второй окончательный, мирный трактатъ».

Брунновъ энергично возражалъ противъ этого предположенія, говоря, что «миссія нашихъ уполномоченныхъ состоитъ въ томъ, чтобы искренно и скоро постановить окончательный миръ. Примѣры исторіи показываютъ, что задавшись сперва постановленіемъ предварительныхъ условій, дипломаты не доходили вовсе до условій окончательныхъ. Поэтому въ Европѣ могутъ подумать, что имѣется въ виду не скорѣйшее заключеніе мира, а только желаніе выиграть время. Изъ всѣхъ расчетовъ это былъ бы наихудшій»,—замѣчалъ онъ.

¹⁾ На этомъ мѣстѣ замѣтка рукою императора Александра II: «Je n'y compte nullement».

Далѣ Брунновъ доказывалъ, что ежели, напримѣръ, Западныя державы потребуютъ отъ насъ возвращенія Карса, то русскіе уполномоченные не могутъ на это согласиться иначе, какъ на условіи соотвѣтственнаго вознагражденія. Переговоры могутъ, поэтому, въ самомъ началѣ, наткнуться на этотъ роженъ (*sur se pivot*), и дѣло не дойдетъ до окончательнаго мира. Поэтому Брунновъ совѣтовалъ прямо начать съ условій окончательнаго мира, чтобы не терять напрасно ни труда, ни времени.

«Слова мои,—пишетъ Брунновъ,—произнесенныя спокойно, но сильно, произвели, какъ мнѣ кажется, полезное дѣйствіе. Графъ Валевскій хотѣлъ переговорить по этому предмету съ представителями державъ, замѣтивъ только отъ себя, что не знаетъ какъ поступить по послѣднему протоколу Вѣнскихъ конференцій, въ которомъ прямо сказано, что по подписаніи предварительныхъ условій мира будетъ заключено перемиріе и приступлено къ заключенію окончательнаго мира».

Впрочемъ, Валевскій не находилъ этого препятствія непреодолимымъ, полагая, что съ общаго согласія представителей можно замѣнить это постановленіе новымъ.

Въ своихъ сношеніяхъ съ графомъ Валевскимъ и другими лицами, Брунновъ объяснялъ имъ, что онъ, до прибытія графа Орлова, ограничивается только, такъ сказать, изслѣдованіемъ почвы подъ собою, имѣя въ виду все слушать и ничего не рѣшать.

Поэтому, веденные въ этомъ смыслѣ разговоры отличались мало свойственною дипломатамъ откровенностью, а это было очень полезно для графа Орлова, къ пріѣзду котораго почва уже была изслѣдована. «Я отмѣчаю всѣ обстоятельства, изслѣдую причины ихъ и наблюдаю людей, какъ бы безъ всякихъ особыхъ заботъ, и нахожу, что результаты такой системы очень удобны»,—писалъ Брунновъ.

Какъ результатъ своихъ наблюденій, Брунновъ высказываетъ мысль, что было бы всего лучше, еслибы графъ Орловъ объявилъ императору Наполеону, что во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ онъ будетъ обращаться къ нему лично, рассчитывая на его посредничество. «Польщенный этимъ довѣріемъ,—замѣчаетъ Брунновъ,—императоръ Наполеонъ будетъ лично вліять на уполномоченныхъ Англии и Австріи, и при такомъ условіи мирный исходъ дѣла, если и нельзя назвать несомнѣннымъ, то можно считать вѣроятнымъ».

Испросивъ чрезъ Валевскаго аудіенцію у Наполеона, баронъ Брунновъ получилъ ее 7-го (19-го) февраля.

«Императоръ принялъ меня,—доноситъ Брунновъ¹⁾ въ 2^{1/2} часа въ форменной аудіенціи, въ Тюльери, въ присутствіи министра иностранныхъ дѣлъ и чиновъ двора. Съ тою же церемоніею были

¹⁾ Brunnow, 7-го (19-го) fevrier, № 2. М. И. Д.

приняты графъ Буоль, первый уполномоченный Австріи, и графъ Кавуръ, первый уполномоченный Сардиніи. Въ качествѣ министровъ—ихъ представленіе было прежде моего, но въ то же утро».

Пріемъ, сдѣланный Бруннову императоромъ, былъ очень милостивъ. Наполеонъ напомнилъ ему о прежнемъ знакомствѣ съ нимъ въ Лондонѣ, когда они встрѣчались при другихъ обстоятельствахъ, и сказалъ, что ему очень пріятно вспомнить объ этомъ времени. Перейдя потомъ къ важности вопроса, по поводу котораго Брунновъ прибылъ въ Парижъ, но не касаясь самаго вопроса по существу, Наполеонъ сказалъ такъ, чтобы голосъ его былъ слышенъ всѣми присутствующими,—«что онъ условился (*s'est concerté*) съ Англіей, своей союзницей, по предметамъ соглашеній, наканунѣ открытія конгресса».—«Никакихъ намековъ (*allusions*) не сдѣлано, ни относительно Турціи, ни Австріи, ни Сардиніи», — доносилъ Брунновъ.

Затѣмъ, Наполеонъ, съ видимымъ интересомъ, спросилъ о здорově императора Александра и его семейства. Брунновъ сказалъ при этомъ, что императоръ Александръ былъ очень тронутъ выраженіемъ тѣхъ знаковъ уваженія, которыя Наполеонъ проявилъ къ покойному его родителю, когда узналъ о его кончинѣ.

Наполеонъ съ живостію и волненіемъ сказалъ на это, послѣ нѣкотораго молчанія: — «Это былъ великій государь!» Слова эти были произнесены съ чувствомъ и громко. Валуевскій объяснилъ это желаніемъ Наполеона, чтобы отзывъ его объ императорѣ Николаѣ былъ слышенъ всѣми.

Итакъ, баронъ Брунновъ могъ теперь знать, что въ лицѣ императора Наполеона и графа Валуевского, онъ встрѣтитъ готовность поддерживать интересы Россіи, насколько это окажется возможнымъ, не раздражая окончательно Англію, и игнорируя претензіи Австріи. Нужно было теперь разузнать положеніе занятое Англіей.

«Лордъ Кларендонъ, — доносилъ Брунновъ¹⁾, — тотчасъ по пріѣздѣ своемъ, просилъ письменно извѣстить его, когда онъ можетъ быть принятъ русскимъ уполномоченнымъ». Свиданіе состоялось 6-го (18-го) февраля. Лордъ Кларендонъ заявилъ, что британское правительство, прежде всего, желаетъ скорого замиренія, хотя это замиреніе и не будетъ популярно въ народѣ. «Условія мира, — сказалъ онъ, — будутъ ниже ожиданій страны. Двѣ предыдущія кампаніи признаются нерѣшительными (*indécises*). Возможныя приготовленія были сдѣланы съ цѣлью придать борьбѣ ббльшую силу. Непредвидѣнное замиреніе, приостанавливая развитіе военныхъ силъ Великобританіи, разочаруетъ народныя массы, дастъ пищу оппозиціи и готовитъ гибель нынѣшнему министерству».

¹⁾ Brunnow, 7-го (19-го) fevrier, № 3. М. И. Д.

Тѣмъ не менѣе, Кларендонъ высказалъ твердое намѣреніе присоединиться къ Франціи и употребить всѣ усилія, чтобы достигнуть замиренія.

Затѣмъ Кларендонъ выставилъ слѣдующія требованія Англій:

1) Возвращеніе Карса, безъ чего заключеніе мира будетъ невозможно.

2) Не возобновлять укрѣпленій на островахъ Аландскихъ.

3) По дѣламъ Кавказа, англичане желаютъ, съ одной стороны, облегчить торговлю съ Кавказомъ, въ видахъ развитія цивилизаціи дикихъ племенъ его; съ другой стороны, для безопасности Порты, Англія желаетъ, чтобы укрѣпленія, оставленные нами во время войны, вдоль восточнаго берега Чернаго моря, не возобновлялись болѣе.

4) Рѣшеніе вопроса о границахъ Бессарабіи.

Лордъ Кларендонъ не упомянулъ при этомъ о намѣреніи англичанъ потребовать закрытія морскихъ сооружений въ Николаевѣ, чтобы сразу не повредить переговорамъ.

Согласно полученнымъ инструкціямъ, Брунновъ, перейдя къ вопросу о покровительствѣ оказываемомъ Россіей христіанскимъ подданнымъ Порты, сказалъ, что Россія никогда не имѣла въ виду эгоистическихъ цѣлей въ этомъ вопросѣ, а поддерживала восточныхъ христіанъ одна, только потому, что другія державы оставались къ этому вопросу равнодушными; что мы не только ничего не имѣемъ противъ ихъ участія въ этомъ святомъ дѣлѣ, но, напротивъ, будемъ очень рады, если всѣ пять европейскихъ державъ учредятъ общую, постоянную конференцію въ Константинополѣ, съ цѣлью гарантировать интересы христіанъ на Востокѣ, безъ различія ихъ вѣроисповѣданій.

Лордъ Кларендонъ былъ, повидимому, совершенно удивленъ такимъ заявленіемъ.

«Онъ сознался мнѣ, пишетъ Брунновъ, что пораженъ новостью этихъ для него идей, ожидать которыхъ онъ никакъ не могъ и которыя онъ вполне одобряетъ».

«Я полагаю, продолжаетъ Брунновъ, что высказанныя мною мысли есть лучшее средство побѣдить то недовѣріе, которое всегда проявляется въ умѣ государственныхъ людей Англій, какъ только они начинаютъ говорить о дѣлахъ Турціи. Безполезно было бы стараться излечить этотъ порокъ, это умственное ихъ затменіе и упрямство; но я убѣжденъ, что инициатива, принятая теперь императоромъ при рѣшеніи этого стараго вопроса, придавая ему новый порядокъ вещей — есть единственно возможное, при человѣческихъ комбинаціяхъ, средство достигнуть почетнаго для Россіи мирнаго соглашенія, согласнаго съ истинными интересами христіанства».

Съ своей стороны, лордъ Кларендонъ также не мало удивилъ нашего посланника, высказавъ ему свои мысли, которыя всего менѣе можно было ожидать отъ англійскаго министра.

— «Никто изъ насъ, сказалъ Кларендонъ, не станетъ отрицать постояннаго вліянія, которое Россія и ея государи всегда имѣли на христіанъ греческаго закона, въ предѣлахъ Оттоманской имперіи. Вліяніе это существуетъ и будетъ существовать всегда, что бы ни предпринималось для его уничтоженія. Мы и не будемъ предпринимать ничего подобнаго. Мы признаемъ его въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ, какъ естественный порядокъ вещей. Но ничто не можетъ способствовать болѣе устраненію на будущее время несогласій въ нашихъ сношеніяхъ, какъ установленіе высказанной вами системы. Допуская коллективный надзоръ нашъ, вы устраняете этимъ вопросъ о всякомъ наступательномъ образѣ дѣйствій, тогда какъ всякая исключительная политика только возбуждаетъ его въ нашихъ глазахъ. Поэтому, предлагаемая вами комбинація будетъ великимъ шагомъ на пути къ примиренію».

При частыхъ свиданіяхъ съ графомъ Валевскимъ, Брунновъ не упустилъ случая выяснитъ и нѣкоторыя подробности предстоящихъ переговоровъ, и условиться относительно этихъ подробностей. Такъ, было условлено съ Валевскимъ¹⁾, сократить, насколько только возможно, всякую излишнюю переписку и потому вносить въ протоколы только извлеченія, или результаты, происходившихъ на засѣданіяхъ преній, избѣгая всякихъ рѣчей и диспутовъ. Для этого, передъ каждымъ засѣданіемъ, рѣшено было предварительно совѣщаться по предстоящимъ вопросамъ, и разъяснять ихъ конфиденціальнымъ путемъ.

Брунновъ старался сойтись также и съ другими, близкими къ Наполеону, лицами, и приобрѣталъ черезъ нихъ важныя для себя свѣдѣнія. Такъ въ разговорѣ съ герцогомъ Морни²⁾ послѣдній подтвердилъ ему—«полное желаніе парижскаго двора поддерживать добрыя отношенія между Франціей и Россіей». Въ доказательство своей искренности, Морни сказалъ,—что императоръ Наполеонъ будетъ публично показывать всю важность, какую онъ придаетъ союзу съ Англійей. Но, прибавилъ Морни— не должно заблуждаться (*se méprendre*) относительно дѣйствительнаго значенія подобныхъ проявленій: оно прикрываетъ секретное перерожденіе (*transition*), которое имъ, (Наполеономъ), готовится».

Такое отношеніе парижскаго двора къ Англійи объясняется различіемъ настроенія обоихъ дворовъ, по отношенію къ Россіи. Въ то время, какъ императоръ Наполеонъ искренно желалъ мира, довольный тѣмъ, что послѣ сомнительныхъ шансовъ войны, онъ

1) Brunnow, 7-go (19-go) fevrier № 4. М. И. Д.

2) Brunnow, 7-go (19-go) fevrier № 5. М. И. Д.

могъ сохранить престижъ Франціи; Англія не мирилась съ тою второстепенною ролью, которую ей приходилось играть при настоящихъ обстоятельствахъ, и потому желала продолженія войны. Чтобы побудить къ тому же и Францію, безъ которой Англія, конечно, не могла рассчитывать на успѣхъ борьбы — она предприняла значительное увеличеніе своихъ боевыхъ силъ, не щадя никакихъ расходовъ, въ надеждѣ, что видя ее сильною, въ качествѣ своей несомнѣнной союзницы, Наполеонъ, тѣмъ скорѣе, поддастся увлеченію, и рѣшится продолжать борьбу съ Россіей, чтобы заставить ее принять такія условія, которыхъ желала Англія. Но Наполеонъ, какъ уже было сказано, хорошо понималъ, что ежели борьбѣ суждено продолжаться, то вся тяжесть ея снова ляжетъ на Францію, а всѣ выгоды достанутся одной Англіи. Къ тому же, онъ хорошо зналъ всю трудность предстоящей борьбы. Какъ продолжать ее на сушѣ, въ странѣ, въ которой уже, на нѣсколько сотъ верстъ вокругъ, не было никакихъ средствъ продовольствія, а дороги были въ самомъ ужасномъ положеніи? Приходилось каждый сухарь подвозить изъ Франціи. А далѣе — какъ доставить подвезенные моремъ припасы къ арміи, которая, неминуемо, съ кажнымъ шагомъ впередъ, должна была отдаляться отъ моря? Французы знали, что еще въ началѣ высадки союзниковъ въ Крыму они не могли найти на полуостровѣ никакихъ животныхъ, кромѣ какой-нибудь сотни барановъ. Животныхъ же, потребныхъ для перевозки тяжестей — рѣшительно нельзя было достать. Даже, стоя подъ Севастополемъ, только съ большими затрудненіями союзники могли подвозить въ свой лагерь, прибывшіе на судахъ, предметы довольствія. А тутъ предстояло пройти сотни верстъ южныхъ степей Россіи, лишенныхъ всякихъ жизненныхъ средствъ, въ конецъ истощенныхъ уже войною и которыя не могли довольствоваться нашу собственную армію подъ Севастополемъ, куда даже сѣно подвозилось за 300 верстъ и далѣе. Какъ пройти эти степи, не имѣя лошадей для обоза и даже обозныхъ принадлежностей? Какъ везти за арміей артилерію, при которой также не имѣлось лошадей?

Всѣ эти вопросы, натурально, представлялись въ умѣ Наполеона. Англичане не такъ углублялись въ сущность этихъ вопросовъ, имѣя въ виду, что ихъ роль будетъ ограничена дѣйствіями на моряхъ, на которыхъ они себя чувствуютъ такъ легко, какъ рыба въ водѣ. По этому понятно, что Наполеонъ не желалъ продолжать войну, будущность которой представляла столько сомнительныхъ рѣшеній. Онъ довольствовался уже достигнутыми результатами и не хотѣлъ рисковать будущностью. Но его союзница, Англія, желала войны.

Какъ поступить, чтобы достигнуть желаемой цѣли, не раздражая свою союзницу? Онъ поступилъ именно такъ, какъ того требовали обстоятельства. Съ одной стороны, онъ прямо заявляетъ и

Россіи и Англіи, что держится твердо союза съ послѣднею и придаетъ ему значеніе. Этимъ, во-первыхъ, онъ успокоиваетъ Англію, и хочетъ импонировать Россіи, чтобы побудить ее сдѣлать тѣ уступки, которыя онъ находитъ необходимымъ, въ интересахъ Англіи. Но чтобы умѣрить излишнія претензіи послѣдней, претензіи, удовлетворить которымъ Россія не согласится—Наполеонъ оказываетъ чрезвычайное вниманіе русскимъ уполномоченнымъ; а черезъ графа Валевскаго и герцога Морни даетъ имъ понять, что между Россіей и Франціей могутъ возникнуть особыя соглашенія, быть можетъ даже союзъ. Положительно ничего еще не говорится по этому предмету, но уже имѣется въ виду возможность новыхъ комбинацій, на случай, если Англія не откажется отъ своихъ чрезмѣрныхъ требованій и тѣмъ воспрепятствуетъ заключенію желаемого мира. Перспектива возможности, въ такомъ случаѣ, союза Франціи съ Россіей, даже противъ Англіи, естественно, заставляла послѣднюю быть осторожнѣе и умѣреннѣе—а этого только и было нужно, чтобы обезпечить миръ. Но ведя эту ловкую политику мира, Наполеонъ подкрѣплялъ ее и военными приготовлениями.

«Не смотря на миролюбивое настроеніе Франціи, писалъ Брунновъ¹⁾, она продолжаетъ дѣлать значительныя военныя приготовленія. Графъ Валевскій не скрываетъ этого и говоритъ, что это необходимо для того, чтобы не отставать отъ Англіи, которая вооружается съ большою энергіею. Если Франція не будетъ сильна, то Англія можетъ повредить дѣлу мира».

Такъ какъ частыя, конфиденціальныя сношенія нашего уполномоченнаго съ графомъ Валевскимъ могли возбудить подозрѣніе въ представителяхъ Англіи, Австріи, Турціи и Итали, то условлено было сообщаться чрезъ саксонскаго министра въ Парижѣ, Зеебаха, который, по словамъ Бруннова²⁾,—«былъ какъ бы посредствующимъ между нимъ, Брунновымъ, и Валевскимъ лицомъ. Черезъ него французскій министръ передавалъ, съ большою осторожностью, чтобы о томъ не узнали иностранные дипломаты, обо всемъ, что могло служить къ сближенію Франціи съ Россіей».

Вообще говоря, заключенія, къ которымъ пришелъ Брунновъ, вслѣдствіе своихъ политическихъ изслѣдованій, съ начала своего прибытія въ Парижъ, были для насъ очень благопріятны. На вопросъ графа Нессельроде, въ какомъ положеніи онъ находитъ дѣла? Брунновъ, въ послѣднемъ изъ своихъ донесеній, все отъ того же 7-го (19-го февраля) 1856 года, писалъ ему слѣдующее:

«Вы спрашиваете меня, графъ, о моихъ первыхъ впечатлѣніяхъ. Извольте. Вотъ, по моему, точная картина нашего положенія. Если мы будемъ имѣть дѣло съ людьми благоразумными, то

¹⁾ Брунновъ, 7-го (19-го) февраля, № 6. М. И. Д.

²⁾ Брунновъ, 7-го (19-го) февраля, № 7. М. И. Д.

на будущей недѣлѣ я пришлю вамъ весьма не дурной мирный трактатъ (*très présentable*). Но намъ предстоитъ много труда, что бы достигнуть этого результата, если только мы его достигнемъ. Когда мы приступимъ къ негоціаціямъ, я въ состояніи буду сказать тогда, навѣрное, — имѣютъ ли англичане въ виду только шумѣть и придираяться (*tracasser*), или же хотятъ помѣнать подписанію трактата.

«Кларендонъ увѣряетъ, что желаетъ все кончить скоро и хорошо. Посмотримъ. Онъ передалъ мнѣ милостивый привѣтъ отъ королевы. Въ общемъ, свиданіе наше было удовлетворительное. Онъ восхищается графомъ Орловымъ.

«Валевскій относится ко мнѣ очень дружественно. Если онъ избавитъ насъ отъ *traité préliminaire*, то окажетъ намъ услугу.

«Кларендонъ соглашается со мною относительно пользы постановить прямо окончательный договоръ, безъ подписанія предварительныхъ условій, которыя потомъ должны быть обращены въ трактатъ.

«Графъ Буоль, напротивъ, требуетъ этой формальности ¹⁾. Онъ первымъ сдѣлалъ мнѣ визитъ. Разговаривали прилично (*convenables*), но съ нимъ не устроить ничего хорошаго.

«Графъ Кавуръ и Буркеней также первыми сдѣлали мнѣ свои визиты. Впрочемъ, я не придаю значенія этимъ дипломатическимъ мелочамъ. Тѣмъ не менѣе, при настоящихъ обстоятельствахъ, это имѣетъ значеніе благопристойности (*decorum*).

«Кларендонъ также сдѣлалъ мнѣ первые авансы. Короче, все прошло по всѣмъ правиламъ искусства.

«Большая предупредительность со стороны французскихъ министровъ. Адмиралъ Гамеленъ и маршалъ Вельянъ (*Vaillant*) говорили съ величайшимъ уваженіемъ о блестящихъ доблестяхъ нашихъ войскъ. Я познакомился съ генераломъ Ніелемъ, управлявшимъ осадю Севастополя, какъ начальникъ инженеровъ. Онъ въ восхищеніи (*en admiration*) отъ нашего храбраго Тотлебена. Въ этомъ смыслѣ онъ говорилъ со мною въ присутствіи всего двора, въ Тюльери, передъ выходомъ императора.

«Въ салонахъ, въ публикѣ, на улицѣ, вездѣ проявляется къ намъ общая симпатія. По дорогѣ въ Страсбургъ и на вокзалѣ въ Парижѣ, въ день моего пріѣзда, мнѣ была устроена дружеская демонстрація.

«Короче сказать, графъ, люди, которые у насъ скажутъ вамъ, что наша миролюбивая политика понизила объ насъ общественное мнѣніе въ Европѣ, — пусть только пріѣдутъ въ Парижъ, для того, чтобы убѣдиться въ противномъ. Въ лучшіе годы моей политической карьеры, я никогда не чувствовалъ себя болѣе сильнымъ на

¹⁾ Т. е. постановленія сперва предварительныхъ условій.

занятой позиціи какъ теперь, когда императору угодно было призвать меня для подписанія мира.

«Затрудненія заключаются не въ томъ. Онѣ происходятъ отъ тѣхъ, которые не желаютъ, чтобы за нами была признана заслуга водворенія общаго спокойствія и благоденствія въ Европѣ. Завидуютъ нашей роли, такъ какъ она велика. Если бы она не была таковою — было бы легко установить миръ.

«Еще одно слово о Валевскомъ. Я зналъ, что онъ очень желалъ моего присутствія на конгрессѣ, и потому сказалъ ему:

— «Такъ какъ вы желали моего прибытія, то, я надѣюсь, не для того, чтобы я испыталъ неудачу (un eches)—это было бы не по-дружески.

— «Избави Богъ,—отвѣчалъ онъ.—Ударъ поразилъ бы не васъ однихъ—я раздѣлилъ бы его вмѣстѣ съ вами. Для меня это было бы еще важнѣе. По этому вы понимаете, что я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, для отвращенія неудачи».

«Это замѣчаніе,—продолжалъ Брунновъ,—мнѣ понравилось. Оно доказываетъ, что самолюбіе Валевского побуждаетъ его желать успѣха переговоровъ. Это лучшее, что я могу сообщить вамъ, такъ какъ всѣ французскіе министры, боясь за тщеславіемъ успѣха, тѣмъ самимъ рѣшаютъ уже дѣло на половину.

«Нельзя того же сказать относительно Кларендона. Этотъ сказалъ мнѣ:

— «Если я привезу уже подписанный миръ, то меня побьютъ камнями (lapider). Джонъ Буль скажетъ, что всего сдѣланнаго еще мало и не покрываетъ издержекъ. Онъ не прочь дать еще одинъ ударъ бокса. Впрочемъ, черезъ три недѣли неудовольствіе уляжется. Затѣмъ, стануть рукоплескать и кончатъ тѣмъ, что примутъ миръ въ томъ видѣ, какъ онъ состоялся, какъ это бываетъ у насъ всегда съ оконченными дѣлами. Но первыя недѣли будутъ тяжелы (rudes), и я не знаю, будетъ ли наше правительство на столько твердо, чтобы противиться общему настроенію».

«Слова эти любопытны въ устахъ министра,—продолжаетъ Брунновъ,—но я считаю ихъ вѣрными. Англичане говорятъ о подобныхъ вещахъ съ тою безцеремонностію, которая свойственна имъ однимъ.

«По этому поводу я прямо сказалъ Кларендону, безъ всякихъ стѣсненій, что война, особенно при способѣ веденія ея англичанами на морѣ, оставитъ у насъ слѣды, которые не скоро пройдутъ. Онъ очень былъ удивленъ этими словами.

— «Что же,—сказалъ онъ—у насъ это не такъ. Какъ только миръ будетъ заключенъ, мы будемъ думать, что все кончено, какъ слѣдуетъ, и станемъ только заботиться о барышахъ и торговлѣ (sdake, hand, again).

«Положеніе Валевскаго не легкое. Въ настоящее время онъ очень подозрѣваетъ англичанъ.

«Я здѣсь всего восемь дней, но я уже узналъ многое, такъ какъ здѣсь всѣ говорятъ и никто не слушаетъ. Я же, говорю мало, а слушаю много. Вотъ почему я не потеряю времени даромъ.

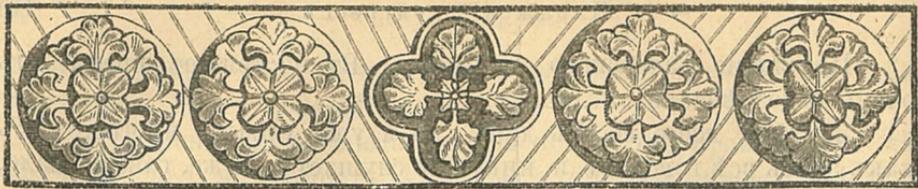
«Валевскій предупредилъ меня, что при первой аудіенціи императоръ будетъ со мною очень любезенъ. Дѣйствительно, аудіенція моя доставила мнѣ полное удовлетвореніе. Полагаю, что ожидаютъ приѣзда графа Орлова, чтобы пригласить меня къ обѣду во дворецъ. «Тогда, — сказалъ Валевскій, — императоръ будетъ говорить съ вами о главномъ и еще кое-о-чемъ другомъ (et de beaucoup d'autres choses). Время объяснить въ чемъ дѣло».

Съ приѣздомъ графа Орлова, согласно полученнымъ отъ канцлера инструкціямъ, наши уполномоченные должны были подраздѣлить свои занятія и вступать въ непосредственныя сношенія: графъ Орловъ — съ императоромъ Наполеономъ, а баронъ Брунновъ съ Валевскимъ. Брунновъ находилъ это подраздѣленіе труда очень удобнымъ и полезнымъ, такъ какъ одинъ изъ нашихъ представителей будетъ посвящать другого во всѣ подробности своего дѣла, и тѣмъ дополнять его свѣдѣнія, дѣйствуя въ то же время совершенно самостоятельно.

А. Петровъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТКИ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ Д. М. ЛЕОНОВОЙ.

ЕЛАНІЕ мое описать мою жизнь возникло во-первыхъ изъ дѣятельности моей, какъ артистки, которой случалось сталкиваться со множествомъ людей разныхъ общественныхъ положеній, вторыхъ, какъ женщины, побывавшей во многихъ странахъ и объѣхавшей кругомъ свѣта; наконецъ, исторія жизни моей, сама по себѣ, представляетъ,—льщу себя этой надеждой,—интересъ для русскихъ людей, какъ по моему происхожденію, такъ и по тѣмъ путямъ, которыми суждено мнѣ было достигъ настоящаго моего общественнаго положенія.

Я была всегда настолько впечатлительна и воспримчива, что живо сохранила въ памяти факты, случившіеся когда мнѣ было всего два года отъ рожденія, и потому я могу начать повѣствованіе свое съ самаго ранняго дѣтства.

I.

Мой отецъ.—Его происхожденіе, служба и женитьба.—Мое рожденіе.—Бѣдственное положеніе моихъ родителей.—Наша жизнь у помѣщицы Ивковой.—Приключеніе съ медвѣдемъ.—Страшныя ночи.—Случай съ отцомъ.—Переѣздъ въ отдаленную деревню.—Пожаръ.—Путешествіе на плоту.—Путешествіе въ Петербургъ въ кибиткѣ.—Необходимость прибѣгать къ чужой помощи.—Путевыя приключенія.

Отецъ мой былъ отставной офицеръ. Жизнь его и характеръ, особенно въ то время, представляютъ исключительную натуру, такъ какъ, по рожденію, принадлежа къ классу несчастныхъ крѣпостныхъ людей и чувствуя себя не въ состояніи переносить эту тя-

желую зависимость, онъ рѣшился бѣжать и избралъ себѣ долю, хотя также тяжелую, но по его взгляду болѣе достойную, а именно — военную службу.

Бывъ еще у помѣщика, отецъ мой съ дѣтства состоялъ пѣвчимъ въ домашней церкви его. Помѣщикъ, замѣтивъ его голосъ, музыкальныя способности и большую охоту, которыя выдѣляли его изъ дворовыхъ людей, опредѣлилъ его въ школу военной музыки лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. На его долю выпалъ самый трудный инструментъ—это тромбонъ. Учасъ въ школѣ, онъ въ то же время пѣлъ на клиросѣ.

Отецъ мой участвовалъ въ походахъ 1812—14 годовъ. По окончаніи войны, предложено было участвовавшимъ въ ней, по желанію, или остаться на службѣ, или выдти въ отставку съ полученіемъ чина и единовременнаго пособія. Онъ избралъ послѣднее, желая возвратиться на родину, чтобы повидаться съ родными и показать себя только-что произведеннымъ офицеромъ. Но прежде чѣмъ добраться до Осташковскаго уѣзда (Тверской губерніи, мѣста своей родины), онъ пробылъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, гдѣ женился на дочери чиновника, Екатеринѣ Ивановнѣ Ивановой. Первыя дѣти ихъ умирали. До меня было шесть человѣкъ, изъ которыхъ въ живыхъ остался только одинъ братъ, на три года старше меня.

Изъ Петербурга родители мои отправились въ Вышній Волочокъ, гдѣ по какимъ-то дѣламъ отецъ долженъ былъ прожить нѣкоторое время. Тутъ-то я и родилась, въ 1835 году. Изъ Волочка они поѣхали въ Осташковскій уѣздъ, гдѣ отецъ поступилъ управляющимъ имѣніемъ къ помѣщику Полторацкому. Но онъ недолго пробылъ въ этой должности. Характеру его несвойственны были хитрость и суровое обращеніе, что неизбежно было связано въ тѣ времена съ дѣятельностью управляющаго,—и онъ отказался. Доказательствомъ неспособности его къ такому дѣлу служить то, что, во время управленія своего, онъ не только не нажилъ, но прожилъ даже послѣдніе свои гроши.

Что было дѣлать и куда дѣваться! Положеніе было безвыходное. Судьба пришла на выручку: находился въ Осташковскомъ уѣздѣ одинъ помѣщикъ, Ивковъ, который отличался благотворительностью; онъ помогалъ всѣмъ, обращающимся къ нему, по мѣрѣ возможности и вникалъ въ положеніе всякаго. Узнавъ о бѣдственномъ положеніи нашей семьи, онъ далъ намъ пріютъ въ своемъ имѣніи, гдѣ мы прожили мѣсяцевъ шесть и гдѣ родители мои познакомились съ сестрой Ивкова, бѣдной помѣщицей, владѣлицей села Рыжкова, проживавшей верстахъ въ четырехъ отъ брата. Все село ея состояло изъ четырехъ дворовъ, изъ которыхъ три двора вымерли буквально въ одинъ день отъ горячки. Бѣдная помѣщица этого несчастнаго села нашла возможность предло-

жить отцу моему старый барскій домъ, который пустовалъ; сама же она жила въ новомъ строеніи. Причиною такой доброты Ивковой было расположеніе къ моей матери, которая заинтересовала ее разказами о Петербургѣ и о петербургской жизни, что составляло, въ тѣ времена и въ такой глуши, немалый интересъ. Къ этому времени относятся самыя раннія воспоминанія мои, запечатлѣвшіяся яркими образами и эпизодами въ моей памяти.

Такъ, напримѣръ, много времени спустя, спрашивала я матушку, гдѣ это и когда въ комнату нашу залетѣли курицы. Она удивилась. «Неужели помнишь ты это,—говорила она,—вѣдь тебѣ было тогда всего два года?» ¹⁾. Я рассказала ей тогда всѣ подробности, которыя ее удивили... Мнѣ и теперь живо представляется, какъ отецъ отворяетъ двѣ двери: одну изъ комнаты въ сѣни, а другую изъ кухни въ сѣни; разсыпаетъ овесъ и зоветъ: «цыпа, цыпа, цыпа!» Куры же, серебрянныя и золотыя, бѣгають по комнатѣ. Помню даже, что куры эти были съ большими хохлами и назывались барсовыми. Помню также происшествіе съ медвѣдемъ, угрожавшее роковымъ исходомъ для меня. Ивковъ жилъ, какъ я уже сказала, въ четырехъ верстахъ отъ села Рыжкова; мы часто бывали у него, ходили туда пѣшкомъ, а оттуда ѣхали на его лошадахъ. Однажды, родители мои и братъ ѣхали въ экипажѣ, а самъ Ивковъ, любившій ѣздить верхомъ, провожая насъ домой, посадилъ меня около сѣдла на гриву лошади. Помню, какъ я была довольна этимъ. Вдругъ лошадь наша забеспокоилась, зафыркала, и, наконецъ, понеслась какъ бѣшеная. Изъ-за деревьевъ показался медвѣдь. Ивкову уже невозможно было держать меня и онъ крикнулъ: «держишь за гриву!» И настолько далъ мнѣ Господь силы, что я уцѣпилась за гриву и, повиснувъ на ней, могла удержаться, пока Ивкову удалось успокоить лошадь. Помню также страшныя ночи, когда мы: матушка, я и братъ, оставались одни въ нашемъ ветхомъ жилищѣ; отецъ въ это время часто бывалъ въ отлучкахъ. Село Рыжково окружено болотами и сплошнымъ лѣсомъ, а помѣщичья усадьба не была даже обнесена оградой. Часто случалось, что, по ночамъ, просыпаясь инстинктивно отъ страха, мы видѣли какъ матушка стоитъ надъ нами и крестить насъ, говоря: «тише, не говорите громко, слышите, это волки! полное крыльцо волковъ!»

Страшный вой этотъ до сихъ поръ звучитъ въ моихъ ушахъ.

Поселившись у сестры Ивкова, мы имѣли помѣщеніе, но средствъ къ существованію никакихъ. Надо было питаться, но какъ и чѣмъ? Отецъ думалъ, думалъ, что предпринять, и надумался прибѣгнуть

¹⁾ Какъ память, такъ и физическое развитіе (по словамъ матушки) шли у меня необыкновенно быстро. Шести мѣсяцевъ я уже могла стоять на ногахъ, а семи мѣсяцевъ ходить.

къ средству, единственному въ нашемъ положеніи и въ этой глуши: доставъ нѣсколько писемъ къ помѣщикамъ и взявъ съ собой формулярный списокъ, онъ обращался за помощью и ему помогали кто какъ могъ; кто деньгами, кто припасами. Путешествія эти необходимо было дѣлать зимой, такъ какъ непроходимыя болота, на десятки верстъ въ окружности, слишкомъ затрудняли сообщеніе въ лѣтнее время. Въ такія-то зимнія ночи, оставаясь одни съ матушкой, безъ прислуги, мы дрожали отъ страха, осаждаемые волками. Однажды, въ одну изъ отлучекъ отца, когда матушка не ожидала еще возвращенія его, слышитъ она стукъ въ дверь. Оцѣпенѣвъ отъ ужаса, она не знаетъ, что ей дѣлать, окликнуть ли того, кто стучится, или притаиться. Со страхомъ отворяетъ она первую дверь, которая вела въ сѣни и ждетъ, что будетъ. Къ радости ея это былъ отецъ. «Отворяй скорѣе!—говоритъ онъ,—это я!» Помню, какъ подошелъ онъ къ нашей кровати и поцѣловалъ насъ, говоря: «Ну, дѣтки, умолили вы Бога, что я живъ. Меня хотѣли убить!» И онъ разказалъ намъ слѣдующее: ночью перешелъ онъ какую-то рѣку и поднялся на берегъ, на которомъ замѣтилъ избу и въ ней огонекъ. Онъ постучался въ окошко, чтобы попросить указать ему дорогу къ мѣсту, куда надо было ему идти. На стукъ его выскакиваетъ мужикъ съ палкой и начинаетъ безпощадно бить его, такъ что отецъ упалъ и скатился къ рѣкѣ. Онъ не помнилъ, сколько времени лежалъ тамъ, но когда очнулся, то голова его была вся въ крови. Много еще разныхъ подробностей разказывалъ онъ намъ о своемъ путешествіи, результатъ котораго былъ въ концѣ концовъ радостнымъ: пошелъ отецъ пѣшкомъ, а вернулся на лошади съ санями, въ которыхъ нашли мы много разныхъ продуктовъ.

И такъ, жизнь родителей моихъ была горька; изъ положенія этого выдти не было никакой возможности... Однажды, заѣхалъ къ намъ Ивковъ и завелъ, между прочимъ, слѣдующій разговоръ: «Я все думаю о васъ, Михайлъ Леонтьевичъ, о вашей семьѣ. Что же вы будете здѣсь дѣлать съ вашими дѣтьми? Вы имѣете званіе, значить, вамъ нужно дѣтей вашихъ воспитать, а здѣсь они могутъ совершенно пропасть». Отецъ отвѣчалъ, что и самъ томится мыслью объ этомъ, но не знаетъ рѣшительно какъ выѣхать, что нужно для этого сдѣлать, что у него нѣтъ никакихъ средствъ. Ивковъ взялся самъ за это, и настоялъ, чтобы мы, не теряя времени, отправлялись пока есть санный путь до одной деревни, гдѣ должны прожить до весны и ждать отхода его плотовъ. «На плотахъ,—говорилъ онъ,—устроятъ вамъ мѣсто и вы спокойно доѣдите». А планъ былъ такой: изъ Осташковскаго уѣзда попасть въ Тверь, а потомъ проселочными дорогами ѣхать въ Петербургъ. Не долго думая, собрались мы въ деревню, которая назначалась нашимъ пунктомъ ожиданія.

жить отцу моему старый барскій домъ, который пустовалъ; сама же она жила въ новомъ строеніи. Причиною такой доброты Ивковой было расположеніе къ моей матери, которая заинтересовала ее рассказами о Петербургѣ и о петербургской жизни, что составляло, въ тѣ времена и въ такой глуши, немалый интересъ. Къ этому времени относятся самыя раннія воспоминанія мои, запечатлѣвшіяся яркими образами и эпизодами въ моей памяти.

Такъ, напримѣръ, много времени спустя, спрашивала я матушку, гдѣ это и когда въ комнату нашу залетѣли курицы. Она удивилась. «Неужели помнишь ты это,—говорила она,—вѣдь тебѣ было тогда всего два года?»¹⁾ Я рассказала ей тогда всё подробности, которыя ее удивили... Мнѣ и теперь живо представляется, какъ отецъ отворяетъ двѣ двери: одну изъ комнаты въ сѣни, а другую изъ кухни въ сѣни; рассыпаетъ овесъ и зоветъ: «цыпа, цыпа, цыпа!» Куры же, серебрянныя и золотыя, бѣгаютъ по комнатѣ. Помню даже, что куры эти были съ большими хохлами и назывались барсовыми. Помню также происшествіе съ медвѣдемъ, угрожавшее роковымъ исходомъ для меня. Ивковъ жилъ, какъ я уже сказала, въ четырехъ верстахъ отъ села Рыжкова; мы часто бывали у него, ходили туда пѣшкомъ, а оттуда ѣхали на его лошадахъ. Однажды, родители мои и братъ ѣхали въ экипажѣ, а самъ Ивковъ, любившій ѣздить верхомъ, провожая насъ домой, посадилъ меня около сѣдла на гриву лошади. Помню, какъ я была довольна этимъ. Вдругъ лошадь наша забеспокоилась, зафыркала, и, наконецъ, понеслась какъ бѣшеная. Изъ-за деревьевъ показался медвѣдь. Ивкову уже невозможно было держать меня и онъ крикнулъ: «держишься за гриву!» И настолько далъ мнѣ Господь силы, что я уцѣпилась за гриву и, повиснувъ на ней, могла удержаться, пока Ивкову удалось успокоить лошадь. Помню также страшныя ночи, когда мы: матушка, я и братъ, оставались одни въ нашемъ ветхомъ жилищѣ; отецъ въ это время часто бывалъ въ отлучкахъ. Село Рыжково окружено болотами и сплошнымъ лѣсомъ, а помѣщичья усадьба не была даже обнесена оградой. Часто случалось, что, по ночамъ, просыпаясь инстинктивно отъ страха, мы видѣли какъ матушка стоитъ надъ нами и крестить насъ, говоря: «тише, не говорите громко, слышите, это волки! полное крыльцо волковъ!»

Страшный вой этотъ до сихъ поръ звучитъ въ моихъ ушахъ.

Поселившись у сестры Ивкова, мы имѣли помѣщеніе, но средствъ къ существованію никакихъ. Надо было питаться, но какъ и чѣмъ? Отецъ думалъ, думалъ, что предпринять, и надумался прибѣгнуть

¹⁾ Какъ память, такъ и физическое развитіе (по словамъ матушки) шли у меня необыкновенно быстро. Шести мѣсяцевъ я уже могла стоять на ногахъ, а семи мѣсяцевъ ходить.

къ средству, единственному въ нашемъ положеніи и въ этой глуши: доставъ нѣсколько писемъ къ помѣщикамъ и взявъ съ собой формулярный списокъ, онъ обращался за помощью и ему помогали кто какъ могъ; кто деньгами, кто припасами. Путешествія эти необходимо было дѣлать зимой, такъ какъ непроходимыя болота, на десятки верстъ въ окружности, слишкомъ затрудняли сообщеніе въ лѣтнее время. Въ такія-то зимнія ночи, оставаясь одни съ матушкой, безъ прислуги, мы дрожали отъ страха, осаждаемые волками. Однажды, въ одну изъ отлучекъ отца, когда матушка не ожидала еще возвращенія его, слышитъ она стукъ въ дверь. Оцѣпенѣвъ отъ ужаса, она не знаетъ, что ей дѣлать, окликнуть ли того, кто стучится, или притаиться. Со страхомъ отворяетъ она первую дверь, которая вела въ сѣни и ждетъ, что будетъ. Къ радости ея это былъ отецъ. «Отворяй скорѣе!—говоритъ онъ,—это я!» Помню, какъ подошелъ онъ къ нашей кровати и поцѣловалъ насъ, говоря: «Ну, дѣтки, умолили вы Бога, что я живъ. Меня хотѣли убить!» И онъ разказалъ намъ слѣдующее: ночью перешелъ онъ какую-то рѣку и поднялся на берегъ, на которомъ замѣтилъ избу и въ ней огонекъ. Онъ постучался въ окошко, чтобы попросить указать ему дорогу къ мѣсту, куда надо было ему идти. На стукъ его выскакиваетъ мужикъ съ палкой и начинаетъ безпощадно бить его, такъ что отецъ упалъ и скатился къ рѣкѣ. Онъ не помнилъ, сколько времени лежалъ тамъ, но когда очнулся, то голова его была вся въ крови. Много еще разныхъ подробностей разказывалъ онъ намъ о своемъ путешествіи, результатъ котораго былъ въ концѣ концовъ радостнымъ: пошелъ отецъ пѣшкомъ, а вернулся на лошади съ санями, въ которыхъ нашли мы много разныхъ продуктовъ.

И такъ, жизнь родителей моихъ была горька; изъ положенія этого выдти не было никакой возможности... Однажды, заѣхалъ къ намъ Ивковъ и завелъ, между прочимъ, слѣдующій разговоръ: «Я все думаю о васъ, Михаилъ Леонтьевичъ, о вашей семьѣ. Что же вы будете здѣсь дѣлать съ вашими дѣтьми? Вы имѣете званіе, значить, вамъ нужно дѣтей вашихъ воспитать, а здѣсь они могутъ совершенно пропасть». Отецъ отвѣчалъ, что и самъ томится мыслью объ этомъ, но не знаетъ рѣшительно какъ выѣхать, что нужно для этого сдѣлать, что у него нѣтъ никакихъ средствъ. Ивковъ взялся самъ за это, и настоялъ, чтобы мы, не теряя времени, отправлялись пока есть санный путь до одной деревни, гдѣ должны прожить до весны и ждать отхода его плотовъ. «На плотахъ,—говорилъ онъ,—устроятъ вамъ мѣсто и вы спокойно доѣдите». А планъ былъ такой: изъ Осташковского уѣзда попасть въ Тверь, а потомъ проселочными дорогами ѣхать въ Петербургъ. Не долго думая, собрались мы въ деревню, которая назначалась нашимъ пунктомъ ожиданія.

Пріѣхавъ въ указанную Ивковымъ деревню, мы наняли избу, которая оказалась совершенно новою. Время было—великій постъ; стояли еще холода и морозы. Но въ первую же ночь у насъ сдѣлался пожаръ. Къ счастью, отецъ во-время услыхалъ запахъ гари и только успѣли мы выскочить, какъ пламя охватило домъ. Сосѣдніе мужики набѣжали и скоро потушили огонь, но въ нихъ закралось подозрѣніе, что не былъ ли это поджогъ. Причина пожара была очень простая: въ печкѣ, для загребанія углей сдѣлана была яма, дно которой приходилось почти на самыхъ балкахъ, вслѣдствіе чего онѣ и загорѣлись. Наняли другой домъ, и вдругъ тамъ та же исторія: ночью опять запахъ гари; подходятъ къ печкѣ и видятъ, что изъ такой же ямы для углей показалось уже пламя. Къ счастью нашему, удалось затушить огонь собственными средствами, иначе крестьяне не безъ нѣкотораго основанія могли бы принять насъ за поджигателей. Послѣ этого, мы переѣхали опять въ другую избу, по счету уже третью, объясняя переѣздъ свой тѣмъ, что въ прежней было холодно.

Наконецъ, наступила весна. Приготовляютъ плоты, на которыхъ должны отправиться и мы. Устраиваютъ намъ шалашикъ на плоту. Хотѣли было сдѣлать его на послѣднемъ, но матушка, по какому-то инстинкту, пожелала непременно, чтобы шалашъ помѣстили на одномъ изъ среднихъ плотовъ. Наконецъ мы отправились.

Рѣчка, помнится мнѣ, была не широкая, берега совершенно плоскіе, покрытые свѣжей растительностью только-что распустившихся деревьевъ и кустовъ, такъ какъ это было въ маѣ мѣсяцѣ, и между нихъ какія-то птички, безпрестанное чириканье которыхъ пугало матушку; онѣ предвѣщали, по словамъ ея, дождь. Дѣйствительно, ночью пошелъ проливной дождь. Хорошо помню, какъ матушка и отецъ укрывали насъ, меня и брата, отъ дождя. Утромъ, проснувшись рано, мы съ удовольствіемъ увидали, что погода прояснилась, а матушка сказала намъ: «Знаете, дѣтки, что случилось, задній плотъ, на который хотѣли посадить насъ, въ эту ночь весь расплылся!» И такъ судьба спасла насъ.

Вотъ вдали показалась на пригоркѣ живописная деревня. Здѣсь плоты должны были остановиться, чтобы сдѣлать запасъ провізіи и развести огонь. За огнемъ надо было идти въ деревню и такъ какъ я была шустрая дѣвочка, то и вызвалась сбѣгать за огнемъ. Въ то время спичекъ еще не было, а для добыванія огня употребляли огниво и трутъ. Доставъ все это, бѣгу я въ восторгѣ обратно. Къ удивленію моему, дорога кажется мнѣ несравненно длиннѣе. Вспоминается также, что лѣсу не было, а я вижу передъ собой маленькій лѣсокъ, хочу вернуться, сзади лѣсъ еще выше, иду дальше, все лѣсъ и лѣсъ! Тутъ поняла я, что заблудилась, начинаю плакать и съ отчаянія не знаю что дѣлать. Вдругъ слышу, что нѣсколько голосовъ вдали кричатъ: ау, ау! Оказалось, что я

пробѣжала плоты, не замѣтивъ ихъ, такъ какъ они стояли у самаго берега, отвѣснаго въ этомъ мѣстѣ, и съ дороги ихъ не было видно. Родители же мои видѣли, какъ я пробѣжала изъ деревни, догадались, что я сбилась съ дороги и тотчасъ же пустились въ погоню за мной. Послѣ небольшой остановки, мы двинулись въ дальнѣйшее путешествіе. Плыли по какому-то озеру, названіе котораго не помню, и этимъ озеромъ водяное путешествіе наше окончилось. Мы пріѣхали въ деревню, гдѣ должны были дожидаться саннаго пути, чтобы ѣхать въ Тверь, гдѣ нужно было достать мѣ метрическое свидѣтельство.

Здѣсь, въ ожиданіи зимняго пути, родители мои понемногу приготавливались къ дорогѣ. Приобрѣли лошадь и крытую кибиточку, и какъ только санный путь установился, мы, уложивъ въ эту кибиточку все наше имущество и помѣстившись въ ней вчетверомъ, отправились въ Тверь.

Изъ переѣзда этого смутно помню только нашъ незатѣйливый экипажъ, а изъ словъ матушки знаю, что дорогой я была очень больна. У меня было сильнѣйшее горячечное состояніе. Надежды на выздоровленіе мое не было никакой; родители отчаявались довести меня живой до Твери. Но Господь спасъ меня. Не смотря на то, что при сильнѣйшемъ жарѣ, какой былъ у меня, приходилось держать меня на морозѣ и что никакой медицинской помощи достать было негдѣ, къ пріѣзду нашему въ Тверь здоровье мое стало поправляться.

Въ Твери оставались мы недолго, прожить было не на что, да и надо было пользоваться саннымъ путемъ, чтобы доѣхать до Петербурга, такъ что, выправивъ мое метрическое свидѣтельство, отецъ тотчасъ же позаботился о возможности продолжать нашъ путь. Средство къ этому опять было то же, къ которому онъ и раньше бывалъ вынужденъ прибѣгать, именно: онъ досталъ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ помѣщикамъ, черезъ имѣнія которыхъ предполагался нашъ маршрутъ. Насъ предупреждали, чтобы мы ѣхали проселкомъ, а не большой дорогой, потому что по большой дорогѣ существовали въ то время разбои. Мы и ѣхали проселкомъ отъ одной деревни до другой, отъ одного имѣнія до другого. Отецъ сидѣлъ на козлахъ, а мы въ кибиткѣ, чашею окочѣневъ отъ холода, когда переѣзды бывали слишкомъ длинные; да и вообще ѣзда наша на одной лошади была медленная; приходилось особенно беречь и щадить это доброе, терпѣливое животное, тащившее насъ нѣсколько сотъ верстъ. Конечно, остановки наши были продолжительныя, потому что и лошади нуженъ былъ большой отдыхъ и намъ нѣкоторая передышка.

Дорога, по которой мы ѣхали, была малопрѣзжая, а лѣса такіе густые, что вѣтви сплетались надъ нашей кибиточкой и проѣздъ казался какъ бы аллеей; дорога же до того бывала узка, что

еслибъ повстрѣчались другія сани, то нельзя было бы развѣхаться. Въ лѣсу днемъ бывало почти темно.

Не смотря на то, что мнѣ было въ то время года три съ половиною, я отлично помню весь нашъ переѣздъ и всѣ путевыя впечатлѣнія. Помню, на примѣръ, какъ отецъ подвѣхавъ къ какой-то усадьбѣ, слѣзъ съ козелъ и въ сильномъ волненіи, тутъ же на морозѣ, переодѣлся въ свой мундиръ, разукрашенный медалями и крестами, полученными имъ во время походовъ. Въ этомъ парадномъ мундирѣ, съ формулярнымъ спискомъ своимъ и съ письмомъ отъ кого-нибудь, отецъ являлся къ помѣщику или помѣщицѣ и гостепріимныя двери этихъ добрыхъ людей отворялись съ радушіемъ для него и для его семейства.

Проживъ дней пять, шесть, у какого-нибудь помѣщика, или помѣщицы, и отдохнувъ, мы отправлялись далѣе въ путь, снабженные кое-какими припасами на дорогу, а иногда и платьемъ. Кромѣ того, давали намъ указанія куда лучше ѣхать, куда заѣхать, или опять рекомендательныя письма къ кому-нибудь.

Посѣщеніе одной помѣщицы особенно врѣзалось въ моей памяти. Встрѣтивъ насъ, она выразила такое радушіе, какъ будто была обрадована нашимъ пріѣздомъ. Взявъ меня на руки, лаская и цѣлуя, она внесла меня въ большую красивую комнату, гдѣ вниманіе мое обратилось особенно на большой корабликъ, который стоялъ на видномъ мѣстѣ. Эта бырыня, показывая мнѣ въ подробности корабликъ и разговаривая съ моими родителями — горько плакала. Оказалось, что она очень недавно потеряла единственного своего сына. Онъ былъ морякомъ и погибъ при крушеніи корабля. Она подробно рассказала родителямъ о катастрофѣ, случившейся, съ кораблемъ, на которомъ погибъ ея сынъ со всѣмъ экипажемъ. Корабликъ, который такъ занялъ меня, былъ работой покойнаго сына ея и служилъ ей дорогимъ воспоминаніемъ о немъ.

Еще остался у меня въ памяти проѣздъ нашъ черезъ Боровичи, уѣздный городъ Новгородской губерніи. Въѣхавъ въ городъ, мы не знали гдѣ остановиться; въ гостинницѣ не могли, потому что денегъ у насъ почти не было. Помѣщики, помогавшіе намъ въ дорогѣ, снабжали насъ большею частью только вещами и припасами, денегъ же давали мало, потому что и сами-то они не были особенно богатыми. И такъ, въ Боровичахъ, проѣзжая по улицамъ (это было ночью), мы набрели на огонекъ. Входимъ и застаемъ сидѣлки. Нѣсколько дѣвушекъ сидятъ и прядутъ при освѣщеніи лучинъ, вставленныхъ въ подставки въ разныхъ мѣстахъ комнаты. Здѣсь насъ приняли, нашли даже для насъ свободную комнату, гдѣ мы и помѣстились. Мнѣ же такъ понравилось общество этихъ дѣвушекъ, что я захотѣла принять участіе въ ихъ работѣ и попросила дать мнѣ попрясть. — «Да развѣ ты умѣешь?» — спросили меня. — «Какъ же, могу какъ угодно, и толсто, и тонко», — похвасталась я.

Отвѣтъ этотъ разсмѣшилъ всѣхъ. Я же принялась за работу и такъ какъ для моихъ лѣтъ было хорошо и то, что я могла напрясть, то и заслужила одобреніе. Дѣвушки занялись мной, смѣялись, и мнѣ было очень весело. Здѣсь мы переночевали и утромъ отправились далѣе.

Чѣмъ болѣе приближались мы къ Петербургу, тѣмъ рѣже попадались помѣщики. Былъ уже февраль на исходѣ. Зима прошла у насъ вся въ дорогѣ. Выѣхали мы изъ Твери въ ноябрѣ, слѣдовательно ѣхали почти четыре мѣсяца. Дорога сдѣлалась ухабистая, переѣзды дѣлались все длиннѣе и длиннѣе. Одинъ такой переѣздъ верстъ 30, — замедлился еще повстрѣчавшимся обозомъ, который увязъ въ ухабахъ. Развѣхаться съ нимъ намъ было нельзя и волей-неволей пришлось ожидать возможности проѣхать—подъ открытымъ небомъ. Наступила ночь, холодъ сдѣлался еще сильнѣе, до станціи же оставалось верстъ 15. Мы коченѣли. На счастье наше недалеко находился такъ называемый «Зеленый монастырь»¹⁾. Перекрестясь, отецъ пустилъ лошадку цѣликомъ безъ дороги, «вывезетъ, молю, такъ слава Богу, а нѣтъ—все равно ночевать въ полѣ». И наша лошадка вывезла насъ. Мужики, сопровождавшіе обозъ, были не мало удивлены выносливостью и силой маленькой лошадки. Доѣхали до монастыря. Отецъ отправился къ настоятелю. Тотъ сейчасъ же велѣлъ впустить насъ. Накормили насъ, напоили и спать уложили. Черныя монашескія рясы, дотолѣ мною невиданныя нигдѣ и никогда, вселили въ меня какой-то непонятный страхъ. Матушка всегда съ благодарностью вспоминала добраго настоятеля. Еслибъ не впустили насъ, то мы рисковали замерзнуть.

Утромъ, на другой день, матушка отслужила молебенъ, принесла намъ просфору и мы отправились дальше.

До Петербурга оставалось уже не далеко, верстъ 80. Когда ночью подѣзжали мы къ Невской заставѣ, по дорогѣ виднѣлось нѣсколько трактировъ, яркое освѣщеніе которыхъ поразило меня.— «Это дворець?»—спрашивала я. Когда же объяснили мнѣ, что это трактиръ, то удивленіе мое еще увеличилось.— «Что же такое дворець?»—думалось мнѣ.

¹⁾ Такъ назывался онъ прежде. Теперь «заштатный зеленоцкій Троицкій монастырь». Находится онъ въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ.

II.

Приѣздъ въ Петербургъ.—Продажа любимой лошади.—Опредѣленіе меня и брата въ учебныя заведенія.—Полученіе моимъ отцомъ мѣста въ Нарвѣ.—Смерть брата.—Переѣздъ мой въ Нарву.—Неожиданное увольненіе отца отъ службы.—Поступленіе его въ Сенатскій архивъ.—Улучшеніе нашего матеріальнаго положенія.—Мои музыкальныя способности.—Покупка фортепяно.—Агафья Тихонова.—Поѣздка съ ней къ генералу Дубельту и директору театровъ Геденову.—Опредѣленіе меня въ театральную школу.—Мой дебютъ на школьномъ театрѣ.—Случайное знакомство съ однимъ молодымъ человѣкомъ.—Онъ дѣластъ мнѣ предложеніе.—По его требованію я оставляю театральную школу.—Препятствіе къ нашей свадьбѣ и ея разстройство.—Возобновленіе мною посѣщенія школы.— Мои успѣхи.— Назначеніе мнѣ жалованья.— Мои дебюты на сценѣ Александринскаго театра.—Первые успѣхи.

Приѣхавъ въ Петербургъ, мы тотчасъ же попытались отыскать нашихъ родныхъ, но такъ какъ давно не имѣли съ ними переписки, то и не могли найти ихъ. На первое время, наняли гдѣ-то на окраинѣ города дряхлый домикъ и первую ночь расположились на полу за неимѣніемъ ровно никакой мебели. Домикъ этотъ, покосившійся отъ старости, имѣлъ очень не интересныя достоинства. Зимой не держалъ тепла, а лѣтомъ дождь лилъ сквозь крышу, какъ черезъ рѣшето.

Устроившись кое-какъ въ этой первой квартирѣ нашей, отцу надо было на другой же день позаботиться о насущномъ хлѣбѣ. Что было дѣлать? Отецъ объявилъ намъ, что крайняя нужда заставляетъ растаться съ нашей лошадкой и продать ее. Это было настоящимъ горемъ для насъ, особенно для меня и брата. Мы, такъ привыкшіе къ милой лошаdkѣ, и, считая ее преданнымъ другомъ нашего семейства, не могли, понятно, безъ слезъ растаться съ нею. Она, выносливая и ласковая, когда мы подходили къ ней, какъ собака лизавшая намъ руки, была лучшимъ нашимъ утѣшеніемъ и пользовалась нашею неограниченною любовью. Долго тосковали и плакали мы о продажѣ нашего друга. На деньги, полученныя за нее, мы могли прожить недолгое время, пока отецъ прискивалъ средства къ существованію.

Прежде всего, конечно, онъ хлопоталъ о какихъ-нибудь постоянныхъ занятіяхъ или о прочномъ мѣстѣ. Но это было не такъ легко. Ни хлопотать за него, ни протезировать ему, было некому. Родные, которыхъ онъ впослѣдствіи все-таки розыскалъ, были женщины: двѣ моихъ тетки, жившія руководѣльнымъ трудомъ, и маленькая двоюродная сестра. Разсчитывать на какое-либо содѣйствіе въ этомъ случаѣ съ ихъ стороны было нечего; знакомыхъ, могущихъ что-либо сдѣлать, тоже не имѣлось. И тутъ, въ столицѣ, опять благодаря помѣщикамъ, у которыхъ мы останавливались дорогой, дѣла наши понемногу устроились: отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ помѣщиковъ отецъ привезъ рекомендательныя письма

къ ихъ знакомымъ, съ приложеніемъ кое-какихъ деревенскихъ гостинцевъ, въ родѣ маринованныхъ мелкихъ рыжиковъ и т. п. При содѣйствіи этихъ-то нечаянныхъ знакомствъ, удалось родителямъ моимъ, въ продолженіе перваго года по пріѣздѣ, опредѣлить меня, въ такъ называемое частное училище, въ которомъ состояли членами высокопоставленныя лица. А потомъ вскорѣ помѣстили и брата моего въ кондукторское училище. Не смотря на нѣсколько устроившіяся дѣла, родители мои перебивались въ большой нуждѣ. Но, однако, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пріѣзда нашего въ Петербургъ, мы оставили ветхій домикъ, въ которомъ совсѣмъ невозможно было жить, и переехали въ другое, болѣе удобное помѣщеніе, состоявшее изъ двухъ не большихъ, но уютныхъ комнатъ. Вскорѣ послѣ переѣзда на эту квартиру, (я и братъ были тогда еще дома), приходитъ къ намъ наша хозяйка, и говоритъ, что къ ней пріѣхалъ гость, который всегда останавливается у нея, и что въ настоящее время, по случаю болѣзни дочери, она находится въ невозможности помѣстить его у себя, а потому убѣдительно просить родителей моихъ позволить ему переночевать въ одной изъ нашихъ комнатъ. Они согласились и къ своему удовольствію увидѣли, что гость хозяйки тотъ самый настоятель Зеленаго монастыря, который такъ гостепріимно принималъ насъ у себя. Родители мои были, разумѣется, очень обрадованы этой неожиданной встрѣчей.

Пробившись въ крайней нуждѣ года два, отецъ мой получилъ наконецъ мѣсто смотрителя по дорожной части въ Нарвѣ.

Находясь въ это время въ школѣ, я пришла въ страшное уныніе отъ необходимости разстаться надолго съ родителями и ужасно грустила, проводивъ ихъ.

Зная бѣдность моихъ родителей, я терпѣливо покорилась необходимости разлуки съ ними. Вообще, выростая въ нуждѣ, я понимала ее болѣе, чѣмъ это было свойственно ребенку моихъ лѣтъ. Случалось, что матушка или отецъ, навѣщая меня въ школѣ, приносили мнѣ вмѣсто гостинцевъ серебряные пяточки; я не тратила ихъ, и, накопивъ нѣсколько штукъ, отдавала ихъ матушкѣ, настаивая непременно, чтобы она взяла ихъ.

Однажды, въ Нарвѣ, матушка получила извѣстіе о болѣзни моего брата. Тотчасъ же поѣхала она въ Петербургъ и, навѣстивъ его, пріѣхала ко мнѣ и упросила начальницу, чтобы та отпустила меня вмѣстѣ съ ней посѣтить брата. Мы застали его всего обложеннаго льдомъ, совсѣмъ уже умирающимъ. Вскорѣ послѣ того, онъ скончался 12-ти лѣтъ отъ роду.

Еще съ годъ пребыла я въ школѣ, какъ вдругъ, передъ Рождествомъ, пріѣхалъ отецъ и увезъ меня въ Нарву. Какова же была моя радость, когда онъ объявилъ мнѣ, что беретъ меня въ Нарву совсѣмъ, чтобы помѣстить тамъ въ пансіонѣ.

II.

Прїѣздъ въ Петербургъ.—Продажа любимой лошади.—Опредѣленіе меня и брата въ учебныя заведенія.—Полученіе моимъ отцомъ мѣста въ Нарвѣ.—Смерть брата.—Переѣздъ мой въ Нарву.—Неожиданное увольненіе отца отъ службы.—Поступленіе его въ Сенатскій архивъ.—Улучшеніе нашего матеріальнаго положенія.—Мои музыкальныя способности.—Покупка фортепьяно.—Агафья Тихоновна.—Поѣздка съ ней къ генералу Дубельту и директору театровъ Гедесову.—Опредѣленіе меня въ театральную школу.—Мой дебютъ на школьномъ театрѣ.—Случайное знакомство съ однимъ молодымъ человѣкомъ.—Онъ дѣлаетъ мнѣ предложеніе.—По его требованію я оставляю театральную школу.—Пріятельствіе къ нашей свадьбѣ и ея разстройство.—Возобновленіе мною посѣщенія школы.—Мои успѣхи.—Назначеніе мнѣ жалованья.—Мои дебюты на сценѣ Александринскаго театра.—Первые успѣхи.

Прїѣхавъ въ Петербургъ, мы тотчасъ же попытались отыскать нашихъ родныхъ, но такъ какъ давно не имѣли съ ними переписки, то и не могли найти ихъ. На первое время, наняли гдѣ-то на окраинѣ города дряхлый домикъ и первую ночь расположились на полу за неимѣніемъ ровно никакой мебели. Домикъ этотъ, покосившійся отъ старости, имѣлъ очень не интересныя достоинства. Зимой не держалъ тепла, а лѣтомъ дождь лилъ сквозь крышу, какъ черезъ рѣшето.

Устроившись кое-какъ въ этой первой квартирѣ нашей, отцу надо было на другой же день позаботиться о насущномъ хлѣбѣ. Что было дѣлать? Отецъ объявилъ намъ, что крайняя нужда заставляетъ растаться съ нашей лошадкой и продать ее. Это было настоящимъ горемъ для насъ, особенно для меня и брата. Мы, такъ привыкшіе къ милой лошаdkѣ, и, считая ее преданнымъ другомъ нашего семейства, не могли, понятно, безъ слезъ растаться съ нею. Она, выносливая и ласковая, когда мы подходили къ ней, какъ собака лизавшая намъ руки, была лучшимъ нашимъ утѣшеніемъ и пользовалась нашею неограниченною любовью. Долго тосковали и плакали мы о продажѣ нашего друга. На деньги, полученные за нее, мы могли прожить недолгое время, пока отецъ приискивалъ средства къ существованію.

Прежде всего, конечно, онъ хлопоталъ о какихъ-нибудь постоянныхъ занятіяхъ или о прочномъ мѣстѣ. Но это было не такъ легко. Ни хлопотать за него, ни протезировать ему, было некому. Родные, которыхъ онъ въ послѣдствіи все-таки розыскалъ, были женщины: двѣ моихъ тетки, жившія руководѣльнымъ трудомъ, и маленькая двоюродная сестра. Разсчитывать на какое-либо содѣйствіе въ этомъ случаѣ съ ихъ стороны было нечего; знакомыхъ, могущихъ что-либо сдѣлать, тоже не имѣлось. И тутъ, въ столицѣ, опять благодаря помѣщикамъ, у которыхъ мы останавливались дорогой, дѣла наши понемногу устроились: отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ помѣщиковъ отецъ привезъ рекомендательныя письма

къ ихъ знакомымъ, съ приложеніемъ кое-какихъ деревенскихъ гостинцевъ, въ родѣ маринованныхъ мелкихъ рыжиковъ и т. п. При содѣйствіи этихъ-то нечаянныхъ знакомствъ, удалось родителямъ моимъ, въ продолженіе перваго года по пріѣздѣ, опредѣлить меня, въ такъ называемое частное училище, въ которомъ состояли членами высокопоставленныя лица. А потомъ вскорѣ помѣстили и брата моего въ кондукторское училище. Не смотря на нѣсколько устроившіяся дѣла, родители мои перебивались въ большой нуждѣ. Но, однако, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пріѣзда нашего въ Петербургъ, мы оставили ветхій домикъ, въ которомъ совсѣмъ невозможно было жить, и переехали въ другое, болѣе удобное помѣщеніе, состоявшее изъ двухъ не большихъ, но уютныхъ комнатъ. Вскорѣ послѣ переѣзда на эту квартиру, (я и братъ были тогда еще дома), приходитъ къ намъ наша хозяйка, и говорить, что къ ней пріѣхалъ гость, который всегда останавливается у нея, и что въ настоящее время, по случаю болѣзни дочери, она находится въ невозможности помѣстить его у себя, а потому убѣдительно просить родителей моихъ позволить ему переночевать въ одной изъ нашихъ комнатъ. Они согласились и къ своему удовольствію увидѣли, что гость хозяйки тотъ самый настоятель Зеленаго монастыря, который такъ гостепріимно принималъ насъ у себя. Родители мои были, разумѣется, очень обрадованы этой неожиданной встрѣчей.

Пробившись въ крайней нуждѣ года два, отецъ мой получилъ наконецъ мѣсто смотрителя по дорожной части въ Нарвѣ.

Находясь въ это время въ школѣ, я пришла въ страшное уныніе отъ необходимости разстаться надолго съ родителями и ужасно грустила, проводивъ ихъ.

Зная бѣдность моихъ родителей, я терпѣливо покорилась необходимости разлуки съ ними. Вообще, выростая въ нуждѣ, я понимала ее болѣе, чѣмъ это было свойственно ребенку моихъ лѣтъ. Случалось, что матушка или отецъ, навѣщая меня въ школѣ, приносили мнѣ вмѣсто гостинцевъ серебряные пяточки; я не тратила ихъ, и, накопивъ нѣсколько штукъ, отдавала ихъ матушкѣ, настаивая непременно, чтобы она взяла ихъ.

Однажды, въ Нарвѣ, матушка получила извѣстіе о болѣзни моего брата. Тотчасъ же поѣхала она въ Петербургъ и, навѣстивъ его, пріѣхала ко мнѣ и упросила начальницу, чтобы та отпустила меня вмѣстѣ съ ней посѣтить брата. Мы застали его всего обложеннаго льдомъ, совсѣмъ уже умирающимъ. Вскорѣ послѣ того, онъ скончался 12-ти лѣтъ отъ роду.

Еще съ годъ пребыла я въ школѣ, какъ вдругъ, передъ Рождествомъ, пріѣхалъ отецъ и увезъ меня въ Нарву. Какова же была моя радость, когда онъ объявилъ мнѣ, что беретъ меня въ Нарву совсѣмъ, чтобы помѣстить тамъ въ пансіонѣ.

Здѣсь казалось потекла наконецъ у насъ жизнь извѣстнымъ порядкомъ, какъ у людей устроившихся. Отецъ былъ доволенъ служебнымъ своимъ положеніемъ, подчиненные его любили, средства къ жизни были сносны. Но недолго наслаждались мы этимъ, неожиданная гроза налетѣла на насъ: приказомъ графа Клейнмихеля, всѣ служащіе по дорожной части, неимѣвшіе званія инженеровъ, были уволены и замѣнены инженерами. Опять горе, нужда, слезы!

Собрались мы опять въ Петербургъ. Въ этотъ разъ пріѣхали уже на двухъ подводахъ съ кое-какимъ имуществомъ и съ коровушкой. Опредѣленнаго ничего не было впереди, но отецъ говорилъ: «свѣтъ не безъ добрыхъ людей, кто-нибудь да поможетъ». Такъ и вышло: въ Сенатѣ онъ случайно познакомился съ секретаремъ и тотъ предоставилъ ему коронное мѣсто въ сенатскомъ архивѣ съ жалованьемъ по десяти рублей въ мѣсяцъ.

Жизнь опять пошла безотрадная, опять перебивались мы кое-какъ. Матушка своими хлопотами съ коровушкой и ручной работой кое-что прибавляла къ жалованью отца; къ праздникамъ получалась награда. Я въ это время нигдѣ не училась и, хотя мнѣ было всего десять лѣтъ, принимала участіе въ матушкиныхъ занятіяхъ, и, кромѣ того, вышивала кое-какіе незамысловатые чепчики на продажу.

Къ этому времени относится одно событіе, которое въ результатѣ имѣло значеніе для насъ и главнымъ образомъ для меня, послуживъ къ улучшенію нашего матеріальнаго положенія. Отецъ узналъ, что въ Петербургѣ живетъ у мачихи дочь одного умершаго хорошаго товарища его по службѣ, и что мачиха безчеловѣчно обращается съ падчерицею. Онъ не могъ отнестись равнодушно къ несчастному положенію этой дѣвушки и, чтобы убѣдиться въ справедливости слуховъ, сталъ бывать у нихъ. Мачиха почему-то очень расположилась ко мнѣ и часто приглашала меня къ себѣ. Такимъ образомъ, мнѣ много разъ приходилось быть свидѣтельницей того, что несчастная дѣвушка выносила отъ мачихи. Не смотря на то, что изъ пенсіона въ 200 руб. часть приходилась на долю дочери покойнаго, мачиха буквально морила ее голодомъ. Дѣвушка, уже взрослая, сидя за столомъ, не могла самовольно взять куска. Голодъ ея доходилъ до того, что разъ, я видѣла это сама, она, украдкой отъ мачихи, хотѣла схватить кусокъ говядины, который та послѣ обѣда бросила собакѣ. Это еще не все; безсердечная женщина всѣми способами тиранила свою падчерицу. Отецъ мой, убѣдившись въ этомъ, придумывалъ какъ бы помочь бѣдной дѣвушкѣ. Такъ какъ мачиха часто, разсердившись, выгоняла ее вонъ, то отецъ, черезъ меня, посовѣтовалъ дѣвушкѣ, чтобы въ такомъ случаѣ она прибѣжала къ намъ. Она такъ и сдѣлала. Отецъ не пустилъ ее болѣе домой, заступился за нее, привелъ доказа-

тельства жестокаго обращенія съ ней мачихи и, въ теченіе болѣе нежели года, родители мои, при всей своей бѣдности, должны были содержать еще лишняго человѣка. За то, когда дѣвушка эта, благодаря заступничеству моего отца, освободилась отъ опеки своей мачихи и получила свою часть изъ пенсін, заплатила намъ, что слѣдовало, за все время, которое прожила на нашъ счетъ. Кромѣ того, она такъ привязалось къ нашему семейству, что осталась жить съ нами до конца своихъ дней. Прожила она не болѣе десяти лѣтъ. Здоровье ея отъ тяжелой жизни при мачихѣ надорвано было съ раннихъ лѣтъ и поправиться не могло уже болѣе.

Деньги, полученные отъ нея, значительно поправили насъ и отчасти имѣли, можетъ быть, нѣкоторое вліяніе на мое будущее. Кромѣ того, что меня одѣли поприличнѣе, изъ этихъ же денегъ отецъ купилъ мнѣ первое фортепіано, чтобы доставить мнѣ возможность сколько-нибудь заняться музыкой.

Всѣ знавшіе меня замѣчали во мнѣ особенныя музыкальныя способности. Страсть моя къ музыкѣ была поразительна. Когда бывало иду я лѣтомъ съ матушкой по улицѣ и услышу гдѣ-нибудь фортепіано, меня нельзя было оторвать отъ окошка. Нѣтъ возможности передать моего чувства, когда я слышала музыку. Купленное для меня фортепіано стоило всего семь рублей и было такого стариннаго устройства, что тѣ клавиши, которые теперь дѣлаются бѣлыми, были черныя, а черныя бѣлыми. Но не смотря на многіе недостатки этого инструмента, я была несказанно довольна такимъ подаркомъ и начала понемногу играть. Если кто-нибудь показывалъ мнѣ какой-нибудь романсъ, я тотчасъ же схватывала его, играла и пѣла. Слухъ у меня былъ необычайный; я сразу запоминала и музыку, и голосъ, и слова. Когда случалось мнѣ бывать гдѣ-нибудь, гдѣ было фортепіано, ко мнѣ всегда приставали съ просьбами, чтобы я пѣла. Меня это очень удивляло, я не сознавала насколько пѣніе мое было пріятно. Родители мои, конечно, видѣли дарованія мои, но имъ не приходило въ голову, что мнѣ слѣдуетъ дать серьезное музыкальное образованіе, или, можетъ быть, такъ какъ средства ихъ были стѣсненныя, то они считали невозможнымъ что-нибудь для этого сдѣлать. И дѣйствительно, можно ли было думать о какомъ-нибудь серьезномъ моемъ образованіи, когда каждая копѣйка была такъ дорога, что изъ-за дешевизны квартиры мы жили на Черной рѣчкѣ, близъ Смоленскаго кладбища, откуда отцу моему приходилось ежедневно ходить въ Сенатъ на службу.

Первые шаги мои въ музыкальный міръ сдѣланы были благодаря знакомству съ одной умной и образованной дѣвушкой-писательницей, уже не молодой. Звали ее Агафья Тихоновна.

Мнѣ было тогда уже четырнадцать лѣтъ. Жили мы въ это время на Цетербургской сторонѣ, въ мѣстности, гдѣ теперь паркъ, про-

тивъ крѣпости, а тогда здѣсь была просто площадь. Здѣсь-то началась завязка моей артистической карьеры.

Въ одинъ прекрасный день приходитъ къ намъ Агафья Тихоновна и застаётъ меня за пѣніемъ разныхъ пѣсень и романсовъ. Между прочимъ, я пѣла изъ «Уголино»—«О, милый другъ, изъ-за могилы!» и пѣснь Офеліи—«Моего ль вы знали друга!» Надо замѣтить, что нѣсколько разъ мнѣ уже случалось быть въ театрѣ съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ. Раза два, три, я была съ Агафьей Тихоновной. То, что я тамъ слышала, оставалось совершенно ясно въ моей памяти. Я пѣла все по слуху. Самая театральная обстановка приводила меня въ восторгъ и не только пѣніе, но и игра прививались ко мнѣ какъ-то особенно. Помню, какъ еще раньше того времени, о которомъ идетъ рѣчь, когда я была еще небольшою дѣвочкой, устраивала я въ квартирѣ нашей изъ простынь и мебели сцену и представляла родителямъ моимъ что-нибудь изъ видѣннаго мною въ театрѣ.

Не трудно было замѣтить по всему этому, какое было мое призваніе. Въ тотъ же день, о которомъ я говорю, когда Агафья Тихоновна застала меня за пѣніемъ, она поразилась моимъ голосомъ и принялась серьезно совѣтовать родителямъ отдать меня въ театръ, рассказывая, какъ одна ея знакомая, у которой голосъ былъ далеко не такъ хорошъ, какъ мой, поучившись немного, поступила въ итальянскую оперу хористкой и получаетъ 300 руб. въ годъ. Родители мои очень удивлялись, какъ можетъ женщина получать такія деньги, тогда какъ, напримѣръ, отецъ, служившій столько лѣтъ, получаетъ всего сто рублей. «Какъ бы не желать этого,—говорили они,—да развѣ это возможно!» Агафья Тихоновна уговорила ихъ «попробовать», «можетъ быть и выйдетъ что-нибудь»... Не долго думая, она взяла перо и написала прошеніе, выставя въ заголовкѣ слова «ваше превосходительство», не означая имени, не зная сама кому еще придется подавать его. Переночевавъ у насъ, утромъ повезла она меня къ извѣстному въ то время генералу Дубельту, котораго и сама не знала, но которому, какъ ей было извѣстно, театральное дѣло было близко: онъ покровительствовалъ многимъ начинавшимъ свою дѣятельность талантамъ. Его-то она имѣла въ виду, чтобы посовѣтоваться, какъ устроить это дѣло. Но мы его не застали дома. Тогда она сказала мнѣ: «Такъ какъ въ прошеніи не обозначено на чье оно имя, то и подадимъ его прямо директору театровъ, Гедеонову».

Пріѣзжаемъ. Насъ просятъ подождать въ канцеляріи. Нѣсколько времени спустя, выходитъ изъ кабинета директоръ. Хмурый видъ его, суровость взгляда, произвели на меня такой страхъ, что, не будъ со мной Агафьи Тихоновны, я бы, кажется, непременно убѣжала. Въ сущности же, какъ узнала я впоследствии, директоръ былъ очень добрый человѣкъ... Подали ему прошеніе.

Прочитавъ, онъ сказалъ: «У насъ и своихъ очень много, принять не могу». Мнѣ сдѣлалось еще страшнѣе и я думала только, какъ бы уйти. Но моя Агафья Тихоновна опять-таки нашла. «У нея голосъ очень хорошъ»,—сказала она. На это онъ отвѣчалъ: «Это дѣло другого рода. Если у нея голосъ, то голоса намъ нужны. Сейчас дамъ вамъ бумагу. Поѣзжайте съ ней въ Большой театръ къ Каусу. Онъ попробуетъ голосъ и напишетъ мнѣ отношеніе». Получивъ бумагу, мы тотчасъ же отправились въ Большой театръ. Насъ ввели въ залу, гдѣ какъ разъ шли репетиціи хорамъ. Увидавъ хористокъ, одѣтыхъ на мой взглядъ нарядно, я была ужасно сконфужена своимъ туалетомъ. Онѣ кидали на меня взоры пренебреженія, думая, вѣроятно, что я новая хористка. Хотя мнѣ было всего четырнадцать лѣтъ, я была очень развита и казалась взрослою.

Каусъ, режиссеръ Большого театра, попробовавъ мой голосъ, написалъ, что слухъ великолѣпный, голосъ есть, но что нотъ не знаетъ совершенно. Съ бумагой этой мы поѣхали обратно къ Геденову, который, прочтя ее, позвалъ директора школы Обера и велѣлъ принять меня въ классъ первоначальнаго обученія нотъ къ Быстрову, учителю пѣнія. Приказано было, чтобы поторопились моимъ приготовленіемъ.

Я была вольно-приходящей. Это было осенью 1849 года. Быстровъ, исполняя приказаніе директора, поторопиться моимъ приготовленіемъ и желая выслужиться, особенно прилежно занимался со мною, такъ что къ марту 1850 года я пѣла уже на сценѣ школьнаго театра арію изъ оперы Робертъ—«Сжался!» Діапазонъ моего голоса былъ такъ обширенъ, что учитель, не понявъ его, заставлялъ меня пѣть сопрано, тогда какъ впоследствии оказалось, что у меня контральто.

Къ этому времени относится событіе, которое въ значительной степени подѣйствовало на душевное мое состояніе и окончательно рѣшило мою будущность.

Вскорѣ послѣ появленія моего на школьномъ театрѣ, былъ на Царицыномъ лугу парадъ. Знакомые наши дали намъ въ окнѣ Павловскихъ казармъ два мѣста. Матушка и я отправились смотрѣть парадъ. По окончаніи его, когда мы собирались домой, представили намъ одного молодого человѣка, который предложилъ намъ свои услуги, чтобы проводить насъ, такъ какъ экипажа у насъ не было. Когда дошли мы до дому, то за такую любезность матушка сочла своею обязанностью пригласить его къ намъ, тѣмъ болѣе, что разстояніе отъ Царицына Луга до нашей квартиры на Петербургской сторонѣ было недалекое. Молодой человѣкъ заинтересовался мной, сталъ у насъ бывать и, нѣсколько времени спустя, сдѣлалъ мнѣ предложеніе, предполагая, что мнѣ было лѣтъ 17. Когда матушка объяснила ему, что мнѣ всего только 15 лѣтъ, онъ

все-таки настаивалъ на согласіи, говоря, что готовъ ждать сколько нужно, но выразилъ непремѣнное желаніе свое, чтобы я оставила театръ, потому что, принадлежа къ аристократической фамиліи, не надѣялся получить согласія отъ своихъ родителей, если я останусь въ театрѣ.

Наступила для меня страшная борьба: принять ли его предложеніе, или предпочесть артистическую карьеру, которая уже обѣщала мнѣ хорошую будущность. Однако же влеченіе сердца взяло верхъ и я выбрала замужество. Молодой человекъ былъ красивъ, хорошо образованъ и богатъ. Я дала согласіе, перестала ходить въ театръ и женихъ мой началъ бывать у насъ ежедневно. Затѣмъ онъ объявилъ родителямъ своимъ о желаніи своемъ жениться на мнѣ, но не получилъ согласія. Они говорили ему, что онъ долженъ выбрать себѣ жену изъ своего круга. Не смотря на это запрещеніе родителей, онъ, не колеблясь, стоялъ на своемъ и увѣрялъ насъ, что никакія препятствія не помѣшаютъ ему исполнить то, что онъ сказалъ.

Такое положеніе продолжалось мѣсяцевъ шесть. Молодой человекъ не переставалъ бывать у насъ. Но вотъ въ одинъ прекрасный день, уходя отъ насъ, онъ какъ-то странно простился со мной; въ немъ замѣтно было особенное волненіе, я это ясно видѣла и призадумалась, чтобы это такое значило. Послѣ того жду его день, два... Не пріѣзжаетъ. Посылаемъ узнать не случилось ли что-нибудь и намъ передаютъ, что два гайдука силой усадили его въ карету и увезли куда-то на шестеркѣ лошадей. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого получаю отъ него письмо съ дороги. Пишетъ наскоро, что хотя и увезли его силой, онъ все-таки вернется и сдержитъ свое слово, не смотря ни на что.

Понятно, что положеніе мое было невыносимо тяжелое. Меня мучила неизвѣстность будущаго. Что было мнѣ дѣлать? Не смотря на юныя лѣта мои, я понимала, что жизнь моя продолжаться такъ не можетъ. Надо было что-нибудь предпринять. Отъ театра я отстала, надѣяться на обѣщаніе жениха вернуться я не могла, зная сопротивленіе со стороны его родителей. Я просто теряла голову и не находила покою.

Однажды, сидѣла я въ раздумьѣ у окна. Окна наши были довольно низки и выходили на плацъ. Вижу подходитъ сѣдой старичокъ въ рубищѣ, поглядѣлъ на меня, покачалъ головой и говоритъ: «Что ты думаешь, того не будетъ, а будетъ, да другое. Молись Царицѣ Небесной!» Слова его, сказанныя въ такую минуту, поразили меня. Я рассказала все это матушкѣ. «А что ты думаешь», отвѣчала она, «пойдемъ-ка помолимся Спасителю, авось онъ намъ поможетъ и вложитъ намъ мысли, что дѣлать!» Дѣйствительно, выходя изъ домика Петра Великаго, гдѣ находится чудотворная икона Спасителя, я почувствовала облегченіе и говорю матушкѣ: «А что,

если опять въ театр?— «Какъ пойдешь теперь»,—возразила она,— «съ какими глазами!»

Какъ ни разбирали мы этотъ вопросъ, все казалось намъ, что явиться въ театральную дирекцію съ просьбою принять меня опять было невозможно. Мы думали, что я уже давно не числюсь тамъ, что попасть туда безъ особо счастливаго случая нельзя, когда я сама вышла оттуда. Мы такъ и порѣшили, что это невозможно, что слѣдовательно нечего и пытаться. Но случай, который можно объяснить только чудомъ, въ эту самую минуту, когда мы рѣшили, что возвращеніе мое въ театръ невозможно, показалъ намъ противное.

Возвращаясь домой, мы должны были зайти въ гостинный дворъ и здѣсь, проходя Пассажъ, встрѣчаемъ секретаря театральной школы. Онъ необыкновенно радушно поздоровался со мной и спросилъ меня, почему я вдругъ оставила занятія въ школѣ. Я объяснила ему это домашними обстоятельствами, прибавивъ, что теперь я могла бы заниматься опять и очень желала бы этого, но что не знаю, какъ это сдѣлать, какъ снова поступить въ классъ. Какова же была моя радость, когда онъ объяснилъ мнѣ, что дѣлать для этого нечего, что я до сихъ поръ числюсь въ театрѣ, что мнѣ стоитъ только явиться и начать заниматься. На другой же день я пошла въ школу и съ жаромъ, всей душой предалась искусству. Насколько влеченіе мое къ нему было сильно, видно изъ того, что когда, нѣсколько времени спустя, пріѣхалъ женихъ мой, я, безъ малѣйшаго колебанія, отказалась отъ его вторичнаго предложенія, потому что, въ случаѣ согласія, мнѣ пришлось бы опять оставить театръ и бороться съ его родителями, которые такъ и не согласились на нашъ бракъ.

Бывшій женихъ мой былъ совершенно убитъ этимъ отказомъ, и, какъ я узнала впоследствии, началъ страшно кутить. Наконецъ, съ досады на родителей, женился на женщинѣ, находившейся на послѣдней ступени паденія, и привезъ ее къ своимъ родителямъ. «Вотъ», сказалъ онъ имъ, «вы не хотѣли, чтобы я женился на бѣдной, но честной дѣвушкѣ, такъ я привезъ вамъ невѣстку такого-то рода!» Послѣ того, онъ недолго пробылъ въ Петербургѣ и уѣхалъ съ женой своей на Кавказъ, гдѣ вскорѣ умеръ отъ кавказской лихорадки.

Нѣкоторое время послѣ возвращенія моего въ театръ я пробыла еще въ классѣ Быстрова, а потомъ, за успѣхи, переведена была въ классъ учителя Вителляро, который и опредѣлилъ, что у меня контральто. Зиму я занималась у него,—это былъ второй годъ моего ученья. Я уже разучивала понемногу мѣста изъ оперы «Жизнь за царя» и играла въ комедіи-водевилѣ «Катерина—Золотой крестикъ», исполняя роль Катерины. Пѣніе мое всеѣмъ очень понравилось, такъ же какъ и игра.

Послѣ перваго же спектакля, мнѣ положили жалованья 25 руб. въ мѣсяць, т. е. триста рублей въ годъ, и въ непродолжительномъ времени назначили мнѣ спѣть въ первый разъ на сценѣ Александринскаго театра эпилогъ «Жизни за царя»: «Ахъ, не мнѣ бѣдному!»

Опернаго театра въ то время не было еще въ Петербургѣ и опера шла изрѣдко въ Александринскомъ театрѣ.

И такъ, первый дебютъ мой былъ въ исполненіи эпилога изъ «Жизни за царя». Публика приняла меня съ восторгомъ. Меня впрочемъ знали нѣсколько и раньше. Когда я была въ школѣ, мнѣ случалось пѣть по приглашенію въ собраніи или на другихъ частныхъ вечерахъ.

Второе появленіе мое на сценѣ было въ «Русской свадьбѣ», которую ставили въ первый разъ. Зная, какъ пѣніе мое нравится публикѣ, назначили мнѣ пропѣть въ этой пьесѣ: «Вдоль по улицѣ мятелица мететь!» въ вставной роли парня, пришедшаго на свадьбу. Пьеса настолько выиграла отъ моего пѣнія, что, послѣ нѣсколькихъ представленій «Русской свадьбы», авторъ нашелъ нужнымъ изъ маленькой вставной роли моей создать новую, входящую въ составъ пьесы, роль именно боярина Хрущева. Слѣдовательно, роль эта создана была специально для меня и выходила необыкновенно эффектно. Когда я начинала за сценой «Ахъ, какъ звали молодца», и затѣмъ съ пѣсенкой этой вбѣгала на сцену, то буквально каждый разъ приему не было конца, театръ дрожалъ отъ рукоплесканій.

Артистическая карьера моя началась съ этихъ двухъ вещей и успѣхъ на сценѣ былъ для меня несомнѣненъ. Я поняла свою силу и съ этого времени еще серьезнѣе занялась искусствомъ.

Замѣчу кстати, что когда я пѣла эпилогъ изъ «Жизни за царя» въ первый разъ, то Степанова, сопрано, и Леоновъ, теноръ, первые исполнители со времени постановки этой оперы, пѣли еще со мною, но послѣ этого въ скоромъ времени сошли уже со сцены.

III.

Вниманіе ко мнѣ императора Николая Павловича.—Прибавка жалованья.—Первое знакомство съ М. И. Глинкой.—Горькое разочарованіе.—Усиленная работа.—Я дѣлаюсь ученицей Глинки.—Необычайный успѣхъ мой въ роли Вани въ оперѣ «Жизнь за царя».—Начальникъ репертуарной части Ѳедоровъ.—Вражда его ко мнѣ.—Назначеніе въ мою пользу концерта.—Отмѣна его Ѳедоровымъ.—Кончина моего отца.—Вторичное назначеніе концерта въ мою пользу и вторичная отмѣна его по случаю кончины императора Николая Павловича.—Поѣздка за границу.—Пребываніе въ Берлинѣ.—Графъ Куселевъ-Безбородко.—Знакомство съ Мейерберомъ.—Вниманіе его ко мнѣ.—Отзывъ Мейербера о моемъ дарованіи и послѣдствія этого отзыва.—Мои успѣхи за границей.—Композиторъ Оберъ.—Просьба о продолженіи отпуска.—Рѣзкій отвѣтъ Ѳедорова.—Участіе мое въ двухъ концертахъ въ Парижѣ и сопровождавшій ихъ успѣхъ.—Предложеніе остаться въ Парижѣ.—Рѣшеніе вернуться на родину.

Я все болѣе и болѣе пріобрѣтала вниманіе публики и, наконецъ, сдѣлалась такой любимицей, что въ Александринскомъ театрѣ ни одинъ бенефисъ не обходился безъ моего участія, или давалась мнѣ роль съ пѣніемъ или, если такой роли не было, то я пѣла пѣсни и романсы.

Такимъ образомъ, прошла первая зима моей службы въ театрѣ. Лѣтомъ, по желанію государя Николая Павловича, устроенъ былъ въ Гатчинѣ, во дворцѣ, концертъ съ живыми картинами. Въ концертномъ отдѣленіи участвовала и я. Государь обратилъ особое вниманіе на меня, такъ что пожелалъ знать, сколько я получаю жалованья и сколько другая пѣвица, также участвовавшая въ этомъ концертѣ и выпущенная изъ школы въ одно время со мною. Эта другая имѣла протекцію и потому получала 600 руб. въ годъ, я же всего 300 руб. Когда государь спросилъ о моемъ жалованьи, директоръ Геденовъ въ попыхахъ подбѣжалъ ко мнѣ съ этимъ вопросомъ. Государь, узнавъ, что мнѣ дается всего 300 руб., тогда какъ другой 600, тутъ же приказалъ сравнять меня съ ней. Такое вниманіе государя осталось конечно навсегда въ моей памяти. Я была польщена въ высшей степени и, кромѣ того, не могла народовать удвоенному жалованью. Родители мои, когда я, возвратившись домой, рассказала имъ все это, тронуты были до слезъ. Отецъ безпрестанно повторялъ: «Какъ это такъ! Сколько походовъ совершилъ я, и все столько не получаю, сколько ты, ма-тушка!»

Осенью 1852 года, приготовляясь къ исполненію роли Вани въ «Жизни за царя», я узнала, что въ Петербургѣ находится М. И. Глинка.

Надо сказать, что за годъ передъ этимъ М. И. Глинка былъ также въ Петербургѣ и учитель мой Вителера, желая знать мнѣ-

ніе его о моемъ исполненіи роли Вани въ «Жизни за царя» пригласилъ меня съѣздить къ М. И. Глинкѣ. Я спѣла ему «Ахъ, не мнѣ бѣдному!» Увы! пѣніе мое ему не понравилось. Онъ нашель его до такой степени плохимъ, что сказалъ мнѣ: «Съ такимъ тремоло поють только тѣ пѣвцы, которые кончаютъ, а не тѣ, которые начинаютъ». При этомъ объяснилъ мнѣ, почему это такъ не хорошо, къ чему можетъ такое тремоло привести, и сдѣлалъ мнѣ указанія, какъ отъ этого избавиться. Разочарованіе мое было горькое, но я въ теченіе года такъ много работала, вспоминая совѣты М. И. Глинки, что когда теперь, во второй разъ, годъ спустя, узнавъ, что онъ въ Петербургѣ, пріѣхала къ нему и спѣла опять «Ахъ, не мнѣ бѣдному!», то дѣйствіе моего пѣнія оказалось совершенно обратное первому. М. И. Глинка, прослушавъ меня, убѣждалъ въ свой кабинетъ, и когда возвратился оттуда, то на глазахъ его были слезы и онъ сказалъ: «Смотрите, матушка, чтѣ вы произвели вашимъ пѣніемъ въ этотъ разъ!» Усиленные труды мои принесли блестящіе плоды. Съ этого же дня М. И. Глинка поздравилъ меня самъ своей ученицей и принялся готовить меня къ роли Вани.

Вскорѣ послѣ этого поставили оперу «Жизнь за царя». Для роли Антонида вызвана была изъ Москвы Семенова, исполнителями другихъ ролей были: Петровъ, Булаховъ и я. Составъ былъ необыкновенно хорошъ, и я, по отношенію къ себѣ, никогда впоследствии не помню такого триумфа, какой былъ въ этотъ разъ. Если публика была въ такомъ неопisanномъ восторгѣ отъ моего исполненія, то каковъ же былъ восторгъ моихъ родителей. Отецъ, казалось, былъ на верху блаженства.

Я уже говорила, что театра для русской оперы въ Петербургѣ въ то время не было. Русская опера шла въ циркѣ, на мѣстѣ котораго, когда онъ сгорѣлъ, и былъ выстроенъ Маринскій театръ. Опера шла тогда рѣдко и потому мнѣ приходилось мало пѣть въ оперѣ, а исполняла я преимущественно въ драматическихъ спектакляхъ, въ Александринскомъ театрѣ, роли съ пѣніемъ. Итальянская же опера шла въ Большомъ театрѣ.

Въ промежутокъ времени отъ 1851 по 1853 годъ, переѣхавъ начальникъ репертуара; Семенова замѣнилъ Ѳедоровъ. И вотъ съ поступленія его на эту должность начались мои неудачи по театру; путь мой покрывался терніями все болѣе и болѣе! Причиною этого было то, что я имѣла несчастіе понравиться Ѳедорову, а между тѣмъ онъ узналъ, что я выхожу замужъ. Онъ почти прямо объявилъ мнѣ, что будетъ врагомъ моимъ. И дѣйствительно, что бы не предполагалось въ мою пользу, ничто не удавалось. Начальникъ репертуара,—это можно сказать все въ театральномъ мірѣ, и въ немъ-то я имѣла моего главнаго врага. Ѳедоровъ, при всякомъ

удобномъ случаѣ, загоразивалъ мнѣ путь. Такъ памятенъ мнѣ особенно его поступокъ, когда въ пользу мою назначенъ былъ концертъ за участіе мое въ драматической труппѣ въ теченіе всей зимы, что не входило въ мои обязанности.

Мнѣ дали залу въ Александринскомъ театрѣ и объявили афишами о концертѣ въ мою пользу. Такъ какъ я успѣла уже сдѣлаться любимицей публики, то билеты разобраны были въ одинъ день. Довольная такой удачей, я готовилась концертомъ этимъ получить заслуженную трудами своими награду, сдѣлала затраты, по средствамъ своимъ значительныя, и вдругъ всѣ надежды мои рушились! За день до концерта присылаютъ за мной карету и капельдинеръ говорить, что меня проситъ къ себѣ начальникъ репертуара въ Александринскій театр. Здѣсь Федоровъ объявляетъ мнѣ:

— По высочайшему повелѣнію концерта вамъ не будетъ!

Какъ ни была я молода и неопытна, однако же, я уцѣпилась за слова его: «по высочайшему повелѣнію» и тотчасъ же сказала ему, что мнѣ крайне интересно знать, почему концертъ, назначенный мнѣ въ видѣ награды, отнимается у меня по высочайшему повелѣнію. Объясняясь съ Федоровымъ самымъ простымъ, можно сказать, дѣтскимъ образомъ, старалась добиться отъ него причины этой немилости, такъ какъ, по моему мнѣнію, говорила я ему, лишитъ меня заслуженной награды могутъ только за какую-нибудь вину. Увидавъ, что я такъ серьезно ухватилась за ложное выраженіе его, онъ повернулъ въ другую сторону и причиною отміны моего концерта выставилъ то, что въ тотъ же день назначенъ въ Большомъ театрѣ концертъ Роллера и что весь оркестръ участвуетъ тамъ. Тогда я безъ всякаго стѣсненія высказала ему прямо, что все приведенное имъ я не считаю основательнымъ, что поступая такъ со мной, просто отняли у меня концертъ, что если необходимо было дать этотъ день Роллеру, то мой концертъ можно бы было перенести на другой день, что, по справедливости, я имѣла право на первую очередь изъ слѣдующихъ дней. Но все было такъ искусно подведено, что при перечисленіи мною дней не оказывалось ни одного, въ который можно бы было назначить мой концертъ. Такимъ образомъ, я не только лишилась заслуженной награды, но и своихъ собственныхъ послѣднихъ грошей, издержанныхъ на платье и другіе расходы. Кромѣ того, въ концертѣ этомъ я видѣла исполненіе моей мечты, — доставить возможность родителямъ моимъ прожить хотя одно лѣто на дачѣ, что особенно нужно было для отца, здоровье котораго замѣтно слабѣло, такъ что другого лѣта не пришлось ему уже дожидаться. Въ августѣ того же года онъ скончался.

Бѣдный отецъ! Много нужды, много труда выпало на его долю!

Наконецъ, условія жизни нашей, благодаря моей службѣ, нѣсколько улучшились. Хотя жалованье мое было небольшое, но мы не нуждались, какъ прежде. Главное же, радовали его мои успѣхи; онъ, можно сказать, жилъ ими, и вотъ не суждено было ему дожить до того времени, когда положеніе мое стало вполнѣ обеспеченнымъ и когда я достигла полного значенія моего, какъ артистка!

Со смертію отца мы съ матушкой остались только двое, постоянно ощущая свое сиротство. Наступила вторая зима моей службы. Я вышла замужъ и въ концѣ сезона выхлопотала себѣ уже черезъ министра позволеніе на такой же концертъ, какой предполагался въ прошедшемъ году, только въ этотъ разъ всю музыкальную часть программы составлялъ самъ М. И. Глинка. Въ числѣ другихъ вещей, назначена была къ исполненію молитва его: «Въ минуту жизни трудную». Пьеса эта, написанная имъ раньше для оркестра, передѣлана была имъ для этого именно концерта для пѣнія. Другая вещь, передѣланная имъ же для этого же концерта, былъ романсъ «Прости меня, прости! прелестное созданье!» сочиненія того самаго Федорова, который преслѣдовалъ меня. М. И. Глинка, желая оказать ему любезность, разработалъ его романсъ и сдѣлалъ его дуэтомъ, который теѣперь поется во всѣхъ почти салонахъ.

Концертъ опять назначенъ. Дѣлаются репетиціи. Самъ М. И. Глинка присутствуетъ на нихъ. Билеты опять всѣ проданы, все готово и опять, увы, что-то фатальное преслѣдуетъ меня! Но на этотъ разъ причиной неудачи моей было событіе, важность котораго поразила всю Россію. На послѣдней репетиціи, когда только-что я запѣла: «Въ минуту жизни трудную», отворяется дверь и посланный провозглашаетъ: «Прекратите репетицію, государь императоръ скончался!»

По окончаніи траура, спектакли начались опять. Все время я усердно продолжала свои занятія и дѣлала большіе успѣхи, такъ что съ открытіемъ театровъ приобрѣла себѣ еще большую любовь публики. Но вмѣстѣ съ тѣмъ приходилось иногда выслушивать и непріятные отзывы, такъ напримѣръ, говорили, что Леонова поетъ хорошо только русскія пѣсни; другіе, истинные знатоки музыки, цѣнившіе мой талантъ, принимая во мнѣ участіе, строго судили мое пѣніе и совѣтывали для усовершенствованія ѣхать за границу. Кромѣ дѣйствительной пользы, которую должно было принести знакомство съ европейскими музыкальными извѣстностями и кружками, путешествіе за границу имѣло въ то время громадное значеніе для приобретенія авторитета и, пожалуй, извѣстности. Я начала серьезно подумывать о поѣздкѣ за границу, а М. И. Глинка находилъ это даже необходимымъ. Довольно частые концерты мои настолько улучшили матеріальное мое положеніе, что я нашла воз-

можнымъ привести желаніе мое въ исполненіе. Весной 1858 года отправилась я съ мужемъ за границу.

М. И. Глинка, провожая меня, далъ мнѣ письмо къ Мейерберу въ Берлинъ.

Въ Берлинѣ мы остановились въ «Hôtel de Rome», гдѣ встрѣтились съ графомъ Г. А. Куселевымъ-Безбородко, который остановился въ томъ же отелѣ съ своей семьей на обратномъ пути изъ Италіи въ Россію. Съ ними находился извѣстный романистъ Дюма-отецъ, и я сразу попала въ очень интересное для меня общество.

На другой день по приѣздѣ, я сдѣлала визитъ Мейерберу, который былъ очень обрадованъ письмомъ М. И. Глинки, очень хорошо принялъ меня и назначилъ день, чтобы прослушать мое пѣніе. Возвратившись въ отель, я нашла приглашеніе къ обѣду отъ графа Куселева-Безбородко и когда пришла къ нему, то была пріятно удивлена, заставъ тамъ, кромѣ Дюма еще и Мейербера.

Такое общество было, конечно, въ высшей степени пріятно, тѣмъ болѣе, что когда я, по просьбѣ присутствующихъ, спѣла нѣсколько вещей, восхищеніе ихъ было чрезвычайное. Я справедливо могла гордиться такимъ восторгомъ этихъ серьезныхъ цѣнителей искусства, въ особенности же мнѣніемъ Мейербера. Въ числѣ разныхъ вещей я пѣла романсъ его «Quoi Neufthalie» и русскіе романсы.

Прощаясь, Мейерберъ повторилъ мнѣ, что ждетъ меня къ себѣ и прибавилъ: «Другъ мой пишетъ мнѣ, что вы поете его музыку такъ, какъ онъ желаетъ, и потому мнѣ очень интересно услышать ваше исполненіе». При этомъ просилъ меня, чтобы я привезла съ собой «Пѣснь Маргариты», сочиненія М. И. Глинки изъ трагедіи «Фаустъ» и спѣла бы ему, прибавивъ, что особенно интересуется услышать ее въ моемъ исполненіи.

Графъ Куселевъ-Безбородко еще два дня послѣ этого пробылъ въ Берлинѣ, и мы съ нимъ, съ его семействомъ и съ Дюма, неразлучно дѣлали экскурсіи въ окрестности. При этомъ вспоминается мнѣ оригинальное обыкновеніе Дюма: онъ ѣздилъ безъ шляпы, которую замѣняли ему его роскошные вьющіеся волосы. Почтенные нѣмцы дивились такому обычаю уважаемаго французскаго писателя.

Въ условленное время приѣхала я къ Мейерберу, который встрѣтилъ меня необыкновенно радушно. Послѣ длиннаго разговора о музыкѣ, о М. И. Глинкѣ, онъ попросилъ меня пѣть. Такъ какъ Мейерберъ интересовался музыкой М. И. Глинки, то я пѣла преимущественно вещи моего учителя. «Пѣснь Маргариты» восхитила Мейербера и онъ сказалъ мнѣ: «Теперь, когда вы спѣли, я понялъ Глинку. Здѣсь многія пѣвицы пробовали пѣть эту пѣснь, но вы-

ходило совѣмъ не то». Спросивъ меня, долго ли я пробуду въ Берлинѣ, онъ сказалъ мнѣ, что очень желалъ бы быть мнѣ чѣмъ-нибудь полезнымъ.

Поблагодаривъ его, я отвѣчала, что такой великій композиторъ, какъ онъ, конечно, во многомъ можетъ помочь мнѣ, въ особенности своими музыкальными совѣтами. Тогда онъ предложилъ заняться нѣсколько со мной, сдѣлалъ мнѣ нѣкоторыя указанія по школѣ, по постановкѣ голоса, и при этомъ сказалъ: «У васъ такъ хорошо поставленъ голосъ, что вамъ нужно только побольше пѣть оперъ, а для указанія вообще вамъ много поможетъ Оберъ, къ которому я дамъ вамъ письмо въ Парижъ».

Кромѣ всего этого, онъ, при первомъ же случаѣ, сдѣлалъ для меня очень много. Замѣчательно, какое значеніе имѣютъ два-три слова великаго человѣка на западѣ Европы. Въ то самое время, когда я была въ Берлинѣ, приглашена была туда изъ Парижа комическая опера театра Корвало. На первомъ представленіи присутствовалъ самъ Мейерберъ. Оцѣнка артистовъ дѣлалась въ то время тамъ такимъ образомъ: рецензенты газетъ и журналовъ ловили каждое слово Мейербера, занимали мѣста около него, и то, что онъ говорилъ, служило обыкновенно приговоромъ артисту. На другой день вся пресса изображала отголосокъ отзыва Мейербера, котораго по справедливости можно назвать въ этомъ случаѣ настоящимъ камертономъ искусства. Нельзя не замѣтить здѣсь кстати, что истиннымъ артистамъ жилось хорошо при такомъ обыкновеніи. Такъ вотъ и въ этотъ разъ, въ оперѣ парижской труппы, рецензенты газетъ ждали, что скажетъ Мейерберъ объ исполнителяхъ. Къ удивленію всѣхъ, онъ, послѣ перваго акта, не говоря ничего объ артистахъ, начинаетъ: «А вотъ была сегодня у меня русская пѣвица» и продолжаетъ, что благодаря пѣнію этой пѣвицы, онъ теперь только вполнѣ понялъ М. И. Глинку, что она ученица Глинки, что голосъ ея замѣчательный. Слова его такъ заинтересовали всѣхъ, что весь антрактъ прошелъ въ разговорахъ обо мнѣ, и послѣдствіемъ этихъ разговоровъ было то, что въ короткое мое пребываніе въ Берлинѣ, я получила уже приглашенія на разные воды, гдѣ на 1,000 франковъ, гдѣ на 1,5000 франковъ. Вотъ какъ одно слово Мейербера мнѣ услужило.

Принявъ приглашеніе на воды, я пѣла въ Гомбургѣ, въ Эмсѣ, въ Висбаденѣ, въ Баденъ-Баденѣ и въ Остендѣ. Отзывы о моихъ успѣхахъ перепечатывались въ русскихъ газетахъ, такъ что поѣздка моя за границу начинала уже приносить плоды. Затѣмъ мы отправились въ Парижъ, куда Мейерберъ далъ мнѣ письмо къ Оберу, прекрасное письмо, обратившее на меня вниманіе и этого замѣчательнаго композитора, указаніями котораго я пользовалась въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Въ этотъ разгаръ извѣстности моей за границей, Оберъ и Мейерберъ предложили мнѣ устроить большой концертъ въ Парижѣ. Для этого мнѣ нужно было продолжить мой отпускъ, такъ какъ я находилась на службѣ въ петербургской оперѣ. Я написала въ Петербургъ, прося отсрочить отпускъ, чтобы воспользоваться такимъ въ высшей степени интереснымъ для меня концертомъ. Но что же? Получаю отъ начальника репертуара Федорова письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня, что я ненужна и могу оставаться за границей даже совсѣмъ. Такой отвѣтъ глубоко огорчилъ меня, потому что всѣ стремленія мои пріобрѣсти познанія и извѣстность за границей происходили именно изъ желанія занять прочное положеніе въ артистическомъ мірѣ и принести пользу искусству въ родной странѣ, тѣмъ болѣе, что въ то время сцена наша была такъ бѣдна пѣвцами.

Встревоженная отвѣтомъ изъ Петербурга, я спѣшила возвратиться, не смотря на то, что Оберъ и Мейерберъ уговаривали меня остаться на одинъ годъ въ парижской консерваторіи, обѣщая заняться со мной, приготовить меня и дать мнѣ дебютъ въ Парижѣ. Наконецъ уговаривали меня даже остаться въ Парижѣ совсѣмъ. Но ничто не могло остановить меня,—я слишкомъ любила родину.

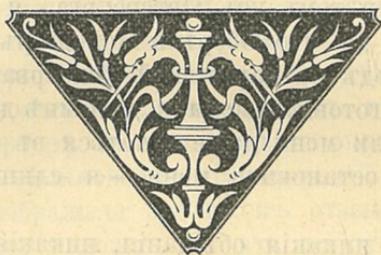
Убѣдившись, что никакія обѣщанія, никакія предложенія, на меня не подѣйствуютъ, Оберъ и Мейерберъ успѣли только,—такъ какъ я очень спѣшила отъѣздомъ,—устроить, чтобы я пѣла въ Парижѣ, на большомъ музыкальномъ вечерѣ у г. De-la-Madeleine и въ «Théâtre lyrique» у Corvalo. Вечеръ у г. De-la-Madeleine описанъ былъ въ газетахъ и одинъ изъ рецензентовъ, осыпая меня похвалами, назвалъ меня «*pur diamant russe*». У Корвало я пѣла между прочими вещами «Ахъ, не мнѣ бѣдному». Музыка и пѣніе мое произвели такое впечатлѣніе, что тутъ же возникъ вопросъ о постановкѣ въ Парижѣ оперы «Жизнь за царя» и съ меня взяли слово, что я вышлю эту оперу по возвращеніи моемъ въ Россію и пріѣду сама ее ставить. Я дала слово.

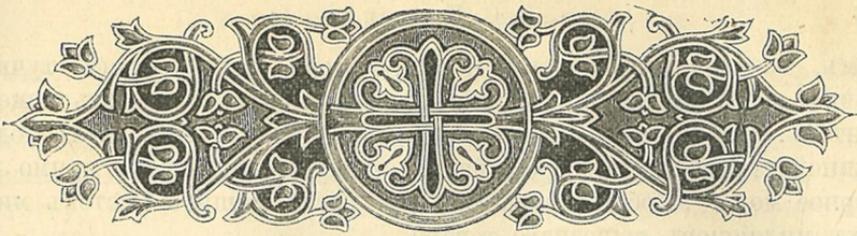
Вообще, пѣніе мое въ Парижѣ обратило на меня большое вниманіе, но чѣмъ болѣе почестей оказывалось мнѣ за границей, тѣмъ больнѣе мнѣ было вспоминать о присланномъ мнѣ изъ Петербурга отвѣтѣ. Какъ бы то ни было, путешествіе мое имѣло для меня громадное значеніе; кромѣ того, что имя мое сдѣлалось извѣстнымъ за границей, я пріобрѣла себѣ такія знакомства въ музыкальномъ мірѣ, какъ Оберъ и Мейерберъ. Оберъ назначилъ въ мой репертуаръ «*La reine de Chypre*» и необыкновенно восторгался музыкой М. И. Глинки, особенно его «*Русланомъ и Людмилой*», а также пѣснями національнаго русскаго характера. Онъ говорилъ мнѣ, что знаетъ самъ русскую пѣсню «*Красный сарафанъ*», вспоминая

при этомъ извѣстнаго нашего тенора Иванова, который, оставшись за границей, составилъ себѣ несмѣтное богатство своимъ талантомъ. Примѣромъ пѣвца этого онъ старался склонить меня къ согласію остаться навсегда за границей. Но, какъ уже я сказала, это было для меня невозможно изъ-за привязанности моей къ родинѣ.

Д. Леонова.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОЇЗДКА НА ЮГЪ РОССІИ ВЪ 1888 ГОДУ.

I.

Ростовъ-на-Дону.—Екатериноградъ.—Станція «Минеральныя воды».—Владикавказъ.—Приготовление къ встрѣчѣ Государя Императора и Государыни Императрицы.—Почетный караулъ георгіевскихъ кавалеровъ.—Полковникъ Кулебякинъ.—Казаки-малолѣтки.—Представители горскихъ племень.—Пріѣздъ Ихъ Величествъ.—Терскіе и Кубанскіе казаки.—Высочайшій смотръ.—Нижегородскіе драгуны.—Кабардинскій полкъ.—Праздникъ въ городскомъ саду.—Ужинъ, устроенный офицерами Кавказской кавалерійской дивизіи.—Поѣздка Государыни Императрицы для осмотра Военно-Грузинской дороги.

ВОТЪ И РОСТОВЪ-НА-ДОНУ. Какимъ непригляднымъ поселкомъ выглядывалъ онъ въ 1864 году, во время первой моей поѣздки. Торговое движеніе и тогда сказывалось большимъ оживленіемъ на пристани; но городъ смотрѣлъ весьма неряшливо и походилъ на богатое, торговое село. Теперь, «разбогатѣвшій русскій мужикъ», какъ называютъ Ростовъ по сравненію съ греческимъ Таганрогомъ, началъ прихорашиваться. Выросли богатые дома, устроенъ водопроводъ, недурныя мостовыя; появились сносныя извозчики, гостинницы и даже театры. Юго-восточная полоса Россіи и Сѣверный Кавказъ съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ посылали ежегодно въ Ростовъ цѣлыя горы хлѣба. Сюда тысячами стремился на заработки черно-рабочій народъ для разгрузки, сортировки и нагрузки хлѣба. Богатый хозяинъ всѣмъ давалъ дѣло. Городъ ширился, богатѣлъ и, побрякивая золотомъ, гордо и смѣло смотрѣлъ въ будущее. Но покой ростовскихъ горожанъ за послѣднее время былъ нарушень.

Тамъ, издалека, съ берега Чернаго моря, показывалась тучка. Тучка росла и росла, омрачая розовыя мечты мѣстныхъ комерсантовъ. Испугъ вызванъ былъ слухами о постройкѣ желѣзнодорожной линіи до Новороссійска, открывавшаго двери прямо въ Черное море. Удобства новаго порта могли лишити Ростовъ многихъ милліоновъ вывознаго товара.

Время покажетъ насколько основателенъ былъ страхъ ростовцевъ; теперь же они не могутъ особенно жаловаться на судьбу.

На ростовскомъ вокзалѣ идутъ дѣятельныя приготовленія къ встрѣчѣ Высочайшихъ путешественниковъ. Вывѣшиваютъ флаги, убираютъ зданія гирляндами зелени и цвѣтами. Поѣздъ тихо отходитъ отъ станціи и мѣрно, осторожно, подвигается по дамбамъ и по мосту черезъ Донъ. Заходящее солнце бросаетъ послѣдніе лучи на покрытый легкой дымкой городъ. Красиво и мощно растянулся онъ на возвышенномъ берегу Дона. На стражѣ пограничнаго съ Азіей города величественно вздымаются куполы храмовъ съ горящими на нихъ золотыми крестами. Разноцвѣтные домики въ перемежку съ сѣро-зелеными садиками уходятъ все дальше и дальше. Не видно ни грязи, ни пыли, развертывается лишь красивая картина. Промелькнулъ и мелкій Донъ съ барками и буксирными пароходами; осталась назади и дамба луговой стороны. Кругомъ необозримая степь.

Ростово-Владикавказская дорога оставила въ сторонѣ два значительныхъ пункта на Сѣверномъ Кавказѣ: Ставрополь и Пятигорскъ.

Въ былыя, недавнія времена, Ставрополь служилъ главнымъ депо для Предкавказья. Во время кавказской войны здѣсь кипѣла жизнь, работалъ штабъ, дѣйствовали интенданты; наконецъ, офицерство пріѣзжало сюда поразвлечься отъ скучной походной жизни... Теперь Ставрополь отодвинулся верстъ на семьдесятъ отъ главнаго тракта, затихъ, заглохъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто, пересталъ быть кавказскимъ городомъ. За время нашего владѣнія Кавказомъ, Ставрополь не первый изъ городовъ, преданныхъ забвенію. Сто лѣтъ тому назадъ Екатериноградъ, пересиливъ Астрахань и Кизляръ, былъ призванъ играть роль главнаго города Кавказско-Астраханскаго намѣстничества. Въ 1786 году, генераль-поручикъ Потемкинъ «при гласѣ трубномъ и громѣ пушекъ возвѣстилъ въ семь станѣ торжество...» открытія учрежденій намѣстничества. Но Екатериноградъ не долго торжествовалъ, скоро его разжаловали въ званіе простой станицы и управление перемѣстилось въ Георгіевскъ, который въ свою очередь, въ 1824 году, долженъ былъ склониться передъ Ставрополемъ.

На станціи «Минеральныя воды» я засталъ особое оживленіе и дѣятельные сборы къ приему Высочайшихъ гостей. Сюда пріѣхали депутаціи отъ Ставропольской губерніи и отъ города Пяти-

горска. Тутъ же былъ выставленъ почетный караулъ отъ резервнаго баталіона и собранъ маленькій казачій отрядъ, готовившійся предстать на смотръ Государю. Имъ суждено было первыми изъ кавказскихъ войскъ привѣтствовать Царя и Августѣйшую Его Супругу, первую изъ русскихъ императриць, посѣтившую Кавказъ. Маленькая желѣзнодорожная станція врядъ ли когда вмѣщала въ себѣ столько офицерства. Все это тѣснилось въ буфетѣ и истребляло малороссійскій борщъ, перепелокъ и фазановъ. Дичи въ окрестностяхъ очень много и фазаны здѣсь считаются самымъ обыденнымъ блюдомъ. На платформѣ виднѣются воспитанники Пятигорской гимназіи; они тоже поспѣшили къ пріѣзду Ихъ Величествъ. Вся эта масса генераловъ, офицеровъ, членовъ депутаціи, дѣтей, туземцевъ, самое разукрашенное зданіе, все это имѣло нарядный, парадный, и веселый видъ. Мнѣ невольно вспомнилось, какъ грустно выглядывала эта же станція въ 1886 году. Тогда я нашель тутъ тоже не мало офицеровъ, но запыленныхъ, въ старенькихъ мундирчикахъ. То былъ эшелонъ войскъ, передвигавшихся въ виду волненія въ Чечнѣ. Осенью 1886 года, по случаю производившейся народной переписи, сопряженной съ вопросомъ объ отбываніи воинской повинности — произошло что-то неладное. Чеченцы были увѣрены, что ихъ будутъ брать въ солдаты, надѣнуть сѣрую шинель; мало того, кто-то пустилъ невѣроятную молву о какой-то женской повинности... и этому повѣрили. Чеченцы заволновались, не позволили продолжать перепись и стали группироваться вооруженными шайками въ большихъ аулахъ. Потребованы были войска. Умиротвореніе Чечни поручено было князю Амилохвари (начальнику Кавказской кавалерійской дивизіи). Тактъ, знаніе мѣстныхъ условій и нежеланіе даромъ проливать кровь — спасло край отъ губительной экзекуціи. Недоразумѣнія разрешились и все пришло въ полный порядокъ, безъ одинаго боеваго выстрѣла, безъ плети, безъ розогъ. Во время моего проѣзда въ 1886 г. чеченскія осложненія носили еще очень острый характеръ и всѣ ждали страшнаго взрыва.

Теперь, въ 1888 году, все смотрѣло весело и видимо старалось лишь объ одномъ, какъ бы не ударить лицомъ въ грязь передъ Царственными гостями.

За станціей «Минеральныя воды» съ каждой верстой поѣздъ все ближе и ближе подходитъ къ горамъ, снѣжная цѣпь которыхъ красивымъ амфитеатромъ рисуется на горизонтѣ. Наконецъ-то Владикавказъ! Какъ онъ выросъ и похорошѣлъ со времени проведенія желѣзной дороги.

Кавказскія горныя громады неприступной стѣной жмутся другъ къ другу отъ самыхъ волнъ Чернаго моря по направленію къ Каспійскому. Эта колоссальная цѣпь гигантовъ, не успѣвъ раздвинуться вплоть до послѣдняго моря, окаменѣла и оставила свободной

береговую полосу, по которой передвигались иногда цѣлыя народности. Бурные, безпокойные потоки—Терекъ и Арагва не могли оставаться въ заперти, не устрашилися каменныхъ преградъ и пробили себѣ выходъ на просторъ, на низменность. По ихъ слѣдамъ и человекъ попытался проложить сначала робкую тропу, а затѣмъ и болѣе усовершенствованный путь. Однако, дорога эта, въ виду заоблачныхъ переваловъ и узкихъ, перерѣзанныхъ страшными потоками, ущелій, никогда не служила для одновременныхъ массовыхъ передвиженій.

Осетины, тѣснимые адыгейскими народами, постепенно забирались въ морщины всѣхъ ущелій, прилегавшихъ къ верхнему Тереку. На Арагвѣ, несшейся на югъ, къ Курѣ, появились замки иверскихъ князей; здѣсь они нерѣдко отсиживались отъ южныхъ завоевателей. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія, грузинскій царь Ираклій II спасался въ замкѣ Анануръ отъ кроваваго нашествія персіянъ, разрушившихъ Тифлисъ.

Преградить путь въ горныхъ тѣснинахъ всегда можно было безъ особаго труда и потому въ былое время перевальная дорога въ Грузію была полна опасностей. Разбой, грабежи, поборы отдѣльныхъ свободныхъ обществъ и маленькихъ владѣльцевъ, грозили всякому, кто отваживался перебираться черезъ горы. Съ цѣлью преградить путь воинственнымъ сѣверянамъ въ благодатную Грузію недалеко отъ Казбека въ знаменитомъ Даргяльскомъ ущеліи была воздвигнута стѣна. По всему протяженію отъ нынѣшняго Владикавказа до Мцхета въ старину высились замки и даже крѣпости; теперь отъ всѣхъ этихъ сооружений остались лишь развалины.

Съ приходомъ въ Закавказье русскихъ дѣятельно принялись за устройство, такъ называемой «военно-грузинской дороги». Приходилось бороться не только съ природой, но и съ людьми; русскіе отряды не разъ должны были силою оружія очищать дорогу и успокаивать храбрыхъ туземцевъ.

Съ 1863 года, между Владикавказомъ и Тифлисомъ по всему двухсотъ-верстному протяженію «военно-грузинской дороги» открыто прекрасное шоссе.

Въ 1784 году, близъ Ингушскаго аула возведено было маленькое укрѣпленіе, которое вмѣстѣ съ другими обезпечивало намъ дорогу отъ Моздока въ Грузію.

Въ виду малочисленности нашихъ войскъ и осложненій въ краѣ, мы принуждены были покинуть нѣкоторыя мелкія укрѣпленія; въ числѣ другихъ въ 1786 году очищенъ былъ и Владикавказъ. Такъ какъ ключъ къ Грузіи не могъ оставаться безъ охраны, то вскорѣ русскій флагъ вновь взвился надъ Владикавказомъ. Городъ началъ расти въ особенности съ назначеніемъ его областнымъ пунктомъ Терской области, а тѣмъ болѣе съ проведеніемъ Ростово-Владикавказской желѣзной дороги. Но ростъ этотъ,

Горцы Терской области.

конечно, не особенно гигантскій и населеніе города не превышаетъ 35 тысячъ. Главнымъ украшеніемъ Владикавказа служить быстро несущійся Терекъ и живописная панорама горъ. Узкой, длинной, зеленой лентой тянется по главной улицѣ бульваръ, къ слову сказать, не особенно хорошо содержимый. Здѣсь на простенькихъ скамеечкахъ можно встрѣтить не мало кавказскихъ ветерановъ. Горьдскія условія жизни, при дешевизнѣ и хорошемъ климатѣ, стягиваютъ во Владикавказъ отставныхъ офицеровъ и генераловъ. Пенсія и эмеритура единственныя средства этихъ честныхъ работниковъ, обремененныхъ зачастую большими семьями. Владикавказскіе дома не отличаются грандіозностью. Наиболѣе бросаются въ глаза: зданіе военнаго госпиталя, неуклюжее строеніе, вмѣщающее въ себѣ клубъ и театръ, затѣмъ военная прогимназія и давно начатый, но не оконченный и какъ будто даже заброшенный, соборъ. Передъ зданіемъ военной прогимназіи красиво вырисовывается памятникъ доблестнымъ защитникамъ Михайловскаго укрѣпленія штабсъ-капитану Лико и Архипу Осипову. По своему положенію конечной станціи желѣзной дороги, Владикавказъ является пунктомъ, въ которомъ задерживается ежедневно значительное число пассажировъ, направляющихся въ Тифлисъ и изъ Тифлиса. Съ одной стороны въ дилижансахъ, двигающихся по военно-грузинской дорогѣ, число мѣсть ограничено, а съ другой, лишь одинъ желѣзнодорожный поѣздъ въ сутки. Такимъ образомъ, во Владикавказѣ ежедневно гоститъ не мало проѣзжающихъ на радость содержателямъ гостинницъ. Большой спросъ вызвалъ и соотвѣтствующее предложеніе — гостинницъ во Владикавказѣ нѣсколько и, сравнительно съ обще-губернскими, онѣ не поражаютъ отсутствіемъ комфорта.

Скромный городокъ къ пріѣзду Государя замѣтно оживился и повеселѣлъ. Изъ деревень и ауловъ понаѣхало много народу. Всѣмъ интересно было взглянуть на царскую семью. Отставные военные принарядились въ мундиры; навѣсили, дорогой цѣной доставшіеся имъ, ордена и, озабоченно собираясь группами на бульварѣ, сообщали другъ другу впечатлѣнія по поводу приготовленій. Старымъ кавказцамъ хочется, чтобы Владикавказомъ остались довольны. Вотъ старичокъ въ пальто съ красной подкладкой и бравый сѣдой казакъ съ владимірскимъ бантомъ останавливаютъ торопящагося, вѣроятно на станцію, городского голову и засыпаютъ его вопросами по поводу Высочайшаго пріѣзда. Едва вырвавшійся отъ нихъ, голова рискуетъ опять быть атакованнымъ новой группой ветерановъ, но онъ предусмотрительно удаляется въ фаэтонъ.

17-го сентября, въ день пріѣзда Ихъ Величествъ, задолго до прихода высочайшаго поѣзда весь путь отъ вокзала до дома начальника области запруженъ разнообразнымъ населеніемъ. Полиція выходитъ изъ себя, стараясь выравнять ряды, то и дѣло скатывающіеся съ тротуаровъ на улицу. Желаніе поближе уви-

дѣть Государя такъ велико, что конечно полицейскія распоряженія не могутъ сдерживать колеблющуюся живую стѣну. Особенное оживленіе предъ домомъ начальника области на Красной площади. Здѣсь стоитъ почетный караулъ отъ Переяславскаго драгунскаго Его Величества полка. Молодцы драгуны выравняются въ струнку и видимо съ нетерпѣніемъ ждутъ своего державнаго шефа. Начальникъ караула нѣсколько разъ ужъ обошелъ вытягивающихся солдатиковъ; вѣстовые торопливо обмахиваютъ запыхавшихся драгунъ; трубачи то и дѣло нервно подносятъ къ губамъ мѣдные инструменты. Пройдя драгунскій караулъ, невольно останавливаешься отъ изумленія и восхищенія. Новый караулъ! Но какой!... Здѣсь стоятъ въ строю старики, терскіе казаки, груди которыхъ украшены георгіевскими крестами, все сплошь «кавалеры».

Сѣрыя папахи, сѣдые бороды, длинные черныя черкески съ сплошной почти линіей крестовъ и медалей,—все это такъ и просится на полотно. Чудная боевая группа осѣняется войсковымъ георгіевскимъ знаменемъ.

Этотъ поистинѣ почетный караулъ выстроенъ подъ начальствомъ казачьяго поэта и георгіевскаго кавалера Кулебякина. Онъ служилъ въ конвоѣ и подъ Ловчей за лихую атаку груди его украсилась столь желаннымъ бѣлымъ крестомъ. Въ печальной памяти день 1-го марта Кулебякинъ пострадалъ также отъ взрыва и чуть было не лишился зрѣнія. Не смотря на пораненія, онъ же сопровождалъ покойнаго государя съ мѣста катастрофы до Зимняго дворца. Разстроенное здоровье заставило полковника Кулебякина оставить службу, но не помѣшало привѣтствовать царственныхъ гостей среди собратьевъ по оружію.

Казаки «кавалеры» видимо гордились выпавшей на ихъ долю честью. За спиной почетнаго караула, подъ прикрытіемъ своихъ дѣдовъ, сгруппировались верхами двѣ сотни казачковъ-малолѣтокъ. Веселая дѣтвора въ бѣлыхъ папахахъ и бѣлыхъ черкесахъ отличалась отъ почетнаго караула, какъ весна отъ осени. Малолѣтки подучились уже строю и смотрѣли заправскими казаками; у нѣкоторыхъ изъ нихъ папахи лихо были заломлены за ухо и они нагайками горячили своихъ коней, видимо желая показаться настоящими джигитами. Дальше вытянулись въ конномъ строю представители отъ горскихъ племенъ, населяющихъ Терскую область; тутъ были кабардинцы, осетины, ингуши, чеченцы и кумыки. Они мирно галдѣли и съ любопытствомъ поглядывали на дорогу, ожидая пріѣзда. Тутъ же помѣстились многочисленныя депутаціи отъ казачьихъ станицъ. Станичные атаманы обращали на себя вниманіе своимъ почтеннымъ видомъ, сановитостью. Высокія палицы съ набалдашниками - «наѣсками» придавали этой атаманской группѣ особый, патриархальный отпечатокъ. Подлѣ всего этого воинственнаго ополченія кокетливо размѣстились ка-

зачки и горянки въ яркихъ костюмахъ. Среди группы терскихъ красавиць особенно бросались въ глаза смуглыя и стройныя гребенскія казачки.

Но вотъ до площади донеслись отдаленные раскаты русскаго «ура». Красная площадь зашевелилась. Раздалась команда. «Ура»

Кубанскій казакъ.

подходить все ближе и ближе, наконецъ волна перекадилась на площадь и вокругъ меня зашумѣло и загудѣло. Мельчайшіе свободные промежутки и прогалины на Красной площади мгновенно были залиты нахлынувшей толпой. Каждому хотѣлось протиснуться подалеже впередъ. Многіе изъ туземцевъ встали во весь ростъ на

сѣдлахъ. Умолкнувшее на время «ура» даетъ возможность слышать звуки «Боже, царя храни»; Государь подходитъ къ почетнымъ старикамъ; стройно заигралъ войсковою хоръ и вдругъ... снова неустойчивые крики понеслись по площади. Въ такія минуты чувствуется особенный подъемъ духа. Общее настроеніе захватываетъ и увлекаетъ даже самыхъ флегматичныхъ людей...

Терскій казакъ.

На Красной площади собралась разноплеменная толпа. Давно ли весь край этотъ былъ вражескимъ для насъ? Солдатскій штыкъ и казачья станица однако успѣли взять верхъ надъ магометанскими скопищами. Золотой крестъ заблесталъ вновь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ когда-то раздавалась проповѣдь византійскихъ и итальянскихъ миссіонеровъ. Положимъ, христіанство въ то отдаленное время не пустило глубокихъ корней; но все-таки почва постепенно

подготовлялась къ болѣе прочному утвержденію ученія Спасителя. Съ паденіемъ Византіи и итальянскихъ республикъ не кому было поддержать колеблющееся въ вѣрованіяхъ населеніе. Магометанство, охватившее восточное побережье Кавказа и Крымскій полуостровъ, надвигалось на притеречныхъ и прикубанскихъ жителей съ двухъ сторонъ. Но черная туча ползла очень медленно; лишь на глазахъ нашихъ прадѣдовъ и даже дѣдовъ полумѣсяцъ и зеленое знамя рѣшительно восторжествовало надъ безразличіемъ толпы. Какъ православіе явилось необходимымъ условіемъ русской народности, такъ и магометанство звало подъ свой покровъ всѣхъ кавказскихъ горцевъ, желавшихъ дать отпоръ поступательному движенію нашего государства. Народности, въ прежнее время полухристіанскія, дружественныя далекой Москвѣ и малочисленнымъ гребенскимъ колонистамъ, подъ вліяніемъ новыхъ условій обращаются въ фанатиковъ мусульманъ и нашихъ отчаянныхъ недруговъ. Всегдашніе и незамѣнимые русскіе піонеры-казаки безстрашно садились поселками подъ самымъ носомъ негодующаго населенія и поддерживаемые сѣрымъ солдатикомъ неудержимо подвигались впередъ. Сколько тревогъ пришлось перенести порубежнымъ станицамъ, ежеминутно въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ ожидавшимъ набѣга и разоренія. Сколько крови пролито и на валахъ родного поселка, и въ лѣсныхъ чеченскихъ засѣкахъ и на стѣнахъ горныхъ ауловъ!.. Замолкли выстрѣлы. Не желавшіе покориться полумилліонной массой выселились въ Турцію на горе и себѣ и новымъ сосѣдямъ... Дай Богъ, чтобы оставшіеся горцы окончательно успокоились и признали бы насъ за своихъ друзей.

Героями дня, во время Высочайшаго пріѣзда во Владикавказъ, несомнѣнно являются терскіе казаки. При теперешнихъ короткихъ срокахъ службы составъ регулярныхъ полковъ такъ скоро мѣняется, что въ рядахъ и нижегородцевъ, и кабардинцевъ, и куринцевъ, и другихъ полковъ, нѣтъ уже посѣдѣлыхъ въ бояхъ кавказскихъ завоевателей. Несомнѣнно, современные солдатики, по примѣру своихъ знаменитыхъ предшественниковъ, смѣло сомнутъ врага, или умрутъ подъ старыми георгиевскими знаменами; но реальной связи съ Кавказской войной они уже не имѣютъ. Другое дѣло—казаки. И прадѣдъ, и дѣдъ, и отецъ, и быть можетъ онъ самъ, принимали участіе въ повседневной, убійственной борьбѣ. Съ самыхъ пеленокъ онъ сроднился съ мыслью о боевой жизни и выше всякаго благополучія привыкъ ставить воинское отличіе, воинскую доблесть. Такъ и чувствуется, что казакъ здѣсь хозяинъ, здѣсь,—на землѣ, кровью отцовъ добытой.

Терская казачья семья сложилась не сразу. Выходцы, ушкуйники изъ рязанскаго еще княжества, волжское казачье войско, стрѣльцы, донцы, крестьяне, переселенцы, поселенные солдаты и малороссійскіе казаки. Вотъ изъ какихъ элементовъ складывалось подъ звуки

орудійныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ лихое терское войско. Не велико оно числомъ, всего 50 сотенъ, въ томъ числѣ 2 эскадрона¹⁾ и двѣ батареи, но это не мѣшаетъ имъ быть страшными для врага. Кавказскіе казаки—русскіе джигиты и по своимъ военнымъ качествамъ могутъ быть по справедливости поставлены во главѣ всѣхъ казачьихъ войскъ. Въ прошлую кампанію, не богатую кавалерійскими атаками (въ Европейской Турціи), терцы и кубанцы успѣли-таки показать себя и на Балканахъ удалыми рубаками. Преслѣдованіе непріятели послѣ взятія Ловчи выпало на долю кавказской казачьей бригады, искрошившей около четырехъ тысячъ турокъ. Въ Малой Азїи, конечно, казаки не разъ бросались въ шашки. Напримѣръ, 2-й Горско-Моздокскій полкъ отбилъ у турокъ на Аладжинскихъ высотахъ четыре орудія, а при Деве-Бойну—шесть. Кавказскіе казаки за вѣковую непрерывную службу и вознаграждены достойно. Какъ извѣстно, собственный Его Величества конвой состоитъ исключительно изъ терцевъ и кубанцевъ. Честь, которой каждый казакъ гордится.

Вокругъ Владикавказа раскинулось обширное военное поле, на которомъ 19-го сентября состоялся Высочайшій смотръ войскамъ. Кромѣ двухъ свободныхъ казачьихъ полковъ, двухъ сотенъ бравыхъ малолѣтокъ и пяти сотенъ горцевъ, передъ Государемъ здѣсь проходили, большая часть 2-го кавказскаго корпуса, полки 19-й, 20-й, (полки 20-й не въ полномъ составѣ) пѣхотныхъ дивизій и кавказской кавалерійской (Тверской полкъ не участвовалъ на смотре), а также артилерія. Были здѣсь и кавказскіе саперы. Я раньше уже замѣтилъ, что въ рядахъ регулярныхъ полковъ, понятно, не осталось уже старыхъ солдатъ-воjakъ. Однако, славныя преданія прошлого, передававшіяся постепенно изъ устъ солдатскихъ «дядекъ» ученикамъ-«племянникамъ», боевые офицеры, наконецъ, самыя мѣстныя условія, заставляющія держаться всегда на чеку, и до сихъ поръ вырабатываютъ незамѣнимый типъ кавказскаго солдата.

Кавказской кавалерійской гвардіей считается Нижегородскій драгунскій полкъ. Одно время этотъ полкъ былъ единственнымъ представителемъ регулярной кавалерїи на Кавказѣ. Въ ряды его стремились жаждавшіе сильныхъ ощущеній русскіе аристократы, грузинскіе князья и вообще отважная молодежь. Робкому челоуѣку, вахлаку, увальню, не было мѣста среди нижегородцевъ. Солдаты-драгуны при 20-тилѣтней службѣ, приростали къ коню и такъ сроднялись съ мыслью о неминуемой гибели на полѣ брани, что имъ было море по колѣно. Это были истые кавалеристы, гроза турокъ, гроза горцевъ. Тѣ и другіе терпѣть не могли атакъ крѣпко, какъ гигантскій кулакъ, сбитыхъ въ одно цѣлое черныхъ шайта-

¹⁾ Все казачье поселеніе Терской области около 165,000 обоего пола.

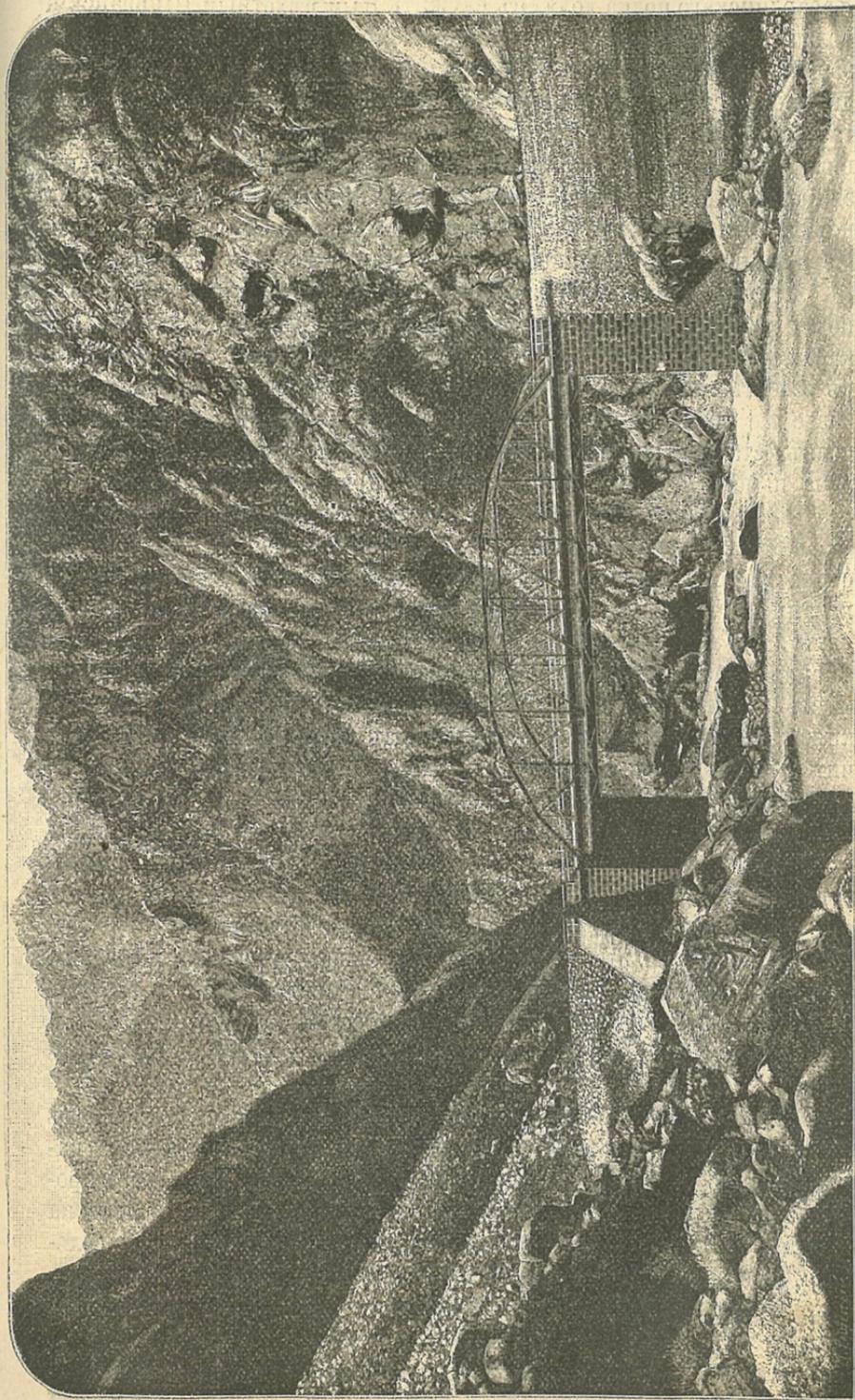
новъ. Ни горы, ни ружейные залпы, ни колючая щетина штыковъ, не пугали нижегородцевъ, и они, по знаку командира, очертя голову, бросались умирать. Рѣдѣль ихъ строй отъ пуль, поднимали всадниковъ на турецкіе штыки; но остатки вновь лѣзли на непріятеля и добивались успѣха. Случалось, что изъ строя выбывали всѣ офицеры, но это не сбивало съ толку драгунъ и одни нижніе чины насакаивали на непріятеля. Своими громкими подвигами нижегородцы заслужили полку всѣ существующіе боевые награды, «получать больше нечего».

Принявъ такое славное, но и отвѣтственное наслѣдство, современные нижегородцы считаютъ, конечно, себя обязанными поддерживать старую драгунскую славу. Кавказскіе казаки на Балканскомъ полуостровѣ показывали, какъ нужно рубить непріятеля. Кавказскіе ихъ товарищи—казаки же и драгуны также успѣли лихими атаками поддерживать старую славу кавказской кавалеріи. Нижегородцы подъ Карсомъ захватили 4 орудія и массу плѣнныхъ, а въ Аладжинскомъ дѣлѣ воскресли герои Кюрюкь-Дара и Бань-Кадыкь-Лара. 2-го октября 1877 года, на Аладжѣ отрядъ (эскадронъ нижегородцевъ, сотня 2-го Кизляро-Гребенскаго казачьяго полка и взводъ 3-го Дагестанскаго конно-пр. полка) нижегородца маіора Витте, наткнувшись внезапно на шесть турецкихъ баталіоновъ, не показалъ тыла, а кинулся на непріятеля. Витте желалъ пробиться по направленію къ Базарджику. Стремительный натискъ нашихъ всадниковъ ошеломилъ турокъ и принудилъ ихъ дать дорогу лихимъ кавалеристамъ. Но этимъ дѣло не кончилось. Нашъ отрядъ, отѣхавъ саженъ на триста отъ мѣста удалаго наскока, очутился передъ глубокимъ скалистымъ оврагомъ... Маіоръ Витте не потерялся и, полагаясь на своихъ храбрыхъ товарищей, вновь врѣзался въ турецкіе ряды и шашками очистилъ обратный путь. Въ этомъ блестящемъ дѣлѣ мы потеряли 28 человекъ (включая одного офицера) убитыми и 28 ранеными.

Въ послѣднюю кампанію на груди нѣсколькихъ нижегородцевъ-офицеровъ красиво заблѣли георгіевскіе кресты. Конечно, и другіе драгунскіе полки не уступаютъ, вѣроятно, въ лихости нижегородцамъ, но капризная судьба такъ уже благоволитъ къ нимъ, что и до сихъ поръ полкъ этотъ внушаетъ какое-то особое обаяніе и вѣру въ блестящее боевое будущее.

Среди представлявшихся на смотру Государю пѣхотныхъ полковъ особенной славой пользуется, какъ извѣстно, Кабардинскій полкъ. 19-я, а главнымъ образомъ 20-я дивизія, много пролила крови на лѣсистыхъ предгорьяхъ Кавказскаго хребта. Всѣмъ имъ на долю выпадало не мало разъ отличиться; но опять-таки судьба особенно благопріятствовала Кабардинскому полку.

Интересный эпизодъ произошелъ съ наименованіемъ полка. Собственно законнымъ и безраздѣльнымъ наслѣдникомъ старого

Мостъ въ Дарьяльскомъ ущельи.

Кабардинскаго полка долженъ служить 84-й пѣхотный Ширванскій полкъ. Въ 1818 году, генераль Ермоловъ самовольно переименовалъ бывший Кабардинскій въ Ширванскій, Казанскій полкъ въ Кабардинскій, а старый Ширванскій въ Казанскій. Соотвѣтственно перетасованнымъ именамъ переданы были «знамена»; такъ что казанцы вмѣстѣ съ именемъ кабардинцевъ получили внезапно мальтійскіе знамена, а свои сдали вмѣстѣ съ именемъ старому Ширванскому полку. Вся путаница эта была произведена потому, что Алексѣй Петровичъ не хотѣлъ переводить штабъ-квартиру дорогого ему «Х легіона» (какъ онъ называлъ кабардинцевъ) изъ Закавказья по ту сторону хребта. По присланной изъ Петербурга дислокаціи кабардинцы должны были перейти въ нынѣшнюю Терскую область, въ замѣнъ отзываемаго въ Россію Казанскаго полка; въ Закавказье же двинуть былъ изъ внутреннихъ губерній Ширванскій полкъ (старый), который, какъ оказалось, получилъ казанскія знамена и подъ именемъ Казанскаго полка вернулся обратно въ Россію въ кадровомъ составѣ. Прискорбная игра въ имена, а главнымъ образомъ игра въ знамена, въ свое время тяжело отразилась въ сердцахъ современныхъ Ермолову кабардинцевъ, ширванцевъ и казанцевъ. Всякому было дорого свое, кровью прожитое... Семьдесятъ лѣтъ большой срокъ, и за это время бывшіе казанцы подъ именемъ кабардинцевъ успѣли завоевать себѣ одно изъ почетныхъ мѣстъ среди кавказской арміи. Со времени командованія полкомъ князя Барятинскаго, кабардинцы опять входятъ въ моду; «получить» этотъ полкъ считается и теперь особымъ отличіемъ.

Смотрѣ, какъ и надо было полагать, сошелъ блестящимъ образомъ. Кавказцы и на церемониальномъ маршѣ не ударили лицомъ въ грязь. Туземные наѣздники, не вошедшіе въ составъ, участвовавшихъ въ смотрѣ, пяти горскихъ сотенъ, не могли удержаться отъ соблазна поджигитовать передъ Ихъ Величествами. По дорогѣ изъ города на полигонъ цѣлыя сотни горцевъ гарцевали подлѣ высочайшаго экипажа, стараясь обратить на себя вниманіе ловкостью и удалствомъ. Правда, они подняли страшную пыль, но жалко было бы лишить ихъ удовольствія по своему чествовать высокихъ гостей.

Вечеромъ я отправился въ городской садъ, гдѣ устроенъ былъ «вечерній чай». Весь городъ горѣлъ огнями. Маленькіе казачки съ особо приспособленными гирляндами фонарей шустро пробирались среди веселой толпы. Конечно, все населеніе было на улицѣ и вполнѣ отдавалось невиданному для нихъ зрѣлищу большой иллюминаціи. Въ садовой ротондѣ собралось все чиновное владикавказское общество съ ихъ семьями. Отдѣльную группу составляли туземки въ національныхъ костюмахъ. Въ саду, въ ожиданіи Высочайшаго пріѣзда, вытянулись живыми шпалерами ученики и ученицы мѣстныхъ гимназій. У первыхъ свой оркестръ воспитан-

никовъ и хоръ пѣвчихъ. Вотъ слышались изъ сада звуки оркестра сначала гимназическаго, а потомъ струннаго казачьяго и въ дверяхъ показались Ихъ Величества. Оркестръ офицеровъ, новиковъ-любителей, заигралъ гимнъ. Августѣйшіе гости прошли по всѣмъ заламъ ротонды и, напившись чаю, вышли на балконъ. Темное, южное небо внезапно прорѣзалось цѣлымъ снопомъ огненныхъ линій, разсыпавшихся тысячами разноцвѣтныхъ огней. На берегу шумѣвшаго вдали Терека артиллеристы снарядили замѣчательный фейерверкъ.

Послѣ вечерняго чая, въ городскомъ саду, офицеры Кавказской кавалерійской дивизіи устроили въ лагерѣ на полигонѣ ужинъ. Наслѣдникъ Цесаревичъ и великій князь Георгій Александровичъ приняли радушно приглашеніе и отправились отвѣдать драгунскаго хлѣба-соли.

Распорядители не гнались за гастрономическими диковинками, а устроили обыкновенный кавказскій офицерскій ужинъ, приправленный не шампанскимъ или другими какими-нибудь французскими или испанскими винами, а единственно добрымъ кахетинскимъ. Въ этой простотѣ была особая прелесть и вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразный шикъ. Драгунскіе трубачи и лихіе пѣсенники чередовались съ тостами и взрывами ракетъ. Въ Грузіи существуетъ обычай привѣтствовать тостъ пѣніемъ застольной пѣсни. Обычай этотъ вмѣстѣ съ поступавшими на службу грузинами укрѣпился и въ нѣкоторыхъ полкахъ. И въ вечеръ 19-го сентября среди молодежи офицерства слышалась грузинская здравица, сначала тихо, а затѣмъ она все больше росла и крѣпла.

Безхитростное пѣніе это очень шло ко всей патріархальной обстановкѣ кавказскаго пиршества.

Къ слову о кавказскихъ угощеніяхъ. Кавказское гостепримство такъ неотразимо, что самые суровые пріѣзжіе генералы и другіе сановники не могли не поддаться общему заразительному веселью. Мнѣ пришлось видѣть въ одномъ закавказскомъ городѣ сѣдовласаго петербуржца, двигавшагося по срединѣ улицы на вокзалъ съ цѣлой процессіей провожавшихъ. Впереди шель мѣстный оркестръ и тулумбасилъ нѣчто въ родѣ марша. Вѣдь не роскошью же угощенія или ораторскимъ краснорѣчіемъ кавказцы берутъ верхъ даже надъ мало-сговорчивыми пріѣзжими. У грузина, армянина, а за ними и у русскаго-кавказца, такое уже непоколебимое убѣжденіе въ необходимости угощенія, что оно невольно передается приглашаемымъ и чествуемымъ.

Послѣ ужина, все офицерство бросилось къ лошадямъ и моментально вокругъ экипажа Цесаревича образовалась громадная кавалькада. До города было довольно далеко, иллюминація въ лагерѣ погасла, и огромное поле въ черную ночь казалось чѣмъ-то необычайнымъ.

Передъ экипажемъ Цесаревича появилась цѣлая цѣпь пылающихъ факеловъ въ рукахъ у верховыхъ драгунъ. Въ хвостѣ офицерскаго эскорта скромно подвигались фаэтоны съ разѣзжавшимися гостями. Оригинальный поѣздъ умчался, пѣсенники разошлись, замолкла музыка, погасли послѣдніе огни и ничто не напоминало о недавнемъ веселомъ собраніи, которому врядъ ли въ томъ же составѣ и при той же обстановкѣ, придется когда-либо повториться... Для восточныхъ людей немислимо, чтобы высшее начальство и высокопоставленные лица ѣздили безъ конвоя. Эскортъ этотъ играетъ роль не охраны, а придаетъ необходимую по ихъ понятію пышность. Нужно было видѣть съ какимъ рвеніемъ неслись горекіе милиціонеры и терскіе казаки впереди и за экипажемъ Императрицы, ѣздившей 20-го сентября съ двумя Августѣйшими сыновьями взглянуть на военно-грузинскую дорогу вплоть до станціи Казбекъ; въ особенности эффектно было возвращеніе. Наступили уже сумерки и потому въ конвоѣ засвѣтились факелы. Горожане и поселяне, собравшіеся на вечерній народный праздникъ, густой толпой съ криками «ура» привѣтствовали Государыню и Царевича. Огненная полоса, охватывавшая поѣздъ, капризно извивалась вверхъ по пути къ Красной площади. Впереди развѣвался громадный значекъ, около котораго группировались милиціонеры; за императорскимъ экипажемъ скачутъ терцы и откуда-то взявшіеся драгуны. Грандіозные силуэты горъ постепенно расплываются въ ночной темнотѣ, а Красная площадь загорается разноцвѣтными огнями. Гремятъ полковые оркестры и гудитъ веселящійся народъ. Послѣ этого блеска, шума и ликованій, черезъ какихъ-нибудь нѣсколько часовъ Высокіе посѣтители оставили Владикавказъ и по желѣзной дорогѣ направились въ Кубанскую область, въ Екатеринодаръ.

Въ теченіе четырехдневнаго праздника безоблачное небо вдругъ нахмурилось, по вагонамъ отходящаго поѣзда забарабанилъ частый дождь. Опустѣлъ Владикавказъ. Центръ тяжести перенесся въ Екатеринодаръ. Давно ли это было, а не мало перемѣнъ произошло съ войсками и лицами привѣтствовавшими Государя во Владикавказѣ. 19-я пѣхотная дивизія покинула Кавказъ и передвинулась къ нашей западной границѣ. Управление 2-го кавказскаго корпуса упразднено, умеръ и самъ бывший корпусный командиръ, генералъ Цеге-фонъ-Мантейфель, умеръ и начальникъ Терской области генералъ Смекаловъ.

II.

Кубанская область.—Черноморское казачье войско.—Екатеринодарь.—Врученіе Наслѣднику Цесаревичу войсковой булавы.—Слова Государя Императора казакамъ.—Смотръ Кубанскому войску.—Отъѣздъ въ Новороссійскъ.—Западное побережье Кавказа.—Исторіи русскихъ поселеній.—Новый Афонъ.—Батумъ.—Цихидзирь.—Дорога отъ Батума въ Тифлисъ.

До 1832 года, на такъ называемой кавказской линіи, существовало нѣсколько разрозненныхъ казачьихъ войскъ и отдѣльныхъ полковъ. Въ этомъ 1832 году ихъ собрали и объединили въ одно кавказское линейное войско. Тридцать лѣтъ боевого товарищества сроднили отдѣльныя части въ одно крѣпкое цѣлое. Князь Барятинскій наложилъ руку на линію и разбилъ ее на двѣ части. Восточная полоса образовала терское войско, а западная, присоединившись къ черноморцамъ, вылилась въ новое кубанское войско. Въ кубанскую область вошла огромная полоса сѣверо-западнаго Кавказа, всего 8.636,810 десятинъ. Богатыя земельныя угодія привлекли сюда массу поселенцевъ и въ настоящее время населеніе области превосходитъ 1.250,000 человекъ, изъ которыхъ лишь половина приходится собственно на казачье сословіе. Кубанское войско выставляетъ (вмѣстѣ съ льготными) 182 сотни, 2 эскадрона, 12 пластунскихъ баталіоновъ и 5 батарей—всего около 50,000 человекъ. Прикубанскій черноземъ снабжаетъ край въ изобиліи хлѣбомъ и пастбищами. Напримѣръ, по свѣдѣніямъ 1886 года, урожай превышалъ 48 сѣкл. пуд. зерна. На кубанскихъ пастбищахъ ходило болѣе 11,666,000 штукъ рогатаго скота и лошадей.

Область богатая и съ проведеніемъ новороссійской вѣтви обѣщающая сильно развиться.

Ядро войска составляютъ потомки славныхъ запорожцевъ, переселившихся въ 1792 году изъ Новороссіи въ Тамань и «ея окрестности!» Подъ скромнымъ именемъ «окрестностей», которыя исходатайствовали себѣ въ даръ казаки, подразумѣвалась территорія въ тридцать разъ превышавшая площадь Таманскаго полуострова. Новому черноморскому войску приходилось стеречь границу по нижнему теченію Кубани отъ вторженія черкесовъ. По болотамъ и зарослямъ прятались казачьи «залогі», выслѣживая непріятели. По всей границѣ виднѣлись сторожевыя вышки казачьихъ постовъ и пикетовъ. Семьдесятъ два года тянулось утомительно-губительное, напряженное положеніе. Однако, сравнительно съ линейными казаками, черноморцамъ приходилось все-таки свободнѣе дышать, такъ какъ непріятелю они подставляли относительно меньшую полосу поселковъ; главная же масса хуторовъ уходила дальше въ глубь края. Черноморское войско, до преобразованій начала шестидесятыхъ годовъ, жило особою, замкнутой жизнью. Регуляр-

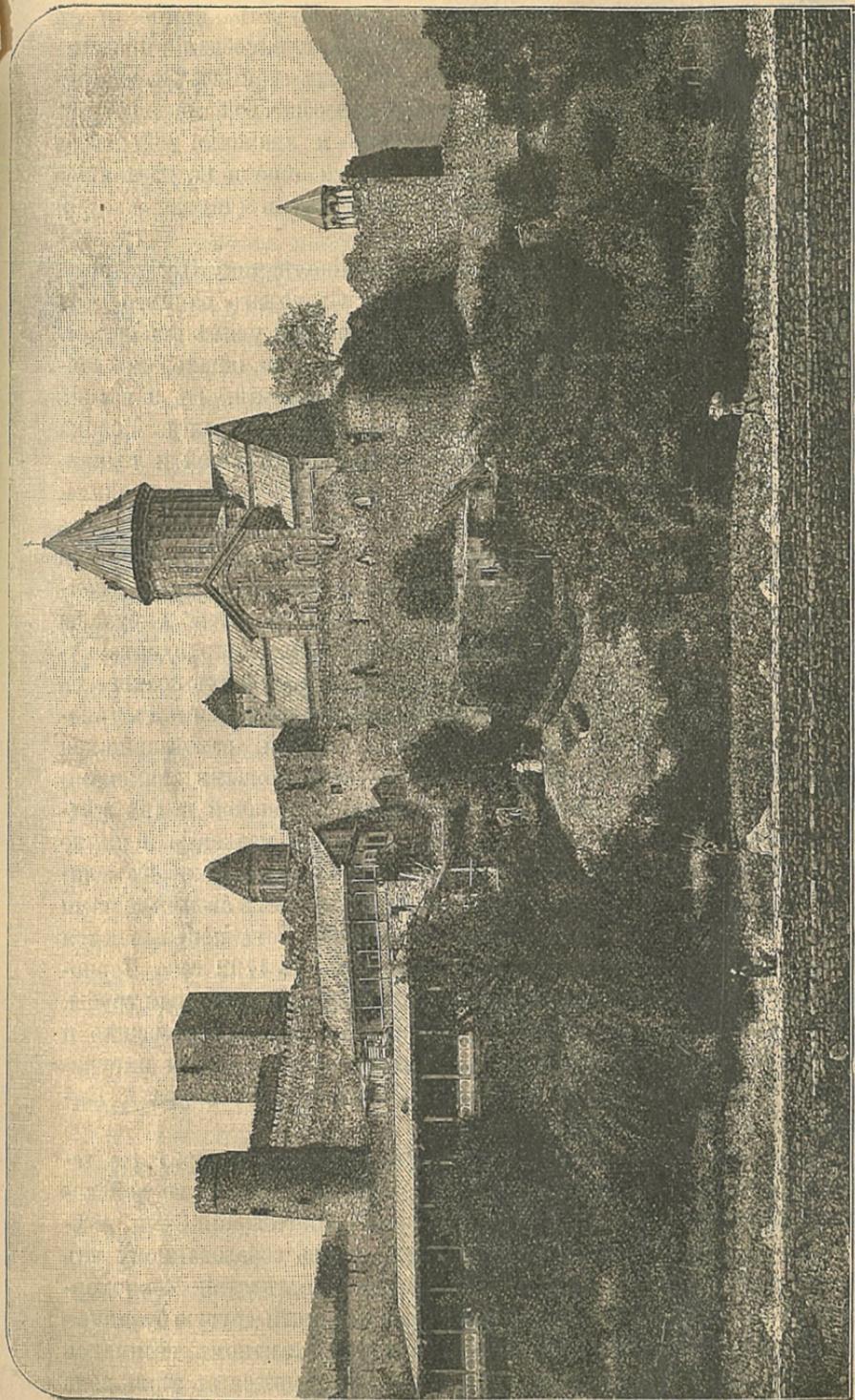
ныя войска рѣдко, лишь для большихъ экспедицій, появлялись въ Черноморѣ. Приходилось самимъ заботиться о своей безопасности и выработать свою артилерію, а главнымъ образомъ, пѣхоту. Послѣдствіемъ этихъ особыхъ условий и появились, пользующіеся европейскою популярностію, цастуны. Что касается наѣздничества, то въ этомъ отношеніи черноморцы, прикованные къ постамамъ и не поощряемые въ этомъ направленіи, поотстали отъ линейцевъ. Теперь, при однообразныхъ требованіяхъ, эта отрасль, конечно, одинаково поставлена во всемъ войскѣ.

Въ 1794 году «ради войсковой резиденціи» на топкомъ берегу Кубани, среди лѣсовъ и болотъ, учреждень городъ Екатеринодаръ. Нельзя сказать, чтобы за свое почти вѣковое существованіе городъ особенно разросся. Малороссъ не любитъ городской жизни и охотнѣе сидитъ «на хуторѣ»; не любитъ онъ также заниматься торговлей и фабричнымъ дѣломъ; а потому и главный городъ громадной области, за исключеніемъ казенныхъ зданій, представлялъ собою лишь обширную станицу, на улицѣ которой совершенно свободно можно было утонуть въ грязи. Собственно правильное устройство города слѣдуетъ отнести къ недавнему времени—къ 1868 году. Съ этого времени Екатеринодаръ началъ богатѣть и охорашиваться. Планировка города напоминаетъ Васильевскій островъ, тѣ же правильные четверугольники и широкія улицы. Заблудиться нельзя. Фруктовые сады и році растяннулись особнякомъ, по берегу притока Кубани, рѣки Коросуна, глубоко врѣзывающагося за городскую черту.

Въ настоящее время въ городѣ насчитываютъ около 40 тысячъ жителей. Желѣзная дорога, облегчивъ сообщеніе съ городомъ, въ то же время можетъ лишить Екатеринодаръ значенія складочнаго пункта, путемъ передвиженія грузовъ непосредственно въ Новороссійскъ.

Въ Екатеринодарѣ одна изъ болѣе древнихъ нашихъ гимназій. Странное дѣло: въ такихъ городахъ, какъ Новочеркасскъ, Владикавказъ, Екатеринодаръ и Тифлисъ, въ городахъ въ былое время съ русскимъ почти исключительно воинскимъ населеніемъ, существовали классическія гимназіи, а и помину не было о кадетскихъ корпусахъ. Въ концѣ прошлаго царствованія, возникло давно-желанное военно-учебное заведеніе въ Тифлисѣ; недавно основанъ Донской корпусъ, а теперь очередь и за Терско-Кубанскимъ.

Въ Екатеринодарѣ я приѣхалъ уже послѣ высочайшаго вѣзда и не могъ полюбоваться встрѣчей. Ихъ Величества помѣстились на Красной улицѣ въ небольшомъ частномъ домикѣ, обыкновенно занимаемомъ начальникомъ области. Послѣ владикавказскаго роскошнаго «дворца» съ хорошимъ садомъ и чуднымъ видомъ на бѣлѣющуюся попораму горъ, екатеринодарскій домикъ выглядывалъ совсѣмъ скромненькимъ и маленькимъ помѣщеніемъ,

Древняя церковь Анагуръ.

Старые запорожцы, переселившись на Кубань, принесли съ собой сѣчевые порядки, «войсковой кругъ», т. е. собраніе представителей отъ прежнихъ куреней, теперешнихъ станицъ. Въ настоящее столѣтіе «войсковое правительство» и, вообще, войсковое устройство подверглись большимъ измѣненіямъ и значеніе войскового круга утратилось. Однако, онъ созывается еще и по настоящее время въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ (также, какъ и въ Новочеркасскѣ).

По поводу врученія войсковой булавы Наслѣднику Цесаревичу, кругъ назначенъ былъ на 22-е сентября. Съ самага ранняго утра весь городъ былъ на ногахъ. По главной Красной улицѣ отъ областного правленія вплоть до собора поставлены были шпалерами войска и воспитанники мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Въ 9 часовъ утра, колокольный звонъ возвѣстилъ о выносѣ регалій. Войска взяли на караулъ, музыка заиграла гимнъ. Шумѣвшая и толкавшаяся по тротуарамъ сплошная масса народа, мгновенно примолкла, обнажила головы и съ благоговѣніемъ наблюдала за движеніемъ процессіи. Шествіе открыли урядники съ двѣнадцатью старинными куренными значками; за ними станичные депутаты несли восемнадцать мѣдныхъ куренныхъ перначей (всѣ перначи и булавы принадлежали прежде Запорожскому войску) и четырнадцать куренныхъ булавъ. Потомъ двигался цѣлый лѣсъ старыхъ полковыхъ знаменъ; длинный рядъ изъ семидесяти восьми заслуженныхъ урядниковъ осѣненъ былъ остатками этихъ хоругвей, развѣвавшихся когда-то надъ боевыми полками. Вслѣдъ за полковыми знаменами отставные офицеры несли пять серебряныхъ перначей и двѣ мѣдныя вызолоченныя булавы. Длинная процессія медленно и чинно подвигается къ собору; торжественный колокольный звонъ сливается съ звуками музыки. Яркое солнце обливаетъ своими лучами рѣдкое по красотѣ и оригинальности шествіе. Вотъ показываются девять войсковыхъ знаменъ, пожалованныхъ съ 1792 года Черноморскому войску, впереди нихъ несутъ войсковыя серебряныя трубы. За знаменами группа офицеровъ-ветерановъ окружила бережно и благоговѣйно охраняемые войсковые документы: грамоты императрицы Екатерины II, императоровъ Павла I, Александра I, Николая I и Александра II.

Тутъ же идетъ кубанскій наказный атаманъ, генераль-лейтенантъ Леоновъ, въ рукѣ у него серебряная съ позолотою войсковая запорожская булава, переданная послѣ уничтоженія Сѣчи, вмѣстѣ съ другими булавами и перначами, вновь образованному изъ запорожцевъ «войску вѣрныхъ казаковъ» (впослѣдствіи Черноморскому). Впереди атамана два штабъ-офицера несли другую булаву—желѣзную съ золотою насѣчкою. Вслѣдъ за атаманомъ тѣснились всѣ кубанскіе генералы и офицеры, не находившіеся въ этотъ день въ строю. Процессію конвоировалъ пѣшій отрядъ казаковъ съ вой-

сковымъ хоромъ музыки во главѣ. На встрѣчу войсковыхъ регалій, при радостномъ благовѣстѣ, изъ собора выступилъ церковный ходъ. За крестомъ, хоругвями, пѣвчими и бѣлымъ духовенствомъ, слѣдовали три архимандрита и Екатеринодарскій епископъ Владиміръ.

Много легло на бранномъ полѣ казаковъ—запорожцевъ, черноморцевъ, кубанцевъ—за крестъ святой, за вѣру православную. Вся долгодѣтельная исторія нашего единственнаго рыцарскаго ордена (Сѣчи) наполнена непрестанною борьбою съ мусульманами и католиками. На Кавказѣ продолжалась все та же старая, кровавая борьба съ полумѣсяцемъ. Казаки отстаивали православіе; православіе же сберегало ихъ русскую національность. Внутренній смыслъ обоюднаго единенія придаетъ особенно трогательный характеръ этому встрѣчному движенію двухъ процессій... Станичные атаманы и депутаты образовали большой кругъ около церковнаго намета, поставленнаго на срединѣ соборной площади. Въ этотъ кругъ и размѣстились всѣ регаліи, генералы и офицеры Кубанскаго войска.

Вскорѣ пріѣхали Ихъ Величества и Наслѣдникъ Цесаревичъ съ августѣйшимъ братомъ. Склонились знамена передъ императоромъ и площадь огласилась кликами привѣтствія. Послѣ молебна наказный атаманъ передалъ войсковую булаву князю Дондукову-Корсакову (по званію атамана кавказскихъ казачьихъ войскъ), а онъ въ свою очередь поднесъ ее Государю Императору. Его Величество поцѣловалъ Цесаревича и вручилъ булаву ему, какъ атаману всѣхъ казачьихъ войскъ. Августѣйшаго казака тотчасъ же окружили войсковые перначи и булавы. Государь обратился къ войсковому кругу съ слѣдующими словами:

«Я счастливъ, кубанцы, что вмѣстѣ съ Императрицей и Наслѣдникомъ пріѣхалъ къ вамъ. Мнѣ это было желательно давно и наконецъ удалось. Я увѣренъ, что вы будете служить и отечеству, и своимъ царямъ, какъ служили прежде; а молодежь кубанская такъ же храбро и честно, какъ и старики».

Ихъ Величества уѣхали, а громкое, казацкое «ура» продолжало еще перекатываться по площади въ отвѣтъ на царское ласковое слово.

Колокольный звонъ всѣхъ екатеринодарскихъ церквей вновь возвѣстилъ объ обратномъ шествіи процессіи съ регаліями. Пышность процессіи увеличилась еще участіемъ въ ней Цесаревича, шедшаго съ войсковою булавою за войсковыми регаліями.

На утро послѣ знаменательнаго дня, закончившагося большимъ народнымъ гуляньемъ съ иллюминаціей и фейерверкомъ, казакамъ предстоялъ смотръ. Особенный интересъ представлялъ этотъ парадъ въ томъ отношеніи, что войска, за исключеніемъ одного мѣстнаго баталіона, исключительно состояли изъ кубанскихъ казаковъ и при томъ главнымъ образомъ льготныхъ, явившихся прямо, такъ сказать, отъ плуга, изъ хуторовъ и станицъ. Всего собралось 3 пластунскихъ баталіона, гвардейскій конвойный эскадронъ (льготный),

32 сотни и 3 батареи. Малолѣтки и подростки входили въ составъ этого отряда. Предполагалось вначалѣ собрать лишь четыреста человѣкъ дѣтей, но явилось столько, домогавшихся въ строю показаться Государю, что пришлось принять шестьсотъ человѣкъ. Они образовали особый «сборный полкъ» и батарею. На церемониальномъ маршѣ во главѣ казачества ѣхалъ Цесаревичъ въ казачьей конвойной формѣ съ атаманской булавой. Самый придирчивый критикъ не могъ бы не отдать должнаго уваженія молодцамъ казакамъ, военная выправка которыхъ и движеніе въ пѣшемъ и конномъ строю нисколько не пострадали отъ нахожденія на льготѣ. Бѣлый полкъ подростковъ, лихо проходившихъ церемониальнымъ маршемъ, а также и ихъ батарея, приковали общее вниманіе. Оказывается, дѣти рвались на ученя, начавшіяся за двѣ недѣли до Высочайшаго пріѣзда и успѣли дѣйствительно достигнуть блестящихъ результатовъ.

Показатель этотъ чрезвычайно важенъ въ томъ отношеніи, что, значить, при желаніи, и въ замиренномъ уже Кавказѣ можно поддерживать казачью лихость и наѣздничество, воспитывая сообразно этому молодежь, склонную и безъ того къ военному дѣлу.

Казачество наше сильно боевымъ духомъ и всегда готово храбро и умѣло схватиться съ открытымъ врагомъ Россіи. Не въ чести у казаковъ коммерческое и фабричное дѣло. Оно какъ-то и не «пристало» къ казаку, да и не по силамъ. Нельзя сказать, чтобы казакъ не жаждалъ благосостоянія и даже обогащенія; нѣтъ, онъ не прочь отъ житейскихъ выгодъ, но зачастую по непредпріимчивости пропускаетъ плывущее ему въ руки золото. Впрочемъ, это обще-россійская черта отдавать себя въ коммерческую и фабричную кабалу иностраннымъ предпринимателямъ.

Прошла по Кубанской области желѣзная дорога, уперлась въ черноморскій же портъ.

Обороты Новороссійска обѣщаютъ громадныя выгоды, но кому? Конечно, ни русскимъ вообще, ни кубанскимъ въ частности, а еврейскимъ, греческимъ, армянскимъ и другимъ фирмамъ, ничего общаго съ Россіей не имѣющимъ...

23-го сентября, Царская семья оставила Екатеринодаръ. Дальнѣйшій путь лежалъ на Новороссійскъ, Батумъ, Тифлисъ.

Въ сумеркахъ я пріѣхалъ въ Новороссійскъ. Поѣздъ подошелъ прямо къ порту. Въ сторонѣ виднѣлся городъ, но времени не было его осмотрѣть, нужно было спѣшить на пароходъ «Эрикликъ». Въ красивой бухтѣ замѣтно большое оживленіе; предпринимаются громадныя работы по устройству порта, которому обѣщаютъ богатую будущность ¹⁾.

¹⁾ Съ 1 января по 16 іюля 1888 г. вывезено за границу 8,075 п. хлѣба.
 > > > > > 1889 > > > 7,836,002 > >
 > > > > > 1890 > > > 18,074,027 > >

Вечерній мракъ все болѣе и болѣе сгущался. Одинъ за другимъ начали вспыхивать огоньки иллюминаціи и скоро берегъ живописно убрался огненными цѣпями и гирляндами. «Эрикликъ» отвалилъ и при благопріятнѣйшей погодѣ сталъ выбираться въ открытое море.

Размѣстившійся амфитеатромъ Новороссійскъ долго еще видѣлся въ уходящей дали, привѣтливо сверкая огнями, точно заботливый хозяинъ въ темную ночь вышелъ съ фонаремъ провожать уѣзжающихъ гостей.

Съ каждой минутой мы все болѣе и болѣе удалялись отъ степримнаго казачьяго Кавказа. Здѣсь, т. е. у казаковъ, русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ. По всему видно, что край нашъ и мы крѣпко и непоколебимо въ немъ сидимъ, благодаря казачьимъ колоніямъ. Жаль, что кавказское казачье войско разрознено. Какъ бы хотѣлось видѣть всѣхъ кавказскихъ казаковъ подъ сѣнью общаго войскового Терско-кубанскаго знамени, подъ начальствомъ одного общаго управленія...

Покидая сѣверный русскій Кавказъ, приходилось переѣзжать въ Закавказье, гдѣ къ большому сожалѣнію русскій элементъ еще до сихъ поръ не великъ; гдѣ невольно чувствуешь себя не дома, а въ гостяхъ.

Помимо городовъ, если и встрѣчаются русскіе поселки, то они исключительно заселены сосланными сектантами. Переселеніе же лишь только намѣчается, и не видно, что бы кто-нибудь особенно и старался о распространеніи здѣсь чисто русскихъ поселеній. Въ этой окраинѣ нѣмцы, кажется, крѣпче насъ усѣлись на богатой землѣ...

Западное побережье Кавказа, какъ извѣстно, лишь съ 1829 года, послѣ первой Николаевской турецкой войны, вошло въ составъ русскихъ владѣній. Въ концѣ прошлаго столѣтія, подъ Анапой сложено не мало русскихъ костей. Неудачныя дѣйствія отряда Текелли, гибельный походъ несчастнаго генерала Бибикова, были заглажены генераломъ Гудовичемъ, который до основанія раззорилъ эту крѣпость.

Въ тридцатыхъ годахъ на югъ отъ Анапы возведена была цѣлая цѣпь маленькихъ русскихъ укрѣпленій.

Трудно было устраивать эти поселки, но еще труднѣе было ихъ удержать за собою. Сообщеніе поддерживалось лишь моремъ и зачастую бѣдные заброшенные на чужбинѣ гарнизоны, по мѣсяцамъ отрѣзаны были отъ всего міра, исключая забившихся въ недоступныхъ ущельяхъ дикихъ убуховъ, шапсуговъ и абадзеховъ. Туземцы не могли помириться съ новыми пришельцами, имъ болѣе по душѣ приходилось турецкое безвластіе и они не упустили случая нанести, какой лишь возможно, вредъ русскимъ.

Особенно яростно бросились они на насъ въ 1840 году и отъ ихъ пуль и кинжаловъ погибло нѣсколько нашихъ гарнизоновъ.

Укрѣпленіе Михайловское съ знаменитыми своими героями, Лико и Архимомъ Осиповымъ, еще разъ доказало, что истинные русскіе предпочитаютъ смерть постыдной сдачѣ. Абинская крѣпостца показала, какъ небольшое укрѣпленіе, благодаря доблестному гарнизону, можетъ успѣшно бороться и съ большими, но неустроеными непріятельскими силами.

Такимъ образомъ, первыя попытки наши устроить поселенія не увѣнчались успѣхомъ. Прошло пятьдесятъ лѣтъ. Въ горахъ уже нѣтъ почти нашихъ недоброжелателей; послѣ крымской и послѣдней восточной войны они переселились въ Турцію. Теплый климатъ, роскошная растительность и близость моря, казалось бы, должны были привлечь сюда русскихъ поселенцевъ и русскіе капиталы. Увы, мѣстныя лихорадки, бездорожье, а главное отсутствіе все той же предприимчивости, гибельно отзываются на этомъ, когда-то въ древности, цвѣтущемъ краѣ, и побережье пустоеть.

Есть впрочемъ и здѣсь счастливыя исключенія. Такъ, въ Абхазіи, близъ Сухума, за два года до послѣдней войны русскіе аѳонскіе монахи приступили къ устройству обители, надѣясь распространять среди туземцевъ ученіе Христа. Война сопровождалась кровавымъ возстаніемъ. Сухумъ обратился въ развалины. Возникавшій ново-аѳонскій монастырь постигла та же участь. Однако, монахи не упали духомъ и послѣ кампаніи вновь приступили къ работѣ.

Теперь на всемъ побережьи самое образцовое хозяйство это на Новомъ-Аѳонѣ. Обитель разрослась, украсилась и ежегодно привлекаетъ къ себѣ массу народа.

Сюда-то, въ обитель достойныхъ труженниковъ, направился пароходъ добровольнаго флота «Москва» подъ императорскимъ штандартомъ. «Эрикликъ» же, не останавливаясь, держалъ путь на Батумъ.

При тихой погодѣ переходъ по морю обратился въ прекрасную прогулку, и мы не безъ сожалѣнія разстались 25-го сентября въ Батумѣ съ пароходомъ и симпатичнымъ его капитаномъ.

Роскошной декорацией выступаетъ изъ синей морской воды Батумъ. Веселыя, зеленѣющія горы красиво гриппируются вокругъ порта. Всѣ суда на рейдѣ разцвѣтились разноцвѣтными флагами. Въ украшеніи улицъ и домовъ сказалась уже восточная фантазія. Городъ положительно окутанъ флагами, коврами, шальями, гирляндами зелени и цвѣтовъ.

Разнообразнѣйшее населеніе въ національныхъ костюмахъ толпится на набережной. Тутъ и гурійцы съ кокетливо повязанными на головѣ башлыками, въ красныхъ курткахъ съ широкими матерчатými поясами, за которые заткнуто оружіе; албанцы-греки въ бѣлыхъ юбочкахъ, трико и башмакахъ; турки въ красныхъ фескахъ и чалмахъ. Женскія группы въ чадрахъ. На пестрой

клубъ этихъ яркихъ костюмовъ, темной полосой выступаютъ черныя папахи, черныя бапшыки и черныя длиннополыя черкески имеретинь. Среди иноплеменной массы нѣтъ, нѣтъ, и промелькнетъ красная рубашка русскаго рабочаго, или мундиръ солдатика. Городъ вмѣстѣ съ пестрымъ подвижнымъ его населеніемъ жгуче освѣщенъ южнымъ солнцемъ. Вся эта восточная, непривычная для петербуржца, картина представляется какимъ-то театральнымъ зрѣлищемъ, балетнымъ спектаклемъ. Такъ и кажется, что вотъ, вотъ, взмахнетъ палочка капельмейстера, грянетъ оркестръ и вся эта веселая компанія примется выдѣлывать балетныя па...

Вдали показался императорскій штандартъ на «Москвѣ» и бухта вся задымилась. Грянулъ салютъ съ судовъ и береговыхъ батарей, мало замѣтныхъ съ моря. У пристани устроены красивый павильонъ, а отъ него тянется длинная, также для приѣзда устроенная, галерея, устланная богатыми восточными коврами и убранныя живыми растеніями и вѣтвями экзотическихъ деревьевъ изъ мѣстныхъ лѣсовъ. У павильона стоитъ почетный караулъ и размѣстились разнообразныя депутаціи.

Какъ ни быстро растетъ Батумъ, а все-таки это еще очень небольшой городокъ, съ незначительными маленькими домиками, довольно привѣтливо выглядывающими на узкія улицы.

Русское поселеніе незначительно и торговля, конечно, не въ нашихъ рукахъ. Въ виду же незамѣнимаго положенія западнаго портоваго города для всего Закавказья, торговымъ оборотамъ Батума предстоитъ расти и расти. Климатическія условія даютъ право Батуму сдѣлаться санитарной зимней станціей. Однако, въ настоящее время, пока не осушена почва вокругъ города и не принято рѣшительныхъ мѣръ къ оздоровленію мѣстности, въ высшей степени рисковано здѣсь поселяться больнымъ. Обычнымъ кавказскимъ бичемъ является губительная лихорадка, которая сильно скашиваетъ людей, не акклиматизировавшихся и непривычныхъ къ анти-лихорадочному режиму жизни. Наши солдатики и рабочіе, набрасывающіеся на незрѣлые фрукты и любящіе часокъ другой поспать на травкѣ, страдаютъ ужасно отъ лихорадокъ.

Мнѣ не удалось долго задержаться въ Батумѣ; приходилось ѣхать въ Тифлисъ. Нужно самому проѣхать по участку Батумъ-Сурамъ, чтобы полюбоваться красотами развертывающейся панорамы. Военно-грузинская дорога, съ своими страшными скалами и пропастями, въ небо уходящими горами, съ бѣшенымъ Терекомъ, развалинами древнихъ замковъ, съ лѣпящимися надъ кручами бѣдными осетинскими саклями, поражаетъ своею грандіозностью. Спускаясь по высѣченному въ горныхъ громадахъ, издали едва замѣтному, шоссе невольно проникаешься чувствомъ особаго почтенія и удивленія къ грандіозному Кавказскому хребту.

Однако холодная природа, голый камень и чернѣющее дно глубокаго оврага не манить поселиться здѣсь. Дивная, но суровая картина... Между Батумомъ и Сурамомъ другая мѣстность. Горы тутъ точно моложе, ниже, одѣты роскошной растительностью и привѣтливо заываютъ въ таинственныя лѣсистыя ущелья и романическіе обрывы. Какъ бы хорошо было вонъ.. на той зеленѣющей покатости выстроить бѣленькій домикъ, разбить фруктовый садъ... Но поѣздъ уноситъ дальше и новая картина, еще болѣе роскошная, торопится закрыть приглянувшійся уголокъ.

Улыбающаяся Гурія и Имеретія много всосала въ свои нѣдра человеческой крови. Много охотниковъ было наложить руку на золотое руно красавицы Колхиды. Да вѣдь за тундры или за Сахару не стануть биться народы. Здѣсь же приманка была большая. Даже за послѣднее время также не разъ этотъ край слушалъ бряцаніе оружія. Въ Крымскую кампанію довольно удачно дѣйствовалъ здѣсь Омеръ-паша. Въ послѣднюю кампанію турки успѣли протянуть руку возставшимъ абхазцамъ. Движеніе нашего отряда подѣ начальствомъ генерала Оглобжіо къ бывшей турецкой приморской границѣ не увѣнчалось успѣхомъ. Столкновение произошло не далеко отъ Батума, при Цихидзири, гдѣ значительный турецкій отрядъ сильно укрѣпилъ свою позицію. Цихидзирскія высоты уже были знакомы русскимъ войскамъ по турецкой кампаніи 1829 года. Тогда нашъ отрядъ хотѣлъ также форсировать эту позицію, но потерпѣлъ неудачу. 11-го іюня 1877 года, атака русскаго отряда была отбита, а затѣмъ 12-го іюня турки сами бросились на насъ и, въ свою очередь, должны были съ большимъ урономъ отхлынуть отъ нашихъ на скорую руку устроенныхъ ложементовъ. Въ концѣ концовъ возможность новыхъ активныхъ попытокъ со стороны турокъ заставила насъ незамѣтно сняться съ позиціи и отступить... Спустя восемь мѣсяцевъ, 18 января, наканунѣ заключенія Санъ-Стефанскаго договора о перемиріи, мы дѣлаемъ новую попытку овладѣть злополучнымъ Цихидзири. На этотъ разъ, приріонскій, такъ называемый Кабулетскій, отрядъ опять потерпѣлъ неудачу и вновь долженъ былъ отступить. Однако мѣстная незадача блѣднѣла передъ общимъ побѣднымъ движеніемъ кавказскаго корпуса и неприступный Цихидзири принужденъ былъ, если не штыкомъ, то перомъ, къ сдачѣ. 21-го августа 1878 году русскія войска вступили въ Цихидзири и эта мѣстность вмѣстѣ съ батумскимъ округомъ вошла въ составъ русскихъ владѣній. Все это было такъ еще недавно, всѣмъ мѣстнымъ жителямъ такъ памятно, что по дорогѣ, въ вагонѣ, то и дѣло слышались рассказы объ этомъ турецкомъ Бельфорѣ, одиноко и гордо поднимавшемъ голову среди всеобщаго погрома турецкой арміи. Надо и врагамъ воздать должное.

Нашъ поѣздъ взгромоздился на Сурамекій перевалъ и плавно сползъ изъ Имеретіи въ Карталинію. Внизу шли работы по про-

ложенію извѣстнаго своимъ длиннымъ протяженіемъ Сурамскаго туннеля.

Въ ожиданіи Высочайшаго проїзда всѣ станціи желѣзной дороги украшены и оживлены прибывшимъ изъ окрестностей грузинскимъ населеніемъ. На станціи «Михайлово» особенно много собралось народу. Здѣсь Ихъ Величества по маршруту остановятся. Недалеко отъ станціи раскинутъ лагерь шести полковъ 38-й и 39-й дивизіи съ артилеріей и 1-й кавказской резервной дружины и части 1-го кубанскаго и горско-моздокскаго казачьихъ полковъ. Всѣ эти войска черезъ нѣсколько часовъ должны представиться на Высочайшій смотръ подъ командой генераль-лейтенанта фонъ-Шака. Генераль этотъ началъ службу въ прусскихъ войскахъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ другими нѣмецкими офицерами поступилъ въ Кабардинскій полкъ и долгой боевой службой успѣлъ заслужить репутацію боеваго генерала, украшеннаго двумя георгіевскими крестами.

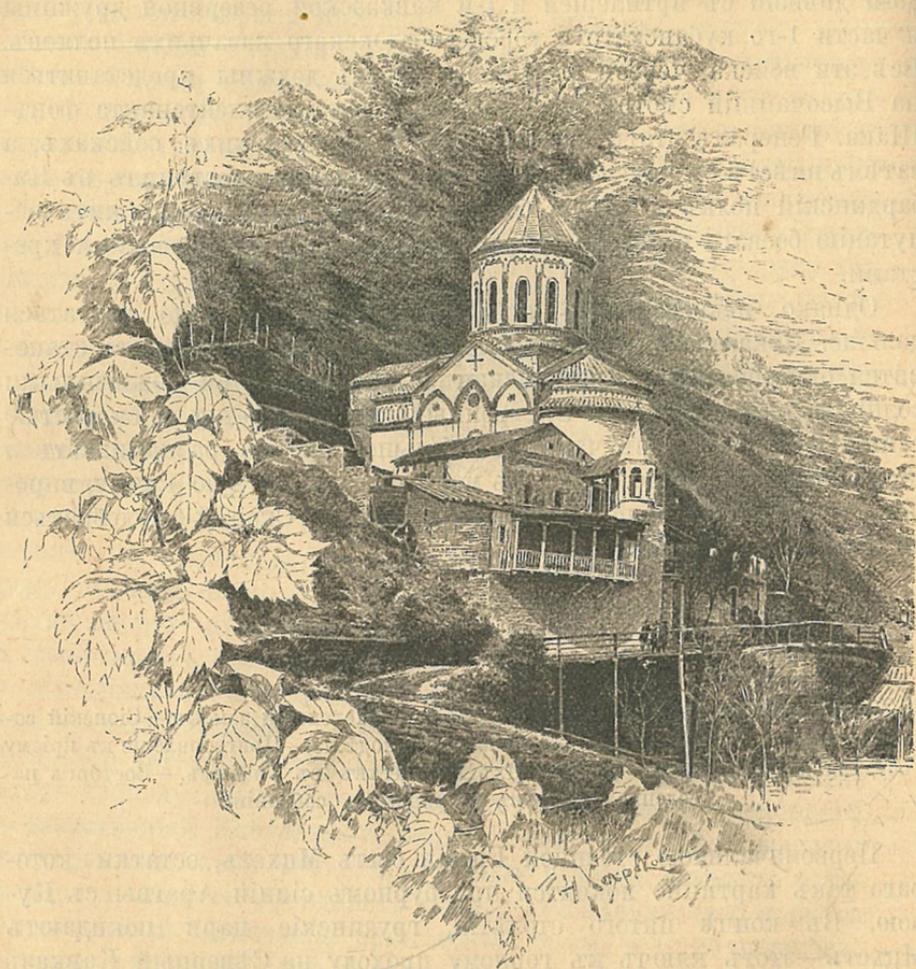
Однако, некогда было любоваться парадомъ, надо двигаться дальше. Показалась Кура, промелькнулъ Гори. Мѣстность становится однообразнѣе. Приріонская зелень смѣняется сожженными солнцемъ окрестностями. Экстренный поїздъ несется со скоростью семидесяти верстъ въ часъ и небольшой вагонъ раскачиваетъ и подбрасываетъ, точно лодку въ морѣ. На неприятную качку, впрочемъ, пассажиры мало обращаютъ вниманія. Скорѣй бы добраться до Тифлиса и отдохнуть.

III.

Тифлисъ.—Его исторія.—Церковь св. Давида.—Метехскій замокъ.—Сіонскій соборъ.—Грузинское дворянство.—Кавказское винодѣліе.—Приготовленіе къ приему Государя и Государыни.—Вѣздъ Ихъ Величествъ въ Тифлисъ.—Восторгъ населенія.—Балъ въ дворянскомъ собраніи.

Первоначальною столицей Грузіи былъ Мцхетъ, остатки котораго такъ картинно покоятся при бурномъ сіяніи Арагвы съ Курою. Въ концѣ пятого столѣтія, грузинскіе цари покидаютъ Мцхетъ—этотъ ключъ къ горному проходу на Сѣверный Кавказъ и переселяются къ самой армянской границѣ въ Тифлисъ. Время перенесенія царской резиденціи почти совпадаетъ съ воцареніемъ въ Грузіи еврейской фамиліи Багратидовъ, пришедшихъ изъ Арменіи. Династія эта продержалась на тронѣ слишкомъ двѣнадцать столѣтій и, наконецъ, подъ напоромъ магометанскихъ народовъ, оказалась безсильною защищать бѣдную Грузію. Призвавъ на помощь единовѣрныхъ русскихъ, и передавъ Русскому Царю свою отчину, сами Багратиды сошли съ исторической сцены и зажили жизнью частныхъ людей.

Многострадальный, пограничный Тифлисъ много разъ подвергался нашествіямъ. Грабили его армяне, персы, арабы, монголы, турки, лезгины, и опять персы съ лезгинами. Много разъ отъ Тифлиса оставались лишь одни развалины, но удачное его стратегическое положеніе привлекало населеніе и городъ вновь обстроивался до слѣдующаго разоренія. Послѣдній погромъ Тифлисъ испы-

Церковь св. Давида въ Тифлисъ.

талъ въ 1795 году, при нашествіи персидскаго шаха Ага-Магомедъ-Хана. Злобный, безчеловѣчный старикъ окрасилъ христіанской кровью многоводную Куру и оставилъ полное запустѣніе. Послѣ ухода кровожаднаго, непріятели, городъ долго влачилъ печальное существованіе. Населеніе его первое время состояло всего изъ шестидесяти семействъ.

26-го ноября 1798 года, въ Тифлисъ вступилъ на постоянное

пробываніе русскій 17-й Егерскій, нынѣ Лейбъ-Эриванскій гренадерскій, полкъ подъ командою генераль-маіора Лазарева.

Съ присоединеніемъ къ Россіи, Тифлисъ избавился отъ вторженія непріятели. Служа центральнымъ административнымъ пунктомъ для обширнаго края, городъ привлекалъ, да и еще привлекаетъ сюда, много обязательныхъ жильцовъ—служащихъ. Для украшенія Тифлиса не мало потрачено русскихъ денегъ и онъ выглядываетъ богатымъ губернскимъ городомъ. Кульминаціонный пунктъ оживленія Тифлиса въ это столѣтіе, были семидесятые года. По своимъ постройкамъ, магазинамъ, театрамъ, многочисленному офіціальному населенію, городъ сталъ походить на маленькую столицу, въ которой насчитывалось (съ войсками) болѣе 100,000 жителей. Упразднили намѣстничество, протянули до Баку желѣзную дорогу и Тифлисъ сталъ таять. Появились конкуренты—Баку и Батумъ. Изъ громаднago депо,—Закавказскаго караванъ-сарая, торговый Тифлисъ обратился въ станцію желѣзной дороги. А тутъ еще изсякли тѣ милліоны, которые прилипали разными способами къ рукамъ подрядчиковъ и другихъ шакаловъ арміи, получившихъ громадныя выгоды отъ долголѣтней Кавказской войны. Война, война! Сколько крови, развалинъ, слезъ и горя, сколько благороднѣйшихъ порывовъ на полѣ чести... За то какая вакханалія для людей-шакаловъ, весело рыскающихъ въ столицахъ, въ штабахъ, управленіяхъ, въ тылу арміи и... и даже въ строю. Въ былое прошедшее время Кавказъ былъ золотымъ дномъ для лихоимцевъ. «Наживали» подрядчики на заготовкахъ; «наживали» инженеры на постройкахъ, возводимыхъ даровымъ солдатскимъ и туземнымъ трудомъ; «наживали» командиры на пайкѣ, фуражѣ, обмундировкѣ и даже вооруженіи¹⁾; «наживали»... ну кажется, довольно и этихъ разновидностей. Изъ прилипшихъ же милліоновъ значительная часть пропаивалась именно въ Тифлисѣ. Благодаря Бога, война замолкла; за то городъ сталъ бѣднѣть и пошелъ на убыль. Конечно, въ сентябрѣ 1888 года, это умаленіе было не замѣтно. Наоборотъ, въ ожиданіи торжествъ городъ кишѣлъ мѣстнымъ и пришлымъ населеніемъ. Тифлисъ раскинулся въ волнистой котловинѣ, по крутымъ берегамъ стремительной и мутной Куры, раздѣляющей городъ на двѣ почти равныя части. На возвышенной сторонѣ размѣстились болѣе монументальныя постройки. Значительно выше другихъ, особнякомъ, граціозно прильнула къ горѣ церковь св. Давида, перестроенная изъ древняго храма, возведеннаго однимъ изъ тринадцати сирійскихъ отцовъ. Бѣлый храмъ видѣнъ издалека и кажется точно онъ на сѣромъ гигантскомъ щитѣ выставленъ высоко въ замѣнъ герба христіанскаго города. Въ церкви этой покоится прахъ творца «Гора отъ ума».

¹⁾ Извѣстны случаи продажи пороха.

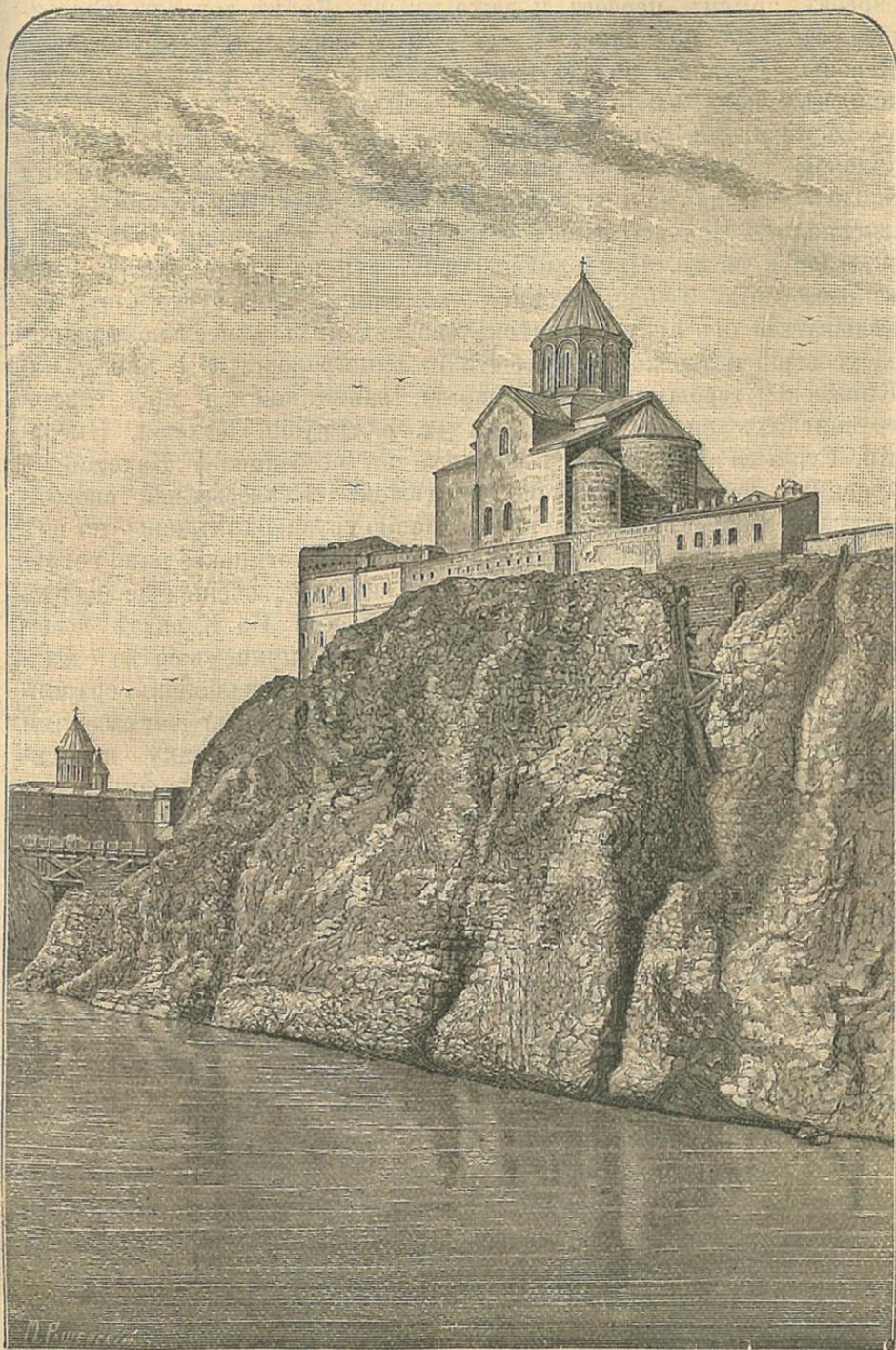
Суровой внѣшностью поражаетъ Метехскій замокъ. Грозныя стѣны его составляютъ продолженіе крутого утеса, срывающагося прямо въ Куру. Въ Метехской крѣпости высится древнѣйшая церковь Тифлиса; здѣсь было подворье грузинскихъ католикосовъ. Въ настоящее время собственно Метехскій замокъ, возведенный турками въ XVI столѣтіи на развалинахъ старой крѣпости, обращенъ въ тюрьму.

Другая древняя церковь, обращающая особенное вниманіе—это Сіонскій соборъ (въ старомъ городѣ). Первоначальная постройка его уходитъ въ сѣдую древность, въ VII столѣтіи. Собору пришлось потерпѣть много напастей отъ враговъ христіанства. Въ этой церкви хранится грузинская святыня,—виноградный крестъ св. Нины, просвѣтительницы Грузіи. Въ настоящее время Сіонскій соборъ—кафедральная церковь экзарха Грузіи. Въ соборѣ погребенъ одинъ изъ лучшихъ сыновъ Грузіи—незабвенный «грозный инспекторъ» князь П. Д. Циціановъ.

Азіатскій характеръ построекъ удержался еще на Армянскомъ базарѣ и Татарскомъ майданѣ. Невысокія зданія съ плоскими крышами, узкія улицы и закоулки, совершенно открытыя, крохотныя лавочки и мастерскія съ работающими въ нихъ у всѣхъ на виду, разнообразнѣйшими ремесленниками; груды фруктовъ и зелени. Въ воздухѣ стоитъ шумъ, гамъ, пѣсни, неимоверныя завыванія разносчиковъ, крики носильщиковъ, водовозовъ и извозчиковъ, еле протискивающихся черезъ непризнающую никакого порядка толпу. Интересно взглянуть на эту пеструю азіатскую картину, но жить здѣсь—опаси Боже. Главныя и лучшія улицы—это Головинскій проспектъ и Дворцовая улица, окаймленныя большими зданіями, между которыми виднѣтся намѣстнической дворецъ. Недалеко отъ дворца, по уступамъ, разросся красивый садъ. Здѣсь же проектировано было еще въ 1865 году воздвигнуть большой соборъ въ память кавказской войны. Работы по непрочности грунта шли неудачно. Пришлось перенести фундаментъ въ сторону. Однако, осенью 1888 года никакихъ видимыхъ признаковъ собора не было еще видно...

Среди неоконченныхъ построекъ невольно обращаетъ на себя вниманіе громадный театръ. Строеніе монументальное, возникавшее на казенныя средства. Съ прекращеніемъ государственныхъ субсидій работы пошли медленно; если и совсѣмъ не прекратились. Бѣднѣющему городу врядъ ли справиться съ миллионной работой.

Большинство населенія (около 40%) грузинской столицы составляютъ безспорно армяне. Въ ихъ рукахъ сосредоточены капиталы и торговля. Грузины никогда не любили городской жизни. Дворянство сидѣло въ своихъ деревняхъ и группировало подлѣ себя остальное грузинское населеніе. Торговцы и ремесленники большею частью выходили изъ другихъ національностей: переродившихся

Метехскій замокъ въ Тифлисъ.

евреевъ, армянъ, персовъ и даже татаръ. Кромѣ того, въ настоящее столѣтіе появились рускіе и пришельцы изъ Западной Европы. Грузины передъ напоромъ болѣе искусныхъ конкурентовъ отступали, такъ сказать, по всей линіи.

Въ то время, когда грузинскіе князья жили вполне патриархальною деревенскою жизнью, доходовъ съ небольшихъ имѣній вполне хватало на непрехотливою обстановку. Съ годами вкусы измѣнились, явились новыя потребности, а источники доходности оставались тѣ же. Приходилось прибѣгать къ кредиту, т. е. идти къ раззоренію. Теперь грузинскіе помѣщики, какъ будто, стали отдѣлываться отъ апатіи и нѣсколько изъ нихъ дѣятельно взялись за усовершенствованіе первобытнаго виноградарства и винодѣлія. Княжескіе гербы украсили фирмы, занимающіяся пропагандой грузинскихъ винъ. Вся Иверія (т. е. Грузія, Кахетія, Имеретія, Гурія и Мингрелія) вообще, а въ особенности Кахетія, съ древнихъ временъ славятся винодѣліемъ. Первобытный способъ выдѣлки вина мѣшалъ распространенію грузинскихъ винъ на внѣ кавказскихъ рынкахъ. За послѣднее время кахетинское вино встрѣчаетъ болѣе привѣтливый пріемъ, но, конечно, очень еще далеко отъ возможнаго максимума распространенія. На Кавказѣ добывается ежегодно болѣе 10 милліоновъ ведеръ, причемъ болѣе 7 милліоновъ приходится на Иверію. Однако, эти 10 милліоновъ, сравнительно съ обширнѣйшими богатыми виноградными кавказскими землями, представляютъ маленькую цифру. Какъ Баку—керосиномъ, такъ Закавказье виномъ можетъ залить всю Европу.

Къ пріѣзду Государя мѣстное дворянство съѣхалось изъ деревень. Тридцать молодыхъ людей, юныхъ отпрысковъ древнихъ грузинскихъ фамилій, составили почетный караулъ, который долженъ былъ встрѣчать Государя на Тифлисскомъ вокзалѣ. Стройная, красивая молодежь въ своихъ театрално-національныхъ костюмахъ, изъ бархата, шелка, позументовъ, бѣлой кожи и мѣха, обращали вниманіе на себя даже здѣсь, среди пестраго и разноцвѣтнаго населенія. Живи эти князья во времена сказочной Тамары, не миновать бы имъ всѣмъ ея башни..., а затѣмъ и Арагвы. Всегда гостепріимный Тифлисъ, теперь, понятно, старался превзойти себя. Еслибы кто-нибудь, не знавшій о пріѣздѣ Государя, посѣщивъ въ концѣ сентября 1888 года въ Тифлисъ, то невольно, по первому взгляду на пышно разукрашенный городъ, догадался бы, что ждуть Царя. По всему роскошно-убранному пути отъ вокзала до дворца были разставлены войска, учебныя заведенія и представители тифлисскихъ «амкарствъ» (т. е. цеховъ, а также частію торговцевъ и рабочихъ). Приятно поражали хоры музыки изъ воспитанниковъ, организованныхъ не только въ мѣстномъ кадетскомъ корпусѣ, но и въ мужскихъ гимназіяхъ. Подъ звуки своихъ оркестровъ, юноши и дѣти шли бодримъ, военнымъ шагомъ занимать

назначенныя имъ мѣста. Военная косточка сказывается у мѣстной молодежи и они своей выправкой и бравымъ видомъ нисколько не напоминаютъ «гражданскихъ» воспитанниковъ. По улицамъ красиво извивается длинная цѣпь амкаровъ, въ разнообразнѣйшихъ костюмахъ, съ многочисленными своими значками и знаменами. Между ремесленниками особенно выдѣляются оружейники въ шляхахъ, вооруженные мечами и алебардами.

Всѣ окна, балконы, плоскія крыши заняты народомъ, желающимъ взглянуть на Царскую Семью. Въ 10 часовъ утра грянуло «ура» и съ этого момента крики, музыка, громъ, гамъ, не прекращались до въѣзда Ихъ Величествъ во дворець. Восточные люди, при пылкомъ подвижномъ характерѣ, отдаются вполне ликованію. То, что у насъ на Сѣверѣ показалось бы нѣсколько экзальтированнымъ и даже смѣшнымъ; здѣсь, на знойномъ югѣ, среди безпечныхъ грузинъ и веселыхъ армянъ, вполне естественно и понятно. Туземцы не довольствуются однимъ «ура», для нихъ это слишкомъ блѣдно, они поднимаютъ отъ чистаго сердца неистовый визгъ и крикъ, туча шапокъ летаетъ въ воздухѣ, гремитъ бубенъ, стучитъ барабанъ, высоко, высоко заливается зурна; мало того, нашлась шарманка, давай ее сюда, и къ общему грому присоединяются пискливые звуки и этого инструмента. На крышахъ, на малѣйшихъ площадкахъ, отчаянно вытанцовываютъ лезгинку, а окружающая толпа, выводя изъ всей мочи «ура», не забываетъ въ то же время отбивать руками тактъ милой лезгинкѣ. Нѣкоторые встрѣчаютъ Ихъ Величествъ съ заздравными чарами вина въ рукахъ. Въ общемъ, подобный пріемъ поражаетъ своей задумчивостью, оригинальностью и шириной размаха. Всѣ туземцы, конечно, сами проникнуты желаніемъ не нарушить благочинія, не нарушить порядка; но что же дѣлать, когда человѣкъ не можетъ владѣть собою, прорываетъ полицейскія и солдатскія шпалеры и мигомъ заливаетъ улицы и площади, по которымъ ѣдутъ Ихъ Величества, сначала въ Сіонскій соборъ, а оттуда во дворець. Можно ли на это сѣтовать? У кого поднимется рука останавливать народъ?...

Близъ дворцоваго подѣзда выставленъ почетный караулъ отъ Лейбъ-Эриванскаго гренадерскаго полка. Рота, молодець къ молодцу, и по росту смѣло могла бы стать въ 1-й баталіонъ Преображенскаго полка. Государева рота (такъ называются роты, гдѣ шефомъ Его Величество), Эриванскаго полка при покойномъ государѣ ежегодно командировалась въ Крымъ для занятія карауловъ въ Ливадіи, и потому служить въ ней было особенно завидно. Нѣкоторые изъ командировъ шефской роты удостоились получить званіе флигель-адъютанта. Какъ я уже раньше сказалъ, Эриванскій полкъ прежде назывался 17-мъ Егерскимъ и первымъ, изъ русскихъ частей, пришелъ съ сѣвера подъ командой генерала Лазарева для

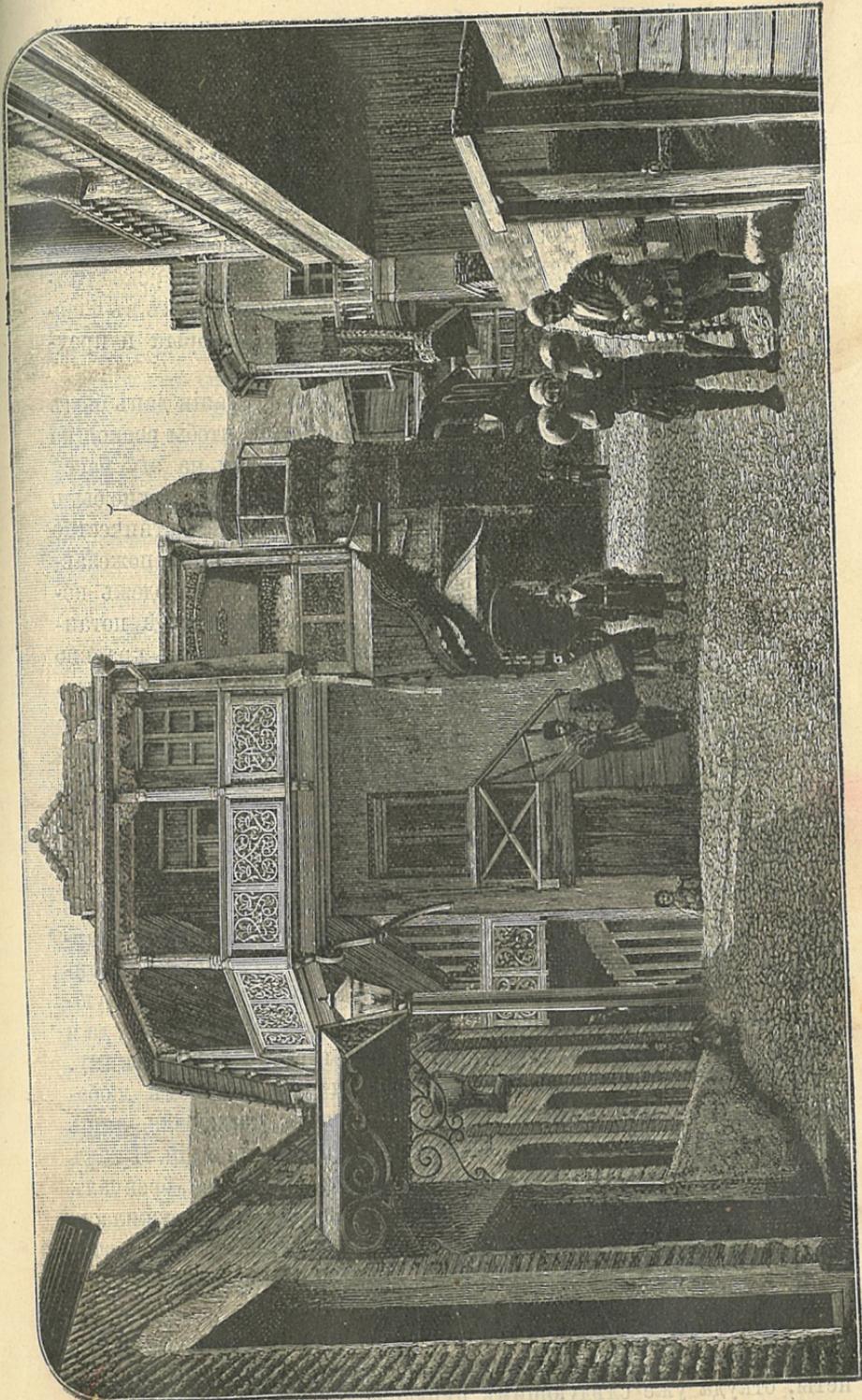
окончателнаго закрѣпленія за Россіей Грузіи¹⁾. Доблестный командиръ полка погибъ отъ кинжала вдовствовавшей грузинской царицы Маріи. 17-й Егерскій, а затѣмъ черезъ два года въ (1800) пришедшій на усиленіе русскаго отряда Кабардинскій полкъ, были первыми нашими піонерами въ Грузіи и составили себѣ репутацію непобѣдимыхъ. Боевыя отличія дали полку и имя, и гренадерство, и Державнаго шефа.

Народные клики, наконецъ, ворвались на площадь, все загудѣло, передніе ряды не въ силахъ были сдержатъ напора все прибывавшаго и прибывавшаго люда и, что называется, сдали. Плотина прорвалась и площадь мгновенно покрылась туземцами и русскими. Однако, здѣсь необходимо нужно было очистить мѣсто, во-первыхъ для проѣзда Царской Семьи и свиты, а затѣмъ для церемональнаго марша почетнаго караула. Толпа съ трудомъ отодвигалась назадъ и многіе изъ болѣе ловкихъ и цѣпкихъ успѣли вскарабкаться на деревья аллеи, тянущейся передъ дворцомъ. Такъ при отбитыхъ атакахъ крѣпости наиболѣе предприимчивые смѣльчаки не смываются общимъ отливомъ, а стремятся удержаться во рву или гдѣ-нибудь за камнемъ, поближе къ грозному укрѣпленію. Щѣлый день на площади толнился народъ, выжидая выхода Высочайшихъ гостей. Черезъ площадь нѣтъ, нѣтъ, и пробираются фаэтоны, въ которыхъ или зурначи, или чонгористы, или просто шарманщики. Они наигрываютъ на своихъ музыкальныхъ инструментахъ, доставляя народной массѣ большое удовольствіе. Можно ли представить себѣ такую ѣздящую музыку у насъ на Невскомъ и на Морской? А въ Тифлисѣ все это выходило нисколько не дико, только оригинально. Конечно, вечеромъ городъ освѣтился иллюминаціей. Сильно пересѣченная, волнообразная мѣстность придавала особую красоту иллюминаціи. Съ горы Св. Давида представлялся чудный видъ на горѣвшій огнями городъ. Съ Михайловскаго моста также открывалась оригинальная картина.

Всѣ три дня пребыванія Царской Семьи въ Тифлисѣ городское населеніе такъ же, какъ и во Владикавказѣ и Екатеринодарѣ, вполне праздновало. Всякія житейскія заботы, трудовыя занятія, все это было отложено въ сторону, въ магазинахъ и лавкахъ торговля почти не производилась, хотя витрины ихъ не были закрыты ставнями и занавѣсками съ тѣмъ, чтобы не придавать улицамъ мрачный, непривѣтливый видъ. Ихъ Величества въ Тифлисѣ, какъ и въ казачьихъ городахъ, за три дня успѣли порадовать своимъ посѣщеніемъ многія учебныя и богоугодныя заведенія.

Гарнизонъ Тифлиса и окрестныхъ штабъ-квартиръ лагерное время проводить въ горахъ—близъ Тіонетъ, гдѣ нѣтъ сильныхъ

¹⁾ Въ 1770 г. въ Грузіи былъ отрядъ графа Тотлебена, въ 1782 г. отрядъ полковника Бурнашева.

Улица въ Тифлисѣ.

жаровъ и войскамъ можно свободно заниматься ученіями. Въ тифлисской котловинѣ лѣтомъ жарко, точно въ печкѣ; вѣтеръ если и прорывается черезъ обступившія горы, то знойный юговосточный, и приноситъ съ собой еще большую духоту. Отъ этой жары служащій народъ и войска спасаются въ Коджорахъ, лежащихъ на возвышенности верстахъ въ восьми отъ Тифлиса. Въ самое послѣднее время для лагеря пріобрѣтенъ участокъ въ Тіонетахъ, на отрогахъ главнаго хребта, по сосѣдству съ храбрыми, свободолюбивыми хевсурами, до сихъ поръ носящими средневѣковое рыцарское снаряженіе и вооруженіе. Съ уходомъ главной массы войскъ въ Тифлисъ оставался сравнительно небольшой отрядъ, который и представился Государю на смотру 29-го сентября.

Вечеромъ въ этотъ же день въ дворянскомъ собраніи данъ былъ балъ. Довольно большое помѣщеніе, нельзя сказать, чтобы роскошно отдѣланное, наполнено было приглашенными. Глядя на эту массу мундировъ, двигавшихся по ярко освѣщеннымъ заламъ, можно было подумать, что никакихъ сокращеній не произошло и намѣстничество все еще существуетъ. Конечно, тутъ много было пріѣзжихъ, пожелавшихъ встрѣтить Государя у себя въ родномъ краѣ. Молодежь почетнаго караула, явившаяся конечно въ полномъ составѣ потанцовать, украсилась офицерскими эполетами, которые такъ красиво дополняли ихъ роскошные костюмы. Грянулъ струнный оркестръ терскаго войска и по заламъ дворянскаго собранія оберъ-церемоніймейстеръ князь Долгорукій повелъ полонезъ. Императрица шла подъ руку съ губернскимъ предводителемъ дворянства, Государь шель съ княгинею Орбеліани, Цесаревичъ съ княгиней Меликовой, великій князь Георгій Александровичъ съ г-жею Шереметевою, министръ двора графъ Воронцовъ-Дашковъ съ княгинею Амилохвари.

Конечно, Тифлисъ никогда не видалъ такого полонеза. Послѣ вальсовъ и кадрили, вдругъ зазвучала лезгинка; то игралъ татарскій оригинальный оркестръ. Изъ всѣхъ комнатъ спѣшили въ танцевальную залу взглянуть на національный танецъ. Вокругъ танцующихъ собралась такая непроницаемая стѣна зрителей, что мнѣ, да я думаю и многимъ другимъ, такъ и не удалось взглянуть на лезгинку.

Наканунѣ вечеромъ, въ саду «Вѣра» я уже впрочемъ любовался этимъ танцемъ. Но тамъ не было дамъ, танцовали лишь одни кавалеры—вновь произведенные прапорщики милиціи. И какъ лихо танцовали! Татарскій оркестрикъ гудѣлъ, заливался, бренчалъ и трещалъ; а молодежь лихо и граціозно двигалась и кружилась, воодушевляя хлопающихъ ладонями рукъ въ тактъ танца, зрителей и даже самихъ издававшихъ виды музыкантовъ. Какъ все это было далеко отъ сочиненной балетной лезгинки.

1-го октября Ихъ Величества съ августѣйшими сыновьями оставили Тифлисъ и направились въ Цинондалы, Карданахъ и Тіонеты, откуда уже слѣдующимъ пунктомъ назначенъ былъ Баку.

IV.

Баку: — Нефтяніе источники. — Эксплоатація нефти. — Населеніе Бакинської губерні. — Д'ївичья башня. — Жизнь в Баку. — Приготовленія къ приїзду Ихъ Величествъ. — Приїздъ Государя и Государыни. — Необычайная иллюминація. — Ширванскій полкъ. — Кутаисъ. — Приїздъ въ этотъ городъ императорской семьи. — Итальянецъ. — Отїздъ въ Батумъ и за тѣмъ въ Севастополь.

Мѣстность отъ Тифлиса до Баку поражаетъ своею безотрадностью. Встрѣчаются зеленые оазисы, но не надолго. Горы, окружающія Баку, выглядываютъ совершенно безжизненными, голыми, лишенными всякой растительности, однако на скатахъ виднѣются распаханныя нивы. Оказывается, что здѣсь сѣють хлѣбъ, который, довольствуясь подпочвенной влагой, даетъ недурной урожай. Еще задолго до Баку виднѣтся на востокѣ ярко синія полоса Каспійскаго моря, съ разбросанными близъ берега утесами и маленькими островками. Затѣмъ горы закрываютъ море и поїздъ останавливается близъ Баку въ какой-то ямѣ, украшенной роскошнымъ вокзаломъ.

Первый разъ силу русскаго оружія Баку испытало въ 1668 году, когда Стенька Разинъ съ своей удалой вольницей съ огнемъ и мечомъ прошелъ черезъ всю прибрежную полосу отъ Дербента до Баку. Въ персидскій походъ Петра Великаго, послѣ неудачной попытки лейтенанта Лунина занять Баку, къ этому городу въ слѣдующемъ 1723 году посланъ былъ генераль Матюшкинъ съ инструкціей: «идти къ Бакѣ какъ наискорѣе, а тщиться оный городъ помочию Божіей конечно достать, понеже ключъ всему нашему дѣлу оный». И Матюшкинъ взялъ ключъ этотъ.

Спустя двѣнадцать лѣтъ, императрица Анна Іоанновна уступила Персіи всѣ громадныя завоеванія Петра Великаго въ Прикаспійскомъ краѣ. Въ 1796 году, бакинскій ханъ присягаетъ на вѣрность русской императрицѣ. Побудительной причиной послужило движеніе русскаго корпуса, подъ начальствомъ графа Валерьяна Зубова, мечтавшаго окончателно сломить Персію. Возшествіе на престолъ императора Павла I ознаменовалось отмѣной многихъ распоряженій покойной императрицы. Приказано было и зубовскимъ войскамъ вернуться на кавказскую линію. Съ уходомъ русскихъ полковъ, бакинскій ханъ вновь почувствовалъ себя свободнымъ и позабылъ о присягѣ. Но не забылъ объ этомъ главнокомандующій¹⁾ въ Грузіи, князь Циціановъ, бывшій въ 1796 году комендантомъ въ Баку. Видя двусмысленное поведеніе хана, онъ рѣшилъ въ началѣ 1806 года силою заставить признать верховен-

¹⁾ Полный титулъ: инспекторъ кавказской линіи, астраханскій военный губернаторъ и главнокомандующій въ Грузіи.

ство Росіи надъ Баку. Ханъ торопился изъяснить покорность и просилъ князя Циціанова выслушать его и принять городскіе ключи. 8-го фѣвраля, храбрый главнокомандующій отъѣхалъ отъ линіи нашихъ войскъ къ назначенному мѣсту свиданія и вступилъ съ ханомъ въ бесѣду. Въ этотъ моментъ рука персидскаго убійцы не дрогнула, раздался ружейный выстрѣлъ и къ ногамъ коварнаго хана повалился главнокомандующій. Смерть непобѣди-маго начальника, грозы турокъ, персовъ, татаръ и всего Закавказья, произвела тягостное впечатлѣніе на нашъ отрядъ. Русскіе отступили. Голова Циціанова отправлена въ Персію. Непріятель ликовалъ. Для закавказскихъ хановъ вся угроза съѣвера слива-лась съ личностью князя Циціанова. Уничтоженъ онъ и нечего больше бояться русскаго нашествія. Скоро однако пришлось рас-каяться. 2-го іюня того же года, къ Баку подошелъ отрядъ гене-рала Булгакова. Ханъ бѣжалъ и русскіе заняли городъ.

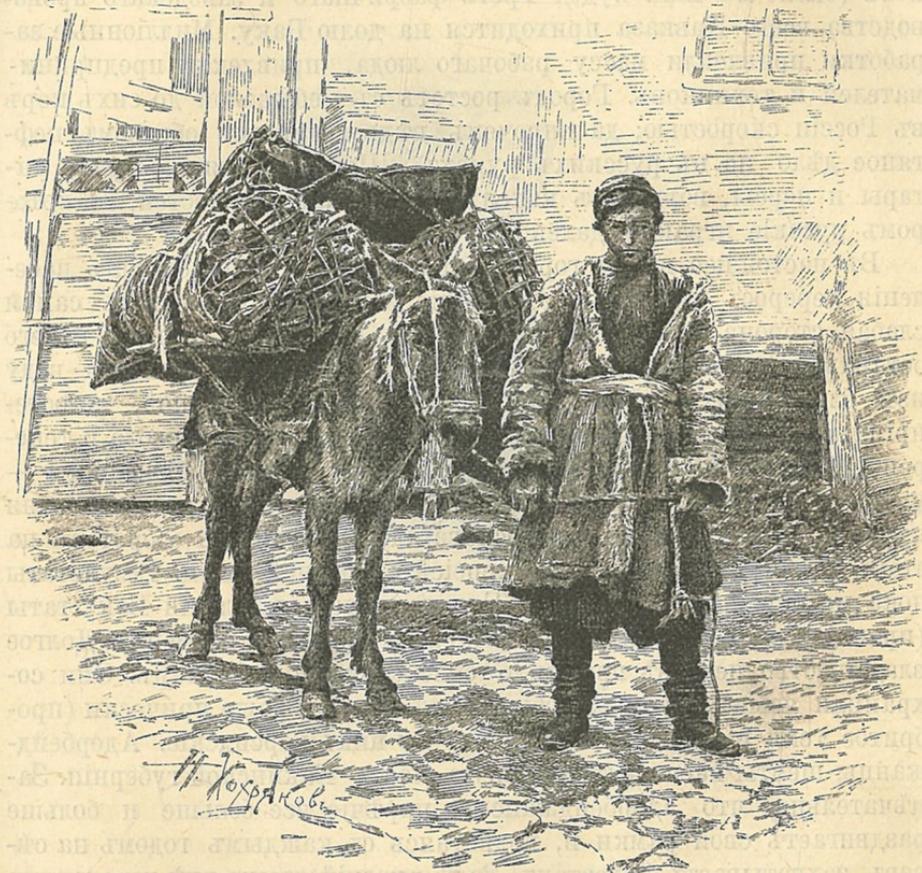
Бакинская губернія отняла у Росіи двухъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ кавказскихъ героев. Въ 1806 году, погибъ неза-мѣнимый князь Циціановъ, а черезъ шесть лѣтъ навсегда былъ выведенъ изъ строя при штурмѣ Ленкорани генералъ Котлярев-скій—безспорно самый замѣчательный изъ кавказскихъ генераловъ.

Лучшая каспійская гавань, близость Персіи и Средней Азіи и грандіозныя минеральныя богатства, все это заставляло вѣрить словамъ Петра Великаго, видѣвшаго въ Баку «ключъ всему на-шему дѣлу» въ Прикаспійскомъ краѣ. Однако, долгое время послѣ присоединенія къ Росіи, Баку не выходилъ изъ ряда самыхъ по-средственныхъ уѣздныхъ городовъ. Кавказская война, отсутствіе дорогъ и откупная система, монополизировавшая производительность нефтяныхъ участковъ, тормозили развитіе. Оголенный отъ зелени, лишенный сносной воды, подверженный вѣтрамъ, городъ не при-влекалъ къ себѣ и глазъ администраціи. Управление Прикаспій-ской областью¹⁾ сосредоточено было въ Шемахѣ до 1859 года, когда послѣ вторичнаго сильнаго землетрясенія губернскія присут-ственные мѣста перенесены были въ Баку. Отмѣна откупной си-стемы (1-го января 1873) сразу оказалась на возвышеніи добычи нефти. Казенные участки неприглядной на видъ земли скоро были раскуплены, а главнымъ образомъ розданы различнымъ лицамъ. Въ Сураханахъ и Балахонѣ, въ окрестностяхъ Баку, закипѣла ра-бота. На голой мѣстности выросли оригинальныя высокія вышки. Изъ буровыхъ скважинъ полилась нефть ручейками; а иногда съ шумомъ выбрасывалась грандіозными фантанами, затоплявшими всѣ громадныя земляные резервуары. Нарѣзка участка въ пять

¹⁾ До назначенія князя Воронцова намѣстникомъ, Закавказье дѣлилось на Тифлисскую губернію и Прикаспійскую область. Затѣмъ оно раздѣлено на 4 губерніи и Прикаспійскую область. Теперь же на 5 губерній и Карскую область.

десятины уже дѣлала человѣка сравнительно состоятельнымъ. Понятно будетъ съ какою торопливостью бросились за полученіемъ вновь открывшихся богатствъ...

Мнѣ помнится съ какою насмѣшкой относились въ Петербургѣ къ кокоровскому «чираку», выставленному въ 1873 году. Тогда съ недовѣріемъ относились къ этой «копилкѣ». Пенсильванскій керосинъ стоялъ въ то время на неприступной высотѣ. Однако,

Угольщикъ въ Тифлисѣ.

прошло два, три года, и Бакинскій керосинъ пошелъ въ гору, сбивая цѣну американскому и давая возможность освѣщать лампочками не только городъ, но и деревни. Въ дѣлѣ развитія керосиноваго производства безспорно пальма первенства принадлежитъ шведу, «нефтяному королю» Нобелю. Онъ умѣло поставилъ дѣло на широкую ногу, устроилъ заводы, пустилъ по Каспійскому морю и Волгѣ цѣлую нефтяную флотилію и удачно организовалъ сношенія съ потребителями. Русскія фирмы Кокорева, Шibaева, му-

сульманина Тагіева, стали также широко работать, но имъ все-таки было далеко до «нефтяного короля». Теперь, какъ извѣстно, появился на театрѣ керосиновой войны Ротшильдъ. Оборони насъ Богъ отъ такого иноплеменнаго вмѣшательства...

Въ шестидесятыхъ годахъ добыча нефти не превышала 500 т. пудовъ, а къ 1886 году достигаетъ до 123¹/₂ милліоновъ пудовъ. Переработанная нефть вывезена изъ Баку въ видѣ керосина (34 мил. пуд.), смазочныхъ маслъ (около 2 мил. пуд.) и нефтяныхъ остатковъ (около 36 мил. пуд.). Третъ фабричнаго и заводскаго производства всего Кавказа приходится на долю Баку. Милліонные заработки привлекли массу рабочаго люда, привлекли предпринимателей и техникувъ. Городъ растетъ съ небывалой до сихъ поръ въ Россіи скоростью; да впрочемъ вѣдь главнымъ образомъ нефтяное дѣло не въ русскихъ рукахъ. Шведы, армяне, евреи, татары и персы, вотъ тотъ калейдоскопъ національностей, въ которомъ русскіе играютъ далеко не первостепенную роль.

Въ настоящее время городъ богатствомъ и количествомъ населенія переросъ Тифлисъ. Отсутствіе хорошей воды — вотъ самая слабая сторона Баку. При громадныхъ средствахъ городу нечего останавливаться передъ расходами и необходимо провести воду изъ ближайшихъ рѣкъ. Примѣръ пыльной, безводной, негостепримной Одессы до проложенія днѣстровскаго водопровода и теперешней окутанной зелеными бульварами южной красавицы — у всѣхъ на глазахъ. Очень недавно въ Баку учреждена весенняя ярмарка, ожидали, и не безъ основанія, громадныхъ оборотовъ на этомъ перепутьи Кавказа съ Персіей и Средней Азіей. Результаты пока не оправдали ожиданій. Главная масса населенія Баку таты (иранцы) и азербейджанскіе татары (тюркскаго племени). Долгое владычество персовъ положило отпечатокъ и на татаръ. Они сохранили языкъ, но вѣра, обычаи, костюмъ и даже прически (пробритое темя и локоны на вискахъ) — у нихъ персидскіе. Азербейджанцы-шеиты населяютъ большую часть Бакинскои губерніи. Замѣчательно, что азербейджанское нарѣчіе все больше и больше раздвигаетъ свои рамки и, подвигаясь съ каждымъ годомъ на сѣверъ, захватываетъ Дагестанъ. За то русскій языкъ внѣ городскихъ поселеній слышится лишь въ нѣсколькихъ раскольническихъ деревняхъ Ленкоранскаго уѣзда. Баку красиво размѣстился амфитеатромъ вокругъ бухты. Дома изъ тесанаго камня, съ плоскими крышами, оригинально поднимаются отъ прекрасно-устроенной набережной къ старой крѣпости. При взглядѣ на Баку съ моря среди другихъ строеній особенно выдѣляется Дѣвичья Башня, съ которой, по одному преданію, дочь хана высматривала своего милаго; а по другимъ сказаніямъ, молодая ханша спасалась отъ нескромныхъ преслѣдованій своего отца и, наконецъ, выбросилась изъ окна. Существуютъ, впрочемъ, и другія версіи этой легенды.

Съ южной стороны города выступаетъ Баиловъ мысъ, на которомъ расположена слободка каспійской военной флотиліи; а на сѣверной темнѣетъ Черный городокъ, въ которомъ сосредоточены керосиновые заводы, получающіе сырой матеріалъ по нефтепроводамъ изъ Балахонѣ и изъ Сураханъ. Бакинскія улицы хорошо вымощены и, конечно, отлично освѣщены. Жалкія, сѣренькія деревья въ городскомъ скверѣ сilyтcя выдержать борьбу съ зноемъ и безводьемъ. Отсутствіе земли, всюду проникающій запахъ нефти,

Носильщикъ воды въ Тифлисѣ.

окаменѣвшія фізіономіи застывшихъ въ лавкахъ и магазинахъ восковыхъ фигуръ-торговцевъ персіянъ, завываніе докучливаго и настойчиваго въ этой мѣстности вѣтра; керосиновая, мутная пленка на морской водѣ — все это дѣйствуетъ неприятно на пріѣзжаго. Хотѣлось бы скорѣе бѣжать изъ этой гигантской міровой керосиновой лабораторіи. Однако, не смотря на нѣкоторую безотрадность, жизнь здѣсь бьетъ ключемъ. Въ гавани цѣлый городъ пароходоѡвъ, баржъ и косовыхъ. Звенятъ цѣпи, стучатъ подъемныя машины, тысячи рукъ заняты нагрузкой и разгрузкой товаровъ. Большин-

ство экипажа на судах азербейджанцы; на пароходах капитаны, шкипера, машинисты—шведы, финны и немцы. На многих домах видны, не свойственные русскому губернскому городу, дощечки с надписью: контора X, контора O—ства... А в конторах этих дѣлаются обороты на сотни тысячъ, даже на миллионы. Большой городъ требуетъ массу провизіи; къ базарамъ тянутся группами ежедневно сотни навьюченныхъ эшаковъ. Иной татаринъ находитъ возможнымъ примоститься и самъ сзади вьюка. Маленькое, ушастое животное точно не слышитъ тяжести и, весело позванивая бубенчиками, сѣменить иноходью въ городъ. Везутъ продукты и въ арбахъ на громаднѣйшихъ колесахъ, позволяющихъ подвѣшивать боченки и другіе грузы къ дну этого экипажа. Не смотря на мертвенно-безплодныя окрестности, татары и «персюки» ухитряются наполнять базары мѣстной живностью, зеленью и чрезвычайно сладкимъ виноградомъ. Осенью 1888 года, городъ оживился съ появленіемъ 21-й пѣхотной дивизіи, перевезенной по Каспійскому морю изъ Дагестана¹⁾ въ Баку. Полки раскинули свой лагерь близъ города и на улицахъ появился военный элементъ, въ обыкновенное время здѣсь очень малочисленный.

8-го октября, назначенъ былъ пріѣздъ Ихъ Величествъ. Флаги перемѣшались съ зеленью, привезенною на судахъ изъ Ленкорани. На набережной, на площадкѣ передъ губернаторскимъ домомъ, выстроился почетный караулъ отъ полка, носящаго имя полуострова Апшеронскаго. Вокругъ всей площади размѣстились депутаціи Бакинской губерніи, Дагестана и Закаспійской области. Много я видѣлъ, начиная отъ Владикавказа до Тифлиса, разнообразныхъ типовъ, пестрыхъ костюмовъ и вообще «азіатчины», но въ этомъ отношеніи Баку перещеголяло другіе города. Персы, тальшинцы, азербейджанскіе татары, коринцы, лезгины, аварцы и другія мелкія народности Дагестана, всѣ они имѣли здѣсь своихъ представителей, явившихся поклониться Государю и поднести хлѣбъ-соль. Все это народъ не любящій особой подвижности и суетни, чистѣйшій контрастъ общительнымъ иверскимъ народамъ и даже армянамъ. Рядомъ съ воинственными дагестанцами растянулась длинная цѣпь туркменскихъ и киргизскихъ представителей. Длинные, мѣшковатые, блестяще-расшитые, разноцвѣтные, у нѣкоторыхъ парчевые, халаты закаспійцевъ аляповато отличаются отъ скромныхъ, хорошо обрисовывающихъ фигуру костюмовъ горцевъ. Не смотря на неподходящій для воиновъ нарядъ, рослые, здоровые туркмены выглядываютъ молодцоватыми вояками. Съ туркменами явилась изъ Мерва съ двумя сыновьями вдова знаменитаго Нуръ-Верды-

¹⁾ 84-й пѣх. Ширванскій полкъ стоитъ собственно въ Бакинской губ., близъ Дагестанской границы, въ мѣстечкѣ Кусары.

Хана. Четыре громадныхъ туркмена милиціонера въ простенькихъ халатахъ, съ обнаженными шашками въ рукахъ, составляли также какъ бы маленькій почетный карауль.

Подлѣ закаспійскихъ депутацій помѣстился въ креслѣ начальникъ области генераль-лейтенантъ Комаровъ. Онъ боленъ лихорадкой и едва стоялъ на ногахъ. Среди представителей Дагестана, помимо начальника области, типичнаго стараго кавказскаго генерала изъ грузинскихъ князей, генераль-лейтенанта князя Чавчавадзе, обращалъ особое вниманіе дербентскій депутатъ. Это былъ генераль-маіоръ Гайдаровъ (мусульманинъ), который въ чинѣ подполковника Самурскаго полка успѣлъ заслужить на стѣнахъ Геокъ-Тепе орденъ св. Георгія 3-й степени.

Я помѣстился у губернаторскаго дома за рогатками и располагалъ совершенно свободно полюбоваться пріѣздомъ Государя и пріемомъ депутацій. Надъ домомъ губернатора уже развѣвался штандартъ, салютъ военной флотилии замеръ въ воздухѣ. Царская Семья поѣхала помолиться Богу въ соборъ. Но вотъ, наконецъ, на набережной все зашевелилось. Изъ прилегающихъ улицъ точно внезапнымъ наводненіемъ снесло подъ гору массу народа. Не разбирая препятствій, татары и персы летѣли, сломя голову, на набережную. Давка началась невыносимая, я принужденъ былъ отступить и не могъ хорошенько взглянуть на интересную площадку, откуда громкое «ура» давало знать, что Ихъ Величества пріѣхали.

Вскорѣ послѣ завтрака, Августѣйшіе гости поѣхали осматривать мѣстныя учебныя заведенія. Не знаю насколько здѣсь успѣшно идетъ преподаваніе, но Баку положительно щеголяетъ зданіями этихъ учреждений.

Пріѣздъ Ихъ Величествъ въ Баку ознаменовался также, какъ и въ предыдущихъ городахъ, закладкой православнаго храма. Церквей совсѣмъ почти не видно въ Баку и надъ городомъ высятся пока лишь минареты.

При богатствѣ освѣтительнаго матеріала, надо было ожидать, что бакинцы устроятъ особенно эффектную иллюминацію. Дѣйствительность превзошла ожиданія.

Громадная голая гора, примыкающая съ баиловской стороны къ городу, обратилась въ сплошное гигантское пламя. Конечно, никто и нигдѣ не можетъ позволить себѣ такой роскоши. Картина огненнаго шатра была поразительна. Городекія улицы тоже запылали огнями; плоскія крыши не закрывали огненныхъ линій и съ набережной открывался чудный видъ на эффектно освѣщенный амфитеатръ. Ночью городъ много выигралъ; а зеркальная бухта, на которой не замѣтно было плавающего керосина, привѣтливо отражала тысячи фонариковъ, осыпавшихъ суда, точно цвѣты на деревьяхъ. Цѣлая вереница лодокъ, кокетливо убран-

ныхъ разноцвѣтными фонариками, тихо и плавно передвигалась по рейду. Съ лодокъ слышались звуки мѣстныхъ народныхъ инструментовъ. Весь этотъ праздникъ огня прикрывался темной съ золотыми блестками шапкой южнаго неба. Чуть замѣтный, теплый, совсѣмъ лѣтній вѣтерокъ, заставлялъ забывать, что у насъ на сѣверѣ давно уже наступила осень....

За ночь вѣтеръ усилился и на утро довольно ужъ сильно загудѣлъ по городу, стараясь сорвать и унести многочисленные привѣтственные флаги. А они бѣдные топорщились, извивались, вытягивались и то сердито отхлестывались, а то принимались жалобно шелестить и о чемъ-то пугливо лепетать.

Да, не даромъ названіе города производять отъ персидскаго слова «бодкубе», т. е. ударъ вѣтра.

9-го октября былъ праздникомъ для 21-й пѣхотной дивизіи. Апшеронскій, Дагестанскій, Самурскій и Ширванскій полки заброшены судьбой въ самое гнѣздо кавказскихъ военныхъ бурь. Сколько крови ими пролито, сколько погибло отъ изнуренія и лихорадокъ!.. Нельзя и теперь еще вполне успокоиться, надо всегда помнить, что вооруженные и храбрые сосѣди могутъ отъ незначительной причины вспыхнуть. Всегда надо быть наготовѣ. Послѣ переѣзда въ Баку, отъ дурной воды 21-я дивизія прихворнула было немного, но когда начали подвозить по желѣзной дорогѣ хорошую воду, солдатики оправились и съ нетерпѣніемъ ждали представиться Государю. Ширванскій полкъ 9-го октября получилъ неожиданный и дорогой подарокъ. Послѣ смотра, Государь поздравилъ полкъ съ назначеніемъ шефомъ Наслѣдника Цесаревича. Когда-то, подъ именемъ кабардинцевъ, полкъ заслужилъ себѣ славу храбрѣйшаго Ермоловскаго легіона.

Въ 1818 году, полкъ переименованъ въ Ширванскій и вскорѣ заставилъ говорить о себѣ весь Кавказъ. Отличаясь съ 1827—28 года въ персидскую и турецкую войны, ширванцы, «какъ болѣе всѣхъ ознаменовавшіе себя подъ его начальствомъ», получаютъ шефа въ лицѣ графа Паскевича. Императоръ Николай I, такъ писалъ Дибичу: «Я даю Ширванскій полкъ Паскевичу—они достойны другъ друга». Съ тѣхъ поръ долгое время ширванцевъ въ обиходномъ языкѣ называли «графцами». Теперь, послѣ окончанія смотровъ войскъ всего кавказскаго округа, на долю ширванцевъ выпала самая высокая награда.

Въ день смотра, 9-го октября, вечеромъ, императорскій поѣздъ уносилъ уже высочайшихъ гостей сначала на охоту въ Кораязы (Елисаветпольской губерніи), а затѣмъ въ Кутаисъ. Въ годовщину памятнаго дѣла подъ Горнымъ Дубнякомъ, Ихъ Величества прибыли въ древнюю столицу Имеретіи. Фордъ раскинулся по зеленымъ холмамъ и по красотѣ мѣстоположенія по праву можетъ считаться однимъ изъ живописнѣйшихъ городовъ. Бурный, много-

водный Ріонъ опоясываетъ широкой лентой Кутаисъ. Обидно видѣть, какъ громадная рабочая сила стремительной рѣки и просто самая вода даромъ уносится въ море. Придетъ пора, когда этотъ колоссальный водный капиталъ не будутъ бросать за окно и съумѣютъ его утилизировать. Отъ устья до селенія Орнири, Ріонъ судоходенъ, но конечно подыматься могутъ лишь небольшіе рѣчные пароходы.

Гуриецъ.

Влажный климатъ при южномъ теплѣ даритъ край богатѣйшей растительностью. Какая разница въ этомъ отношеніи съ голымъ Баку! Говорятъ, что Кутаисъ избавленъ отъ лихорадокъ; если это такъ, то здѣсь могла бы быть прекрасная зимняя станція для грудныхъ больныхъ. Прошлое города, какъ это принято говорить, теряется въ сѣдой старинѣ. Кутаисцы утверждаютъ, что ихъ поселеніе древнѣе Тифлиса и что знаменитая царица Тамара погребена даже близъ Кутаиса. Во всякомъ случаѣ, городъ этотъ

древній о чѣмъ до нѣкоторой степени и свидѣтельствуютъ развалины старинной крѣпости и храмовъ.

Въ то время, какъ Карталінія и Кахетія подвергались большею частью насилію со стороны Персіи, Имеретія входила въ сферу вліянія Турціи. Въ XVII столѣтіи турки завладѣли городомъ и держались здѣсь до 1770 года, когда были выбиты русскимъ отрядомъ графа Тотлебена. То былъ первый походъ въ Закавказье нашихъ войскъ, явившихся туда по просьбѣ имеретинскаго царя Соломона I.

Исторія присоединенія къ Россіи Имеретіи, въ виду происковъ турокъ, неискренности имеретинскаго царя Соломона II и его приближенныхъ, полна грустными событіями... Окончательное присоединеніе состоялось въ 1810 году.

Въ сосѣднемъ Имеретіи, княжествѣ Мингреліи русское управленіе было введено лишь въ 1867 году, послѣ отказа князя Николая Дадіана отъ владѣльческихъ правъ. Бывшій владѣтель въ вознагражденіе получилъ 1 милліонъ рублей. Близъ Мингреліи, въ неприступныхъ горахъ, запряталась маленькая Сванетія, въ части которой княжила фамилія Дадешкиліани. Въ 1857 году, за убійство Кутаисскаго генераль-губернатора ¹⁾ князя Гагарина, князь Дадешкиліанъ былъ казненъ и вся владѣльческая фамилія выселена въ Россію.

Въ составъ Кутаисской губерніи входитъ еще одно владѣніе—это Абхазія, въ которой русское управленіе введено лишь съ 1864 года. Такимъ образомъ Кутаисская губернія на пространствѣ 30,740 кв. верстъ соединяетъ нѣсколько бывшихъ отдѣльныхъ государствъ. Населеніе Имеретіи, Гуріи, Мингреліи, Абхазіи, Сванетіи и вновь присоединенныхъ округовъ бывшей Батумской области—все въ сложности не достигаетъ милліона (920,000 душъ обою пола).

Увѣряютъ, что изъ всѣхъ иверскихъ народовъ, имеретины, будто бы, отличаются наибольшою предприимчивостію и не прочь пустить въ ходъ хитрость... Разсказываютъ, что нѣкій мудрый старикъ грузинъ (карталинецъ), умирая, поздравлялъ своего сына съ тѣмъ, что онъ не оставляетъ ему въ наслѣдство врага лезгина и друга—имеретина. Справедливы ли нападки на имеретинъ, не знаю; лично могъ лишь убѣдиться въ томъ, что имеретины очень красивый и бойкій народъ.

Къ большому огорченію кутаисцевъ, погода все время благопріятствовавшая высочайшему путешествію, начала портиться, наступалъ періодъ дождей. Великое дѣло солнце. Какъ весело рябила передъ глазами толпа кутаисцевъ въ ясный день, какъ за-

¹⁾ За годъ передъ тѣмъ упразднено управленіе тифлискаго генераль-губернатора. Оба эти генераль-губернаторства, равно какъ и другія кавказскія области и губерніи были подчинены кавказскому намѣстнику.

манчиво гляділи вокругъ горы; а покрылось небо тучками, подуло холодкомъ, заморосило дождемъ, и картина перемѣнилась. Въ ожиданіи высочайшаго прибытія, на вокзалѣ выстроился почетный караулъ отъ дворянства Кутаисской губерніи. На площадкѣ передъ дебаркадеромъ и вплоть до губернаторскаго дома растянулись представители отъ населяющихъ губернію народностей и хоперскіе казаки. Красивыя имеретинки не прятались, видны были на улицахъ и на балконахъ. Художественному произведенію недоставало освѣщенія. Къ прїѣзду Ихъ Величествъ нѣсколько разъяснило, но все-таки свѣтило не солнце Батума, Тифлиса и Баку, а точно оно прикрылось матовымъ абажуромъ. Небольшой городъ (23,000 ж.) не могъ конечно поражать тою грандіозностью народной встрѣчи, какою пришлось любоваться въ Тифлисъ, Баку и казачьихъ городахъ; но прїемъ былъ проникнутъ полной искренностью и задумчивостью. Я не могу забыть одного старичка, итальянца, стоявшаго подлѣ меня во время проїзда Государя. Крики ура, то подходившіе къ намъ, то удалявшіеся отъ насъ, необычайное оживленіе въ нетерпѣливой толпѣ, звуки народной музыки съ пѣніемъ съ балконовъ, постепенно наэлектризовывали итальянца. Обращаясь къ товарищу-земляку, онъ громко высказывалъ свой восторгъ; а когда экипажъ Государя поровнялся съ нами и въ воздухѣ пронесся какой-то ревъ толпы, то къ общимъ кликамъ на ласковые поклоны Ихъ Величествъ внезапно присоединилось и звонкое е viva итальянцевъ. Я невольно взглянулъ на сосѣда. По лицу старика катились слезы!..

Съ освобожденіемъ крестьянъ помѣщичье хозяйство въ Иверіи упало, но за то крестьяне, въ особенности въ Кутаисской губерніи, подняли свое благосостояніе. Имеретинины очень «жадны къ землѣ» и благодаря ея производительности даютъ баснословныя цѣны. Случается, что стоимость десятины превышаетъ 2,000 руб. Конечно, это исключеніе, но и вообще здѣсь земля очень дорога. Излишекъ сельскихъ продуктовъ сплавляется по Ріону въ г. Поти, гдѣ вотъ ужъ, начиная съ 1863 года, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ производится неудачная постройка порта.

Изъ Кутаиса Ихъ Величества ѣздили въ близъ лежащій древній Гелатскій монастырь, гдѣ, по преданію, покоится прахъ великой иверской царицы Тамары. Въ этомъ же монастырѣ хранятся знаменитыя, историческія дербентскія желѣзныя ворота.

14-го октября, посѣтивъ веселое народное гулянье въ городскомъ саду, Высочайшіе гости уѣхали въ Батумъ, а тамъ и совсѣмъ простились съ гостепрїимнымъ Кавказомъ. На прощаніи, Батумъ съ окрестными живописными горами запылалъ дѣлыми огненными линіями. Пароходы уходили въ открытое море, а на далекомъ берегу долго еще видна была иллюминація, мерцающая точно раскаленные уголья.

Вновь взвился императорскій штандартъ на пароходѣ добровольнаго флота «Москва». Императорская эскадра снялась съ якоря и вышла изъ уютнаго Батумскаго рейда, унося на сѣверъ Царственныхъ путешественниковъ послѣ ихъ пребыванія на Кавказѣ. Восторженные встрѣчи разноплеменнаго населенія, одушевленнаго однимъ общимъ, сердечнымъ желаніемъ, какъ бы радушиѣ и теплѣе принять своего Бѣлаго царя; интересные типы, живописные костюмы; стройные ряды гордой побѣдами кавказской арміи; молодчество юныхъ джигитовъ; улыбающіяся горы и дикія скалы; голубое море и безпредѣльные степи; южное солнце, лазурное небо, лавровыя рощи; нефтяныя фонтаны, бурные горные потоки; веселыя лица, огневыя рѣчи; могучіе перекаты несмолкаемаго «ура» — все, все это пережито и оставило пріятное впечатлѣніе о полуденномъ краѣ, богатой будущимъ странѣ, объ этомъ драгоценномъ алмазѣ въ русской императорской коронѣ. Я опять сидѣлъ въ каютѣ «Эриклика». Пароходъ, накануне по пути къ Батуму, сильно трепало. На наше счастье вѣтеръ унялся, но расходившееся волненіе не могло еще успокоиться и «Эрикликъ» непріятно покачивало. Одного изъ фельдъегерскихъ офицеровъ еще въ бухтѣ укачало и онъ, блѣдный и изможденный, пластомъ пролежалъ всю дорогу до Севастополя. Не смотря на хорошій буфетъ, аппетитъ разыгрывался не у многихъ. Съ нетерпѣніемъ ждали берега и вагонъ представлялся въ воображеніи вполне желаннымъ экипажемъ, въ которомъ уже спокойно можно было донестись до Петербурга.

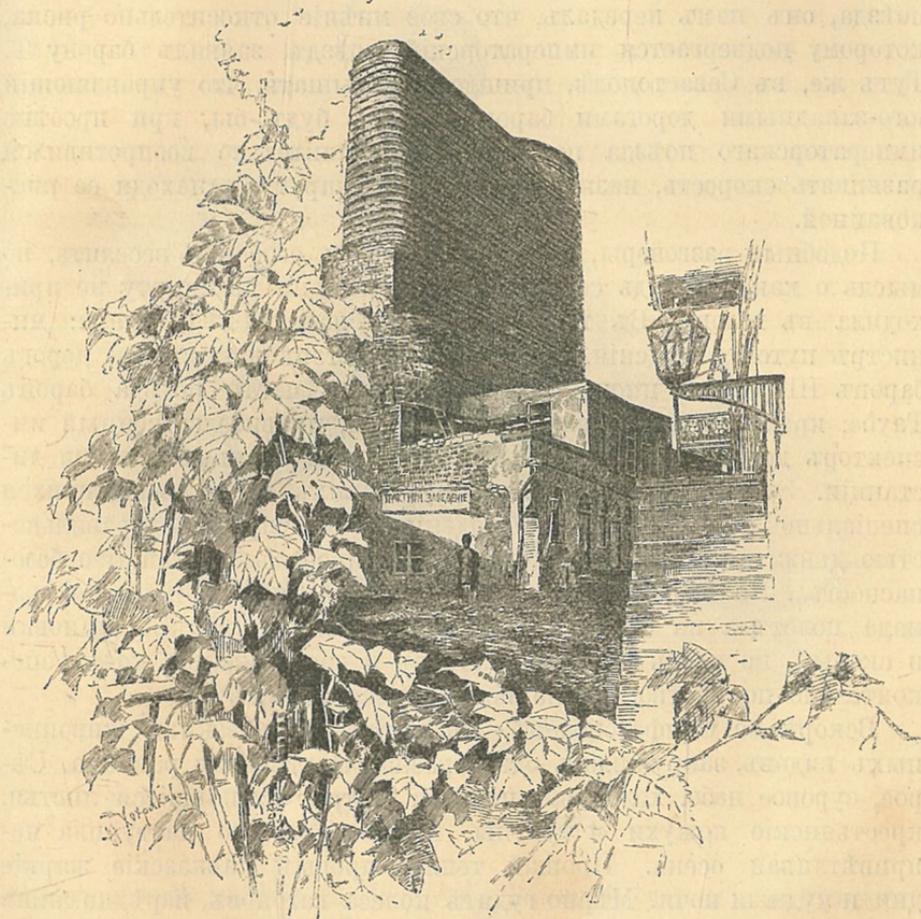
V.

Севастополь. — Отъѣздъ въ Петербургъ. — Дурныя предсказанія относительно безопасности императорскаго поѣзда. — Неожиданная задержка на пути. — Слухи о крушеніи императорскаго поѣзда. — Подтверженіе слуховъ о катастрофѣ. — Прибытіе къ мѣсту крушенія. — Страшная картина. — Чекуверъ, Брешъ и Басковъ. — Уборка раненыхъ. — Тостъ за барона Шернвалья. — Возвращеніе на станцію Тарановка. — Толки о причинахъ катастрофы. — Обѣдъ на станціи Лозовой. — Пріѣздъ въ Харьковъ. — Восторженный пріемъ, оказанный населеніемъ Царской Семьи. — Отъѣздъ изъ Харькова.

Наконецъ, два дня морскаго путешествія миновали и мы ночью втянулись въ Севастопольскую бухту, гдѣ уже стояла на якорѣ «Москва», далеко обогнавшая нашъ тихоходный, десятиузловый «Эрикликъ». Пріятно было освободиться отъ морской качки; да и на сушѣ какъ-то чувствуешь себя безопаснѣе.

За нѣсколько лѣтъ Севастополь неузнаваемо обстроился. Тогда еще мѣстный портъ невозбранно царилъ въ Крыму и ничто не указывало на близкое торжество Феодосіи. Городъ глядѣлъ празднично. Повсюду привѣтливо шелестящіе флаги и толпы народа.

Ихъ Величества посѣтили Севастопольское морское офицерское собраніе. Роскошная обстановка для этого клуба подарена Государемъ съ бывшей Императорской яхты «Ливадія». Подарокъ вполне царскій. Въ Севастополь прибыли также Великій Князь Михаилъ Александровичъ и Великія Княжны Ксенія и Ольга Александровны. Они пріѣхали изъ Царскаго имѣнія «Ливадіи», гдѣ провели осень.

Дѣвичья башня въ Баку.

Въ 4 часа дня, 16-го октября, при напутственныхъ кликахъ многочисленнаго народа, собравшагося по линіи желѣзной дороги и по горнымъ склонамъ, плавно двинулся впередъ императорскій поѣздъ, направляясь на Харьковъ, Орель, Витебскъ и Гатчину. Гордо и величественно удалялся вдаль могучій, громаднѣйшій поѣздъ. Вскорѣ пришлось его вновь увидѣть, но въ какомъ жалкомъ состояніи!

Нашъ, такъ называемый свитскій, поѣздъ готовъ былъ къ отправленію. На платформѣ я столкнулся съ моимъ знакомымъ, симпатичнымъ крымскимъ шоссейнымъ инженеромъ Степаномъ Ивановичемъ Р—ко. Степанъ Ивановичъ былъ крайне взволнованъ. Громоздкость отошедшаго императорскаго поѣзда и скорость, съ которой онъ ходитъ, наводили Р—ко на черныя мысли. Разгорячившійся инженеръ предсказывалъ, что добромъ дѣло не кончится и такому гиганту не сдобровать. На замѣчаніе мое и флигель-адъютанта С—скаго отчего же Р—ко не кричалъ объ этомъ до отхода поѣзда, онъ намъ передалъ, что свое мнѣніе относительно риска, которому подвергается императорскій поѣздъ, заявилъ барону Т. Тутъ же, въ Севастополѣ, пришлось услышать, что управляющій юго-западными дорогами баронъ Витте, будто-бы, при пробѣгѣ императорскаго поѣзда по его линіи рѣшительно воспротивился развивать скорость, назначенную по маршруту¹⁾, находя ее рискованной.

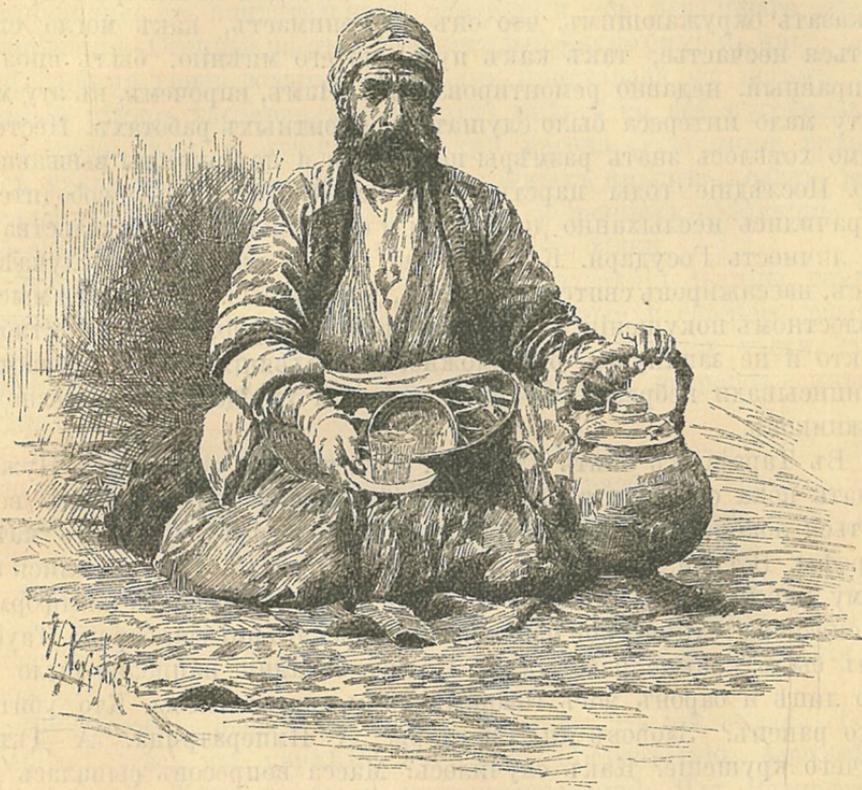
Подобные разговоры, конечно, не могли особенно веселить, но мысль о какой-нибудь серьезной опасности ни на минуту не приходила въ голову. Въ императорскомъ поѣздѣ вѣдь ѣхали: министръ путей сообщенія, главный инспекторъ желѣзныхъ дорогъ баронъ Шернваль, инспекторъ технической части поѣзда баронъ Таубе; кромѣ того, управляющій дорогой, правительственный инспекторъ дороги, начальникъ движенія и начальникъ мѣстной дистанціи. Этотъ персоналъ семи путейскихъ чиновъ, явившихся специально для личного наблюденія за безупречною правильною движеніемъ, казалось, вполне гарантировалъ полнѣйшую безопасность... Наконецъ, засвистали наши локомотивы и вторая громада полетѣла на сѣверъ. Прекрасные вагоны, рѣдкія остановки и скорый, но плавный, безъ скачковъ и раскачиваній, ходъ успокоительно подѣйствовали на поднявшіеся нервы.

Вскорѣ за Симферополемъ, въ замѣнъ кавказскихъ живописныхъ видовъ, закружилась однообразная желтѣющая равнина. Сѣрое, суровое небо, холодные порывы вѣтра, осыпавшіеся листья, крестьянскіе кожухи и тулупы, показывали, что наступила непривѣтливая осень. Прощай тепло, прощай кавказскіе жаркіе дни и чудныя ночи. Мѣрно гудятъ колеса вагоновъ, изрѣдка лишь постукивая на рельсовыхъ скрѣпахъ. Ночная мгла постепенно заволакиваетъ чернымъ покрываломъ грустныя окрестности. Изрѣдка лишь промелькнетъ освѣщенная станціонная платформа, съ собравшейся на ней группой мѣстныхъ обитателей; но поѣзду нѣкогда останавливаться, и онъ проносится впередъ. Тяжело прогромыхавъ по развѣзднымъ путямъ, локомотивы снова безстрашно съ богатырскимъ свистомъ врѣзываются въ зіяющую тьму. Въ тепло, въ

¹⁾ По пути слѣдованія изъ Новой Праги на Кавказъ.

уютномъ купэ привѣтливо раскинулся диванъ и манить къ себѣ поближе. Сонъ незамѣтно охватываетъ сосѣдей и меня, заставляя забыть всѣ заботы и тревоженія...

На станціи Лозовой опять насъ растревожилъ разговоръ Спскаго съ инженеромъ Лозово-Севастопольской дороги; послѣдній въ виду перехода императорскаго поѣзда на Курско-Азовскую дорогу, благословлялъ небеса за благополучное «прослѣдованіе». Оказывается, что въ вагонѣ Цесаревича испортился тормазъ и вообще слышалось

Торговецъ въ Баку.

подтверженіе мнѣнія С. И. Р—ко. Ъхавшій съ нами, причастный къ желѣзнодорожному дѣлу, полковникъ А—овъ, началъ къ тому же рисовать въ черномъ цвѣтѣ состояніе дорогъ и опасности, отъ которыхъ нисколько не гарантированъ императорскій поѣздъ.

Незамѣтно мы доѣхали до ст. Алексѣевки. Здѣсь насъ задержали. Сначала мы не обратили вниманія на эту остановку. Но вскорѣ послышались толки, что съ первымъ поѣздомъ случилось чтò-то, какая-то поломка. Затѣмъ, появились вѣсти, что поѣздъ сошелъ съ рельсовъ съ несчастными послѣдствіями. Всѣмъ понятно будетъ наше напряженное состояніе и нетерпѣніе скорѣе узнать

истину. Говорили, что есть раненые, даже убитые, но кто, неизвестно. «Боже сохрани и помилуй!» невольно мелькало у каждого въ головѣ, и одна мысль о возможномъ несчастіи леденила ужасомъ кровь...

А поѣздъ стоялъ.

Зачѣмъ насъ задерживали, трудно было понять, такъ какъ путь до станціи Тарановки былъ совершенно свободенъ. Наконецъ, мы направились туда. Здѣсь, на маленькой станціи, также точныхъ извѣстій никакихъ не было. Какой-то молодой инженеръ старался доказать окружающимъ, что онъ не понимаетъ, какъ могло случиться несчастіе, такъ какъ путь, по его мнѣнію, былъ вполне исправный, недавно отремонтированный. Намъ, впрочемъ, въ эту минуту мало интереса было слушать о ремонтныхъ работахъ. Нестерпимо хотѣлось знать размѣры несчастія, а не причины вызвавшія его. Послѣдніе годы царствованія покойнаго Царя-Освободителя омрачились неслыханно дерзкими и страшными посягательствами на личность Государя. Казалось бы, что и въ данномъ случаѣ у насъ, пассажировъ свитскаго поѣзда, должна была зародиться мысль о злостномъ покушеніи; однако, неоспоримо вѣрно, что 17-го октября никто и не заикнулся о возможности злодѣянія, а все несчастіе приписывали небрежности инженеровъ и упущеніямъ желѣзнодорожниковъ.

Въ Тарановкѣ опять длинная, мучительная остановка. Нужно ждать пока освободится путь. Въ Тарановку долженъ былъ вернуться локомотивъ, вытребованный по телеграфу на мѣсто катастрофы. Вотъ и онъ, столь желанный паровозъ! Всѣ бросились къ нему навстрѣчу и мигомъ окружили, спустившагося на платформу, инспектора технической части императорскаго поѣзда, барона Таубе. Онъ былъ крайне разстроенъ. Полное отчаяніе написано было на его лицѣ и баронъ могъ говорить лишь сквозь слезы. Кто убитъ? Кто раненъ? Здоровъ ли Государь? А Императрица? А Дѣти? Отчего крушеніе? Какъ случилось? Масса вопросовъ сыпалась на плачущаго инспектора. Онъ спѣшилъ успокоить относительно Царской Семьи. Когда же онъ сказалъ, что человекъ двадцать убито, а еще болѣе того раненыхъ, то невольно екнуло сердце у окружающихъ. Точныхъ свѣдѣній баронъ, будучи страшно разстроенъ, не могъ дать; но передавалъ, что, кажется, изъ свиты никто серьезно не пострадалъ. Наконецъ-то мы, послѣ долгихъ ожиданій, двинулись впередъ.

Газетные корреспонденты, работавшіе во время пріѣзда Ихъ Величествъ на Кавказъ, простились со мной еще въ Батумѣ. Послѣ интересной, но утомительной поѣздки они направились на отдыхъ. Теперь я вспомнилъ ихъ. Вѣдь необходимо дать сейчасъ же хотя краткое описаніе крушенія поѣзда и чудеснаго спасенія. Приходилось братья за отчетъ. У меня подъ рукой не было письмен-

ныхъ принадлежностей; онѣ покоились въ чемоданахъ. Какая же въ дорогѣ переписка! Въ книгѣ, взятой мною съ собою въ дорогу, оказался почтовый листъ, карандашъ же для отмѣтокъ при чтеніи всегда былъ со мной и я приготовился къ составленію телеграммы.

Медленно, пугливо, точно ощупью приближался нашъ поїздъ къ мѣсту катастрофы. Вокругъ было мертвенно пусто; вдали виднѣлась какая-то деревенька. Наконецъ, показалась довольно глубокая балка, черезъ которую перекинулась большая насыпь. Мы остановились въ почтительномъ разстояніи отъ печальнаго мѣста разрушенія. Осенній частый дождикъ неприятно билъ въ лицо; черная, липкая грязь большими комьями приставала къ ногамъ; холодный вѣтеръ заставлялъ застегнуть пальто на все пуговицы.

Передъ нами на пути стояло три вагона, а за ними виднѣлась какая-то безформенная куча вагонныхъ крышъ, колесъ, расщепленныхъ стѣнъ, разбитыхъ стеколъ и разныхъ обломковъ, густо осыпавшихъ оба откоса до самаго дна балки.

Точно заторъ во время ледохода, когда заднія льдины, надвинувшись на переднія, разломались, нѣкоторыя и совсѣмъ рассыпались блестящими стеклышками, а болѣе крѣпкія части, сцѣпившись, составили цѣлую гору беспорядочно нагроможденныхъ льдинъ. §

Вся Россія хорошо знаетъ подробности катастрофы. Видѣли все также и фотографическое изображеніе разбитаго поїзда. Неправда ли страшная картина? А каково было видѣть ее въ натурѣ и при томъ въ присутствіи убитыхъ и раненыхъ...

Фотографія конечно безъ утайки передала дѣйствительность, но, къ сожалѣнію, крыша вагона-столовой, при дѣланіи снимка, была приподнята подставкой, чегò тотчасъ послѣ крушенія не было.

По лѣвому ¹⁾ откосу двигается десятокъ людей. Слава Тебѣ Господи! Здѣсь мы увидѣли Государя, Государыню, Августѣйшихъ дѣтей. Тутъ же были и сопровождавшіе Ихъ Величествъ все время на Кавказѣ: генераль-адъютанты: графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, П. С. Ванновскій, О. Б. Рихтеръ, П. А. Черевинъ и Гр. Гр. Даниловичъ, флигель-адъютантъ князь Оболенскій, лейб-хирургъ Гиршъ и художникъ Зичи; а также генераль-адъютанты: Посетъ и В. В. Зиновьевъ, сопровождавшій изъ Ливадіи младшихъ дѣтей Ихъ Величествъ.

Глядя на весь этотъ хаосъ обломковъ желѣза и дерева, морозъ пробѣгалъ по тѣлу...

¹⁾ По направленію отъ Тарановки въ Харьковъ.

²⁾ О катастрофѣ мною было доставлено три корреспонденціи въ «Прав. Вѣстникъ».

Надъ откосомъ повисъ великокняжескій вагонъ, съ вышиблен-ной стѣной. Въ образовавшееся широкое отверстіе и была выбро-шена Великая Княжна Ольга Александровна.

Казалось, что вотъ, вотъ и рухнетъ внизъ этотъ вагонъ. Пе-редній локомотивъ, украшенный флагами и гирляндами зелени, спокойно отдыхалъ на рельсахъ и точно глухой не обращалъ вни-маніе на творившійся сзади страшный беспорядокъ. Второй па-ровозъ, въ моментъ катастрофы, какъ будто хотѣлъ мелькомъ взглянуть, что дѣлается въ хвостѣ, да такъ отъ ужаса и застылъ, перекошенный немного на бокъ.

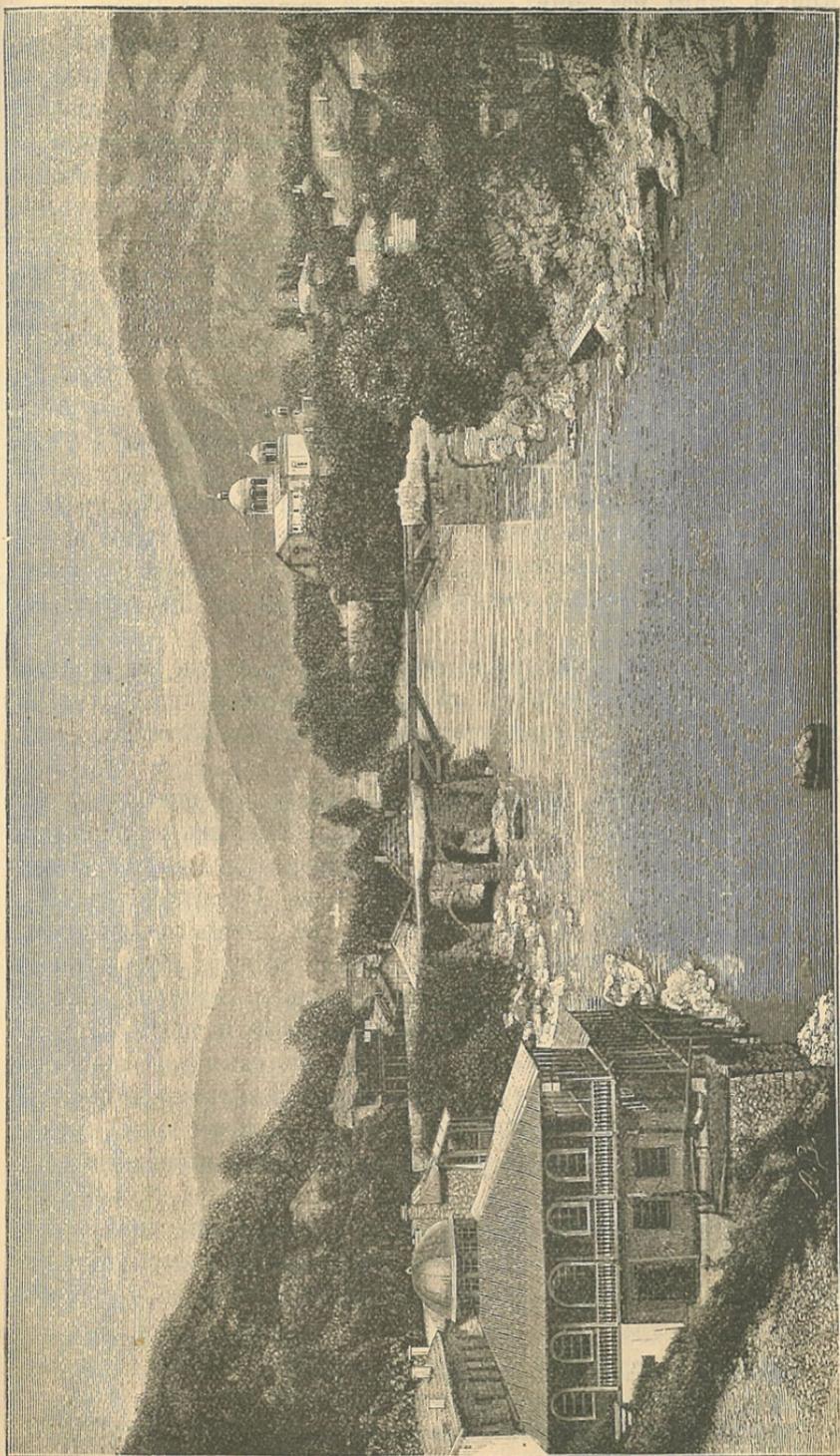
У подошвы насыпи вытянулся рядъ лежащихъ, прикрытыхъ съ головою, фигуръ. То были жертвы катастрофы, убитые. Какъ извѣстно, все это оказались солдатики или изъ числа служеб-наго персонала, за исключеніемъ гг. Чекуверъ и Брепа.

Лекарскій помощникъ Чекуверъ былъ въ прежнее время фельд-шеромъ еще въ клиникѣ профессора Нарановича. При сформирова-ніи двора Цесаревича Александра Александровича, онъ занялъ должность лекарскаго помощника и съ тѣхъ поръ безотлучно слу-жилъ при Дворѣ. Это былъ практически очень свѣдущій, симпа-тичный и общительный человѣкъ, котораго постоянно все оса-ждали просьбами: перевязать, потереть, дать «какихъ-нибудь ка-пель или порошка» и т. п. Чекуверъ всемъ старался угодить и по возможности помочь. Послѣ катастрофы, лица близко знавшіе покойника, говорили, что онъ точно предвидѣлъ смерть, былъ за послѣднее время очень грустенъ. Жаль было хорошаго человѣка и толковаго работника. Еще болѣе жаль его дѣтей, круглыхъ сиротъ.

Штабсъ-капитанъ, фельдъегерь Брешъ, офицеръ могучаго сло-женія, на своемъ вѣку сдѣлалъ десятки тысячъ верстъ, разъѣз-жая по всей Европѣ съ порученіями. Какъ истый фельдъегерь, онъ нашелъ себѣ смерть, не дома на постелѣ, а въ своей служеб-ной сферѣ—въ дорогѣ.

Зналъ я еще изъ числа убитыхъ ѣздового Баскова. Ростороп-ный и смѣтливый, онъ былъ незамѣнимъ во время путешествія. Отъ него никогда нельзя было услышать отвѣта: не знаю, не могу. Вспомнилось мнѣ, какъ бѣдный Басковъ, желая порадовать свою семью, накупалъ на Кавказѣ цѣлую кучу незамысловатыхъ го-стинцевъ.

Изъ Харькова пришелъ санитарный поѣздъ и начали перено-сить въ него раненыхъ. Бѣдныхъ больныхъ приходилось сначала вынимать изъ уцѣлѣвшихъ вагоновъ, въ которыхъ они временно были укрыты, а затѣмъ по скользкой насыпи спускать внизъ и опять подымать съ другой барковской стороны. Каждое неосто-рожное движеніе понятно болѣзненно отзывалось на искалѣчен-ныхъ, стонавшихъ жертвахъ катастрофы. Особенно страдалъ и

Видъ Куганса.

кричаль одинъ изъ нихъ, обваренный кипяткомъ. Всякое прикосновеніе было мученіемъ для бѣдняги. Вслѣдъ за другими, вынесли изъ вагона и барона Шернваль съ подбитымъ глазомъ и ушибленной ногой. Мнѣ вспомнилось наше веселое путешествіе на пароходъ изъ Новороссійска въ Батумъ. Тамъ, на «Эрикликъ» за обѣдомъ поднять былъ бокалъ съ дружно привѣтствованнымъ тостомъ, за барона Канута Генриховича, «много лѣтъ благополучно водящаго императорскіе поѣзды».

Раненыхъ перенесли. Смеркалось. Нашъ молчаливый поѣздъ преобразился и ожилъ. Отъ Севастополя до Тарановки въ немъ ѣхали: флагъ-капитанъ В. Г. Басаргинъ, графъ А. В. Олсуфьевъ¹⁾, докторъ К. А. Раухфусъ, К. К. Гернетъ²⁾, С. И. Сперанскій,³⁾ Л. М. Албертовъ⁴⁾ и еще нѣсколько человекъ. Въ сложности насъ было очень немного и мы занимали лишь незначительную часть всего обширнаго подвижнаго помѣщенія.

Въ свитскомъ поѣздѣ также были вагоны спеціально предназначенные для Высочайшихъ Особъ. Когда-то въ этихъ вагонахъ ѣздила покойная императрица. Теперь спѣшно зажигались огни, отворяли купэ и вообще приготавливались къ приему Высокихъ Путешественниковъ.

Всѣ эти сборы напоминали переполохъ и суетню въ старомъ барскомъ домѣ, въ которомъ долго уже не жили владѣльцы, и вдругъ неожиданно, не предупредивъ, пріѣхали провести нѣсколько дней.

Опять Тарановка. Наступилъ уже вечеръ. Въ свитскомъ поѣздѣ буфета не было и мы, предполагая, завтракать въ Харьковѣ не озаботились продовольствіемъ. Катастрофа отодвинула и завтракъ и Харьковъ на неопредѣленное время. Голодъ давалъ себя знать. На станціи Тарановкѣ, въ одной изъ двухъ невзрачныхъ комнатъ, имѣлся маленькій буфетъ, скорѣе лотокъ. Добродушная пожилая буфетчица подчивала бутербродами съ ветчиной, икрой, яйцами, какими-то очень вкусными коржиками и чаемъ. Буфетъ брали съ бою, хозяйка была въ отчаяніи, что такъ мало припасла матеріала. Видимо, не расчетъ тутъ игралъ роль, а соболѣзнованіе къ голодающимъ путешественникамъ. Она въ то же время гордилась выпавшей на ея долю честью: чай и хлѣбъ носили даже въ вагоны.

Въ помѣщеніе телеграфа собрались завѣдывающіе движеніемъ императорскаго поѣзда и мѣстные инженеры для выработки новаго маршрута. Никогда, конечно, ни раньше, ни послѣ, телеграфъ

1) Начальникъ канцеляріи главной квартиры.

2) Начальникъ главнаго дворцоваго управленія.

3) Управляющій петергофскими дворцами.

4) Командиръ 1-го желѣзнодорожнаго баталіона.

не работав так усиленно в Тарановкѣ. Передъ телеграфистами были навалены груды телеграмъ съ извѣщеніями родныхъ о благополучномъ избавленіи отъ опасности. Небольшая телеграмма министра двора съ первыми краткими свѣдѣніями о крушеніи была послана еще съ мѣста катастрофы на ст. Борки. Всякій боялся оставлять семью въ сомнѣніи и потому слѣшили телеграфировать.

Оригинальную картину представляла станція вечеромъ 17-го октября. Руки на перевязи, повязки на головѣ, парapiны и ссадины на лицахъ; толки объ убитыхъ и раненыхъ; разсужденія о дальнѣйшемъ движеніи, о новомъ маршрутѣ, переносили въ военную обстановку. Казалось, послѣ кровопролитнаго дѣла отступилъ отрядъ... Толки о причинѣ несчастія, конечно, слышались повсюду. Говорили о гнилой шпалѣ, кусокъ отъ которой былъ переданъ Его Величествомъ жандармекому офицеру. Указывали на неисправность въ вагонѣ министра путей сообщенія, въ вагонѣ, который, будто бы, по типу не подходилъ ко всему поїзду и поставленъ былъ безъ точнаго осмотра послѣ долгаго пути. Бранили строителей за неудовлетворительную насыпь. Кто-то заявлялъ, что всему причиной товарный локомотивъ, который не можетъ ходить съ такою скоростью и на закругленіи рано или поздно долженъ былъ раскататься, раздвинуть рельсы и погубить поїздъ. Возбужденіе противъ инженеровъ и правленія Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги было страшное...

Скоро станція начала пустѣть...

Новый императорскій поїздъ двинулся на ст. Лозовую, а для насъ, прежнихъ его пассажировъ, приготовляли уцѣлѣвшіе отъ крушенія вагоны. Мнѣ досталось бывшее купѣ коменданта императорскаго поїзда полковника Ширинкина.

Когда мы наконецъ прибыли на Лозовую, тамъ уже богослуженіе было кончено и въ залѣ III класса сидѣло громадное общество за позднимъ обѣдомъ. За общую трапезу приглашены были всѣ, включая и лакеевъ, мастеровыхъ и низшаго желѣзнодорожнаго персонала. За столомъ, за которымъ сидѣла Царская Семья съ свитой, обѣдалъ и министръ государственныхъ имуществъ, пріѣхавшій съ общимъ поїздомъ изъ Севастополя, вмѣстѣ съ другими пассажирами, изъ которыхъ, нѣкоторые также приглашены были раздѣлить хлѣбъ-соль при выдѣляющейся обстановкѣ. Послѣ обѣда, императорскій поїздъ направился на Синельниково-Долинскую, Кременчугъ, Харьковъ въ Москву.

Судьба, такъ тяжело наложившая суровую руку на несчастныхъ жертвы катастрофы, въ тотъ же еще день успѣла нѣкоторымъ улыбнуться. Два сельскихъ священника съ причтомъ, конечно, никогда и не помышляли о возможности отправлять богослуженіе въ присутствіи Государя; а невозможное оказалось возможнымъ. Оба батюшки съ довольными, веселыми лицами ходили по станціон-

ному залу и охотно сообщали о подробностях, сопровождавших богослуженіе и о царскомъ щедромъ вознагражденіи.

Содержатель буфета и вся его прислуга ногъ подъ собой не слышали отъ счастья служить «Самому Государю». — «Очень остались довольны и по добротѣ Своей все хвалили», — захлебываясь рассказывалъ офиціантъ. На вокзалѣ я увидѣлъ задумчиваго, высокаго роста, съ симпатичнымъ лицомъ инженера, на котораго катастрофа такъ подѣйствовала, что онъ сталъ заговариваться. Въ бывшемъ свитскомъ поѣздѣ ни буфета, ни кухни не было, а потому и при дальнѣйшемъ слѣдованіи приходилось продовольствоваться на желѣзнодорожныхъ буфетахъ. На ст. Долинской (Екатерининской дороги), въ виду отсутствія зала, обѣдъ былъ сервированъ въ сосѣднемъ маленькомъ трактирѣ. Въмѣсто сорока верстъ, оставшихся отъ Борки до Харькова приходилось сдѣлать длинное обходное движеніе по Екатерининской и Харьковско-Николаевской дорогамъ и прибыть въ Харьковъ не 17-го октября, а только лишь девятнадцатаго.

Въ то время, какъ во всей Россіи еще мало были распространены свѣдѣнія о событіи 17-го октября, украинская столица, близкая сосѣдка Боркамъ, знала всѣ подробности страшной опасности, угрожавшей Царской Семьѣ и чудеснаго спасенія. Знала она также о сердобольномъ отношеніи Ихъ Величествъ къ пострадавшимъ. При самомъ точномъ копированіи нѣкоторыхъ моментовъ Высочайшаго путешествія народный энтузіазмъ представляется въ такой формѣ, что человекъ, не присутствовавшій никогда при подобныхъ торжествахъ, можетъ заподозрить излишній пафосъ. Напрасно. Но вѣдь сѣверяне съ недоувѣріемъ смотрятъ на бирюзовое море на картинѣ; а засидѣвшіеся горожане удивляются фантазіи художника, изображающаго закатъ солнца въ мѣсу и т. д. Такъ и здѣсь. Нисколько не впадая въ преувеличеніе, я долженъ сказать, что встрѣча, оказанная Ихъ Величествамъ жителями Харькова 19-го октября по своей задушевной восторженности, положительно не поддается описанію...

Старъ и младъ спѣшили на встрѣчу Ихъ Величествамъ. Улицы были запружены, но не звѣвущей и любопытной толпой, а сочувственной сплоченной массой, охваченной радостнымъ чувствомъ, при видѣ Царской Семьи, подвергавшейся страшной опасности. Послѣ возвращенія Ихъ Величествъ изъ университетской клиники и изъ желѣзнодорожной больницы, куда Они ѣздили посѣтить раненыхъ 17-го октября, вокзалъ и платформа переполнились народомъ. Военныхъ и чиновниковъ; служащихъ и отставныхъ; многочисленныхъ представителей дворянства, земства и города; а наконецъ и просто «обывателей», все это стремилось на вокзалъ. Военныя шапки и парадныя гражданскія шляпы мѣшались съ цилиндрами, котелками, смушковыми шапками и фуражками.

Громаднѣй, могучѣй хоръ студентовъ и гимназистовъ нервно, но стройно прошѣлъ «Спаси Господи люди Твоя» и «Боже царя храни». Не знаю придется ли когда испытать подобное чувство впоследствии, но до настоящаго времени никогда еще эти два гимна не звучали для меня такъ торжественно, такъ возбуждающе... Многіе плакали...

Государь не могъ не видѣть, не могъ не чувствовать общаго нравственнаго подъема и, уѣзжая, онъ подарилъ харьковцевъ добрыми словами: «Я никогда не забуду этого приѣма, благодарю, благодарю».

Черезъ нѣсколько минутъ императорскій поѣздъ уже оставилъ за собою Харьковъ, оставилъ окрайный городъ юга и унесъ Царственныхъ Путешественниковъ на сѣверъ.

Василій Кривенко.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.

ВЕСНОЮ 1862 года я окончилъ курсъ въ Лѣсномъ институтѣ, имѣвшемъ тогда военное устройство, и получилъ званіе практиканта. Въ этомъ званіи мнѣ предстояло пробыть годъ на практическихъ занятіяхъ, въ Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ, расположенномъ въ 50 верстахъ отъ Петербурга, въ Царскосельскомъ уѣздѣ. Практиканты числились уже на дѣйствительной службѣ, получали жалованіе (около 200 руб. въ годъ) и носили офицерскую форму, за исключеніемъ погонь и эполетъ. Въ первое время, когда преобразованъ былъ Лѣсной институтъ по образцу кадетскихъ корпусовъ, означеннаго переходнаго званія не существовало, и молодые люди проходили практической курсъ въ офицерскомъ чинѣ; но впослѣдствіи, въ видахъ военной дисциплины, или по соображеніямъ педагогическимъ, съ нихъ эполеты были сняты и для полученія оныхъ установленъ вторичный экзаменъ.

Лисинское учебное лѣсничество учреждено въ началѣ тридцатыхъ годовъ, по мысли тогдашняго министра финансовъ графа Канкринна; оно должно было служить не только учебно-практической школой, но и образцомъ рациональнаго хозяйства для всѣхъ лѣсовъ имперіи. Въ немъ устраивались ежегодно лагерные сборы кадетъ Лѣснаго института и находилась низшая лѣсная школа, носившая официальное наименованіе егерскаго училища. Каменные учебныя зданія и деревянные дома, въ которыхъ помѣщался учащій и административный персоналъ, скученные на тѣсномъ пространствѣ, съ включеніемъ хорошенькой церкви и императорскаго охотничьяго павильона, составляли маленькій красивый городокъ, со-

единенный шоссею дорогой со станціей Тосна, Николаевской желѣзной дороги (17 верстѣ), и съ городомъ Павловскомъ (30 верстѣ). Собственно «лѣсничество», въ центрѣ коего находится означенный городокъ, представляла Лисинская казенная дача, площадью свыше 30 тысячъ десятинъ, которая, независимо отъ прямого своего назначенія, служила и для императорской охоты. Здѣсь же находился обширный звѣринецъ, охотничій павильонъ, или дворецъ, какъ его обыкновенно называли мѣстные жители, и цѣлый штатъ придворныхъ егерей.

Насъ, практикантовъ, въ 1862 году, прибыло въ Лисино 40 человекъ. Мы помѣстились въ третьемъ этажѣ громаднаго каменнаго зданія, въ отдѣльныхъ «камерахъ», расположенныхъ по обѣ стороны широкаго коридора, по три-четыре человекъ въ каждой камерѣ. Хотя по уставу мы подчинялись строгой военной дисциплинѣ, чуть не наравнѣ съ нижними чинами, но въ дѣйствительности, согласно установившимся традиціямъ, намъ предоставлена была полная свобода, и ближайшее начальство относилось къ намъ, какъ къ настоящимъ офицерамъ. Мы устроились въ камерахъ, какъ кто хотѣлъ; по личному вкусу и привычкамъ каждаго, не хуже чѣмъ въ обыкновенныхъ меблированныхъ комнатахъ. Если кто изъ начальства и заглядывалъ къ намъ, то лишь какъ гость. Карточная игра, вечеринки, попойки—чередовались безъ перерыва, то въ той, то въ другой камерѣ, и особенно стали учащаться съ приближеніемъ экзаменовъ, когда офицерскіе эполеты висѣли уже, такъ сказать, на носу. Единственно, что напоминало намъ военную дисциплину, это—обязанность дежурить разъ въ 1½—2 мѣсяца; впрочемъ, означенная обязанность заключалась лишь въ томъ, что въ 9 часовъ вечера дежурный отправлялся съ рапортомъ къ директору, который въ большинствѣ случаевъ приглашалъ его остаться гостемъ и составить партію въ вистъ. Беспорядокъ въ камерахъ былъ страшный, грязь—непролазная, особенно по утрамъ. Нетолько ближайшее начальство, но и высшія власти, пріѣзжавшія изъ Петербурга, не рисковали заглядывать въ наши жилища, которыя такимъ образомъ мы имѣли полное основаніе считать неприкосновенными, внѣ всякаго контроля.

Императоръ Александръ II очень любилъ охоту въ Лисинскомъ лѣсничествѣ и, въ теченіе многихъ лѣтъ, будучи еще наслѣдникомъ престола, пріѣзжалъ сюда по нѣскольку разъ въ годъ. О пріѣздѣ государя дѣлалось обыкновенно извѣстно за недѣлю, или за двѣ. Мы, практиканты, не принимали обязательнаго участія въ царской охотѣ, но воспитанники егерскаго училища наряжались въ лѣсъ, въ качествѣ загонщиковъ, если охота предстояла на медвѣдя. Хлопоты и приготовленія, вызываемыя ожиданіемъ пріѣзда государя, касались исключительно организаціи охоты и приведенія въ порядокъ охотничьяго павильона; въ учебныхъ же заведе-

ніяхъ все оставалось попрежнему, а егерское училище принимало даже худшій видъ, вслѣдствіе неизбѣжной суетни, по случаю снаряженія воспитанниковъ въ лѣсъ. Государь никогда, въ теченіе 20 лѣтъ, не посѣщаль здѣшнихъ учебныхъ заведеній и никому даже во снѣ не грезилось, чтобы подобный фактъ когда-либо могъ совершиться. Онъ пріѣзжалъ всегда поздно вечеромъ, весь слѣдующій день охотился, такъ что возвращался во дворецъ лишь въ сумеркахъ, къ обѣду, а затѣмъ тотчасъ уѣзжалъ обратно на станцію Тосна, гдѣ его ожидалъ экстренный поѣздъ. Никому, повторяю, не приходило въ голову, чтобы государь императоръ нашель время и выразилъ желаніе осчастливить своимъ посѣщеніемъ егерское училище, а тѣмъ паче наши камеры, представлявшія ничто иное, какъ грязныя *chambres garnies*. Нежданное событіе это, однако, совершилось и совершилось такъ внезапно, при такихъ исключительныхъ условіяхъ, что глубоко врѣзалось въ памяти всѣхъ очевидцевъ и навсегда запечатлѣло въ сердцахъ ихъ свѣтлый образъ Царя-Освободителя.

Въ мартѣ 1863 года, разнеслась вѣсть, что обложены два медвѣдя и надняхъ пріѣдетъ государь. Такъ какъ до сихъ поръ мнѣ не удавалось видѣть вѣздъ его, то въ назначенный день я отправился заблаговременно къ главному подъѣзду охотничьяго павильона. Была темная, морозная ночь. Вокругъ павильона толпилась масса народу: практиканты, воспитанники егерскаго училища, мѣстные крестьяне и многія изъ начальствующихъ лицъ съ женами и дѣтьми. Взоры всѣхъ устремлены были на тосненскую дорогу, по которой долженъ былъ слѣдовать царскій поѣздъ. Вотъ на горизонтѣ блеснуло маленькое зарево—значить государь вѣхалъ въ лисинскій лѣсъ; зарево происходило отъ факела, которымъ скачущій впереди фельдъегерь освѣщаль дорогу. Зарево все становилось ярче и ближе и минутъ черезъ 20 поѣздъ приближался уже къ павильону. Егермейстеръ верхомъ и фельдъегерь съ факеломъ пронеслись мимо, а простыя, открытыя сани остановились у подъѣзда. Изъ саней вышелъ государь и князь Суворовъ; государь милостиво отвѣтилъ на восторженное привѣтствіе собравшейся публики и, сказавъ нѣсколько словъ встрѣтившему его директору, вошелъ въ павильонъ. Слѣдомъ за нимъ, ни на волосъ не отставаая отъ ногъ, вошелъ хорошо знакомый намъ понтеръ «Милордъ», выпрыгнувшій раньше изъ саней и ожидавшій у дверей своего хозяина съ необыкновенно важнымъ видомъ и сознаніемъ собственного достоинства. Кромѣ князя Суворова, въ свитѣ государя прибыли оберъегермейстеръ графъ Ферзенъ, министръ государственныхъ имуществъ генераль-адъютантъ Зеленый и еще нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ. Оберъегермейстеръ графъ Ферзенъ имѣлъ обыкновеніе совершать путь отъ тосненской станціи до охотничьяго павильона (17 верстъ) пѣшкомъ; какъ онъ добрался

на этотъ разъ—не помню. Толпа долго не расходилась, а болѣе отважные то и дѣло заглядывали въ ярко освѣщенные окна павильона и объявляли во всеуслышаніе, что имъ удалось высмотрѣть. Нѣкоторые изъ насъ имѣли связи «на кухнѣ» и лакомились яствами и винами съ царскаго стола.

На другой день я проснулся около 9 часовъ и узналъ, что государь уже уѣхалъ на охоту, но къ завтраку вернется и опять поѣдетъ на другого медвѣдя, который обложенъ былъ въ болѣе отдаленной части дачи. Дѣйствительно, около полудня, я увидѣлъ изъ окна, какъ пріѣхалъ охотничій кортежъ къ павильону и какъ черезъ часъ или полтора выѣхалъ снова, по павловскому шоссе; государь съ княземъ Суворовымъ ѣхалъ впереди, въ одиночныхъ, простыхъ санкахъ. Первая охота удалась отлично: государь убилъ медвѣдя.

Спустя не болѣе четверти часа, какъ государь уѣхалъ, я вышелъ въ коридоръ, гдѣ засталъ нѣсколькихъ товарищей, которые прогуливались, по обыкновенію, съ самыхъ разнообразныхъ неглиже и съ папиросками въ рукахъ. Вдругъ, на лѣстницѣ, внизу, слышался какой-то странный шумъ и чьи-то стремительные шаги. Не успѣлъ я оглянуться, какъ меня едва не спихъ съ ногъ, блѣдный, какъ смерть, служитель и, прошептавъ задыхающимся голосомъ «государь!», стремглавъ помчался дальше. Мы всеъ положительно оцѣпенѣли. Кто бросился въ камеры, кто остался на мѣстѣ, какъ вкопанный.

Вотъ что случилось.

Не успѣлъ государь отѣхать версты двѣ или три, какъ прискакалъ ему на встрѣчу егермейстеръ капитанъ Гауэншильдъ и доложилъ, что медвѣдь ушелъ и слѣдовательно охота не состоится. Государь приказалъ кучеру повернуть, и лошадь, какъ стрѣла, понеслась назадъ, оставивъ далеко позади остальныхъ охотниковъ, въ числѣ коихъ были министръ и директоръ ¹⁾). Вмѣсто того, чтобы направиться къ павильону, сани съ государемъ и Суворовымъ повернули вдругъ въ противоположную сторону и остановились у егерскаго училища. Парадный подъѣздъ былъ засыпанъ снѣгомъ и съ трудомъ можно было отворить дверь; въ дортуарахъ стояли страшная вонь и грязь, такъ какъ воспитанники, бывшіе на охотѣ, тамъ же въ то время переодѣвались и переобувались. Государь быстро прошелъ по зданію училища и направился въ кухню, гдѣ пробовалъ изъ котла щи, оказавшіяся весьма недоброкачественными. Затѣмъ, сѣвъ въ сани, онъ поѣхалъ въ лазаретъ, а оттуда къ намъ. Въ это время лица свиты, министръ, директоръ, ничего не

¹⁾ Директоромъ Лисинскаго лѣсничества состоялъ въ то время полковникъ Черторыжскій. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ чинѣ генераль-маіора, онъ былъ назначенъ губернаторомъ одной изъ сибирскихъ губерній, но на дорогѣ умеръ.

подозрѣвая, возвратились въ павильонъ, и только тогда, когда государь оканчивалъ обзоръ нашего помѣщенія, явилось растерянное начальство.

Въ первое мгновеніе, какъ задыхавшійся отъ страха и усталости служитель прошепталъ «государь», я ничего не могъ сообразить, но когда понялъ, наконецъ, что государь императоръ здѣсь, въ нашемъ зданіи, и что черезъ минуту онъ можетъ войти въ мою комнату, я положительно остолбенѣлъ, живо представляя себѣ, какой я ужасный, невообразимый, неприличный оставилъ тамъ беспорядокъ. Но столбнякъ мой продолжался недолго—въ ту же минуту я увидѣлъ идущихъ по коридору государя и князя Суворова, которымъ сопутствовалъ одинъ только испуганный служитель. Къ счастью, дежурный практикантъ былъ на лицо и успѣлъ встрѣтить и отрапортовать государю, хотя, конечно, съ грѣхомъ пополамъ. Государь имѣлъ суровый, недовольный видъ и, дойдя до середины коридора, остановился на секунду, а затѣмъ вошелъ въ камеру, налѣво, въ которой, благодаря счастливой случайности, не было вопіющаго беспорядка и за какой-то работой сидѣлъ практикантъ Б., рѣшительно ничего незнавшій о томъ, что происходило. Невозможно представить его испугъ, изумленіе, когда, повернувъ голову на скрипъ отворяемой двери, онъ вдругъ узрѣлъ передъ собою государя! Онъ до того растерялся, что на вопросъ—какъ его фамилія, не могъ дать яснаго отвѣта. Въ это время явилось и все начальство съ министромъ во главѣ. Государь, сдѣлавъ нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній директору, перешелъ, черезъ коридоръ, въ слѣдующую камеру, гдѣ кое-что успѣли уже прибрать. Здѣсь онъ обратилъ вниманіе на разложенный на столѣ планъ, на которомъ валялись кучи папирознаго пепла.

— Развѣ планъ служить имъ и пепельницей?—спросилъ государь.

Все молчали. Все ждали страшной и заслуженной кары, ибо трудно вообразить, въ какомъ невозможномъ беспорядкѣ представилось государю Лисинское учебное лѣсничество и какое удручающее впечатлѣніе оно должно было произвести на него. Выйдя снова въ коридоръ, государь остановился, окруженный начальствующими лицами и практикантами. Наступила торжественная тишина, каждый чувствовалъ біеніе собственного сердца. Я стоялъ довольно близко къ государю и мнѣ показалось, что лицо у него было не столько суровое, сколько печальное.

— Я недоволенъ,—сказалъ онъ громко, обращаясь къ генералъ-адъютанту Зеленому,—но меня не ждали; надѣюсь, въ другой разъ найду все въ порядкѣ.

Затѣмъ, помолчавъ немного, онъ произнесъ болѣе тихимъ голосомъ:

— Смотри, чтобы несчастныхъ не было!

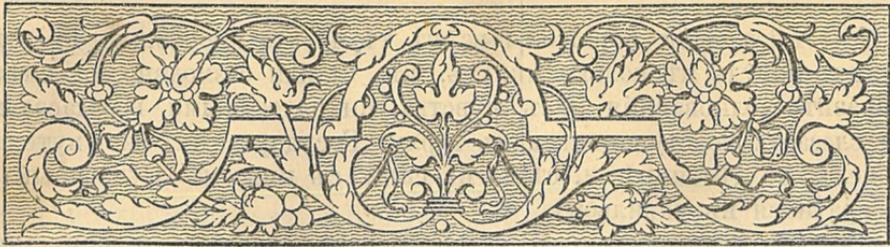
Мы такъ были поражены всёми тѣмъ, что произошло въ эти какихъ-нибудь нѣсколько минутъ, что стояли безмолвно, не смѣя выразить волновавшія насъ чувства, ни радостными возгласами, ни слезами, подступавшими къ горлу. Государь тѣмъ же путемъ сошелъ по лѣстницѣ и, сѣвъ въ сани съ княземъ Суворовымъ, возвратился въ павильонъ.

Вскорѣ, разнесся слухъ, будто государь сказалъ нашему министру, что онъ самъ виноватъ въ замѣченныхъ беспорядкахъ, такъ какъ, бывая здѣсь часто на охотѣ, ни разу не посѣтилъ учебныхъ заведеній. Не знаю, справедливъ ли былъ этотъ слухъ, но съ тѣхъ поръ государь каждый годъ посѣщалъ егерское училище, въ которомъ, разумѣется, находилъ всегда образцовый порядокъ. «Несчастливыхъ», какъ приказалъ онъ, дѣйствительно не оказалось. Пострадалъ лишь одинъ ротный командиръ Я.: онъ былъ уволенъ отъ должности и просидѣлъ мѣсяцъ на гауптвахтѣ, что не помѣшало ему, однако, получить тотчасъ новое назначеніе, по тому же лѣсному вѣдомству.

Въ 1864 году, классъ практикантовъ закрылся, такъ какъ закрылся и Лѣсной институтъ; егерское училище, переименованное впоследствии въ лѣсное училище, существовало до 1888 года, когда окончательно упразднено Лисинское учебное лѣсничество. Теперь Лисино совершенно опустѣло и о былой кипучей жизни свидѣлствуютъ лишь пустыя зданія да охотничій павильонъ, который поддерживается въ прежнемъ видѣ. Въ память пребыванія императора Александра II въ Лисинскомъ лѣсничествѣ, въ которомъ онъ, въ теченіе всей своей жизни, такъ часто искалъ отдохновенія отъ тяжкихъ государственныхъ заботъ, поставленъ вблизи дворца скромный памятникъ (бюстъ); надпись на памятникѣ гласитъ, что онъ воздвигнуть чинами корпуса лѣсничихъ.

И. Жудра.

КУРЬЕЗНЫЙ ПОРТРЕТЪ ПУШКИНА.

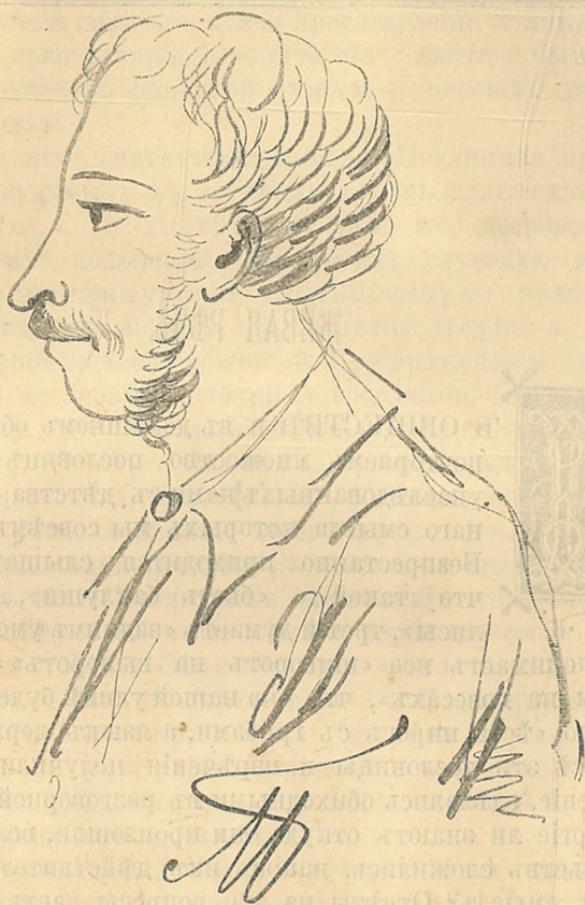
НЯЗЬ Николай Сергѣевичъ Путятинъ любезно сообщил намъ курьезный портретъ Пушкина, рисованный самимъ поэтомъ, карандашемъ, во время пребыванія его въ Гумранскомъ карантинѣ, въ 1829 году.

Портретъ этотъ найденъ княземъ Путятинымъ въ бумагахъ умершаго дѣда его, отставнаго генераль-маіора Николая Ивановича Лодыгина. Когда и какимъ образомъ попалъ портретъ Пушкина къ Н. И. Лодыгину, князю Путятину неизвѣстно; но г. Лодыгинъ долго служилъ на Кавказѣ, затѣмъ, въ сороковыхъ годахъ, былъ воронежскимъ военнымъ губернаторомъ и находился въ дружескихъ отношеніяхъ со многими литераторами того времени.

Мы воспроизводимъ съ буквальной точностью не только самый портретъ, но и подпись подъ нимъ, такъ какъ не знаемъ, кѣмъ она сдѣлана; князь Путятинъ удостовѣряетъ лишь, что этотъ почеркъ не схожъ съ почеркомъ его дѣда.

У Пушкина въ «Путешествіи въ Арзерумъ» о пребываніи его въ Гумрахъ сказано слѣдующее:

«Возвращаясь во дворецъ,— пишетъ онъ,— узналъ я отъ К., стоявшаго въ караулѣ, что въ Арзерумѣ открылась чума. Мнѣ тотчасъ представились ужасы карантина и я въ тотъ же день (14-го іюля) рѣшилъ оставить армію... Я ѣхалъ обратно въ Тифлисъ, по дорогѣ уже мнѣ знакомой. Въ Гумрахъ я выдержалъ трехъ-дневный карантинъ. Въ Тифлисъ я прибылъ 1-го августа». (Соч. Пушкина. Изд. Литературнаго фонда. Ч. 4, стр. 450—451).

писаный иль самовъ во время
коритно его захителъ въ каран-
тинъ Пумранской 1829 гъ 24 юня

ЖИВАЯ РѢЧЬ.

ВЪ ОБЩЕСТВѢ и въ домашнемъ обиходѣ мы часто повторяемъ множество пословицъ и выраженій, унаслѣдованныхъ нами съ дѣтства, но дѣйствительнаго смысла которыхъ мы совсѣмъ не понимаемъ. Безпрестанно приходится слышать, напримѣръ, что такой-то «бьетъ баклуши», другой «точить лясы», третій думаетъ «заднимъ умомъ», четвертый понимаетъ все «шиворотъ на выворотъ» пятый «несетъ турусы на колесахъ», что «на нашей улицѣ будетъ праздникъ», что нужно «ѣсть пирогъ съ грибами, а языкъ держать за зубами» и т. д. Всѣ эти пословицы и изрѣченія получили широкое распространеніе, сдѣлались обиходными въ разговорной рѣчи, а, между тѣмъ, многіе ли знаютъ откуда они произошли, вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ сложились, каковъ ихъ дѣйствительный, а не переносный, смыслъ? Отвѣты на эти вопросы даетъ, вышедшій на дняхъ, обширный трудъ С. В. Максимова, подъ заглавіемъ «Крылатые слова», единственнымъ предшественникомъ котораго, въ этомъ родѣ, является «Толковый словарь живаго великорусскаго языка» В. И. Даля. Составить такую книгу могъ только человекъ, подобно г. Максиму, долго жившій среди народа, изучавшій его и на сѣверѣ, и на югѣ, и на востокѣ, и на западѣ, записывавшій съ живой рѣчи народныя поговорки, примѣты, пословицы, сказанія и т. п. и затѣмъ провѣрившій и освѣтившій ихъ по историческимъ даннымъ. Къ многочисленнымъ услугамъ, оказаннымъ г. Максимовымъ русской исторіи, этнографіи и вообще народовѣдѣнію, прибавляется еще новая, за которую нельзя не поблагодарить его искренно. Такъ какъ трудъ почтеннаго автора представляетъ объемистый томъ въ пятьсотъ страницъ и заключаетъ въ

себѣ массу любопытнаго матеріала, то мы не можемъ изложить его содержаніе въ краткомъ бібліографическомъ отзывѣ, а посвящаемъ ему небольшую статью. Мы приведемъ здѣсь изъ книги г. Максимова, съ сокращенными объясненіями, лишь наиболѣе употребительныя «крылатыя слова», надѣясь, что и въ такомъ сжатомъ видѣ читатели получаютъ ясное представленіе о нихъ, а также и о томъ, насколько разныя историческія событія и бытовые особенности отразились въ народной памяти и перешли въ живой, разговорный языкъ.

Подлинная и подноготная правда. Подлинная правда добывалась у подсудимыхъ въ застѣнкахъ подъ длинниками (длинные розги-батоги); а «подноготная» тамъ же, посредствомъ забиванія подъ ногти колышковъ; въ обоихъ случаяхъ пытаемый говорилъ всю «подлинную» и «подноготную» правду. Была еще третья правда въ Москвѣ «у церкви Петра и Павла», вблизи которой помѣщался страшный Преображенскій приказъ съ его заплочными мастерами, дыбами и колодками. Эта правда породила поговорку, что «Москва слезамъ не вѣрить»; «она по чужимъ бѣдамъ не плачетъ». Наконецъ, существовала и четвертая правда, не подневольная, а истинная: «У Воскресенья въ Кадашахъ», въ Замоскворѣчьи, близъ церкви Воскресенья, гдѣ прежде жили кадочники (кадаши), а потомъ въ тридцатыхъ-пятидесятыхъ годахъ жилъ среди нихъ московскій городской голова Шестовъ, прославившійся честностью и бережливостью къ денежнымъ интересамъ города. «Пришла къ намъ правда не отъ Петра и Павла, а отъ Воскресенья въ Кадашахъ и стала матушка (Москва) въ барышахъ», говорили москвичи.

Къ варварѣ на расправу. Обвиненныхъ въ чемъ-либо, въ Москвѣ водили къ Варварскимъ воротамъ, въ башнѣ которыхъ существовалъ одинъ изъ застѣнковъ.

Гдѣ рука, тамъ и голова. Въ древней Руси свидѣтели по безграмотству подавали правую свою руку дяку и это замѣняло имъ подпись, иногда же они клали руки на бумагу — совершали рукоприкладство. Отсюда «держатъ чью руку», «играть въ одну руку», «бить по рукамъ» при согласіи и т. д.

Притянуть къ Иусу. Тайная Канцелярія екатерининскихъ временъ, управляемая Шенковскимъ, гдѣ побывалъ и писатель Радищевъ, и архіерей Арс. Маціевичъ, и бунтовщикъ Пугачевъ, — была увѣшана иконами. Допросы съ пытками и истязаніями Шенковскій уснащалъ текстами изъ св. Писанія и заставлялъ подсудимыхъ цѣловать крестъ съ распятіемъ. Отсюда притянуть къ Иусу, — т. е. попасть въ руки Шенковского.

Особь-статья. Въ древней Руси всѣ деревни тянули къ своей волости и міръ правилъ всѣми мірскими дѣлами. Даже церкви съ имуществами подлежали его вѣдѣнію и получали отъ волостного

міра приказчика для распоряженія церковнымъ имуществомъ и контроля. Болѣе богатяя церкви и монастыри умѣли однако откупиться отъ волости и писцы писали всѣ церковныя деревни «особь-статей». Эти обитатели уже «опричь черныхъ людей» сами назначали земскія и государственныя подати и т. д.

Покамѣсть. Когда земли было много, то границы владѣнія обозначались словами: «по туль и владѣнія, куда топоръ и соха ходили» или «по ка мѣста (по какое мѣсто) плугъ и соха ходили». Случалось, что на этихъ «по ка мѣста» старики раскладывали ребятъ и сѣкли ихъ на межевой ямѣ для памяти о границахъ владѣнія.

Ни кола—ни двора. Въ Ярославской губерніи очень узкая полоса пахатной земли зовется коломъ. Не имѣть ни кола, ни двора, значить не имѣть никакой собственности.

Правда въ ногахъ. Теперь мы говоримъ, что правды нѣтъ въ ногахъ, а когда-то сборщики податей приводили недоимщиковъ, судебные пристава—должниковъ, по жалобѣ заимодавцевъ, на правезъ босыми ногами и били ихъ по ногамъ палками. Отсюда и толкъ: «душа согрѣшила, а ноги виноваты»; «дай срокъ—не сбей съ ногъ» и т. д.

Долгій ящикъ. Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ у себя, въ селѣ Коломенскомъ, прибить къ столбу долгій ящикъ для жалобъ и прошеній. Рѣшеніе царское выходило скоро, но проходя черезъ руки бояръ и дьяковъ, дѣло «волочилось» и кремлевскій или коломенскій ящикъ превратился въ «долгій ящикъ» и въ переносномъ смыслѣ.

Ни дна, ни покрывки. Это злое пожеланіе основывалось на законѣ, по которому прежде самоубійцы и казненныхъ хоронили безъ гроба и отгѣванія; ни дна, ни покрывки, не было такому несчастному.

Выдать головой. Въ XII вѣкѣ заимодавцу отдавали неисправнаго должника «головой», чтобы послѣдній отработалъ у него свой долгъ. Теперь нечаянно проговориться, значить, выдать другого головой,

Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ,—огонь и попа сжеть. Поговорка эта сложилась въ то время, когда патриархъ Филаретъ Никитичъ въ возгласѣ при освященіи воды: «Самъ и нынѣ, Владыко, освятивъ воду сію Духомъ твоимъ святымъ и огнемъ» повелѣлъ слова «и огнемъ», зачеркнуть и не перепечатывать ихъ въ новыя церковныя книги, запрещая повторять ихъ священникамъ, учившимся по старымъ рукописнымъ служебникамъ. Бывали, конечно, случаи, что старый священникъ по памяти скажетъ эти слова во время служенія и точно обожжется со страху, или горячій блинъ проглотитъ. Отсюда и поговорка: «въ книгу глядитъ, а огонь горитъ»; «грѣхъ да бѣда на кого не живетъ,—огонь и попа сжеть».

На нашей улицѣ праздникъ. Улицы старинныхъ городовъ Пскова и Новгорода были центрами общественной и политической жизни обывателей. Часто улицы (или «концы») возставали однѣ на другія, но побѣжденные всегда утѣшались тѣмъ, что рано или поздно будетъ и на ихъ улицѣ праздникъ.

Съ Коломенскую версту. Существуютъ долговязые люди, напоминающіе ростомъ столбы, которые царь Алексѣй Михайловичъ разставилъ отъ Москвы до села Коломенскаго, лѣтней его резиденціи.

Дороже каменнаго моста. Когда Москва была еще деревянная, дороговизна перекинутого черезъ рѣку Москву каменнаго моста была необычайна, уже по одному тому, что строили мостъ сорокъ лѣтъ, а оканчивалъ его князь В. В. Голицынъ, любимецъ царевны Софьи, не щадившій царской казны и расхищавшій ее въ личныхъ интересахъ. Однако, бываютъ минуты въ жизни человѣка, когда двугривенный «дороже каменнаго моста», говорить народъ.

Казанскія сироты. Сироты безъ покровителей и кормильцевъ всегда вызывали въ народѣ сожалѣніе. «За сиротою самъ Богъ съ калитою»,—говорилъ онъ и заботился о безпріютныхъ людяхъ. Казанская же сирота—это жуликъ; онъ прикидывается бѣднякомъ, вымогая себѣ покровительство лестью и неотвязчивостью. Происхожденіе ихъ историческое. Это потомки казанскихъ муръзъ, заблужденныхъ московскимъ угодничаньемъ. До сихъ поръ торгаша и плута татарина мы зовемъ княземъ... Эти казанскія сироты охотно крестились въ нашу вѣру и ихъ за это осыпали царскими милостями. Такими же сиротами, какъ и крещенные татары, были православные греки, іерусалимскіе сборщики изъ Нахичевани и нѣмцы «Амбургской земли и Цесарской и иныхъ многихъ».

Вольному воля. Въ удѣльные времена «вольные люди» были бояре, дѣти боярскіе и крестьяне; но были и холопы, и рабы. Последніе не имѣли воли «вольныхъ людей».

У насъ не въ Польшѣ, мужъ жены больше. Преобладаніе женщины въ польской семьѣ высшихъ классовъ и даже участіе ея въ формированіи общественныхъ и политическихъ убѣжденій породили поговорку «у насъ не Польша, есть и больше».

Камень за пазухой. Въ 1610 году, поляки говорили: «съ мо- скалемъ дружи, а камень за пазухой держи» и буквально слѣдовали этому совѣту.

Бить челомъ. Обычай московскихъ бояръ кланяться царю до полу и бить объ него лбомъ, обращаясь съ какой-либо просьбой, породили означенную поговорку.

Голь, какъ соколъ. Въ древности соколомъ называлось голое гладкое стѣнбитное орудіе изъ чугуна, родъ тарана; также и ручные большіе ломы и трамбовки называются соколами, не только

голыми, но и ясными, отъ работы въ землѣ. Отсюда и люди бываютъ голы, какъ соколы.

Шиворотъ на выворотъ. Обреченнаго на позоръ боярина царь Иванъ Васильевичъ Грозный сажалъ на лошадь лицомъ къ хвосту, выворотивъ также ему носильное платье «шиворотъ на выворотъ». Отсюда и поговорка о людяхъ, преслѣдуемыхъ неудачами и собственной безтолковостью.

Опричь. Всякое исключеніе изъ общаго правила обозначалось въ актахъ словомъ: опричь. Впослѣдствіи Иванъ Грозный создалъ опричину, исключительное сословіе, выдѣленное изъ земщины и до сихъ поръ страшное въ народной памяти.

Колокола льютъ. Было въ обычаѣ, при отлитіи новаго колокола, распускать по городу одна другой несбыточнѣе сплетни. Этотъ обычай до сихъ поръ вспоминается, когда говорятъ о людяхъ, что они колокола льютъ, т. е. сплетничаютъ и злословятъ, какъ московскія вѣстовщицы и свахи, жившія всегда вблизи колокольныхъ заводовъ.

Турусы на колесахъ. До изобрѣтенія пороха, на войнѣ противъ укрѣпленій прибѣгали къ хитростямъ: подѣзжали къ стѣнамъ города въ башняхъ на толстыхъ и низкихъ колесахъ. Эти боевыя башни на колесахъ назывались турами или турусами. До сихъ поръ нѣкоторые люди подѣзжаютъ на турусахъ къ своему начальству, желая покорить его лестью, а иногда просто несутъ турусы на колесахъ—изъ чего выходитъ одинъ только вздоръ.

Пирогъ ѣшь съ грибами, а языкъ держи за зубами. Императрица Елисавета Петровна очень жаловала своими милостями нѣкоего стремяннаго Гаврилу Извольскаго и, подаривъ ему однажды на именины пирогъ, начиненный рублевиками, спросила: «По вкусу ли пирогъ съ груздями?» — Какъ не любить царскаго пирога съ грибами, — отвѣтилъ зазнавшійся баловень и вскорѣ что-то сболтнулъ про императрицу; за что, конечно, тотчасъ же попалъ въ Преображенскій приказъ. Съ этихъ поръ говорятъ: пирогъ ѣшь съ грибами, а языкъ держи за зубами.

Подъ красную шапку. Помѣщикъ, сдававшій своего крестьянина въ рекрута не въ очередь, а архіерей — провинившагося семинариста, обяваны были снабдить ихъ красной шапкой и другими доспѣхами дореформеннаго солдата. Отсюда тотъ ужасъ, который подневольные люди испытывали при угрозахъ попасть подъ красную шапку.

На ворѣ шапка горитъ. Случилась на базарѣ кража и никто не могъ указать вора. Въ толпу замѣшался знахарь и вдругъ крикнулъ:

— Поглядите-ко, православные: на ворѣ-то шапка горитъ.

Не успѣли опомниться отъ зловѣщаго крика, какъ воръ уже и схватился за голову.

Сѣмью прикинь—одновѣ отрѣжь. Этою пословицею требуется осторожность и взвѣшиваніе своихъ поступковъ до семи разъ прежде, чѣмъ сдѣлать рѣшительный шагъ. Цифра семь всегда служила руководствомъ для народа; у него семь таинствъ, семь вселенскихъ соборовъ, семь смертныхъ грѣховъ, семь чудесъ, семь мудрецовъ, семь планетъ и, наконецъ, во многихъ русскихъ пословицахъ цифра семь неизбѣжна. «У семи нянекъ дитя безъ глазу»; «у обманщика—семь пятницъ на недѣлѣ»; «отдаленное родство зовутъ «седьмой водой на киселѣ»; «семеро одного не ждутъ»; «у умнаго человѣка—семь пяденей во лбу»; «за семь бѣдъ одинъ отвѣтъ», и, наконецъ, ханжамъ совѣтуется «не строй семь церквей—пристрой семь дѣтей».

Курамъ нѣ-смѣхъ. Пѣтухъ—пѣвунъ, птица гордая, крикливая, готовая безъ нужды ссориться и драться. Такъ часто и люди «пѣтушатся» изъ-за пустяковъ, чванятся и величаются тѣмъ, что заслуживаетъ скорѣе насмѣшки. Совѣмъ иного характера курица, что «по зернышку клюетъ, да и то съ боку». Смирная, съ слабыми крыльями и смѣшной претензіей на полетъ, флегматически озабоченная о зернышкѣ, покорная при неудачахъ, «курица—не птица» и сдѣлать что-нибудь «нѣ-смѣхъ курамъ», значитъ быть жалкимъ, недогадливымъ, неспособнымъ постоять за себя существомъ, «мокрой курицей». Отсюда и ничего не стоящая «изба на курьихъ ножкахъ», а также и простоватые и безпечные люди, попадающіе въ бѣду, «какъ куръ во щи».

Не пѣтъ курицѣ пѣтухомъ, а и спѣтъ такъ на свою голову. Въ переносномъ смыслѣ это означаетъ неравноправность половъ, а въ буквальномъ случается то, что курица на грѣхъ начинаетъ иногда какъ-то свистѣть и силится спѣтъ пѣтухомъ. Въ это же время, думаетъ народъ, она несетъ «спорышъ», яйца безъ бѣлка, съ однимъ желткомъ. Такую курицу въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи тотчасъ же рѣжутъ.

Ложь кривая. Порокъ этотъ пошелъ съ тѣхъ поръ, какъ Богъ создалъ женщину изъ криваго ребра Адама. Кривая ложь—это Андроны, сапоги въ смятку, турусы на колесахъ и т. п. вранье, отъ котораго «уши вянутъ» и «святыхъ вонь выноси». Про такихъ луновъ говорятъ: «кто ихъ переверетъ—трехъ дней не проживетъ»; «одинъ вралъ—не довралъ, другой вралъ—перевралъ, третьему ничего не осталось».

Голая правда. Въ большинствѣ случаевъ правда прикрывается, чтобы не колоть глаза и не возбуждать вражды. «Съ нагольной правдой въ люди не кажись»,—говоритъ народъ. Но тамъ, гдѣ она ходитъ нагишемъ, только дѣти да Богъ ее любятъ.

Грѣхъ пополамъ. Хотя и есть поговорка, что «кувшинъ пополамъ—ни людямъ, ни намъ», однако русскій народъ любитъ дѣ-

лить грѣхъ, особенно, въ торговыхъ дѣлахъ, гдѣ купецъ запрашиваетъ, а покупатель скупится.

Вдова—мірской человекъ. Одни ученые думали, что этою пословицею осуждается частный образъ жизни вдовъ; но на самомъ дѣлѣ этимъ характеризуется только то, что пока женщина въ дѣвицахъ или при живомъ мужѣ, то за нее намірской сходкѣ присутствуютъ либо отецъ, либо мужъ. Овдовѣвъ же, она приобретаетъ право личного голоса и дѣлается полноправнымъ членомъ крестьянскаго міра.

Чинъ чиномъ. Въ свадебныхъ порядкахъ простого народа чинъ чиномъ устанавливается и соблюдается строгая послѣдовательность свадебныхъ чиновъ. Отсюда и ихъ переносное значеніе во всѣхъ прочихъ случаяхъ нашей жизни.

Гдѣ раки зимуютъ. Только одни хитрые люди, не брезгающіе ничѣмъ въ жизни, умѣютъ найти норы, гдѣ раки зимуютъ и, едва ли, эти люди не превзошли всѣхъ мошенниковъ въ умѣнны устроить свое благополучіе тамъ, гдѣ другіе ничего не видятъ и ни о чемъ не догадываются.

Кто сидѣлъ на печи, тотъ не гость, а свой. Печь у крестьянъ въ избѣ самое любезное мѣсто: «и курна изба, да печь тепла», говоритъ народъ. Кто сидѣлъ или полежалъ на ней, тотъ скажетъ хозяину спасибо и они станутъ «своими» людьми.

Дымъ коромысломъ. Когда дымъ выходитъ изъ трубы клубомъ и потомъ переходитъ въ дугу, то говорятъ, что онъ идетъ коромысломъ. Такая же иногда, на улицѣ или въ домѣ, бываетъ суетня то столбомъ, то книзу, то коромысломъ.

Каша сама себя хвалитъ. Всякая каша хороша, нечего ее и хвалить. Она сама себя хвалитъ. Но если человекъ начинаетъ самъ хвастаться, то его попрекаютъ кашей.

Горохъ при дорогѣ. Горохъ сѣютъ при дорогѣ и, такъ какъ стрючки его довольно вкусны, то всѣ его рвутъ и ѣдятъ. Существуютъ и люди такіе, которыхъ всѣ обижаютъ и тѣ безропотно покоряются своей судьбѣ.

Задній умъ. «Нѣмецъ безъ штуки и съ лавки не свалится», а русскій всегда опоздаетъ и пропуститъ удобный моментъ для дѣла, потомъ спохватится, да умъ то ужъ позади остался.

Русскій духъ. Въ сказкахъ баба яга встрѣчаетъ Ивана царевича словами о томъ, что отъ него русскимъ духомъ пахнетъ; въ переносномъ смыслѣ — смѣлостью, удалью и предприимчивостью.

Нетолченая труба. «Толочить» — значитъ, прокладывать дорогу въ непроѣздномъ мѣстѣ. Праздничная толпа — та же непроѣздная или нетолченая труба.

Мужикъ умень, да міръ—дуракъ. Эта пословица сложилась про тотъ крестьянскій міръ, гдѣ завелись міроѣды и цѣловаль-

ники, покупающіе въ своихъ видахъ голосъ, и гдѣ «ведро водки міромъ править».

Орать во всю Ивановскую—значитъ шумѣть на всю улицу, состоящую больше все изъ Ивановъ.

Проюрдонить. У каторжниковъ существуетъ игра въ юлу (кости) и арестанты часто проигрываются въ нее; это значитъ прокулить деньги. По выходѣ на поселеніе они заводятъ у себя близъ каторги «юрдовку», т. е. запрещенные для запертыхъ арестантовъ карты, вино, табакъ и другія вещи, всегда сбываемыя съ хорошимъ барышомъ въ тюрьму. Арестанты часто сбываютъ въ «юрдовку» все свои сбереженія.

По-сосѣдски. Въ народномъ быту до того важно имѣть хорошаго и добраго сосѣда, что существуетъ даже пословица: «не купи двора, купи сосѣда».

Дать отступного. При наймахъ, торгахъ и подрядахъ, когда много конкурентовъ, одинъ изъ нихъ даетъ прочимъ отступного. Сюда являются часто люди безъ гроша денегъ, торгуются и набиваютъ цѣну, ожидая пока найдется скупщикъ, дающій имъ отступного. Ловкіе мошенники дѣлаютъ изъ этого хорошую спекуляцію

Что ни попъ, то батька. Нелестное мнѣніе сложилось въ народѣ о старомъ духовенствѣ: «отъ вора отобьюсь, отъ приказнаго откуплюсь, отъ попа не отмолюсь», говоритъ онъ. «Узнались, пишеть г. Максимовъ, поповскіе глаза завидушіе, руки загребушія и поповы дѣтки непутныя, рѣдко удачливыя, и поповскія замашки и норовъ, который на кривой не объѣдешь. Дошли и до такихъ наблюденій, что выучились узнавать попа и въ рогожкѣ; стали отличать не только поповыхъ дочекъ, но и поповыхъ собакъ и куриць. Познакомились и со вдовой-попадѣй, которая всему міру надокучиваетъ, и съ замужней, которая обычно на всѣхъ деревенскихъ пирахъ требуетъ себѣ почетнаго мѣста, тыкается впередъ, толкаетъ подъ бока локтями, и неглядя, наступаетъ на ноги». При такой характеристикѣ каждый поповичъ былъ, что ни попъ, то батька; отсюда и наше равнодушіе къ людямъ.

На чужой каравай—ротъ не разѣвай. Въ свадьбахъ простаго народа каравай хлѣба играетъ огромную роль и безъ него не можетъ быть ни одной свадьбы. Поэтому каждый долженъ имѣть къ свадебному обряду свой каравай, да и въ остальной жизни—на чужой каравай ротъ не разѣвай, а «пораньше вставай, да свой припасай».

Скандачокъ. Чинныя пляски (казачекъ, голубица, метелица), какъ и бальныя и театральныя танцы, требуютъ строгихъ правилъ и опредѣленныхъ пріемовъ; но есть пляски въ присядку, съ вывертами, съ колѣнцами, гдѣ каждый молодець на свой образецъ выкидываетъ «скандачекъ».

Играй назадъ. Музыкантъ потребовалъ прибавки платы, говоря, что одинъ камаринскій больше стоитъ, а я сыгралъ его десять разъ... «А коли лишку сыгралъ, такъ самъ давай намъ сдачи: играй камаринскаго на пятакъ назадъ!»

Старого воробья на мякинѣ не обманешь. Старый воробей отлично умѣетъ отличить мякину отъ зерна, также какъ и пожилой человѣкъ мишуру отъ золота.

За поясъ заткнуть. Всѣ простые люди носятъ поясъ и ходить безъ пояса (также какъ и въ интеллигентномъ кругу держать себя «распояской») считается неприличнымъ и не безопаснымъ. «Разсыпался бы дѣдушка, кабы не подпоясывала бабушка». У раскольниковъ, не смотря на ихъ истовый, размашистый крестъ, запрещается опускать руку ниже пояса; поклонъ иконамъ долженъ быть поясной. Въ верхней половинѣ туловища—душа, а въ нижней—грѣшное тѣло. «Всѣ мы по-поясъ люди, а тамъ—скоты». Условія народной жизни заставляютъ бабу затыкать юбку за поясъ, ямщика—рукавицы, плотника—топоръ, а храбраго молодца—безсильнаго хвастунишку. Вообще заткнуть за поясъ кого-либо значить быть выше его во всѣхъ отношеніяхъ.

Галиматъя. Въ Парижѣ жилъ докторъ Галли Матъе, лечившій пациентовъ хохотомъ, т. е. смѣшилъ ихъ анекдотами и т. п. галиматъей.

Въ маѣ жениться (или родиться) — вѣкъ промаяться. Въ деревенскомъ быту съ мая начинаются полевые работы и тутъ уже не до свадьбы—этой лучшей поры въ жизни крестьянина. Если ее не будетъ за работой, то потомъ тѣмъ болѣе не увидишь счастья и ласки.

Кавардакъ. Это родъ похлебки со всякой всячиной, напоминающей нашу житейскую путаницу и безтолочъ.

Глупая баба и песту молится. Женщина меньше видѣла блага свѣта, чѣмъ мужчина и глупая баба, способная принять вѣтряную мельницу за храмъ, а мельника — за попа, даже песту помолится.

Ни бельмеса. По-турецки бель-месъ значить, не понимаю. «Не смыслить ни бельмеса, а суется бѣсомъ».

Алтынникъ. Алтынъ—трѣ копѣйки, и мелкіе люди зовутся алтынниками.

Бобы разводитъ. Поговорка о томъ, что человѣкъ занимаетъ другихъ пустяками или угодничаетъ передъ кѣмъ-нибудь, происходитъ отъ древней ворожбы на бобахъ: ихъ бросаютъ на полъ и по положенію угадываютъ настоящее и будущее.

Семь пятницъ. Въ старину пятница, по преимуществу, для торговыхъ людей была срочнымъ днемъ для исполненія различныхъ обязательствъ. Отъ пятницы до пятницы ссужали деньги въ долгъ, давали обѣщанія, назначали ярмарки, базары. Существовали

пятницкіе праздники, пятницкія ярмарки, пятницкіе храмы, св. мученица Параскева-Пятница, Ильинская пятница и, наконецъ, хожденіе пятницы, собственной персоной, по землѣ, для наблюденія за тѣмъ, чтобы народъ почиталъ пятницу за праздникъ, не работалъ бы въ полѣ, а постился или ходилъ бы на базаръ и торги, какъ это дѣлаютъ современные намъ крестьяне въ воскресенье. У лживыхъ и легкомысленныхъ людей на недѣлѣ было семь пятницъ.

Лысый бѣсъ. Бѣсы бываютъ разные: болотные сидятъ вымазанные въ тинѣ; лѣсовики—маленькіе, но со страшными ручищами, которыми они хлопаютъ въ лѣсу, оглашая его хохотомъ по ночамъ; домовой—весь въ шерсти, а водяные или рѣчные черти всегда голые. Лысый же бѣсъ тотъ самый, котораго сулятъ людямъ, всегда ничѣмъ недовольнымъ: не хочешь ли бѣса лысаго! Есть также и «мелкій бѣсъ», которымъ пронырливые люди рассыпаются передъ начальствомъ. Случается и такъ, что «сѣдина лѣзетъ въ бороду, а бѣсъ въ ребро». Это когда старички хотятъ молодиться и «бѣса тѣшить». Точно также бѣса тѣшатъ и тѣ, которые, во время серьезныхъ разговоровъ, сидя равнодушно, качаютъ ногой, положивъ ее на колѣно. По народному повѣрью, чортъ это сейчасъ замѣтитъ, вспрыгнетъ на ту ногу, усядется, оскалитъ отъ удовольствія зубы и съ наслажденіемъ качается.

Не выноси соръ изъ избы. Баба сметаетъ соръ къ печкѣ и сжигаетъ его въ ней, не выбрасывая ничего на улицу. Иначе, по его слѣду, колдунъ можетъ напустить въ эту избу порчу.

Черезчуръ. Помощникъ матери-земли назывался у языческихъ славянъ «чуромъ». Его боготворили и имъ же обозначались земельныя границы (чурочками). «Не ступай за чуръ (за черту); не лей черезъ чуръ (черезъ край)» и т. д. Этотъ неважный полубогъ тѣмъ не менѣе неразлученъ въ жизни народа: нашли двое находку и, кто первый крикнетъ: чуръ мое — тотъ и беретъ зачурованную вещь (отданную ему чуромъ). Если же и другой успѣвалъ во время закричать: чуръ вмѣстѣ! — то находку дѣлили пополамъ. При непріятныхъ неожиданностяхъ, люди восклицаютъ: чуръ меня, т. е. просятъ чура оградить ихъ отъ бѣды; въ играхъ дѣти зачуровываютъ свои мѣста и никто уже не займетъ ихъ и т. д.

Наканунѣ. Съ вечера передъ праздникомъ читаютъ въ церкви «каноны» — въ переводѣ на русскій языкъ «кануны», а самый вечеръ называется канунъ праздника.

Отводить глаза. Лѣшій морочить людей и наводитъ на глаза мару; иногда ему подражаютъ и маленькіе чиновники, отводящіе глаза своему начальству разнымъ вздоромъ отъ существеннаго.

Послѣ дождичка въ четвергъ. Четвергъ у славянъ былъ посвященъ Перуну, громовержцу, которому и молились о дождѣ.

Краснаго пѣтуха подпустить. Пѣтухъ издревле приносился въ жертву богу огня; отсюда и прозвище пѣтуха «красный».

У чорта на куличкахъ. Среди дикихъ лѣсовъ сѣвера и болотъ его находились травяныя поляны, называемыя «куличи» — жилище чорта. Въ эту недоступную даль, къ чорту на кулички, переселялись иногда наши предки. Есть такія дальнія куличи, гдѣ «небо заколочено досками и колокольчикъ не звенить».

Задать карачунъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, день Спиридона-поворота, 12-го декабря, называютъ карачуномъ. Тогда наступаетъ конецъ нарастанья темныхъ ночей и солнце идетъ на лѣто. Отсюда понятно значеніе задать кому-нибудь карачунъ.

И на солнцѣ пятна. Астрономическое наблюденіе о томъ, что на солнцѣ имѣются пятна, оправдывается постоянно и въ жизни великихъ людей.

Искры посыпались изъ глазъ. Это выраженіе и въ буквальномъ смыслѣ, при ударѣ по глазу, справедливо. Свѣтовые ощущенія въ глазу вызываются не только при раздраженіи слѣзчатки и зрительныхъ нервовъ, но также и при раздраженіи механическомъ и химическомъ. Появляются дѣйствительныя искры, дающія настоящій свѣтъ, особенно во тьмѣ.

Попасть въ просакъ. Въ торговомъ городѣ Ржевѣ существуетъ бичевой и канатный промыселъ. Прядильно-канатное пространство, гдѣ, какъ въ веревочномъ лабиринтѣ, спускается вервь, снуется, сучится и крутится бичевка — называется «просакъ». Попасть неловкому рабочему въ сучево — значитъ попасть въ просакъ и поплатиться своими волосами или рубахой за неосторожность. Отсюда и поговорка: не попади въ просакъ.

Бить баклуши. Въ лѣсахъ Семеновскаго уѣзда Нижегородской губерніи мужики сколачиваютъ съ осинъ лѣсины и плахи, называемыя шабалы. (Безъ ума голова — шабала). Эти шабалы везутъ въ деревню «оболванивать»: выдалбливаютъ внутренность и округляютъ плахи; изъ шабалы получается баклуша. Сдѣлать баклушу стоитъ ничтожныхъ трудовъ; но баклушникъ, не умѣя сдѣлать изъ нея ложку, продаетъ баклуши токарю въ отдѣлку на ложки. Бить баклуши — значитъ заниматься не труднымъ и малоприбыльнымъ дѣломъ.

Лясы точить. Изъ баклушъ въ тѣхъ же заволжскихъ лѣсахъ точатъ лясы или балясы: графины, кушины, звѣриныя головки, кони и т. п. пустяковину, идущую на украшеніе судовъ, балкончиковъ и крылецъ помѣщичьихъ усадебъ. Въ переносномъ смыслѣ баклуши бить и лясы точить могутъ тѣ, кто «синицъ ловить», «голубей гоняетъ» и т. д.

Лапти плести. «Лапти плести — одна въ день ѣсть». Занимаются этимъ дешевымъ промысломъ старики, или вообще люди

вылые и всегда путающіе всякое серьезное дѣло. Въ переносномъ смыслѣ часто плетутъ лапти и болѣе молодые люди.

Въ дугу гнуть. Чтобы согнуть могучее дерево въ дугу, его рубятъ, парятъ, связываютъ, просушиваютъ и тогда уже на такой дугѣ вырѣзаютъ всякіе узоры... Съ человѣкомъ—тоже.

Хлѣбай уху, а рыба вверху. На Низовой Волгѣ, на рыболовныхъ промыслахъ, хозяева кормятъ рабочія ватаги черной, частичковой рыбой (лещь, окунь, чехонь, вобла, тарань, жерехъ, подлещикъ, шемая, щуки, сомъ и т. п.). Эту рыбу не жалѣютъ хозяева, а настоящая—красная, безкостная, хрящевая рыба (стерлядь, судакъ, бѣлорыбица, сазань, лосось, осетръ, севрюга, бѣлуга) вся идетъ вверхъ, въ столицы и губернскія города, оттого и половица: хлѣбай уху, а рыба вся вверху.

Пришла честь и на свиную шерсть. Осенью кулаки скупщики покупаютъ у крестьянъ все ихъ рукодѣлье и щетину. Пришла пора платить подати и вмѣстѣ съ тѣмъ пришла честь на свиную шерсть.

Нужда заставить калачи ѣсть. Нужда заставляла земледѣльцевъ идти на заработки на югъ и тамъ, на низовьяхъ Волги и Дона, кушать калачи.

Изъ кулька въ рогожу. Когда везутъ въ куляхъ муку, то изъ худого куля она иногда сыпется на рогожу и только увеличиваетъ трудъ рабочихъ. Такъ и человѣкъ попадаетъ изъ кулька въ рогожу безъ пользы для себя.

Подкузьмить и подъегорить. Въ Юрьевъ (23-го апрѣля) или Егорьевъ, голодный (весною) день, у крестьянъ начинается полевое хозяйство. Въ этотъ день выѣзжаетъ въ поле даже лѣнивый, если не хочетъ «подъегорить» (обмануть) всю свою семью на цѣлый годъ. Двѣ недѣли до осенняго Юрьева дня (холоднаго, 26-го ноября) и одна недѣля послѣ него считались конечнымъ срокомъ для перехода крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому. Борисъ Годуновъ «подъегорилъ» весь русскій народъ, лишивъ его Юрьева дня. При нѣкоторыхъ наймахъ рабочіе уговариваются съ весенняго Егорья до осенняго Кузьмы-Демьяна (1-го ноября) и тутъ либо хозяинъ, либо рабочій могутъ другъ друга «подкузьмить», т. е. раньше срока нарушить условіе.

На брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ—щелкъ. Вслѣдствіе бѣдности, крестьяне идутъ на время въ ткацко-прядельную фабрику къ частному предпринимателю, но вслѣдствіе штрафовъ и вычетовъ за рвань шелка и другой пряжи, эти временные наемные кустари успѣваютъ только прокормиться. Отсюда и поговорка: «чужіе ковры семи шелковъ, а своя холщевая рубаха еще не прядена».

Ободрать, какъ липку. Липовыя деревья обдираются на лыки и погибаютъ обыкновенно также, какъ и иные довѣрчивые люди отъ безсовѣстныхъ и безжалостныхъ.

Канитель тянуть. Изъ нагрѣтой мѣди съ благородными металлами тянуть, съ величайшимъ трудомъ и не спѣша, нитки (канитель) на фортепіано, офицерскіе эполеты, для вышиванія по бархату и т. д. Такъ иной человекъ тянетъ, не спѣша, свою рѣчь или дѣло, точно «клещами на лошадь хомуть натягиваетъ».

Изъ сдѣланнаго нами перечня наиболѣе употребительныхъ «крылатыхъ словъ» читатели могутъ судить, насколько интересна книга г. Максимова. Въ ней ярко отражаются воззрѣнія русскаго народа на свою исторію, на свой юридическій, экономическій и религиозный бытъ; въ ней заключается богатый источникъ для изученія живой русской рѣчи и знакомства съ народнымъ бытомъ, до сихъ поръ мало еще изслѣдованнымъ и мало намъ понятнымъ.

А. Фаресовъ.

ПРИНЦЕССА ЛАМБАЛЛЬ ¹⁾.

I.

ЯНВАРЯ 31-го 1767 года, въ церкви небольшого французскаго городка Нанжи состоялось бракосочетаніе 18-тилѣтней принцессы Маріи-Терезы-Луизы Савойянъ-Кареньянъ съ юнымъ принцемъ Ламбалль. Какъ зачастую случалось въ тѣ времена, женихъ и невѣста не были знакомы между собой и никогда не видались. Старый герцогъ Пентъэвръ считалъ этотъ бракъ исправительной мѣрой для своего ни на что негоднаго сына. Свадьбу отпраздновали со всей помпой и, четыре дня спустя, молодая чета отправилась въ Парижъ представляться королю и королевской семьѣ.

Принцесса Ламбалль находилась тогда въ цвѣтѣ своей миловидности. Современницы ея (Виже-Лебрэнь, баронеса Оберкирхъ, мадамъ де Жанлисъ) изображаютъ ее веселой, мягкосердечной, почти наивной и совсѣмъ не кокеткой. Во всякомъ случаѣ принцъ Ламбалль могъ проходить свой курсъ исправленія безъ малѣйшаго отвращенія. Но это пріятное лекарство осталось для него безъ всякаго дѣйствія. Уже черезъ пять мѣсяцевъ послѣ брака, принцесса Башомонъ сообщаетъ слѣдующее въ своихъ «тайныхъ мемуарахъ»: «m-Ле де ла Шасэнь, молодая актриса «Comédie Française» и племянница г-жи де ла Моттъ, бывшей корифейки этого театра, въ настоящее время служатъ предметомъ особеннаго вниманія и зависти со сто-

²⁾ По даннымъ, заимствованнымъ изъ книги Жоржа Бертэна «Madame de Lamballe», которая составлена по неизданнымъ документамъ разныхъ французскихъ архивовъ и новѣйшимъ мемуарамъ.

роны своихъ подругъ. Хотя она не очень красива и весьма посредственнаго дарованія, но за то почитаема благоволеніемъ одного недавно женившася принца (Ламбалль) и уже чувствуетъ себя матерью. Отець нашего героя, весьма благочестивый человѣкъ, собралъ всѣ необходимыя справки для провѣрки дѣйствительности факта. Вслѣдствіе этого, онъ увѣрилъ актрису въ своемъ покровительствѣ и въ готовности озаботиться судьбой ея и будущаго ея ребенка». Три мѣсяца спустя, тотъ же авторъ утверждаетъ, что принцесса заболѣла отъ мужа. Этотъ недостойный человѣкъ вращался въ кругу самыхъ отъявленныхъ куртизанокъ Парижа и, въ довершеніе всего, похитилъ у своей жены брилліанты, подаривъ ихъ одной изъ своихъ пріятельницъ. И опять въ тѣхъ же тайныхъ мемуарахъ значится: «говорять о бѣгствѣ г-жи ла Форсетъ, которое совершилось къ великому прискорбію одного недавно женившася принца, одержимаго страстью къ этой дамѣ. Извѣстна и причина ея быстро исчезновенія. Любовникъ подарилъ ей значительную часть брилліантовъ своей жены. Куртизанка пронюхала, что напали на слѣдъ, и предпочла скрыться. Ближе освѣдомившись насчетъ положенія дѣла, она затѣмъ обратилась къ герцогу Пентъэвру, передала ему брилліанты, кинулась ему въ ноги и вымолила прощеніе. Герцогъ, кажется, удовлетворился этимъ шагомъ. Онъ обѣщаль уплатить этой дамѣ стоимость возвращенныхъ брилліантовъ... Но онъ поставилъ условіемъ прекращеніе свиданій съ принцемъ, ея любовникомъ».

Бѣдная принцесса между тѣмъ серьезно расхворалась съ тоски и ревности. Модные врачи того времени оказались безсильными помочь. Пригласили шарлатана, нѣкоего Питтара, удачно лечившаго разныхъ придворныхъ дамъ. Принцессѣ стало еще хуже отъ мазей и пластырей этого господина. Во время болѣзни супруги, принцъ покинулъ ее, такъ какъ ему не нравилось, что въ отелѣ Тулузъ за нимъ черезчуръ зорко слѣдили. Долго скрывался онъ, пока, наконецъ, отецъ его не настигъ въ одномъ меблированномъ отелѣ, гдѣ принцъ лечился отъ одной лютой болѣзни. Герцогъ перевезъ его къ себѣ въ домъ и старался все испробовать для спасенія своего сына. Но черезъ три недѣли принцъ умеръ отчасти вслѣдствіе болѣзни, а отчасти сильной дозы примѣннаго лекарства. Изъ аптечныхъ счетовъ оказалось, что въ эти три недѣли ему было отпущено семь фунтовъ ртути, помимо разныхъ миксуръ. Въ комнату, гдѣ онъ умеръ, даже нельзя было войти. Передъ кончиной онъ исповѣдывался и патеръ Энберъ увѣряетъ, что конецъ его былъ «очень хорошій».

Такимъ образомъ принцесса Ламбалль послѣ 15-тимѣсячнаго брака сдѣлалась вдовой. Она переселилась въ Рамбуде и вела уединенную жизнь въ кругу стараго добряка герцога и своей невестки. Дочь герцога тогда влюбилась въ герцога Шартрскаго и

вышла за него замужъ, но бракъ этотъ не былъ счастливѣе брака принцессы Ламбалль. Герцогъ Шартрскій, позднѣе Филиппъ Egalité, по разсказу Башомона, передъ свадьбою графа Фицъ Джемса устроилъ въ честь его небольшой «вдовій» ужинъ въ своемъ «*retite maison*».

На ужинѣ присутствовали всѣ метресы этого принца и различныхъ другихъ именитыхъ участниковъ, которые только-что поженились или намѣревались жениться. Помѣщеніе было задрапировано въ трауръ. Дамы и кавалеры явились въ траурныхъ платьяхъ. Факелы Амура были потушены и зажжены факелы Гименея. Эти два бога на пирушкѣ пребывали въ постоянномъ соперничествѣ. Все знаменовало тамъ прощаніе съ развлеченіями и наступленіе господства разсудка. «Рѣшено было продолжать ту же комедію только еще торжественнѣе передъ свадьбой герцога Шартрскаго». А когда эта свадьба совершилась, принцесса Ламбалль осталась съ тестемъ одна въ Рамбуле.

II.

Въ 1770 г. французскій дофинъ женился на австрійской эрцгерцогинѣ Маріи Антуанетѣ, и весь дворъ пригласили на блестящія торжества. Принцесса также участвовала въ нихъ. На представленіи ея Маріи Антуанетѣ послѣдняя выказала къ ней особенное вниманіе, и присутствовавшіе замѣтили, что Ламбалль понравилась ей.

И уже въ мартѣ 1771 г. австрійскій посланникъ Мерси-Аржанто доносилъ императрицѣ Маріи Терезіи «о совершенно особенномъ расположеніи» Маріи Антуанеты къ принцессѣ Ламбалль. Послѣдняя вскорѣ сдѣлалась постоянной гостю при дворѣ. А когда Людовикъ XVI, въ 1774 г., взшелъ на престолъ, она считалась «*inséparable*» при королевѣ. Вскорѣ Ламбалль стала во главѣ придворнаго штата королевы съ огромнымъ жалованьемъ въ 65,000 рублей на наши деньги. Но принцесса, сверхъ того, не забывала радѣть о родныхъ и знакомыхъ.

При французскомъ дворѣ жизнь тогда протекала въ безумныхъ пирахъ, поглощавшихъ огромныя суммы. Въ началѣ 1776 г. Башомонъ пишетъ: «Версальскіе балы въ этомъ году опять начались въ январѣ. Они будутъ происходить у принцессы Ламбалль, гдѣ менѣе стѣснительнъ этикетъ. Королева тамъ можетъ танцовать и ужинать, съ кѣмъ пожелаетъ».

Около того же времени Марія Антуанета нашла себѣ вторую фаворитку въ лицѣ г-жи де Полиньякъ, которая подобно другимъ фавориткамъ умѣла пристроить своихъ родственниковъ къ теплымъ мѣстамъ и создавать эти мѣста, если ихъ не обрѣталось. Г-жа де Полиньякъ прибрѣтала тѣмъ большее вліяніе, что принцесса Ламбалль, деспотически распоряжавшаяся во дворцѣ, вызы-

вала на себя ежедневныя жалобы, которыя должны были надолго охладить отношенія къ ней королевы. Здоровье принцессы пошатнулось, нервы ея разстроились и съ ней постоянно дѣлались обмороки. Королевѣ прискучило выносить все эти капризы и сцены. Пренняя интимность съ принцессой нарушилась, но королева, тѣмъ не менѣе, не лишала ее своихъ милостей. Напротивъ, она старалась равномѣрно распредѣлять ихъ между принцессою и г-жей де Полиньякъ. Въ предлогахъ къ этому не было недостатка. Соперничество обѣихъ фаворитокъ доходило до того, что какъ только было исполнено желаніе одной изъ нихъ, немедленно другая осаждала королеву подобной же просьбой. По свидѣтельству Мерси-Аржанто, г-жа де Полиньякъ имѣла репутацію сомнительнаго свойства и мало ума, но она же и стоила государству тогда дешевле принцессы Ламбалль.

Обѣ фаворитки строили козни и интриговали одна противъ другой. Полиньякъ стояла на твердой почвѣ, но время отъ времени королева снова выказывала благосклонность къ Ламбалль. По крайней мѣрѣ, въ періодъ своего пребыванія въ Фонтэнбло, королева отдавала преимущество вечерамъ принцессы передъ всеми прочими развлечениями, и Мерси-Аржанто по этому поводу горько жалуется на «интриги, которыя тамъ запутываются, и на игру, веденную тамъ, въ которой королева участвуетъ съ истинной страстью». Но, какъ уже замѣчено, эти отношенія съ Ламбалль вновь завязывались лишь мимоходомъ.

Въ апрѣлѣ 1777 г., австрійскій императоръ Іосифъ II, братъ французской королевы, подъ именемъ графа Фалькенштейна провель нѣсколько дней въ Парижѣ. Онъ имѣлъ длинное и серьезное объясненіе съ королевой, и не скрылъ отъ нея, что принцесса Ламбалль ему очень не нравилась. Королева созналась, что она разочаровалась въ этой фавориткѣ, и что раскаявается, поставивъ ее въ такое высокое положеніе. Марія-Антуанета, безумно гонявшаяся за всякаго рода развлечениями, съ своими дамами посѣщавшая переодѣтой оперные балы, и даже фестивалями принцессы не могла уже привязаться къ ней. Однакожъ, для легкомыслія королевы, характерно то, что не смотря на свое охлажденіе къ принцессѣ, она едва не подарила ей въ то время государственныя земли въ Лотарингіи съ ежегоднымъ доходомъ въ 600,000 ливровъ. Г-жа Ламбалль, конечно, принялась хлопотать о присвоеніи такого кусочка, но тутъ Мерси помѣшалъ ей. И королева вознаградила принцессу за «потерю» рентой въ 40,000 ливровъ и возвысила ее окладъ по управленію придворнымъ штатомъ до 85,000 ливровъ. Но, впрочемъ, это была весьма скудная награда въ сравненіи съ пенсіями, какихъ добились Полиньяки. Супругу г-жи Полиньякъ былъ пожалованъ титулъ герцога, а новая герцогиня вскорѣ сдѣлалась воспитательницей королевскихъ дѣтей.

Принцеса Ламбалль.
Съ портрета конца XVIII ст.

III.

Въ эту-то жизнь суетныхъ развлеченій и безумной расточительности вдругъ ворвалась рѣжущая уши нота—глухой гулъ массъ, вскорѣ перешедшій въ зловѣщіе громовые раскаты. Непопулярность королевы породила цѣлую литературу пасквилей. Конфисковать ихъ полиція была бессильна. Толпа жадно поглощала эти памфлеты. Марія-Антуанета сдѣлалась мишенью, куда цѣлило всякое ненавистничество. Наступилъ канунъ революціи и придворными дамами овладѣло любопытство къ тому, что всѣхъ тогда занимало. Принцесса Ламбалль, подобно другимъ, стала посѣщать такъ называемый бальный домъ, чтобъ узнать что-нибудь о «новыхъ теоріяхъ». Вотъ что, между прочимъ, засвидѣтельствовано въ «Souvenirs d'émigration»: «г-жа де-Лажъ отправилась вмѣстѣ съ г-жей Ламбалль на собраніе третьяго сословія въ бальный домъ. Здѣсь была устроена трибуна для принца Георга Гессенскаго, находившагося тогда въ Парижѣ, и принцъ поспѣшилъ уступить мѣсто дамамъ. Любопытныя вынесли изъ засѣданія тягостное впечатлѣніе, почти впечатлѣніе ужаса»...

Въ это время, когда опасность возростала, королевская семья все рѣже встрѣчала къ себѣ преданность. Страхъ овладѣвалъ умами и отчуждалъ отъ двора даже лицъ, которыя считались его опорами. Графъ д'Артуа первый подалъ примѣръ, покинувъ короля и уѣхавъ въ Туринъ. «Серебро, лошади, экипажи принца были проданы. Онъ намѣревался продать и свою цѣнную бібліотеку, прибрѣтенную имъ за 600,000 ливровъ отъ г. де-Польми... Отпущенные имъ служащіе не получили никакого вознагражденія».

И герцогиня Полиньякъ поспѣшила уѣхать. Эта дама, облагодѣтельствованная королевой, бывшая для нея самымъ близкимъ человѣкомъ, не постыдилась покинуть ее, какъ только почувяла опасность положенія. Въ 1782 г. она была назначена гувернанткой «дѣтей Франціи». Но какъ только событія приняли сомнительный оборотъ, она подала въ отставку «по разстроенному здоровью». Въ своемъ ослѣпленіи Марія-Антуанета отклонила эту просьбу, дала отпускъ своей подругѣ и сама взялась за воспитаніе дѣтей. Королева не уразумѣла, почему собственно герцогиня пожелала покинуть дворъ. Но на другой день послѣ разгрома Бастиліи, герцогиня возобновила свое ходатайство объ отставкѣ и на этотъ разъ уже формально. Теперь ея желаніе было исполнено. Но какъ измѣнились времена! Прежде изъ-за вакантныхъ мѣстъ пошли бы всевозможныя интриги, а теперь число титулованныхъ конкурентокъ оказалось ничтожнымъ. Король призналъ себя счастливымъ, что могъ найти воспитательницу въ лицѣ маркизы де-Турзель.

Г-жа Ламбалль въ то время находилась въ Ё (Eu) при больномъ герцогѣ Пентъэврѣ. 7-го октября 1789 г. въ 9 часовъ вечера

прибыль къ ней курьеръ съ извѣстіемъ о событіяхъ 5-го и 6-го октября въ Версали и о возвращеніи королевской семьи въ Тюльери. Принцесса рѣшилась немедленно ѣхать къ королевѣ. Этотъ порывъ дѣлаетъ ей большую честь. Черезъ два часа по прибытіи курьера принцесса въ темную бурную ночь была уже на пути въ Парижъ. Теперь проснулась въ ней привязанность къ королевѣ, и она не чувствовала боязни. Эта фривольная, избалованная женщина, подруга всѣхъ развлеченій, безконечныхъ баловъ, охотничьихъ пикниковъ, словомъ, подруга изъ Трианона, въ часъ опасности преобразилась въ героиню.

5-е и 6-е октября, явившіеся роковыми днями для французскаго королевства, показали народу, какъ далеко онъ могъ пойти. Эти мужчины и женщины, потянувшіеся въ Версаль съ требованіемъ хлѣба, нашли дворъ совершенно неприготовленнымъ. Королева пребывала въ Трианонѣ. Король охотился въ окрестностяхъ. Эта безпечность ясно отражается въ письмѣ къ Ламбалль, которое было написано совмѣстно королемъ, королевой и м-ше Елизаветъ, сестрой короля. Первые семь строкъ тутъ написаны рукой короля, слѣдующія 17—королевой и конецъ письма м-ше Елизаветъ. Марія-Антуанета проситъ принцессу немедленно прибыть въ Трианонъ, гдѣ предположены новыя посадки. «Здѣсь въ настоящее время намъ спокойно»,—пишетъ королева. «Буржуазія и добрый народъ за насъ».

Но по пріѣздѣ въ Тюльери принцесса увидѣла вытянутыя лица. Королева со слезами бросилась обнимать ее, говорила, какъ ее оскорбляютъ и высказывала опасенія за будущее. Опять завязалась старая дружба между нею и принцессой. Вскорѣ, однако, болѣзнь герцога вынудила принцессу снова покинуть королеву. Въ письмѣ послѣдней къ Ламбалль въ мартѣ 1790 года сказано: «Дорогая моя, вы принадлежите къ тѣмъ сердцамъ, которыя никогда не мѣняются и въ несчастіѣ дѣлаются еще нѣжнѣе. Вы знаете, что здѣсь происходитъ. Невозможно выдти изъ дома безъ того, чтобъ не быть оскорбленной 12 разъ въ часъ. Я уже болѣе не дѣлаю прогулокъ и цѣлыми днями сижу въ комнатѣ и не помышляю ее оставлять».

IV.

Водворившись снова въ Тюльери, члены королевской семьи вернулись къ своимъ прежнимъ привычкамъ. Король продолжалъ охотиться и заносилъ обычныя затѣи въ свой дневникъ съ такимъ душевнымъ спокойствіемъ, которое показалось бы невѣроятнымъ, если бы не сохранилось его автобіографическихъ показаній. Точно его темпераментъ, лишенный энергіи, мѣшалъ ему понимать важность его положенія. Вотъ нѣсколько цитатъ изъ его дневника.

Онъ отмѣчаетъ октябрьскія событія и свое возвращеніе, а также своей семьи въ Парижъ слѣдующими словами:

«5-е октября. Охота, застрѣлено 81 штука; нарушили охоту событія; пріѣхаль и уѣхаль верхомъ».

«6-го октября. Отъѣздъ въ Парижъ въ половинѣ 1-го, посѣщеніе ратуши, ужиналь и спалъ въ Тюльери».

«7-го октября. Ничего. Тетки пріѣхали обѣдать».

«8-го октября. Ничего...»

Королева, напротивъ, понимала всю важность событій. Она была до того встревожена, что не могла читать и занималась исключительно вязаньемъ. Принцесса Ламбалль, послѣ своего возвращенія, вѣроятно по приказанію свыше, устроила въ своихъ апартаментax нѣсколько блестящихъ празднествъ, которыя Марія Антуанета посѣщала усердно. Нѣсколько позже она воздерживалась отъ этихъ посѣщеній, вѣроятно, увидѣвъ, что это не совсѣмъ было удобно въ ея положеніи, тѣмъ болѣе, что тогда при дворѣ былъ трауръ по случаю кончины брата королевы, императора Іосифа II.

Тюльери въ то время имѣлъ печальный видъ. Пріемовъ и представленій не было никакихъ. Во всѣхъ апартаментax царица тишина. Но въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ королевской резиденціи толпа образовала сомкнутое кольцо. Въ замкѣ каждый день тревожно ожидали новой опасности. Тетки короля успѣли уѣхать изъ Парижа. Эти постоянныя вѣсти объ отъѣздахъ тревожили парижанъ, которые угадывали ихъ значеніе и старались помѣшати всякимъ попыткамъ бѣгства. Они освѣдомлялись, не уѣхаль ли король или дофинъ. А король въ своемъ дневникѣ невозмутимо отмѣчалъ: «22-го февраля. Ничего. Шествіе къ Люксембургу. 24-го. Ничего. Шествіе къ Тюльери. 28-го. Ничего. Шествіе въ Венсенъ и въ Тюльери». На пасху Людовикъ XVI хотѣлъ отправиться въ Сень-Клу, но національная гвардія воспротивилась его отъѣзду. Напрасно протестоваль король, милиція оказалась неговорчивой. И его величество съ королевской семьей вынужденъ былъ выйти изъ кареты. «18-го апрѣля. Въ половинѣ 12-го, мы собрались въ Сень-Клу, а намъ помѣшали», — записываетъ несчастный король въ свой дневникъ. Въ тотъ же день въ головѣ короля зарождается мысль покинуть Парижъ. Но, какъ всегда съ нимъ случалось, онъ и теперь медлил и терялъ время въ нерѣшительности. Наконецъ, послѣ разныхъ проволочекъ, 21-го іюня послѣдовалъ отъѣздъ короля.

Принцесса Ламбалль не была посвящена въ планъ бѣгства. Нѣжное прощаніе Маріи Антуанеты, однако, возбудило въ ней подозрѣніе. Только черезъ два часа послѣ отъѣзда короля, принцессѣ, передали письмо, въ которомъ сообщалось ей о совершившемся фактѣ и назначалось свиданіе за границей. Ламбалль, немедля ни минуты, стала готовиться въ путь и уже 22-го іюня отплыла на

Герцогиня де-Полиньякъ.
Съ портрета, писаннаго Виже Лебрёнь.

англійскомъ корабль. Еще не успѣли скрыться изъ вида французскіе берега, какъ раздавшійся пушечный выстрѣлъ въ Булони подтвердилъ разумность ея поспѣшности. На слѣдующій день корабль пришелъ въ Дувръ, затѣмъ 26-го іюня прибылъ въ Остенде, оттуда въ Брюссель. Здѣсь получено было извѣстіе, что королевская фамилія задержана и вернулась въ Парижъ. Принцесса, обнаружившая столько энергіи во время своего бѣгства, при извѣстїи объ арестованїи короля въ Вареннѣ и возвращенїи королевской фамиліи въ Тюльери, потеряла всякое мужество и не знала, что предпринять. Слѣдуетъ ли ей вернуться въ Парижъ? Или же ѣхать въ Туринъ къ роднымъ? Она ни на что не могла рѣшиться въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и оставалась въ Брюсселѣ.

Въ это время она поддерживала оживленную переписку съ Марїей Антуанетой. Королева сообщала своей подругѣ сокровеннѣйшія свои мысли о всѣхъ своихъ надеждахъ и планахъ, горестяхъ и заботахъ. По мрачному настроенію этихъ писемъ принцесса убѣдилась въ прекращенїи всякаго порядка во Франціи. «Добрый народъ» — пишетъ королева, — «отдаетъ намъ справедливость, но безмолвствуетъ и не умѣетъ себя показать. Благодаря его слабости злоумышленники такъ сильны. Ахъ, если бы знали, какъ мы любимъ народъ, навѣрное устыдились бы переносимыхъ нами страданій...» Въ другомъ письмѣ королева настоятельно отсовѣтываетъ принцессѣ возвращаться во Францію, чтобы не быть брошенной въ «пасть тигра». «Смута не имѣетъ конца», — пишетъ она, — «вижу, что смѣлость нашихъ враговъ растетъ, а мужество порядочныхъ людей слабѣетъ».

Принцесса, не взирая на всѣ предостереженія, отправилась въ Парижъ изъ Спа, гдѣ она пробыла нѣсколько мѣсяцевъ въ обществѣ съ шведскимъ королемъ. Какъ только Людовикъ XVI принялъ конституцію, принцесса получила официальное письмо отъ королевы о порученїи ей управленія придворнымъ штатомъ. Принцесса совѣтовалась съ разными лицами. Ей сказали, что она съ королевой дѣлила счастье и что теперь ей представляется случай показать себя вѣрной и въ несчастїи. И принцесса быстро рѣшилась возвратиться въ Парижъ. Она понимала, какимъ опасностямъ подвергалась, и потому 15-го октября 1791 года въ Ахенѣ написала завѣщаніе.

Свиданіе съ королевой было тягостное. Она посѣдѣла, лицо ея осунулось и исчезла улыбка, никогда прежде не покидавшая ея.

Насталъ 1792 годъ. Положеніе двора становилось все болѣе затруднительнымъ. Королева должна была прекратить свои визиты къ Ламбалль, такъ какъ они не нравились Петіону, мэру Парижа. Въ мартѣ умеръ братъ Марїи Антуанеты, императоръ Леопольдъ. Король удовольствовался отмѣткой: «10-го марта. Ничего. Извѣщеніе о смерти императора». Въ мартѣ же послѣдовало арестова-

ніе де л'Эссарта и возбуждены были обвиненія противъ королевской семьи. Возникъ вопросъ о разлученіи Маріи Антуанеты съ ея супругомъ и о заключеніи ея въ монастырь, «такъ какъ она давала дурные совѣты королю». Хотя планъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе, но дворъ преисполнился ужасомъ. Въ то же время предъявлены были и первыя обвиненія противъ принцессы Ламбалль. Ее винили въ заговоръ съ «австрійскимъ комитетомъ», который въ дѣйствительности существовалъ только въ фантазіи якобинцевъ. Обвиненіе это имѣло послѣдствіемъ то, что за принцессой учрежденъ былъ строжайшій надзоръ.

V.

Здѣсь не мѣсто излагать всѣ затѣмъ слѣдовавшія событія этого революціоннаго года вплоть до заключенія королевской семьи въ Тамплъ. Принцессѣ Ламбалль была тутъ же отведена комнатка между комнатами королевы и дофина. Но уже въ ночь съ 18-го на 19-е августа послѣдовало арестованіе принцессы и разлученіе ея съ королевой. Прощаніе ея съ королевой было трогательное. Принцесса упала передъ ней на колѣни и стала цѣловать ей руки. Но ее грубо подняли, объявивъ ей, что это къ лицу рабамъ передъ тиранами, а не представителямъ свободной націи, декретировавшей равенство. «Chronique de Paris» въ этомъ смыслѣ сообщала о фактѣ, прибавляя слѣдующее: «было 2 часа утра; король проснулся и спросилъ, что случилось. Ему сказали, что съ нимъ ничего не хотятъ дѣлать, онъ опять легъ въ постель и заснулъ. Утромъ онъ всталъ по обыкновенію съ хорошимъ аппетитомъ, который тотчасъ же удовлетворилъ». Вообще апетитъ короля противостоялъ всѣмъ событіямъ. Извѣстны униженія, какимъ подвергалась королевская семья въ національномъ собраніи и въ Люксембургѣ, но и они не могли преодолѣть аппетитъ короля.

Принцесса Ламбалль съ г-жей де-Турзель и де-Шамильи были заключены въ тюрьму «La Force», гдѣ ихъ держали подъ усиленной стражей. Лишь нѣсколько дней спустя, они получили позволеніе каждое утро гулять по двору не болѣе часа. Но 2-го сентября имъ и это воспретили. Въ тотъ день началось избіеніе политическихъ узниковъ въ Парижѣ. Обѣимъ дамамъ, сидѣвшимъ въ одной комнатѣ, стало это ясно утромъ 3-го сентября, когда шесть санкюотовъ явились въ тюрьму и спросили ихъ имена. До нихъ достигалъ и дикій шумъ толпы. Принцесса встала на стулъ, чтобъ взглянуть на улицу черезъ рѣшетчатое окно. Но едва въ окнѣ показалась ея голова, какъ въ нее стали цѣлить изъ ружей, и Ламбалль поспѣшила сойти на полъ. Но и брошеннаго взгляда было достаточно, чтобы видѣть, что передъ тюрьмой собралась многоголовая разъяренная толпа. Около 11 часовъ дня явились вооруженные люди за принцессой. Ее повели на дворъ тюрьмы,

гдѣ пьяные бродяги въ лохмотьяхъ издѣвались надъ узниками, которыхъ непрерывно приводили со всѣхъ сторонъ. Принцесса помѣстилась гдѣ-то въ углу. При ней стояла г-жа де-Турзель, пока ихъ не повели на судилище. Представъ предъ трибуналомъ, Ламбалль упала въ обморокъ.

Импровизированный трибуналъ находился въ комнатѣ привратника Бо (Vault), узкомъ и небольшомъ помѣщеніи, гдѣ тѣснилась толпа. Въ воздухѣ стояло зловоніе. Скамьи для слушателей были заняты извѣстными мегерами революціи, извнѣ въ комнату проникалъ крикъ и стоны умирающихъ отъ истязаній. При такихъ условіяхъ распатались бы и крѣпчайшіе нервы.

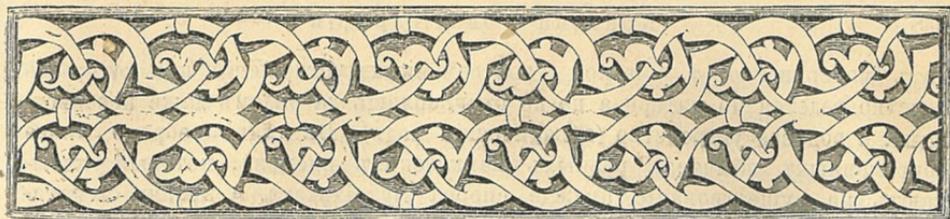
Принцессу привели въ себя. Предсѣдатель спросилъ ее, что она знаетъ о заговорахъ двора, особенно о заговорѣ 10-го августа. Принцесса отвѣтила, что ей ничего неизвѣстно. Тогда потребовали, чтобъ она поклялась въ вѣрности свободѣ и равенству, а также въ ненависти къ королю, королевѣ и королевству. Есть разсказъ, что кто-то шепнулъ ей на ухо, чтобъ она дала присягу. иначе она пропала. Но она воскликнула: «я ни въ чемъ не поклянусь, мнѣ все равно, умереть раньше или позже. Жертвую своей жизнью». Предсѣдатель объявилъ приговоръ. Принцессу приказано было отвести въ «абатство». Это равнялось смертному приговору и дикій ревъ одобренія былъ отвѣтомъ на резолюцію судьи.

Тотчасъ нѣсколько человекъ съ дикими взорами и окровавленными руками схватили осужденную. Ее вытолкали во дворъ, гдѣ происходило истязаніе. Едва переступила она черезъ порогъ, какъ получила ударъ саблей по головѣ. Она наткнулась на трупы и упала на земь. Ее подняли. Она сдѣлала еще нѣсколько шаговъ и опять упала. Тутъ, какъ разъяренные звѣри, какіе-то бѣшеные люди набросились на нее и били ее. Черезъ нѣсколько минутъ она умерла. Голову ее отдѣлили отъ туловища и воткнули на пику.

Что было потомъ, то принадлежитъ уже къ области прикрасъ, преувеличеній и вымысла. Вѣрно только то, что голову принцессы Ламбалль на пикѣ носили по улицамъ, а тѣло волокли на веревкѣ. Чернь такимъ образомъ, шла къ Тамплю, чтобъ показать кровавые останки принцессы королю и королевѣ.

Еще остается упомянуть о причинѣ такого умерщвленія несчастной принцессы. Бертэнъ въ одномъ мѣстѣ утверждаетъ, что герцогъ Орлеанскій былъ ея заклятымъ врагомъ, такъ какъ она содѣйствовала разлученію его съ женой, и герцогъ подстрекалъ къ убіенію принцессы. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ заявляетъ, что Робеспьеру хотѣлось избавиться отъ свидѣтельницы его переговоровъ съ королемъ. Но всего вѣроятнѣе, что принцесса пала жертвой той жажды крови, какой была одержима парижская чернь, истребившая въ первые сентябрьскіе дни тысячи политическихъ узниковъ.

О. Б.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

М. М. Ковалевскій. Законъ и обычай на Кавказѣ. Т. I и II.
Москва. 1890.

БЫВШИЙ ПРОФЕССОРЪ Московскаго университета и авторъ многихъ извѣстныхъ трудовъ по исторіи учреждений, М. М. Ковалевскій, выпустилъ въ свѣтъ новое свое изслѣдованіе, посвященное закону и обычаю на Кавказѣ. Хотя изученіе быта кавказскихъ горцевъ началось уже давно и по этому предмету имѣется даже цѣлая литература, однако, новый трудъ проф. Ковалевскаго никоимъ образомъ не можетъ быть признанъ излишнимъ. Дѣло въ томъ, что на многіе вопросы, непосредственно касающіеся юридическаго быта горцевъ, имѣющаяся литература не даетъ совершенно отвѣтовъ. Что такое горскій адатъ, т. е. юридическій обычай; изъ какихъ элементовъ онъ сложился; можно ли видѣть въ немъ исключительное выраженіе народныхъ юридическихъ воззрѣній, или онъ отражаетъ на себѣ также тѣ различныя воздѣйствія, какимъ въ разное время подчинялась историческая жизнь Кавказа; каково въ частности его отношеніе къ древнимъ религіозно-юридическимъ системамъ, къ иранскому, римскому, византійскому, армянскому и грузинскому праву; какую печать наложили на него бродячіе народы сѣвера, или прибывшіе съ востока арабы и персы, какое наконецъ вліяніе оказало на него насильственное сближеніе покоренной силою оружія страны съ русской культурой, — на всѣ эти вопросы нѣтъ отвѣта въ текущей литературѣ. Такимъ образомъ получается немалый пробѣлъ въ области изученія Кавказа, пополнить который до извѣстной степени и взялся проф. Ковалевскій новымъ своимъ трудомъ. Этотъ послѣдній состоитъ изъ двухъ томовъ, причемъ въ первомъ горскій адатъ разсматривается съ точки зрѣнія догматической. Первый томъ начинается съ изложенія народныхъ элементовъ адатнаго права, къ которымъ проф. Ковалевскій относитъ матриар-

хатъ (материнство), т. е. такой строй семейныхъ отношеній, при которыхъ родство ведется по матери, а не по отцу, сплошь да рядомъ даже неизвѣстному, и родовое устройство (агнатическій родъ). Въ книгѣ собрано много современныхъ обычаевъ разныхъ кавказскихъ племенъ, которыя указываютъ на существованіе прежде сперва матриархата, а затѣмъ агнатическаго рода. Но кромѣ нихъ, г. Ковалевскому удалось подмѣтить массу другихъ обычаевъ, являющихся ничѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ культурныхъ вліяній разныхъ народовъ, съ которыми кавказскимъ горцамъ приходилось сталкиваться въ продолженіе своей исторической жизни. Такъ еще до сихъ поръ живы многіе обычаи, заимствованные горцами отъ народовъ древняго Ирана — персовъ и мидянъ, этихъ послѣдователей ученія Зороастра, изложеннаго въ книгахъ Авесты. Какъ въ области религіи, такъ и въ области права у разныхъ кавказскихъ племенъ мы встрѣчаемъ много слѣдовъ древне-иранскаго вліянія, распространявшагося на Кавказѣ въ особенности при персидскихъ царяхъ изъ династіи Сассанидовъ. Г. Ковалевскій приводитъ немало обычаевъ, относящихся до различныхъ отраслей права, которые представляютъ не только полнѣйшую аналогію, но даже простое тождество съ обычаями, записанными въ книгахъ Авесты. Точно также немало обычаевъ у кавказскихъ племенъ могутъ быть относимы на счетъ греческаго и римско-византійскаго вліянія. «Извѣстна роль, говоритъ г. Ковалевскій, какую Колхида, т. е. современная намъ Грузія, разумѣя подъ нею Мингрелію, играетъ въ героическомъ эпосѣ древнихъ эллиновъ. Сказанія о походѣ Арганагтовъ и о принесенномъ ими изъ Колхиды золотомъ руиѣ, какъ нельзя лучше доказываютъ и раннія сношенія древнихъ грековъ съ Кавказомъ, и то представленіе, которое они имѣли о его богатствахъ. Мнѣ о Прометѣй также говорилъ о той роли, какую восточное побережье Чернаго моря играло въ судьбахъ древне-греческаго мореходства и торговли. Натуральныя богатства страны рано вызвали колонизацію береговой полосы Кавказа греческими колонистами» (стр. 123). Эти колоніи существовали и въ римское время. Однако, прямое вліяніе западной культуры на юридическій строй Кавказа не начинается ранѣе эпохи полнаго развѣта Византійской имперіи во времена Юстиніана. Къ царствованію этого императора, говоритъ г. Ковалевскій, относитъ Прокопій первоначальное обращеніе въ христіанство береговыхъ черкесовъ-абазинцевъ, постройку въ ихъ странѣ храма Божьей Матери, посылку греческихъ духовниковъ и монаховъ и воспрещеніе торга невольниками. Къ этому времени по всей вѣроятности слѣдуетъ отнести и начало воздѣйствія римско-византійскаго права на горскій адатъ. Проводникомъ его явилась древняя Армения, которая стояла въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Византіей» (стр. 128). Къ этому времени былъ составленъ въ Арменіи Судебникъ Гоша, однимъ изъ главныхъ источниковъ котораго было римско-византійское право. Впослѣдствіи этотъ Судебникъ вошелъ въ составъ законника грузинскаго царя Вахтанга VI и, такимъ образомъ, черезъ армянское и грузинское право римско-византійскія правовыя начала проникли на Кавказъ. Г. Ковалевскій приводитъ немало примѣровъ въ пользу того мнѣнія, что современные обычаи разныхъ кавказскихъ племенъ (хевсуровъ, пшавовъ, осетинъ, чеченцевъ и др.) являются ничѣмъ инымъ, какъ продуктомъ вліянія византійскаго права.

Кромѣ названныхъ вліяній, горскій адатъ подвергся въ свое время

также вліянію христiанства и моисеева законодательства. «Въ настоящее время вызываетъ болѣе сомнѣнія тотъ фактъ, говоритъ г. Ковалевскій, что христiанство было нѣкогда распространено на протяженіи всего Кавказа. Даже въ восточной его половинѣ, не смотря на появленіе въ ней арабовъ, можно открыть слѣды христiанскихъ храмовъ и церковной утвари. Мнѣ самому пришлось во время моей поѣздки по Дагестану найти цѣлый рядъ фактовъ, доказывающихъ существованіе нѣкогда въ этой странѣ христiанскихъ храмовъ» (стр. 147). На южный склонъ кавказскаго хребта проникло христiанство изъ Арменіи и Грузіи, обращеніе которыхъ относится къ началу IV ст. по Р. Хр. Изъ горскихъ народностей западнаго Кавказа едва ли не первыми приняли христiанство сванеты. Хевсурь, пшавы, тушины и осетины относятъ эпоху ихъ обращенія къ христiанству ко временамъ грузинской царицы Тамары. Что касается до абхазцевъ и черкесовъ, то къ нимъ христiанство было занесено по всей вѣроятности изъ Византіи черезъ посредство расположенныхъ на восточномъ берегу Чернаго моря греческихъ поселеній. До насъ дошло немало свидѣтельствъ западно-европейскихъ путешественниковъ, бывшихъ на Кавказѣ въ XV и въ XVII ст., а также въ болѣе позднее время въ пользу того, что многія горскія племена исповѣдовали христiанство и считали себя православными. Вотъ почему и по сіе время сохранилось у горцевъ не мало обычаевъ христiанскаго періода ихъ исторической жизни, не смотря на господствующій среди нихъ исламъ. Такъ абхазцы и теперь еще рѣзжутъ на Пасхѣ ягненка и обмѣниваются крашеными яйцами. Въ дни, совпадающіе съ Троицею, устраиваются обѣды и гулянья въ рощахъ, оканчивающіяся пляской. На Рождествѣ, какъ и на Пасхѣ, по совершеніи ночью моленія, отправляются съ поздравленіями другъ къ другу. При всѣхъ моленіяхъ и религіозныхъ обрядахъ употребляются восковыя свѣчи, куреніе ладономъ и т. п. Вліянію христiанства слѣдуетъ приписать и воздержаніе горцевъ отъ браковъ съ родственниками, а также возрѣніе ихъ на кровосмѣшеніе, какъ на одинъ изъ самыхъ тяжкихъ грѣховъ предъ Богомъ и людьми; при чемъ, по ихъ понятіямъ, кровосмѣсители должны караться ветхозавѣтнымъ по источнику наказаніемъ — побіеніемъ камнями. На приведенномъ примѣрѣ можно также убѣдиться во вліяніи, какое оказало на нравы и обычаи горцевъ моисеево законодательство. Послѣднее проникло на Кавказъ черезъ посредство армянскаго Судебника Гоша, воспринявшаго многія постановленія еврейскихъ законовъ.

Немалое вліяніе на обычаи горцевъ оказало также армянское и грузинское право, что объясняется близкимъ соосѣдствомъ и нерѣдкимъ подчиненіемъ населенія западнаго и восточнаго Кавказа армянскимъ и грузинскимъ правителямъ. Подобное же вліяніе, хотя въ гораздо болѣе слабой степени, замѣтно на горскомъ адатѣ со стороны разныхъ кочевавшихъ народностей сѣверныхъ отъ Кавказа степей и тѣхъ разноплеменныхъ варваровъ, которые подъ именемъ хозарь, гунновъ, аварь, болгарь, татарь большой орды и монголовъ, предводительствуемыхъ Тамерланомъ, то созидали болѣе или менѣе прочное государственное общезитіе, какъ это сдѣлали, напр. хозары, основавшіе при устьѣ Волги свой политической центръ Саркель, то подобно гуннамъ, татарамъ и монголамъ довольствовались временными набѣгами и опустошеніями Закавказья, проникая подчасъ и въ горныя тѣснины по Дербентскому и Дарьяльскому проходамъ. Но едва ли какое нашествіе оказало на судьбы Кавказа, по крайней мѣрѣ восточной его

части, большее вліяніе, нежели нашествіе арабовъ. Оно не только положило конецъ хозарскому владычеству, но сдѣлалось источникомъ довольно медленнаго, впрочемъ, распространенія магометанства на Кавказѣ. Пришедшіе арабы были сунниты. Это обстоятельство сдѣлалось причиной распространенія среди горцевъ почти исключительно суннитскаго толка. Будучи выходцами изъ Багдадскаго калифата, они во все время своего господства на Кавказѣ продолжали поддерживать съ нимъ самыя тѣсныя сношенія. Въ Багдадѣ же въ началѣ IX ст. стало упочиваться богословско-юридическое толкованіе Корана и Сунъ, излагаемое толкователемъ Шафаи. Въ XIII ст. одинъ изъ послѣдователей Шафаи, имамъ Эль-Навави составилъ религіозно-юридическій сборникъ Могараръ. Этотъ сборникъ доселѣ составляетъ въ Дагестанѣ настоящую книгу для религіозныхъ судей или кадіевъ и является здѣсь главнымъ источникомъ такъ называемаго Шаріата. Сочиненія другого толкователя шафаитскаго ученія Абу-Хаджа также проникли на Кавказъ благодаря главнымъ образомъ Турціи, Крымскаго ханства и зависимыхъ отъ нихъ кабардинцевъ. Вліяніе арабскаго права сказалось весьма сильно въ области государственнаго и уголовного права. Такъ, благодаря арабамъ, общественный строй Дагестана принялъ совершенно иную фізіономію, получивъ крайне сословную окраску. Въ особенности усилилось вліяніе Шаріата на горскій адатъ въ послѣднее время, въ періодъ господства Шамиля, употреблявшаго все усилія надъ приведеніемъ его въ исполненіе и надъ искорененіемъ обычаевъ, противныхъ его постановленіямъ.

Послѣднимъ по времени изъ тѣхъ вліяній, какія испытало на себѣ обычное право горцевъ, является вліяніе Россіи и проводимой ею на Кавказѣ политики. «Это вліяніе, говоритъ г. Ковалевскій, проявилось въ столькихъ разнообразныхъ сферахъ и такъ существенно измѣнило характеръ сословной, земельной, семейной, процессуальной и уголовной системъ горцевъ, что обстоятельное его изученіе одно могло бы сдѣлаться предметомъ цѣлаго сочиненія». Общее направленіе русской политики на Кавказѣ исключало возможность коренной ломки установившагося вѣками строя, чѣмъ отличалась напр. англійская политика въ Индіи. Этимъ обстоятельствомъ объясняется то, что мы удержали все особенности общинно-родового и племенного землевладѣнія горцевъ. Болѣе реформаторскимъ характеромъ отличалась наша политика въ области сословныхъ отношеній; такъ, здѣсь мы явились въ качествѣ освободителей зависимыхъ сословій и упразднителей не только рабства, но и крѣпостничества. «Справедливость заставляетъ сказать, говоритъ г. Ковалевскій, что враждебное отношеніе, въ какое русскіе начальники съ временъ Ермолова стали къ князьямъ и старшинамъ, этимъ опаснѣйшимъ въ ихъ глазахъ противникамъ нашего господства на Кавказѣ, во многомъ объясняетъ рѣшимость, съ какой въ плохо еще замиренномъ краѣ поднять былъ нами этотъ трудный и опасный вопросъ». Но какъ бы то ни было, онъ былъ благополучно разрѣшенъ. Какъ земельная, такъ и сословная реформы очевидно должны были существенно повліять на характеръ горскаго адата, но его дальнѣйшія судьбы рѣшены были не этими реформами, а тѣмъ положеніемъ, какое Кавказская администрація заняла въ вопросѣ объ отношеніи народнаго обычая къ писанному праву вообще и къ Шаріату въ частности. «Отношеніе русскаго правительства, говоритъ г. Ковалевскій, къ горскому адату съ самаго начала

нашого владычества приняло характеръ рѣшительнаго признанія и явнаго покровительства. Причина, побуждавшая русское начальство къ такой политикѣ, лежитъ въ томъ соображеніи, что оппозиція нашему владычеству всегда выходила изъ сферъ, благопріятныхъ Шаріату». «Но поступаая такимъ образомъ, читаемъ въ другомъ мѣстѣ книги, мы совершенно упустили изъ виду, что точное примѣненіе правилъ народнаго адата является препятствіемъ къ поддержанію внутренняго порядка и спокойствія въ едва замиренномъ нами краѣ. Неограниченность кровомщенія и связанное съ нимъ представленіе объ его обязательности, о выполненіи имъ долга живущихъ поколѣній по отношенію къ усопшимъ, возрѣніе на преступленіе, какъ на дѣйствіе, причиняющее матеріальный вредъ, отмщаемый однимъ родомъ надъ членами другого, независимо отъ того, произведенъ ли онъ преднамѣренно, неосторожно или случайно; широкой произволъ, предоставляемый въ случаѣ имущественныхъ преступленій и гражданской несостоятельности, какъ личному, такъ и родовому самоуправству, все это, очевидно, такія начала, торжество которыхъ неминуемо должно вести къ внутреннимъ несогласіямъ и усобицамъ и парализовать въ корнѣ дѣятельность правительства направленную къ сохраненію земскаго мира. Неограниченная терпимость по отношенію только-что упомянутыхъ началъ адатнаго права, буквальное примѣненіе ихъ въ горскихъ судахъ выбранными отъ народа диванъ-бегами, но подъ предѣдательствомъ русскаго чиновника, представляетъ еще то неудобство, что подкашиваетъ въ корнѣ нашу просвѣтительную миссію на Кавказѣ и заставляеть поставленныхъ нами же властей высказываться въ пользу примѣненія началъ, недопускаемыхъ нашимъ юридическимъ сознаніемъ, нашимъ понятіемъ о справедливости» (стр. 280). «Вѣдя открытую борьбу съ остатками старинной дикости и родового самосуда, говоритъ г. Ковалевскій нѣсколькими страницами далѣе, преслѣдуя убійство новорожденныхъ дѣвушекъ въ Сванетіи и неограниченность кровомщенія въ Дагестанѣ, русское правительство въ гораздо большей мѣрѣ осуществляетъ возложенныя на него исторіей культурныя задачи, нежели преклоняясь безусловно передъ оскорбляющими наше нравственное чувство порядками, неизмѣющимися за себя ничего, кромѣ ихъ стародавности. Терпимость къ чужой вѣрѣ, къ чужимъ правамъ и понятіямъ о справедливости — черта разумѣется, весьма почтенная. Русскую администрацію всего менѣе можно винить въ непониманіи или отрицаніи чужихъ религіозныхъ, нравственныхъ или правовыхъ устоевъ, но одного этого недостаточно для того, чтобы поставить ее на высоту ея историческаго призванія на Кавказѣ. Прежде чѣмъ примѣнять въ нашихъ судахъ все дѣйствующіе обычаи Кавказа, не мѣшаетъ задаться вопросомъ объ источникѣ этихъ обычаевъ. Что какъ въ самомъ дѣлѣ окажется, что, давая наше признаніе явно оскорбляющему нравственное чувство порядку, мы на самомъ дѣлѣ подчиняемъ свое личное сужденіе не «народному возрѣнію на правду», а фанатическому изувѣрству какого-нибудь восточнаго мага, или не знающему границъ своеволю хозарскаго, гунскаго, персидскаго или кабардинскаго деспота. Положеніе наше остается не менѣе страннымъ и тогда, когда примѣняемый нами обычай окажется заимствованнымъ изъ моисеева права, римскаго, византійскаго, армянскаго или грузинскаго права... Пора признать, наконецъ, что обычай, не меньше закона, можетъ быть результатомъ религіознаго фанатизма, насилія и произвола; что вмѣсто того, чтобы быть всегда пер-

воисточникомъ закона, онъ подчасъ не болѣе, какъ его отраженіе и притомъ отраженіе переставшихъ отвѣчать требованіямъ жизни давно отошедшихъ въ вѣчность религіозныхъ и юридическихъ цензовъ, отмѣна которыхъ является первымъ шагомъ на пути прогресса» (стр. 289).

Второй томъ интереснаго изслѣдованія г. Ковалевскаго распадается на два отдѣла. Въ первомъ излагаются общественное и политическое устройство сванетовъ; религіозныя вѣрованія, общественный строй и юридическій бытъ пшавовъ, а также народное право хевсуръ и тушинъ. Второй отдѣлъ обнимаетъ собою адаты дагестанскихъ горцевъ и ихъ отношеніе къ Шаріату. Такъ какъ оба источника дагестанскаго права сталкиваются между собой лишь въ извѣстныхъ сферахъ юридической жизни, каковыми являются сферы брачнаго, наслѣдственнаго и уголовного права, то ими и ограничивается предметъ изслѣдованія. Наконецъ, въ виду того, что источникомъ адатнаго права въ Дагестанѣ, какъ и повсюду на Кавказѣ, является родовое устройство, то изученію отдѣльныхъ нормъ адатнаго права предпосылается глава о дагестанскихъ родахъ, такъ называемыхъ, тохумовъ.

В. Латкинъ.

Живая Старина. Периодическое изданіе отдѣленія этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества подъ редакціей предѣдательствующаго въ отдѣленіи этнографіи В. И. Ламанскаго. Выпускъ I. Спб. 1890.

Было бы несправедливо жаловаться, что этнографія находится у насъ въ загонѣ. Со времени первыхъ заботъ въ ея области, начавшихся еще при Петрѣ I, наука эта можетъ насчитать довольно значительное количество и трудовъ, и дѣятелей. Интересъ къ этнографіи особенно увеличился въ послѣднее время. Не только люди науки, обладающіе спеціальными познаніями, посвящаютъ свои труды и время занятіямъ этой наукой, но и простые смертные, живущіе въ самыхъ глухихъ уголкахъ, все больше и больше начинаютъ работать въ этой области. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно развернуть, напримеръ, бібліографическій указатель «Этнографическаго Обзорнія», гдѣ указываются статьи, имѣющія этнографическій интересъ, помѣщенные въ разнаго рода журналахъ, мѣстныхъ изданіяхъ и газетахъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что наша провинція въ настоящее время далеко не такъ глубоко погружена въ тину мелкихъ интересовъ, что и тамъ есть люди, «кои, говоря словами г. Ламанскаго, не причисляя себя ни къ художникамъ, ни къ ученымъ и, посвятивъ себя службѣ государственной или трудамъ хозяйственнымъ, не перестаютъ улаживать свою жизнь занятіями или работами по любимому искусству, или наблюденіями и изысканіями въ области излюбленной науки» (стр. XXV). Люди эти собираютъ матеріалъ, помѣщаютъ его въ мѣстныхъ изданіяхъ, отсылаютъ въ ученые Общества. Въ архивѣ географическаго общества, по словамъ его предѣдателя г. Ламанскаго, накопилась такая масса подобнаго рода матеріала, статей и замѣтокъ, что, не смотря на все значеніе и интересъ, напечатать ихъ въ органѣ Общества «Извѣстіяхъ» было бы положительно невозможно. Нѣкоторые изъ членовъ Общества, а именно акад. А. Н. Веселовскій, проф. Минаевъ, акад. А. Н. Майковъ, А. Н. Пыпинъ, а также и В. И. Ламанскій, обратили вниманіе Общества на это обстоятельство и предложили «предпринять при этнографическомъ отдѣленіи и его

содѣйствіемъ изданіе посвященнаго народовѣднію Россіи и соплеменныхъ ей странъ журнала, подъ названіемъ «Живая Старина», главной цѣлью котораго, какъ выяснилъ дальше г. Ламанскій, будетъ желаніе «по силамъ помочь и безъ того трудному сооруженію колоссальнаго зданія — этнологическаго и этнографическаго изслѣдованія Россіи» (стр. ХLI).

Первый выпускъ этого журнала теперь передъ нами. Центромъ тяжести его является статья самого редактора, г. Ламанскаго, составляющая какъ бы profession de foi новаго журнала. Статья эта заключаетъ въ себѣ такую массу новыхъ мыслей, затрогиваетъ столько интересныхъ вопросовъ, при томъ чрезвычайно разнообразныхъ, что характеризовать ее, а тѣмъ болѣе передать въ общихъ чертахъ ея содержаніе, невозможно. Для этого пришлось бы написать замѣтку не меньше, если не больше самой статьи. Поэтому мы вынуждены коснуться только нѣкоторыхъ, болѣе интересныхъ, пунктовъ статьи, представляя желающему познакомиться съ остальными въ оригиналѣ. Поражаетъ прежде всего своей странностью взглядъ г. Ламанскаго на наши энциклопедическіе журналы, въ которыхъ онъ видитъ «лишь рутинное отношеніе къ дѣлу и непониманіе современныхъ нуждъ русской литературы и образованности» (стр. XVI). Такое мнѣніе, какъ намъ кажется, ошибочно. Издатели современныхъ журналовъ, приспособляясь къ вкусу большинства, соображаясь съ развитіемъ этого большинства, уже этимъ самымъ выказываютъ «пониманіе современныхъ нуждъ русской... образованности», которая, если только ее не идеализировать, очень и очень не высока. Наша публика, можно сказать, только что-начинаетъ читать, и если засадить ее сразу за ученые трактаты какой бы то ни было прикладной или чистой науки, она отшатнется не только отъ нихъ, но отъ всѣхъ книгъ вообще. Здѣсь нужно брать не меньшинство, и даже не средній уровень, а большинство. А для этого большинства нужны журналы, именно, съ такимъ характеромъ, какъ они издаются теперь, т. е. научно-литературные, или, говоря словами г. Ламанскаго, энциклопедическіе, заключающіе въ себѣ на ряду съ статьями легкаго содержанія, замѣтками, имѣющими чисто современное значеніе, злобу дня, также и статьи вполне научныя. Журналы съ такой программой могутъ принести большую пользу, что давно уже предсказывалъ Вѣлинскій¹⁾. Это несомнѣнно. Читая первыя, постепенно будутъ привыкать и къ послѣднимъ. Въ этомъ отношеніи наши журналы поступаютъ очень тактично, задавшись цѣлью систематически, хотя и медленно, но все-таки развивать нашу публику. Этимъ только и можно объяснить то обстоятельство, что они даютъ у себя мѣсто чисто ученымъ статьямъ, хотя, какъ говоритъ самъ г. Ламанскій, статьи эти «не прибавляютъ новыхъ подписчиковъ и даже внушаютъ страхъ огромному большинству читателей», «остаются неразрѣзанными», называются «нечитательными» (стр. XIII). Вотъ условія среди которыхъ приходится работать журналисту. Мыслимъ ли же здѣсь спеціальныи ученый журналъ? Конечно, нѣтъ. Это доказывается хотя бы уже однимъ тѣмъ, что такихъ журналовъ у насъ почти нѣтъ, а тѣ, которые есть, издаются исключительно учеными обществами. Тѣ же изъ нихъ, которые разсчитывали на поддержку общества находятся далеко не въ завидномъ положеніи («Пантеонъ Литературы», «Русское Богатство», «Библіографъ», «Кіевская Старина» и др., хотя эти журналы далеко еще не со-

¹⁾ Собр. сочин., т. II, стр. 68.

вѣмъ спеціальны) и нерѣдко даже прекрашаються («Вѣст. Изящн. Искусствъ»). Изъ нихъ благоденствуетъ одинъ лишь «Артистъ», избравшій своею спеціальностью печатаніе комедій. Ссылається еще г. Ламанскій на Западную Европу, гдѣ «издается и читается много книгъ и періодическихъ изданій, посвященныхъ извѣстнымъ отраслямъ званія» (стр. XVII). Не думаемъ, чтобы ссылка эта имѣла какое-нибудь основаніе. Уже Бѣлинскій говорилъ, что «журналы собственно ученые у насъ не могутъ имѣть слишкомъ обширнаго круга дѣйствія; наше общество еще слишкомъ молодо для нихъ»¹⁾. Замѣчаніе это, не смотря на довольно значительный промежутокъ времени, остается къ сожалѣнію, вѣрнымъ и теперь. Нашему обществу еще слишкомъ много нужно поучиться, чтобы стать наравнѣ съ западно-европейскимъ. На народное образованіе Россія затрачиваетъ менѣе всѣхъ остальныхъ государствъ Европы, слѣдовательно и образованныхъ людей въ ней меньше, чѣмъ гдѣ либо²⁾. Поэтому-то книги, выдерживающія тамъ десяти изданій, у насъ расходятся всего въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Кромѣ того, тамъ возможны спеціальныя изданія еще и потому, что ихъ читаетъ весь образованный міръ, а русскія ученныя изданія не выходятъ за предѣлы Россіи, да и здѣсь еще внушаютъ страхъ «огромному большинству». Очевидно, что въ данномъ случаѣ примѣра съ Западной Европы намъ пока еще брать нельзя и, если «эволюція нашихъ ежемѣсячныхъ литературно-научныхъ журналовъ» и желательна, то ей еще не время. Что же касается до того, что «изготовление такъ называемыхъ серьезныхъ статей въ большей части нашихъ журналовъ выпадаетъ обыкновенно на долю или молодымъ начинающимъ ученымъ, или старымъ опытнымъ сотрудникамъ», «иногда лишь бойкимъ, навившимъ руку и изучившимъ вкусы публики, литераторамъ съ извѣстнымъ въ русскомъ смыслѣ энциклопедическимъ образованіемъ», (стр. XIV), то въ этомъ, думаемъ, виноваты сами ученые-спеціалисты, сторонящіеся отъ такой дѣятельности, какъ бы считающіе для себя униженіемъ спуститься до *profanum vulgus*. Журналамъ нужны ихъ труды, лишь бы они излагались доступно пониманію большинства читателей. «Одна изъ главныхъ задачъ журналистики, говорилъ Чернышевскій, есть распространеніе положительныхъ знаній между своими читателями, ознакомленіе публики съ фактами науки. Въ нашей литературѣ, гдѣ еще такъ мало ученыхъ дѣльныхъ книгъ, да и тѣ находятся въ рукахъ самой ничтожной по числу публики, исполнять эту обязанность журналисту еще необходимѣе, чѣмъ въ другихъ литературахъ»³⁾. Кромѣ того въ Западной Европѣ, на которую ссылається г. Ламанскій, какъ на страну науки, какъ на примѣръ, Англіи, Франціи и др. ученые-популяризаторы есть, а у насъ, гдѣ они нужнѣе всего, ихъ и нѣтъ. Не понятно также, почему г. Ламанскимъ «всегда овладѣваетъ грустное чувство» когда онъ читаетъ «объявленіе о какомъ-нибудь новомъ ежемѣсячномъ литературно-научномъ журналѣ». «Дай Богъ, по болѣе журналовъ—плодятъ читателей они», весьма удачно сказалъ князь Вяземскій. Этимъ мы и закончимъ

¹⁾ Тамъ же, т. II, стр. 69.

²⁾ Государство тратитъ у насъ пропорціонально населенію въ 2¹/₂ раза менѣе, чѣмъ Франція, въ 3 раза, чѣмъ Пруссія, почти въ 4—нежели Великобританія и въ десять разъ меньше, чѣмъ Цюрихскій кантонъ въ Швейцаріи. Edvard Pfeiffer, Vergleichende Zusammenstellung der Europäischen Staatsausgaben, 1877, S. 229.

³⁾ Современникъ, 1856 г., т. LV, стр. 29.

вопросъ о журналахъ, единственный пунктъ, въ которомъ невозможно согласиться съ г. Ламанскимъ.

Что же касается до другихъ мыслей и взглядовъ этой статьи, то они чрезвычайно симпатичны и вызываютъ къ себѣ полное сочувствіе. Такъ напримѣръ хотя бы предложеніе устроить въ Москвѣ вольную русскую академію «безъ жалованья, безъ чиновъ и орденовъ, безъ казенныхъ квартиръ», объединивъ всѣ ученые общества при Московскомъ университетѣ. Осуществленіе этого плана повело бы за собой преобразование нашей Академіи Наукъ, чисто нѣмецкой по своимъ традиціямъ, почти исключительно работающей для нѣмецкой науки. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это ни странно, но первое наше ученое учрежденіе находится въ рукахъ нѣмцевъ, ревниво охраняющихъ его отъ нашихъ русскихъ же ученыхъ. Кто же помнитъ, напримѣръ, курьезнаго, чтобы не сказать болѣе, факта, имѣвшаго мѣсто лѣтъ пять, шесть тому назадъ? Въ члены Академіи предлагали извѣстнаго русскаго ученаго Менделѣева, извѣстнаго не только у насъ, но во всемъ образованномъ мірѣ и какого-то никому неизвѣстнаго, ни тогда, ни теперь, нѣмца. И что же? Выбрали послѣдняго. Не легко также мириться, какъ съ чѣмъ-то нормальнымъ, съ нѣмецкимъ языкомъ нашихъ казенныхъ изданій, посвященныхъ изслѣдованію Россіи («Bulletin», «Melanges» и «Memoires» нашей академіи подъ французскими заглавіями въ большинствѣ случаевъ скрываютъ нѣмецкій текстъ, «Beiträge der Kenntniss des russischen Reichs», «Russische Revue» и др. стр. XXX). Мы не будемъ, да и не можемъ даже перечислить всѣ тѣ desiderata, которыя высказываетъ авторъ относительно мѣстныхъ музеевъ, разнаго рода изданій и проч. Выяснимъ только еще мнѣніе относительно фольклора, нашедшаго какъ у насъ, такъ и на Западѣ, довольно большое количество послѣдователей. Г. Ламанскій относится къ нему очень скептически и, повидимому, соглашается съ мнѣніемъ Вейнгольда, что большинство трудовъ фольклористовъ представляетъ собой «довольно бѣдное собраніе матеріаловъ и ужасно много мусору и соломы, брошенной на вѣтеръ» (стр. XLII).

Что касается до содержанія самой книжки, то оно очень разнообразно и довольно интересно. Прежде всего, и по интересу, и по научному значенію, нужно поставить статью проф. И. Жданова; предметомъ для нея послужили пѣсни о князѣ Михаилѣ, относящіяся къ произведеніямъ, «которыя можно назвать былинами бытовыми или побывальщинами въ поэтической формѣ». Въ этомъ выпускѣ помѣщено только начало статьи, гдѣ приведены параллели и варианты этой пѣсни, найденные г. Ждановымъ въ другихъ, главнымъ образомъ славянскихъ, литературахъ. Интересны также статьи «Полувѣрцы Псковско-Печерскаго края» (стр. 31—63) Ю. Трусмана, гдѣ указываются слѣды языческаго культа у полувѣрцевъ. «Три года въ Якутской области» В. Приклонскаго, «Путевыя письма и замѣтки Срезневскаго о сербо-лужицанахъ», дающія главнымъ образомъ матеріаль для біографіи Срезневскаго и извѣстнаго сербо-лужицкаго этнографа Смоляра (стр. 84—103), затѣмъ замѣтки проф. Соболевскаго, проф. Веселовскаго, Л. Н. Майкова, Б. Бондаренко и др. Что касается до статей г. Рисова и крестьянина И. Савченкова, то первая безъ пѣсенъ свадебныхъ («о литовской свадьбѣ») не можетъ имѣть почти никакого значенія, а вторая («Старое и новое») заключаетъ въ себѣ нѣсколько интересныхъ данныхъ по исторіи костюмовъ въ юго-западной Россіи, но не болѣе; по нашему мнѣнію, прежде чѣмъ печатать ее, слѣдовало бы привести въ систему заключающійся въ ней матеріаль

и уничтожить нѣкоторые курьезы. Такъ напримѣръ, авторъ чрезвычайно точно (чуть не указываетъ числа и мѣсяца) опредѣляетъ, что «съ 1884 года молодія (а старыя?) женщины и дѣвушки стали употреблять теплые платки» (стр. 112), «съ 1872 г. крестьянки стали заказывать жидамъ серьги серебрянныя» (стр. 113), «съ паденіемъ крѣпостнаго права сейчасъ же (19-го февраля?) появились зеленые поясы и сивыя шапки (а раньше не носили?!). Къ книжкѣ приложена «Программа для собранія свѣдѣній по этнографіи».

Въ заключеніе пожелаемъ новому журналу, чтобы «онъ заодно съ своимъ нѣсколько старшимъ московскимъ товарищемъ «Этнографическимъ Обзорніемъ» могъ успѣшно распространять въ Россіи любовь и охоту къ этнографическимъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ, освѣщать разные темные уголки русской этнографіи, ставить и разрѣшать вопросы въ нашей наукѣ и тѣмъ содѣйствовать желанной постройкѣ будущаго величаваго зданія» (стр. XXXVII).

В. Б.

В. Васильевскій. Обзорніе трудовъ по Византійской исторіи.

Выпускъ I. Спб. 1890.

Этотъ трудъ профессора и академика В. Г. Васильевского печатался первоначально въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1887—1889 гг., а въ настоящее время является въ свѣтъ отдѣльною книжкой съ нѣкоторыми дополненіями. Какъ видно изъ самаго заглавія, почтенный авторъ имѣлъ въ виду «не обзорніе источниковъ Византійской исторіи, а обзорніе трудовъ по изданію и непосредственному объясненію источниковъ, начиная съ эпохи Возрожденія». Въ настоящемъ выпускѣ это обзорніе доведено до XIX столѣтія, въ слѣдующемъ будемъ ожидать, согласно съ обѣщаніемъ автора, окончанія главнаго отдѣла (т. е. изданія источниковъ) и затѣмъ характеристики новѣйшихъ и болѣе общихъ иностранныхъ сочиненій по исторіи Византіи, а также перечисленіе русскихъ частныхъ изслѣдованій въ этой области. Первый выпускъ распадается на три главы. Первая глава, «отъ Іеронима Вольфа до Дюканжа», знакомитъ читателя съ первыми шагами западно-европейскихъ народовъ на поприщѣ ознакомленія съ византійскими историками. Начало такому ознакомленію было положено въ Италіи переводомъ Прокопія, повѣствователя о царствованіи Юстиніана Великаго, на латинскій языкъ; этотъ переводъ былъ сдѣланъ въ 1441 г. Ліонардо Бруни, ученикомъ греческаго выходца Мануила Хрисолора. Изъ Италіи изученіе греческой литературы вообще и византійской въ частности перешло за Альпы, во Францію, и сосредоточилось въ Парижѣ, откуда вышли такіе дѣятели, какъ Рейхлинъ и Еразмъ Роттердамскій, а далѣе распространилось и по остальнымъ государствамъ. Соединенными усиліями всѣхъ европейскихъ ученыхъ было розсыкано и издано весьма большое количество византійскихъ историческихъ писателей. Однако, вслѣдствіе недостатка хорошихъ кодексовъ, а иногда и неумѣлости издателей, эти изданія были въ большинствѣ случаевъ мало удовлетворительны. Въ слѣдующей главѣ, озаглавленной «Время Дюканжа», рассказано про то, что было сдѣлано для византійской исторіи во Франціи въ эпоху Людовиковъ XIII и XIV, при которыхъ собраніе греческихъ манускриптовъ вошло въ моду въ высшихъ кругахъ, и этимъ занимались такіе великіе государственные дѣятели, какъ Мазарини, Сегье, Фуке, Кольберъ и др. Богатыя собранія рукописей, полу-

чившіяся такимъ путемъ, дали возможность выпустить болѣе исправныя изданія византійскихъ историковъ. Цѣлый рядъ выдающихся ученыхъ принялся за это дѣло и въ свѣтъ появились прекрасныя изданія сочиненій Кедрика, Дуки, Анны Комниной, Георгія Сиккела и другихъ не менѣе важныхъ источниковъ для изученія судьбъ греческой монархіи. Этими изданіями было положено начало колоссальному собранію всѣхъ источниковъ византійской исторіи, напечатанному въ королевской Луврской типографіи и извѣстному подъ названіемъ парижской коллекціи. Но среди людей, занимавшихся Византіей въ XVII в., первое мѣсто принадлежитъ несомнѣнно Шарлю Дюканжу, не только участвовавшему въ вышеуказанномъ изданіи, но и писавшему самостоятельныя историческія изслѣдованія, а также составившему знаменитый «Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis», который не потерялъ своей цѣны и до сихъ поръ. Дѣятельности Дюканжа и посвящена значительная часть второй главы. Третья глава обнимаетъ XVIII столѣтіе. Въ началѣ этой главы уважаемый авторъ характеризуетъ ученый кружокъ Сент-Жерменскаго аббатства, представлявшій весьма интересное явленіе среди блестящей жизни интеллигентныхъ слоевъ общества при Людовикѣ XIV. «Это былъ отдѣльный міръ, мало извѣстный для придворнаго и городского общества, члены этого кружка не особенно старались выйти изъ полумрака, довольные тѣмъ, что находятъ себѣ надлежащую оцѣнку въ средѣ посвященныхъ», будучи всецѣло погружены въ свои изслѣдованія. Трудясь ради своего призванія и науки, эти скромные рабочіе не искали шумной славы и безъ сожалѣнія посвящали свою жизнь задачѣ, которая даже имъ могла бы показаться неблагоприятною, если бы они не находили поддержки и одобренія въ средѣ себѣ подобныхъ, мнѣніемъ которыхъ дорожили. Открытіе и печатаніе древнихъ текстовъ, собраніе старинныхъ хартій, изученіе греческихъ и латинскихъ средневѣковыхъ манускриптовъ, накопленныхъ вѣками въ бібліотекахъ, однимъ словомъ, изученіе прошлаго составляло задачу ихъ жизни, — это была ихъ страсть. Они собирали сокровища эрудиціи, которыми питались послѣдующія поколѣнія и продолжаютъ питаться. До нихъ едва достигало отдаленное эхо славы царствованія, или даже блестящихъ триумфовъ литературныхъ и художественныхъ; немного напоминаетъ, что это современники Тюрення и Конде, Корнеля и Мольера» (стр. 150). Вотъ это-то общество и продолжило гигантскую парижскую коллекцію византійскихъ историковъ. Такъ какъ эта коллекція и до сихъ поръ остается образцовою и служить базисомъ при изученіи исторіи Византіи, то мы позволимъ себѣ привести характеристику ея, даваемую профессоромъ В. Г. Васильевскимъ. Французскіе ученые своею «Византиною» воздвигли прочный памятникъ французской науки, они заложили вѣковой фундаментъ, на которомъ и до сихъ поръ основываются всѣ работы въ данной области. Именно то, что зданіе оставалось долго въ томъ самомъ видѣ, какъ оно было возведено въ XVII вѣкѣ, доказываетъ и его прочность, и громадную трудность подобнаго рода предприятий. Коллекція была, конечно, не безъ недостатковъ, и не всѣ ея томы отличались одинаковымъ достоинствомъ даже въ своемъ родѣ. Общій и главный недостатокъ происходилъ отчасти отъ несовершенства приѣмовъ тогдашней филологической критики, а еще болѣе отъ непреодолимыхъ затрудненій, иногда полной невозможности, имѣть подъ рукою всѣ необходимыя списки того или другого произведенія. Но достоинства коллекціи

заключаються въ томъ, что издатели прежде всего заботились о пониманіи содержанія, объ уясненіи фактовъ и предметовъ, объ установленіи хронологіи тѣхъ событій, о которыхъ идетъ рѣчь у издаваемого автора, и въ экзегетикѣ византійскихъ писателей, въ раскрытіи ихъ содержанія, французскіе издатели оказали услуги громадныя, можно сказать, безпримѣрныя, никто до сихъ поръ не покушался замѣнить ихъ комментаріи къ отдѣльнымъ византійскимъ произведеніямъ, равно какъ незамѣнимыми остаются и общія вспомогательныя пособія, составленныя Дюканжемъ» (стр. 191—193). Охарактеризовавъ такимъ образомъ парижское изданіе и упомянувъ про его перепечатки, почтенный авторъ переходитъ къ обзорѣню отдѣльныхъ изданій, вышедшихъ хотя и независимо отъ Луврской коллекціи, но служащихъ какъ бы ея пополненіемъ. Обзорѣнемъ этихъ (оно касается сочиненій Малалы, Геннесія, Константина Багрянороднаго и нѣкоторыхъ другихъ) и заканчивается первый выпускъ новаго труда профессора В. Г. Васильевскаго. Мы остановились на содержаніи книги почтеннаго ученаго, имѣя въ виду ту тѣсную связь, которая всегда соединяла Византію съ Русью, и полагая поэтому, что всякій выдающійся трудъ по исторіи первой долженъ необходимо привлечь вниманіе людей, интересующихся послѣдней. А что трудъ проф. В. Г. Васильевскаго не заураженъ, объ этомъ нечего и говорить. Онъ не только на русскомъ языкѣ представляетъ явленіе единственное въ своемъ родѣ, но и на иностранныхъ языкахъ ничего подобнаго не имѣется, если не считать бѣлаго очерка г. Саеы, который не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ перечисленія именъ главныхъ дѣятелей. Несмотря на спеціальность своего содержанія, книга уважаемаго профессора написана весьма живо и читается съ интересомъ, особенно благодаря тѣмъ прекраснымъ и мѣткимъ характеристикамъ дѣятелей и эпохъ, которыя нерѣдко въ ней попадаются, такъ что мы можемъ рекомендовать ее всякому желающему ознакомиться съ византійскою историографіей. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать окончанія этого важнаго труда, но желательно было бы, чтобы почтенный авторъ приложилъ къ нему именной указатель для болѣе удобнаго пользованія книгой при справкахъ.

С. А.—въ.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина, издаваемый подъ редакціею М. И. Семевскаго. Книга первая. Спб. 1890.

Изданіе семейныхъ архивовъ, сохранившихся отъ предковъ, составляетъ, несомнѣнно, прямую обязанность просвѣщенныхъ потомковъ. Но много ли сохранилось у насъ семейныхъ архивовъ?.. Во всякомъ случаѣ, очень немного уцѣлѣло такихъ архивовъ, какъ Куракинскій, вмѣщающій въ себѣ до 900 томовъ бумагъ, относящихся преимущественно къ XVIII и XIX вѣкамъ. Этотъ громадный и драгоцѣнный архивъ, заключающій въ себѣ «далеко не всѣ бумаги рода князей Куракиныхъ», хранится въ селѣ Надеждинѣ (Сердобскаго уѣзда, Саратовской губ.), издавна принадлежащемъ роду Куракиныхъ. Въ настоящее время, владѣлецъ этого архива, князь Ѳ. А. Куракинъ, возмѣллъ благую мысль — предпринять изданіе своего семейнаго архива въ цѣломъ рядѣ томовъ ¹⁾ и поручилъ редакцію этого изданія М. И. Се-

¹⁾ Предисловіе редактора не выясняетъ системы, въ которой предполагается издавать этотъ архивный матеріалъ; а этотъ вопросъ тѣмъ болѣе важенъ, что однѣ только бумаги В. И. Куракина занимаютъ въ Куракинскомъ архивѣ 80 то-

мевскому, издателю «Русской Старины». Нынѣ вышедшій первый томъ этого архива заключаетъ въ себѣ выдержки изъ переписки и личныхъ сочиненій князя Бориса Ивановича Куракина, современника Петра и свояка его, по первому браку съ Евдокіей Лопухиной. Крімъ писемъ Петра Великаго къ Б. И. Куракину, въ первомъ томѣ «Архива» помѣщены: «Дневникъ и путевыя замѣтки» Б. И. Куракина; его «автобіографія», «Записки о русско-шведской войнѣ» и отрывокъ изъ большого историческаго труда, который долженъ былъ вмѣщать въ себѣ всю исторію «Славяно-россійскаго народа» отъ начала и до 20-хъ годовъ прошлаго вѣка. Этотъ отрывокъ, довольно важный по своему значенію, какъ отзывъ современника о современникахъ, заставляетъ невольно сожалѣть объ утратѣ остальной, весьма значительной части того же сочиненія, тѣмъ болѣе, что въ бумагахъ Б. И. Куракина сохранился списокъ главъ его. Изъ этого списка оказывается, что сохранились намъ изъ историческаго труда Б. И. Куракина только главы 93—123, а всѣхъ главъ въ спискѣ обозначено болѣе 340; и если даже мы предположимъ, что нѣкоторая часть этого количества главъ и была не написана, а только намѣчена, то ужъ никакъ нельзя сдѣлать того же предположенія относительно главъ 1—93, такъ какъ описанію Петровскаго времени и правленія Софьи, очевидно, предшествовало повѣствованіе о предшествующихъ царствованіяхъ и древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи.

Сохранившіяся главы историческаго труда князя Б. И. Куракина и составляютъ главное украшеніе перваго тома Куракинскаго «Архива», а потому на нихъ-то, главнымъ образомъ, мы и остановимся при обзорѣ содержанія этой новой книги. Прежде всего замѣтимъ, что г. редакторъ далъ этимъ главамъ совершенно произвольное и неправильное заглавіе, назвавъ ихъ «Гисторіей о Петрѣ Великомъ». Онъ самъ говоритъ, что этого заглавія въ рукописяхъ Б. И. Куракина нѣтъ, самъ приводитъ «Вѣдѣніе о главахъ» (79 стр. и сл.), изъ котораго оказывается, что главы о Петровскомъ времени заимствованы изъ «Исторіи славянороссійскаго народа»... Зачѣмъ же дано сохранившимся главамъ произвольное и невѣрное заглавіе, нѣсколько вводящее даже въ заблужденіе читателя? Рѣшить этотъ вопросъ тѣмъ болѣе трудно, что въ сохранившихся главахъ болѣе половины текста посвящено описанію правленія Софьи, а въ остальной половинѣ изложены только самые первые годы царствованія Петра Великаго, до кончины царицы Натальи Кириловны.

Пока эти главы «Гисторіи» Б. И. Куракина не были изданы въ свѣтъ, о нихъ много ходило толковъ въ нашемъ ученомъ мірѣ. Говорили, что въ нихъ сообщается очень много новаго о любопытномъ времени правленія царевны Софьи, что многіе факты и многія лица изъ числа современниковъ Софьи и Петра являются въ совершенно новомъ освѣщеніи и т. д. Къ сожалѣнію, эти слухи оказались болѣе чѣмъ преувеличенными... «Гисторія», по указаніямъ самого князя Б. И. Куракина писалась въ концѣ царствованія Петра (а можетъ быть и по его смерти), вдали отъ Россіи, слѣдовательно лѣтъ 35 спустя послѣ описываемыхъ авторомъ «Гисторіи» событій правленія царевны

мовъ. Отчасти на это намекаетъ и самъ князь Б. И. Куракинъ, предпосылая списку главъ слѣдующую замѣтку: «Вѣдѣніе заглавіи книги сей начатой, которая имѣетъ быть учинена... Здѣсь топерь, при помощи Вожеской, начинаемъ писать, откуль, что собрать матерій въ сію книгу, съ отмітками на сторонахъ, а потомъ начнемъ книгу писать формально и т. д.

Софьи и первых шагов юнаго царя Петра. Въ теченіе такого значительнаго времени, многія воспоминанія юности успѣли стереться и перепутаться въ памяти автора, а щекотливость предмета, о которомъ онъ писалъ, и отдаленность отъ всѣхъ русскихъ друзей и сверстниковъ — не давали автору возможности провѣрить сообщаемыхъ имъ свѣдѣній о событіяхъ и лицахъ. Вслѣдствіе этихъ условій, Б. И. Куракинъ многое изъ сообщаемаго имъ въ «Гисторіи» излагаетъ совершенно невѣрно (напр. первый день стрѣлецкаго бунта въ 1682 г., судъ и казнь надъ Хованскими, выдачу Шакловитаго и т. д.). Послѣ напечатанія г. Труворовымъ драгоценныхъ томовъ о дѣлѣ Шакловитаго, многое, высказываемое Куракинымъ «по памяти» о временахъ Софьи и о ея правленіи, представляется совершенно ложнымъ и не имѣющимъ никакого историческаго основанія (напр., объясненія причины бѣгства Петра изъ Преображенскаго въ Троицкую обитель, упоминанія о планахъ Софьи, относительно выхода замужъ за Голицына). Но и при этихъ пробѣлахъ «Гисторіи», многое въ ней ново и любопытно. Въ числѣ «новаго» отмѣтимъ «авантюру курьезную» о сношеніяхъ Артамона Матвѣева съ Иваномъ Милославскимъ, наканунѣ стрѣлецкаго бунта (стр. 45), свѣдѣнія о томъ, что Наталю Кириловну, при нуждѣ въ деньгахъ, сужали средствами не только патріархъ Іоакимъ, но и митрополитъ ростовскій Іона (стр. 53); любопытное извѣстіе о томъ, что Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ хлопоталъ о женитьбѣ Петра не на Лопухиной, а на своей родственницѣ—княжнѣ Трубецкой, но Нарышкины и Тихонъ Стрѣшневъ того не допустили, «опасаясь, что чрезъ тотъ марьяжъ оной князь Голицынъ съ Трубецкими... возьмутъ повуаръ и всѣхъ другихъ затѣнять» (стр. 55); указанія на то, что не только «потѣхи» и сношенія Петра съ Нѣмецкою слободою, но и «ненависть» Натальи Кириловны поселили первую непріязнь между Петромъ и его первою супругою (стр. 69). Въ числѣ «любопытнаго» отмѣтимъ похвальный отзывъ о стрѣльцахъ, между которыми, по словамъ Куракина, «много людей умныхъ и богатыхъ было, и купечествомъ своимъ богатствъ не малое имѣли» (стр. 57); свѣдѣнія о томъ, что съ потѣшными особенно враждовали — Стремянный и Бѣлый (?) стрѣлецкіе полки, преданные Софьѣ (стр. 66); замѣтку о модахъ, введенныхъ въ Москву Андреемъ Крестомъ (стр. 69); циническія подробности о святочныхъ забавахъ Петра и его «кампаніи» (стр. 74).

Внѣ этихъ мелочей, въ «Гисторіи» можно указать только на отзывы автора о лицахъ и эпохахъ, несомнѣнно, пристрастные и ничего не прибавляющіе къ давно-извѣстному. Какое, напр. значеніе можетъ имѣть для насъ въ данное время такой отзывъ о правленіи царевны Софьи: «Правленіе царевны Софьи Алексѣевны началось со всякой прилежности и правосудіемъ всѣмъ и къ удовольствію народному, такъ что никогда такого мудраго правленія въ Россійскомъ государствѣ не было. И все государство пришло во время ея правленія, черезъ семь лѣтъ, во цвѣтъ великаго богатства. Также умножалась коммерція и всякія ремесла; и науки почали быть возставлять (sic) латинскаго и греческаго языку; также и политесъ возставлена была въ великомъ шляхетствѣ и другихъ придворныхъ съ манеру польскаго—и въ экипажахъ, и въ домовномъ строеніи, и уборахъ, и столахъ...» (стр. 50).

И въ противоположность этому отзыву о времени правленія Натальи Кириловны авторъ «Гисторіи» находитъ возможнымъ сказать только, что «въ правленіе ея знатнаго ничего не происходило, токмо всѣ дѣла происходили съ великими взятками» (стр. 74).

Обясненія такого отзыва объ этомъ времени находимъ на стр. 64, гдѣ авторъ «Гисторіи» говоритъ что «въ томъ правленіи наибольшее начало паденія первыхъ фамилій, а особливо имя князя было возненавидѣно и уничтожено, какъ отъ его царскаго величества, такъ и отъ персонъ правительствующихъ, которые кругомъ его были, для того, что всѣ оны господа, какъ Нарышкины, Стрешневы, Головкинъ—были домовъ самаго низкаго и убогаго шляхетства и всегда ему внушали съ молодыхъ лѣтъ противу великихъ фамилій».

Не отличаются безпристрастіемъ и отзывы объ отдѣльныхъ лицахъ изъ числа сподвижниковъ Петра. По мнѣнію автора «Гисторіи», всѣ эти «птенцы гнѣзда Петрова» были или люди «глухие» или «ума гораздо средняго¹⁾ и всѣ «горькіе пьяницы». Исключеніе дѣлается только для Бориса Голицына, въ которомъ Б. И. Куракинъ, не смотря на пристрастіе къ вину, признаетъ большой умъ и прямо утверждаетъ, что онъ «Петру корону далъ». Другимъ исключеніемъ является отзывъ о Ромодановскомъ, который былъ «характеру партикулярнаго; собою видомъ, какъ монстра; нравомъ злой тиранъ; превеликій нежелатель добра никому; пьянъ по вся дни; но его величеству вѣрный такой былъ, что никто другой».

Вообще, въ отзывахъ о лицахъ и событіяхъ авторъ «Гисторіи», писавшій изъ «прекраснаго далека», не церемонится ни съ кѣмъ и выказываетъ себя, къ крайнему удивленію читателя, далеко не поклонникомъ многихъ реформъ Петра и строгимъ критикомъ того кружка дѣятелей, которые окружали великаго Преобразователя. Остается только жалѣть о томъ, что остальные главы «Гисторіи» утрачены—и отъ души желать, чтобы онѣ были розысканы при изданіи въ свѣтъ дальнѣйшихъ томовъ «Архива» князя О. А. Куракина, который обѣщаетъ быть однимъ изъ любопытныхъ и важныхъ историческихъ подспорій для изученія XVIII вѣка.

П. Полевой.

Исторія Россіи. Соч. Д. Иловайскаго. Томъ третій. Московско-царскій періодъ. Первая половина или XVI вѣкъ. Москва. 1890.

Третій томъ «Исторіи Россіи» г. Иловайскаго посвященъ одному изъ любопытнѣйшихъ періодовъ русской исторіи — XVI-му вѣку, въ которомъ лежатъ зародыши всей послѣдующей русской жизни, какъ политической, такъ и культурной. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь впервые не только открыто высказывается, но и настойчиво проводится идея самодержавія, осуществленная Иваномъ Грознымъ, здѣсь же нужно искать корней той громадной, по видимому совершенно неподготовленной и неожиданной, реформы, которую одно время приписывали исключительно гениальности Петра Великаго.

Смута, ознаменовавшая собой начало XVII в. и по видимому бывшая плодомъ случайнаго прекращенія династіи, произведшая, несмотря на свою непродолжительность, большой переворотъ въ соціальной и экономической жизни молодого русскаго государства, чуть было не уничтожившая этого государства, безъ всякаго сомнѣнія беретъ свое начало въ это время, является простымъ слѣдствіемъ пѣлаго ряда сословныхъ и политическихъ отношеній XVI-го вѣка. Интересомъ и значеніемъ, возбуждаемымъ этимъ періодомъ, объясняется также то явленіе, которое мы можемъ наблюдать въ на-

¹⁾ Къ этому разряду отнесенъ и Меншиковъ.

шей історіографіи. Масса изслѣдованій и трудовъ посвящена главнымъ образомъ этому періоду. Съ того времени, какъ С. М. Соловьевъ написалъ свой почтенный трудъ, представлявшій тогда послѣднее слово науки, хотя это было еще не такъ давно, многое однако толкуется иначе, многое совершенно отвергается. Разработка новаго архивнаго матеріала дала новыя данныя, разработанныя въ отдѣльныхъ монографіяхъ. На долю г. Иловайскаго выпало собрать эти новыя данныя воедино, связать *disiecta membra*, сдѣлать ихъ доступными большинству русскаго общества, не привыкшему еще, или лучше сказать не получившему той подготовки, которая необходима для чтенія спеціальныхъ изслѣдованій. Какъ же выполнилъ свою задачу г. Иловайскій?

Большой томъ, заключающій въ себѣ болѣе 700 страницъ, обработанъ авторомъ такъ тщательно, написанъ такъ живо, что въ этомъ отношеніи нельзя желать ничего лучшаго. Каждый, кому только попадетъ въ руки трудъ г. Иловайскаго, съ интересомъ прочтетъ книгу отъ доски до доски. Эпизоды, картины, сцены, которыми такъ богата історія этого періода, а также описаніе государственнаго строя Московскаго государства, быта, просвѣщенія и экономическихъ отношеній, постепенно выработанныхъ государственной жизнью и до настоящаго времени почти не изслѣдованныхъ, все это, безъ сомнѣнія, при живомъ изображеніи г. Иловайскаго, заинтересуетъ очень многихъ. Хорошо также то, что для поясненія нѣкоторыхъ фактовъ русской жизни авторъ счелъ нужнымъ познакомить своихъ читателей съ соответствующими періодами історіи сосѣднихъ съ Москвой—Литвы и Польши, безспорно имѣвшихъ большое вліяніе на ходъ московской жизни. Съ этой цѣлью третью главу онъ посвятилъ изображенію внутренняго состоянія Литовской Руси при Ягеллонахъ, четвертую—реформаціонному движенію въ Литвѣ и Польшѣ при Сигизмундѣ Августѣ, а также Люблинской уніи, XIV-ю церковной уніи въ Западной Руси, начиная съ водворенія іезуитовъ въ Польшѣ и Литвѣ и, наконецъ, XV-ю—изображенію взаимнаго отношенія культуръ польской и русской, а также описанію положенія казачества и еврейства въ Западной Руси. Такія экскурсіи въ область литовской и польской історіи имѣютъ очень большое значеніе. Однако, помимо такихъ чисто литературныхъ достоинствъ, отъ труда г. Иловайскаго мы вправѣ больше, чѣмъ отъ кого бы то ни было, требовать еще научнаго значенія, т. е. чтобы трудъ стоялъ на высотѣ современной науки, служилъ какъ бы итогомъ всего того, что уже сдѣлано. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы настоящій трудъ всегда и вездѣ удовлетворялъ этому требованію. Мы, конечно, не имѣемъ возможности подробно разсмотрѣть книгу г. Иловайскаго, но чтобы не быть голословными, ограничимся двумя, тремя примѣрами.

Прежде всего бросается въ глаза новый взглядъ г. Иловайскаго по отношенію къ Грозному. По мнѣнію автора, «это было яркое отраженіе татарщины, которое вредно повліяло на народныя нравы, развивая сторону раболѣпія, а не гражданскаго чувства» (стр. 331). Въ чемъ однако видитъ г. Иловайскій отраженіе татарщины и при томъ еще яркое, мы не знаемъ, да и самъ онъ этого не объясняетъ. Личность Грознаго, до сихъ поръ представлявшая загадку, за рѣшеніе которой брались очень многіе, Соловьевъ, Кавелинъ, Костомаровъ, Аксаковъ, Самаринъ, Хомяковъ и др. и у г. Иловайскаго остается все-таки неразгаданной. Личность Бориса Годунова, до сихъ поръ получавшая двоякое объясненіе, вызывавшая то обвиненія, то оправданія, у г. Иловайскаго является еще менѣе опредѣленной, чѣмъ личность

Грознаго. Въ основномъ текстѣ исторіи, авторъ въ оцѣнкѣ этой личности не пошелъ дальше Карамзина, обвинилъ его почти во всѣхъ тѣхъ преступленіяхъ и, главнымъ образомъ, убійствѣ царевича Дмитрія, какія ему приписывались и раньше, въ сознательномъ стремленіи къ престолу, въ хитрости, коварствѣ, однимъ словомъ примкнулъ къ партіи обвинителей, только обвиненія свои высказалъ не такъ рѣшительно и рѣзко, какъ это дѣлали его предшественники. Такъ напр., рассказывая объ избраніи Бориса на царство, авторъ говоритъ: «Есть извѣстія, что приставы почти насильно стогнали народъ къ Новодѣвичьему монастырю и принуждали его плакать и вопить; прибавляютъ, что клеветы, вошедшіе съ духовенствомъ въ келью царицы, когда сія послѣдняя подходила къ окну, изъ-за нея давали знаки приставамъ, а тѣ приказывали народу падать на колѣни и т. д.» (стр. 360). Это извѣстіе взялъ авторъ изъ «Иного Сказанія»—во-первыхъ, не обративъ вниманія на тѣ противорѣчащіе ему факты, которые заключаются въ самомъ сказаніи и которые указаны г. Платоновымъ («Сказанія и повѣсти XVIII в.», стр. 25) и, во-вторыхъ, игнорировалъ происхожденіе самаго Сказанія. Путемъ тщательнаго анализа Сказанія и сличенія его съ другими памятниками той эпохи, г. Платоновъ пришелъ къ убѣжденію и ясно высказалъ, что Сказаніе, если не продиктовано самимъ Шуйскимъ, то во всякомъ случаѣ является «пристрастнымъ голосомъ одной политической партіи, полнымъ отраженіемъ взглядовъ, симпатій и антипатій царя Шуйскаго съ его правительствомъ» (С. О. Платоновъ, стр. 18). Точно въ такомъ же положеніи находятся другія данныя, которыя г. Иловайскій кладетъ въ основу обвиненій Бориса Годунова. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ автору слѣдовало или принять выводы г. Платонова, и въ такомъ случаѣ отвергнуть Карамзина, или же опровергнуть г. Платонова. Ни того, ни другого, авторъ не сдѣлалъ и прошелъ мимо труда г. Платонова, какъ будто бы его даже не существовало. Въ примѣчаніяхъ онъ только упомянулъ о немъ и сейчасъ же перешелъ къ опроверженію статьи г. Бѣлова о самоубійствѣ царевича Дмитрія, почти не нуждающейся въ опроверженіяхъ. Думать, что г. Иловайскій не успѣлъ воспользоваться этимъ изслѣдованіемъ трудно, потому что вышло оно въ 1888 году и раньше печаталось въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.». Единственное вліяніе, которое оказало изслѣдованіе г. Платонова на оцѣнку личности Годунова, выразилась въ томъ, что въ концѣ одного изъ примѣчаній (61-го), г. Иловайскій говоритъ о Борисѣ такимъ образомъ: «какъ именно погибъ царевичъ, сказать трудно, но что онъ погибъ не своей смерью, это болѣе чѣмъ вѣроятно, а что смерть его была весьма желательна Годунову, это несомнѣнно» (стр. 652). Однако желать и стремиться далеко не одно и тоже. Желать могли и желали очень многіе, но кто стремился къ этой цѣли, это вопросъ другой.

Могъ ли въ самомъ дѣлѣ, при томъ значеніи родовитости, какое вполне выразилось въ мѣстничествѣ, Борисъ Годуновъ, «вчерапній рабъ, татаринъ, зять палача» рассчитывать на «бармы Мономаха!» Тѣмъ болѣе, что были такіе родовитые претенденты, какъ Василій Ивановичъ Шуйскій, которыхъ прямо прочили въ наслѣдники. Такъ наримѣръ, Замоискій говорилъ: «кромѣ Дмитрія есть въ княжествѣ московскомъ настоящіе наслѣдники престола—князья Шуйскіе: легко увидать ихъ право изъ лѣтописей» (Соловьевъ, т. VIII, стр. 126). А что эти претенденты не зидѣли сложа руки и не относились слишкомъ индифферентно къ совершавшимся событіямъ:

какъ это предполагаетъ г. Иловайскій (стр. 357), это доказывается какъ нельзя лучше тѣмъ мѣстомъ лѣтописи, гдѣ говорится что «князья Шуйскіе единые его не хотяху на царство» (Ник. Лѣт., VIII, стр. 36). Вслѣдствіе такого неправильнаго отношенія къ Борису, г. Иловайскому приходится иной разъ впадать въ противорѣчія. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ, автору приходится утверждать, что военно-служилое сословіе «было предано Годунову» и даже главнымъ образомъ способствовало его избранію (стр. 358), а черезъ двѣ страницы тому же Годунову послѣ своего избранія еще нужно приобрести расположеніе сего сословія» (стр. 360).

Вслѣдствіе этого, г. Иловайскому чуть ли не приходится признать за достовѣрный тотъ фактъ, что слухи о нашествіи Казы-Гирея были распущены самимъ Борисомъ Годуновымъ. Этимъ же стремленіемъ снискать расположеніе военно-служилого сословія, бояръ и дѣтей боярскихъ, объясняетъ г. Иловайскій стѣсненіе крестьянскихъ переходовъ, происшедшее при Федорѣ Ивановичѣ (стр. 425). Такое мнѣніе врядъ ли можно считать основательнымъ. Самъ Борисъ Годуновъ обладалъ «многими поземельными имуществами» (стр. 336) и могъ способствовать проведенію такой реформы безъ всякихъ политическихъ видовъ и расчетовъ, это во-первыхъ, а во-вторыхъ г. Иловайскій самъ указываетъ на дѣйствительную причину, вызвавшую закрѣпленіе крестьянъ безъ всякой вины со стороны Бориса, говоря: «въ послѣдней трети XVI вѣка произошло переселенческое движеніе къ юго-восточнымъ окраинамъ и участились крестьянскіе побѣги, вмѣстѣ съ тѣмъ умножились жалобы помѣщиковъ и вотчинниковъ срединныхъ и коренныхъ областей, и правительственныя дѣла были завалены исками о бѣглыхъ крестьянахъ; тогда, именно въ концѣ XVI вѣка, правительство принимаетъ рядъ мѣръ, которыя положили начало закрѣпощенію свободнаго дотолѣ крестьянскаго сословія за классомъ землевладѣльческимъ». (стр. 425). Можно ли послѣ этого винить въ преднамѣренномъ закрѣпощеніи крестьянъ Бориса Годунова, когда мѣра эта назрѣла сама собой, когда ее требовало экономическое состояніе государства. А между тѣмъ г. Иловайскій находить возможнымъ приписать ее хитрой политикѣ Бориса Годунова, говоря, что Борисъ «съ большимъ усердіемъ старался угодить и служилому, и духовному сословію стѣсненіемъ крестьянскихъ переходовъ» (стр. 426). Нѣтъ, пора бы, кажется, перестать смотрѣть на Годунова сквозь призму коварства, пора бы дать фактамъ ихъ надлежащее толкованіе, тѣмъ болѣе, что среди этихъ фактовъ, которые привыкли разсматривать съ дурной стороны, найдется много въ высшей степени симпатичнаго, свѣтлаго и хорошаго. Не даромъ же въ самомъ дѣлѣ авторъ «Временника», Тимоѣевъ, оставаясь вполне безпристрастнымъ, находитъ возможнымъ отнестись къ Борису Годунову очень благосклонно и характеризовать его такимъ образомъ: «неправдѣ всяцей взиматель не лестень... доможительное всѣмъ во дни его пребываніе въ тишинѣ необходимо..., на всяко зло, сопротивное добру, искоренитель неумолимъ со властью, яко-же инѣмъ воздоброе мздовоздатель нелестень... Въ часъ же смерти его никто же вѣсть, что въ немъ одолѣ и каая страна мѣрила претягну дѣлъ его, благая ли злая» (С. О. Платоновъ, стр. 151).

Въ заключеніе позволимъ себѣ указать еще только на слѣдующее. Въ главѣ о просвѣщеніи въ Московской Руси, авторъ, между прочимъ, говоритъ о русской литературѣ того времени и ересяхъ, свидѣтельствую-

щихъ объ умственной работѣ современнаго общества. Какъ причину такого подъема духа авторъ разсматриваетъ съ одной стороны — «толчекъ, данный въ XIV и XV вѣкахъ нашей письменности нѣкоторымъ притокомъ образованныхъ грековъ и южныхъ славянъ», который «продолжалъ дѣйствовать въ Московской Руси большей части XVI вѣка, т. е. до мрачной эпохи опричины, которая вскорѣ его затормозила» (стр. 485), а съ другой стороны ересь жидовствующихъ (стр. 486). Это не совсѣмъ такъ. Если первая причина, приведенная г. Иловайскимъ, еще могла быть причиной, то вторая (т. е. ересь) не только не причина, но прямое слѣдствіе, или лучше сказать, выраженіе пробудившейся потребности новыхъ началъ образованности, упадка старины и стремленія къ новизнѣ. Что же было причиной такого повода? Причинъ было нѣсколько, и главная изъ нихъ — объединеніе русскихъ областей подъ властью московскихъ государей. Объединеніе это нарушало установленный строй, вызывало критическое отношеніе къ старинѣ и, кромѣ того, вслѣдствіе чисто територіальныхъ причинъ, сближало Русь съ Западной Европой. Связующимъ звеномъ съ Западомъ, является Новгородъ, откуда пришла между прочимъ въ Москву и ересь жидовствующихъ. Вторымъ фактомъ, давшимъ толчекъ русской мысли была ночь съ 24 на 25 марта 1492 года. Въ эту ночь должна была совершиться кончина міра. Вслѣдствіе этого, пасхалии доводились у насъ лишь до 7000 лѣтъ отъ сотворенія міра; подъ этимъ годомъ помѣщались иногда слова; «здѣ страхъ, здѣ скорбь, аки въ распятіе Христовѣ сей кругъ бысть, сіе лѣто и на концѣ явися, въ немъ же чаемъ всемірное твое пришествіе» (Калачовъ, Арх. ист. и юридич. свѣд.: «о пасхалияхъ» и «Правосл. Собес.» 1860 г. ноябрь). Понятно, съ какими чувствами ждалъ русскій человѣкъ рокового дня, понятно также, какой глубокой, коренной переворотъ долженъ былъ произойти въ его душѣ послѣ него. Старинное преданіе, къ которому относились съ такой вѣрой, вдругъ оказалось ложнымъ и тѣмъ самымъ подорвало авторитетъ старины, вызвало къ ней критическое отношеніе. Не мало также имѣло значенія паденіе Константинополя, завершившее собой паденіе Византійской имперіи. Въ этихъ фактахъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало искать автору зародыша ересей и всего того переворота въ воззрѣніяхъ и взглядахъ, который такъ ясно обозначается въ московской жизни XVI-го вѣка...

Мы надѣемся, что почтенный авторъ извинитъ насъ за сдѣланныя замѣчанія, которыя, разумѣется, не отнимаютъ у его труда значенія популярной исторіи, написанной прекраснымъ языкомъ, живо и занимательно.

В. Б.

Ө. И. Булгаковъ. Альбомъ русской живописи. Картины Г. И. Семирадскаго. Спб. 1890.

Уже нѣсколько лѣтъ какъ г. Булгаковъ своими художественно-иллюстрированными изданіями способствуетъ популяризаціи русскаго искусства. Ему пришла счастливая мысль давать альбомы какъ большихъ художественныхъ выставокъ, такъ и произведеній отдѣльныхъ художниковъ. Кто любитъ родное искусство, тотъ, благодаря этимъ изданіямъ, можетъ теперь удобно слѣдить за его ростомъ. Г. Булгаковъ неутомимъ въ своей дѣятельности. Еще недавно онъ закончилъ такой цѣнный вспомогательный трудъ для искусства какъ «Наши художники», гдѣ въ образцовомъ порядкѣ собраны

живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры и представлены въ изящныхъ снимкахъ ихъ произведенія, являвшіяся на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-ти-лѣтія. Теперь онъ даетъ снимки картинъ проф. Г. И. Семирадскаго, изданіе посвящающее второй выпускъ «Альбома русской живописи»; первый былъ посвященъ В. Д. Орловскому.

Выборъ г. Булгакова остановился на Семирадскомъ по случаю исполнившагося въ 1890-мъ году двадцатипятилѣтія дѣятельности этого художника. Но и помимо этого случайнаго обстоятельства, г. Семирадскій заслуживалъ вниманія. Полякъ по происхожденію, онъ родился и учился въ Россіи въ нашей Академіи Художествъ, имѣющей право гордиться имъ: онъ прославилъ не только себя, но и русскую школу живописи. У поляковъ въ настоящее время живопись, вообще говоря, стоитъ высоко, польскіе художники въ массѣ талантливы, они владѣютъ формою, рисункомъ и колоритомъ, т. е. тѣми качествами, которые всегда дѣлаютъ цѣнными художественныя произведенія. Но этихъ художниковъ, какъ варшавскихъ, такъ и закордонныхъ—галиційскихъ, публика наша знаетъ мало; ихъ произведенія рѣдко являютъ въ Россіи. Въ лицѣ г. Семирадскаго мы имѣемъ дѣло съ яркоталантливымъ представителемъ польской народности, но нашимъ по воспитанію. На немъ можно видѣть духовное сродство двухъ близкихъ другъ другу народностей, какъ бы, повидимому, внѣшность ни говорила противъ этого: блескъ красокъ, яркій колоритъ, прекрасный рисунокъ, живой темпераментъ принадлежатъ польской народности; широта сюжетовъ, вдумчивое отношеніе къ нимъ, являютъ печатью, наложенною міросозерцаніемъ русской жизни, хотя бы художникъ бралъ даже сюжеты чуждые этой жизни.

Г. Семирадскаго дѣйствительно болѣе всего влечетъ къ себѣ тотъ міръ, который—при его склонности къ исторической живописи,—можетъ дать ему наиболѣе художественнаго матеріала, тѣла и яркаго колорита. Ему близокъ югъ, греческій и римскій міръ съ ихъ до сихъ поръ неисчерпанною жизнью, не смотря на то, что столько поколѣній художниковъ обращались къ ней за вдохновеніемъ. Бралъ г. Семирадскій сюжеты и изъ русской, и польской исторіи, но охотнѣе всего черпалъ ихъ въ античномъ мірѣ. Большинство снимковъ, помѣщенныхъ въ альбомѣ г. Булгакова относится именно къ этому міру. Здѣсь мы видимъ картины, сразу давшія Семирадскому извѣстность—«Римскую оргію блестящихъ временъ цезаризма», «Свѣточи христіанства», потомъ цѣлый рядъ жанровыхъ картинъ изъ древняго быта, какъ неподобная работа «Древній танецъ среди мечей», «Трудный выборъ», «Пѣснь невольницы», «По примѣру боговъ» и пр. и наконецъ «Фрину на праздникѣ Посейдона въ Элевзисѣ», послѣднюю картину, которая была выставлена Семирадскимъ въ Петербургѣ. Въ альбомѣ вошли также произведенія изъ библейской исторіи «Христосъ и грѣшница», «Христосъ у Мары и Маріи», снимки съ картинъ изъ древней русской исторіи, находящихся въ московскомъ Историческомъ музеѣ и поэтическія этюдныя картинки, въ родѣ «У фонтана», «Идилія» въ лѣтнюю ночь въ Помпеѣ и др.

Такимъ образомъ, альбомъ, заключающій двадцать номеровъ Семирадскаго съ первыхъ шаговъ его и до послѣдняго года, даетъ очень опредѣленное понятіе о всей его дѣятельности, представленіе объ его артистической фізіономіи. Эта дѣятельность разносторонняго художника, образованнаго въ лучшемъ смыслѣ слова, отличается, помимо таланта, рѣдкою производительностью.

Картины Семирадскаго всегда почти имѣютъ большіе размѣры, и тѣмъ не менѣе, отдѣлка ихъ безукоризненна; аксесуары и подробности написаны съ поразительною яркостью, какъ само сочиненіе, обличаетъ живой сильный темпераментъ, яркую фантазію. Семирадскій по праву пріобрѣлъ почетную извѣстность не только у насъ въ Россіи, но и во всей Европѣ, гдѣ получилъ массу почетныхъ отличій отъ разныхъ художественныхъ учреждений.

За границею снимки съ его картинъ очень распространены, преимущественно въ изданіяхъ берлинскаго фотографическаго общества, превосходныхъ, но весьма дорогихъ снимкахъ; для средней публики эти снимки по цѣнамъ рѣшительно недоступны. Альбомъ г. Булгакова уничтожаетъ эту недоступность. Снимки исполнены фототипически и превосходно; это — работа петербургской мастерской г. Вильборга, получившей извѣстность благодаря альбому г. Булгакова. Въ нихъ сохранены нѣжность полутоновъ репродукціи въ соединеніи съ вѣрностью фотографіи.

Надо пожелать, чтобы изданіе это продолжалось, чтобы г. Булгаковъ не остановился только на Орловскомъ и Семирадскомъ, но представилъ публикѣ въ подобныхъ же альбомахъ другихъ первоклассныхъ нашихъ художниковъ не только живописцевъ, но и скульпторовъ. Большую услугу окажетъ онъ подобною популяризациею не отдѣльнымъ только лицамъ, но искусству вообще. Чѣмъ болѣе и дѣйствительнѣе въ массѣ распространяется любовь и интересъ къ искусству, тѣмъ болѣе основанийъ разсчитывать на широкій подъемъ послѣдняго. Въ свою очередь не можемъ не сдѣлать одного замѣчанія и гг. художникамъ. Пора бы имъ донять, что ихъ дѣло не въ томъ только, чтобы писать картины въ нѣсколько тысячъ рублей, но также и въ томъ, чтобы способствовать съ своей стороны всяческимъ образомъ распространенію дорогого для нихъ искусства.

М-е.

В. Л. Величко. Восточные мотивы (стихотворенія). Спб. 1890.

Русская публика, какъ извѣстно, весьма мало знакомая съ литературой, исторіей и философіей Востока, начавшаго обращать на себя ея серьезное вниманіе лишь въ самое недавнее время, еще менѣе знакома съ восточной поэзіей. Появляющіяся у насъ, отъ времени до времени, въ періодическихъ изданіяхъ, стихотворенія подъ названіемъ «съ восточнаго», представляютъ собою, въ большинствѣ случаевъ, лишь болѣе или менѣе наивные и слабые перепѣвы наиболѣе извѣстныхъ восточныхъ мотивовъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ переводовъ или пересказовъ восточныхъ поэтовъ. А между тѣмъ поэзія Востока неистощимо богата образами, самобытна глубиной и оригинальностью мысли и прихотлива капризной формой.

Въ виду вышесказаннаго, мы отъ души привѣтствуемъ появленіе только что вышедшихъ въ свѣтъ «Восточныхъ мотивовъ» В. Л. Величко, гдѣ серьезное и добросовѣстное изученіе восточныхъ образцовъ, можетъ поспорить съ старательной отдѣлкой и чистотой ихъ стихотворнаго перевода. «Восточные мотивы» составляютъ первую половину книги (вторая посвящена лирическимъ стихотвореніямъ и шуткамъ, давать оцѣнку которыхъ не входитъ въ нашу задачу) и являются вполне удачными переводами и переложеніями стихотвореній, легендъ, сказокъ, нравоченій и шутокъ, какъ мусульманскаго Востока, такъ и народностей Кавказа, съ которыми авторъ имѣлъ возможность лично познакомиться.

<истор. вѣстн.>, январь, 1891 г., т. XLII.

17

Переводы изъ любимѣйшаго и популярнѣйшаго поэта Ирана, — шейха Мослехудина Саади, особенно, по нашему мнѣнію, удались автору — и нельзя не сказать ему за это спасибо, такъ какъ, обладая выпедшимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ образцовымъ по точности, но сухимъ и безцвѣтнымъ русскимъ переводомъ И. Н. Холмогорова знаменитаго Гюлистана Саади, мы почти не имѣли стихотворныхъ переложеній глубокихъ и свѣжихъ мыслей этого восточнаго Сократа. А мысли эти интересны и поучительны. Вотъ примѣръ.

Однажды Хозревъ Нуширванъ забрелъ, охотясь со свитою, въ село и собрался подкрѣпить силы ѣдою, но не оказалось соли.

«И Нуширванъ велѣлъ сейчасъ за ней пойти
«Любимцу-визирю въ убогое селенье:
«Достань щепотку мнѣ, — но помни повелѣнье, —
«Возьми не даромъ соль, а деньги заплати!»

Визирь выразилъ удивленіе: вѣдь, все вокругъ принадлежитъ шаху, — зачѣмъ же ему покупать щепотку соли?

«И отвѣчалъ ему съ улыбкой Нуширванъ:
«Конечно, никого я этимъ не обижу, —
«Но стойте мнѣ пустякъ взять даромъ, — и предвижу:
«Прислужники до тла ограбятъ поселанъ!
«Какъ не послѣдовать удобному примѣру?!
«Пусть яблочкомъ однимъ прельщусь я не впопадъ:
«Они сломаютъ все, испортятъ цѣлый садъ!
«Когда же челядь знала мѣру?!»... (стр. 3—4).

Или вотъ еще. Къ тому же Нуширвану визирь приходитъ съ радостной вѣстью, что умеръ одинъ изъ злыхъ враговъ шаха. Но тотъ не выражаетъ радости и говоритъ радующемуся вельможѣ эти замѣчательныя слова, столь несвойственныя, казалось бы, въ устахъ самовластнаго восточнаго деспота.

«Стыдись! стыдись и знай, что радоваться можно,
«Когда не врагъ погибъ, а умерла вражда!»... (стр. 42).

Подобными глубокими мыслями блещетъ вся поэзія Саади и очень жаль, что мы имѣемъ такъ мало стихотворныхъ его переводовъ: въ такомъ видѣ возвышенная мораль его поученій лучше запоминалась бы и охотнѣе читалась.

Изъ прочихъ стихотвореній «Восточныхъ мотивовъ» наиболѣе, по нашему мнѣнію, обращаютъ на себя вниманіе отдѣлкой стиха и интересомъ содержанія небольшая поэма «Амру», «Мудрый Локманъ и глупецъ», «Два мудреца», «Сказанія о Гарунъ-ал-Рашидѣ», «Омаръ въ Иерусалимѣ», «Горійская башня», «Чинара», «Ахметъ на минаретѣ» (татарскій анекдотъ) и «Легенда о суфи Халладжѣ».

Что касается до «Пѣсень любви» и разработокъ темъ изъ Хафиза, то, къ сожалѣнію, онѣ нѣсколько страдаютъ, какъ намъ кажется, слишкомъ европейской окраской и отсутствіемъ именно восточнаго колорита. Этотъ недостатокъ особенно замѣчается въ мотивахъ изъ Хафиза, въ которыхъ мало слышится той мистической страстности и своеобразной аллегоріи, которыми проникнуты творенія этого знаменитаго восточнаго мистика-пантеиста, вкладывающаго въ описанія грубаго разгула религіозныя и философскія идеи суфизма.

Позволимъ себѣ также обратить вниманіе почтеннаго автора и на нѣкоторыя неточности восточной географіи его книги. Такъ онъ пишетъ Ма-

гометъ вмѣсто болѣе правильнаго начертанія этого слова, — Мухаммедъ, Ахметъ вмѣсто Ахмедъ, геджра вмѣсто гиджра (отъ арабскаго слова гиджръ) и Гафизъ вмѣсто Хафизъ. Но это, конечно, мелочи. Мы кончаемъ нашъ разборъ тѣмъ же, чѣмъ начали, — мы искренно привѣтствуемъ появленіе «Восточныхъ мотивовъ», какъ полезный вкладъ въ нашу литературу, бѣдную свѣдѣніями о Востокахъ.

«Восточные мотивы» изданы весьма изящно. Заглавный листъ украшенъ оригинальнымъ рисункомъ извѣстнаго нашего художника, Н. Н. Каразина.

С. У—ць.

Представители европейскихъ державъ въ прежнемъ Константинополѣ. Историческій очеркъ В. Теплова. Спб. 1890.

Трудъ г. Теплова содержитъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія о дипломатическихъ сношеніяхъ европейскихъ державъ съ Оттоманскою Портою, при чемъ съ особенною подробностью разсмотрѣны сношенія съ Турціей Россіи, отличившіяся, по словамъ автора, чувствомъ собственнаго достоинства, со знаніемъ національнаго самоуваженія.

Порта не церемонилась встарь съ иностранными представителями и зачастую обращалась съ ними съ истинно варварскою грубостью и даже жестокостью. Такъ, въ 1667 г. польскій посольскій былъ избитъ до полусмерти за то, что султану показалось, будто онъ поклонился ему не достаточно низко, а въ 1671 г., по той же причинѣ сбили съ ногъ французскаго посла маркиза Нуантеля (стр. 37). Если такъ обращались въ Стамбулѣ съ послами, то можно себѣ представить, что могли ожидать для себя отъ Порты иноземные драгоманъ, т. е. переводчики. При Мурадѣ III, на примѣръ, венеціанскій драгоманъ былъ выгнанъ палками изъ залы засѣданій Дивана (Совѣта), а при Мурадѣ IV французскій драгоманъ былъ посаженъ на колъ; въ 1634 г. французскій же драгоманъ былъ повѣшенъ! (стр. 66).

Русскимъ посламъ никогда не приходилось претерпѣвать ничего подобнаго. Имъ предоставлялось самимъ вручать полномочія и говорить рѣчи султану, а не великому визирю или другимъ шахамъ; они заручались правомъ не становиться на колѣни передъ султаномъ и не цаловать пола (стр. 74),

Это исключительное положеніе, которое сумѣла пріобрѣсти Россія для своихъ представителей при Оттоманской Портѣ, объясняется тѣмъ, что турки всегда желали сближенія съ Россіей. Наша страна представлялась имъ не столь чуждою, какъ всѣ остальные западныя государства, а самый складъ жизни тогдашней Руси и основныя черты русскаго характера, имѣвшіе много чисто восточныхъ элементовъ, — заставляли турокъ, говорить авторъ, относиться съ большимъ сочувствіемъ къ сѣверному государству, тогда еще далеко не могущественному (стр. 8).

Сначала Россія посылала къ султанамъ лишь посольства. Такъ посылались въ Константинополь дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ (1445 г.), Коробовъ (1515 г.), Возницынъ (1683 г.). Трактатомъ же 1700 г. Россія выговорила себѣ право имѣть въ Константинополѣ постояннаго посланника и первымъ такимъ постояннымъ нашимъ представителемъ при Портѣ былъ Петръ Андреевичъ Толстой (стр. 20).

Прекрасный трудъ г. Теплова читается съ большимъ интересомъ, и изобилуя массою любопытныхъ и умѣло сгруппированныхъ свѣдѣній о западно-европейскихъ представителяхъ въ прежнемъ Константинополѣ, несомнѣнно, является хорошимъ вкладомъ въ историческую литературу.

С. У—ць.

Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Т. VI. Исторія Академіи Наукъ Г. Ф. Миллера съ продолженіями
І. Г. Штриттера (1725—1743). Спб. 1890.

Замѣчательно, что первую исторію Россійской Академіи написали нѣмцы, Миллеръ и Штриттеръ, разумѣется, по-нѣмецки. Исторія эта любопытна въ томъ отношеніи, что написана очевидцами и участниками первыхъ шаговъ дѣятельности нашей Академіи на пользу нѣмецкихъ ученыхъ и нѣмецкой науки. Теперь, черезъ полтора ста лѣтъ, Россійская Академія издала этотъ трудъ двухъ нѣмцевъ по-нѣмецки же, какъ обыкновенно издають драгоценные матеріалы, — въ полной ихъ неприкосновенности. Недоумѣваемъ, съ какою цѣлью это сдѣлано? Можетъ быть, Академія затруднялась передачею русскихъ документовъ, приводимыхъ Миллеромъ на нѣмецкомъ языкѣ, которые, при переводѣ «Исторіи», необходимо было бы представить въ подлинникъ и слѣдовательно розыскивать въ академическомъ архивѣ? Но неужели такъ велики затрудненія, что нельзя въ скоромъ времени подыскать подлинные документы, да и нужно ли приводить ихъ въ подлинникъ и не вполне достаточно ли простой передачи ихъ содержанія, насколько оно сохранено Миллеромъ? Остается предположить, что Академія или руководствовалась чисто филологическими побужденіями, — что ужъ совѣмъ невѣроятно, — или печатаетъ эту «Исторію» для однихъ нѣмцевъ и той небольшой части публики, которой доступны въ подлинникъ творенія нашихъ нѣмецкихъ академикомъ прошлаго и нынѣшняго столѣтій.

Слѣдую примѣру гг. академикомъ, мы помѣщаемъ рецензію на ихъ нѣмецкое изданіе на нѣмецкомъ же языкѣ.

Einen herrlichen beweis ihrer pietät gegen verstorbene mitbrüder geben die herren mitglieder der «russischen» academie in dem vorliegenden bande der materialien zur geschichte obbenannter hochlöblichen anstalt. Es bieten uns die herren in diesem bande eine wort und buchstabgetreue ausgabe der handschrift des verstorbenen academicus G. Fr. Müller, veranstaltet mit derselben akribie und sorgfalt, wie wohl nur die besten ausgaben der griechischen und lateinischen Klassiker. Um die analogie mit letzteren noch sprechender zu machen, ist der in deutscher sprache herausgegebenen «geschichte» G. F. Müllers eine russische überschrift gegeben und ein russischer index beigefügt, gleichwie bei griechischen schriftstellern die überschriften und indices meist lateinisch gefant werden. Schade nur, dass die academie, der es doch wahrscheinlich sehr daran gelegen war dem russischen publicum eine getreue copie der handschrift zu bieten, nicht daran gedacht hat, auch die varièe lectiones und einige conjecturen zur ausfüllung von öfters vorkommenden lectiones im texte (z. b. p. 537, 435 u. s.) beizufügen. Uebrigens, allzuviel ist auch nicht zu verlangen: in philologischer hinsicht ist die ausgabe so wie so ausgerechnet. Wir kennen jetzt dank ihr nicht nur den styl, sondern fast auch die orthographie der herren Müller und Stritter. Wir kennen ihre Lieblingsausdrücke,

die lateinischen floskeln, die die hochgelahrten herren in ihre rede einzuflechten pflegten, wir wissen, dass sie manchmal «endschaft» statt «ende» schrieben (z. b. p. 418), dass bei ihnen die daheros nunmehr, bisheros und alldas nichts rares waren, dass ihnen phrasen und ausdrücke, wie «repetent im stipendio» mit tractement und ball regaliren» (p. 196) u. dergl., wohlklingend und elegant vorkamen u. s. w. Mit einem worte, die vorliegende von den herren academici besorgte ausgabe könnte das material zu folgenden nützlichen und ergötzlichen buchern liefern: 1) phraseologie der academici Müller und Stritter in ihren wechselbeziehungen und verglichen mit der phraseologie neuerer zeit, 2) der gebrauch der tempora und modi des academicus Stritter, verglichen mit dem des academicus Müller u. dergl. Diese rein philologischen gründe sind übrigens, unserer meinung nach, nicht die einzigen bestimmenden gewesen, worum die academie Müllers «geschichte» nicht lieber in einer russischen übertragung herausgegeben hat. Man soll nicht vergessen, dass die herren academici des vorigen jahrhunderts manchmal auch verse dichteten, hochtrabende oden und elegien, die so voll des reinsten dichterischen schwunges, voll der erhabensten poetischen schönheiten sind, dass man es nicht wagen durfte, sie ins russische zu übersetzen.

Wir haben uns nur an die philologische seite des werkes gehalten, was sich sehr leicht aus den absichten der herren academici erklärt. Hätten sie nämlich eine veröffentlichung des inhaltes beabsichtigt, so wäre das Werk natürlich, um dem russischen publicum zugänglich zu sein, in russischer sprache erschienen; so wie aber der band vorliegt, scheint er einzig und allein philologischer gründe wegen herausgegeben zu sein.

N. N.

Исторія арианства на латинскомъ западѣ (353—430). Вячеслава Самуилова. Спб. 1890.

Арианство принадлежитъ къ важнѣйшимъ и интереснѣйшимъ явленіямъ, имѣвшимъ мѣсто въ первые вѣка христіанства. Выразившись первоначально въ формѣ догматической борьбы съ православіемъ, оно потрясло самыя основы вѣры, только-что успѣвшей получить официальное признаніе. Потерпѣвъ поражение на этой почвѣ, арианство прибѣгло къ разнымъ пронкамъ и интригамъ, но и въ этомъ направленіи успѣха не воспослѣдовало. Въ это время сильнаго заступника себѣ нашло арианство въ лицѣ готовъ, которые водворились на развалинахъ Римской имперіи, а послѣ паденія Остготскаго королевства не менѣе рьяными арианами явились лонгобарды, подчиненіе которыхъ престолу римскаго первосвященника стоило большихъ усилій энергичнѣйшимъ и даровитѣйшимъ представителямъ папской власти въ ту эпоху. Такимъ образомъ борьба арианства съ православіемъ длилась около четырехъ вѣковъ и представлялась съ одной стороны однимъ изъ выдающихся явленій въ исторіи мысли первыхъ вѣковъ христіанства, а съ другой стороны была далеко не послѣднимъ факторомъ въ судьбахъ Италіи временъ великаго переселенія народовъ. Но, если читатель попытается найти оцѣнку арианства съ этой точки зрѣнія въ книгѣ г. Самуилова, то онъ жестоко ошибется: такая задача оказалась внѣ плановъ автора, историческое значеніе арианства не заинтересовало его. Онъ удостоилъ вниманія арианство только на латинскомъ западѣ, гдѣ оно по-

явилося лишь во второй половинѣ IV-го вѣка, т. е. тогда, когда оно уже совершенно ясно опредѣлилось и даже раздѣлилось на толки. Такимъ образомъ вопросъ о происхожденіи ереси, о связи ея съ тогдашнимъ состояніемъ общества, въ книгѣ г. Самуилова совершенно обойденъ, равно какъ и первоначальная борьба арианства съ православіемъ, кончившаяся торжествомъ послѣдняго на Никейскомъ соборѣ. Но, если первый актъ этой борьбы разыгрался на Востокѣ, то затѣмъ весь интересъ ея сосредоточился на западѣ, когда Италией овладѣли еретики остготы съ Теодорихомъ Великимъ во главѣ, а затѣмъ лангобарды, но г. Самуиловъ счелъ необходимымъ уклониться и отъ этихъ фазисовъ арианскаго движенія: онъ ограничилъ свое изслѣдованіе 430 годомъ. Такимъ образомъ арианство явилось въ разбираемомъ трудѣ безъ конца и безъ начала, изъ всей исторіи этого движенія выхвачено 77 лѣтъ и этимъ годамъ посвящена книга въ 300 страницъ. Что же такое произошло въ эти 77 лѣтъ, чтобы о нихъ писать цѣлое изслѣдованіе? А вотъ что: арианство, утерянное при Константинѣ Великомъ, распавшееся на секты аноміевъ, оміевъ и амиусіанъ, послѣ смерти равноапостольнаго императора поднимаетъ голову и всяческими правдами и неправдами, интригами; клеветой, насиліемъ, достигаетъ на короткое время господства, а затѣмъ снова падаетъ, и въ предѣлахъ Римской имперіи исчезаетъ, сбито съ позиціи въ догматическомъ отношеніи твореніями отцовъ церкви Викторина, Амвросія, Августина и другихъ, послѣ чего утверждается среди германскихъ народовъ. Вотъ и все. Очевидно, что съ исторической точки зрѣнія этотъ періодъ никакъ не можетъ быть выдѣленъ и разсматриваемъ безъ связи съ предъидущими и послѣдующими перипетіями въ судьбахъ арианства. Однако, авторъ нашелъ точку зрѣнія, съ которой эта эпоха можетъ разсматриваться, какъ самостоятельное цѣлое: онъ смотритъ на нее со стороны выработки арианскими сектами болѣе точныхъ формулъ своего ученія и окончательнаго опроверженія ихъ православными отцами. Но и на это онъ смотритъ не такъ, какъ взглянулъ бы историкъ, онъ разсматриваетъ эти явленія не какъ интересные культурные феномены, а исключительно съ догматической точки зрѣнія, т. е. подъ заглавіемъ «Исторіи арианства» подноситъ намъ богословскій трактатъ, разсужденіе по догматическому богословію. Но вѣдь въ такомъ случаѣ выходитъ полнѣйшее противорѣчіе между названіемъ книги и ея содержаніемъ; такую книгу надо бы озаглавить не «Исторія арианства», потому что исторіи арианства въ ней никакой нѣтъ, а «Догматика арианства и ея испроверженіе», или какъ-нибудь въ этомъ родѣ, а то заглавіе, приклеенное г. Самуиловымъ къ его богословскому трактату, только вводитъ въ заблужденіе и заставляеть тратить на его книгу и деньги и время тѣхъ, кто вовсе не интересуется догматическими тонкостями. Поэтому мы считаемъ не лишнимъ предостеречь всякаго, кто желаетъ ознакомиться съ недогматическимъ значеніемъ арианства, а съ его исторической ролью, не обращаться за таковымъ знакомствомъ къ труду г. Вячеслава Самуилова.

С. А.—въ.

Витебская губернія. Историко-географическій и статистическій обзоръ. Выпускъ I. Исторія. Природа. Населеніе. Просвѣщеніе. Съ рисунками и картами. Составленъ по программѣ и подъ редакціею витебскаго губернатора, тайнаго совѣтника, князя В. М. Долгорукова. Витебскъ. 1890.

Первый выпускъ «Обзора» Витебской губерніи начинается съ историческаго очерка губерніи отъ начальныхъ временъ. Составленный М. И. Лебедевымъ, начальникомъ мѣстной женской гимназій, по извѣстнымъ источникамъ, онъ представляетъ собою добросовѣстную компиляцію, раздѣленную на нѣсколько главъ. Очеркъ дополняется свѣдѣніями о городахъ и выдающихся селеніяхъ, перечнемъ событій и проч. Слѣдующіе отдѣлы состоятъ изъ физико-географическаго обзора, этнографическихъ этюдовъ, свѣдѣній по переселенческому дѣлу, народному образованію.

Судьбы бывшаго Полоцкаго удѣла и, какъ составной его части, города Витебска представляютъ не малый интересъ въ исторіи страданій западно-русскихъ областей, выдержавшихъ литовско-польскій гнетъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Древняя земля кривичей стономъ стонала въ неравной борьбѣ за свою политическую и религіозную самобытность, обливаясь кровью своихъ мучениковъ. Мѣстные архивы переполнены документами многострадальной исторіи западно-русскаго народа. Матеріалы этого рода выступаютъ все болѣе и болѣе въ свѣтъ и, къ чести Полоцкой земли, тамъ нѣтъ недостатка въ труженикахъ на этомъ пути. Достаточно указать на многотомное, солидное изданіе витебскаго педагога А. П. Сапунова «Витебская Старина»; вышелъ изъ соннаго состоянія и мѣстный официальный органъ «Губернскія Вѣдомости», въ которыхъ редакторъ неофициальной части В. С. Сафоновъ помѣщаетъ дѣльные статьи и матеріалы по исторіи, статистикѣ и проч. Новый областной сборникъ историко-географическаго содержанія отнюдь не будетъ лишнимъ. Судя по первому его выпуску, изданіе займетъ почетное мѣсто въ литературѣ отечествовѣдѣнія и гарантіей въ успѣхъ его выхода и въ полнотѣ дальнѣйшихъ выпусковъ служить имя инициатора и редактора изданія. Князь В. М. Долгоруковъ, по высокому положенію своему въ губерніи, располагаетъ необходимыми средствами, чтобы и дальнѣйшіе выпуски его обзора губерніи сдѣлать столь же интересными, какъ и первый.

Во второй выпускъ предположено включить дополнительные свѣдѣнія по статистикѣ народонаселенія, церковный отдѣлъ, очерки по сельскому хозяйству, торговлѣ, промысламъ и проч.

Книга занимаетъ 387 страницъ и имѣетъ солидную внѣшность: напечатана она красивымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, и наполнена многочисленными рисунками, недурно исполненными, фотографическими снимками, картами, планами и чертежами. Къ нимъ недостаетъ лишь указателя для легчайшаго отысканія въ книгѣ рисунка. М. Г—цкій.

Костромская старина. Сборникъ, издаваемый Костромской ученой архивной комиссіей. Выпускъ первый. Кострома. 1890.

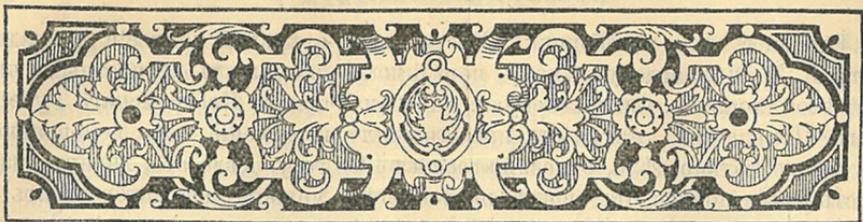
Костромская архивная комиссія продолжаетъ изрѣдка напоминать о своемъ существованіи. Изъ прежнихъ изданій ея намъ извѣстны: 1) Содержаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ Ипатьевского монастыря.—И. В.

Миловидова вып. 1-й. Кострома 1887. Вып. 2-й. Кострома 1888. 2) Матеріали для історіи Костромы. И. В. Миловидова. Кострома 1887. 3) Описаніе старинныхъ рукописей, хранящихся въ архивѣ Макаріева Унженскаго монастыря, Костромской губерніи. И. К. Херсонскаго. Кострома 1887. Теперь появляется въ свѣтъ первый выпускъ сборника этой комиссіи подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ: «Костромская Старина». Изъ помѣщенныхъ здѣсь статей обращаетъ на себя вниманіе статья И. К. Херсонскаго: «Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ памятникахъ старины, доставленныя въ Костромскую ученую архивную комиссію отъ церкви костромской епархіи». Въ 1886 году Костромская ученая архивная комиссія обратилась къ о. о. благочиннымъ костромской епархіи съ просьбою сообщить, не хранится ли при завѣдуемыхъ ими церквахъ старинныхъ рукописей, представляющихъ исторической интересъ, къ какому вѣку онѣ относятся, каково въ общихъ чертахъ ихъ содержаніе? Затѣмъ въ 1887 году, въ виду предстоявшаго въ г. Ярославлѣ VII археологическаго съѣзда, комиссія просила о. о. благочинныхъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ доставить ей свѣдѣнія о городищахъ, курганахъ, урочищахъ и другихъ извѣстныхъ имъ памятникахъ мѣстной старины. Въ отвѣтъ на эти два предложенія комиссіи отъ нѣкоторыхъ священниковъ получены были тѣ или другія свѣдѣнія о памятникахъ нашей древности. Эти свѣдѣнія и послужили непосредственнымъ матеріаломъ для статьи г. Херсонскаго. Въ статьѣ говорится о старинныхъ деревянныхъ и каменныхъ церквахъ, о зданіяхъ при церквахъ, объ иконахъ старыхъ, крестахъ, антиминсахъ, богослужебныхъ сосудахъ, колоколахъ, гробницахъ и надгробныхъ камняхъ, урочищахъ, древнихъ кладбищахъ, городищахъ и курганахъ. Свѣдѣнія эти кратки, но точны. Между письменными памятниками нѣтъ особенно древнихъ. Такъ печатныя книги самыя древнія относятся къ началу XVII в. и тѣхъ немного; въ Солигаличскомъ Рождественскомъ соборѣ два напрестольныхъ Евангелія: одно Московскаго изданія 1626 года, другое—Львовское 1636 г.; въ погостѣ Унорожь Галичскаго уѣзда одно — 1627 г.; въ селѣ Троицкомъ Буйскаго уѣзда—два Евангелія начала XVII в. Рукописи относятся также къ XVII в. Изъ нихъ обращаетъ вниманіе на себя сборникъ разныхъ статей подъ названіемъ «Лѣтописецъ». Рукопись въ 4-ю долю листа, на 290 листахъ. Здѣсь помѣщены: «Сказаніе отъ начала царства царя Θεодора Ивановича до освященія храма въ деревнѣ Девулинѣ, идеже мирное поставленіе бысть про межъ обою государствъ Московскимъ и Польскимъ» (1—207 л.); «Описаніе винъ или притчей ими же къ погибели и разоренію всякаго государства приходять» (210—228 л.); «Сказаніе вкратцѣ о скиѣхъ и о словянѣхъ и о Руси и о началѣ и о созданіи великаго Нова города и о великихъ государѣхъ Россійскихъ Самодержцѣхъ» (231—41 л.); «Слово о Удонѣ епископѣ Магдебургскомъ, какъ онъ страшнымъ и ужаснымъ образомъ смерти преданъ» (272—278 л.); «Посланіе Макарія патріарха Антиохійскаго къ патріарху Никону о латинахъ и о прочихъ еретикахъ, кінхъ наки подобаетъ крестити и кінхъ токмо миропомозывати» (279—290 л.). Вторая рукопись — не полна; она представляетъ собою сказаніе о патріархѣ Никонѣ на 106 разрозненныхъ листахъ. Третья находится въ селѣ Благовѣщенскомъ, Буйскаго уѣзда, и представляетъ собою житіе преподобнаго Θεерапонта XVII в. Сверхъ этого, въ статьѣ г. Херсонскаго мы находимъ указанія на многія жалованныя грамоты XVII в., а затѣмъ указы, манифесты и проч. времени Петра Великаго и послѣдующихъ царствованій.

Вторая статья въ сборникѣ Костромской архивной комиссіи принадлежитъ И. В. Миловидову, одному, повидимому, изъ самыхъ ревностныхъ членовъ этой комиссіи. Озаглавленная: «Дѣла изъ архива Костромскаго Губернскаго Правленія», статья эта представляетъ извлеченіе, пока неконченное, изъ одного только дѣла, относящагося къ 1708 году. Дѣло это, характеризующее крестьянскіе побѣги отъ своихъ помѣщиковъ, можетъ еще интересовать съ другой стороны: оно довольно рельефно рисуетъ, какъ въ старину дѣла затягивались, т. е. такъ называемую волокиту дѣлъ. Тому же г. Миловидову здѣсь принадлежатъ еще двѣ статьи: «Древности Костромскаго края, извѣстныя архивной комиссіи» и «Два дѣла, служившія Писемскому основнымъ мотивомъ къ созданію бытовой драмы «Горькая Судьбина». Давно уже было извѣстно, что основа этой драмы не выдумана Писемскимъ. П. Анненковъ составитель біографическаго очерка А. Ѳ. Писемскаго утверждаетъ, что Писемскій встрѣтился съ подобнымъ происшествіемъ въ 1848 году, будучи еще чиновникомъ особыхъ порученій при костромскомъ губернаторѣ; что онъ имѣлъ въ рукахъ подлинное дѣло точно такого же содержанія, и въ качествѣ слѣдователя, командированнаго губернаторомъ, принималъ участіе въ его разборѣ самъ. (Соч. А. Писемскаго—т. I. Изд. 2. М. О. Вольфа. Спб. 1883 г.—43 стр.). Въ прошломъ 1889 году тотъ же г. Миловидовъ заявилъ въ «Русской Старинѣ», что въ основѣ этой драмы А. Ѳ. Писемскаго легло не одно, а два дѣла, хранящихся въ архивѣ Костромскаго окружнаго суда и находя, что дѣла эти имѣютъ важное значеніе для изученія и объясненія генезиса драмы «Горькая Судьбина», онъ тамъ же представилъ краткій пересказъ ихъ (см. «Русскую Старину» 1889 г. т. LXIV, 335—360). Теперь г. Миловидовъ обращается снова къ этимъ дѣламъ и представляетъ подробнѣйшее извлеченіе изъ нихъ на страницахъ вышеуказаннаго сборника Костромской архивной комиссіи. Общій выводъ, къ которому приходитъ г. Миловидовъ послѣ подробнаго разбора этихъ двухъ дѣлъ, тотъ, что оба они были извѣстны Писемскому.

Изъ прочихъ статей сборника Костромской архивной комиссіи отмѣтимъ: «Свѣдѣнія о курганахъ, городищахъ, земляныхъ валахъ, древнихъ кладбищахъ и могилахъ, находкахъ и проч., по нѣкоторымъ городамъ и уѣздамъ Костромской губерніи».—В. Г. Пирогова; «Рукописное житіе преподобнаго Варнавы Ветлужскаго»—И. К. Херсонскаго; «Рукописи изъ архива Макаріева Унженскаго монастыря»—его же. Пока г. Херсонскій разсмотрѣлъ и напечаталъ 17 грамотъ и указовъ изъ архива этого монастыря. Всѣ они относятся къ XVIII вѣку и лишь одна къ XVII—къ эпохѣ Стеньки Разина (собственно Илюшки Пономорева, о которомъ см. «Историч. Вѣстникъ» 1888 годъ № 8, 355—363). Между ними есть не мало интереснаго и новаго; но можно встрѣтить и извѣстное уже въ печати. Положительно не было никакой необходимости перепечатывать цѣликомъ напримѣръ указъ 1771 года—«о назначеніи поста, крестныхъ ходовъ и молебствій по случаю чумы». Буквально такой же указъ напечатанъ былъ уже въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1888 годъ, № 7, 202—204 стр.).

В. Е.—вичъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Изъ воспоминаній о голландскомъ королѣ Вильгельмѣ III: характеръ короля; идиллія его и трагедія его семейной жизни; «Prince Citron». — Гортензія Богарне: ея семейная жизнь; письмо Наполеона I объ этомъ; ревность Луи Бонапарта; легенда о происхожденіи Наполеона III; аудіенція Гортензіи у Луи Филиппа. — Маратъ, какъ специалистъ по леченію чахотки: исцѣленіе маркизы де Лобеспинъ; «вода Марата». — Фридрихъ Великій, какъ журналистъ. — Ссылка прусскихъ преступниковъ въ Сибирь.

НЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ о голландскомъ королѣ Вильгельмѣ III. Съ послѣдовавшей недавно кончиной Вильгельма III голландскаго прекратился домъ Оранскій въ мужскомъ поколѣніи. Эта династія принадлежитъ къ древнѣйшимъ въ Европѣ. Насаусскій домъ, изъ котораго происходитъ Оранская вѣтвь, можетъ похвалиться тысячелѣтней исторіей, если вести его происхожденіе отъ графа Гатто Висбадена и Гохгейма, правившаго по смерти Карла Великаго. Съ Нидерландами эта династія связана уже съ конца XIV вѣка.

Король Вильгельмъ III хорошо зналъ историческую давность своего дома, но самъ не обладалъ династической гордостью. Онъ вообще представлялъ собой замѣчательное сочетаніе аристократическихъ и самыхъ новѣйшихъ воззрѣній. Иногда любилъ онъ указывать на своихъ предковъ, которые задолго до Крестовыхъ походовъ были сильными правителями, и хвалиться тѣмъ, что изъ его династіи священная римская имперія имѣла императора, а Англія — одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ государей. А иногда король самъ насмѣхался надъ услужливымъ усердіемъ придворныхъ генеалоговъ. Однажды за чаемъ во дворцѣ зашла рѣчь объ «его великомъ предкѣ Вильгельмѣ Молчаливомъ». «Ахъ, глупости — Вильгельмъ Молчаливый такой же мой предокъ, какъ и вашъ. Если бы я называлъ моими предками всѣхъ правителей, приходившихся мнѣ въ такомъ же родствѣ, какъ Молча-

ивый, то вы могли бы навязать мнѣ въ родню Фридриха Великаго, Карла Смѣлаго, Петра Великаго».

Въ своемъ обращеніи король Вильгельмъ былъ простъ и общителенъ, но именно съ тѣми, кто ему нравился. Другимъ же онъ не позволялъ переступать границъ, отдѣляющихъ монарха отъ подданнаго, даже въ своихъ отношеніяхъ къ прекрасному полу. Разказываютъ такой случай. Одна красивая французенка, которой король плѣнился въ театрѣ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ владѣла его сердцемъ, но однажды въ пріятномъ tête-à-tête съ нимъ она позволила себѣ по парижскому обычаю назвать его «mon gros toutou». Это воспоминаніе о бульварѣ и «cabinets particuliers» обошлось ей не дешево. Король вскопчилъ, немедленно ушелъ отъ нея и тотчасъ же прислалъ ей сказать, чтобъ она убиралась вонъ за границу. Всѣ попытки французенки повидать короля оказались напрасными. И ей ничего не оставалось по возвращеніи въ Парижъ, какъ сѣтовать, что «иностранцы не понимаютъ шутокъ».

Покойный король былъ большимъ поклонникомъ прекраснаго пола и нисколько не скрывалъ этой своей слабости. Женившись 22 лѣтъ на принцессѣ Софьѣ Виртембергской, онъ не нашелъ счастья въ бракѣ. Королева Софья была выдающейся женщиной своего времени, но она не обладала красотой и, сверхъ того, отличалась необыкновенной живостью характера, чего король не могъ переносить. Самъ—флегматикъ, спокойный до апатіи, медлительный въ словахъ и движеніяхъ, онъ не любилъ бойкости рѣчи и подвижной жестикуляціи. Поэтому онъ и избѣгалъ общества королевы которая находила себѣ утѣшеніе въ кругу людей науки, искусства и литературы. Она вела обширную переписку съ государственными людьми, учеными, писателями. Въ числѣ членовъ французской академіи было не мало усердныхъ корреспондентовъ ея. Нерѣдко она приглашала своихъ друзей гостить въ королевскій замокъ и извѣстный французскій композиторъ Амбруазъ Тома до сихъ поръ стрижетъ свою бороду à la король Вильгельмъ въ воспоминаніе о своемъ пребываніи въ Голландіи.

Милостью голландскаго короля пользовались иностранки, преимущественно французенки. Извѣстна его связь съ г-жей Мюзаръ, длившаяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Это была жена мелкаго скрипача, державшаго въ 60-хъ годахъ въ Елисейскихъ Поляхъ въ Парижѣ танцевальные вечера «Bal Musard», которые соперничали съ знаменитымъ «Mabille». Газетная богема Парижа вѣчно толкалась у Мюзара и ухаживала за его плѣнительно красивой женой, вскорѣ сдѣлавшейся предметомъ вниманія всѣхъ. Спустя нѣкоторое время замѣтили, что Мюзаръ сталъ носить большія брилліантовыя кольца, кататься въ великолѣпныхъ экипажахъ, получалъ иностранныя ордена, купилъ отѣль, обставилъ его роскошно, приобрѣлъ отличное помѣстье, имѣлъ ложу въ Большой Оперѣ и вывозилъ въ свѣтъ свою жену въ такихъ туалетахъ, которые возбуждали удивленіе императрицы Евгеніи и княгини Меттернихъ. Парижъ ломалъ себѣ голову, откуда такъ повалило Мюзарамъ. «Друзья» стали разнохивать и скоро дознались, что красивую жену одинъ или два раза въ мѣсяць по вечерамъ провожалъ мужъ на вокзалъ Сѣверной дороги и она уѣзжала въ особомъ купе, а затѣмъ черезъ два дня возвращалась въ Парижъ, гдѣ ее ожидалъ и встрѣчалъ вѣрный супругъ. Цѣль этихъ регулярныхъ поѣздокъ не долго оставалась въ тайнѣ. Г-жа Мюзаръ ѣздила къ королю Вильгельму, проводила въ его обществѣ сутки и

затѣмъ возвращалась въ Парижъ съ богатыми подарками. Когда это стало извѣстно, всѣ отвернулись отъ Мюзара. Жену не винили. Но скрипачу не могли простить, что при каждой поѣздкѣ ея онъ провожалъ ее, самъ сажалъ въ купе и съ букетомъ въ рукахъ встрѣчалъ ее. Послѣ крушенія второй имперіи связь эта прекратилась. Мюзаръ умеръ 8 лѣтъ назадъ презрѣннымъ и покинутымъ, а красавица жена его помѣщалась и помѣщена въ сумасшедшій домъ.

Другія идилліи короля происходили въ Швейцаріи. Въ Женевскомъ и Ваадскомъ кантонахъ до сихъ поръ не забыто, что голландскій монархъ даже имѣлъ столкновенія съ мѣстной полиціей, такъ какъ на чужой землѣ онъ не налагалъ на себя той похвальной сдержанности, какую постоянно соблюдалъ въ своей странѣ. Всѣ эти слабости, однако, объясняются неудовлетворенной потребностью въ счастіи. Не слѣдуетъ забывать, что король Вильгельмъ обращался за утѣшеніемъ къ чаркѣ вермута и что солнечные лучи рѣдко озаряли его существованіе. Съ старшимъ сыномъ, принцемъ Вильгельмомъ, онъ разсорился и даже не былъ у смертнаго одра наслѣдника нидерландской короны, когда тотъ 44 лѣтъ кончилъ жизнь въ Парижѣ отъ воспаленія легкихъ. Второго сына, принца Александра, онъ лишился нѣсколькими мѣсяцами позже и его старость была бы жестокой, если бы онъ не нашелъ себѣ въ королевѣ Эммѣ юную спутницу.

Трагедія семейной жизни короля Вильгельма еще не написана. Такой трагедіей явился раздоръ съ сыномъ, котораго онъ любилъ и который пошелъ противъ отца. Наказаніе было жестокое. Отецъ не пожелалъ видѣться съ сыномъ и послѣдній долженъ былъ жить въ изгнаніи, гдѣ онъ далъ нравственно и въ концѣ концовъ позорно растратилъ жизнь въ парижскихъ ночныхъ ресторанахъ, прославивъ тамъ «Prince Citron». Цвѣтущимъ сильнымъ юношей принцъ Вильгельмъ уѣхалъ изъ отцовскаго замка и по прошествіи многихъ лѣтъ былъ привезенъ трупомъ. Онъ имѣлъ много общаго съ отцомъ: упрямство и здравый смыслъ, а также наклонность къ грубымъ формамъ наслажденія жизнью. Его безславіе увѣковѣчено въ извѣстномъ романѣ Альфонса Додэ «Les rois en exil».

Принцъ Александръ болѣе походилъ на свою мать. Онъ былъ остроумный, хорошо образованный молодой человекъ, почитатель искусствъ и наукъ, и самъ писатель, не лишенный дарованія, но смерть погубила его, прежде чѣмъ могъ онъ украсить Оранскій тронъ своими способностями.

Какъ правитель, Вильгельмъ III въ теченіе 41 года образцово соблюдалъ конституцію. Онъ не требовалъ отъ страны никакихъ жертвъ, даже денежныхъ, ибо самъ былъ очень богатъ, благодаря практической дѣятельности его дѣда, Вильгельма I, которому королевскій санъ не мѣшалъ заниматься колоссальными торговыми предпріятіями и спекуляціями, и который могъ оставить своимъ потомкамъ состояніе болѣе ста милліоновъ.

Послѣдній годъ царствованія голландскаго короля былъ омраченъ душевнымъ недугомъ. Покой его дворца представлялись ему полными призраковъ. Онъ видѣлъ передъ собой образы всѣхъ пророковъ и побѣдителей. Вильгельмъ Оранскій смѣялся Наполеономъ, Наполеонъ — Ганнибаломъ, а этоть—Даніиломъ во рву львиномъ.

— Гортензія Богарне. Королева Гортензія извѣстна, какъ дочь императрицы Жозефины, падчерица Наполеона I и особенно какъ мать Наполеона III. О легкомысліи и вѣтренности ея установилась не лестная

молва. Оказывается на повѣрку, что худая слава въ данномъ случаѣ можетъ быть оправдана нѣкоторыми, какъ говорится, смягчающими вину обстоятельствами. Таково мнѣніе профессора Вертеймера, который, сгруппировавъ разсѣянный въ мемуарахъ и письмахъ соответственный матеріаль, взялъ на себя роль адвоката Гортензіи. Интересны, однако, не доводы его въ защиту слабостей бывшей голландской королевы, а факты, подобранные на этотъ счетъ.

Остроумная Гортензія Богарне, отличавшаяся граціей и обворожительностью, имѣла одинъ недостатокъ въ своей наружности—это дурные зубы, унаслѣдованные ею отъ своей матери Жозефины. Воспитаніе Гортензіи получила въ знаменитомъ тогда заведеніи г-жи Кампанъ. Когда она тамъ окончила курсъ, Жозефина позаботилась отыскать ей жениха. «Моя дочь»—рѣшила она—«выйдетъ замужъ или за аристократа, или за Бонапарта». Сперва Лукіанъ Бонапартъ былъ намѣченъ въ мужа Гортензіи, но это не состоялось, и Жозефина остановила свой выборъ на Луи Бонапартѣ, впоследствии королѣ Голландіи. Этотъ оказался податливѣе и бракъ былъ совершенъ 4 января 1802 г.

Бракъ съ Луи явился для Гортензіи источникомъ большихъ страданій и горькихъ разочарованій. Родные мужа ея косо смотрѣли на этотъ бракъ. Сестры Луи старались вооружить его противъ жены разными сплетнями на ея счетъ, а мужъ не имѣлъ достаточно характера, чтобы хорошенько проучить сплетниковъ или, по крайней мѣрѣ, провѣрить то, про что ему наущивали. Какъ всѣ ревнивыцы, онъ вѣрилъ всякимъ розказнямъ, и о семейномъ благополучіи въ его домѣ не могло быть и рѣчи. Современники выставляютъ его «самымъ тираническимъ изъ супруговъ». Такого же понятія былъ о немъ и его братъ Наполеонъ I, который написалъ ему 4 апрѣля 1807 г., когда тотъ былъ уже королемъ Голландіи, слѣдующее письмо по поводу раздоровъ съ Гортензіею: «ваши ссоры съ королевой получаютъ огласку. Примѣните къ вашей семьѣ то отеческое и мягкое отношеніе, какое вы обнаруживаете въ дѣлахъ правленія, а къ правленію относитесь съ такою-же строгостью, какъ вы поступаете дома. Вы обращаетесь съ вашей женой, какъ обращаются съ полкомъ. Вы обладаете лучшей и добродѣтельнѣйшей изъ женщинъ, а дѣлаете ее несчастной. Разрѣшите ей танцевать сколько угодно, вѣдь это ей по лѣтамъ. У меня сорокалѣтняя жена и, однакожъ, я пишу ей съ поля битвы, чтобъ она посѣщала балы, а вы хотите, чтобъ женщина въ 20 лѣтъ, полная иллюзій, жила какъ въ монастырѣ, какъ нянька, вѣчно занятая подмываніемъ ребенка? Вы слишкомъ самовластны въ семьѣ и недостаточно властны въ управленіи. Я бы не сталъ вамъ говорить это, если бы не питалъ къ вамъ живѣйшей симпатіи. Сдѣлайте счастливой мать вашихъ дѣтей. Для этого есть одно только средство: показывайте ей побольше уваженія и довѣрія. Къ несчастью, вы обладаете чересчуръ добродѣтельной женщиной. Будь у васъ жена кокетка, она водила бы васъ за носъ. Но ваша супруга такъ горда, что одна мысль о томъ, что вы можете быть о ней дурного мнѣнія, волнуетъ и смущаетъ ее. Вамъ бы надо было дать жену, какихъ я зналъ въ Парижѣ. Такая васъ бы надувала на каждомъ шагу, и вы постоянно ползали бы у ногъ ея. Не моя ошибка, что она не такая; я не разъ говорилъ объ этомъ вашей женѣ».

Обвиненія Наполеона имѣли основаніе. Всякую любезность со стороны Гортензіи Луи объяснялъ кокетствомъ, прибавляя: «все это нарочно

показывается, чтобъ потомъ легче обманывать меня». Онъ объявилъ, что приметъ всё мѣры предосторожности, чтобъ «избѣжать общей судьбы всёхъ мужей». Не довольствуясь этимъ, Луи старался всё слабости Жозефины отыскать въ Гортензіи. Онъ дошелъ до того, что запретилъ женѣ видѣться съ матерью. Во избѣжаніе размолвки между братьями, Гортензія молчала и спосила оскорбленія. Но положеніе ея стало еще болѣе невыносимымъ, когда у нея родился первый ребенокъ. Дамы изъ Бонапартовой фамиліи по этому поводу распустили слухъ о связи Гортензіи съ первымъ консуломъ, а г-жа Мюратъ взялась объ этомъ подозрѣніи сообщить своему брату Луи, который пришелъ въ неистовство. Теперь онъ оправдывалъ свои мѣры противъ жены и еще болѣе усилилъ строгости. Распространившееся мнѣніе о томъ, что новорожденный—не сынъ Луи, только ухудшило положеніе Гортензіи. При этомъ Луи угрожалъ ей ссылкой въ самый отдаленный уголь въ мірѣ, если она осмѣлится жаловаться на него всемогущему брату. Онъ окружилъ ее шпионами, слѣдившими за каждымъ ея шагомъ, а когда она пробовала сблизиться съ нимъ, онъ рѣзко отталкивалъ ее: «вы меня не можете любить, вѣдь вы женщина, слѣдовательно вы—существо, сотканное изъ лукавства и злости».

Въ 1805 г., по приказанію Наполеона, Луи отправился въ Голландію. Въ роли королевы, Гортензія не переставала чувствовать себя французской принцессой. И это служило лишь новымъ предлогомъ къ отчужденности между супругами. Насколько Гортензія не любила Голландію, настолько Луи привязывался къ ней. Онъ бахвалился тѣмъ, что во всемъ старался походить на голландца. Онъ позволялъ въ своихъ салонахъ, вопреки этикету, курить длинныя голландскія трубки.

Примиреніе между супругами на нѣкоторое время было вызвано смертью старшаго сына, въ 1807 г. Гортензія впала въ отчаяніе. Луи сталъ обращаться съ ней нѣжнѣе. Но и тутъ онъ не измѣнялъ своей ревности. По словамъ самой Гортензіи, Луи обыкновенно присаживался къ ней больной на постель и, общая впредь быть ея хранителемъ и утѣшителемъ, вымогала у нея признанія въ невѣрности. «Признайся откровенно въ своихъ слабостяхъ», говорилъ онъ ей, «я все прощу тебѣ, мы начнемъ новую жизнь, которая заставитъ навсегда забыть о прошломъ». Большая королева отвѣчала, что ей не въ чемъ сознаваться. Тогда недовѣрчивый Луи требовалъ клятвы въ томъ, что она всегда была вѣрна ему. Даже послѣ такой клятвы—онъ снова начиналъ приставать къ Гортензіи съ мольбою объ откровенномъ сознаніи. Такое обращеніе не могло улучшить состояніе больной.

Гортензію пришлось отправить въ пиренейскіе курорты. Тамъ супруги жили въ полной гармоніи. Вскорѣ (20 апрѣля 1808 г.) у нихъ родился сынъ, впоследствии Наполеонъ III. Поэтому всё слухи о томъ, что Наполеонъ III былъ плодомъ связи Гортензіи съ голландскимъ адмираломъ Вергюаллемъ (см. «Ист. Вѣст.», 1890 г., т. XLII, стр. 549 и сл.), надо считать баснословными. Но тогда вѣрили подобнымъ слухамъ, которые усердно распространялись самими Наполеонидами. Г-жа Мюратъ опять принялась настраивать своего подозрительнаго брата противъ его жены, увѣряя его, что, по общему мнѣнію, Гортензія находится въ интересномъ положеніи вслѣдствіе ея связи съ Казомъ. Этотъ, сдѣлавшійся впоследствии министромъ и любимцемъ Людовика XVIII, въ бытность Гортензіи въ Пиренеяхъ оставался еще совер-

шенно невѣдомымъ господиномъ. Тѣмъ не менѣ Луи вѣрилъ всему и опять супруги стали жить, какъ чужіе.

Наполеонъ въ то время рѣшилъ развестись съ Жозефиной и жениться на Маріи Луизѣ. Одновременно долженъ былъ состояться и разводъ Луи съ Гортензіей, такъ какъ она отказалась ѣхать въ Голландію по требованію мужа. Но Наполеонъ принудилъ супруговъ примириться хотя бы виѣшнимъ образомъ. Гортензія пришлось возвращаться въ Голландію, но насколько несерьезно было примиреніе, видно изъ того, что король и королева отправились по разнымъ дорогамъ—Гортензія черезъ Брюссель и Антверпенъ, Луи—черезъ Ахенъ. Можно вообразить, какой адъ начался въ королевской семьѣ послѣ подобнаго примиренія. Гортензія, наконецъ, тайно рѣшилась бѣжать въ Парижъ, что ей и удалось. Но и самому Луи пришлось вскорѣ покинуть Голландію. Онъ отрекся отъ престола и сталъ называться графомъ С.-Лѣ.

Гортензія, живя въ Парижѣ, въ 1812 г., когда генераль Мале въ отсутствіе Наполеона хотѣлъ овладѣть Маріей Луизой и ея сыномъ (римскимъ королемъ), одна изъ первыхъ явилась въ Сентъ-Клу охранять императорскую семью. Къ тому же періоду ея жизни относится связь Гортензіи съ графомъ Флаго, отъ котораго она имѣла сына, впоследствии одного изъ главныхъ дѣятелей второй имперіи—графа Морни. Когда Наполеонъ лишился престола, Гортензія подобно другимъ его родственникамъ жила въ изгнаніи, нося титулъ герцогини С.-Лѣ. Зиму она проводила въ Аугсбургѣ, лѣто въ замкѣ Арненбергъ на Боденскомъ озерѣ, въ кантонѣ Тургау, и не переставала хлопотать о возстановленіи имперіи. Въ 1818 г. сэръ Гудсонъ Лоу переслалъ въ Лондонъ переписку, изъ которой было ясно, что Гортензія съ узникомъ св. Елены поддерживала тайныя сношенія. По смерти Наполеона и послѣ кончины ея брата Евгенія, бывшаго вице-короля Италіи, она посвятила себя исключительно воспитанію дѣтей. Послѣ неудавшейся революціонной попытки Менотти въ Романьѣ въ 1831 г., въ которой участвовали ея сыновья, причемъ старшій сынъ поплатился жизнью, она посѣщала въ Италію и увезла второго сына, впоследствии императора Наполеона III, черезъ Ниццу во Францію.

Тайно явившись въ Парижъ, Гортензія обратилась къ давнишнему своему знакомому графу д'Удето, флигель-адъютанту короля Луи Филиппа, съ просьбой доложить королю объ обстоятельствахъ, приведшихъ ее въ Парижъ. Луи Филиппъ согласился дать ей аудіенцію. Подъ глубочайшей тайной онъ принялъ ее въ Палэ-Роялѣ въ маленькой комнатѣ. Туда были приглашены жена короля и сестра его Аделаида. Въ комнатѣ были только кровать, столъ и два стула. Королева и Гортензія сѣли на кровати, король и Аделаида сѣли на стульяхъ. Присутствовавшій графъ д'Удето, которому негдѣ было сѣсть, оперся спиной на дверь и загородилъ входъ въ нее. Когда Гортензія заявила о своемъ желаніи получить разрѣшеніе на посѣщеніе Франціи или предварительно Виши, Луи Филиппъ отвѣтилъ: «Виши, да, для вашего здоровья, это будетъ вполне естественно, затѣмъ вы продлите ваше пребываніе или опять пріѣдете. Въ этой странѣ очень скоро привыкають ко всему и забываютъ также скоро». Король обѣщаль ей свою поддержку. «Однакожь, прибавилъ онъ, я — конституціонный король; поэтому мнѣ необходимо извѣстить министерство о вашемъ прибытіи и вашихъ желаніяхъ». И онъ предупредилъ своего тогдашняго премьера,

Казимира Перье, который тотчасъ же отправился къ Гортензіи. «Я знаю—сказала она Перье—что я нарушила законъ. Вы въ правѣ меня арестовать, это было бы справедливо». «Только законно—возразилъ премьеръ,—а не справедливо». Вскорѣ, однако, обнаружившаяся въ Парижѣ агитація въ пользу Наполеонидовъ вынудила Луи Филиппа повелѣть Гортензіи съ сыномъ немедленно оставить Францію. Она отправилась сперва въ Англію, а потомъ въ Швейцарію. 3 октября 1837 г. она умерла.

— Маратъ, какъ специалистъ по леченію чахотки. Въ «*Intermédiaire des chercheurs et des curieux*» докторъ Огюстъ Кабанесъ напечаталъ интересное сообщеніе объ одномъ предшественникѣ доктора Коха. Извѣстно, что до редактированія «Друга народа» Маратъ былъ докторомъ, и притомъ моднымъ. Состоя при дворѣ графа д'Артуа и пользуя его приближенныхъ, Маратъ вращался въ высшемъ аристократическомъ обществѣ. Въ числѣ пациентокъ его находилась маркиза де Лобеспинъ, съ которою онъ познакомился по возвращеніи ея изъ Англіи. Это была очень красивая женщина, племянница одного изъ министровъ, служившихъ съ большимъ усердіемъ и преданностью монархіи Бурбоновъ. Маркиза болѣла очень опасно; докторъ Бувардъ, одинъ изъ знаменитостей того времени, объявилъ, что ей не прожить и двадцати четырехъ часовъ. Наслышавшись о Маратѣ, какъ о знатокѣ своего дѣла и человѣкѣ рѣшительномъ, она прибѣгла къ его услугамъ.

Марату удалось вылечить маркизу. Излеченіе это надѣлало много шума, тѣмъ болѣе что Маратъ,—тогда уже извѣстный журналистъ—сумѣлъ распространить свою славу. Въ одномъ медицинскомъ журналѣ онъ помѣстилъ цѣлую серію вопросовъ, въ которыхъ аббатъ Филассье, ученикъ и препаратъ Марата, выставялъ заслуги своего учителя, умоляя его о сообщеніи драгоцѣннаго его открытія. Слѣдующія строки, заимствованныя изъ «*Gazette de la santé*», свидѣтельствуютъ, что дѣло касалось именно чахотки: «Запущенная чахотка (т. е. легочный туберкулезъ) относится въ настоящее время къ числу неизлечимыхъ болѣзней, по всей вѣроятности, на основаніи тщетныхъ попытокъ къ излеченію ея, практиковавшихся до сихъ поръ. Одинъ недавній фактъ, обратившій на себя вниманіе всего Парижа, разубѣдилъ меня въ этомъ... Пять лѣтъ тому назадъ у маркизы де Лобеспинъ появился небольшой сухой кашель, къ которому вскорѣ присоединились лихорадка, бессонница и худоба. Приванный врачъ присоединилъ успокоительныя микстуры, на нѣкоторое время смягчившія напряженіе симптомовъ болѣзни. Затѣмъ ее на долго посадили на устричный и лягушечный бульоны. Случай съ маркизой былъ однимъ изъ самыхъ опасныхъ; болѣзнь «ярко характеризовалась гнойнымъ отхаркиваніемъ, болью въ груди и сухоткой». Послѣ пользованія Марата, вмѣстѣ съ здоровьемъ, возстановились спокойствіе и общее благосостояніе маркизы, она снова пополнила и повеселѣла. Вотъ почему аббатъ Филассье заклиналъ доктора, которому удалось излечить «чахотку, болѣзнь столь же распространенную, сколь и жестокою», по возможности скорѣе сдѣлать сообщеніе о своемъ открытіи».

На это приглашеніе Маратъ не замедлилъ дать свой отзывъ въ той же «*Gazette de santé*». Съ скромными и благоразумными оговорками по поводу своего метода, онъ изложилъ ходъ леченія маркизы де-Лобеспинъ. По словамъ доктора Кабанеса, онъ описывалъ симптоматиологию болѣзни, какъ опытный наблюдатель. Тщательно изслѣдовавъ мокроту, онъ очень сильно упиралъ на эту частность. Оставалось пополнить лишь одинъ пробѣлъ: взять

хорошій об'єктивъ для обнаруженія въ составѣ выдѣленій бациллъ, открытыхъ послѣ того!»

Какое же леченіе назначалъ Маратъ своей больной? Нашимъ современнымъ врачамъ оно покажется болеутолятельнымъ въ высшей степени: во-первыхъ—эмульсія изъ сладкаго миндаля съ нитровой солью; ибо крайняя слабость больной не допускала и мысли о кровопусканіи. Затѣмъ (порѣшивъ такимъ образомъ съ излюбленными въ то время кровопусканіями), Маратъ подвергъ свою больную воздѣйствію одной искусственной минеральной воды, «замѣнявшей кислотаваты воды Naugowgate». Маратъ не указывалъ состава этой воды, повидимому, служившей для излеченія «хроническихъ грудныхъ болѣзней». Это была «Искусственная противучахоточная вода г. Марата» (Eau factice antipulmonique de M. Marat). Это «спеціальное средство» возбуждало крайнее любопытство, и 1-го января 1778 года одинъ химикъ парижскаго факультета, аббатъ Тейссье, опубликовалъ подробный его анализъ. Изъ труда этого видно, что «Вода Марата» была известковымъ препаратомъ, по всей вѣроятности, растворомъ фосфорнокислой известковой соли. Историки передаютъ о той формѣ благодарности, въ какой маркиза воздала доктору, спасшему ей жизнь. Докторъ Кабанесь въ «Intermédiaire» не намекаетъ ни словомъ на этотъ интимный и идиллическій эпизодъ изъ жизни свирѣпаго демагога.

Послѣ распространившагося извѣстія объ излеченіи маркизы де-Лобеспинъ, легочные больные, отъ которыхъ отказались ихъ доктора, цѣлыми толпами повалили къ Марату. Докторъ Кабанесь перечисляетъ нѣсколькихъ титулованныхъ больныхъ, пожелавшихъ на себѣ испытать дѣйствительность этого средства. «Г. Прево, главный казначей французскихъ мостовъ и шоссе, маркизь де-Гуи (Gouy), г. дю-Клюзель, Турскій интендантъ маркизь де-Шуазель добивались случая подвергнуть членовъ своихъ семей пользованію средствомъ, о которомъ кричали при дворѣ и въ городѣ».

Тогда по направленію къ консулѣціонному кабинету Марата потянулась цѣлая сила отчаявшихся людей, совершенно на подобіе современнаго притока больныхъ къ цѣлительному кабинету доктора Коха въ Берлинѣ. Маратъ жилъ въ это время въ улицѣ Бургонъ, нѣ самомъ предмѣстьѣ Saint-Germain. Квартира его была очень кокетливо обставлена. По свидѣтельству «Мемуаровъ» Бриссо, плата за визитъ доходила до 36 ливровъ, и тѣмъ не менѣе Маратъ не могъ удовлетворить всѣхъ пациентовъ.

Однако, не смотря на весь успѣхъ, доставленный ему медициной,—Маратъ скоро вернулся къ своимъ занятіямъ физикой. По выраженію его, положеніе медицины въ Парижѣ того времени, было «лишь профессіей шарлатана, его недостойной».

— Фридрихъ Великій, какъ журналистъ. Какъ извѣстно, Фридрихъ Великій былъ однимъ изъ разностороннѣйшихъ и плодovitѣйшихъ писателей. Онъ столько написалъ въ теченіе своей жизни, что уже напечатанныя его сочиненія составляютъ множество томовъ. Сюда же относится его корреспонденція, столько же касающаяся политическихъ и военныхъ вопросовъ, сколько и финансовыхъ, сельско-хозяйственныхъ и даже торговыхъ. Ни одна отрасль государственной жизни не ускользала отъ его вниманія. Объ усиленной писательской дѣятельности короля можетъ дать понятіе тотъ фактъ, что политическая его переписка, издаваемая прусскою Академіей Наукъ, и доведенная лишь до 1759 года, составляетъ уже 18 объе-

мистыхъ томовъ, значить, 27 лѣтъ остаются еще нетронутыми. Съ другой стороны далеко не вполне выясненнымъ является фактъ дѣятельныхъ сношеній Фридриха Великаго за все время его царствованія — съ печатью, значеніе которой не ускользнуло отъ его наблюдательнаго ума, не смотря на то, что печать того времени, по своему вліянію, значенію и распространенію, даже приблизительно не можетъ равняться съ современной. Тѣмъ не менѣ великій монархъ признавалъ и цѣнилъ силу даже лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ развитаго тогда газетнаго дѣла, пользуясь имъ для ознакомленія съ своими дѣлами и для благоприятнаго для себя настроенія общественнаго мнѣнія не только Германіи, но и всей Европы.

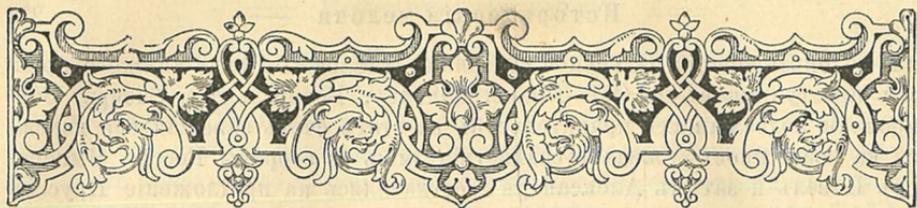
Для достиженія этой цѣли онъ избиралъ два пути. Или же сообщалъ свои предначертанія и руководящія замѣтки своимъ дипломатическимъ агентамъ въ Гаагѣ, Лондонѣ и Гамбургѣ, съ приказаніемъ, примѣнительно къ обстоятельствамъ, печатать ихъ въ голландскихъ, англійскихъ и гамбургскихъ газетахъ. Руководящія замѣтки эти исходили всегда непосредственно отъ самого короля; причемъ, онъ настолько былъ свѣдуецъ въ газетномъ дѣлѣ, что часто сердился, въ случаяхъ безтактнаго пользованія статьями. Другой — наиболѣе обыкновенный и чаще всего примѣнявшійся способъ передачи и распространенія мыслей и взглядовъ короля, а также описаній военныхъ событій путемъ печати, состоялъ въ собственноручныхъ статьяхъ короля, которыя или черезъ посланниковъ доставлялись въ иностранныя газеты, или черезъ посредство одного изъ министровъ печатались въ Берлинскихъ органахъ. Таково происхожденіе «Писемъ одного очевидца», появлявшихся отъ лица Фридриха въ *Sprenger'sкой* газетѣ въ теченіе двухъ первыхъ Шлезвигскихъ войнъ.

Для окончательнаго установленія этого факта потребовалось болѣе столѣтія. Заслуга эта главнымъ образомъ принадлежитъ профессору Дройзену, собравшему эти письма и въ 70-хъ годахъ издавшему ихъ, въ видѣ приложения къ «*Militär-Wochenblatt*». «Политическая корреспонденція» короля заключаетъ въ себѣ цѣлую массу «реляцій» изъ семилѣтней войны, съ пометкой «собственноручно», такъ какъ онѣ принадлежатъ непосредственно перу самого короля. Подъ № 10500 въ 17-мъ томѣ корреспонденціи приводится подобная реляція съ добавленіемъ на оригиналѣ: «Реляцію печатать. Фридрихъ». Въ томъ же томѣ, подъ № 10577, встрѣчается письмо тайнаго кабинета-секретаря Эйхеля къ министру Финкенштейну въ Берлинѣ о повелѣніи короля, между прочимъ, напечатать въ газетахъ о результатѣ сраженія. И эти реляціи появились черезъ 4 дня въ «*Berl. Nachrichten*», а оттуда перешли во всю европейскую печать того времени.

— Ссылка прусскихъ преступниковъ въ Сибирь. Нѣмецкая печать въ послѣднее время вспомнила о нѣкогда организованной ссылкѣ прусскихъ преступниковъ въ Сибирь. Вотъ не лишенный интереса подробности этого дѣла. Фридрихъ Вильгельмъ III, потребовавъ усиленія уголовныхъ наказаній вслѣдствіе постоянныхъ разбоевъ и поджоговъ въ польскихъ областяхъ, въ своемъ повелѣніи 1-го февраля 1799 г. указалъ на важность мѣръ, которыя устраняли бы возможность рецидивовъ для преступниковъ, отбывшихъ наказаніе. При обсужденіи этихъ мѣръ возникла мысль объ удаленіи изъ страны неисправимыхъ преступниковъ. Министръ Гольдбекъ нашелъ эту мысль удобоисполнимой въ томъ видѣ, чтобъ голландскія или гамбургскія торговыя фирмы отвозили на своихъ корабляхъ преступниковъ

для колонизованія Сѣверной Америки. Имѣлось въ виду также отправлять преступниковъ въ Ость-Индію, Кайенну, Борнгольмъ и Сибирь. Зондированіе подлежащихъ правительствъ на этотъ счетъ завершилось надеждой на возможность ожидать содѣйствія лишь со стороны Россіи. Императоръ Павелъ и затѣмъ Александръ I согласились на предложеніе Пруссіи. Пруссія принимала на себя издержки по транспорту преступниковъ до Нарвы и участвовала въ расходахъ на перевозку ихъ отъ Нарвы до Архангельска. Въ іюнѣ 1802 года 58 пруссаковъ, такимъ образомъ, были отправлены на Нерчинскіе рудники. Въ октябрѣ 1802 года организовали дальнѣйшій транспортъ въ 200 человекъ. Но этотъ транспортъ такъ и не былъ доставленъ по назначенію. Одинъ изъ пруссаковъ, осужденный за поддѣлку банковыхъ билетовъ на 12,000 талеровъ, граверъ изъ Глогау, по прибытіи въ Нарву показалъ на практикѣ свое мастерство и русскимъ офицерамъ очень понравился. Гравера не сослали въ Сибирь, а оставили въ Нарвѣ. Усердіе къ ссылкѣ было охлаждено этимъ фактомъ, какъ и тѣмъ еще, что утонченнѣйшіе изъ преступниковъ нашли возможность вернуться въ Пруссію и близъ Грауденца организовали большую шайку воровъ въ 39 человекъ. Со вступленіемъ въ министерство Штейна и Гарденберга прекратились всякіе переговоры о ссылкѣ въ Сибирь.

ЗАГРАНИЧНІЯ ІСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Русско-китайская задача. — Записки Анненковой. — Финляндія, заискивающая покровительство у Франціи. — Война въ Крыму, изображенная англійскимъ генераломъ. — Англійская біографія Суворова. — Испанская книга объ общественной собственности. — Історія итальянскаго юриста прошлаго столѣтія. — Французскій ежегодникъ иностранной прессы.

ОСЛѢДНІЯ книги прошлагоднихъ болѣе выдающихся иностранныхъ журналовъ наполнены статьями о Россіи, продолжающей попрежнему интересовать Европу. Нельзя сказать однако, чтобы статьи эти представляли въ новомъ свѣтѣ какую-нибудь сторону русской жизни, или разъясняли ея особенности. Въ органѣ г-жи Аданъ какой-то Филиппъ Лего на четырехъ страницахъ разрѣшаетъ «русско-китайскую задачу» (*Le problème russo-chinois*). По поводу извѣстія о томъ, что китайцы начинаютъ строить желѣзную дорогу черезъ Монголію къ нашей границѣ, въ то время, когда мы все еще разговариваемъ о томъ, какъ было бы полезно проложить рельсовый путь черезъ Сибирь; Лего, съ развязностію настоящаго француза, заявляетъ, что онъ не увлекается ни оптимистскими взглядами капитана Терентьева (?) въ его книгѣ «*Russia and England in the East*», ни пессимистскими сочиненіями англійскихъ писателей, обращающимися въ Средней Азійи: Чарльса Мартини, Деметрія Боульджера и др.; а основывается только на фактахъ. И потому—«Мервь—это Афганистанъ, въ русскихъ рукахъ, такъ какъ казакамъ есть теперь чѣмъ кормить своихъ лошадей (а прежде не было?) и армія царя, снабженная провіантомъ, можетъ идти во всякое время,—къ Персидскому заливу». Зачѣмъ она пойдетъ туда,—авторъ не объясняетъ, но говоритъ, что это сильно озачиваетъ Калькуту и Лондонъ, ибо «провіантскіе склады даютъ русскимъ генераламъ неоспоримое преимущество»,—точно такихъ складовъ нѣтъ въ Калькутѣ. Англійскіе офицеры въ Квиттѣ говорили автору, что война неизбежна и не-

обходимо подвергнуться ея шансамъ. «Если Кашгаръ попадетъ въ русскія руки—престижъ Англии въ Средней Азійи исчезнетъ. Балкъ въ 12-ти дняхъ разстоянія отъ Бухары и въ 10-ти—отъ Кабула, дорога къ которому идетъ черезъ Баніанскій проходъ, доступный въ теченіе полгода для большой арміи». Въ то же время, Лего утѣшаетъ англичанъ тѣмъ, что Россіи не нужна Калькута, но увѣряетъ, что они интригуютъ въ Пекинѣ, чтобы Китай помѣшалъ Россіи устроить гавани въ Тихомъ океанѣ. Весь вопросъ въ томъ: усилютъ ли они въ этомъ. Германія будетъ очень довольна столкновениями русскихъ съ китайцами или англичанами, но Лего совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ зорко слѣдить за этимъ. Если въ Азійи будетъ однимъ казакъ меньше—это ослабитъ Францію, говоритъ онъ: Россія въ войнѣ съ китайцами, подкрѣпленными явно или тайно нѣмцами и англичанами, будетъ не въ состояніи слѣдить за политикою Европы и поэтому не должно позволять Китаю строить стратегическія желѣзныя дороги. Но какъ помѣшать этому? Лего увѣряетъ, что трактаты даютъ право французамъ строить желѣзныя дороги въ Китаѣ, но, кажется, это утвержденіе также справедливо, какъ и то, что «чайная торговля англичанъ съ Китаемъ перешла въ русскія руки». Откуда Лего взялъ эти извѣстія? и вообще что за странные взгляды высказываютъ французы, какъ только начнутъ политиканствовать.

— Въ двухъ книгахъ «Nouvelle Revue» напечатаны отрывки изъ записокъ Анненковой, жены декабриста, переведенныя съ русскаго, хотя первоначально онѣ написаны по французски. Въ печати они появились въ 1888 году, въ «Русской Старинѣ», хотя продиктованы авторомъ своей дочери еще въ 1860 году. Въ этихъ запискахъ, кромѣ любопытныхъ подробностей о жизни декабристовъ въ Сибири, объ администраціи времени Николая I, рельефно выясняется удивительная по своей энергіи и беззавѣтному самоотверженію личность самой Анненковой, французженки изъ Лотарингіи. Потерявъ отца, убитаго въ Испаніи, она не захотѣла быть въ тягость матери, жившей небольшой пенсіей и въ 1824 году взяла мѣсто гувернантки въ одномъ московскомъ семействѣ. Здѣсь она познакомилась съ блестящимъ кавалергардомъ Анненковымъ, но не хотѣла выйти за него безъ согласія его матери, а взбалмошная и богатая старуха не давала этого согласія. Рожденіе ребенка не улучшило положенія влюбленныхъ, но катастрофа 14-го декабря сблизила ихъ еще болѣе. Просидѣвъ полгода въ Петропавловской крѣпости, Анненковъ сосланъ былъ на каторгу въ Читу. Дѣвица Гебель (фамилія Анненковой до замужества) рѣшилась послѣдовать за нимъ, нашла средство въ Вязьмѣ подать лично Николаю I прошеніе, въ которомъ, сознавая въ связи съ Анненковымъ, изъявляла желаніе узаконить эту связь бракомъ. Преданность французженки тронула императора, онъ даже приказалъ выдать ей пособіе на дорогу въ Восточную Сибирь, такъ какъ мать Анненкова не дала ей ни гроша. Но деньги устраняли только часть затрудненій тяжелаго пути и жизни на каторгѣ. Жениха привели въ церковь въ кандалахъ и расковали только для брачнаго обряда, но съ тѣхъ поръ Анненкова уже не разставалась съ мужемъ, родила 18 дѣтей и, вернувшись съ нимъ въ Россію, въ 1855 году, прожила еще 11 лѣтъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и умерла 76-ти лѣтъ. Приведенныя во французскомъ журналѣ отрывки останавливаются на пріѣздѣ Анненковой въ Читу. Переводъ сдѣланъ Маріей Галаховой.

— Журналъ «Le Correspondant» помѣстилъ обширную статью Генриха Жоли о Финляндіи (En Finlande). Авторъ былъ членомъ тюремнаго кон-

греса 1890 года и въ половинѣ іюня отправился на пароходѣ изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ, съ двумя своими соотечественниками. Тамъ ихъ приняли съ особенной предупредительностью и главная газета края «*Nya Pressen*» поднесла своимъ гостямъ, въ день ихъ прїѣзда, на французскомъ языкѣ привѣтствіе, удивившее даже самихъ гостей, потому что въ немъ говорилось, между прочимъ: «почему же народъ, работающій для развитія всемірной цивилизаціи законными путями, развивающій самыя высокія правовыя идеи нашего времени, не имѣетъ права жить независимою національною и политическою жазнью? Почему онъ не имѣетъ права быть живымъ членомъ въ кругу цивилизованныхъ народовъ? О, еслибы такое сужденіе о нашемъ народѣ и его интеллигентномъ развитіи составилось у нашихъ гостей, представителей Европы! Мы тогда вдвойнѣ радовались бы ихъ посѣщенію и видѣли бы въ нихъ не только друзей, почтившихъ насъ своимъ присутствіемъ, но и представителей тѣхъ націй, къ которымъ они принадлежатъ». И членамъ конгресса конечно было очень пріятно разыграть передъ финляндцами роль этихъ представителей и принять сторону народа, достигшаго такого высокаго интеллигентнаго и правового развитія. Генрихъ Жоли подробно разбираетъ новое уголовное уложеніе Финляндіи, также обязательно доставленное гостямъ во французскомъ переводѣ и находитъ, что русскіе должны придти отъ него въ восторгъ. Но мы уже знаемъ, что это за уложеніе, которое вмѣсто введенія его съ нынѣшняго года, поручено пересмотрѣть русскимъ официальнымъ юристамъ въ законодательномъ порядкѣ. Жоли горячо отстаиваетъ всѣ стремленія финляндцевъ къ разведенію съ Россіей и приводитъ даже обѣденный тостъ финляндскаго сенатора, который, говоря о трудахъ пенитенціарнаго конгресса, направленныхъ къ твердому, хотя и гуманному пресѣченію всѣхъ поступковъ противныхъ законамъ, прибавилъ, что правительства, карающія нарушителей законовъ должны первыя подавать примѣръ повиновенія этимъ законамъ и точно исполнять конституцію, которую они обязались охранять подъ присягою. Въ этой конституціи финоманы видятъ только «добровольное соглашеніе» двухъ націй и французы конечно соглашаются съ этимъ. Мы конечно не примемъ на себя труда опровергать доводы финляндскихъ сепаратистовъ, но не можетъ не указать на это умѣнье ловкихъ обитателей «финскихъ хладныхъ скалъ» пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы довести до свѣдѣнія Европы свои претензіи и ни на чемъ не основанныя жалобы.

— Вышла интересная книга «Война въ Крыму» (*The war in the Crimea*) написанная генераломъ Эдуардомъ Гамлей. Авторъ, служившій въ генеральномъ штабѣ въ продолженіе всей кампаніи, имѣлъ возможность провѣрить всѣ событія и перипетіи кампаніи. Англійская критика находитъ, что черезъ 35 лѣтъ, когда уже нѣтъ почти никого въ живыхъ изъ главныхъ участниковъ войны, можно писать ея исторію спокойно и хладнокровно. У Гамлея дѣйствительно больше безпристрастія, чѣмъ въ книгѣ Кинглека о томъ же предметѣ, но въ какой степени сужденія его вѣрны—объ этомъ могутъ судить только компетентныя лица. Такъ, авторъ обвиняетъ русскую батарею, что она при Альмѣ оставила свои позиціи во время атаки Кодрингтона, когда могла бы нанести много вреда нападавшимъ. Мысль—взять Севастополь тотчасъ послѣ сраженія, съ сѣверной стороны, онъ называетъ бесполезнымъ предпріятіемъ, но находитъ, что можно было штурмовать городъ съ юга 20-го или 21-го числа, такъ какъ русскіе потопили свой флотъ

только 22-го. То же можно было предпринять и 26-го, по взятіи Балаклавы, хотя передовыя укрѣпленія Севастополя были уже въ то время защищены 172 орудіями большого калибра, но защита вообще была еще такъ плохо организована и гарнизонъ такъ упалъ духомъ, что побѣда союзниковъ была возможна, въ чемъ сознавались и русскіе. А между тѣмъ Гамлей называетъ высадку въ Крымъ необдуманнѣмъ, сумасшедшимъ поступкомъ (act of madness). Въ отсутствіи энергіи онъ всего болѣе обвиняетъ однако маршала Сент-Арно, а не лорда Раглана. Въ сраженіи при Балаклавѣ онъ указываетъ на большіе промахи союзной арміи, но всего болѣе упрекаетъ англійскій комисаріатъ за бѣдствія, испытанныя арміей въ теченіе зимы 1854—55 года. Провіантъ доставлялся не въ полномъ количествѣ и неакуратно, а въ фуражѣ войско терпѣло постоянный недостатокъ. Крисге-комисаръ оправдывался тѣмъ, что дѣлалъ запасы для войны въ Турціи, а для перевозки ихъ въ Крымъ не было достаточныхъ средствъ. Вообще въ книгѣ Гамлея много любопытнаго не для однихъ военныхъ.

— Полковникъ Спальдингъ написалъ біографію Суворова (Suvoroff), оказавъ этимъ, по словамъ англійской критики, услугу военной литературѣ, «вызвавъ изъ сравнительнаго забвенія карьеру весьма замѣчательнаго человѣка». Современные англичане сохранили о немъ смутное понятіе, а на твердой землѣ его уже превратили въ какой-то мифъ, «странную смѣсь героя, варвара, шута и помѣшаннаго». Шутовство Суворова Спальдингъ объясняетъ его положеніемъ при тогдашнемъ дворѣ. Какъ человѣкъ дѣла, онъ не хотѣлъ и не имѣлъ времени заниматься придворными интригами; для того же, чтобы обезоружить своихъ враговъ и показать, что онъ не подкапывается подъ нихъ, онъ прибѣгалъ къ эксцентрическимъ выходкамъ и въ послѣдствіи привыкъ ихъ продѣлывать уже безъ всякой нужды. Рассказавъ, какъ Суворовъ проводилъ свой день, какой велъ образъ жизни, авторъ пересказываетъ анекдоты о его странностяхъ и чудачествахъ и дѣлаетъ оцѣнку его какъ полководца. Ни одинъ генералъ не совершалъ такихъ быстрыхъ переходовъ съ своими войсками, какъ Суворовъ, даже Блюхеръ уступаетъ ему въ этомъ отношеніи. Но онъ никогда не утомлялъ солдатъ безъ крайней необходимости и не дѣлалъ бесполезныхъ передвиженій. И солдаты любили его и шли за нимъ, увѣренные въ побѣду. Несправедливое обвиненіе въ жестокости на Суворова возвелъ Байронъ, сказавъ въ «Донъ Жуанѣ», единственно для рѣимы, что русскій полководецъ любилъ кровь, какъ алдерменъ мозги подъ соусомъ. При взятіи Измаила, русскіе, озлобленные понесенными ими потерями, были безпощадны, но турки и не просили пощады, а отстаивали въ темнотѣ ночи каждый домъ, каждый шагъ въ улицахъ крѣпости. Идя на штурмъ Праги, Суворовъ отдалъ приказъ: щадить безоружныхъ и тѣхъ кто положить оружіе. Его стратегическимъ и тактическимъ знаніямъ авторъ отдаетъ полную справедливость, особенно во время швейцарскаго похода. И не смотря на это, ставя Суворова въ ряду замѣчательныхъ полководцевъ, находя, что во многихъ случаяхъ онъ дѣйствовалъ лучше Наполеона, англичанинъ все-таки прибавляетъ, что между ними русскій герой стоитъ въ числѣ послѣднихъ.

— Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ только въ одной Испаніи сохранились до настоящаго времени слѣды общинной собственности, общиннаго сельскаго хозяйства, этой первобытной формы владѣнія землею и обработки ея. Форма эта преобладала когда-то въ славянскихъ племенахъ

позже другихъ европейскихъ народовъ, достигшихъ высшаго культурнаго развитія. Изъ этихъ народовъ, испанцы жили всегда болѣе обособленною политическою жизнью и у нихъ сохранилось не мало старобытныхъ обычаевъ, давно уже исчезнувшихъ у другихъ племенъ, игравшихъ болѣе дѣятельную роль въ водоворотѣ мировыхъ событій. Исторію одного изъ такихъ обычаевъ общинной собственности изслѣдуетъ Рафаэль Альтамира-и-Кревеа въ своемъ сочиненіи «*Historia de la propiedad comunal*». На испанскомъ языкѣ имѣются уже два замѣчательныхъ сочиненія по тому же предмету: Карденаса—1873 года и Аскарате—1883 года. Обѣ эти книги представляютъ собственно исторію законодательства относительно земельной и, вмѣстѣ съ ней, общинной собственности, тогда какъ Альтамира говорить о послѣдней больше съ бытовой стороны, съ точки зрѣнія обычнаго, мѣстнаго, а не государственнаго права. Оба эти права часто игнорируютъ другъ друга и почти всегда приходятъ въ столкновеніе. Короли, парламенты, юристы стараются уничтожить обычныя права, а народъ держится завѣта своихъ предковъ. Римское законодательство выдвинуло впередъ личное право и всѣ романскія племена приняли это ученіе. Съ незапамятныхъ временъ, въ земельныхъ общинахъ Испаніи существовало на практикѣ различіе между движимымъ личнымъ имуществомъ, какъ платье, украшенія, домашняя утварь, принадлежащимъ отдѣльнымъ лицамъ, и между землею, домомъ, земледѣльческими инструментами, запасами разнаго рода, принадлежавшими общинѣ и составлявшими ея нераздѣлимую и неотчуждаемую собственность. Эта собственность рѣзко выдѣлялась изъ всякаго рода коллективныхъ и кооперативныхъ доходовъ изъ имуществъ и пріобрѣтеній разныхъ корпорацій, преимущественно религиозныхъ. Исторія всѣхъ этихъ родовъ собственности изслѣдована и отчетливо передана авторомъ, видящимъ начало общины въ кружкахъ первыхъ христіанъ, соединившихся между собою для совмѣстнаго жительства и исполненія обрядовъ своей вѣры. Это однако, едва ли вѣрно, такъ какъ общинное устройство въ славянскихъ племенахъ существовало задолго до христіанства. Французской революціи приписываютъ обыкновенно развитіе индивидуализма и преобладанія личности, что также не вѣрно: еще кодексъ Юстиніана, признавая общинную собственность, какъ исключеніе, старается уничтожить ее. Реформація была протестомъ противъ идеи, что спастись можно только въ католической корпораціи. Лютеръ старался всѣми силами укрѣпить семейную жизнь, но жизнь каждой семьи въ отдѣльности, а не въ общинномъ устройствѣ. Но монашество, уничтоженное реформаціею, отвергало семью и бракъ, а община развивала семейныя начала. Это слѣдовало бы помнить возникающимъ нынѣ разнымъ полурелигиознымъ, полуфилантропическимъ и коммунистическимъ общинамъ, не сознающимъ ясно цѣли, съ какою они составляются. Политической экономіи не мѣшало бы также помнить, что общій трудъ гораздо болѣе обезпечиваетъ благосостояніе массы, чѣмъ развитіе капитала отдѣльныхъ лицъ. Вообще, въ книгѣ испанскаго писателя можно найти много интересныхъ фактовъ и серьезныхъ мыслей, вызывающихъ на размышленіе.

— Итальянцы, достигнувъ единенія и свободы, усердно воскрешаютъ, въ памяти современниковъ, исторію ихъ предковъ, жившихъ въ эпоху гоненій и деспотизма. Римскій сенаторъ Пьерантони напечаталъ любопытную, «Автобіографію Пьетро Джіанноне, его время и его темница» (*Autobiografia di Pietro Giannone i suoi tempi e la sua prigione*). Судьбою этого

выдающагося юриста XVIII вѣка занимался, еще сорокъ лѣтъ назадъ, одинъ изъ передовыхъ государственныхъ людей Италіи, Манчини, но принужденный въ 1849 году бѣжать изъ отечества, вслѣдствіе неаполитанской революціи, онъ не могъ кончить своего труда и, по возвращеніи на родину, занятый политикою, передалъ бумаги Джіанноне мужу своей дочери, Граціи Манчини, талантливой итальянки-романистки—и онъ издалъ теперь записки неаполитанскаго ученаго, написанныя простымъ наивнымъ языкомъ, начала прошлаго столѣтія, возбуждающія интересъ и въ наше время. Джіанноне написалъ чисто юридическую книгу, которую и назвалъ «гражданскою исторіею» (*storia civile*), но при деспотическомъ правленіи опасно разсуждать даже объ отвлеченныхъ и научныхъ предметахъ, и хотя книга нисколько не касалась религіи, іезуиты обвинили автора въ ереси, въ томъ, что онъ проповѣдуетъ безнравственность. Честный юристъ вздумалъ защищаться, началъ доказывать заблужденіе и недобросовѣстность своихъ обвинителей. За это онъ былъ изгнанъ и долженъ былъ бѣжать въ Австрію. Императоръ обратилъ на него вниманіе и даже назначилъ ему небольшую пенсію. Напрасно ожидая правосудія и не желая пользоваться милостынею иностраннаго государя, юристъ рѣшился вернуться въ отечество и пріѣхалъ въ Венецію, но республика тотчасъ же попросила его удалиться изъ ея владѣній. Онъ переселился въ Миланъ, но и оттуда долженъ былъ бѣжать въ Женеву, гдѣ надѣялся наконецъ успокоиться и жить своимъ трудомъ. Такое сосѣдство показалось опаснымъ сардинскому королю Карлу-Эмануилу. Онъ отправилъ въ Женеву шпіона Гвастольди, который завлекъ Джіанноне въ западню и выдалъ его королевскимъ сбирамъ. Юриста посадили въ тюрьму въ Миланѣ, гдѣ онъ пробылъ два года, потомъ привезли въ Туринъ. Здѣсь онъ долженъ былъ написать своею рукою торжественное отреченіе отъ своей книги и отъ всѣхъ своихъ заблужденій. Оно составлено въ самыхъ унижительныхъ выраженіяхъ и приложено къ его автобіографіи. Но и это не спасло бѣднаго юриста—изъ тюрьмы его не выпустили и онъ такъ и умеръ въ ней въ 1748 году, послѣ двѣнадцатилѣтняго заключенія за то, что написалъ лучший трактатъ законодательства на итальянскомъ языкѣ. Теперь, говоритъ издатель его біографіи, когда писателю воздали посмертныя почести и память его очищена отъ всѣхъ обвиненій—свѣтлое имя его ярко блеститъ въ свободной странѣ. Все это, конечно, утѣшительно, но лучше, если бы все это было при жизни писателя.

— Въ Парижѣ издается уже одиннадцатый годъ ежегодникъ французской прессы, къ которому съ 1885 года выходитъ дополненіе подъ названіемъ «иностранная печать въ ежегодникѣ» (*La presse étrangère dans l'annuaire de la presse française*). Польза такого изданія очевидна въ городѣ, гдѣ существуетъ синдикальная ассоціація иностранной печати, гдѣ бюро ея составляютъ два представителя сѣверо-американскихъ газетъ, одинъ «Кельнскихъ Вѣдомостей» и одинъ изъ газеты «Стамбуль», а въ совѣтѣ синдиката, вмѣстѣ съ представителями англійской, итальянской, бельгійской, испанской и южно-американской печати, участвуютъ гг. Рафаловичъ изъ «*Journal de St.-Petersbourg*» и Павловскій изъ «*Новаго Времени*» и въ числѣ 9-ти иностранныхъ парижскихъ корреспондентовъ состоятъ Е. де-Роберти изъ «*Новостей*» и Иванъ Яронъ изъ «*Новороссійскаго Телеграфа*». Такіе сотрудники могли бы, казалось, доставлять самыя вѣрныя свѣдѣнія о положеніи журналистики въ своей странѣ, а между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы

«Ежегодникъ иностранной печати» отличался точностью сообщаемыхъ имъ данныхъ. Не говоря уже о безобразной корректурѣ, которую могли бы продержатъ и иностранные корреспонденты, свѣдѣнія о направленіи газетъ и составѣ ихъ редакцій не вездѣ вѣрны. Характеристика нѣмецкихъ газетъ сдѣлана еще во время царствованія Бисмарка, тогда какъ съ его паденіемъ она значительно измѣнилась. Изъ англійскихъ газетъ лучшими по справедливости названы возникшіе въ недавнее время: «Daily News», основанный въ 1846 году, «Daily Telegraph» и «Daily Chronicle» въ 1855 году. Слишкомъ много значенія приписывается Times'у, потерявшему довѣріе публики послѣ оклеветанія газетою Парнелля. Въ русскомъ отдѣлѣ курьезы безъ конца: ультра-консервативный «Гражданинъ» издается въ улицѣ Bobhaia Italian-skaia; нашъ журналъ превратился въ Vestmick, «Новъ» въ Nor (le Nouveau), «Новый Базаръ» издаетъ г-жа Шишмарпова; «Petersbourgskia Wiedomosti» редактируетъ г. Arseienko. Нѣтъ положительно ни одного журнала, который былъ бы помѣщенъ безъ опечатокъ. Полкниги «Ежегодника» занято прославленіемъ типографскихъ машинъ Маринони, съ портретами строителя и его произведеній, образцами газетныхъ шрифтовъ и т. п. Съ сентября 1890 года началъ выходить каждые два мѣсяца—«Бюлетень французской и иностранной прессы» (Bulletin de la presse française et étrangère), гдѣ помѣщены: законы о печати 20-го іюля 1881 года, судебные приговоры по дѣламъ, касающимся нарушенія этого закона, списокъ новыхъ французскихъ періодическихъ изданій, обществъ и синдикатовъ по дѣламъ печати, объявленія, относящіяся къ журналистикѣ и пр.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Изъ характеристикъ императрицы Маріи Александровны.

ВПЧАТАЕМЫЙ ниже документъ сообщенъ намъ г. П. Я. Виноградскимъ, при слѣдующемъ письмѣ:

«Препровождаемое въ редакцію «Историческаго Вѣстника» письмо протоіерея Г. Т. Меглицкаго найденное мною въ бумагахъ, доставшихся мнѣ послѣ недавней смерти родной сестры моей Анны Яковлевны Виноградской.

«Гавріилъ Тихоновичъ Меглицкій, сынъ священника, уроженецъ Тверской губерніи, Вышневолоцкаго уѣзда, окончивъ блистательно курсъ въ Петербургской Духовной Академіи и женившись на младшей сестрѣ моей матери, уѣхалъ сперва въ Вѣну, настоятелемъ тамошней посольской церкви, а затѣмъ былъ назначенъ законоучителемъ къ невѣстѣ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, принцессѣ Маріи Гессенъ-Дармштадской, впоследствии императрицѣ Маріи Александровнѣ.

«Письмо это Г. Т. писалъ къ своей тещѣ, а моей бабушкѣ, Аграфенѣ Ивановнѣ Голубовой, вдовѣ протоіерея церкви Владимірской Божіей Матери въ Петербургѣ. Оно можетъ служить, по моему мнѣнію, не лишнимъ интереса матеріаломъ для исторіи въ Возѣ почивающей Государыни Императрицы. Слова, съ которыми Наслѣдникъ Цесаревичъ обратился къ о. Гавріилу и самое представленіе послѣдняго Ея Высочеству, такъ безхитростно описанное, должны, мнѣ кажется, сдѣлаться достояніемъ исторіи».

Письмо о. Меглицкаго къ матери.

«Дражайшая маменька!»

«Пишу къ Вамъ настоящее письмо изъ Франкфурта на Майнѣ. Вотъ куда Богъ занесъ меня въ самое непродолжительное время! 5-го мая, въ воскресенье, послѣ обѣдни, прибѣгаетъ ко мнѣ скороходъ отъ г. посла, и говорить, чтобы я тотчасъ явился къ его высокопревосходительству. При-

хожу и посоль объявляетъ мнѣ, что онъ сегодня получилъ бумагу отъ графа Нессельрода, въ которомъ его сіятельство сообщаетъ, объявленную ему графомъ Протасовымъ, Высочайшую волю отправиться мнѣ въ Дармштадтъ къ Его Императорскому Высочеству немедленно. Устроивши наскоро мои домашнія дѣла, учебныя по отношенію къ Николаю¹⁾, и ученныя— мои собственные, во вторникъ въ 7 часовъ вечера я отправился въ Дармштадтъ, куда и прибылъ въ воскресенье послѣ обѣда. Остановившись въ трактирѣ, неподалеку отъ дворца, и отрясши, такъ сказать, слѣды и признаки путешествія, я послалъ челоуѣка позвать ко мнѣ кого-нибудь изъ пѣвчихъ, которые вмѣстѣ съ церковію и полковымъ священникомъ прибыли сюда еще въ посту. Вмѣсто пѣвчаго, приходитъ ко мнѣ самъ священникъ. Познакомившись съ нимъ и пораспросивши его кое о чемъ, я рѣшился было ѣхать къ графу (Орлову), однако не засталъ его сіятельство дома. Надобно было до утра отложить представленіе. На другой день, часовъ въ 8, графъ присылаетъ сказать мнѣ, чтобы я явился къ нему. Его сіятельство принялъ меня чрезвычайно благосклонно, даже спросилъ о Николашѣ. Я же съ своей стороны спросилъ графа, нельзя ли мнѣ познакомиться съ прежнимъ законоучителемъ Ея Высочества. Графъ тотчасъ поручилъ дѣло это генералу Кавелину, съ которымъ мы и отправились къ придворному проповѣднику Циммерману. Сей ученый мужъ принялъ меня весьма ласково; я объявилъ ему о моемъ призваніи и вмѣстѣ изъяснилъ, что по свойству моего новаго служенія мнѣ весьма нужно знакомство съ его высокопреподобіемъ. Генералъ Кавелинъ оставилъ насъ однихъ; мы дружески переговорили о главныхъ предметахъ и разошлись. Я спѣшилъ домой, ожидать приказанія представиться Его Императорскому Высочеству. Но великій князь уѣхалъ въ Ашафенбургъ видѣться съ королемъ Баварскимъ. Я ждалъ цѣлый день напрасно, даже не обѣдалъ. По вечеру пришелъ ко мнѣ докторъ Энохинъ, знакомый мой еще со времени нашего образованія въ Петербургскихъ Академіяхъ, его въ Медицинской, а моего въ Духовной. Прошедшаго года мы возобновили наше знакомство въ Вѣнѣ. Энохинъ спросилъ лимонаду; трактирщикъ принесъ два стакана; докторъ выпилъ одинъ, я предложилъ ему другой, а онъ спросилъ, почему я самъ не пью; я отвѣчалъ, что у меня нѣтъ еще жажды, такъ какъ я не обѣдалъ еще. Г. Энохинъ пошелъ домой и въ шуткѣ сказалъ нашимъ господамъ о моей исторіи. На другой день всѣ смѣялись надо мной. Въ 9 часовъ утра я имѣлъ счастье представиться Его Императорскому Высочеству. Эта ангельская кротость, эта небесная улыбка, это высокое вниманіе ко всякому, кто имѣетъ счастье представляться Великому Князю, неизъяснимы и свойственны только первородному сыну благочестивѣйшаго царя. Его Высочество изволилъ обратить вниманіе на Ея Высочество, и сказать, что я найду въ ней самую невинную душу, готовую къ принятію всего добраго. Великій Князь замѣтилъ, что преподаваніе закона Божія должно быть отложено на нѣсколько недѣль, ради путешествія принцессы въ Баварію для свиданія съ вдовствующей королевой, сестрой блаженной памяти Императрицы Елизаветы Алексѣевны, и также сестрою блаженной памяти Великой Герцогини Дармштадтской, матери Ея Высочества. Я съ своей стороны донесъ Цесаревичу, что въ рукахъ Принцессы есть за-

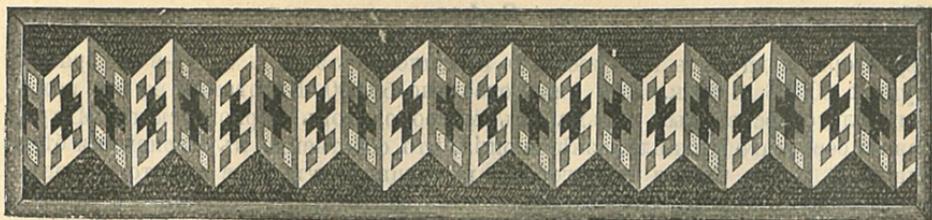
¹⁾ Его сыну; въ послѣдствіи подполковникъ горной службы, принимавшій участіе въ Амурской ученой экспедиціи.

писки о религіи г. Циммермана, которыя, съ позволенія сочинителя, я желалъ бы имѣть у себя. Великій Князь обѣщаль доставить ихъ мнѣ (что и послѣдовало) и притомъ изволилъ объявить, что сегодня представить меня Ея Высочеству. Но ожиданіе этотъ разъ было тщетное; пріѣздъ Баварскаго короля воспрепятствовалъ представленію. Въ слѣдующій день, назначенъ былъ молебень въ путь шествующимъ. Священно-служеніе должно было совершить мнѣ; при молитвѣ присутствовала и Ея Высочество. Послѣ креста и окропленія св. водою всѣхъ нашихъ русскихъ, графъ Орловъ сказалъ мнѣ, чтобы я отложилъ крестъ и вышелъ изъ алтаря для представленія; я сказалъ Ея Высочеству краткое привѣтствіе, принося ей усердѣйшее поздравленіе съ благополучнымъ началіемъ столь важнаго дѣла, и вмѣстѣ прося Всевышняго ко благу столькихъ милліоновъ благословить союзъ сей всякимъ благословеніемъ небеснымъ. Принцесса изволила благодарить меня, и сдѣлать мнѣ нѣсколько вопросовъ, напримѣръ, давно ли я въ Германіи и пр. Сцена была непродолжительна, но Ея Высочество была растрогана почти до слезъ. Это обратило вниманіе всѣхъ на Принцессу и на меня. Наши го-спода спросили меня, что я говорилъ Ея Высочеству, я повторилъ имъ сказанное за нѣсколько минутъ передъ симъ. На другой день, г. Жуковскій, не бывшій въ церкви, увидѣвшись со мною, изъявилъ свое сожалѣніе, что не былъ при упомянутой сценѣ. Въ этотъ день надобно было разстаться Великому Князю съ своею достойно обожаемою невѣстою, а намъ съ Ихъ Императорскими Высочествами. Поутру я пошелъ было къ графу Орлову, спросить, нужно ли мнѣ быть при разлукѣ; на дорогѣ встрѣтилъ меня князь Долгорукій и сказалъ, что это нужно. Въ назначенное время пришедши во дворецъ, сначала не видалъ я никого изъ нашихъ, и сталъ пробираться туда-гдѣ больше было людей. Я очутился въ большой залѣ, гдѣ было множество дамъ и кавалеровъ, собравшихся проститься съ Ихъ Императорскими Высочествами. Я раскланялся по надлежащему и сталъ выбирать себѣ мѣсто; тутъ явились генералъ Кавелинъ и г. Жуковскій, которые сказали мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ; за ними подошла ко мнѣ одна дама и начала говорить со мною. Я хвалилъ ей Россію, а она утверждала, что это происходитъ изъ особеннаго патриотизма; я доказывалъ ей фактами. Другіе примѣтили, что у насъ споръ не на шутку, начали подходить ко мнѣ и говорить со мною. Многіе спрашивали о нашей религіи; я обращалъ вниманіе ихъ на такіе пункты, которые одинаковы съ протестантскими, что имъ нравилось тѣмъ болѣе, что они предварительно расположены были въ мою пользу г. Циммерманомъ. Наконецъ, вышла Принцесса и начала прощаться съ Ея соотечественниками; я поклонился Ей сначала въ нѣкоторомъ удаленіи, а потомъ, когда пришла моя очередь, подошелъ къ рукѣ Ея Высочества. Великій князь увидѣлъ меня издали, и черезъ головы многихъ началъ кланяться, потомъ, подошедши ко мнѣ, изволилъ сказать: «я прощался съ вами» (мнѣ невозможно было прежде подойти къ Князю); я поцѣловалъ руку Его Высочества и пожелалъ Ему счастливаго пути. Въ то же время Великій Князь представилъ меня великому герцогу. Когда высочайшія особы оставили дворецъ, который онѣ оживляли своимъ присутствіемъ, я пошелъ внизъ и вмѣстѣ съ другими зашелъ къ графу Орлову. Сюда пришелъ также принцъ Эмиль, второй братъ Ея Высочества. Графъ представилъ меня ему; принцъ выразилъ свое удовольствіе, что жребій призванія къ настоящему служенію палъ именно на меня. Послѣ обѣда я отправился во Франкфуртъ на Майнѣ,

гдѣ теперь пребываю. Вотъ похождения мои, дражайшая маменька! Уроки мои въ законѣ Божіемъ начнутся въ Эмсѣ, черезъ три недѣли, ежели не случится какой перемѣны по отношенію прибытія туда же Ея Императорскаго Высочества. Долгомъ почитаю извѣстить Васъ, дражайшая маменька, что я буду имѣть счастье преподавать православную религію такой особѣ, для которой недовольно бросить только легкій взглядъ на религію и описать ее только въ нѣкоторыхъ главныхъ очеркахъ. Зная, сколь желательно теперь для всякаго русскаго услышать что-нибудь о нареченной невѣстѣ обожаемаго Наслѣдника Всероссійскаго престола, я взялъ бы смѣлость представить Вамъ нѣкоторыя черты превосходной души Ея Высочества, но увѣренъ, что многое уже Вамъ извѣстно, и что мои извѣстія всегда будутъ недостаточны изобразить сію цвѣтущую небесную юность, развивающуюся въ необыкновенныхъ качествахъ ума и сердца. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать. Мы должны благодарить Всеблагаго, вложившаго сію мысль въ сердце Его Императорскаго Высочества. Прошу Васъ, дражайшая маменька, молить Бога о ниспосланіи мнѣ Его небесной помощи въ настоящемъ служеніи, котораго по моимъ силамъ не можетъ быть для меня ничего важнѣе».

Сообщено П. Я. Виноградскимъ.

С М Ъ С Ъ.

ОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСѢДАНІЕ СЛАВЯНСКАГО ОБЩЕСТВА состоялось 25-го ноября, подъ предѣдательствомъ гр.Игнатьева. Предѣдатель сообщилъ собранію о присужденіи кирилло-меоодіевскихъ премій (1,500 р. и 500 р.) за сочиненіе по предмету славянства. Первымъ срокомъ подачи сочиненій было назначено 11-е мая 1888 года, но къ этому сроку не было представлено ни одной рукописи. Тогда программа была нѣсколько расширена и 21-го мая 1890 г. было представлено три сочиненія, переданныя на разсмотрѣніе проф. В. И. Лапанскому, который далъ о нихъ отзывы.

Первое сочиненіе не удовлетворяетъ программѣ, второе, написанное лицомъ, очевидно, глубоко образованнымъ и начитаннымъ, пропагандировало единеніе славянства съ папою и, уже въ силу этого, признано неудовлетворительнымъ. Третье сочиненіе подъ греческимъ девизомъ, подъ заглавіемъ: «Объ образованіи общихъ языковъ древней и новой Европы» признано удовлетворяющимъ всемъ требованіямъ и условіямъ конкурса и потому совѣтомъ Общества автору присуждена премія въ 1,500 руб. Общее собраніе утвердило это рѣшеніе громкими рукоплесканіями. Тогда гр. Игнатьевъ публично вскрылъ запечатанный конвертъ и громко прочелъ имя автора: «профессоръ Варшавскаго университета Антонъ Семеновичъ Будиловичъ». Все собраніе отвѣчало дружными рукоплесканіями. По порученію предѣдателя, секретарь Общества познакомилъ присутствующихъ съ отрывкомъ изъ этой книги.

Затѣмъ гр. Игнатьевъ довелъ до свѣдѣнія собранія, что на настоящемъ засѣданіи находится бывший сербскій министръ народнаго просвѣщенія, а нынѣ членъ государственнаго совѣта, Стоянъ Бошковиць. Онъ былъ встрѣченъ съ большимъ энтузіазмомъ и молча благодарилъ публику поклонами. Далѣе гр. Игнатьевъ предложилъ избрать въ почетные члены Общества двухъ недавнихъ юбиляровъ — А. Ѳ. Бычкова и М. О. Кояловича и этимъ выразить уваженіе къ ихъ плодотворной полувѣковой дѣятельности. Предложеніе было принято. Кромѣ того, въ этомъ же засѣданіи избрано еще нѣсколько членовъ и министръ-президентъ Черногоріи Аргиропуло. Въ пользу

Черногоріи и другихъ голодающихъ славянскихъ земель по 25-е ноября поступило 60,428 р. 62 к. Изъ нихъ отослано 59,000. Въ отвѣтъ на это получены благодарственные письма отъ митрополитовъ черногорскаго Митрофана и сербскаго Михаила, извѣщающія, что собственно въ Черногоріи бѣда миновала, но въ Сербіи черногорскіе выходцы будутъ еще нѣкоторое время нуждаться въ хлѣбѣ. Стоянь Бошковицъ благодарилъ собраніе въ самыхъ искреннихъ и теплыхъ выраженіяхъ. Изобразивъ въ короткихъ чертахъ исторію событій въ Сербіи и вообще на Балканскомъ полуостровѣ со времени возстанія Герцеговины, онъ искренно благодарилъ Россію за ея вседашнюю безкорыстную помощь славянамъ и закончилъ словами: «Слава императору Александру III, братскому русскому народу и объединителямъ славянства». Слова эти были покрыты восторженными рукоплесканіями. Затѣмъ профессоръ духовной академіи И. С. Пальмовъ прочелъ съ кафедръ рѣчь на тему: «Патріархъ Фотій и его отношеніе къ современному ему славянству». Въ виду приближающагося въ 1891 г. тысячелѣтія со времени кончины (6-го февраля 891 г.) константинопольскаго патріарха Фотія, лекторъ указалъ на важность этого обстоятельства для славянъ и остановился главнымъ образомъ на выясненіи тѣхъ историческихъ отношеній, какія существовали между Фотіемъ съ одной стороны и славянами—съ другой. Прежде всего Фотій былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ личности и апостольскому дѣлу первосвятителей славянскихъ; такъ съ однимъ изъ нихъ, Кирилломъ, онъ завязалъ тѣсныя связи еще съ ученической скамьи и сохранялъ ихъ до самой смерти. Вѣроятно и Меодій былъ близокъ къ Фотію. Фотію обязанъ былъ и болгарскій князь Борисъ (852—888) своимъ обращеніемъ въ христіанство. Кромѣ того, Фотій имѣлъ отношеніе и къ обращенію нашей Руси въ христіанство; наконецъ и хорваты служили предметомъ заботливости патріарха.

По окончаніи чтенія, хоръ исполнилъ нотное «Киріе элейсонъ» и затѣмъ членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, И. П. Хрущовъ, прочелъ свою, еще нигдѣ не напечатанную, поэму въ стихахъ: «Стародавняя пора». На ней публика, вообще уставшая за длинный вечеръ, замѣтно отдохнула. Собраніе закончилось хвалебнымъ гимномъ св. Владиміру. Изъ всѣхъ пьесъ, исполненныхъ хоромъ Архангельскаго, особенно понравилась и былъ повторенъ по требованію публики сербскій маршъ «Война труба».

Статуя для памятника графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому. Комиссія по сооруженію памятника гр. Муравьеву-Амурскому, въ составѣ товарища министра народнаго просвѣщенія, князя С. М. Волконскаго, бывшаго участникомъ присоединенія Амурскаго края, генералъ-лейтенанта Д. Г. Анучина, академика М. П. Боткина, профессора живописи Н. А. Кошелева, осмотрѣла и приняла колоссальную статую графа, отлитую по модели академика А. М. Опекушина въ мастерской г. Гаврилова. Фигура поражаетъ своею жизненностью и энергіею. Графъ изображенъ стоящимъ на скалѣ и взглядывающимся въ широкую даль, открывающуюся передъ нимъ. Лицо отличается замѣчательнымъ сходствомъ. Художнику-скульптору, работавшему по портрету, удалось схватить и передать выраженіе спокойной рѣшимости, бывшее характернымъ у государственнаго дѣятеля, энергію, трудъ и настойчивости котораго Россія обязана приобрѣтеніемъ обширнаго и богатаго края. Отливка статуи выполнена чрезвычайно удачно и вполне художественно. По размѣрамъ, статуя графа едва ли не самая колоссальная изъ выполненныхъ въ Россіи за послѣднія 30 лѣтъ. Она имѣетъ въ вышину 7 аршинъ (фигура императрицы Екатерины II, на памятникѣ въ Александринскомъ скверѣ, всего около 5 аршинъ) и вѣситъ до 300 пудовъ. При отливкѣ ея практиковались приемы, еще не употребившіеся въ Россіи. Съ этими приемами г. Гавриловъ ознакомился въ Парижѣ. Нужно удивляться, какъ могла быть

выполнена подобная работа въ крошечной литейной г. Гаврилова. Памятникъ будетъ поставленъ въ городѣ Хабаровскѣ, на высокой скалѣ. Его предполагается отправить черезъ Одессу во Владивостокъ, на пароходѣ добровольнаго флота, управление котораго отказалось отъ всякой платы за перевозку памятника. Изъ Владивостока статуя будетъ перевезена сухимъ путемъ до Камня-Рыболова, а оттуда на пароходѣ по рѣкамъ Усури и Амуру въ Хабаровку, хотя весьма желательно, чтобы памятникъ вполнѣ уже былъ готовъ къ открытію навигаціи.

Историческое Общество. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій этого общества А. М. Ону очертили историческое значеніе австрійскаго императора Іосифа II. До сихъ поръ дѣятельность Іосифа II разбиралась историками безъ связи съ предшествующею его царствованію дѣятельностью Маріи-Терезіи. Докладчикъ старался объяснить, съ своей стороны, освобожденіе крестьянъ и законоположенія о вѣротерпимости, какъ результатъ, подготовленный въ царствованіе Маріи-Терезіи. Іосифъ II сдѣлалъ то, что было уже ранѣе подготовлено. Такъ, Марія-Терезія въ 1772 г. заявила, что ее удерживаетъ на престолѣ желаніе освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Она объяснила свое бездѣйствіе въ этомъ отношеніи тѣмъ, что будто бы Іосифъ II не желаетъ этого освобожденія. Вступилъ на престолъ Іосифъ, начались крестьянскія возмущенія, и крестьяне были освобождены отъ власти помѣщиковъ. Законоположеніе о вѣротерпимости, по словамъ докладчика, тоже подготовлено при Маріи-Терезіи. Изъ особенностей царствованія Іосифа II, А. М. Ону подробно отмѣтили свободу печати. Императоръ желалъ знать, что дѣлается въ его государствѣ, помимо донесеній чиновниковъ, поэтому періодической печати была предоставлена широкая свобода. Цензура существовала только для крупныхъ изданій. Особенная строгость примѣнялась къ историческимъ сочиненіямъ. Абсолютной свободы печати при Іосифѣ II не было. Другая особенность царствованія заключалась въ упраздненіи многихъ монастырей. Въ 1786 г. австрійское правительство нуждалось въ средствахъ для увеличенія числа священниковъ. Монастырское имущество и помогло правительству. Народъ и бѣлое духовенство благословляли императора, дворянство же относилось къ дѣятельности Іосифа II не сочувственно. Бюрократическое устройство государства особенно не нравилось феодаламъ. Императору были нужны энергичные чиновники, феодалы не могли быть ими, и Іосифъ II предпочелъ феодаламъ разночинцевъ. Не любило Іосифа также черное духовенство и представители римской курии, Г. Ону обрисовалъ императора, какъ самобытнаго философа, примѣнявшаго свои философскія убѣжденія въ управленіи государствомъ. Докладъ возбудилъ оживленныя пренія. Н. И. Карѣевъ замѣтилъ, что г. Ону не выяснилъ отвлеченную идею государства, которая руководила почти всѣми дѣйствіями австрійскаго императора. Эта идея заключала въ себѣ равенство всѣхъ сословій и подчиненіе церкви государству.

Археологическое Общество. Въ засѣданіи восточнаго отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества подъ предѣлательствомъ барона В. Р. Розена, С. О. Ольденбургъ сдѣлалъ сообщеніе «о персидскихъ версіяхъ книги семи мудрецовъ». Докладчикъ въ своихъ изслѣдованіяхъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на тѣхъ восточныхъ повѣстьяхъ, которыя, съ одной стороны, проникли въ европейскую литературу среднихъ вѣковъ (въ томъ числѣ и въ славяно-русскую письменность), съ другой же стороны по содержанію могутъ быть возведены къ своему первоисточнику на почвѣ индійской словесности. Сюда относятся «Калила и Димна» и «Повѣсть семи мудрецовъ». По изысканію докладчика, изслѣдуемый имъ памятникъ находитъ для себя вышесказанный первоисточникъ въ видѣ цѣлаго ряда отдѣльныхъ рассказовъ, объединенныхъ впоследствии повѣствовательнымъ приѣмомъ, нашедшимъ полное примѣненіе въ знаменитомъ арабскомъ сборникѣ «Тысяча и

«Истор. вѣстн.», январь, 1891 г. т. XLII.

одна ночь». Но при выясненіи всѣхъ сюжетовъ вмѣстѣ и каждаго въ отдельности, изслѣдователю важны послѣдовательныя стадіи въ развитіи повѣсти и, съ этой точки зрѣнія, докладчикъ и разобралъ остановившія его вниманіе персидскія версіи «Книги семи мудрецовъ»—стихотворную (XIV в.) и прозаическую (XIII в.). Въ связи съ вышеизложеннымъ сообщеніемъ, баронъ В. Р. Розенъ, пользуясь данными арабскаго историка Мараги (XI в. нашей эры), поставилъ вопросъ о сходствѣ Калилы и Димны съ поэмой Фирдуси Шахъ-Наме и о роли сирійско-несторіанскихъ вліяній въ дѣлѣ перхода сюжетовъ изъ Индіи въ Персію. По тому же вопросу о восточныхъ повѣстяхъ баронъ В. Р. Розенъ указалъ на только-что вышедшій въ Бейрутѣ трудъ патера Сальгани, относящійся къ сюжетамъ «Тысячи и одной ночи». Сдѣлано было также сообщеніе В. А. Жуковскимъ—«О древностяхъ Закаспійскаго края». Минувшимъ лѣтомъ, В. А. Жуковский, по порученію Археологической Комиссіи, не ограничиваясь осмотромъ мервскихъ развалинъ, проѣхалъ вплоть до афганской границы, встрѣчая вездѣ развалины каменныхъ сооружений, а на одной изъ остановокъ (станція Мамъ-баба) осмотрѣлъ хорошо сохранившійся мавзолей, замѣчательный по красотѣ наружной облицовки, представляющей причудливый орнаментъ. Съ каждымъ изъ этихъ памятниковъ старины связаны легенды, тщательно записанныя изслѣдователемъ. Большинство изъ нихъ оказывается легендами литературнаго происхожденія. Для полноты обзора памятниковъ одного рода и стиля, В. А. Жуковский побывалъ и на персидской территоріи, въ Мешхедѣ, гдѣ, между прочимъ, посѣтилъ могилу персидскаго поэта Фирдуси, которую, по преданію, указываютъ среди развалинъ города Туса. Въ недавнее время персидскимъ правительствомъ предпринято возстановленіе надгробія поэта, но, за смертью правителя области, дѣло это остановилось. Относительно древнихъ развалинъ въ предѣлахъ русской территоріи, докладчикъ указываетъ на крайне небрежное обращеніе съ этими памятниками. Въ большинствѣ случаевъ цѣлыя зданія «разбираются», и получаемый такимъ образомъ кирпичъ идетъ на постройку временныхъ казармъ. Одновременно съ этимъ идетъ и расхищеніе интересныхъ въ археологическомъ отношеніи лапидарныхъ обломковъ. Даже знаменитый мавзолей Тамерлана въ Самаркандѣ не охраненъ отъ разрушенія, и особенно пострадала нефритовая доска съ надписью; кусочки нефрита продаются, какъ амулеты. Въ томъ же засѣданіи В. В. Радловъ представилъ сдѣланный имъ переводъ уйгурской надписи на одномъ изъ камней, привезенныхъ Н. М. Ядринцевымъ изъ его каракорумской экспедиціи и представленныхъ въ распоряженіе археологической комиссіи. Читеніе этой уйгурской надписи второй половины VIII вѣка даетъ древнѣйшій образецъ тюркскаго языка, и было бы желательно продолженіе археологическихъ изслѣдованій въ этой части Монголіи, гдѣ найдены вышеупомянутые камни.

Въ общемъ собраніи Общества, подъ предѣлательствомъ А. Ѳ. Вычкова, прочтенъ былъ С. В. Арсеньевымъ рефератъ «о древностяхъ острова Готландъ». Сдѣлавъ историческій очеркъ судьбъ острова Готландъ, докладчикъ представилъ обзоръ уцѣлѣвшихъ здѣсь, главнымъ образомъ, въ городѣ Визби, развалинъ, имѣющихъ серьезное историко-археологическое значеніе. Стѣны и башни города Визби, по историческимъ свидѣтельствамъ, относятся къ концу XIII вѣка и представляютъ характерныя черты романскаго стиля. Съ развалинами нѣсколькихъ церквей связаны различныя преданія, изъ которыхъ многія еще въ XVII вѣкѣ записаны уроженцемъ Готландъ пасторомъ Стрѣловымъ въ его «Хроникѣ». На планѣ того же времени означена русская улица и русская церковь. Готландъ служилъ важнымъ торговымъ пунктомъ, и новгородцы постоянно его посѣщали. На Готландѣ 96 церквей; изъ нихъ 21 составляютъ каменные сооружения XII вѣка, украшенныя скульптурнымъ орнаментомъ, барельефами съ содержаніемъ изъ священной исторіи. Внутренность многихъ храмовъ была росписана фресками, прикры-

тими въ настоящее время штукатуркой. Между прочимъ, докладчикъ видѣлъ здѣсь символическія изображенія Азіи, Африки и Европы. На Готландѣ въ свое время найдено было много монетъ восточныхъ, англо-саксонскихъ и русскихъ (между прочимъ «Ярославле сребро»), составляющихъ теперь государственныя коллекціи Швеціи.

Петровское Общество изслѣдователей Астраханскаго края въ 1888 г. Недавно Петровское Общество опубликовало свой отчетъ за 1888 г. На основаніи отчета, а также «Протоколовъ» Общества за это же время, дѣятельность его представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ отчетномъ году имъ были изданы «Протоколы съ 4-го октября 1874 по 31-е декабря 1887 г.», «Протоколы за январь — апрѣль 1888 г.», «Программа для собиранія археологическихъ, нумизматическихъ, историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній по Астраханскому краю», «Списокъ книгъ, принадлежащихъ Петровскому Обществу» и «Новый уставъ Общества». Въ 1888 г. Петровское Общество имѣло: общихъ собраній и собраній совѣта—9, собраній историко-этнографической секціи—2 и естественно-исторической секціи—11. Еще въ 1887 г. возбуждено было ходатайство предъ мѣстными правительственными учрежденіями о допущеніи членовъ Общества къ занятіямъ въ архивахъ; но разсмотрѣніе и разработка архивныхъ дѣлъ не могли идти успѣшно, такъ какъ занятія въ архивахъ разрѣшены были только въ утренніе часы. Благодаря новому ходатайству, членамъ Общества подъ ихъ личную отвѣтственность выдаются (изъ Губернскаго Правленія) по 2—3 дѣла заразъ на домъ. Въ устройствѣ музея на помощь Обществу пришелъ мѣстный Статистическій комитетъ, предложившій уступить свои коллекціи Петровскому Обществу съ тѣмъ, чтобы онѣ не отчуждались въ третьи руки безъ согласія комитета. Небольшое помѣщеніе для бібліотеки и музея уступила городская дума. На двухъ засѣданіяхъ историко-этнографической секціи прочитаны рефераты: г. Житецкаго «Къ археологіи калмыцкой степи» и г. Новолѣтова «Объ административныхъ границахъ Астраханскаго края и о начальникахъ, управлявшихъ этимъ краемъ со времени присоединенія его къ Россіи», а также часть отчета объ экскурсіи г. Малиновскаго въ Селитряное городище. Въ этомъ же году предположено было еще нѣсколько экскурсій, которыя впрочемъ, не состоялись. На 11 засѣданіяхъ естественно-исторической секціи Общества было сдѣлано 14 сообщеній гг. Виноградовымъ, Пацукевичемъ, Шперкомъ, Мюллеромъ, Аршиновымъ и Сергѣевымъ. Кромѣ рефератовъ и преній по поводу ихъ, на засѣданіяхъ естественно-исторической секціи обсуждались вопросы объ изученіи мѣстной фауны, прочитывались и излагались изустно новости, касающіяся предметовъ зачатій секціи. Нѣкоторые члены занимались составленіемъ списковъ сочиненій объ Астрахани и извлеченій изъ нихъ (для будущаго описанія Астраханскаго края въ естественно историческомъ отношеніи), а также коллективированіемъ для будущаго музея. Научныя экскурсіи были совершены гг. Сергѣевымъ, Шалевичемъ и Аршиновымъ (последнимъ на пособіе отъ Общества). Библіотека Общества значительно пополнилась: къ 1-му января числилось 298 названій (изъ нихъ относящихся къ Астраханскому краю 121) въ 759 томахъ; поступило въ отчетномъ году 395 названій (въ томъ числѣ имѣющіе отношеніе къ Астраханскому краю) въ количествѣ 646 томовъ. Всѣ поступившія въ отчетномъ году книги и брошюры составляютъ почти исключительно пожертвованія ученыхъ учреждений и отдѣльныхъ лицъ. Денежная часть находится въ удовлетворительномъ состояніи (приходъ—1,023 руб., расходъ—692 руб. и остатка отъ прежнихъ лѣтъ—1,020 руб.). Число членовъ Общества въ 1888 г. возросло до 119. 17 го сентября былъ утвержденъ новый уставъ Общества, который въ концѣ года и введенъ въ дѣйствіе. Что касается печатанія рефератовъ, то только весьма немногіе изъ нихъ появляются въ изданіяхъ Общества въ видѣ приложеній къ «Протоколамъ»;

большинство же рефератовъ только называются или излагаются вкратцѣ. Въ приложеніи къ «Протоколамъ за май—декабрь 1888 г.» напечатанъ новый уставъ Общества, а къ отчету приложенъ списокъ брошюръ и періодическихъ изданій, поступившихъ въ отчетномъ году въ его бібліотеку.

Тридцатипятилѣтіе ученой дѣятельности М. О. Кояловича. 6-го ноября, праздновался тридцатипятилѣтній юбилей Михаила Осиповича Кояловича, заслуженнаго профессора Петербургской духовной академіи, извѣстнаго публициста, патріота, принимавшаго дѣятельное участіе въ разъясненіи вопросовъ по отношеніямъ Западнаго края къ нашему государству. М. О. большой знатокъ униатскаго вопроса, авторъ цѣлага ряда историческихъ работъ, бывший сотрудникъ «Дня» И. С. Аксакова и замѣчательный ораторъ. Онъ родился въ 1828 г. въ мѣстечкѣ Кучинцѣ, Гродненской губерніи, Сокольскаго уѣзда, гдѣ отецъ его былъ сельскимъ священникомъ. Въ 1841 г. М. О. поступилъ въ супрасльское духовное училище, по окончаніи курса учился въ литовской духовной семинаріи, гдѣ пробылъ съ 1845 по 1851 г. и, кончивъ курсъ первымъ ученикомъ, былъ посланъ на казенный счетъ въ Петербургскую духовную академію. Выйдя изъ нея въ числѣ первыхъ магистровъ въ 1855 г., онъ былъ преподавателемъ сперва рижской, а затѣмъ петербургской семинаріи. Съ открытіемъ въ духовной академіи каведры сравнительнаго богословія и раскола, онъ получилъ эту каведру въ 1856 г., а затѣмъ перешелъ на каведру русской исторіи, занимаемую имъ и понынѣ. Ученостратурная его дѣятельность началась съ 1858 г., когда онъ сталъ сотрудничать въ «Христіанскомъ Читеніи», гдѣ былъ помѣщенъ большой его разборъ сочиненія Вердье о началѣ католичества въ Россіи. Въ 1859 г. вышелъ первый томъ его изслѣдованія «Литовская церковная унія», которое обратило на себя вниманіе специалистовъ. «Независящія» обстоятельства заставили его отложить печатаніе 2-го тома этого изслѣдованія, и онъ могъ появиться лишь въ 1862 г., по смерти тогдашняго митрополита петербургскаго Григорія. Приближалась польская смута, и М. О. пришлось выступить въ литературѣ въ качествѣ усерднѣйшаго публициста и защитника русской народности въ Западномъ краѣ. И. С. Аксаковъ пригласилъ его участвовать тогда въ «Днѣ», гдѣ онъ помѣстилъ много замѣчательныхъ статей, сотрудничая также въ «Русскомъ Инвалидѣ», когда эта газета имѣла прекрасный литературный отдѣлъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, М. О. прочелъ въ Петербургѣ цѣлый рядъ лекцій о западной Россіи. Особенное вниманіе возбудили здѣсь и произвели впечатлѣніе его статьи о люблинской уніи, или послѣднемъ соединеніи литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ на люблинскомъ сеймѣ 1569 года, печатавшіяся въ «Днѣ», въ которыхъ онъ раскрылъ страшныя насилія, производившіяся поляками надъ представителями Литвы, на сеймѣ. Въ 1884 г. онъ издалъ большой трудъ свой — «Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ». М. О. писалъ по разнообразнымъ вопросамъ науки и жизни и сотрудничалъ, кромѣ упомянутыхъ изданій, въ «Днѣ», «Москвѣ», «Руси», «Церковномъ Вѣстникѣ», «Христіанскомъ Читеніи», «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и проч. Какъ членъ археографической комиссіи, онъ, по ея порученію, издалъ сборникъ документовъ, объясняющихъ исторію западной Россіи, «Люблинскій Дневникъ», два выпуска «Великихъ Макарьевскихъ Четы-Миней» и проч. Въ 1880 — 1884 гг. онъ обратилъ на себя вниманіе рѣчами, произнесенными имъ въ духовной академіи и въ Славянскомъ Обществѣ — «Три подъема русскаго народнаго духа въ смутныя времена», «Историческая живучесть русскаго народа» и «Грюнвальденская битва 1410 г.». Въ послѣднее время онъ притовлялъ къ изданію замѣчательную коллекцію тайныхъ писемъ іезуитовъ о Россіи петровскаго времени.

Тридцатипятилѣтній юбилей артистической и литературной дѣятельности И. Ѡ. Горбунова. 16-го ноября, исполнилось 35 лѣтъ артистической дѣятельности Ивана

Ододоровича Горбунова. Вперше онъ выступивъ на сценѣ въ Москвѣ, на домашнемъ спектаклѣ у г-жи Пановой, гдѣ игралъ полового въ пьесѣ «Не въ свои сани не садись», причемъ А. Н. Островскій игралъ Маломальскаго. Случилось это 16-го ноября 1853 г. Ровно годъ послѣ этого, тоже 16-го ноября, Горбуновъ дебютировалъ въ московскомъ Маломъ театрѣ, на бенефисѣ Садовскаго, въ комедіи Владыкина «Образованность», въ которой игралъ купеческаго сына. Еще черезъ годъ, а именно 16-го же ноября 1855 года, состоялся дебютъ И. О. Горбунова въ Петербургѣ, въ Александринскомъ театрѣ: давали сцену Стаховича «Ночное»; дебютантъ исполнялъ роль па-стуха. День 16-го ноября, такимъ образомъ, игралъ не малую роль въ артистической дѣятельности И. О. Горбунова. Съ 16-го ноября 1855 года исполнилось ровно 35 лѣтъ, въ теченіе которыхъ Горбуновъ неустанно, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, служилъ родному искусству. Перечислить всѣ пьесы, въ которыхъ игралъ Горбуновъ, трудно; достаточно сказать, что почти нѣтъ той народной или бытовой пьесы, въ которой въ свое время онъ не принималъ бы участія. Въ репертуарѣ Островскаго онъ былъ свой человѣкъ, причемъ особенно нравился публикѣ въ роляхъ Аѳони въ «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ» и Кудряша въ «Грозѣ». Но особеннымъ успѣхомъ пользовались и пользуются у публики бытовые и юмористическіе рассказы И. О. Горбунова, изъ которыхъ, на память, мы назовемъ: «Сцена у квартальнаго надзирателя», «Пѣсня на большой дорогѣ», «Воздушный шаръ», «Лѣсъ», «Затменіе солнца», «Постоялый дворъ», «Не въ деньгахъ счастье», «Общее собраніе общества прикосновенія къ чужой собственности» и, наконецъ, юмористическую эпопею генерала Дитятина, поочередно являющагося инженеромъ, врачомъ, помѣщикомъ и т. д. «Сцена у квартальнаго надзирателя» была первымъ рассказомъ И. О. Горбунова. Оцѣнивать эти рассказы, давно уже по достоинству оцѣненные публикой, излишне; наблюдательность и юморъ, которыми они отличаются, всѣмъ извѣстны. Въ своемъ жанрѣ Горбуновъ создалъ, можно сказать, цѣлую школу и породилъ множество подражателей, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ неудачныхъ, такъ что, какъ прежде такъ и теперь, Горбуновъ остается въ своемъ родѣ единственнымъ и незамѣнимымъ. Щедрость на свой талантъ у него изумительная, чисто русская, свойственная широкой русской натурѣ. Своимъ талантомъ онъ соритъ, не считая: въ театрѣ, товарищескомъ кругу, холостой компаніи, на вечерѣ у знакомыхъ, при встрѣчѣ на улицѣ, въ ресторанѣ, всюду, гдѣ придется и гдѣ найдется у него нѣсколько слушателей. Въ этомъ отношеніи онъ человѣкъ единственный въ своемъ родѣ, почему и популярности его тоже единственная, очень большая, проникающая во всѣ слои столичнаго общества. Онъ дѣйствительно любимецъ публики, въ самомъ точномъ значеніи этого слова, ибо кого же и любить публикѣ, какъ не человѣка, своимъ талантомъ и остроуміемъ заставляющаго ее приходиться въ самое пріятное расположеніе духа.

Горбуновъ не только талантливый актеръ и рассказчикъ, онъ, въ то же время, не лишенный оригинальнаго дарованія литераторъ, хотя эта сторона его дѣятельности въ публикѣ меньше извѣстна. Его первый рассказъ—«Просто случай», былъ помѣщенъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», Краевскаго въ октябрѣ 1855 г., такъ-что и литературной дѣятельности И. О. Горбунова теперь исполнилось тридцать пять лѣтъ. Кромѣ «Отечественныхъ Записокъ», онъ въ разное время писалъ въ «Современникѣ», «Искрѣ», «Общезанимательномъ Вѣстникѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» редакціи Корша, «Новомъ Времени» и «Русской Старинѣ». Въ настоящее время онъ работаетъ надъ большимъ и солиднымъ трудомъ, на половину уже законченнымъ, озаглавленнымъ «Драматическіе дѣятели въ ихъ біографіяхъ съ основанія русскаго театра до нашихъ дней». Въ этомъ сочиненіи будетъ до двухсотъ біографій, составленныхъ по самымъ полнымъ и разнообразнымъ источни-

камъ. Крімъ того, И. О. Горбуновъ состоить членомъ-корреспондентомъ Общества любителей древней письменности.

Учителями и руководителями Горбунова были: Провъ Михайловичъ Садовскій и кружокъ «Москвитянина», въ особенности послѣдній, который осмыслилъ всю дальнѣйшую его дѣятельность. Къ кружку «Москвитянина» принадлежали въ пятидесятыхъ годахъ: Тертій Ивановичъ Филипповъ, Евгений Николаевичъ Эдельсонъ, Борисъ Николаевичъ Алмазовъ, Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ и Александръ Николаевичъ Островскій, съ которымъ И. О. Горбуновъ былъ особенно друженъ. Зародившись въ Москвѣ, ихъ дружба продолжалась и въ Петербургѣ, до самой смерти Островскаго. Живое участіе въ Горбуновѣ принимали также Тургеневъ, Писемскій и князь Владиміръ Федоровичъ Одоевскій, вывозившій Горбунова въ высшій свѣтъ, представившій его великому князю Константину Николаевичу и Еленѣ Павловнѣ. Впослѣдствіи, уже въ семидесятыхъ годахъ, особенно дружилъ съ Горбуновымъ Некрасовъ.

— † 3-го ноября, на 68-мъ году труженической жизни картографъ и писатель, Никита Ивановичъ Зуевъ. Онъ получилъ образованіе въ одной изъ петербургскихъ гимназій и затѣмъ въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ, гдѣ пробылъ съ 1836 по 1844 г. Въ февралѣ 1845 г. онъ былъ опредѣленъ въ архангельскую гимназію учителемъ латинскаго языка, но оставался здѣсь недолго и въ томъ же году перевелся во псковскую гимназію преподавателемъ исторіи. Служа здѣсь, онъ составилъ «Учебную книгу всеобщей исторіи», съ атласомъ, изданную имъ позднѣе, по переходѣ въ 3-ю петербургскую гимназію, въ 1848 г., и выдержавшую до 5-ти изданій. Въ 3-й гимназій онъ преподавалъ латинскій языкъ и словесность до 1853 г., когда перешелъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія чиновникомъ особыхъ порученій. Затѣмъ онъ занялъ съ 1863 г. то же мѣсто въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и занимался редактированіемъ трудовъ центрального статистическаго комитета. Въ послѣдніе годы, кромѣ занимаемой имъ этой должности, онъ состоялъ сверхштатнымъ чиновникомъ при канцеляріи на учрежденіямъ императрицы Маріи. Н. И. Зуевъ составилъ множество учебныхъ руководствъ, пособій и другихъ книгъ, каковы, напримѣръ: «Начертаніе древней географіи и исторіи древнихъ азіатскихъ и африканскихъ государствъ», «Опытъ учебнаго руководства по всеобщей географіи», «Иллюстрированная популярная физическая географія», въ 3-хъ частяхъ, съ богатыми приложеніями; «Азовское море съ его приморскими городами, ихъ жителями, промыслами и торговлею»; «Опытъ учебнаго руководства по географіи Россійской имперіи», выдержавшій нѣсколько изданій. Крімъ того, онъ помѣстилъ много статей естественно-историческаго содержанія, этнографическихъ, по исторіи культуры и другихъ въ «Живописномъ Обзорѣніи», «Нивѣ», «Кругозорѣ» 1873—1877 годахъ. Онъ основалъ также журналы «Живописное Обзорѣніе» и «Сѣверная Звѣзда». Картографическіе труды покойнаго были оцѣнены специалистами и разошлись въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. Несмотря на успѣхъ многихъ его изданій, покойный всегда находился въ далеко неблагоприятныхъ матеріальныхъ условіяхъ: его постоянно эксплуатировали, пользовались его добротой и довѣрчивостью. Отъ этого онъ большую половину жизни нуждался и не выходилъ изъ долговъ. Всѣ сколько-нибудь знавшіе его любили и уважали этого симпатичнаго человека и неутомимаго труженика, скромнаго и благороднаго.

† 13-го ноября, инспекторъ научныхъ классовъ петербургской консерваторіи Николай Александровичъ Лыткинъ. Онъ учился въ одной изъ петербургскихъ гимназій, а затѣмъ окончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ со степенію кандидата историко-филологическихъ наукъ. Н. А. выбралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще. Онъ преподавалъ всеобщую исторію въ 1-й гимназій, а въ 1865 г. былъ приглашенъ преподавать ту же

исторію во всѣхъ классахъ консерваторіи. Вскорѣ онъ занялъ должность инспектора научныхъ классовъ, которую и занималъ до своей кончины. Много труда положилъ покойный на выработку программъ научнаго образованія учащихся въ консерваторіи. По его мнѣнію, учащаяся молодежь, помимо музыкальнаго образованія, должна имѣть и достаточное общее образование. Свое мнѣніе онъ старался осуществить и успѣлъ достичь того, что число научныхъ классовъ увеличено до шести, программа общеобразовательныхъ предметовъ расширилась до гимназической. Въ началѣ своей педагогической дѣятельности Н. А. написалъ рядъ разсказовъ по всеобщей исторіи и помѣстилъ ихъ въ дѣтскихъ журналахъ, нынѣ уже не существующихъ— въ «Подснежникѣ» и «Звѣздочкѣ». Въ экзаменаціонной комиссіи на званіе домашнихъ учителей и учительницъ Лыткинъ состоялъ членомъ ея. Покойный отличался твердымъ и честнымъ характеромъ, никогда не отступался отъ слова, разъ даннаго имъ, и пользовался общимъ уваженіемъ своихъ ученицъ, друзей и знакомыхъ.

† 25-го ноября скоропостижно скончался отъ паралича сердца старшій цензоръ петербургскаго комитета цензуры иностранной Алексѣй Степановичъ Любвиновъ. Онъ родился въ 1829 г. и службу началъ въ комитетѣ иностранной цензуры въ 1853 г. до окончанія имъ курса наукъ въ Петербургскомъ университетѣ по разряду восточной словесности историко-филологическаго факультета. Рѣдкая энергія и трудолюбіе А. С., обширные познанія въ историческихъ и филологическихъ наукахъ, знакомство съ иностранными языками и ихъ литературами обратили на него вниманіе начальства и тѣмъ обезпечили ему быстрое движеніе по службѣ. Въ 1855 г. онъ исправлялъ должность помощника старшаго цензора, а въ 1870 г. назначенъ старшимъ цензоромъ комитета и начальникомъ обширнаго отдѣленія, въ которомъ разсматривались изданія на французскомъ, англійскомъ, итальянскомъ, испанскомъ и португальскомъ языкахъ. Въ теченіе 29 лѣтъ, А. С. успѣвалъ всесторонне слѣдить и за всѣмъ, что появлялось въ русской литературѣ и въ периодической печати, прочитывая массу русскихъ книгъ и журналовъ. Чрезмѣрное напряженіе силъ умственныхъ, а также физическихъ, отразилось на немъ утратою способности видѣть на лѣвый глазъ, съ ослабленіемъ зрѣнія другого глаза до крайней близорукости, а въ послѣдніе 5—7 лѣтъ вызвало неизлечимую болѣзнь сердца, отъ которой онъ и скончался совершенно неожиданно, бывъ еще за 10 часовъ до того на службѣ. Покойный любилъ литературу и жилъ ею. И дома, и на службѣ, приходилось заставить его всегда за чтеніемъ, которому онъ отдавался весь и не только какъ служебное лицо, но какъ человѣкъ преданный литературѣ, цѣнившій и понимавшій великое мѣсто и значеніе ея въ жизни каждаго народа. Покойный и самъ занимался литературою. Его переводы съ англійскаго языка, котораго онъ былъ однимъ изъ первыхъ знатоковъ въ шестидесятыхъ годахъ, Диккенса, Дж. Эліотъ, Коллинса, Бронти и др., помѣщались въ «Отечественныхъ Запискахъ» и другихъ журналахъ и до сихъ поръ остаются лучшими. Въ 70-хъ годахъ онъ велъ политическій отдѣлъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Во все время существованія «Голоса» онъ состоялъ его дѣятельнымъ сотрудникомъ, помѣщая въ немъ обзорѣнія французской, нѣмецкой и англійской литературы. Въ это же время онъ получилъ отъ Каткова приглашеніе работать въ «Моск. Вѣдом.», но отказался по недостатку времени и силъ. А. С. отличался строгою честностью, справедливостью и нелицепріятіемъ къ окружающимъ его. Онъ скончался на 61-мъ году въ полномъ цвѣтѣ умственныхъ силъ.

† Въ Казани, заслуженный ординарный профессоръ Казанской духовной академіи Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ, авторъ «Курса исторіи русской литературы». Покойный высшее образованіе получилъ въ Казанской духовной академіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1848 г. Послѣ успѣшной защиты диссертации

ція на степень магистра онъ былъ приглашенъ читать лекціи въ академіи по кафедрѣ теоріи и всеобщей и русской литературы. Въ 1859 г. утверждёнъ въ званіи экстраординарнаго профессора, черезъ пять лѣтъ—въ званіи ординарнаго. Въ 1873 г. получилъ степень доктора и въ слѣдующемъ году—званіе заслуженнаго ординарнаго профессора. Результатомъ продолжительныхъ занятій Порфирьева по русской литературѣ былъ «Курсъ исторіи русской литературы». Этотъ курсъ выдержалъ нѣсколько изданій и составлялъ въ прежнее время одно изъ лучшихъ руководствъ для высшихъ и старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Удачное обобщеніе частей и систематическое изложеніе дѣлають даже въ настоящее время это руководство необходимою книгою при слушаніи профессорскихъ лекцій по исторіи русской литературы въ университетахъ, лицеяхъ и духовныхъ академіяхъ. Даровитый и трудолюбивый ученый, онъ былъ истинно русскимъ по возрѣніямъ и стремленіямъ.

† Въ Калишѣ протоіерей Вахъ Васильевичъ Гурьевъ, 60-ти лѣтъ, авторъ «Писемъ священника съ похода 1877—1878 годовъ» (напечатанныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а потомъ вышедшихъ отдѣльными изданіемъ) и другихъ сочиненій, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Покойный родился, учился и началъ службу въ Воронежской губерніи; прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Тамбовѣ; во время послѣдней войны съ Турціей былъ военнымъ священникомъ. Въ послѣдніе годы состоялъ настоятелемъ православной церкви въ Калишѣ.

† Въ Москвѣ литераторъ Николай Аполлоновичъ Путята, обладавшій недюжиннымъ талантомъ писателя и переводчика. Работалъ онъ много и съ успѣхомъ, нѣсколько лѣтъ редактировалъ журналы «Мірской толкъ» и «Свѣтъ и тѣни». Свойственная многимъ русскимъ дарованіямъ неумѣренность въ жизни развила у него чахотку, отъ которой онъ и скончался. За послѣдніе десять лѣтъ Путята уже совсѣмъ не могъ работать. Средствъ у него не было никакихъ. Товарищи его, сами люди недостаточные, путемъ печати просили помощи у добрыхъ людей, и эту помощь существовалъ покойный.

† Ноября 30-го покончилъ жизнь свою самоубійствомъ д-ръ Владимиръ Филипповичъ Дьяковский, одинъ изъ первыхъ устроителей въ Петербургѣ гимнастическихъ заведеній и курсовъ для приготоуленія учительскаго персонала гимнастики и массажа. Жизнь и дѣятельность этого педагога-медика заслуживаетъ вполнѣ общественнаго вниманія. Въ Россіи физическое развитіе было всегда въ пренебреженіи и мысли о гармоніи духа и тѣла дѣлають честь тому, кто осуществилъ ихъ на дѣлѣ въ нагляднѣйшихъ и общедоступныхъ формахъ. Послѣ попытокъ въ сороковыхъ годахъ отставнаго шведской службы поручика Дерона ввести въ Россію шведскую гимнастику д-ра Линга, у насъ продолжателемъ этого дѣла былъ д-ръ В. Ф. Дьяковский. Разница, однако, между ними та, что устроивъ въ 1847 г. первое въ Россіи гимнастическое заведеніе, иностранецъ г. Деронъ вскорѣ выхлопоталъ себѣ ежегодную правительственную ссуду въ 10,000 рублей на пять лѣтъ срокомъ, а затѣмъ бросилъ свое заведеніе и уѣхалъ въ Стокгольмъ, какъ только не увѣчались успѣхомъ его дальнѣйшія хлопоты о назначеніи ему, сверхъ жалованья, пенсія за 16-ти-лѣтнюю гимнастическую дѣятельность и единовременной ссуды на покрытие его долговъ. Между тѣмъ д-ръ Дьяковский, потративъ на учрежденіе врачебно-механическаго института въ Петербургѣ около 70,000 рублей, остался безъ всякой помощи, скрывая даже отъ близкихъ ему людей свои крайне разстроенныя обстоятельства преимущественно за послѣднее время. Кто понимаетъ огромную роль гимнастики, какъ дешеваго и общедоступнаго физическаго способа леченія, такъ и предупредительной мѣры отъ заболѣваній, тому ясно будетъ, что д-ръ Дьяковский жилъ не даромъ, оставивъ послѣ себя массу ученицъ и правильно-организованный институтъ. Родился В. Ф. въ Черниговской губерніи, въ мѣстечкѣ Сквиря. Родители его были помѣщики униатскаго вѣроисповѣданія. Учился В. Ф. въ одномъ изъ южныхъ

университетовъ на медицинскомъ факультетѣ; но кончилъ курсъ медицинскаго образованія и защищалъ диссертацию на званіе доктора за границей въ г. Бреславлѣ. Диссертация его о леченіи массажемъ пляски св. Витта пользуется среди специалистовъ заслуженнымъ вниманіемъ. Затѣмъ онъ изучалъ въ Швеціи гигиенически-школьную гимнастику Линга и врачебно-механическую у д-ра Цандера въ Стокгольмѣ. Воодушевленный идеей о необходимости гармоническаго развитія тѣла и духа, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ хлопотать объ учрежденіи гимнастическаго института и добился только того, что казна построила ему зданіе на землѣ, принадлежащей вѣдомству императрицы Маріи, на Казанской улицѣ д. № 3. Выплачивая довольно высокую плату за помѣщеніе въ означенномъ зданіи, В. Ф. открылъ въ 1878 г. приемы больныхъ и преподаваніе курсовъ гимнастики и массажа. Слушательницъ его курсовъ гигиенической гимнастики было уже нѣсколько выпусковъ и, надо полагать, что онѣ докажутъ вообще пользу гимнастики и въ частности гимнастическихъ приѣмовъ д-ра Дьяковскаго, особенно въ отдѣлахъ, которые онъ самостоятельно разработалъ и всегда гордился ими. Это два отдѣла такъ называемыхъ а) дыхательныхъ движеній—и б) движеній съ перемѣщеніемъ центра тяжести тѣла. Такъ какъ при нормальномъ ростѣ костей и мышцъ, мы все-таки должны развивать еще мускульную силу отягощеніями на снарядахъ или борьбою, то д-ръ Дьяковскій, пользуясь тѣмъ, что, вмѣсто снарядовъ, мы имѣемъ отягощенія въ собственномъ тѣлѣ, если передвинемъ его грудью изъ основнаго положенія впередъ или назадъ,—изобрѣлъ специальную и весьма разработанную команду для упражненій съ перемѣщеніемъ центра тяжести тѣла, а также и дыхательныхъ движеній для гимнастики легкихъ. Покойный докторъ часто говорилъ, что эти отдѣлы никѣмъ и нигдѣ такъ не разработаны, какъ у него. Умѣренный въ образѣ жизни и вѣчно занятой, В. Ф. не зналъ усталости, всегда увлекаясь благородными надеждами и предположеніями о будущности гимнастики и своихъ ученицъ, которыми онъ никогда достаточно не могъ нахвалиться. Страстно относясь къ своему дѣлу, онъ думалъ, что введеніе въ Россію гимнастики и устройство врачебно-механическаго института не нуждаются ни въ рекламахъ, ни въ сильныхъ покровителяхъ и правительственныхъ субсидіяхъ, такъ щедро расточаемыхъ въ царствованіе императора Николая Павловича иностранцу-гимнасту Дерону. Онъ думалъ, что и медицинскій міръ, и педагогическій, и все образованное общество, отнесутся сочувственно къ его начинаніямъ, а между тѣмъ врачи платили ему равнодушіемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже враждой. Такое отношеніе специалистовъ къ врачебной гимнастикѣ и массажу сильно огорчало Дьяковскаго и навредило на него уныніе. Что касается общества, то и оно всегда готово предпочесть механическому леченію съ сравнительно высокой платой—ручной массажъ нерѣдко у невѣжественныхъ фельдшеровъ и акушеровъ. Такимъ образомъ, вести предпріятіе оказалось не по силамъ частному лицу и г. Дьяковскій принужденъ былъ выдать на него два пая: одинъ въ 25,000 р. другой—въ 5,000 р., а себѣ оставилъ третій пай на 15,000 р. Заведеніе оцѣнили гораздо менѣе, чѣмъ оно ему стоило, а дальнѣйшіе долги и проценты докончили свое дѣло. Впрочемъ, огорченія и разочарованія не подорвали въ немъ вѣру въ любимое имъ дѣло и наканунѣ своей смерти онъ съ увлеченіемъ читалъ лекціи слушательницамъ о гимнастикѣ и массажѣ. Прямо съ лекціи, онъ послалъ прощальныя письма разнымъ лицамъ и уѣхалъ изъ Петербурга въ Царское Село, гдѣ и застрѣлился. Послѣ него осталась вдова съ сыномъ и дочерью. Теперь является вопросъ о томъ, кто возьметъ институтъ съ долгами на немъ и будетъ продолжать единственное въ Россіи механическое леченіе больныхъ на аппаратахъ Цандера, и весты существующіе уже нѣсколько лѣтъ при институтѣ курсы гимнастики и массажа?

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Письмо въ редакцію.

Въ сентябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», (стр. 705), въ замѣткѣ о моемъ обзорѣ русской литературы за 1889—1890 гг. въ англійскомъ «Athenaeum» напечатаны, между прочимъ, слѣдующія строки:

«Обзоръ начинается, разумѣется, съ неизбежной «Крейцеровой сонаты» и обозрѣватель, рассказавъ ея содержаніе, поучаетъ неизвѣстно кого, графа Толстого или его читателей, настоящимъ взглядамъ на жизнь. «Реальная жизнь,—говоритъ г. Милуковъ,—возможна даже виѣ границъ индивидуальнаго существованія, хотя въ то же время она отрицаетъ послѣднее. Она состоитъ изъ любви и самопожертвованія для блага нашего сосѣда. Ну, а для нашего собственнаго? Мы не станемъ разбирать философію г. Милукова. Онъ убѣжденъ, и не безъ основанія, что въ Россіи много послѣдователей фарисейской системы нравственности».

По поводу цитаты изъ моего обзора, приведенной выше въ кавычкахъ, считаю необходимымъ пояснить, что здѣсь дѣло идетъ не о моей философіи, а о философіи, развиваемой гр. Л. Н. Толстымъ въ его сочиненіи «De la vie», содержаніе котораго здѣсь излагается. Не лишнимъ считаю привести и англійскій текстъ процитированной фразы: «real life is possible even within the limits of individual existence, although it simultaneously denies the letter».

П. Милуковъ.

II.

Въ «Указателѣ личныхъ именъ упоминаемыхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1890 г., приложенномъ къ декабрьской книжкѣ, рецензія книги «Потревоженныя тѣни», подписанная инициалами Н. Л.—въ, ошибочно приписана составителемъ «Указателя» Н. П. Лихачеву; авторъ ея не г. Лихачевъ, а Н. С. Лѣсковъ.

ГРИГОРІЙ ПЕТРОВИЧЪ ДАНИЛЕВСКІЙ.

(Некрологъ).

ЕКАБРЯ 6-го, русская литература понесла новую утрату: въ Петербургѣ скончался одинъ изъ талантливыхъ и плодовитыхъ нашихъ беллетристовъ, болѣе сорока лѣтъ, неустанно трудившійся на литературномъ поприщѣ, Г. П. Данилевскій, бывшій членомъ совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати и главнымъ редакторомъ газеты «Правительственный Вѣстникъ». Покойный былъ извѣстенъ и какъ бытовой и какъ историческій романистъ не только въ Россіи, гдѣ его произведенія выдержали 6 изданій, но и за границей, гдѣ большая часть его сочиненій переведена на языки: французскій, нѣмецкій, польскій, чешскій, сербскій и венгерскій, встрѣтивъ при своемъ явленіи лестные отзывы. Онъ не принадлежалъ къ первостепеннымъ дѣтелямъ русской литературы, но среди второстепенныхъ занималъ одно изъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ. Онъ писалъ во всѣхъ родахъ, участвовалъ во всевозможныхъ періодическихъ изданіяхъ, и если бы собрать всѣ его статьи этнографическія, историко-литературныя, чисто-историческія, педагогическія, его романы, повѣсти, очерки, оригинальныя и переводныя стихотворенія и проч., то составилось бы не мало объемистыхъ томовъ. Литературная дѣятельность покойнаго писателя болѣе сорока лѣтъ шла объ руку съ дѣятельностью служебною.

Г. П. Данилевскій принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, издавна владѣвшему обширными помѣстьями въ южной Россіи, и родился 14-го апрѣля 1829 года, въ с. Даниловкѣ, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ подъ руководствомъ отца и матери, страстно любившей музыку и литературу и вліявшей весьма благотворно въ этомъ отношеніи на сына; дальнѣй-

шее же образованіе Г. П. получилъ въ Москвѣ, въ бывшемъ Дворянскомъ Институтѣ, а высшее—въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, по окончаніи курса въ которомъ со степенью кандидата по камеральному отдѣленію юридическаго факультета, въ 1850 г., поступилъ на службу въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1851 г., 20-го іюня, Г. П. былъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при товарищѣ министра народнаго просвѣщенія. Менѣе чѣмъ черезъ два года послѣ этого, Г. П. Данилевскому, во время его путешествія по губерніямъ Курской, Харьковской и Полтавской, было поручено министромъ народнаго просвѣщенія: собрать, по возможности, свѣдѣнія о древнихъ рукописяхъ и старинныхъ актахъ въ монастыряхъ и городахъ и составить реестры любопытнѣйшихъ изъ означенныхъ актовъ, а также описаніе рукописей историческаго содержанія, или замѣчательныхъ по древности и въ иныхъ отношеніяхъ. Лѣтомъ 1855 года, состоялась другая командировка Г. П. Данилевскаго на 3½ мѣсяца, въ Полтавскую губернію—для осмотра и описанія въ археологическомъ отношеніи мѣстностей гор. Полтавы и ближайшихъ къ нему селеній, ознаменованныхъ событіями эпохи борьбы Петра Великаго съ Карломъ XII, и въ Екатеринославскую губернію—съ цѣлью изслѣдованія архива и осмотра окрестностей гор. Екатеринослава. Съ небольшимъ черезъ полгода по возвращеніи изъ этого путешествія, покойный, по порученію морскаго министерства, одновременно съ Островскимъ, Потѣхинымъ, Писемскимъ, Максимовымъ, Михайловымъ (М. Ил.) и Чужбинскимъ, назначенными въ разныя мѣста, снова отправился въ командировку на югъ Россіи, къ побережьямъ Азовскаго моря и Дона и въ прилежащія губерніи, для описанія быта и промысловъ мѣстныхъ жителей.

Въ 1857 году Г. П. оставилъ службу и поселился въ Харьковской губ., гдѣ, затѣмъ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, несъ различныя общественныя обязанности. Въ этотъ же періодъ времени покойный совершилъ двѣ поѣздки за границу, а также въ Польшу, Вѣлоруссію, Волинь, Подолію, объѣхалъ Волгу, Донъ и Днѣпръ, что дало богатый матеріалъ для будущихъ его произведеній. Проживая въ своемъ родовомъ имѣніи, Г. П. былъ сначала депутатомъ харьковскаго комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ; затѣмъ, по порученію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія Головина, посѣтилъ и описалъ около двухсотъ народныхъ школъ Харьковской губ. Со времени введенія земскихъ учрежденій Г. П. былъ членомъ змѣвскаго училищнаго совѣта, гласнымъ харьковскаго губернскаго земскаго собранія и членомъ харьковской губернской земской управы, завѣдывая народными школами, больницами, пріютами; въ 1867—68 гг. былъ въ Петербургѣ, въ качествѣ одного изъ членовъ депутаціи харьковскаго губернскаго земства, ходатайствовавшей о сооруженіи курско-харьково-азовской желѣзной дороги, служилъ почетнымъ мировымъ судьей Змѣвскаго уѣзда, и проч.

Въ концѣ 60-хъ годовъ, Г. П. Данилевскій оставилъ земскую дѣятельность въ Харьковской губерніи и переселился въ Петербургъ, поступивъ, 25-го января 1869 года, на службу по министерству внут-

ренныхъ дѣлъ, чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ и, затѣмъ, былъ командированъ въ распоряженіе главнаго редактора газеты «Правит. Вѣстникъ». Занимаясь въ редакціи этой газеты, Г. П. устроилъ и велъ почти всѣ тѣ личныя сношенія редакціи съ представителями различныхъ министерствъ и высшихъ вѣдомствъ, посредствомъ которыхъ организовалась и была обеспечена для редакціи непрерывная доставка официальныхъ свѣдѣній по отдѣлу «сообщеній», какъ о болѣе любопытныхъ работахъ министерскихъ департаментовъ и отдѣленій, такъ и о занятіяхъ различныхъ проектныхъ комиссій и комитетовъ. Сверхъ того, по указаніямъ бывшаго тогда главнымъ редакторомъ «Правит. Вѣстника» В. В. Григорьева, Г. П. исполнилъ, на основаніи официальныхъ матеріаловъ нѣкоторыхъ вѣдомствъ, нѣсколько самостоятельныхъ работъ, обратившихъ на себя вниманіе тогдашней періодической печати.

Въ началѣ 1870 года Г. П. былъ назначенъ помощникомъ главнаго редактора. 1-го января 1875 г. Г. П. былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 22-го августа 1881 года назначенъ главнымъ редакторомъ газеты «Правит. Вѣстникъ». Съ небольшимъ черезъ годъ послѣ этого, 5-го ноября 1882 г., Г. П. Данилевскому именнымъ Высочайшимъ указомъ повелѣно быть членомъ совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, съ оставленіемъ въ должности главнаго редактора «Правит. Вѣстника», а въ 1886 году, 13-го апрѣля, покойный произведенъ въ тайные совѣтники.

Какъ редакторъ «Правит. Вѣстника», Г. П. много содѣйствовалъ тому, что литературный и научный отдѣлы этого изданія сдѣлались значительно разностороннѣе: теперь въ нихъ отмѣчаются всѣ существенныя явленія въ области науки, искусства и техники.

Писать въ стихахъ и прозѣ Данилевскій началъ очень рано, еще въ стѣнахъ Дворянскаго Института. Первымъ печатнымъ произведеніемъ его было стихотвореніе «Славянская весна», появившееся въ «Иллюстраціи» 1846 года. Затѣмъ произведенія его начали появляться на страницахъ дѣтскаго журнала А. О. Ишимовой — «Звѣздочка», гдѣ въ 1847 году была напечатана статья «Пещера тигровъ» и стихотвореніе «Брату». Въ 1848 году, уже студентомъ, Данилевскій получилъ серебряную медаль за сочиненіе отъ филологическаго факультета на тему: «О Пушкинѣ и Крыловѣ». По окончаніи университета Данилевскій весьма усердно занимался литературой, но начало его литературной дѣятельности было не особенно удачнымъ: Г. П. писалъ стихи, между тѣмъ, какъ поэзія не была его призваніемъ. Поэма изъ мексиканской жизни «Гвая Лиръ», напечатанная сначала въ «Библ. для чтенія» и вслѣдъ затѣмъ отдѣльною книжкою, лучшими тогдашними журналами была встрѣчена очень не сочувственно; еще болѣе рѣзкимъ отзывамъ подверглись «Крымскія стихотворенія», изданныя въ 1851 г., и появившіяся въ «Пантеонѣ» за 1852 г. стихотворныя произведенія Данилевскаго «Катуль» и «Арабская Касида». Однимъ изъ первыхъ бытовыхъ разсказовъ Г. П., сочувственно встрѣченныхъ критикою, была «Повѣсть о томъ, какъ казакъ побывалъ въ Бахчисараѣ», на-

печатанная въ «Современникѣ» въ концѣ 1852 г. За нею послѣдоваль цѣлый рядъ разказовъ изъ украинскаго быта, собранныхъ впоследствии въ одну книгу и изданныхъ подъ заглавіемъ «Слобожане». Въ этомъ сборникѣ дарованіе молодого писателя обрисовалось со всѣми его характеристическими особенностями. Кромѣ того, Г. П. Данилевскій извѣстенъ и какъ переводчикъ съ украинскаго и иностранныхъ языковъ. Въ пятидесятыхъ же годахъ напечатанъ въ различныхъ современныхъ изданіяхъ рядъ его стихотворныхъ переводовъ изъ Байрона, Шиллера, Лонгфелло, Новалиса, Мицкевича и Шекспира («Король Ричардъ III» и «Цимбелинъ»). Его переводы съ малороссійскаго, собранные впоследствии подъ названіемъ «Украинскія сказки», неоднократно перепечатывались. Въ это же время Г. П. написалъ рядъ фельетоновъ въ газетахъ, критическихъ статей и замѣтокъ о малороссійской литературѣ.

Но общее вниманіе имя А. Скавронскаго (псевдонимъ Г. П. Данилевскаго) обратило на себя въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда въ журналѣ Достоевскаго «Время» появились два его романа «Бѣглые въ Новороссіи» и «Бѣглые воротились». Блестящія картины южной природы, изображеніе всѣхъ мелочей крестьянскаго быта, увлекательный сюжетъ и живой, образный языкъ, — все это сразу сдѣлало имя Г. П. Данилевскаго извѣстнымъ въ публикѣ. Съ тѣхъ поръ всѣ его произведенія и мелкія, и крупныя пользовались солиднымъ успѣхомъ, а нѣкоторые произвели своего рода сенсацию. Это были «Новыя мѣста», романъ, посвященный разоблаченію харьковской исторіи о поддѣльвателяхъ — аристократахъ кредитныхъ билетовъ, и «Мировичъ» — произведеніе, въ которомъ были впервые опубликованы любопытныя данныя изъ дѣла объ Іоаннѣ Антоновичѣ, до тѣхъ поръ составлявшія секретъ для публики. Нельзя также обойти молчаніемъ сборника «Украинская старина», вышедшаго въ свѣтъ въ 1866 году, заключающаго въ себѣ изслѣдованіе о харьковскихъ народныхъ школахъ въ старину и новѣйшее время и біографіи южно-русскихъ дѣятелей: Квитки-Основьяненко, Сковороды и Каразина. Академія Наукъ увѣнчала Данилевскаго за этотъ трудъ Уваровской преміей.

Въ періодъ времени между появленіемъ въ печати повѣсти «Новыя мѣста» и романа «Девятый валъ», Г. П. Данилевскій написалъ свои прелестныя, художественныя разказы изъ украинской жизни предковъ. Это былъ переходъ къ историческимъ романамъ, хотя первая попытка (и весьма удачная) въ историческомъ жанрѣ была сдѣлана авторомъ еще въ 1856 году, когда имъ были написаны два разказа изъ временъ царя Алексѣя Михайловича — «Вечеръ въ теремѣ» и «Первый выпускъ сокола». Послѣ же 1873 года, талантливый романистъ окончательно прощается съ современной жизнью, и съ этого времени непрерывно слѣдуетъ цѣлый рядъ историческихъ романовъ и повѣстей. Историческія произведенія Г. П. Данилевскаго проводятъ передъ читателями въ художественной формѣ почти всю новую исторію новой, интеллигентной Россіи. Авторъ былъ большимъ знатокомъ

XVIII вѣка и, главнымъ образомъ, изъ него черпалъ содержаніе для художественнаго воспроизведенія нашего прошлаго. Таковы его историческіе рассказы и повѣсти—«На Индію при Петрѣ I», «Потемкинъ на Дунай», «Екатерина Великая на Днѣпрѣ», «Уманская рѣзня» (Послѣдніе запорожцы)—изъ эпохи Петра I и Екатерины II; таковы же его большіе романы—«Мировичъ», «Княжна Тараканова» и «Черный годъ» — изъ эпохи Елисаветы Петровны, Петра III и Екатерины II. Началу XIX столѣтія посвященъ романъ «Сожженная Москва» и отрывки изъ романа «Восемьсотъ двадцать пятый годъ» — изъ эпохи Александра I.

Отсылая читателя къ подробной характеристикѣ Г. П. Данилевскаго, сдѣланной уже на страницахъ нашего журнала¹⁾, скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ объ особенностяхъ дарованія и нѣкоторыхъ поучительныхъ приѣмахъ работы покойнаго писателя. Талантъ Данилевскаго идетъ не столько въ глубь, сколько въ ширь, и не останавливается надъ подробнымъ психологическимъ анализомъ чувствъ и мыслей изображаемыхъ лицъ; всё они у него въ движеніи, въ дѣйствіи, и характеризуются не столько разсужденіями, сколько поступками. Если какъ художникъ и рисовальщикъ Г. П. Данилевскій уступить многимъ изъ нашихъ извѣстныхъ беллетристовъ, то какъ рассказчикъ и пейзажистъ онъ хорошъ безъ всякаго сравненія. Рассказъ покойнаго писателя обыкновенно простъ и оживленъ, сплошь интересенъ и подчасъ полонъ тревоги. Манера долго не останавливаться надъ пейзажами, а переплетать ихъ съ нитью разсказа придаетъ много прелести слегка торопливому и порывистому слогу. Какъ бытовой романистъ, Данилевскій отличается, кромѣ того, способностью пріискать интересную канву и любопытную, иногда очень сложную фавбу, которая служитъ автору для развитія основной, общественной идеи, всегда положенной въ его произведеніи. Помимо всѣхъ этихъ достоинствъ, въ романахъ Данилевскаго встрѣчается еще одно цѣнное качество — чувство мѣры, благодаря которому, въ большинствѣ его крупныхъ произведеній дѣйствіе развивается быстро, безъ остановокъ и скачковъ, интересъ овладѣваетъ читателемъ съ первой главы романа, небольшія главы не утомляютъ и всякая сцена подвигаетъ дѣйствіе къ развязкѣ.

Но особеннаго вниманія заслуживаютъ приемы работы въ историческихъ романахъ Г. П. Данилевскаго, каковы «Мировичъ», «Черный годъ», «Княжна Тараканова» и «Сожженная Москва». На всѣхъ этихъ и всѣхъ вообще историческихъ произведеніяхъ покойнаго лежитъ печать многосторонняго и тщательнаго изученія эпохи по источникамъ, которые онъ доставалъ вездѣ и изучалъ съ величайшимъ тщаніемъ. Быть можетъ, ни у кого изъ нашихъ историческихъ романистовъ нѣтъ столько исторической правды, иногда новыхъ фактовъ, имъ самимъ добытыхъ, какъ, напримѣръ, въ лучшемъ романѣ «Ми-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», № 4 (апрѣль) 1890. Статя С. С. Левина (псевдонимъ).

ровичъ», и счастливыхъ догадокъ. Поэтому историческія произведенія Г. П. Данилевскаго пріобрѣтають особое значеніе: въ нихъ выдающійся талантъ беллетриста сливается съ добросовѣстностью историка. Кромѣ того, всѣ четыре большіе романа покойнаго писателя написаны въ видѣ историческихъ семейныхъ хроникъ, первоначальные образцы которыхъ далъ гений Пушкина въ «Капитанской дочкѣ» и «Арапѣ Петра Великаго». Такая реалистическая рисовка историческихъ лицъ и событій сквозь призму бытовыхъ характеровъ и бытовой обстановки немало увеличиваетъ занимательность историческихъ романовъ покойнаго автора.

Литературная дѣятельность Г. П. Данилевскаго не прекращалась до самой предсмертной его болѣзни. Уже болѣе года онъ работалъ надъ большимъ историческимъ романомъ, въ которомъ намѣревался изобразить жизнь и печальную судьбу царевича Алексѣя Петровича сына Петра Великаго. Въ сожалѣнію, этотъ романъ авторъ не успѣлъ кончить.

Покойный писатель, сколько извѣстно, велъ свои мемуары. Обладая широкимъ кругомъ знакомства, по своему положенію главнаго редактора «Правительственнаго Вѣстника», обладая прекрасною памятью, наблюдательностью и даромъ разсказа, Г. П. Данилевскій въ эти мемуары, вѣроятно, занесъ не мало любопытныхъ литературныхъ портретовъ и живыхъ сценъ. За мѣсяць до своей смерти, покойный передалъ въ редакцію «Историческаго Вѣстника» свои интересныя воспоминанія о поэтѣ-сатирикѣ Щербинѣ, которыя напечатаны въ настоящей книжкѣ, къ сожалѣнію, одновременно съ некрологомъ безвременно и въ полномъ развитіи своего таланта угасшаго писателя.

МЕСТЬ КАРБОНАРИЕВЪ

(LA SAVELLI)

РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ВТОРОЙ ИМПЕРІИ ВО ФРАНЦІИ

ЖИЛЬБЕРА ОГЮСТЭНА-ТЬЕРРИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1891

МІСЦЬ ВАРЬОНАРІВЪ

(LA ZAVELD)

ГОМАРЪ НАВЪ ВРЕМЕНЪ ВТОРОУ КИПЕРИ ВО ДРАНИИ

ЖИЛБЕРА ОЮСТОНА-ТЪРЯИ

ИПНОЖЕНІЯ ПОТОРНОРОКОУ ВЪДІИ

1836

С-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФИЯ С. С. СМОЛДИНА. ЗЕТЯРЪ ИЮНЬ. 18

ПРОЛОГЪ.

Белла.

БЫЛЪ ТЕПЛЫЙ, апрѣльскій, дождливый вечеръ. Смеркалось. Сырымъ туманомъ окутывался Лондонъ.

Въ этомъ году—1854—въ Англии была ранняя весна; всѣ сады рано зазеленѣли; вся страна утопала въ лучахъ солнца, та страна, въ которой, какъ гласить одинъ старинный мадригалъ, «такъ зелены луга, такъ золотисты кудри, такъ нѣжны голубыя очи, такъ прекрасна улыбка розовыхъ устъ». На большихъ часахъ позолоченной Вестминтерской башни пробило семь часовъ. Оживленіе рабочаго дня стало стихать. Шумный, оживленный кварталъ св. Павла точно погружался въ дремоту; банкиръ улицы Флитъ запиралъ контору, довольный тѣмъ, что наконецъ попадетъ къ себѣ домой; на Страндѣ зажглись фонари, отъ Нау-Market до Oxford Road, подъ огнями газовыхъ рожковъ, заискрились и засіяли выставленныя въ окнахъ роскошныя издѣлія ювелировъ и серебряныхъ магазиновъ. Еще немного и Сень-Джемскій паркъ превратился въ притонъ для бродягъ, проводящихъ ночь подъ открытымъ небомъ, а его зеленыя лужайки—въ ложе любви для бездомныхъ ирландокъ.

Смеркалось. Былъ темный апрѣльскій вечеръ.

На Regent-Street, влѣво къ цирку, на сѣромъ фонѣ сумерекъ, выдавался ярко освѣщенный ресторанъ Ардити, итальянскій ресторанъ, съ хорошей репутаціей. По обыкновенію, отдѣльные ка-

бинеты были заняты влюбленными парочками, «fast people» — сжигателями жизни, «swells» или мамзелями отъ Пимлико. Всѣ они пировали и предавались дебошу, но чисто по-англійски — стыдливо и чопорно: больше бутылокъ, чѣмъ поцѣлуевъ. Такова ужъ «british respectability!»...

Въ тотъ вечеръ, однако, въ этомъ домѣ слышались не одни грубыя слова пьяницъ или нѣжные эпитеты влюбленныхъ. Въ первомъ этажѣ ресторана, въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ отдѣльныхъ кабинетовъ, за столомъ, сидѣли молча двое мрачныхъ съ виду мужчинъ. Одному изъ нихъ могло быть лѣтъ около сорока, — плотный, высокій, съ длинными темными волосами и густой бородой, дурно, бѣдно одѣтый. По его отрепанному виду его можно было принять за какого-нибудь учителя словесности или концертирующаго артиста, которыхъ такъ много отовсюду стекается въ Лондонъ — городъ, гдѣ толкаться по чужимъ переднимъ совѣмъ не такъ легко, и гдѣ каждый поданный кусокъ хлѣба становится поперекъ горла. Въ эту минуту, онъ съ жадностью глоталъ супъ изъ бычачьяго хвоста, ветчину, ростбифъ — всѣ эти лакомые куски англійской кухни — и запивалъ ихъ пивомъ и рейнвейномъ.

Другой, почти старикъ, только смотрѣлъ какъ этотъ накидывался на свою добычу, самъ же почти не дотрогивался ни до чего. По внѣшности это былъ настоящій джэнтельмэнъ, лысый, съ бахромой сѣдыхъ волосъ вокругъ лысины, тщательно выбритый, безукоризненно одѣтый. Весь въ черномъ, въ бѣломъ галстукѣ, онъ былъ похожъ на старшаго архидіакона, занятаго вмѣстѣ съ другими спасеньемъ душъ. Но блескъ его карихъ глазъ, бронзовый цвѣтъ лица, обиліе жестовъ, выдавали въ немъ иностранца.

— Per Vasso! — тяжело вздохнувъ, проговорилъ его длинноволосый компаньонъ... — Che pranzo... Oh veramente stupenda...

— Будьте осторожны, Марино, — прервалъ его собесѣдникъ, — лакей, который намъ служить, итальянецъ; будемъ лучше говорить по-французски.

Оборванецъ кивнулъ головой и, не переставая ѣсть, спросилъ:

— Значить серьезный разговоръ, ваше сіятельство?

— Да, мой другъ, весьма серьезный.

— Ebbene!.. будемъ говорить по-французски, хотя это жаргонъ гнусливый, полуварварскій, съ дурнымъ запахомъ — какъ выразился о немъ совершенно вѣрно нашъ великій Альфѣри!.. Боже мой, какъ я здѣсь хорошо себя чувствую! Кухня достойна Апиція, вина — воспѣлъ бы самъ Горацій. А, кромѣ того, — продолжалъ онъ, понизивъ голосъ, — здѣсь нѣтъ сыщиковъ, шпионовъ, всѣхъ этихъ полицейскихъ ужасовъ господина Бонапарта. Ужъ этотъ Бонапартъ!

И онъ усердно затѣкалъ вилкою по тарелкѣ, — очевидно, его желудокъ дѣлалъ запасы на завтра.

— Имѣете ли вы какія-нибудь вѣсти отъ представителей «Молодой Италіи?»,—вдругъ спросилъ старикъ, тотъ самый, котораго Марино величалъ «ваше сіятельство».

Онъ проговорилъ эти слова тономъ ненависти и презрѣнія.

— Никакихъ!— было отвѣтомъ.— Упорное молчанье, значить большіе замыслы.

— Или вѣрнѣе—отступничество отъ вѣры, младенецъ!

— Что вы, ваше—ство.

— Читаете ли вы когда-нибудь, молодежь, швейцарскіе и нѣмецкіе журналы. Нѣтъ... Такъ вотъ вашъ Мазини взялся за перо. Правда, онъ пересталъ занимать деньги, зато нагло эксплуатируетъ чужія мысли—новая варіація его бандитства. Теперь этотъ знаменитый Іосифъ пишетъ—но что пишетъ—о Боже! какія пошлыя рѣчи! Свобода во имя Христа! Освобожденіе по Евангелію! Джоберти въ плохомъ видѣ, господинъ «Пророкъ идеи»! Конечно, Ватиканъ поспѣшитъ дать ему благословеніе: «быть по сему!»... Повторяю, это ничто иное, какъ грубое отступничество отъ вѣры.

Марино выпрямился и обиженнымъ тономъ проговорилъ:

— Ренегать? Онъ-то, освободитель Рима! Славный защитникъ его!

— А что же я по вашему?—воскликнулъ сіятельный старикъ, вставъ изъ-за стола и бросивъ салфетку? Развѣ я не былъ при осадѣ Рима! Я—членъ вашего конституціоннаго собранія и солдатъ Италіи? Но я не говорилъ рѣчей—я дрался. Враги, французы Бонапарта, подняли меня на баррикадѣ Портезе, истекающаго кровью, прострѣленнаго!

— О, безъ сомнѣнья, вы были настоящимъ героемъ,—замѣтилъ Марино, стараясь успокоить его гнѣвъ,—античнымъ героемъ, Колеесомъ, богомъ Марсомъ, рыцаремъ достойнымъ Капитолія!

— Ошибаетесь, любезный другъ, мазинисты меня не признаютъ, должно быть, я ни на что не годный, подлый трусъ, измѣнникъ! Я знаю, что именно такое слово было сказано... Неблагодарная отчизна!...

— Неблагодарная... всѣ отчизны одинаково неблагодарны... Помните, какъ поетъ несравненная Паста: «Dolce ingrata patria». Неблагодарныя и все же дорогія сердцу!

Глубокое молчаніе воцарилось послѣ цитированья этой достославной каватины, и «рыцарь достойный Капитолія» улегся на диванъ.

— Скажите же, наконецъ, да или нѣтъ,—обратился онъ снова съ вопросомъ,—получили ли вы какія-нибудь извѣстія?

Марино подошелъ къ нему и произнесъ съ таинственнымъ видомъ:

— Да—получилъ...—Помните ли вы человѣка, который служилъ подѣ вашимъ начальствомъ въ Легіонѣ Красныхъ? Большой

смѣльчакъ... нѣкто... Піанори?... Да, нѣтъ, впрочемъ, клянусь, я ничего, ничего не знаю!..

Въ это время раздавался гнусливый, протяжный голосъ газетчика: «Вечернія газеты! Важныя телеграммы изъ Франці!»

Почти одновременно съ Regent-Street сталъ доноситься глухой гулъ толпы.

Голосъ газетчика раздавался попрежнему: «Гнусное покушеніе на жизнь императора французовъ!»

Оба итальянца переглянулись. Его сіятельство бросился къ звонку. Вошелъ гарсонъ.

— Живо—пошлите купить мнѣ газету!

Человѣкъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ номеромъ «Evening Star» въ рукахъ.

Старикъ разложилъ передъ собою газету и сталъ читать вслухъ: «Вечернія телеграммы. Парижъ 5 часовъ вечера. Сегодня, въ Елисейскихъ поляхъ, нѣкто, по имени Піанори, произвелъ покушеніе на жизнь императора Французовъ нѣсколькими выстрѣлами изъ пистолета. Выстрѣлы не попали въ Наполеона. Убійца опасно раненый, едва не разорванный на части толпою, находится въ рукахъ правосудія».

Никакихъ другихъ подробностей; затѣмъ подъ телеграммой изъ Франці множество телеграммъ изъ Италіи.

Старикъ продолжалъ читать:

«Неаполь, 10 часовъ утра. Вчера вечеромъ, въ театрѣ San-Carlo, состоялось первое представленіе новаго балета: «Женщины и Цѣпты». Театръ былъ полонъ. Восторженный пріемъ публикою. Танцовщицъ вызывали по семи разъ».

Газета выпала у него изъ рукъ и бывший членъ римскаго конституціоннаго собранія тяжело опустился въ кресло. У него омрачилось чело точно подъ впечатлѣніемъ какого-то отчаяннаго позора; на глазахъ заблестали слезы и онъ пробормоталъ глухимъ голосомъ.

— Опять эшафотъ!.. Опять наша кровь... Мы страдаемъ, мучимся, а эта подлая Италія поетъ, пляшетъ и занимается любовью: putta! Нація позора! если ты такова, такъ пропадай же!

И онъ ударилъ кулакомъ по столу:

— Что касается меня — довольно! довольно вѣчнаго изгнанія, довольно скитанья по свѣту, довольно этой жизни дикаго звѣря, котораго травятъ всѣ полиціи!.. Прекрасно, господа представители «молодой Италіи», вы относитесь съ презрѣніемъ къ моимъ сѣдинамъ! Прекрасно! Отнынѣ эти сѣдины не будутъ больше преклоняться передъ вами! Finita la comedia! Я возвращенъ свободѣ!

— Какой свободѣ?—спросилъ Марино съ дѣланной улыбкой.

— Свободѣ быть тѣмъ, что я есть, и быть себѣ господиномъ!

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ, волнуясь все болѣе и болѣе отъ своихъ собственныхъ словъ.

— Это дѣло рѣшенное... Завтра я пишу кардиналу, государственному секретарю. Я знавалъ прежде Антонелли, и...

— Какъ? Вы хотите писать этому человѣку?

— Ему именно. Я буду просить помилованія — я увѣренъ въ прощеніи. Чортъ возьми! Я хочу быть похожимъ на другихъ: *O Romagnuoli tornati in bastardi!*

Онъ закурилъ сигару и снова растянулся на диванѣ. Поднявъ глаза къ потолку, слѣдя за кольцами дыма, онъ продолжалъ:

— Наконецъ, я увижу тебя Равенна, родная страна! и тебя, мой дворецъ въ *Porta Serrata*, такъ давно мною покинутый! И прекрасно! довольная Италія утопаетъ въ веселіи! Ликуютъ! Пускай же веселится! У нея нѣтъ ни политики, ни сердечныхъ увлеченій, ни печали, но есть оргія наслажденій, непрерывный маскарадъ, вѣчная масляница безъ поста... А кромѣ того, я усталъ отъ своего одиночества — и я не прочь испытать супружескаго счастья.

— Какъ, вы собираетесь жениться? — тихо вздохнулъ Марино, пересѣвъ къ дивану. — Вы забываете ваши шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ.

Старикъ слегка поднялъ голову:

— Шестьдесятъ и три года, господинъ музыкантъ, я это знаю — я и мечтаю о бракѣ, который бы совпадалъ съ моими иллюзіями, о бракѣ во вкусѣ моей родины! За моими поисками невѣсты я отправлюсь за кулисы къ примадоннамъ «*San Carlo*» или обрацусь къ какой-нибудь звѣздѣ изъ балеринъ «*Scala*».

— Вы, конечно, шутите.

— Ничуть, его сіятельство никогда не шутить.

— А портреты вашихъ предковъ, великихъ патріотовъ, умершихъ за честь, которые будутъ смотрѣть на васъ въ вашемъ дворцѣ и день и ночь!

Однимъ прыжкомъ старикъ выпрямился во весь ростъ; блѣдный, онъ подошелъ къ окну и распахнулъ его изо всей силы — видно было, что онъ задыхался отъ гнѣва. Марино направился за нимъ и облокотился на перилъ балкона.

На улицѣ, передъ рестораномъ, собралась толпа. Играли бродячіе музыканты; двѣ скрипки отчаянно пилили, фальшивила арфа, подъ аккомпаниментъ пѣла пѣвица «*brindisi*»: изъ *Травиаты* — «*Libiamo ne lieti calici*» — эту избитую банальную вещь.

— Красивый тѣмбръ голоса! — замѣтилъ Марино, — жаль, что безъ всякой методы... О, еслибы я ей давалъ уроки!..

— Эй ты, красавица — *piccolo!* позволь старикъ... На тебѣ шиллингъ — на, лови... а теперь иди сюда, къ намъ... Спой намъ какую-нибудь пѣсенку!

Женщина подняла голову, допѣла свою бравурную арію и скрылась въ воротахъ дома; черезъ нѣсколько минутъ она показалась въ дверяхъ обѣденнаго зала ресторана.

Что это была за красавица! молодая, стройная, съ бронзоватымъ отливомъ кожи итальянокъ, съ большими черными глазами, съ роскошными черными, блестящими косами, которыми обмотана была вся ея голова. Золотая булавка придерживала ихъ. Черты лица ея своею правильностью напоминали трансверскихъ красавицъ, которыхъ съумѣлъ сдѣлать божественными божественный геній Санціо. Она была странно одѣта, въ костюмъ изъ комической оперы, который бросался въ глаза: красная юбка Фенеллы — купленная, вѣроятно, по случаю при распродажѣ театрального тряпья въ театрѣ Covent-garden. Къ корсажу былъ припиленъ букетъ искусственнаго шиповника.

Площадная дива остановилась среди комнаты, наглымъ взглядомъ окинула обоихъ мужчинъ, улыбаясь и показывая приэтомъ свои жемчужные зубы, быстро перенесла взоръ своихъ бархатныхъ очей на господина въ черномъ.

— Вотъ я и пришла... Что же вамъ спѣть?.. «La santa Lucia?» Но у васъ нѣтъ фортепіано, чтобы мнѣ аккомпанировать?

Его сіятельство надѣлъ *rinse-nez* и, разсмотрѣвъ ее съ видомъ знатока, замѣтилъ:

— Къ сожалѣнію, нѣтъ... А ты говоришь по-французски, милашка?..

— Еще бы! Мой отецъ былъ профессоромъ въ Марсели.

— Ты родилась во Франціи?

— Нѣтъ, въ Римѣ, въ Борго.

— Дочь профессора?.. Каково! Значить, маленькая ученая?

— Да, я все знаю... Знаю даже, какъ не знать то, чего не слѣдуетъ знать...

И она размѣялась, размѣялись и оба мужчины. Его сіятельство указалъ на букетъ шиповника на ея груди и прибавилъ:

— Значить менѣ дикая, чѣмъ эта эмблема?

— А главное гораздо менѣ поблекшая!—отвѣтила она, весело улыбаясь.

— Отдай мнѣ твой букетъ, красотка.

— Ни за что... Это мой талисманъ.

— Противъ дурного глаза?

— Да хоть бы и такъ... вашъ-то не особенно хорошъ... Нѣтъ, я просто люблю эти цвѣточки за то, что мой отецъ ихъ любилъ.

— Вотъ это мило! Да здравствуетъ чувство! Какъ тебя зовутъ?

— Белла.

— Это твое боевое имя... Но другое, настоящее, христіанское?

Пѣвица повела плечами.

— Христіанское!—проговорила она.

— Чортъ возьми! Папистка и вольнодумная. Рѣдкое сочетаніе!

Белла была въ нерѣшимости, затѣмъ, подумавъ, проговорила серьезнымъ тономъ:

— Я вижу—вы сами итальянцы... Такъ знайте же—меня зовутъ Розина Савелли?

Она проговорила это съ гордостью, точно она повѣдала имъ, что она Малибранъ или Фальконъ. Безъ сомнѣнья, она рассчитывала на «эффектъ» и эффектъ удался вполнѣ.

— Савелли?—повторилъ его сіятельство.— Я зналъ одного Савелли при осадѣ Рима, Сципіона Савелли, онъ сражался подъ моимъ начальствомъ и былъ раненъ при бастионѣ св. Панкратія. Храбрый былъ человѣкъ...

— Это былъ мой отецъ.

— Вашъ отецъ?.. Позвольте... Савелли? Вы пробуждаете во мнѣ тяжелыя воспоминанія... Это имя внесено въ число мучениковъ за святую свободу! Савелли, кажется, одна изъ жертвъ Бонапарта?..

Женщина разомъ поблѣднѣла, глаза ея засверкали и она съ трудомъ проговорила:

— Они его дважды растрѣливали... Это былъ мой отецъ.

— Дважды растрѣливали! Подлецы! Но гдѣ же, при какихъ условіяхъ?

— Въ Провансѣ. Послѣ государственнаго переворота—во время большого возстанія на Югѣ.

— Догадываюсь... Нѣсколько вожаковъ «Молодой Италіи» присоединились къ республиканцамъ Франціи и погибли героями... Все та же безразсудная мечта... Безуміе!

— Можетъ быть, безуміе, но великое, достойное! Мой отецъ командовалъ въ Варѣ отрядомъ инсургентовъ... О да, мой отецъ былъ отважный, храбрый человѣкъ... страстный поклонникъ свободы, его сердце пылало за его дорогую Италію, за нашу многострадальную отчизну! Какъ онъ ненавидѣлъ глубоко этого Бонапарта, громителя Рима, этого покровителя папы и духовенства... Онъ зналъ прежде этого человѣка, который былъ такимъ же карбонаромъ, какъ и онъ самъ, они оба служили одной идеи, въ одномъ легіонѣ... Ренегатъ! Савелли рѣшилъ сражаться... При первомъ ударѣ въ набатъ, онъ покинулъ Марсель, учениковъ, друзей, и присоединился къ партіи. Благородное сердце... Онъ былъ взятъ на баррикады и былъ поставленъ подъ цѣлый рядъ ружейныхъ выстрѣловъ. Дикіе звѣри эти солдаты! Но его смертный часъ еще не насталъ—онъ не былъ убитъ... Весь прострѣленный, онъ еще дышалъ... его бросили въ лазаретный фургонъ, перевязали раны... Вы, можетъ быть, думаете изъ челоѣколюбія? Человѣческія чувства у дикихъ звѣрей! Вы не можете себѣ представить, что это были за люди, ихъ «смѣшанныя комиссіи» и ихъ прокуроръ Бенардъ, тотъ ужасный Бенардъ, «бѣлый мясникъ» какъ его звали! Каналья!.. По приказанію этого Бенарда, моего отца, умирающаго, притащили въ военный совѣтъ. Онъ едва дышалъ, изъ ранъ его

струилась кровь!.. Мерзавцы, мерзавцы!.. Онъ былъ приговоренъ... и вотъ тогда... эти разбойники разстрѣляли его вторично! Да, канальи!

Разсказъ свой она сопровождала самыми страстными жестами, криками, итальянскими возгласами. Она вся изнемогала отъ дикой ненависти, глаза ея горѣли, кулаки были сжаты. Когда она замолкла, сіятельный старецъ, все время молчаливо слѣдившій за ней, наконецъ, проговорилъ:

— Подлецы!.. Но вы, его дочь, что сдѣлали вы, чтобы отомстить за его смерть?

— Я?—съ отчаяньемъ воскликнула она,—я была учительницею въ Марсели. Меня выгнали какъ паршивую собаку... и я смирилась...

— И это все?.. Немного...

— Что дѣлать!..

— И теперь, бѣдняжка, ты таскаешься по улицамъ, зарабатывая себѣ гроши?

— Я такъ была голодна!

Она вся дрожала и снова замолкла... А онъ продолжалъ ее разглядывать во всѣхъ подробностяхъ.

— Несчастный Савелли!—проговорилъ онъ, вставая.

Розина вдругъ остановилась передъ нимъ и, въ свою очередь обращаясь къ нему на «ты», сказала:

— Послушай... Мнѣ 22 года, и я хороша собой — хочешь ты отомстить за смерть моего отца—и я принадлежу тебѣ—принадлежу тебѣ тѣломъ и душою.

Старикъ вздрогнулъ.

— Милости просимъ ко мнѣ,—проговорилъ онъ.

— Когда?

— Завтра.

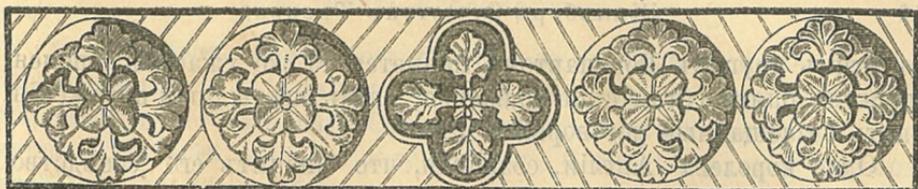
— Улица?

— Пиккадили, № 3.

— Какъ спросить?

— Князя Гвидо де-Карпенья.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Правосудіе.

ОТЪ, кто царствовалъ въ это время во Франціи, назывался Наполеономъ.

Ниже своего положенія, весь подъ гнѣтомъ своего имени, теперь, изъ глубины своей могилы, властвующій надъ нашими теперешними властелинами минуты, этими живыми убогими, этотъ императоръ въ былыя времена достойный имперіи, уже 18 лѣтъ принадлежитъ исторіи.

И что же—исторія, для всѣхъ долженствующая быть безпристрастнымъ судьей, приговоромъ вѣчной совѣсти, для него она только поношеніе, только оскорбленіе. Ненависть его враговъ разразилась надъ его памятью; она поглотила его цѣликомъ, она неумолима столько же, сколько прежде была боязлива. А онъ, точно замученная, обиженная многострадальная душа изъ какой-нибудь народной легенды витаешь надъ этимъ самымъ Парижемъ, надъ всѣми городами и деревнями Франціи, которую онъ оставилъ въ такомъ цвѣтущемъ и благоустроенномъ состояніи, и требуетъ себѣ правосудія.

Въ то время его считали великимъ.

Возведенному на тронъ общественнымъ преступленіемъ ему простилось, быть можетъ, это преступленіе за то, что онъ былъ признанъ цѣлымъ народомъ. Этотъ племянникъ «великаго человека» могъ считать себя почти за равнаго ему. У него было счастье императорскаго генія, и—какъ полагали—смѣлость этого генія!..

И дѣйствительно, многіе изъ государей Европы боялись его... Наполеонъ! Какъ страшно звучало для нихъ это имя. Неужели и

съ этимъ другимъ Бонапартомъ начнется та же ужасная эпопея, неужели опять гигантскія сраженія, опять постыдныя пораженія, опять беспощадные договоры?

Одна королева Англїи, сознавая, что значить его сосѣдство, поспѣшила сдѣлать ему визитъ. Но еще болѣе, чѣмъ для старыхъ монархій, онъ былъ грозенъ молодой революціи, которую онъ на первыхъ же порахъ хотѣлъ укротить.

Укротить такого звѣря, пожирателя 1848 года!

О, какъ ненавидѣли этого Бонапарта всѣ тѣ, для кого февраль явился зарею свободы, которую декабрь снова погрузилъ въ мрачную ночь.

Отверженные націи, бездомные народы, обездоленные родиною, бродяги по свѣту: венгерцы, итальянцы, въ особенности эти послѣдніе вѣчно содрогающіеся при созерцаніи «своего гнѣзда печали!» Они не могли забыть, что Луи-Наполеонъ былъ въ заговорѣ съ ними, что онъ принадлежалъ къ ихъ тайнымъ обществамъ и клялся имъ, что отнынѣ «Италія будетъ итальянскою». И для перваго акта своего могущества, ренегатъ вздумалъ штурмовать Римъ, Римъ освобожденный отъ папъ; осуществилась мечта его братьевъ по присягѣ.

И вдругъ онъ поддерживаетъ духовенство, ставитъ гарнизонъ и смѣетъ распоряжаться этою святынею. Святотатство!... Во-первыхъ въ то время всѣ итальянскія сердца были проникнуты слѣдующимъ политическимъ догматомъ: республика необходима Франціи, чтобы быть полезной Италіи. О, еслибы могъ исчезнуть этотъ тиранъ, Луи-Бонапартъ, какъ бы земля Ріенцевъ страхнула безчестіе съ своихъ сыновъ, и какая любовь соединила бы навсегда этихъ сестеръ-націй!... Увы! Эта республика, о которой ты, Италія, такъ мечтала, наконецъ, на насъ обрушилась. Что ты теперь о ней думаешь, сестра-нація?... О чемъ теперь мечтаешь? На что рассчитываешь?

Но Франція лелѣяла тогда своего Наполеона, этого кесаря, котораго она, наконецъ, обрѣла. Она уже успѣла ему все простить, «декабрскую западню», «разстрѣливаніе на бульварѣ Bonne-Nouvelle» «смѣшанныя комиссіи», «административныя высылки тысячей невинныхъ и даже изгнаніе самыхъ великихъ изгнанниковъ». Она любила его... она такъ боялась другихъ!

Какъ во дни VIII года, католики считали его за орудіе, избранное карающимъ Провидѣніемъ, за существо избранное для дѣяній гнѣва, за Кесаря, которому суждено искоренить зло, за возстановителя царства Божія... Они вѣрили и самъ папа желалъ быть крестнымъ отцомъ сына этого другого Наполеона, этого царственнаго ребенка съ большими голубыми глазами полными мысли и горькихъ слезъ...

Въ соборахъ молебны, въ замкахъ—да здравствуетъ императоръ!...

Можетъ быть, менѣе восторженно, но не безъ меньшаго увлеченія отнеслась къ нему торговая буржуазія, по природѣ недо-вѣрчивая и все хулящая. Отнынѣ нечего бояться социализма, говорила она себѣ, нечего предупреждать банкротства, или сдерживать мятежи, красный призракъ исчезъ въ лучахъ императорскаго величія... И въ дворцахъ банкировъ, и въ канурахъ бѣдныхъ лавочниковъ прозвучало «да здравствуетъ императоръ!»

Что касается до черни—у нея въ ухахъ все еще раздавались канонады прошлаго и побѣдоносные залпы, отъ которыхъ она вся еще трепетала.

Ну-ка, мужичекъ, посмотри-ка ты на литографіи маленькаго капрала, а ты, рабочій, полюбуйся колонной—и «да здравствуетъ императоръ»!

«Да здравствуетъ императоръ!» съ восторгомъ прокричало поколѣніе того времени—бывшій возгласъ Аустерлица и Гены—воплъ «великой націи»...

Она считала себя счастливой... Сколько было иллюзіи счастья!... О дни, какъ будто близкіе и уже столь далекіе, недавнее событіе, превратившееся почти въ легендарное, когда пушка Инвалидовъ разносила по свѣту такія имена какъ Альма, Малаховъ, Маджента, Сольферино, когда армія Франціи дважды прошла черезъ опьяненный Парижъ съ лавровыми вѣтвями на штыкахъ ружей, когда всѣ правители земли стремились въ Елисейскій дворецъ—этотъ отель королей! Когда для удивленной Европы императоръ французовъ не назывался иначе какъ императоръ!...

Счастливые дни славы, которая замѣняла нашимъ сердцамъ свободу—вернетесь ли вы снова когда-нибудь?... Нѣтъ, слишкомъ много ненависти смѣнило эту слишкомъ сильную любовь—и наша святая гордость пролила слишкомъ много слезъ! Свершилось нѣчто непоправимое... Но неужели наше отчаянье послѣ нашего послѣдняго пораженія уничтожило въ конецъ нашу память, неужели Седанъ—пропасть, которая поглотила даже воспоминаніе о нашемъ величіи!... О Франція, Франція, дочь старой Галліи, нація «*Vae Victis*»! Нація неумолимая къ своимъ побѣжденнымъ!

II.

Императорскія среды.

Въ этотъ вечеръ, 24-го ноября 1856 года, весь фасадъ Тюльерійскаго дворца сіялъ огнями. На Карусельской площади рядами стояли кареты, онѣ въѣзжали за рѣшетку, чередовались у подъѣзда и то и дѣло подвозили дамъ въ бальныхъ туалетахъ и кавалеровъ въ мундирахъ. Во дворцѣ былъ балъ, первый балъ зимняго сезона.

Онъ не существуетъ болѣе этотъ Тюльерійскій дворець. Съ перваго часа своей судорожной агоніи коммуна 1871 приговорила его къ разрушенію и ни одинъ изъ ея огней веселья не доставилъ этой безумной поджигательницѣ столько наслажденія. Дурачье! Неужели они могли думать, что, разрушивъ нѣсколько камней, которые говорили о прежнемъ величїи, они могутъ уничтожить само великое прошлое? Долго стояли эти унылыя развалины—стѣны, этотъ провалившійся куполь, точно возставая противъ междоусобной войны,—теперь нѣтъ даже этихъ развалинъ—*etiam regere*. Въ пустомъ пространствѣ, открывающемся взору съ площади Каруселей, вѣчно чудится мрачный призракъ исчезнушаго прошлаго, но это только смутное воспоминаніе, которое блѣднѣетъ съ каждымъ днемъ...

А вотъ близится и новое столѣтіе, которому нѣтъ дѣла до нашихъ утратъ—дѣти наши посмотрятъ съ удивленьемъ на того, кто имъ скажетъ: «Тутъ былъ дворець, въ которомъ жили короли». Забыто все, такъ скоро забыто... Забвеніе—вотъ настоящая могила челоуѣчества!..

Автору этого разсказа случалось въ былое время бывать въ старомъ царскомъ жилищѣ—онъ видѣлъ его послѣднихъ хозяевъ; да будетъ позволено ему вызвать ихъ тѣни.

Подъ куполомъ, направо, была широкая, каменная лѣстница, прямая, по которой не легко было подниматься—монументальная лѣстница. Въ дни пріемовъ она была освѣщена подфакельниками, на каждой ступенькѣ стоялъ неподвижный колоссъ-гренадеръ въ блестящей стальной кирасѣ. На верху, въ первой передней, камергеръ въ красномъ встрѣчалъ приглашенныхъ. Затѣмъ вы попадали въ *Galerie des Fêtes*, она вся была изъ бѣлой деревянной рѣзьбы съ золотомъ, явная имитація Версальской галлерей, роскошная постройка короля Луи-Филиппа. Никакихъ картинъ тамъ не было, кромѣ одного портрета Наполеона III на конѣ, довольно любопытная картина Ораса Верне, занимающая все среднее панно. Вдоль стѣнъ въ два ряда стояли скамейки, на которыхъ дамы и дѣвицы разсаживались съ своими пышными кринолинами, а въ одномъ изъ угловъ стояли пюпитры «маленькаго оркестра», большой оркестръ Штрауса помѣщался въ залѣ маршаловъ. Хрустальные люстры, подфакельники аплике, разливали массу свѣта на всю эту рѣзьбу золота, и зеркала, блескъ мундировъ, переливы атласовъ и драгоценныхъ камней, придавали императорскому празднику по истинѣ волшебный видъ.

Въ концѣ галлерей празднествъ (*galerie des fêtes*) громадная арка, украшенная яркимъ краснымъ бархатомъ, вела въ залъ маршаловъ. Этотъ залъ, чудо архитектуры, былъ квадратный—и вышиною доходилъ до самаго центрального купола. Гигантскія каріатиды изъ бѣлаго мрамора поддерживали своды; портреты во

весь ростъ маршаловъ первой имперіи украшали боковыя галлерей.

Видъ былъ внушительный и производилъ впечатлѣніе царственнаго величія. На возвышеніи, подъ пурпуровымъ, съ золотыми пчелами, балдахиномъ, возвышался тронъ. Вотъ тутъ-то, во время официальныхъ вечеровъ, обыкновенно находился Наполеонъ III. Около 10 часовъ онъ выходилъ изъ внутреннихъ покоевъ; тогда открывался балъ и начинались представленія императрицъ. Въ 12 часовъ Наполеонъ обходилъ галерею празднествъ и возвращался во внутренніе апартаменты дворца.

И такъ, въ этотъ вечеръ, въ одну изъ средь официального приѣма, въ Тюльери былъ балъ. Масса народа толпилась въ императорскихъ залахъ, балъ былъ въ полномъ разгарѣ, когда показался виконтъ Марсель Бенардъ, который только-что пріѣхалъ изъ клуба. Это былъ молодой человекъ лѣтъ двадцати восьми, красивый, высокій, темноволосый, съ карими энергичными глазами, съ гордою осанкою. Его манеры и нѣсколько вызывающая осанка обличали въ немъ моднаго кавалера; длинные тонкіе усы, бородака à l'impériale, пророборъ черезъ всю голову, съ гладко причесанными висками напередъ, однимъ словомъ «gandin» въ полномъ смыслѣ, по выраженію того времени. Стройный, прекрасно сложенный, онъ былъ въ красивой формѣ аудитора государственнаго совѣта: на немъ былъ голубой фракъ съ вышитыми рукавами и отворотами, бѣлые панталоны, справа шпага, подъ мышкою шляпа съ черными перьями.

Гордо закинувъ голову, съ моноклемъ въ глазу, небрежно покачиваясь—признакъ высшаго тона—волоча лѣниво ноги въ своихъ башмакахъ съ пряжками, виконтъ вошелъ. Окинувъ взглядомъ присутствующихъ въ первой галлерей, которые задыхались отъ жары, онъ сдѣлалъ презрительную мину и быстро направился въ залъ маршаловъ.

Ему пришлось остановиться на порогѣ: пройти не было никакой возможности, въ нѣсколько рядовъ стояли дамы и мужчины. Какъ разъ въ это время императоръ танцевалъ кадрили и всѣ стремились, со всѣхъ сторонъ, посмотрѣть на соло императора въ пятой фигурѣ. Марселю Бенарду пришлось вернуться въ галерею, гдѣ онъ и сѣлъ недовольный, не въ духѣ.

Передъ нимъ кружилась масса танцующихъ, но все это были люди изъ чиновнаго міра. По этикету двора, въ залѣ маршаловъ могли веселиться только высокопоставленныя особы, иностранные послы, министры, заслуженные генералы, сенаторы, члены государственнаго совѣта. Что касается до людей съ болѣе скромнымъ положеніемъ, въ ихъ распоряженіе была предоставлена галерея празднествъ. Тутъ появились префекты, ихъ помощники, директора департаментовъ, разные начальники отдѣленій, комисары, полков-

ники и цѣлая армія густыхъ и маленькихъ эполетъ, тутъ же были и почтенные члены магистратовъ, гордящіеся своими черными бархатными костюмами, нѣсколько членовъ французскаго Института во фракахъ съ зелеными вѣтками пальмъ, вызывавшихъ шушуканье и насмѣшки со стороны гренадеровъ и вольтижеровъ гвардіи.

Марсель Бенардъ смотрѣлъ на всю эту толчею съ тоскою человѣка привычнаго къ великолѣпію императорскихъ вечеровъ.

— Привѣтъ самому изъ милѣйшихъ виконтовъ!—проговорилъ около него молодой человѣкъ въ мундирѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Марсель оглянулся.

— А! это ты, Гравенуаръ! — воскликнулъ онъ. — Какъ поживаешь? Какова толкотня!

— Болѣе тысячи приглашеній, какъ видно весь цвѣтъ имперіи: каковъ букетъ!... Какъ здоровье графа Бенарда?

— Моего отца?... Гораздо лучше. Онъ уже вернулся и принялся за работу въ государственномъ совѣтѣ.

— Очень радъ слышать такія вѣсти. Чтò съ нимъ было, скажи на милость?

— Нервное разстройство. Доктора въ такихъ болѣзняхъ ничего не понимаютъ. Но теперь, слава Богу, все обошлось и онъ совсѣмъ здоровъ.

— Ты одинъ?

— Совсѣмъ одинъ, со скукою.

— Мадемуазель Мари-Анны нѣтъ съ тобой?

Марсель Бенардъ пожалъ плечами.

— Нѣтъ, моя сестра осталась съ отцомъ... Она вѣдь никогда не выѣзжаетъ.

Онъ всталъ; они оба попробовали сдѣлать нѣсколько шаговъ въ толпѣ.

— Гдѣ ты охотился эту осень?—спросилъ начинающій дипломатъ.

— Въ Нормандіи, въ моемъ маленькомъ замкѣ Сассевиль.

— Въ какомъ мѣстѣ?

— Въ Нижней Сенѣ, около Фекань. Это собственность, которую я получилъ въ наслѣдство отъ матери.

— Хорошее помѣстье?

— По моему—идеальное, потому, что мнѣ принадлежитъ... Это еще кто? Гравенуаръ, взгляни-ка...

Молодая красивая женщина сидѣла въ креслѣ, окруженная цѣлою шумною толпою поклонниковъ. Она была замѣчательно хороша: брюнетка, съ большими голубыми глазами, съ роскошными плечами и шеей, вся изящная, стройная. Ея черные волосы, съ фестонами на лбу, по модѣ того времени, были заплетены въ длинныя косы «repentirs», которыя обрамляли овалъ ея лица. Въ этихъ

косахъ единственнымъ украшеніемъ была гирлянда шиповника, усѣянная брилліантами, на груди былъ такой же букетъ.

Лѣниво покаясь въ креслѣ, эта красавица почти закрывала своихъ сосѣдей своимъ пышнымъ платьемъ изъ желтаго атласа съ тремя черными кружевными воланами. Въ ея довольно полной рукѣ былъ большой вѣеръ изъ марабу, которымъ она усердно махала, всячески имъ кокетничая, то запирая, то открывая его. Поклонники всѣхъ возрастовъ, и старые и молодые, окружали ее, любезничали съ ней, увивались около нея, каждый разсчитывая на успѣхъ.

Очевидно, ее все это забавляло, эту удивительную женщину. При всякой болѣе свободной шуткѣ она конфузилась, откидывалась назадъ, раскрывала вѣеръ, пряталась за него, и только ея большіе глаза лукаво выглядывали изъ-за него и весело смѣялись.

При этихъ движеніяхъ нѣги и разсчитанной сдержанности, красавица, откидываясь, показывала свою ножку и даже часть чулка; тогда проносился шопоть восторга, послѣ котораго сейчасъ же поправлялись нескромныя юбки.

— Скажи на милость, что это за красавица?—спросилъ аудиторъ своего пріятеля.

Гравенуаръ удивленно посмотрѣлъ на него.

— Да ты ее конечно знаешь... Это Розина.

— Какая Розина?

— Жаль мнѣ тебя, милый другъ! Неужели ты записался въ монахи?... Эта красавица теперь въ славѣ... Розина... княгиня де-Карпеня.

Марсель разсмѣялся.

— Не слыхалъ... Странная фамилія... Вѣроятно изъ квартала Бреда?

— Ничуть!... Самая настоящая княгиня!... Эти Карпеня принадлежатъ къ древнему роду Романьи. У Данте въ «Чистилищѣ» «Божественной комедіи» есть цѣлый стихъ посвященный имъ. А она сама, говорятъ, урожденная графиня д'А-Прата, тоже древній родъ Равенны, но тутъ не берусь утверждать. Чтò бы тамъ ни было, я былъ ей представленъ въ прошломъ году въ Венеціи. Она занимала палатцу на Большомъ каналѣ, принимала у себя избранное общество и жила весьма открыто.

Марсель издали изучалъ молодую женщину.

— Чрезвычайно хороша, дѣйствительно! Но что за странный туалетъ! Розовые цвѣты на желтомъ атласномъ платьѣ... Иностранка, сейчасъ видно.

— Истая парижанка, эта прелестная Розина!.. всегда готовая на всевозможное обѣщаніе и никогда на исполненіе ихъ.

— Ба! что за фантазія одѣваться въ австрійскіе цвѣта?

— Можетъ быть, она ихъ носить въ честь своего уважаемаго

супруга, стараго заговорщика, въ настоящее время покаившагося и находящагося въ милости у сильныхъ міра.

— Такъ существуетъ и мужъ?

— Еще бы! только онъ невидимъ; говорятъ, что они ненавидятъ другъ друга и живутъ врозь.

— Въ такомъ случаѣ, представь меня ей, пожалуйста.

— Ловелась!

И они направились къ княгинѣ де-Карпенья.

— Мосье Гравенуаръ!—воскликнула г-жа де-Карпенья, увидя молодого атташе,—васъ совсѣмъ не видно съ нѣкоторыхъ поръ, вы совсѣмъ пропали.

Молодой человекъ проговорилъ нѣсколько банальныхъ фразъ въ отвѣтъ.

— А я теперь поселилась въ Пасси, — продолжала молодая женщина...—въ моемъ монастырѣ въ Rue des Jardins и...

— Не разрѣшите ли мнѣ поступить настоятелемъ въ вашу монастырь, княгиня.

— Ни даже ключаремъ, фатишка вы этакой! Но я съ удовольствіемъ вижу у себя друзей, которые не прочь отъ такого дальняго путешествія къ святымъ мѣстамъ...

— Княгиня, позвольте вамъ представить моего пріятеля, викарета Бенарда, — проговорилъ Гравенуаръ.

Рука, державшая вѣеръ, сдѣлала быстрое движеніе, по блѣдному лицу итальянки разлилась яркая краска.

— Мосье Марсель Бенардъ? — спросила она серьезнымъ тономъ,—можетъ быть, въ родствѣ съ графомъ Брутомъ Бенардомъ?

— Это мой отецъ.

— Вотъ какъ! бывший генераль-прокуроръ?

— Онъ самый.

— Вашъ отецъ?

Голубые глаза устремились на нѣсколько секундъ на молодого аудитора, затѣмъ молодая женщина, все еще продолжавшая на него смотрѣть, протянула ему руку.

— Друзья моихъ друзей—мои друзья. Прошу васъ, садитесь, виконтъ.

Она говорила правильнымъ французскимъ языкомъ, съ едва замѣтнымъ итальянскимъ акцентомъ, голосъ у нея былъ чрезвычайно звучный, мягкій. Говоря, она улыбалась, показывая свои перламутровые зубы.

Прерванный на время разговоръ продолжался. Говорились всевозможныя пошлости, любезности, иногда не совсѣмъ благозвучные намеки, всякія двусмысленности, банальности. Старый баронъ Ла-Шене «каммергеръ-депутатъ» шестидесятилѣтній волокита съ навощенными усами, плѣшивый, гордящійся своей плѣшью

à la Mognu, громче всѣхъ болталъ какой-то вздоръ, полный цинизма и глупости. Молодая женщина слушала, возражала, забавлялась.

Но вотъ раздались первые аккорды вальса Штрауса «Morgenblätter».

— Княгиня, смѣю ли я просить васъ на туръ вальса?—спросилъ виконтъ Бернардъ.

Она сейчасъ же поднялась съ своего мѣста.

— Я не особенно люблю танцы, но для сына графа Бенарда у меня ни въ чемъ не можетъ быть отказа.

— Берегитесь! Онъ всего отъ васъ потребуеть!—воскликнулъ графъ Ла-Шене.

— Когда же и быть смѣлымъ, какъ не въ его годы!—замѣтила весело красавица.

Ея отвѣтъ привелъ всѣхъ въ восторгъ.

Она слегка оперлась на руку молодого человѣка, усталая, полная нѣги, она легкимъ, непрерывнымъ, страстнымъ пожатіемъ прижимала его къ себѣ...

Онъ, смущенный, опьяненный ея близостью, весь въ упоеніи страсти, молча увлекалъ ее за собою черезъ толпу, боясь прервать прелесть нервнаго возбужденія, которую онъ испытывалъ отъ ея близости.

— И такъ, повторила она, вы сынъ графа Брута Бенарда, бывшаго генераль-прокурора?

— Въ настоящее время онъ членъ государственнаго совѣта. Совершенно вѣрно, княгиня. Вы знакомы съ моимъ отцомъ?

— О, нѣтъ! Не лично... Я знаю его только по имени—онъ вѣдь слава французской имперіи, — и, продолжая въ томъ же тонѣ льстивой напыщенности, она прибавила: — Должно быть, не легко поддерживать честь такого имени!

Марсель поклонился и, взявъ за талью молодую женщину, увлекъ ее въ вихрь вальса. Она вальсировала, крѣпко прижавшись къ нему, съ закрытыми глазами, слегка касаясь повременамъ щекою его лица, отдаваясь его объятіямъ.

Но вотъ они остановились, оркестръ кончилъ. Капельмейстеръ ударилъ трижды по пюпитру и всѣ инструменты мѣдные и струнные разомъ грянули «гимнъ» королевы Гортанзіи. На порогѣ галереи празднествъ показалась высокая фигура оберъ-камергера герцога де-Бассано, который возвѣстилъ:

«Императоръ!»

— Что случилось?—спросила удивленная княгиня де-Карпенья.

— Императоръ идетъ!—отвѣтилъ Марсель,—онъ обходитъ галерею празднествъ передъ уходомъ во внутренніе апартаменты.

Рѣзкимъ движеніемъ она освободилась изъ рукъ Марселя, которыя ее держали. Она разомъ преобразилась; исчезла ея нѣжность взгляда, не осталось слѣда отъ нѣги, которой за минуту было полно

всѣ ея существо, глаза ея блестяли, и легкая дрожь пробѣжала по ея лицу.

— Императоръ!—воскликнула она,—о, прошу васъ подойдемте ближе.

Въ галлерей танцующіе уже выстроились въ два ряда—всѣ толкались, чтобы лучше видѣть.

Съ помощью своего кавалера, княгиня де-Карпенья пробралась въ первый рядъ. Оркестръ молчалъ, глухой шопотъ слышался отовсюду—медленно двигалось императорское шествіе.

Во главѣ шли офицеры императорской гвардіи въ кирасахъ съ чернью, въ стальныхъ каскахъ съ бѣлыми султанами, за ними флигель-адъютанты въ голубыхъ фракахъ съ серебрянными аксельбантами, церемоніе-мастера въ лиловыхъ мундирахъ, штальмейстеры двора—въ зеленыхъ съ золотомъ, цвѣта Бонапарта, оберъ-камергеръ въ красномъ и, наконецъ, самъ императоръ.

Наполеонъ III былъ въ формѣ дивизионнаго генерала съ большой лентой Почетнаго Легіона. Онъ шелъ, слегка покачиваясь, таща ноги съ напряженіемъ всего тѣла; онъ казался не въ духѣ, съ отпечаткомъ скуки на лицѣ; своими безжизненными глазами онъ смотрѣлъ на эту колыхавшуюся толпу.

На ходу, совершенно машинально, онъ подымалъ правую руку къ усамъ и крутилъ ихъ. По временамъ, если онъ замѣчалъ въ толпѣ кого-нибудь изъ знакомыхъ ему должностныхъ лицъ, онъ на мгновенье оживлялся, подходилъ, говорилъ нѣсколько милостивыхъ словъ, былъ чрезвычайно любезенъ, милъ.

Онъ проходилъ... Въ эту самую минуту княгиня де-Карпенья, вытянувъ голову, чтобы лучше видѣть, неловкимъ движеніемъ выронила изъ рукъ вѣеръ и испуганно вскрикнула.

Наполеонъ остановился, нагнулся, поднялъ вѣеръ. Тогда молодая женщина храбро подошла къ нему и протянула за вѣеромъ руку. Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ они смотрѣли другъ на друга. Она молча разсматривала его, конфузясь и краснѣя.

Императоръ поклонился и направился дальше.

На лицѣ его теперь появилась улыбка, онъ еще больше сталъ раскачиваться, еще больше теребить себя за усы. Черезъ нѣсколько шаговъ, замѣтивъ оберъ-камергера, онъ сдѣлалъ ему знакъ, тотъ наклонился къ нему, императоръ сказалъ ему нѣсколько словъ тихо.

Черезъ полчаса Наполеонъ III былъ въ своихъ внутреннихъ покояхъ.

III.

Результатъ одного двустишія.

— Что за прелесть вашъ императоръ!—объявила молодая женщина, сдѣлавшаяся вдругъ наивною, простушкою...—Любезный, милый!.. Людовикъ XIV нашелъ себѣ достойнаго въ немъ преемника... Очарователенъ вашъ императоръ!

Она снова подхватила своего кавалера подъ руку, и, гуляя съ нимъ по залу, кокетничала и весело болтала.

— Какой чудный балъ, мосье Бенардъ! Я видала много придворныхъ баловъ въ Италиі! Но какъ же сравнить наши жалкія *festicuole* съ великолѣпіемъ вашего двора. Наши праздники такіе ничтожные, жалкіе, нищіе, настоящіе *lazzaroni*! Ахъ! что за праздникъ! что за балъ!

— Вы совсѣмъ поселились въ Парижѣ, княгиня?—спросилъ Марсель.

— По крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Я обожаю вашъ Парижъ.

— А парижанъ?

— Парижанъ? Они слишкомъ опасны для такой одинокой, беззащитной, какъ я.

Она говорила все это нѣжнымъ, мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ, рука ея все сильнѣе и сильнѣе опиралась на Марсея, она все крѣпче и крѣпче прижимала его къ себѣ, полная нѣги и страсти.

Разговаривая такимъ образомъ, они дошли до зала, гдѣ былъ накрытъ ужинъ—ужинъ стоя.

Тутъ была страшная толкотня,—офицеры и разные чиновники осаждали буфетъ, пролагая себѣ дорогу локтями и налету хватая какой-нибудь кусокъ или стаканъ шампанскаго—вѣчная исторія—часть, когда въ человѣкѣ сказывается звѣрь.

— Какіе ваши пріемные дни, княгиня?—спросилъ Марсель, который призадумался надъ послѣдними словами, что она одинока и беззащитна.

— Субботы—но вамъ я буду рада во всякій день. О! еслибы я могла...

Она не докончила фразы и быстрымъ движеніемъ повернула назадъ:

— Ради Бога, въ ту сторону,—проговорила она.—Уйдемте отъ него... Онъ такой злой...

И она испуганно указала на господина, который, сидя на диванѣ, вель оживленный разговоръ. Это былъ старикъ, въ элегантномъ, придворномъ костюмѣ французскаго двора, съ кружевнымъ жабо и при шпагѣ.

— Кто это злой? — спросилъ Марсель насмѣшливо... — Господинъ, который тамъ сидитъ, этотъ плѣшивый дѣдушка? Чудесный черепъ, на конкурсѣ плѣшивыхъ самому Ла-Шене пришлось бы уступить ему пальму первенства.

Онъ поправилъ свой монокль и, разсматривая его довольно нахально, продолжалъ:

— Это просто какой-то церковный староста, вашъ крокодилъ, онъ по меньшей мѣрѣ діаконъ, его преосвященство только безъ лиловыхъ чулокъ—и вы его боитесь—какъ можно!

— Онъ очень злой!— снова повторила она, тономъ испуганной дѣвочки—казалось, какъ будто она дѣйствительно боялась его.

Марсель сдѣлалъ крюкъ, чтобы избѣжать этого старика, но старикъ уже всталъ и, продолжая разговаривать, слѣдомъ шелъ за ними.

Имъ пришлось остановиться.

— Я страшно голодна,—проговорила она,—попробуйте обратиться въ буфетъ.

Не безъ труда провелъ Марсель свою даму черезъ толпу и, устроивъ ее около накрытаго стола, самъ всталъ сзади, для охраны ея.

Среди шума толпы раздался голосъ, который заставилъ его обернуться:

— Кто сегодня «чичисбей» прекрасной Розины?

— Мнѣ только-что его назвали... Нѣкто Бенардъ.

— Родственникъ члена совѣта?

— Кажется, что да.

Наступило молчаніе, а затѣмъ тотъ же голосъ продолжалъ съ насмѣшкою.

— Того самаго, котораго такъ жестоко пробралъ поэтъ:

Le procureur Berand, Brutus de poistille

Fils de bourreau, bourreau par vertu de famille.

Марсель быстро обернулся и очутился лицомъ къ лицу съ господиномъ, «похожимъ, по его словамъ, на его преосвященство», который въ свою очередь безцеремонно разсматривалъ его.

— Плохіе стихи,—обратился къ нему молодой человекъ... и мнѣ кажется, милостивый государь, васъ слѣдуетъ поучить стихотворству!... Я—сынъ Врута Бенарда... Потрудитесь меня подождать... Я долженъ съ вами поговорить.

Тотъ усмѣхнулся.

— Къ вашимъ услугамъ... Вы меня найдете... Надѣюсь не здѣсь? Въ залѣ Аполлона.

Во время этого объясненія, княгиня не шевельнулась и продолжала спокойно кушать. Слышала ли она что или нѣтъ? Когда она встала, Марсель подалъ ей руку и проводилъ до ея мѣста.

Возвращеніе княгини было всеми радостно встрѣчено, Ла-Шене, Гравенуаръ и другіе ожидали ее, снова образовался кружокъ, снова началась та же болтовня, тѣ же любезности, тѣ же плоскости. Камергеръ Ла-Шене, съ видомъ побѣдителя пригладивъ себѣ виски и наклоняясь къ плечу княгини, проговорилъ:

— Обольстительница! Похитительница сердець, слишкомъ умѣлая мастерица играть вѣеромъ — каковъ успѣхъ! — Если бы вы хотѣли...

— Что—если бы я хотѣла?—спросила она, смотря на него опять своимъ вызывающимъ и вмѣстѣ наивнымъ взглядомъ.

Онъ еще ближе нагнулся къ ней и что-то шепнулъ ей на ухо.

Молодая женщина откинулась назадъ и разсмѣялась.

— Какъ вамъ не стыдно! шутникъ вы этакой... Такая худышка, какъ я!.. Глупости!

— Что онъ сказалъ?—поинтересовался узнать Гравенуаръ.

— Ничего особеннаго—отвѣтила она,—милый вздоръ!

И показывая на перекрещенные ключи на его красномъ камергерскомъ мундирѣ, она добавила:

— Онъ бы желалъ открыть мнѣ все комнаты этого дворца!.. *Che pazzo!!*.

Между тѣмъ Марсель, проводивъ свою даму, отправился къ назначенному мѣсту свиданья.

Далекое отъ галлерей празднествъ, зало Аполлона въ этотъ поздній часъ было почти пусто. Незвѣстный, вытянувшись въ креслѣ, одинъ, уже ожидалъ его. Молодой человекъ придвинулъ стулъ, сѣлъ около него и, обращаясь къ человеку, который его оскорбилъ—сказалъ:

— Я сынъ графа Брута Бенарда, вы оскорбили моего отца!

Тотъ поправилъ кружево своего жабо и, улыбаясь, проговорилъ спокойнымъ, невозмутимымъ голосомъ:

— Оскорбилъ вашего отца, молодой человекъ? Увы! Онъ не изъ тѣхъ, которыхъ можно оскорбить...

Марсель сорвалъ перчатку съ лѣвой руки.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Прокуроръ Бенардъ,—продолжалъ невозмутимымъ тономъ этотъ незвѣстный господинъ,—бывшій поставщикъ «смѣшанныхъ комиссій» совершалъ страшныя звѣрства.

Молодой человекъ всталъ, угрожая.

— Вы лжете!—мой отецъ исполнялъ всегда только свой долгъ!

— Даже,—продолжалъ незвѣстный,—даже тогда, когда разстрѣливалъ по два раза, какъ напимѣръ, Савелли?.. Вашъ отецъ?

— Подлецъ!—Марсель перчаткой хлеснулъ его по лицу.

Незвѣстный, получившій пощечину, выпрямился во весь ростъ.

— Завтра я васъ убью.

Сынъ генераль-прокурора пожалъ плечами:

— Гороховый шутъ!—Ваше имя?

— Вотъ моя карточка.

Марсель Бенардъ схватилъ и прочиталъ съ удивленіемъ: князь де-Карпенья.

Въ галлерей празднествъ, вокругъ интересной Розины все еще увивались ея поклонники, всѣ наперерывъ забавляли красавицу. Ла-Шене и Гревенуаръ были заѣзжими. Марсель поспѣшилъ къ нимъ присоединиться.

IV.

Графъ Брутъ.

Имя графа Брута Бенарда было одно изъ самыхъ извѣстныхъ именъ блестящей эпохи временъ имперіи: онъ былъ сынъ Жозефа Бенарда, друга Сіеяса и близкій человѣкъ Мальмэзона, того самаго, который игралъ такую роль въ подготовленіи 18-го Брюмера.

Всякому извѣстна политическая дѣятельность этого выдающагося юриста, бывшаго однимъ изъ редакторовъ кодекса Камбасереса 1793 г., члена конституціоннаго собранія и конвента, члена совѣта пятисотъ, трибунала консервативнаго сената и графомъ имперіи,—словомъ, истое дѣтище революціи; но что не всѣмъ извѣстно—это любопытныя подробности его частной жизни и въ особенности тайна его смерти.

И дѣйствительно, въ «Gazette Nationale» и «Moniteur Universel» отъ 16-го іюня 1810 г. можно прочесть слѣдующее антрфиле, подписанное буквою С., т. е. самимъ Сово (Sauvo)—звѣздой того времени.

«Мы только-что узнали, что вчера днемъ скончался графъ Бенардъ, членъ консервативнаго сената и высочайшаго императорскаго двора, одинъ изъ командоровъ ордена Почетнаго Легіона, канцлеръ шестой когорты. Ничто не заставляло предполагать такую раннюю смерть—ни годы, ни здоровье этого неумоимаго дѣятеля. Графъ Бенардъ скончался отъ аневризма. Всѣ, кто въ состояніи оцѣнить качества этого великаго человѣка добра, присоединятся къ сочувствію, выраженному его вдовѣ его королевскимъ и императорскимъ величествомъ императоромъ и королемъ. Графъ Бенардъ оставилъ сына, который является наслѣдникомъ и преемникомъ его добродѣтелей».

Рядомъ съ этимъ читаемъ въ «Indiscret», въ этомъ роялистскомъ памфлетѣ, который редактировался Фошъ-Борелемъ—чудакомъ, котораго Людовикъ XVIII называлъ «мой маленькій Фошъ» (2-е изданіе, Лондонъ 1811, безъ означенія типографіи), слѣдующую своеобразную замѣтку:

«Бенардъ (Луи-Жозефъ), по прозванью графъ Бенардъ, онъ же «Citoyen la Vertu» родился въ округѣ Амонъ (Франшъ—Конте) въ 1750 г., скончался въ Парижѣ въ 1810 г. Для біографіи этого дѣятеля потребовался бы цѣлый томъ, для характеристики же его, какъ человѣка, достаточно одного слова: подлець!»

Луи-Жозефъ Бенардъ былъ священникомъ въ епархіи Безансона, когда разразилась революція. Депутатъ духовенства своего округа въ Etats généraux 1789 года съ первыхъ же дней узурпаціи Собранія, выдававшяго себя за «Конституціонное собраніе», является самымъ яркимъ ревнителемъ раскола конституціонной церкви: самъ папа Григорій былъ менѣе свирѣпъ. Позднѣе, какъ членъ конвента, во дни безумія и крови, онъ возсѣдалъ и въ Монтанѣ, вотировалъ смерть своего короля, поклонялся богинѣ разума и ввелъ гильотину на вѣчныя времена, за что получилъ прозвище «Добродѣтели» (Vertu). Къ этому же времени, онъ довершаетъ всю подлость своей политической дѣятельности торжественнымъ отступничествомъ отъ своего духовнаго сана. Этотъ разстрига влюбляется въ пѣвицу театра Фаваръ, знаменитую Флорину и публично соединяется брачными узами съ этой закулисной нимфой. Гобель, Сіейсъ, Шабо, такіе же священники и ренегаты, какъ онъ, приходятъ въ восторгъ отъ его поступка. О времена! О нравы!..

18-го Брюмера, «Добродѣтель» членъ совѣта пятисотъ и отвратительный фруктидористъ предлагаетъ свои постыдныя услуги Бонапарту. Корсиканецъ, конечно, не отказывается отъ такого сообщника. Бенардъ дѣлается трибуномъ и скоро въ награду за его угодилисть, ему предлагаютъ кресло въ сенатѣ. Такимъ образомъ бывшій санюлотъ надѣваетъ шелковые штаны и «Добродѣтель» превращается въ графа, а бывшая нимфа Флорина получаетъ маленькую скамеечку при дворѣ. Но Богъ не безъ милости...

15-го іюня 1810 года разнеслась вѣсть, что имперскій сенаторъ скоропостижно скончался. Крупный скандалъ; несчастный лишилъ себя жизни, будучи не въ силахъ выносить долге поведенія своей жены.

Еще одинъ изъ нашихъ якобинцевъ предсталъ на судъ Божій. Они опочіютъ отъ своихъ дѣлъ, а дѣянья преслѣдуютъ ихъ.

Жозефъ Бенардъ оставилъ сына... Бѣдный «ребенокъ!»

А этотъ сынъ, провозглашенный въ газетѣ имперіи, «прямымъ наслѣдникомъ добродѣтелей отца», а роялистскимъ органомъ сквернословія названный «бѣднымъ ребенкомъ» и является въ 1856 году графомъ Бенардомъ, членомъ государственнаго совѣта и командоромъ императорскаго ордена Почетнаго Легіона.

Звали его Брутомъ, онъ родился 5-го фримера III года, крестнымъ отцомъ его былъ Лаканаль, тоже въ своемъ родѣ «Добродѣтель».

Молодость его была трудовая, и онъ провелъ ее въ жестокой

борьбѣ съ жизнью. Мать его, женщина не порядочная, безнравственная, умерла въ первые годы реставраціи, оставивъ его безъ всякихъ средствъ. Въ эти времена дикой реакціи, въ эти дни бѣлаго террора и превотальныхъ судовъ, сынъ цареубійцы чувствовалъ всю тяжесть имени своего отца; но изъ гордости онъ рѣшился нести это бремя. Старому дворянству—всѣмъ этимъ герцогамъ и маркизамъ, вернувшимся изъ эмиграціи, онъ преподнесъ какъ вызовъ свой титулъ: графъ Брутъ Бенардъ. Его осмѣяли, и это отозвалось на его характерѣ—онъ сдѣлался мрачнымъ... угрюмымъ... А между тѣмъ, этотъ ярый бонапартистъ былъ бы какъ нельзя болѣе на мѣстѣ среди святошь «мірской конгрегаціи» и другихъ участниковъ «Креста миссіи». Онъ никогда не былъ причастенъ къ «продажнымъ» карбонаріямъ, онъ никогда не кричалъ: «долгой іезуитовъ!» до такой степени всѣ его вкусы влекли его къ «черному человѣку». Все это потому, что душа его была полна страннаго мистицизма, онъ вѣровалъ, вѣровалъ страстно. Священникъ Іосифъ Бенардъ, отвергшій Христа, произвелъ на свѣтъ христианина!

Записавшись въ адвокаты Парижа, онъ рано приобрѣлъ блестящую репутацію. Тридцати двухъ лѣтъ его приравнивали къ Дюпэну, къ Одилону Барро, къ Ше д'Есть-Анжъ, только онъ былъ гораздо бѣднѣе, чѣмъ эти защитники бѣдняковъ. Но теперь этотъ либераль не охотно защищалъ либераловъ, и къ мученичеству какого-нибудь Поль-Луи или Беранже онъ относился холодно, съ презрѣніемъ. Безчинства въ палатѣ, уличное волненіе, глухой гулъ какого-нибудь подготовляющагося возмущенія, не нравились ему. Изъ всей революціи онъ любилъ только ея разрушителя Наполеона.

Министры, рожденные отъ «Trois Glorieuses», превратили его въ члены магистрата. Брутъ Бенардъ былъ назначенъ прокуроромъ Сенскаго суда. Затѣмъ онъ быстро пошелъ въ гору, въ нѣсколько лѣтъ онъ переодѣвался въ черную тогу, въ красное одѣяніе и въ горностаевую эпитрахиль.

Это былъ неутомимый прокуроръ, вѣчно на чеку. Отличный юристъ, краснорѣчивый ораторъ, строгій, неподкупный, славящійся независимостью характера, онъ былъ грозный обвинитель. Въ этомъ сынѣ священника изъ конвента, соединился террористъ съ инквизиторомъ. Католикъ, полный фанатизма, онъ относился къ врагамъ своего Бога какъ къ своимъ личнымъ врагамъ. Быть можетъ, сынъ желалъ искупить собою атеизмъ отца; быть можетъ, онъ надѣялся, что облегчить страданія бѣдной души въ чистилищѣ своими богоугодными дѣлами. Неумолимый къ слабостямъ другихъ, потому что самъ былъ безъ слабостей, этотъ усердный преслѣдователь людей имѣлъ такое же холодное стальное сердце, какъ остріе гильотины, про которую онъ, однажды, публично сказалъ въ одномъ засѣданіи уголовного суда, что въ ней «послѣдняя

нравственная сила Франці!»—«Оправданіе преступника, по его любимому выраженію, есть осужденіе судьи!» Правители 1848 года застають генераль-прокурора Бенарда въ судѣ въ Э, и, несмотря на его вызывающее положеніе, они не рѣшаются его прибрать къ рукамъ; въ декабрѣ 1851 года онъ еще занимаетъ то же мѣсто.

Какимъ крикомъ радости этотъ мистикъ встрѣтилъ извѣстіе о государственномъ переворотѣ! Какъ онъ былъ счастливъ, что наконецъ задушили республику—это проклятое, по его словамъ, чудовище. Въ это время на югѣ начались волненія, въ департаментахъ Вара и устьевъ Роны были возстанія. Итальянскіе эмигранты присоединялись къ мятежникамъ: космополитская революція пыталась счастье. Виновники беспорядковъ были привлечены къ строгой отвѣтственности—всѣхъ ихъ генераль-прокуроръ привлекъ къ суду и тутъ противъ нихъ онъ выступилъ съ свирѣпымъ краснорѣчіемъ. Благодаря ему ямы Ламбессы и болота Гвіаны заселялись сосланными, и, какъ говорили въ то время, онъ основалъ колоніи на кладбищахъ. Что касается до инсургентовъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, онъ ихъ отправлялъ въ военные совѣты—это значило заранѣе приговорить ихъ къ смерти.

Многихъ прогоняли сквозь строй ружейныхъ выстрѣловъ, а одного несчастнаго итальянца, котораго пули перваго взвода только ранили, разстрѣляли вторично.

Въ этомъ печальномъ дѣлѣ генераль-прокуроръ самъ собиралъ всѣ нужныя свѣдѣнія и настойчиво требовалъ послѣдней пытки. Руки Брута Бенарда были дѣйствительно заляпнаны кровью несчастнаго Савелли...

Зато усмиренные 1851 года ненавидѣли безсердечнаго поставщика жертвъ эшафота: «вонъ идетъ бѣлый мясникъ!» говорилъ народъ въ Э, когда на официальныхъ молебнахъ появлялся блѣдный старикъ въ красномъ одѣяніи.

Столько усердія должно было быть вознаграждено; въ день новаго 1854 года, генераль-прокуроръ «смѣшанныхъ комиссій», былъ сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта.

Министры новой имперіи, вѣроятно, рассчитывали найти въ немъ потворщика себѣ—но они жестоко ошиблись и очень скоро узнали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло.

Вскорѣ послѣ этого назначенія, въ государственномъ совѣтѣ разсматривались статуты одного финансоваго общества, предпріятія довольно нечистаго,—приходилось учредить одну монополію. Одно высокопоставленное лицо, свой человекъ въ Тюльери, развращенный и развращавшій другихъ, тайкомъ проводилъ этотъ проектъ; было ясно, что онъ получилъ за него взятку.

Давленіе правительства было сильное, и недоумѣвающий совѣтъ тѣмъ не менѣе собирался уже вотировать дѣло, какъ вдругъ поднялся съ своего мѣста Бенардъ:

— За мной 24 года судебной практики,—проговорилъ онъ,— скажу вамъ, что до сего дня я не вѣрилъ въ возможность публичнаго мошенничества.

— Милостивый государь,—возразилъ ему президентъ Барошъ,— никогда еще собраніе не слыхало ничего подобнаго.

— Въ такомъ случаѣ пускай оно это услышитъ сегодня,—сказалъ графъ, продолжая свою рѣчь.

Проектъ концессіи не прошелъ.

Обозленный такимъ исходомъ дѣла, «свой человекъ» въ Тюльери, отправился съ жалобой къ императору, который призвалъ къ себѣ слишкомъ смѣлаго нравоучителя.

Въ защиту себѣ Бенардъ сказалъ только нѣсколько словъ:

— Вашему величеству было угодно назначить меня въ совѣтъ вѣроятно для совѣта, а не для того только, чтобы я всѣмъ восхитался.

Затѣмъ, когда разговоръ сдѣлался болѣе общимъ, онъ прибавилъ еще:

— Богъ прощаетъ преступленіе, когда оно необходимо; когда же оно бесполезно, это преступленіе становится вдвойнѣ преступнымъ.

Быть можетъ, говоря это, онъ имѣлъ въ виду событіе 2-го декабря, а можетъ быть и свою собственную исторію—казнь Савелли.

Наполеонъ улыбнулся, покрутилъ усы, и молча согласился съ нимъ.

Съ этого дня, графъ Брутъ Бенардъ очутился въ большой милости у своего мрачнаго повелителя, съ этого же дня министры возимѣли скрытую ненависть къ этому непрощенному учителю.

Въ то время графъ Брутъ Бенардъ былъ уже старикомъ,—высокій, сѣдой, сгорбленный, съ длинными волосами, откинутыми назадъ, съ черными глазами полными огня. Онъ былъ давно вдовцемъ и жилъ съ дѣтьми—сыномъ Марселемъ и дочерью Марією-Анною въ маленькомъ отелѣ въ Avenue Breteuil, полученномъ его покойною женою въ приданное, и вотъ въ немъ-то онъ теперь отдыхалъ отъ всѣхъ волненій и тревогъ его прежней жизни. Все свое содержаніе, какъ члена совѣта, онъ дѣлилъ ежегодно на три части: одну часть онъ жертвовалъ обществу St. Vincent-de-Paul, въ которомъ онъ состоялъ членомъ, другую посылалъ, какъ милостыню отъ неизвѣстнаго, для раздачи неимущимъ семьямъ преступниковъ, которыхъ онъ нѣкогда преслѣдовалъ и казнилъ, третью—около 8 тысячъ франковъ онъ тратилъ на себя. Выдѣливъ дѣтямъ увеличенное состояніе ихъ матери, онъ отказался жить въ первомъ этажѣ дома и поселился самъ на верху. Все его помѣщеніе состояло изъ двухъ комнатъ; въ первой комнатѣ, низкой, похожей на келью, стояла его желѣзная кровать, нѣсколько соломенныхъ стульевъ, вышитое кресло, наложъ для моленья, съ янсенистскимъ изображеніемъ Христа—и затѣмъ, скромная гостиная, которая служила

ему бібліотекою. Тутъ опять стояло Распятіе, была масса книгъ, и рояль, на которомъ играла его дочь въ зимніе вечера. Въ силу ли смиренія, или въ силу какого-нибудь обѣта, этотъ добровольный схимникъ велъ самую скромную и воздержную жизнь, но онъ гордился своимъ униженіемъ. У сына его «виконта» Донъ-Жуана и постоянного посѣтителя Café Anglais былъ и лакей и карета, а у него на весь домъ была одна прислуга, старуха Филомена, настоящая домоправительница сельскаго священника.

Дни этого члена государственнаго совѣта проходили въ непрерывномъ трудѣ. Каждый день лѣтомъ и зимою онъ вставалъ въ 5 часовъ утра и сейчасъ же принимался за свои дѣла общественнаго дѣятеля.

Въ семь часовъ онъ шелъ къ ранней обѣднѣ въ часовню св. Валеріи—эту обѣдню онъ заказывалъ «à une intention» и усердно молился, иногда точно въ экстазѣ. По возвращеніи домой, онъ снова принимался за работу, и спускался въ первый этажъ, къ дѣтямъ, только къ завтраку. Поцѣловавъ дочь, обѣдную маленькую Марію-Анну, поговоривъ нѣсколько минутъ съ сыномъ, онъ съ ними завтракалъ и затѣмъ отправлялся въ совѣтъ—на службу.

Свою служебную обязанность онъ исполнялъ со всею добросовѣстностью человѣка, который главнымъ образомъ желаетъ быть доволенъ самъ собою. Его коллеги не любили, но все его глубоко уважали. Въ законодательномъ отдѣленіи съ почтеніемъ выслушивались его мнѣнія; въ главномъ совѣтѣ восхищались его даромъ слова. Что касается до людей официальныхъ салоновъ, то на первыхъ порахъ они какъ-то боялись этого мизантропа съ монашескими замашками, но затѣмъ, очень скоро, все покинули этого страннаго человѣка, который самъ всехъ сторонился. Все приглашенія на балы, концерты, точно не доходили до него и за исключеніемъ нѣсколькихъ обязательныхъ министерскихъ обѣдовъ, онъ нигдѣ не бывалъ. Все вечера онъ проводилъ въ обществѣ своей дочери, болѣзненной слабой дѣвушки. «Начинай, моя дорогая, ты моя опера; я слушаю тебя». Онъ садился въ кресло и далеко за полночь отдыхалъ и забывался подъ звуки обаятельнаго голоса своей дочери.

За то шутки и остроты такъ и сыпались на этого необщительнаго человѣка. Весь императорскій Парижъ смѣялся надъ своеобразнымъ нравомъ «моше Брута», какъ его звали за глаза. Это страшное имя вдохновляло въ совѣтѣ молодыхъ чиновниковъ на разныя остроумныя шутки; одинъ изъ нихъ, поэтъ латинскихъ стиховъ, написалъ въ честь его эпиграмму, въ которой, впрочемъ, было больше пятистопныхъ стиховъ, чѣмъ остроумія:

«Древній Брутъ приговорилъ, однажды, своего сына къ смерти за ухаживанье за этрусскими кокотками, а ты, современный Брутъ, какъ поступишь ты съ твоимъ сыномъ?»

Шутка, конечно, довольно плоская, тѣмъ не менѣе новѣйшій Брутъ перевелъ ее и нашелъ, что она написана искусно, прекрасно. И вотъ такимъ-то образомъ, при такихъ-то условіяхъ, этотъ представитель юстиціи, весь разбитый, доживалъ свои послѣдніе дни; каждый новый день его однообразной жизни приближалъ его къ недалекой теперъ уже смерти.

V.

Слова и совѣсть.

Пробило девять часовъ, свѣтъ снѣжнаго ноябрьскаго утра освѣщаль отшельническое жилище графа Бенарда. Онъ сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, передъ каминомъ, и слушалъ свою дочь.

Въ этотъ день онъ всталъ еще болѣе угрюмымъ, чѣмъ обыкновенно, а между тѣмъ, именно въ этотъ день, 25-го ноября — 5-го фримера республиканскаго стиля, въ его семействѣ долженъ былъ праздноваться день его рожденья. Рано утромъ Марія-Анна прошла въ комнату своего отца и принесла ему корзинку осеннихъ цвѣтовъ, затѣмъ они уже вмѣстѣ стали ожидать прихода Марселя.

Поболтавъ немного, недоумѣвающая молодая дѣвушка спустилась внизъ, въ комнату брата, и быстро вернулась блѣдная, встревоженная: «Его нѣтъ... Постель его не тронута... Не случилось ли съ нимъ какое-нибудь несчастіе!...»

Старикъ пожалъ плечами, и все горе, которое давно ему причинялъ Марсель, вылилось у него въ словахъ негодованія:

— Вотъ они сыны нашей буржуазіи! Безполезные, порочные! Въ сто разъ болѣе преступные, чѣмъ развратники дворянства стараго времени,—у тѣхъ было, по крайней мѣрѣ, понятіе о чести!.. И намъ еще приходится отстаивать ихъ! О разлагающееся, приговоренное къ смерти общество!.. Дитя мое, обратимся съ молитвою къ Богу.

Дольше обыкновеннаго молился онъ это утро въ церкви св. Валеріи и въ 9 часовъ, возвратясь домой, отецъ и дочь снова прошли въ бібліотеку. Отъ Марселя не было ни письма, ни депеши.

— У меня такъ тяжело на душѣ сегодня,—началъ графъ Бенардъ.—Утѣшь меня музыкаю, дорогая моя, убаюкай мою тоску!.

У Маріи-Анны тоже глаза были полны слезъ, тѣмъ не менѣе она безпрекословно повиновалась и вотъ раздался ея звучный, чудный голосъ — у нея было чудесное меццо-сопрано. Она было выбрала себѣ нѣсколько мелодическихъ арій старыхъ французскихъ композиторовъ—Далерака, Мегюля, но отецъ остановилъ ее недовольнымъ жестомъ,—очевидно, бывшій репертуаръ Фаваръ—дивы Флорины,—не нравился ему.

— Нѣтъ, ради Бога, не это, что-нибудь другое. Спой-ка мнѣ лучше «Жалобу пряхи».

— Ту пѣсню, которую мы слышали, однажды, въ Одіернѣ?—спросила она, страшно поблѣднѣвъ.— Не знаю, помню ли я ее, боюсь, что...

— Все равно, попробуй, моя крошка. Я тебя слушаю.

Эта «Жалоба пряхи» была нѣчто въ родѣ народной баллады, на мѣстномъ нарѣчій Корнуаля, которую однажды, въ одно изъ путешествій по Бретани, Марія-Анна слышала въ Одіернѣ, у голубыхъ водъ залива, подъ шелестъ пихтъ. Ея братъ попробовалъ перевести эту балладу на французскій языкъ стихами, стихи вышли любительскіе, тяжелые, почти безъ риѣмы, тѣмъ не менѣе въ нихъ сохранилось много неподдѣльнаго, искренняго чувства.

— Неужели ты не помнишь?—спросилъ графъ Бенардъ, замѣтя нерѣшительность своей дочери.

— О нѣтъ, я помню, помню...—проговорила она взволнованнымъ голосомъ.

И она запѣла:

I.

Поеть моя пряхка и съ нею вдвоємъ
Веселую пѣсню мы вмѣстѣ поемъ.
Вы знаете ль смыслъ той пѣсни безъ словъ?
Прядемъ для невѣсты мы тонкій покровъ,
И завтра подъ этой прозрачной фатой
Я стану женою его молодой.
Отнынѣ до дней до послѣднихъ моихъ
Любить меня будетъ мой милый женихъ!
Мнѣ завтра для свадьбы покровъ этотъ надо,
Прозрачный покровъ для невѣсты наряда.
Любимаго, вѣчно любимаго друга,
Счастливая стану я завтра супруга!

II.

Поеть моя пряхка и съ нею вдвоємъ
Печальную пѣсню мы вмѣстѣ поемъ.
Что значить та грустная пѣсня безъ словъ?
Прядемъ мы для савана тонкій покровъ
И завтра подъ этой прозрачной фатой
Вкушу я послѣдній и вѣчный покой!
Ахъ! въ самый разгаръ упованій моихъ
Меня обмануть мой коварный женихъ!
Мнѣ завтра для гроба покровъ этотъ надо,
Печальный покровъ тотъ для смерти наряда.
И завтра невѣстой засну я унылой,
Въ гробу одинокомъ, подъ холодной могилой.

Графъ Бенардъ, сидя въ креслѣ, съ закрытыми глазами, молча слушалъ. Когда вырывалась какая-нибудь особенно звучная, страстная нота изъ груди его дочери, онъ открывалъ глаза, смотрѣлъ на нее и говорилъ про себя:

— Совершенно голосъ моей матери! О Боже! Боже!

Маріи-Аннѣ было 22 года. Она была дурна собою, и казалось мучилась своимъ безобразіемъ, въ лицѣ ея всегда выражалась плохо скрытая меланхолія. Круглая спина, голова безъ шеи, дѣлали ее почти горбатою; лицо худое, блѣдное, какъ полотно, голубые глаза были окружены темными кругами, безцвѣтные, безжизненные свѣтлые волосы, какіе бывають у анемичныхъ людей, были зачесаны въ гладкія бандо. Одѣвалась она просто, почти аскетически; она носила коричневое шелковое платье безъ всякой отдѣлки, на шеѣ тюлевая косынка, которая можетъ быть скрывала собою какіе-нибудь рубцы на шеѣ. Все въ этой дѣвушкѣ говорило, что она малокровна, въ высшей степени золотушна.

— Довольно, дитя мое,—прервалъ ее графъ Бенардъ, пораженный экзальтаціею молодой виртуозки...—Отчего ты такая блѣдная сегодня? Здорова ли ты?

— Такая какъ всегда, отецъ... болѣе чѣмъ всегда потому, что сегодня ваше рожденіе.

— Ты пропадаешь отъ тоски, я бы такъ желалъ, чтобы у тебя нашлись какія-нибудь развлеченія.

— Развлеченія?—повторила она съ грустью.

— Отчего ты не поѣхала вчера съ братомъ на балъ въ Тюльери?

— Ахъ, отецъ, отецъ—какъ вы жестоки!—проговорила она, вставъ и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

Эта несчастная, некрасивая, болѣзненная дѣвушка въ довершеніе всего была еще и хромая.

Старикъ бросился къ ней и, обнимая ее, воскликнулъ:

— Прости меня—прости, моя дорогая, любимая.

— Что вы, отецъ,—проговорила она весело,—если бы Господь превратилъ меня въ другую дѣвушку, въ такую какъ всѣ другія, я и тогда не перемѣнила бы своего образа жизни... въ этомъ отношеніи я совсѣмъ раздѣляю ваши взгляды и вкусы.

Въ эту минуту дверь гостиной отворилась и вошелъ Марсель.

Марсель только-что вернулся, переодѣлся, и въ перчаткахъ, со шляпою въ рукахъ, очевидно собирался опять уходить.

Молча графъ Бенардъ окинулъ его быстрымъ взглядомъ полнымъ ироніи гнѣва; затѣмъ онъ сѣлъ въ кресло, не сказавъ ни слова.

Медленными шагами Марсель подошелъ къ нему.

— Простите мнѣ, отецъ, мое невольное отсутствіе въ такой день—но я не могъ вернуться раньше... у меня сейчасъ дуэль.

Старикъ вздрогнулъ, тѣмъ не менѣе, желая казаться спокойнымъ, онъ переспросилъ:

— Дуэль, милостивый государь? Поздравляю... По какому поводу?

— Ради возстановленія моей чести... и вашей, отецъ.

— Моей чести?—графъ Бенардъ всталъ.—Моей чести?—переспросилъ онъ.—Кто же осмѣлился ее задѣть?

2p50k

